СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНѢ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЫСКАНІЕ

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

ВТОРОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОДРОБНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ВСѢХЪ СОМНИТЕЛЬНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1876.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

Луховецы	12.05.04

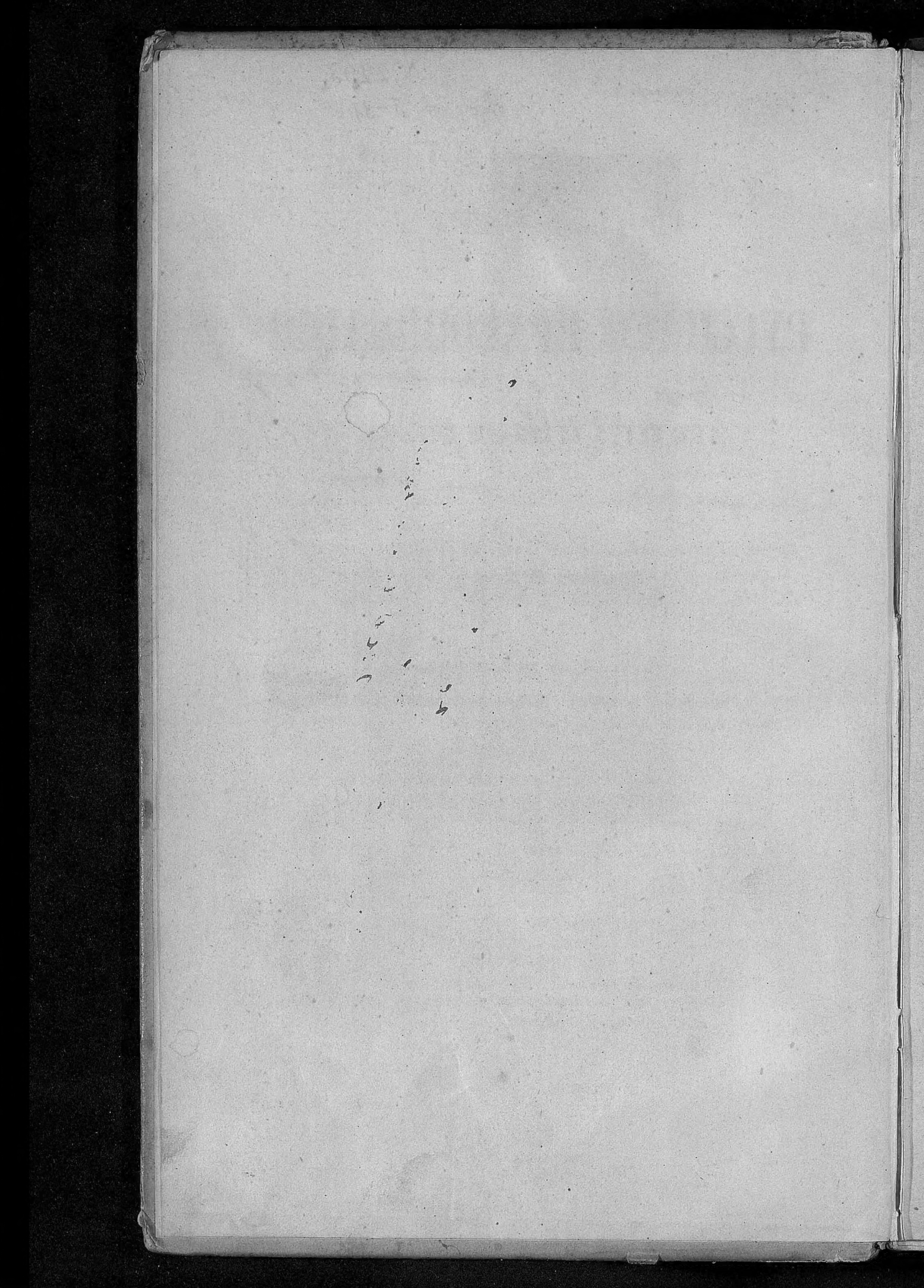
Испр. бав. до 2? VII ?

×

Графу Модесту Модестовичу Корфу

14 апреля 1876.

от автора.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

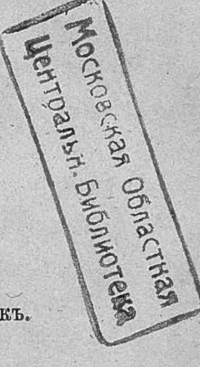
ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНѢ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЫСКАНІЕ

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

ВТОРОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОДРОБНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ВСѢХЪ СОМНИТЕЛЬНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1876.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Марта 1876 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Потребность, оказавшаяся въ новомъ изданіи *Спорныхъ вопросовъ русскаго правописанія* (Спб. 1873), подала мнѣ поводъ пересмотрѣть этотъ трудъ и переработать его по новому, болѣе обширному плану. Прежде всего пополнена мною та часть его, которая касается отношенія письма къ звукамъ рѣчи; при чемъ, согласно съ современными требованіями науки, принята въ соображеніе и физіологическая сторона предмета. По новости этого дѣла въ нашей литературѣ, здѣсь безъ сомнѣнія найдутся недостатки и промахи; пусть наши физіологи займутся наконецъ изслѣдованіемъ звуковъ родного языка: тогда лингвисты будутъ съ благодарностью пользоваться ихъ указаніями.

Переходя отъ произносимаго языка къ писанному, я сперва остановился на развитіи письма у древнихъ и новыхъ народовъ, особенно же на происхожденіи, на достоинствахъ и несовершенствахъ европейскихъ азбукъ; потомъ прослѣдилъ состояніе орфографіи у главныхъ народовъ современнаго міра, и наконецъ, выведя изъ исторіи общіе законы и условія этой отрасли практическаго языкознанія, разсмотрѣлъ собственно русское правописаніе какъ съ исторической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія.

Чтобы установить правильный взглядъ на этотъ послѣдній отдѣлъ книги, позволю себѣ повторить здѣсь то, что́ было сказано мною въ 1873 году: „Цѣль настоящаго труда заключается вовсе не въ какихъ-либо нововведеніяхъ и даже не въ окончательномъ рѣшеніи всѣхъ спорныхъ вопросовъ нашего правописанія (такая задача была

бы слишкомъ смѣла), а въ томъ только, чтобы историческимъ путемъ уяснить мыслящему читателю настоящее состоянiе русской орѳографiи и способствовать къ бóльшему единообразiю письма. Возможное приближенiе къ такому единообразiю весьма желательно не только по теоретическимъ причинамъ, но и по чисто-практическимъ соображенiямъ: ясно, какъ разнорѣчiя въ правописанiи неблагопрiятны для школы и какъ они неудобны для типографiй. Мы очень хорошо понимаемъ, что достигнуть полнаго соглашенiя въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ бóльшей части человѣческихъ дѣлъ, мало надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что всякiй безпристрастно ищущiй истины охотно воспользуется нѣкоторыми служащими къ разъясненiю ея указанiями".

Расширивъ задачу своего изслѣдованiя, я во всемъ касающемся письма держался и теперь тѣхъ же главныхъ началъ: по-прежнему, сколько могъ, избѣгалъ нововведенiй, старался только выяснять правильное или установленное давнимъ обычаемъ, отвергалъ одно положительно невѣрное или ни на чемъ не основанное, а въ случаяхъ разнообразныхъ начертанiй тщательно выбиралъ изъ нихъ лучшее. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ мнѣ приходилось поэтому становиться на сторону меньшинства. Въ двухъ-трехъ случаяхъ оказалось нужнымъ отступить отъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ въ первомъ изданiи: конечно всякiй разсудительный читатель пойметъ, что оставаться въ дѣлѣ науки неподвижнымъ можетъ только тотъ, кто не мыслитъ и не трудится.

Для удобства въ отысканiи соображенiй по всѣмъ сомнительнымъ случаямъ отсылаю читателя къ помѣщеннымъ въ концѣ книги указателямъ, особенно къ послѣднему изъ нихъ, филологическому.

СОДЕРЖАНІЕ

СПОРНЫХЪ ВОПРОСОВЪ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

ЧАСТЬ I.

ЗВУКИ.

I. Физіологія звуковъ языка. Стр. 3 — 19.

II. Анализъ звуковъ русскаго языка. Стр. 20 — 89.

ЧАСТЬ II.

ПИСЬМО И ПРАВОПИСАНІЕ.

V. Критическій обзоръ современнаго правописанія.

Заимствованныя слова и имена собственныя.

Приложенія.

Алфавитные указатели:

Языкъ проявляется двоякимъ образомъ: какъ *произносимый* (живая рѣчь) и какъ *писанный* (письмо). Каждое слово можемъ мы представлять себѣ либо такъ, какъ оно *слышится*, либо такъ, какъ *видимъ* его начертаннымъ, — иначе говоря: мы можемъ представлять себѣ каждое слово либо въ его *звукахъ*, либо въ *буквахъ*, употребляемыхъ для его изображенія на письмѣ.

А такъ какъ эти два способа представленія слова не всегда между собою согласны, такъ какъ начертаніе не всегда точно передаетъ звукъ, то разумѣется, очень важно строго различать одно отъ другого, и для правильнаго пониманія формы слова необходимо напередъ разсматривать его естественный звуковой составъ.

Между тѣмъ до послѣдняго времени не совсѣмъ ясно понимали важность такого различенія, и даже въ Германіи, которая въ успѣхахъ филологіи идетъ впереди всѣхъ другихъ странъ, одинъ изъ ученыхъ, извѣстныхъ своими трудами по теоріи звуковъ, справедливо замѣтилъ: «Взглянувъ на иную, хотя и хорошую грамматику, мы легко убѣдимся, какъ, согласно съ ея названіемъ (отъ γράφειν писать), письмо гораздо болѣе чѣмъ самый языкъ служитъ въ ней предметомъ разсмотрѣнія, и какъ изслѣдованіе звуковъ всегда до сихъ поръ заслонялось знаками ихъ, буквами. И однакожъ буква — лишь случайное изображеніе дѣйствитель-

наго звука, и видъ этого начертанія не имѣетъ ничего общаго съ сущностью самаго звука»[1].

Такимъ образомъ, желая разъяснить отношеніе между живою рѣчью и письмомъ, надобно прежде всего разобрать, изъ какихъ звуковъ состоитъ языкъ, а потомъ уже разсмотрѣть, насколько вѣрно и точно эти звуки могутъ быть изображаемы придуманными для нихъ общеупотребительными начертаніями.

Вотъ почему и предлагаемый трудъ естественно распадается на двѣ части: фонетическую (о звукахъ) и графическую (о письмѣ). Само собою разумѣется, что обѣ части не могутъ быть совершенно отдѣлены одна отъ другой; раздѣленіе это означаетъ только, что въ первой части дѣло будетъ разсматриваемо съ точки зрѣнія звуковъ, а во второй съ точки зрѣнія буквъ.

---

[1] Thausing. Das natürliche Lautsystem der menschlichen Sprache (Leipzig 1863), стр. 116.

ЧАСТЬ I.

ЗВУКИ.

I. Физіологія звуковъ языка.

Произносимый языкъ имѣетъ двѣ стороны: *матеріальную* и *духовную*, — звуки и ихъ содержаніе, какъ тѣло и душу. Поэтому онъ принадлежитъ къ двумъ разнороднымъ разрядамъ наукъ: одною стороной къ естествознанію, другою — къ историческимъ и философскимъ наукамъ.

Составляющіе языкъ членораздѣльные звуки суть произведеніе дѣйствія тѣлесныхъ органовъ, и потому ученіе о звукахъ, фонетика, необходимо соприкасается съ физіологіею. Разсмотрѣнію самыхъ звуковъ должно предшествовать ознакомленіе съ орудіями голоса и рѣчи. Безъ физіологическаго основанія невозможно научное изслѣдованіе звуковъ языка.

Этотъ правильный взглядъ на фонетику, хотя никогда не былъ достаточно распространенъ, однакожъ по происхожденію своему не такъ новъ, какъ обыкновенно думаютъ: судя по систематикѣ звуковъ и по совершенству письменныхъ знаковъ въ санскритѣ, физіологическое звукоученіе у древнихъ Индовъ было уже очень развито, гораздо болѣе чѣмъ у Грековъ. Впослѣдствіи фонетика составляла предметъ особеннаго изученія у Аравитянъ. Но дальнѣйшіе ея успѣхи начались не прежде какъ въ 16-мъ столѣтіи, благодаря счастливой мысли обучать глухонѣмыхъ произношенію зву-

ковъ языка; необходимость пользоваться при этомъ пособіемъ зрѣнія и осязанія привела къ самому полному изслѣдованію условій образованія звуковъ. Не останавливаясь на отдѣльныхъ примѣрахъ такого преподаванія въ Испаніи и трудахъ, бывшихъ результатами его, замѣчу, что въ 17-мъ столѣтіи, независимо отъ нихъ, физіологическому звукоученію было положено основаніе въ Англіи епископомъ Валлисомъ (Wallis), который также обучалъ глухонѣмыхъ. Во Франціи, гдѣ съ начала прошлаго вѣка при академіи наукъ усердно занимались изслѣдованіемъ голосовыхъ органовъ, явилось въ 1765 году замѣчательное по части фонетики сочиненіе президента Дебросса (Debrosses[1]), которое въ нынѣшнемъ столѣтіи обратило на себя вниманіе Россійской академіи и было переведено членомъ ея А. Никольскимъ подъ заглавіемъ *Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ этимологіи* (Спб. 1821). Въ этой книгѣ разсѣяно много умныхъ и вѣрныхъ наблюденій, хотя съ другой стороны встрѣчаются въ ней и ошибочныя теоріи, которыми увлекся Шишковъ, снабдившій переводъ сочлена своими примѣчаніями. Въ Германіи звукоученіе было обязано, въ концѣ прошлаго вѣка, важнымъ успѣхомъ вѣнскому механику Кемпелену, изобрѣтателю извѣстнаго автомата, играющаго въ шахматы. Онъ же составилъ говорящую машину и издалъ превосходную книгу о механизмѣ человѣческаго языка (Mechanismus der menschlichen Sprache. Wien 1791), которая всегда будетъ служить основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ по тому же предмету изслѣдованій.

Однакожъ не ранѣе какъ около середины нынѣшняго столѣтія эта отрасль физіологіи стала въ надлежащей мѣрѣ обращать на себя вниманіе языковѣдовъ. Даже такой геніальный филологъ, какъ Яковъ Гриммъ, не положилъ въ основу своихъ изслѣдованій полнаго вниманія къ отличію писаннаго языка отъ произносимаго и къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ. По изученію звуковыхъ измѣненій его грамматика представляетъ конечно богатѣйшій мате-

---

[1] Traité de la formation méchanique des langues, et des principes physiques de l'étymologie (въ двухъ частяхъ, безъ имени автора). Paris 1765.

ріалъ и изумительное обиліе остроумнѣйшихъ соображеній, но самыхъ физіологическихъ процессовъ послѣдовательнаго превращенія звуковъ онъ еще не касался. Кромѣ того, онъ при своихъ изслѣдованіяхъ не довольно дорожилъ звуковыми особенностями народныхъ говоровъ, а между тѣмъ это «главный источникъ, которымъ надобно пользоваться, чтобы проникнуть въ тайны древнихъ звукоизмѣненій. Только этимъ способомъ можно достигнуть возможности перелагать старинные письменные памятники въ звуки живой рѣчи. Только этимъ путемъ можно стать выше одного наблюденія этимологической перемѣны буквъ и вникнуть въ самые процессы звукоизмѣненій».

Рудольфъ Раумеръ, которому принадлежатъ эти замѣчанія[1], первый изъ германскихъ филологовъ внесъ въ свои изслѣдованія полное пониманіе сущности звукоученія. Изданное имъ въ 1837 г. сочиненіе «о придыханіи и перебоѣ звуковъ»[2] положило начало новому направленію въ наукѣ слова. За нимъ пошли тѣмъ же путемъ и другіе ученые, во главѣ которыхъ стоитъ незабвенный сотрудникъ нашей академіи Шлейхеръ. Мало того: трудъ Раумера далъ толчокъ и физіологической разработкѣ предмета. Въ этомъ сознаётся извѣстный профессоръ физіологіи и членъ академіи наукъ въ Вѣнѣ г. Брюкке, составившій въ филологической литературѣ эпоху своимъ сочиненіемъ: «Основныя черты физіологіи и систематики звуковъ языка»[3]. Авторъ, занимаясь обученіемъ глухонѣмыхъ, представилъ тутъ въ сжатомъ и ясномъ обзорѣ результаты своихъ наблюденій надъ звуками бо́льшей части европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ языковъ. Къ сожалѣнію, онъ не былъ знакомъ съ славянскими нарѣчіями, и потому естественно, что будучи принужденъ пользоваться относительно ихъ чужими

---

[1] Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften von R. v. Raumer. Frankf. am M. 1863. См. тамъ стр. 407. Почти то же, но съ большею рѣзкостью, высказываетъ о слабой сторонѣ грамматики Я. Гримма д-ръ Румпельтъ въ своей книгѣ Das natürliche System der Sprachlaute (Halle 1869), стр. 5.

[2] Die Aspiration und die Lautverschiebung. Leipzig 1837.

[3] Grundzüge der Physiologie u. Systematik der Sprachlaute für Linguisten u. Taubstummenlehrer, bearb. von Dr. Ernst Brücke. Wien 1856.

указаніями, онъ не избѣгъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и ошибокъ. Не смотря на то, книга Брюкке сдѣлалась необходимымъ пособіемъ для всѣхъ не только германскихъ, но и иноплеменныхъ ученыхъ, разсматривающихъ звуки на основаніи физіологіи. Есть уже и по фонетикѣ славянскихъ языковъ нѣсколько такихъ изслѣдованій, какъ напр. г. Новаковича у Сербовъ[1], а у Чеховъ г. Гебаура[2]. По-русски физіологическое ученіе о звукахъ языка, въ наше время, въ первый разъ было изложено (если исключить переводы спеціальныхъ сочиненій по физіологіи) въ переводѣ второй серіи лекцій Макса Мюллера[3]; потомъ о предметѣ этомъ читалъ въ Кіевѣ публичныя лекціи г. Туловъ, и онъ же въ исходѣ прошлаго (1874) года издалъ небольшую книжку *Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи*, гдѣ, послѣ общихъ соображеній на основаніи иностранныхъ пособій, сдѣлана попытка примѣненія физіологическаго звукоученія къ русскому языку. Здѣсь же нельзя пропустить изслѣдованія г. Бодуэна-де-Куртенэ о древне-польскомъ языкѣ, которое затрогиваетъ многія явленія обще-славянской фонетики и при этомъ также опирается на выводы естествознанія[4].

Что касается настоящаго труда, то авторъ, въ этомъ отдѣлѣ его, намѣренъ при помощи физіологическихъ наблюденій разсмотрѣть звуки русскаго языка въ приложеніи къ требованіямъ филологіи: онъ прибѣгаетъ къ физіологическимъ объясненіямъ только въ той мѣрѣ, въ какой это кажется ему нужнымъ для означенной цѣли.

Вотъ какъ Брюкке понимаетъ двѣ разныя стороны разсмотрѣнія звуковъ языка: «Можно, говоритъ онъ, изслѣдовать какимъ образомъ смежные звуки дѣйствуютъ одни на другіе и вникать въ измѣненія, претерпѣваемыя звуками въ теченіе временъ или при переходѣ изъ одного языка въ другой, чтобы изъ этого

[1] Физиологиjа гласа и гласови српскога jезика. У Београду 1873.

[2] См. Časopis Musea Králоvstvi Českeho 1872, XLVI ročnik, svaz. 3 и 4.

[3] Трудъ г. Лавренко. См. *Филологическія Записки*, издав. въ Воронежѣ г. Хованскимъ, 1868.

[4] *О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія*. Лейпцигъ 1870.

выводить ихъ аттрибуты. Это путь *филолога*. Съ другой стороны можно производить прямыя наблюденія и опыты надъ способами и условіями происхожденія звуковъ и такимъ образомъ знакомиться съ ихъ натурою и свойствами. Это путь *физіолога*. Оба метода, при правильномъ ихъ употребленіи, никогда не могутъ вести къ противорѣчивымъ результатамъ, но эти результаты могутъ быть различны, могутъ дополнять другъ друга, такъ какъ филологъ своими изысканіями доходитъ эмпирически до ряда законовъ, которыхъ объясненія надо искать физіологическимъ путемъ. Только посредствомъ физіологическихъ наблюденій филологъ вполнѣ узнаётъ языкъ; пока онъ упускаетъ ихъ изъ виду, онъ знаетъ о языкѣ только то, что слышится ухомъ и пишется рукою. Дивный снарядъ, откуда истекаетъ рѣчь, остается для него сокровенною механикой автомата; а между тѣмъ законы, которые прежде выводились изъ благозвучія, гораздо менѣе зависятъ отъ этого условія нежели отъ механическаго устройства органовъ, которые производятъ отдѣльные звуки языка и только въ извѣстныхъ сочетаніяхъ могутъ производить ихъ легко и точно»[1].

Прежде всего считаю нужнымъ дать читателю понятіе объ устройствѣ органовъ рѣчи, не входя однакожъ въ излишнія подробности, которыя въ настоящемъ случаѣ только удалили бы насъ отъ цѣли.

Для произведенія звука служитъ такъ называемая голосовая щель (rima glottidis, Stimmritze) въ гортани (guttur, Kehlkopf), расширяемая или суживаемая двумя голосовыми связками (chordae vocales, Stimmbänder), которыя натягиваются или ослабляются гортанными мышцами. Если щель значительно расширена, то никакого звука не можетъ быть слышно, и воздушный токъ, приражаясь къ стѣнкамъ рта, производитъ только придыханіе, въ германскихъ языкахъ означаемое буквою h. Если сузить щель, приподнявъ среднюю часть языка къ нёбу, то это придыханіе усиливается до нашего Г въ словахъ *Господь*,

---

[1] Grundzüge, стр. 1.

благо, Бога, звука, который у насъ на письмѣ не отличается отъ твердаго Г, слышимаго въ словахъ *городъ, багоръ* и проч.

Итакъ звонъ голоса есть непосредственный результатъ суженія голосовой щели[1]. Выйдя оттуда, звукъ до своего оглашенія проходитъ подвижную полость зѣва и рта, которая образуетъ какъ бы надставную трубку (Ansatzrohr), подобную искуственному духовому инструменту, при чемъ надо представить себѣ, что голосовая щель или гортань играетъ роль рта, изъ котораго въ этотъ инструментъ входятъ воздухъ и звукъ. «Вокальный механизмъ, говоритъ англійскій профессоръ Виллисъ, можетъ считаться состоящимъ изъ легкихъ, или мѣховъ, которые посредствомъ дыхательнаго горла проводятъ воздушный токъ черезъ снарядъ, находящійся въ верхнемъ концѣ дыхательнаго горла и называемый гортанью. Этотъ снарядъ способенъ производить разные музыкальные и другіе звуки, слышные по переходѣ чрезъ подвижную полость, состоящую изъ глотки (полости позади нёбной занавѣски), рта и носа»[2]. Все это вмѣстѣ составляетъ вокальный механизмъ, но орудіемъ рѣчи слѣдуетъ считать только наружную часть его, то есть гортань и подвижную трубку, или полость рта.

Подвижная полость рта.
Гортань.
Дыхательное горло.
Легкіе или мѣхи.

Гласные звуки.

Самые первоначальные, основные звуки человѣческой рѣчи суть гласные. Для образованія ихъ воздухъ изъ легкихъ выдыхается въ полость рта, имѣющую каждый разъ опредѣленную форму. Прежде всего долженъ быть прекращенъ доступъ воз-

[1] Для физіологическихъ терминовъ я отчасти пользуюсь изданнымъ подъ редакціей И. М. Сѣченова переводомъ сочиненія Л. Германа: *Основы физіологіи человѣка.* Одесса 1873.

[2] Robert Willis, извѣстный сочиненіемъ о гласныхъ (1828). Выписанныя строки привожу по книгѣ J. Earle, The Philology of the english tongue. Oxford 1873, стр. 126.

душнаго тока къ заднимъ носовымъ отверстіямъ поднятіемъ нёбной занавѣски[1]) для того, чтобы выдыхаемый воздухъ попадалъ только въ полость рта. Если же это не будетъ выполнено, то при громкой рѣчи гласные получатъ особый «носовой» оттѣнокъ. При произношеніи ихъ форма полости рта измѣняется слѣдующимъ образомъ: при А она должна быть совершенно свободною, языкъ ложится плошмя на дно полости, которая поэтому бываетъ всего больше для этого звука и отверстіе широко-раскрытаго рта имѣетъ форму расширенной спереди воронки. При О, У, наоборотъ, корень языка приподнимается, полость рта суживается вытягиваніемъ губъ въ трубку и принимаетъ форму круглой бутылки съ короткой шейкой; при Э, І образуется, отъ приближенія языка къ твердому нёбу, форма круглой бутылки съ узкимъ горлышкомъ. При всѣхъ гласныхъ, за исключеніемъ У, гортань нѣсколько приподнимается къ верху; меньше всего подъемъ при О, затѣмъ слѣдуютъ А Э І, т. е. онъ больше всего при І, и оттого тонъ І выше, нежели тонъ прочихъ гласныхъ; ниже всѣхъ тонъ У. Это различеніе степени высоты тона при разныхъ гласныхъ оспаривается нѣкоторыми физіологами; но ихъ возраженія не вполнѣ убѣдительны.

А составляетъ центральный звукъ. Какъ скоро обѣ стѣнки полости рта, верхняя и нижняя, сближаются между собой, то чистота звука А нарушается. Такое сближеніе очень легко происходитъ либо при нёбѣ, гдѣ образуется І, либо у губъ, гдѣ звонъ голосовой щели обращается въ У. При этомъ подвижная трубка (полость рта) то укорачивается, то удлиняется: она становится всего короче при произнесеніи І, такъ какъ гортань тогда приподнимается и углы рта растягиваются въ сторону; всего же длиннѣе становится трубка при произнесеніи У, когда гортань опускается съ одновременнымъ протягиваніемъ впередъ губъ и угловъ рта.

---

[1]) Нёбо состоитъ изъ двухъ частей: передней, или твердаго нёба, и задней или нёбной занавѣски (der harte Gaumen и das Gaumensegel).

Эти три звука I А У суть основные въ системѣ гласныхъ; въ томъ удостовѣряетъ насъ, сходно съ физiологiею, исторiя развитiя индо-европейскихъ и семитскихъ языковъ. Первоначально только эти звуки и могли быть въ индо-европейскомъ праязыкѣ. Въ продолженiе вѣкового существованiя языка звуки постепенно измѣняются въ слѣдствiе естественнаго стремленiя человѣка облегчать трудъ органамъ рѣчи: «удобство выговора, сбереженiе дѣятельности мускуловъ, говоритъ Шлейхеръ, — главный въ этомъ дѣлѣ факторъ[1]». Въ отношенiи къ гласнымъ эта vis inertiae, по его же замѣчанiю, ведетъ къ тому на первый взглядъ странному результату, что тогда какъ болѣе древнiе языки имѣютъ лишь малое количество гласныхъ звуковъ, позднѣйшiе обладаютъ ими въ гораздо бóльшемъ обилiи и разнообразiи. Но немногiе гласные старѣйшихъ языковъ рѣзко отличаются одинъ отъ другого, многочисленные же гласные позднѣйшихъ языковъ служатъ по большей части переходомъ отъ одного къ другому совершенно отличному въ древнемъ языкѣ звуку: являются оттѣнки, смѣшанные звуки, чтобы смягчать различiя, облегчать органу рѣчи крутой поворотъ отъ одного движенiя къ другому и доставить ему удобство нерѣшительныхъ гласныхъ, которыя легко производить малымъ напряженiемъ орудiя рѣчи. Слѣдовательно остальные гласные суть только промежуточные, и мы разсмотримъ тѣ изъ нихъ (Э О), которые естественно образуются между I и А, между А и У.

Изъ всѣхъ гласныхъ звуковъ наиболѣе распространеннымъ былъ искони А; но такъ какъ произносить его не совсѣмъ легко, то онъ, помимо влiянiя на него сосѣднихъ звуковъ, уже въ слѣдствiе одного напряженiя мускуловъ, потребнаго на его произношенiе, подвергается разнымъ измѣненiямъ. Если, начавъ отъ расположенiя рта для А, какъ звука первоначальнаго, постепенно укорачивать устную полость, суживая ее въ серединѣ, то образуются промежуточные звуки, приближающiеся къ I, т. е. образуются

[1] Die deutsche Sprache, стр. 49 и 50.

гласные оттѣнка Э[1]. Если, напротивъ, мало по малу удлинять полость рта и суживать наружное ея отверстіе въ направленіи къ У, то образуются гласные характера О. Число тѣхъ и другихъ промежуточныхъ гласныхъ неопредѣленно. Брюкке принимаетъ три Э и два О, первообразы которыхъ находитъ у разныхъ западныхъ народовъ; но въ малоизвѣстныхъ ему славянскихъ языкахъ оказываются и другіе гласные звуки этого рода. Не входя еще въ болѣе спеціальное разсмотрѣніе гласныхъ съ примѣненіемъ къ русской фонетикѣ, прибавлю здѣсь только, что звуки эти вообще раздѣляются, по положенію рта при ихъ произношеніи, на дебелые: А О У и тонкіе: Э И. Отношеніе этихъ пяти гласныхъ между собою можетъ быть представлено слѣдующею вертикальной линіей, на которой они расположены сверху внизъ, по степени подъема гортани, съ чѣмъ связано и послѣдовательное пониженіе тона:

| І
| Э
| А
| О
| У

Согласные звуки.

Названіе *согласныхъ* (consonae) придумано въ той мысли, что только *гласные* звуки (vocales) совершенно самостоятельны, согласные же могутъ быть вполнѣ произносимы не иначе какъ въ соединеніи съ однимъ изъ гласныхъ. Брюкке, какъ и многіе другіе, находитъ, что такой взглядъ давно опровергнутъ наукою; этого нельзя однакожъ допустить безъ ограниченія: справедливо, что нѣкоторые согласные, какъ напримѣръ С Ш Ф Р, могутъ быть выговорены и сами по себѣ, но какъ произнести ясно, безъ помощи гласной, Б Г Д П К Т? — Физіологическая особен-

[1] Принимаю эту букву для общаго выраженія чистаго звука, означаемаго греческимъ ε. Наше Е изображаетъ уже звукъ сложный (= йэ).

ность согласныхъ заключается въ томъ, что для произнесенія ихъ нужны своего рода движенія въ полости рта при участіи двухъ какихъ-нибудь частей органа рѣчи, такъ что бываетъ одно изъ двухъ: либо онѣ плотно *смыкаются* и *размыкаются* (наприм. обѣ губы одна съ другой для образованія Б), и въ полости рта образуется *смыканіе*, *затворъ* (Verschluss), либо между тою или другою частями дѣлается только *суженіе*, *стѣсненіе* (наприм. между кончикомъ языка и нижними зубами для образованія С).

Орудіями затворовъ и стѣсненій для произношенія согласныхъ служатъ:

1) Нижняя губа съ верхнею и съ верхними зубами (рѣзцами): Б П (затворъ); В Ф (суженіе).

2) Передняя часть языка съ нёбомъ и съ зубами: Д Т (затворъ); З С, Ж Ш (суженіе).

3) Средняя или задняя часть языка съ нёбомъ: Г К (затворъ); Г̓[1] Х (суженіе).

Но прежде разсмотрѣнія образуемыхъ этими двумя способами звуковъ необходимо показать еще одно физіологическое различіе согласныхъ. Внимательно перебирая звуковую азбуку своего языка, всякій, при самомъ поверхностномъ наблюденіи надъ собою, замѣтитъ, что нѣкоторые звуки могутъ быть сопоставлены попарно, т. е. образуются одинаково, и только произносятся различно. Въ слѣдствіе того получаются два ряда звуковъ, которые въ верхнемъ и нижнемъ соотвѣтствуютъ одинъ другому:

1) П Т К Х Ф С Ш
2) Б Д Г Г̓ В З Ж

Различіе того и другого ряда объясняется съ физіологической точки зрѣнія различно, а потому для каждаго изъ нихъ придуманы издревле и разныя названія. Всего болѣе вошло въ обыкновеніе называть звуки 1-го ряда *твердыми*, а звуки 2-го ряда *мягкими*. Извѣстно, что Греки, выдѣливъ изъ обоихъ рядовъ тѣ

[1] Чтобы имѣть возможность говорить о звукѣ, для котораго у насъ нѣтъ буквы въ словѣ *благо*, я вынужденъ былъ принять начертаніе Г̓.

звуки п т к / б д г, которые не могутъ произноситься длительно[1], назвали ихъ поэтому *нѣмыми* (ἄφωνα, mutae) и прибавили къ нимъ еще 3-й рядъ особенныхъ, греческому языку свойственныхъ звуковъ, такъ что у нихъ вышли такіе три ряда:

1)	К	Т	П
2)	Г	Δ	В
3)	Χ	Θ	Φ

Сообразно съ этимъ расположеніемъ назвали: звуки 1-го ряда *твердыми* (tenues), звуки 3-го ряда *придыхательными* (aspiratae), а звуки 2-го ряда, по внѣшнему признаку мѣста, — *средними* (mediae).

Въ большей части новѣйшихъ языковъ нѣтъ *придыхательныхъ*[2], и потому естественно, что въ нихъ приняты, для двухъ показанныхъ выше рядовъ, названія *твердыхъ* и *мягкихъ*. Нѣкоторые ученые доказываютъ, что эти термины правильны и съ физіологической точки зрѣнія, такъ какъ звуки 1-го ряда (П Т К и проч.), при выговорѣ ихъ, требуютъ бо́льшаго напряженія мускуловъ, чѣмъ звуки 2-го. Сознаемся однакожъ, что эти названія сбивчивы, и не разъ уже случалось, что иной по недоразумѣнію прилагалъ, наоборотъ, къ 1-му ряду названіе *мягкихъ*, а ко 2-му *твердыхъ* звуковъ. Гораздо удачнѣе представляется терминъ, употребляемый, начиная съ Кемпелена, многими изъ новѣйшихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и профессоромъ Брюкке: именно, для 1-го ряда — *глухіе* (tonlose) или *шопотные* (Flüsterlaute), а для 2-го ряда *звонкіе* или *громкіе* (tönende[3]).

По мнѣнію Брюкке, съ которымъ трудно не согласиться, физіологическая разница между тѣми и другими заключается въ томъ,

[1] Попробовавъ произносить непрерывно, въ одинъ пріемъ, ббб..., ппп..., ддд..., ттт... и т. д., всякій убѣдится, что это невозможно.

[2] Въ чемъ заключается ихъ особенность, будетъ объяснено ниже.

[3] Нѣкоторые у насъ называютъ послѣдніе *звучными*, а первые *отзвучными*, но это не совсѣмъ удобно: и тѣ и другіе суть *звуки* (Laute); вопросъ въ томъ, какъ эти звуки произносятся: одни — шопотомъ (voce clandestina), другіе — громкимъ голосомъ.

что при произношенiи первыхъ голосовая щель остается раскрытою, а для вторыхъ она сжимается, въ слѣдствiе чего и происходитъ громкiй голосъ (что Нѣмцы называютъ *тонъ*). Противъ этого Таузингъ[1] возражаетъ, что и при произношенiи шопотомъ разница тѣхъ и другихъ звуковъ ясно замѣчается, и что поэтому справедливѣе говорить, что съ произношенiемъ перваго ряда звуковъ не можетъ *совпадать* проявленiе голоса, а при второмъ это возможно; но мы, избѣгая излишнихъ тонкостей, примемъ объясненiе Брюкке съ терминами: *шопотные* и *громкiе* звуки.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнiю согласныхъ по двоякому, выше показанному способу ихъ образованiя. Въ этомъ отношенiи звуки могутъ быть: 1, *смычные* (Verschlusslaute), образуемые плотнымъ смыканiемъ или затворомъ двухъ частей устныхъ органовъ, и 2, *проточные*, образуемые суженiемъ или стѣсненiемъ между тѣми же частями.

1) Смычные согласные звуки.

П Т К
Б Д Г

Это тѣ самые согласные, которые у грековъ принадлежали къ разряду *нѣмыхъ*; нынче придумано для нихъ болѣе вѣрное названiе— *мгновенные* звуки (momentaneae) въ противоположность другимъ, *длительнымъ* (continuae, Dauerlaute, напр. Ф С), которые можно въ произношенiи протягивать безъ перерыва, пока позволяетъ дыханiе. Шлейхеръ остроумно замѣтилъ, что первые отличаются отъ послѣднихъ какъ точка отъ линiи[2]. Первые называются также *взрывочными* (explosivae) по той причинѣ, что воздухъ, задержанный при образованiи смычки, быстро вырывается, какъ скоро устранена преграда. Терминъ Verschlusslaute,

---

[1] Das natürliche Lautsystem, стр. 26.
[2] Zur vergleichenden Sprachgeschichte, Zetacismus, стр. 124.

въ нашемъ переводѣ *смычные* [1], въ первый разъ былъ употребленъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстнымъ въ исторіи акустики ученымъ Хладни.

При произношеніи этихъ звуковъ путь черезъ носъ отрѣзанъ воздуху и устный проходъ также гдѣ-нибудь прегражденъ, именно они образуются тремя способами:

1) Смыканіемъ нижней губы съ верхнею . . . . П Б.

2) Прижатіемъ передняго конца языка къ нёбу и верхнимъ зубамъ . . . . Т Д.

3) Прикосновеніемъ средней или задней части языка къ нёбу . . . . К Г.

Замѣтимъ, что звуки К и Т различаются между собою только тѣмъ, что для образованія каждаго изъ нихъ служитъ другая часть языка, т. е. для Т передняя, для К задняя: можно сказать, что артикуляція К начинается тамъ, гдѣ прекращается артикуляція Т. На этомъ основывается метода, по которой глухонѣмыхъ учатъ выговаривать К: ихъ заставляютъ произносить Т и при этомъ прижимаютъ у нихъ къ низу пальцемъ или лопаточкой переднюю часть языка, чтобы они поневолѣ образовали смычку заднею его частью. Различіе Т и К повидимому зависитъ преимущественно отъ величины пространства подвижной полости, остающагося позади смычки, такъ что оно при Т гораздо болѣе нежели при К.

Г образуются изъ К сжатіемъ раздвинутой голосовой щели; поэтому Г относится къ К точно такъ же, какъ Б къ П, и Д къ Т

2) Проточные согласные звуки.

Ф	С	Ш	Ц	Ч	Л
В	З	Ж			

Каждому смыканію соотвѣтствуетъ близкое къ нему суженіе въ полости рта. Воздуху загражденъ путь черезъ носовую по-

[1] Въ переводѣ Физіологіи Германа они названы *смыкательными*, но это прилагательное можетъ относиться только къ тому, что смыкаетъ (здѣсь къ органамъ), а не къ тому, что отъ смыканія происходитъ.

*

лость, а устный каналъ гдѣ-нибудь такъ суженъ, что выходящій воздухъ производитъ по смежнымъ частямъ *шорохъ* (Reibungsgeräusch). Таково названіе, принятое нѣмецкими физіологами и изслѣдователями языка для этого разряда звуковъ (латин. терминъ fricativae [1]). Греки называли ихъ, въ отличіе отъ *нѣмыхъ*, полугласными (ἡμίφωνα), но они болѣе извѣстны подъ общеупотребительнымъ терминомъ *spirantes*, или *придувныхъ*, какъ и у насъ отчасти вошло уже въ обычай называть ихъ. Описаннымъ способомъ образуются многіе звуки, близкіе къ тѣмъ, которые производятся соотвѣтственными смыканіями:

1, Ф В: суженіе образуется верхними зубами и нижнею губою.

Звукъ Ф можетъ быть производимъ также сближеніемъ однѣхъ губъ между собою, и тогда онъ бываетъ нѣсколько мягче нежели при участіи зубовъ, отличаясь отъ П только тѣмъ, что при послѣднемъ губы совершенно сжаты.

В образуется, когда мы приспособимъ ротъ для Ф, но вмѣсто того, чтобы только выпустить воздухъ, заставимъ голосъ звучать. Слѣдовательно В относится къ Ф, какъ Б къ П, и можно представить себѣ В происшедшимъ изъ Б точно такъ же, какъ Ф изъ П.

Ни въ одномъ чисто славянскомъ словѣ звукъ Ф не встрѣчается самъ по себѣ, но онъ легко образуется изъ звука В передъ шопотными согласными или въ концѣ слова, наприм.: *в*ходъ, *въ* прахъ, рука*въ*, кро*вь*.

2, С З: суженіе образуется переднимъ концомъ языка и зубами.

Если смыканіе, нужное для произнесенія Т, образуется не вполнѣ и впереди оставляется промежутокъ, черезъ который можетъ выходить воздухъ, то происходитъ звукъ С, который и относится къ Т, какъ Ф къ П.

---

[1] Латинскому и нѣмецкому термину вполнѣ соотвѣтствуетъ русское слово *шорохъ*, которое въ нашемъ академическомъ словарѣ такъ опредѣлено: легкій шумъ, происходящій отъ тренія или отъ прикосновенія одного тѣла къ другому.

Такимъ же образомъ изъ Д образуется звукъ З, относящійся къ С какъ В къ Ф.

3, Ш Ж: суженіе то же, но усиленное тѣмъ, что передній конецъ языка приподымается къ задней стѣнкѣ верхнихъ десенъ.

При открытой голосовой щели происходитъ Ш, а при сдвинутой Ж. Проф. Брюкке странно ошибается, стараясь съ особенною настойчивостью доказать, что Ш есть сложный звукъ, составленный изъ СХ, и оспаривая тѣхъ филологовъ, которые не раздѣляютъ его взгляда[1]. Но это мнѣніе убѣдительно опровергнуто Раумеромъ и Румпельтомъ[2].

Чтобы узнать, есть ли какой-нибудь звукъ — сложный, или простой, самое вѣрное средство произносить его нѣсколько времени непрерывно, и ежели онъ не измѣняется, то это несомнѣнный признакъ его несложности. Если будемъ тянуть СССС... и потомъ произносить такимъ же образомъ, безъ всякой паузы, ШШШШ..., то найдемъ, что звукъ Ш остается такъ же неизмѣненъ, какъ звукъ С, отличается же отъ него только тѣмъ, что при переходѣ къ послѣднему языкъ немного отводится назадъ и вверхъ. Нельзя того же сказать о двухъ слѣдующихъ за симъ звукахъ:

4, Ц Ч. Для произнесенія ихъ служитъ отчасти то же суженіе, что для С и Ш, но ему мгновенно предшествуетъ смыканіе нужное для Т, такъ что выходитъ ТС = Ц, и ТШ = Ч. Въ этомъ случаѣ переходъ отъ одной артикуляціи къ другой такъ быстръ, что оба звука, вмѣстѣ слитые, кажутся однимъ, тогда какъ сложность ихъ ясно доказывается вышеобъясненнымъ опытомъ. Произнося непрерывно Ц, мы убѣдимся, что этотъ звукъ слышится только въ самомъ началѣ, но затѣмъ тотчасъ же обращается въ С (ЦССС... т. е. ТСССС...); при такомъ продолженномъ произношеніи, Ч также немедленно превращается въ Ш (ЧШШШ... т. е. ТШШШШ...). Правда, что при этихъ сложныхъ звукахъ входящіе въ составъ ихъ С и Ш нѣсколько отли-

---

[1] Grundzüge, стр. 63.

[2] См. R. von Raumer, Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften, стр. 373, и H. B. Rumpelt, Das natürliche System der Sprachlaute, стр. 82—86.

чаются отъ произносимыхъ безъ предшествующей мгновенной артикуляціи, но въ сущности оба они остаются тѣмъ же звукомъ, съ особымъ только оттѣнкомъ.

5, Х Г[1]: суженіе между среднею или заднею частью языка и нёбомъ.

Если изъ К будемъ стараться образовать шорохи (т. е. звуки, производимые суженіями) такимъ же образомъ, какъ вывели Ф изъ П, и С изъ Т, т. е. дѣлая неполное смыканіе и оставляя по средней линіи язычнаго хребта желобокъ, по которому можетъ выходить воздухъ, то получимъ звукъ, означаемый буквою Х; ему, при сжатой голосовой щели, соотвѣтствуетъ Г', для котораго въ русской азбукѣ нѣтъ особой буквы, но который слышится въ словахъ: *Г*осподь, бла*го*, Петербур*га*, то*га* и проч.

6, Л: проходъ между обоими краями языка и коренными зубами.

Если переднимъ концомъ языка устроить смыканіе для Д, но у заднихъ коренныхъ зубовъ съ обѣихъ сторонъ оставить промежутокъ, такъ что воздушный токъ раздѣлится на языкѣ и чрезъ означенные промежутки будетъ вдоль внутренней поверхности щёкъ итти къ устью рта, то изъ Д образуется Л. Замѣтимъ, что для произнесенія этого звука, въ устномъ каналѣ образуются *два протока*. Нѣкоторые называютъ его *скользящимъ* (Gleitelaut).

Остается еще объяснить происхожденіе трехъ звуковъ, которые, по примѣру римскихъ грамматиковъ, обыкновенно называютъ, вмѣстѣ съ Л, плавными (liquidae), хотя они съ означеннымъ звукомъ никакъ не подходятъ подъ одинъ разрядъ: это Р М Н.

3) Дрожательный звукъ Р.

По системѣ Брюкке, каждому разряду смыканій и суженій соотвѣтствуютъ также *дрожательные* звуки (Zitterlaute, какъ Хладни въ первый разъ назвалъ разныя видоизмѣненія Р): воздуху загражденъ путь черезъ носъ, а на протяженіи устнаго ка-

[1] Эти двѣ буквы слѣдуетъ прибавить и выше, на стр. 15, внизу.

нала какая-нибудь часть его такъ поставлена, что она отъ теченія воздуха приходитъ въ дрожательныя движенія (вибраціи). При произношеніи обыкновеннаго Р, соотвѣтствующаго громкимъ звукамъ зубного разряда, кончикъ языка находится у десенъ верхнихъ зубовъ, но не образуетъ ни плотнаго смыканія, какъ для Д, ни желобовиднаго суженія, какъ для З, а загнутъ нѣсколько къ верху и свободно подвиженъ, такъ что сперва напоръ воздуха изъ легкихъ пригнетаетъ переднюю часть языка къ низу; послѣ того онъ быстро возвращается къ своему первоначальному положенію, потомъ опять нажимается и т. д. У насъ извѣстенъ только одинъ этотъ Р, но въ нѣкоторыхъ языкахъ бываютъ и другіе однородные звуки (напр. у Французовъ гортанный R), такъ какъ разныя части устнаго канала могутъ быть приводимы въ дрожаніе[1].

4) Носовые звуки М Н.

Когда для воздуха путь черезъ устный каналъ запертъ, но открытъ черезъ носъ, то образуются такъ называемые *носовые* звуки (nasales), которые у пр. Брюкке носятъ имя Resonanten (отзвуки), потому что сопровождаются отраженіемъ голоса въ устной и гортанной полости и не имѣютъ, какъ прочіе согласные, своего собственнаго шума, независимаго отъ голоса. Этимъ они похожи на гласные (почему нѣкоторые и называютъ ихъ полугласными), однакожъ отличаются тѣмъ, что для произношенія М и Н путь черезъ ротъ загражденъ опущенною нёбной занавѣской и поэтому они не могутъ, подобно гласнымъ, служить къ соединенію согласныхъ.

Если сжать губы какъ для Б и при дѣйствіи голоса выпускать воздухъ черезъ носъ, то произойдетъ М. Точно такъ же образуется Н, если устроить смыканіе для Д и выпускать воздухъ при звучащемъ голосѣ. Поэтому Н относится къ Д совершенно такъ, какъ М къ Б, и отличается отъ М только свойствомъ предшествующаго смыканія.

---

[1] Brücke, Grundzüge, стр. 31, 35, 42, 49. Rumpelt, стр. 54. Брюкке относитъ сюда между прочимъ губной звукъ, который, по выраженію Ломоносова, «для остановленія конскаго произносятъ» (*Грамм.* § 21).

Послѣ этихъ общихъ физіологическихъ поясненій о происхожденіи звуковъ, которые встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ, приступимъ къ разсмотрѣнію состава и особенностей нашей звуковой системы, разумѣя общеупотребительное великорусское нарѣчіе.

II. Анализъ звуковъ русскаго языка.

Сравнивая нашъ русскій выговоръ съ артикуляціей западноевропейскихъ языковъ (къ которымъ въ этомъ отношеніи приближаются и другія славянскія нарѣчія), находимъ основную разницу въ томъ, что мы болѣе раскрываемъ ротъ и сильнѣе напрягаемъ мускулы органовъ рѣчи. Оттого у насъ звуки кажутся грубѣе, толще, шире. Это относится какъ къ согласнымъ, такъ и особенно къ гласнымъ. Послѣдними мы вообще бѣднѣе, чѣмъ романскіе и германскіе народы: у насъ напр. нѣтъ ни **ö**, ни **ü**, нѣтъ и того разнообразія дифтонговъ, какимъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ похвалиться; но за то въ отношеніи къ согласнымъ мы гораздо богаче и соединяемъ въ своей звуковой азбукѣ почти всѣ согласные, которые тамъ разсѣяны въ разныхъ языкахъ. Намъ недостаетъ, правда, **дз** и **дж** Итальянцевъ и шепелеватаго **с** (**th**) Англичанъ, Грековъ и Испанцевъ, но за то мы, на ряду съ другими Славянами, особенно богаты вообще звуками зубного органа. Мы имѣемъ тутъ между прочимъ сложный звукъ **шч** (графически **щ**), котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ западныхъ языковъ.

Кромѣ того наша фонетика еще отличается тѣмъ, что у насъ почти всѣ гласные выговариваются двояко, смотря по тому, стоятъ ли они въ ударяемомъ, или неударяемомъ слогѣ; равнымъ образомъ и наши согласные почти всѣ могутъ имѣть два разные оттѣнка произношенія, которые оба отличаются отъ выговора тѣхъ же звуковъ у иноплеменныхъ народовъ, именно звуки:

П Т К Х Ф С
Б Д Г Ґ В З Ц Л Р М Н

произносятся передъ дебелымъ гласнымъ (А О У Ы[1]), наприм. **да**, **ло**, не такъ, какъ передъ тонкимъ (Э И), напр. **де**, **ли**, а въ слѣд-

[1] Ы невозможно только послѣ гортанныхъ К Г, Х Ґ.

ствіе того и въ концѣ слога или слова они (кромѣ гортанныхъ и Ц) сохраняютъ то же двоякое произношеніе, которое въ послѣднемъ случаѣ, т. е. въ концѣ слова, означается на письмѣ присоединеніемъ къ нимъ *ера* (Ъ) или *еря* (Ь), напр. *братъ, брать; мѣръ, мѣрь.* Поэтому каждая изъ названныхъ согласныхъ можетъ быть или *дебелою*, или *тонкою*[1]. Звуки Ш Ж могутъ принимать тонкое произношеніе только передъ Э; И послѣ нихъ слышится почти какъ Ы; звуки Ч Щ никогда не произносятся дебело; послѣ первыхъ знакъ Ь, послѣ вторыхъ знакъ Ъ имѣютъ только графическое значеніе.

Русскіе согласные звуки.

При *дебеломъ* произношеніи согласныхъ мускулы бываютъ напряжены, удлиняется полость рта и ему дается такое положеніе, какое нужно, чтобы непосредственно за согласною выговорить одну изъ нашихъ дебелыхъ гласныхъ: А О У Ы.

При *тонкомъ* выговорѣ согласныхъ гортань приподнимается, полость рта укорачивается, а углы губъ слегка растягиваются, какъ для произнесенія тонкой гласной І или Э; положеніе языка также измѣняется.

Тонкое произношеніе согласныхъ не только въ концѣ слога, но и передъ тонкими гласными Э И очень трудно для иностранцевъ: наши слоги **бе, вѣ, лі, ри** (т. е. въ сущности **бьэ, вьэ, льі, рьи**) и т. п. произносятся совсѣмъ не такъ, какъ одинаковые повидимому слоги (**bé, vé li, ri**) въ западно-европейскихъ языкахъ. Сравнимъ для примѣра русскія слова: *меньше, мѣръ, вѣръ, сиръ, ли, нѣтъ, тѣ* съ близкими по составу нѣмецкими: Menschen, Meer, wer, или французскими: sire, lit, nette, tes: въ русскихъ словахъ, въ слѣдствіе особеннаго отонченія согласной и перехода отъ сокращеннаго І (Ь) къ другой гласной, эта послѣдняя произ-

[1] К Г Х Г и Ц въ концѣ слога и слова всегда произносятся дебело, и Ь послѣ нихъ не пишется. Что громкіе согласные въ концѣ слова превращаются въ шопотные — дѣло общеизвѣстное; физіологически оно легко объясняется стремленіемъ органовъ къ облегченію процесса рѣчи.

носится съ бо́льшимъ усиліемъ и отверстіемъ рта, отчего и звукъ происходитъ другой.

Произношеніе отонченныхъ согласныхъ еще затруднительнѣе для иностранца, когда непосредственно за ними слѣдуетъ одна изъ дебелыхъ гласныхъ (А О У), т. е. когда, приготовивъ положеніе рта для тонкой гласной, надобно внезапно перейти къ дебелой; въ такомъ случаѣ происходитъ сочетаніе тонкой согласной съ дебелой гласной и образуются звуки, которые на письмѣ могутъ быть выражены такъ: **бьа, бьо, бьу,**
вмѣсто чего мы пишемъ: **бя, бё, бю,**
на какомъ основаніи, будетъ объяснено при разсмотрѣніи русской азбуки.

Что въ сочетаніяхъ **бьа, бьо, бьу** (бя, бё, бю) или напр. въ словахъ: *коня, синё, велю* отонченіе принадлежитъ собственно только согласнымъ (Б Н Л), а слѣдующіе за ними гласные остаются дебелыми[1], въ этомъ легко убѣдиться, если выговаривать отдѣльно тѣ и другіе, протягивая гласные, напр. *коня* = *конь — аааа*; *синё* = *синь — оооо*, *велю* = *вель — уууу*. Иностранцы въ такихъ случаяхъ обыкновенно выговариваютъ **я, ё, ю** такъ же, какъ въ началѣ слога, т. е. **йа, йо, йу**, напр. *конь-йа, синь-йо, вель-йу*; т. е., не понимая, что начертанія **я, е, ю** имѣютъ двоякое значеніе, смотря по тому находятся ли они въ началѣ слога, или послѣ согласной, иностранцы низводятъ И только на первую степень сокращенія (Й), а вторая степень сокращенія гласнаго И, изображаемая чрезъ Ь, остается имъ чуждою (объ этомъ см. ниже, стр. 29, *примѣч.* къ отдѣлу о дифтонгахъ подъ звукомъ Й). Для объясненія иностранцамъ звука Я послѣ согласнаго, напр. въ словѣ *меня*, нѣкоторые не безъ основанія совѣтуютъ заставлять ихъ произносить не *menja*, а *menea*, сливая двѣ послѣднія буквы въ одинъ звукъ, «т. е. слегка коснувшись **е**, остановиться на **а**»[2].

Еще труднѣе противоположный случай: произнеся согласную

---

[1] Хотя и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ отонченія, такъ какъ устное отверстіе сужено.

[2] Катковъ, *Объ элементахъ и формахъ слав.-рус. языка*, стр. 89.

дебело, расположивъ слѣдовательно ротъ для произнесенія А О или У, мы можемъ непосредственно послѣ того выговорить съ этимъ отолщеніемъ звукъ И, причемъ подымаемъ языкъ къ нёбу, не направляя его впередъ, и едва замѣтно укорачиваемъ подвижную полость: такимъ образомъ дебелый согласный сливается съ тонкимъ гласнымъ въ одинъ простой звукъ, означаемый на письмѣ сложною буквою Ы (**ъ + і = ъі**):

бъі, въі, дъі = бы, вы, ды и проч.

Трудность такихъ крутыхъ оборотовъ въ движеніи органовъ рѣчи было причиною, что отолщенный звукъ И (т. е. Ы) послѣ такого же согласнаго почти совершенно исчезъ у западныхъ и юго-западныхъ Славянъ, въ слѣдствіе ли только историческаго хода измѣненія звуковъ, или при участіи вліянія иноплеменной фонетики, трудно рѣшить положительно: звукъ Ы сохранился во всей чистотѣ своей только у Русскихъ и у ближайшихъ сосѣдей ихъ, Поляковъ.

Любопытно, что особенность нашего дебелаго произношенія согласныхъ (кромѣ **лъ**) совершенно ускользнула отъ вниманія Брюкке, какъ и другихъ западно-европейскихъ физіологовъ. Что же касается тонкаго произношенія (отличаемаго знакомъ Ь), то онъ посвящаетъ ему цѣлую главу, приравнивая эти звуки романскому L mouillé (oeil, cuiller) и произношенію N, стоящему у Французовъ послѣ G (compagne, vigne). «Сущность этихъ (романскихъ) звуковъ, говоритъ онъ, можно обозначить въ немногихъ словахъ, если сказать, что это L и N съ непосредственно слѣдующимъ за ними jot (т. е. L mouillé = LJ; NG = NJ, принимая вторую букву, J, въ ея значеніи по нѣмецкой, а не по французской азбукѣ)[1]. Это, продолжаетъ Брюкке, довольно вѣрно выразилъ уже 32 года (нынѣ читай: 50 лѣтъ) тому назадъ Хладни, сказавъ, что L mouillé есть сліяніе L съ слѣдующимъ за нимъ среднимъ звукомъ между I и J». Противъ такого взгляда на L mouillé нечего возра-

---

[1] Grundzüge, стр. 70: Mouillierte Laute. — По-русски можно бы выразить эти звуки, по крайней мѣрѣ передъ гласными, такъ: льй, ньй.

зить; можно также допустить, что этотъ звукъ даетъ нѣкоторое понятіе о славянскомъ тонкомъ Л (ЛЬ); тѣмъ не менѣе никакъ нельзя согласиться, чтобы эти два звука были между собою тожественны: романскіе L mouillé и GN суть звуки сложные, тогда какъ наши ЛЬ, НЬ и другіе подобные — простые звуки, что подвердитъ всякій Славянинъ, языку котораго они сродны или который изучилъ ихъ на практикѣ. Довольно странно, что пр. Брюкке, совѣтовавшійся съ гг. Піотровскимъ и Миклошичемъ (Grundzüge, стр. 73 и 74), могъ впасть въ такое недоразумѣніе, перешедшее изъ его книги и во многія другія сочиненія Нѣмцевъ по фонетикѣ. Столь же невѣрно его замѣчаніе, будто послѣ шопотныхъ согласныхъ (П Т и др.), когда они такимъ образомъ смягчаются, звукъ jot совершенно пропадаетъ и переходитъ въ X (тамъ же, 74). Ничего подобнаго мы не находимъ въ нашихъ тонкихъ согласныхъ.

Русскіе гласные звуки.

Неточное различеніе между писаннымъ и произносимымъ языкомъ, между буквами и звуками — причиною, что до сихъ поръ система нашихъ гласныхъ, при всей своей простотѣ и правильности, обыкновенно представляется не вполнѣ удовлетворительно. Это происходитъ особенно отъ того, что въ русской азбукѣ есть буквы не для однихъ простыхъ, но и для сложныхъ звуковъ; напр. буквы Е Я Ю представляютъ звуки составные или двугласные. Въ слѣдствіе того у насъ вообще смѣшиваютъ простыя гласныя съ дифтонгами, и въ распредѣленіи гласныхъ оказывается путаница. Для ясности я долженъ былъ предпослать разсмотрѣнію ихъ замѣчанія объ особенностяхъ нашихъ согласныхъ. Теперь легче будетъ показать значеніе и вліяніе гласныхъ въ общей системѣ нашихъ звуковъ.

Замѣтимъ, что особенность нашего произношенія, на которую указано въ началѣ предыдущаго отдѣла и которая заключается въ усиленномъ дѣйствіи мускуловъ рта съ бо́льшимъ раскрытіемъ его, начинается уже съ гласныхъ; отъ этого частью и зависитъ характеристическое произношеніе нашихъ согласныхъ.

Гласные русскаго языка, какъ звуки (безъ всякаго отношенія къ буквамъ), прежде всего раздѣляются на: 1, *явственные* или *опредѣленные* и 2, *неясные* или *неопредѣленные*. Примѣръ первыхъ: А въ словѣ *такъ*, О въ словѣ *токъ;* примѣръ вторыхъ: А въ словѣ *выданъ*, О въ словѣ *говорить*.

Чистыхъ или простыхъ (т. е. не составныхъ) гласныхъ перваго разряда у насъ шесть:

I Э А О У Ы.

Звуки I Э суть *тонкіе*, остальные четыре *дебелые*. Называютъ также первые *мягкими*, вторые *твердыми*. Звуку Ы дано послѣднее мѣсто по его родству съ У, а также и потому что съ одной стороны онъ отличается отъ прочихъ, образуясь только послѣ дебелыхъ согласныхъ, а съ другой составляетъ переходъ къ тонкому И, которымъ начинается этотъ рядъ гласныхъ.

Вполнѣ явственно слышатся исчисленные гласные только тогда, когда на нихъ падаетъ удареніе; въ противномъ случаѣ I (И) Э А О, отчасти также У Ы, звучатъ неопредѣленно, и потому на письмѣ часто смѣшиваются одна тонкая съ другою тонкою и одна дебелая съ другою дебелою, напр. вмѣсто *тоненькій* пишутъ тонинькій, вм. *Аннинскій* — Анненскій, вм. *дышатъ* — дышутъ.

Звукъ I.

Разсмотрѣніе гласныхъ русскаго языка начинаю съ I по важной роли, которую этотъ звукъ играетъ въ нашей фонетикѣ, по его вліянію какъ на другіе гласные, такъ и на согласные.

Этотъ звукъ изображается на письмѣ двояко: буквою I, когда слѣдуетъ гласная, и буквою И передъ согласною или въ концѣ слова.

Звукъ I можетъ укорачиваться на двѣ степени: первая степень его сокращенія означается буквою Й (И съ краткой), которая пишется почти исключительно послѣ гласныхъ, рѣдко передъ гласною; на второй степени, когда дѣлается только приступъ къ произношенію I послѣ согласнаго звука, происходящее отъ того видоизмѣненіе этого послѣдняго изображается знакомъ Ь (ерь).

Доказательствомъ, что звукъ, означаемый *еремъ*, короче Й, служитъ слѣдующее: если послѣ тонкой согласной произнести гласную, то звукъ Й не слышится, напр. **дь а = дя.**

Звукъ Й. Русскіе дифтонги.

Звукъ Й совершенно соотвѣтствуетъ нѣмецкому или скандинавскому jot[1], и служитъ у насъ къ образованію двоегласныхъ (дифтонговъ) двоякаго рода, именно: восходящихъ: **йа, йэ, йо, йу,** и нисходящихъ: **ай, эй, ой** и проч.

Примѣчаніе. Двоегласнымъ звукомъ или дифтонгомъ называется соединеніе двухъ гласныхъ, непосредственно одинъ за другимъ произносимыхъ такимъ образомъ, что они вмѣстѣ составляютъ одинъ только слогъ, причемъ одинъ изъ гласныхъ, съ удареніемъ, есть главный, а другой, произносимый быстрѣе, — второстепенный. Смотря по мѣсту главнаго звука, дифтонги раздѣляются на *нисходящіе* и *восходящіе*. Въ однихъ языкахъ преобладаютъ первые, въ другихъ вторые. У Нѣмцевъ J служитъ также къ образованію восходящихъ дифтонговъ (ja, ju), но есть и много нисходящихъ разнообразнаго состава; у Французовъ всѣ дифтонги — восходящіе, напр. въ словахъ: roi (дифт. **уа** по произношенію), viande, lui, lieu; у Итальянцевъ почти всѣ: buono, fiore. У насъ второстепеннымъ членомъ дифтонга можетъ служить только Й, но за то въ соединеніи со всѣми другими гласными, то передъ ними, то позади. Другіе гласные могутъ у насъ также стоять другъ возлѣ друга, но не образуя одного слога и сохраняя каждый свое обыкновенное протяженіе, напр. *паутина, неучъ, выучить, Яуза* (въ послѣднемъ словѣ сочетаніе гласныхъ ближе всего подходитъ къ дифтонгу)[2]. Второстепенный звукъ дифтонга по своей

[1] Нѣмцы пишутъ jot только передъ гласною, напр. Jahr, послѣ же гласной они выражаютъ этотъ звукъ посредствомъ I: bei, sein; но Шведы употребляютъ jot и послѣ гласныхъ, напр. nej, bojor. Эти иностранныя слова мы по-русски могли бы написать такъ: йаръ, бей, зейнъ; ней, боййоръ, при чемъ Й совершенно передавалъ бы jot.

[2] Въ чужеязычныхъ словахъ мы однакожъ умѣемъ произносить диф. тонгъ **ау**, напр.: *гаубица, гауптвахта, цейхгаузъ.*

краткости получаетъ характеръ согласной; такимъ образомъ У послѣ другого гласнаго у насъ иногда обращается въ В; мы говоримъ напр. *завтра* вм. *заутра*, *Августъ* вм. *Аугустъ*. На этомъ основаніи съ нашей фонетикой сообразнѣе произносить и писать напр. *Вильямъ*, *Вуличъ* нежели *Уильямъ*, *Уличъ*, ибо не обученный иностраннымъ языкамъ Русскій не выговоритъ **уи**, **уу** какъ восходящій дифтонгъ, однимъ слогомъ.

Въ восходящихъ дифтонгахъ Й не пишется, хотя и очень ясно слышится: въ старо-славянскомъ первый членъ ихъ означался припискою передъ главнымъ гласнымъ греческой іоты (ꙗ, ѥ), но въ гражданской азбукѣ дифтонги этого рода изображаются простыми, т. е. одиночными (не двойными) буквами: Е, Я, и оттого-то Ломоносовъ называлъ эти дифтонги *потаенными двоегласными*, что̀ конечно вѣрно въ отношеніи къ письму, но непримѣнимо къ звукамъ, въ которыхъ обѣ составныя части совершенно явны.

Держась того же порядка, какому слѣдовали мы при исчисленіи простыхъ гласныхъ, получимъ въ произносимомъ языкѣ слѣдующіе восходящіе дифтонги:

йи. Этотъ дифтонгъ вовсе не означается на письмѣ; для выраженія его служитъ та же буква, которая означаетъ простой звукъ І. Вмѣсто *йихъ*, *ручьйи* пишутъ *ихъ*, *ручьи*. По мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ славистовъ, И въ ст.-сл. послѣ гласной всегда произносилось какъ **йи**, (напр. мо-йи, тво-йи), но въ русскомъ языкѣ мы въ такихъ случаяхъ ясно слышимъ простое І.

йэ — изображается двумя разными способами: Е, Ѣ. Обѣ буквы нынче произносятся совершенно одинаково, но пишется то одна, то другая, смотря по требованіямъ словопроизводства и грамматики.

йа. Пишется Я.

йо. Для этого составного звука опять нѣтъ особой буквы, а употребляется также Е, иногда съ поставленнымъ надъ нею двоеточіемъ. Встарину писали ІО, но это начертаніе оставлено по сходству его съ принятою издревле буквою для слѣдующаго дифтонга.

йу. Пишется Ю; здѣсь мы видимъ въ первой части буквы остатокъ того способа, которымъ въ церковно-славянской азбукѣ вообще означались восходящія двоегласныя (греч. іота); во второй части видимъ начало взятой съ греческаго же церковно-славянской буквы ѹ.

Наши нисходящіе дифтонги суть слѣдующіе:

ій. Однакожъ это сочетаніе мало свойственно произносимому языку, и хотя на письмѣ оно очень обыкновенно, но въ живой рѣчи слышится только въ такихъ словахъ, которыя или принадлежатъ церковно-славянскому, или составлены искуственно, по книжнымъ началамъ, напр. въ словахъ: убі*й*ца, кровопі*й*ца (ц.-сл.), стихі*й*ный, россі*й*скій, италі*й*скій (книж.). Въ окончаніяхъ этотъ дифтонгъ обращается то въ **эй**, то въ **ой**, напр. *убей* (вм. *убій*), *третéй* (вм. *третій: самъ-третéй*), *соловей* (вм. *соловій*), *какой* (вм. *какій*), при чемъ, когда нѣтъ ударенія на слогѣ, первый звукъ дифтонга дѣлается смутнымъ. Въ словахъ: *синій*, *рыжій*, *легкій* гласный передъ Й произносится неопредѣленно, въ первыхъ двухъ между И и Э, въ послѣднемъ между А и О.

Примѣчаніе. Сказанное о дифтонгѣ **ій** относится и къ дифтонгу **ый**, который въ сущности тотъ же самый (т. е. **ый** = **ъій**); разность обнаруживается только въ томъ, что **ый** обращается исключительно въ **ой**: *крой* (вм. *крый*), *хромой* (вм. *хромый*), а при отсутствіи ударенія О также получаетъ смутный звукъ: *доброй* (вм. *добрый*). Объ этомъ см. ниже подъ звукомъ Ы.

эй. Послѣ согласныхъ пишется **ей**, **ѣй**.

ай, ой, уй.

Восходящій дифтонгъ можетъ соединяться съ нисходящимъ, и тогда образуется *троегласный* звукъ, или трифтонгъ; таковы сочетанія:

произносится:	пишется:
йэй	**ей**
йай	**яй**
йой	**ёй** (бадьёй)
йуй	**юй** (воюй)

Примѣчаніе. Начертанія Я Е Ё Ю имѣютъ значеніе дифтонговъ (**йа, йэ, йо, йу**) только тогда, когда начинаютъ слогъ; когда же ставятся послѣ согласныхъ буквъ, напр. въ слогахъ **бя, ве, дё, лю,** то этимъ замѣняется другое неупотребительное, но въ сущности болѣе правильное начертаніе, именно: **б^{ь}а, в^{ь}э, д^{ь}о, л^{ь}у**; т. е. стоя послѣ согласныхъ, буквы Я Е Ё Ю показываютъ, что согласная должна произноситься тонко (**бь, вь, дь, ль**), а гласная остается чистою (А Э О У).

На этомъ основаніи г. Миклошичъ, смотря по такому двоякому употребленію буквъ Я Е Ё Ю, называетъ ихъ, въ первомъ случаѣ: präjotierte (съ предшествующимъ йотомъ, когда онѣ произносятся **йа, йэ** и т. д.), а во второмъ: präjerierte (съ предшествующимъ еремъ, когда произносятся послѣ согласныхъ: **^{ь}а, ^{ь}э** и т. д.)[1].

Что касается до натуры звука Й (jot), то большинство филологовъ причисляетъ его къ разряду согласныхъ, но, по моему убѣжденію, ошибочно: Й есть не что иное, какъ И, такъ быстро произнесенный, что онъ уже не составляетъ особеннаго слога, а входитъ въ составъ того, который образуется другою гласной, будетъ ли она впереди, или послѣ И. Такимъ образомъ Й есть явно — укороченный И, звукъ, который долженъ быть признанъ за *нёбный полугласный*, точно такъ, какъ у Англичанъ W есть *губной полугласный* звукъ[2]. Древніе индскіе грамматики справедливо называли звукъ jot полугласнымъ и отличали его особымъ начертаніемъ य. Въ нашей грамотѣ Й признается также гласнымъ элементомъ; это видно изъ того, что передъ нимъ, какъ передъ всѣми гласными, издавна пишется І, а не И (**ій,** не **ий**), а послѣ Й въ концѣ слова не ставится Ъ, что̀ было бы неизбѣжно, еслибъ Й считался согласнымъ[3]. По всему сказанному нельзя сомнѣваться,

[1] *Vergleichende Lautlehre der Slav. Sprachen.* Wien 1852, стр. 106.

[2] Еслибъ jot былъ согласнымъ, то онъ могъ бы сочетаться и съ другими согласными; отчего же этого нигдѣ не встрѣчается? Въ англ. языкѣ jot изображается буквою Y (напр. year, boy), которая въ сущности совершенно соотвѣтствуетъ нѣмецк. и сканд. J.

[3] Германскіе славистыі такъ и поступаютъ, употребляя въ своихъ филологическихъ трудахъ начертанія: мойъ, крайъ и т. п.

что сочетанія **йа, йо, йу** и т. п. суть дѣйствительно двоегласные, какъ совершенно подходящіе подъ общее понятіе объ этой категоріи звуковъ. Напрасно Добровскій, а за нимъ и нѣкоторые другіе не хотятъ признавать этого (Institutiones, § VIII): по мнѣнію Добровскаго, J въ этомъ случаѣ принимаетъ натуру согласнаго. Дѣло въ томъ, что и всякій гласный, занимающій въ дифтонгѣ второстепенное мѣсто, дѣйствительно получаетъ въ слогѣ значеніе согласнаго, но по натурѣ своей онъ все-таки остается гласнымъ, становясь по степени протяженія полугласнымъ. Такъ смотритъ и Востоковъ на сочетанія ꙗ, ѥ, ю, ѩ, которыя онъ не разъ называетъ *двоегласными*[1]. Добровскій же, принимая слоги **ай, ой, уй** и проч. за двоегласныя, и отказывая въ этомъ названіи сочетанію тѣхъ же звуковъ при обратномъ порядкѣ ихъ, противорѣчитъ самому себѣ.

Брюкке, также считая jot согласнымъ и называя его I consona, при разсужденіи о немъ впадаетъ въ другое странное противорѣчіе: «Если, говоритъ онъ, произнести I и потомъ еще болѣе сузить промежутокъ между языкомъ и нёбомъ тамъ, гдѣ онъ всего тѣснѣе, то произойдетъ jot. Черезъ это *не пропадаетъ* гласный звукъ I, но мы дѣйствительно слышимъ одновременно гласный I и согласный J. Лучшимъ примѣромъ тому, продолжаетъ онъ, кажется мнѣ англійскій Y (тотъ же Й), когда служитъ согласнымъ. Правда, когда за нимъ слѣдуетъ звукъ I, какъ напр. въ year (произн. йиръ), то Y звучитъ какъ I consona у Нѣмцевъ; но когда слѣдуетъ другая гласная, то при образованномъ произношеніи передъ нимъ обыкновенно слышится легкій I, а это происходитъ отъ того, что производя звукъ jot, гортань приподымается, и вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно осуществляются условія для I»[2]. Не ясно ли изъ этого сбивчиваго объясненія, что jot никогда не перестаетъ быть гласнымъ или по крайней мѣрѣ полугласнымъ звукомъ? Точно также г. Брюкке видитъ въ англійскомъ W совмѣстное произношеніе гласной U и согласной V; но очевидно, что

---

[1] См. его *Филологическія Наблюденія*, стр. 8 и 12, и его *Русскую грамматику*.

[2] Grundzüge, стр. 70.

и это невозможно, и что W всегда сохраняетъ свойство гласной, хотя также укороченной, напр. въ словахъ: water, wool, were, wind, гдѣ нельзя не признать двоегласныхъ.

О вліяніи звука Й на произношеніе предшествующей согласной, когда она при этомъ подвергается измѣненію (напр. Т въ Ч, Д въ Ж), не считаю умѣстнымъ здѣсь распространяться. Это дѣйствіе звука jot на согласные, остроумно отнесенное Шлейхеромъ къ общему явленію языковъ, названному имъ Zetacismus[1], не входитъ въ планъ настоящаго труда.

Вторая степень сокращенія И, означаемая знакомъ Ь, не образуетъ не только гласной, но и полугласной: начертаніе это послѣ согласной означаетъ только нёбное направленіе или нёбный оттѣнокъ ея произношенія. Но родство Ь съ И, выведенное изъ физіологическаго наблюденія, подтверждается и этимологически, какъ видно изъ такихъ случаевъ, въ которыхъ Ь является сокращеніемъ И, напр. въ глаголахъ на *ть* вм. *ти*, въ окончаніи 2-го лица *шь* вм. *ши*, въ существительныхъ формахъ *мать*, *здоровье* вм. *мати*, *здоровіе* и т. п.[2].

Звуки Э, ЙЭ (Е, Ѣ).

Чистый Э, рѣдко встрѣчающійся у Русскихъ въ началѣ слога, бываетъ двоякій по произношенію: 1, широкій или открытый, похожій на французское È (e accent grave) или нѣмецкое Ä, слышится передъ дебелымъ согласнымъ или гласнымъ, или въ концѣ слова: э̀-тотъ, по-э̀тъ, э̀-осъ, эво-э̀[3]. 2, узкій или сжатый, похожій

---

[1] См. A. Schleicher. Zur vergleichenden Sprachengeschichte. Bonn 1848. стр. 91.

[2] Ср. Срезневскаго *Мысли объ исторіи русскаго языка*, стр. 115.

[3] Это двоякое произношеніе звуковъ Э Е Ѣ было въ первый разъ указано мною въ 1847 г. въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, № 173. Въ 1851 году академикъ О. Н. Бетлингъ, пришедши совершенно самостоятельно къ открытію того же различія въ русскомъ выговорѣ звука Э, лишь позднѣе узналъ, что былъ предупрежденъ мною, и печатно заявилъ о томъ. (См. *Ученыя Зап. Ак. Наукъ по 1 и 3 отдѣл.*, т. I, стр. 90).

на французское É (e accent aigu), слышится предъ тонкимъ согласнымъ или гласнымъ звукомъ, напр. э́-ти, поэ́-зія, э́й [1].

При соединеніи съ предшествующимъ полугласнымъ Й или какимъ-нибудь согласнымъ, звукъ Э изображается на письмѣ знаками Е или Ѣ, въ произношеніи же сохраняетъ тѣ же два оттѣнка, въ чемъ всего легче убѣдиться, наблюдая выговоръ названій буквъ Ъ и Ь: йэ̀ръ (ср. фр. hier, ère) и йэ́рь (ср. фр. vérité). Такимъ образомъ слышится —

съ одной стороны:	съ другой:
шѐстъ	ше́сть
ужѐ	уже́ли
грѣ̀тъ	грѣ́ть
умѣ̀	умѣ́й

Различіе обоихъ звуковъ съ особенною ясностью обнаруживается, если одно и то же слово произносить, согласно разнообразному обычаю, двояко, напр.:

пѐрвый (перъвый) и пе́рьвый (какъ встарину и писали).
вѐрба и ве́рьба.
Сѐрпуховъ и Се́рьпуховъ (какъ говорятъ Москвичи).

Звукъ между Э и И.

Наличность этого средняго, неопредѣленнаго звука въ русскомъ языкѣ лучше всего доказывается шаткимъ употребленіемъ на письмѣ буквъ И и Е; такъ весьма часто пишутъ: маминька, Олинька, Васинька, малинькій вм. *маменька, Оленька, Васенька, маленькій*, или еще пишутъ: онъ пріѣдитъ, вы скажите, вы пишите вм. *пріѣдетъ, скажете, пишете.* Наоборотъ, многіе пишутъ: Екатериненскій, Пензенскій вм. *Екатерининскій, Пензинскій.* Отъ неясности и сходства неударяемыхъ звуковъ Э и И происходило также, что у насъ нѣкогда преобладали начертанія:

[1] Разницу произношенія Э въ этихъ двоякихъ примѣрахъ позволяю себѣ означать двумя французскими акцентами.

синей, Василей, какъ писалъ и Ломоносовъ, вм. *синій, Василій*, и что одно время многіе, напр. Шевыревъ, Павскій, по этимологіи писали: этѣ, этѣхъ и т. д. и двѣстѣ, отвергая общеупотребительную орфографію *эти, двѣсти*. Надобно замѣтить, что разсматриваемый неопредѣленный звукъ приближается однакожъ болѣе къ И нежели къ Э, чѣмъ и объясняется побѣда послѣдняго изъ приведенныхъ сейчасъ двоякихъ начертаній, а также ошибочное правописаніе, выше указанное. На это сходство звуковъ Э и И, когда они встрѣчаются безъ ударенія, обратилъ вниманіе еще г. Катковъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи и при этомъ остроумно замѣтилъ, что оба элемента сходятся въ посредствующемъ Ь-Ѣ. «Мѣстоименіе СЬ, опредѣляясь», говоритъ онъ, «становится въ церковно-славянскомъ *сій*, въ русскомъ *сей*. Въ сущности своей Ь тутъ долженъ быть признанъ за краткое І или за тотъ между І — Е въ серединѣ колеблющійся звукъ»[1].

Звуки А и О.

Въ общеупотребительномъ великорусскомъ нарѣчіи эти звуки слышатся явственно только въ ударяемыхъ слогахъ, въ неударяемыхъ же произносятся неопредѣленно. Звукъ А измѣняетъ свою ясность въ трехъ направленіяхъ: онъ становится неопредѣленнымъ или среднимъ между А и О, между А и Э, между А и У.

Звукъ между А и О.

Общепринятое правило, что О безъ ударенія выговаривается какъ А, не точно, потому что напр. слова́ *господа, хорошо*, не произносятся «гаспада, харашо»: въ первыхъ двухъ слогахъ обоихъ словъ слышится вовсе не чистый А, а средній звукъ между А и О[2];

[1] *Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка*, стр. 48.

[2] Эту неопредѣленность звука А безъ ударенія уже понималъ и Ломоносовъ: въ § 96 своей *Грамматики* онъ говоритъ, что когда надъ О нѣтъ ударенія, то оно выговаривается какъ А, *нѣсколько съ О смѣшанное*; но о произношеніи А безъ ударенія и онъ отдѣльно не упоминаетъ.—У Шведовъ есть буква å, которая въ ихъ письмѣ означаетъ звукъ чистаго О, но справедливѣе могла бы намъ служить для изображенія нашего неопредѣленнаго звука между А и О.

то же находимъ и въ послѣднихъ двухъ слогахъ имени *колоколъ*. Притомъ приведенное правило представляетъ дѣло только на половину, ибо и А безъ ударенія произносится тѣмъ же смѣшаннымъ звукомъ; слѣдовательно вѣрнѣе будетъ такое правило: гласный безъ ударенія, который, смотря по производству слова, пишется то А, то О, произносится въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаково, какъ средній звукъ между этими двумя гласными. Доказательствомъ тожества его въ томъ и другомъ случаѣ служитъ то, что на письмѣ буква А нерѣдко смѣшивается съ О. Такъ одни пишутъ: «расти, раждать, поглащать, покланяться, тварогъ, тароватый, грамата, казакъ», а другіе: «рости, рождать, поглощать, поклоняться, творогъ, тороватый, грамота, козакъ». Въ нѣкоторыхъ словахъ напр.: *калачъ*, *каратица* А утвердилось на письмѣ неправильно. Въ словарѣ Даля многія изъ такихъ словъ повторены въ двухъ мѣстахъ, напр. *каравай* и *коровай*, *касатка* и *косатка*.

Звукъ между А и Э.

Неопредѣленный звукъ между А и Э, склоняясь болѣе къ Э, слышится послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ ЖШЧЩ, напр. въ словахъ: *жаркое*, *часы*, *щавель*, *кожаный*, *кошачій*, *плащаница*.

Тутъ, по общему закону, долженъ бы слышаться средній звукъ между А и О (см. выше); но такъ какъ шипящіе обыкновенно не терпятъ послѣ себя звука О неударяемаго, напр. не говорятъ: жолта́, шорохова́тый, щоти́на, шокола́дъ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ слышится Е, то естественно, что и А безъ ударенія послѣ шипящихъ переходитъ въ тотъ же звукъ. Такое свойство неударяемаго А въ этихъ случаяхъ бываетъ виною нѣкоторыхъ ошибочныхъ начертаній, напр. когда пишутъ: смѣшенный, услышенъ вм. *смѣшанный*, *услышанъ*, или когда пишутъ: окончанъ, развѣшанъ вм. *окончен*ъ, *развѣшенъ*.

А во всѣхъ языкахъ легко переходитъ въ Э, какъ звукъ болѣе удобный для произношенія; вездѣ постепенное видоизмѣненіе звуковъ много происходитъ отъ небрежнаго выговора, отъ

желанія сберечь время и трудъ. Такъ и у древнихъ Грековъ А во многихъ случаяхъ мало по малу перешло въ Э [1].

Замѣтимъ однакожъ, что приближеніе А къ Э подъ вліяніемъ предшествующей шипящей постоянно встрѣчается только передъ ударяемымъ слогомъ, послѣ же него не всегда: въ послѣднемъ слогѣ словъ, какъ напр. *кожа*, *ваша*, *туча*, *куща*, вовсе не слышно оттѣнка Э, а является обыкновенный средній звукъ между А и О; въ неударяемыхъ же окончаніяхъ 3-го лица множ. ч. глаголовъ на **шатъ, жатъ, чатъ, щатъ** произношеніе А приближается къ У, какъ сейчасъ будетъ показано.

Звукъ между А-О и У

— слышится послѣ шипящихъ буквъ въ окончаніяхъ глаголовъ. Произносятъ напр. не совсѣмъ ясное У въ словахъ: держутъ, дышутъ, перечутъ, тащутъ вм. *держатъ*, *дышатъ*, *перечатъ*, *тащатъ*. Причиной тому замѣчаемое вообще стремленіе, при отсутствіи ударенія на окончаніи 3-го лица множ. числа въ глаголахъ, яснѣе обозначать форму отличительнымъ звукомъ У (или ъу = ю), безъ чего она была бы съ произношеніи слишкомъ безхарактерна и близка къ единств. числу, напр. говорятъ также: ходютъ, вѣрютъ, строютъ, клеютъ, вм. *ходятъ* и проч.

Звукъ ЙА или ЬА.

Подобно А, звукъ **йа** или **ьа** слышится явственно только подъ удареніемъ; въ неударяемыхъ же слогахъ онъ переходитъ въ неопредѣленный Е: слова *яйцо*, *ячмень*, *явить*, *пятно*, *рябой*, *принятъ*, *девять*, *десять*, произносятся почти какъ ейцо, ечмень, евить, петно, ребой, принетъ, деветь, десеть. Оттого и въ окончаніяхъ именительнаго падежа множ. числа прилагательныхъ, слухъ не указываетъ, должно ли писать Е и Я, или же И, къ которому такъ близко Е, напр.: вѣрные, вѣрныя или вѣрныи; дорогіе, дорогія или дорогіи. Объ этомъ долго спорили, пока наконецъ для рѣшенія вопроса принято было произвольное правило, осно-

[1] Schleicher. Die Deutsche Sprache, стр. 51.

ванное на различіи родовъ прилагательнаго имени. Средній звукъ между Я и Е соотвѣтствуетъ такому же звуку между А и О[1].

Въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. числа и въ дѣйствительныхъ причастіяхъ Я безъ ударенія, какъ уже было упомянуто, приближается въ произношеніи къ Ю: *стóятъ, ѣздятъ, спорящій, покоящій* произносятся почти какъ: стóютъ, ѣздютъ, спорющій, покоющій. Тутъ очевидно является смѣшеніе съ глаголами, которые правильно оканчиваются такимъ образомъ: дремлютъ, сыплютъ, топчутъ, вяжутъ. Неопредѣленность звука Ю въ подобныхъ случаяхъ видна изъ того, что и наоборотъ вмѣсто: дремлютъ, сѣютъ, колютъ, колеблютъ многіе пишутъ неправильно: дремлятъ, сѣятъ, колятъ, колеблятъ.

Звукъ ЙО или ЬО

— всегда происходитъ въ русскомъ языкѣ изъ звука **йэ** или **ьэ** по закону, который будетъ объясненъ ниже, и потому **йо** изображается не иначе какъ съ помощію буквы Е, надъ которою для означенія такого выговора иногда ставится двоеточіе (Ё). Общеупотребительный языкъ допускаетъ этотъ звукъ только въ *ударяемомъ слогѣ*, тогда какъ во многихъ народныхъ говорахъ слышатся и такія сочетанія, какъ напр. **йомý** (ему).

Звукъ **йо, ьо** есть отличительная принадлежность русскаго языка, совершенно чуждая древне-славянскому, почему тамъ и не было начертанія для этого звука. Оттого и теперь слышится произношеніе Ё только въ тѣхъ словахъ, которые употребительны въ языкѣ народномъ, слова же книжныя, заимствованныя изъ церковнаго или искуственно составленныя, остаются безъ этого измѣненія звука Е даже и тогда, когда они одного происхожденія съ народными. Для примѣра сравнимъ слова *подмётки* и *предметъ*, гдѣ слогъ *мет* выговаривается различно, хотя въ обоихъ онъ происходитъ отъ глагола *метать*. Нѣкоторыя слова въ этомъ отношеніи звучатъ различно въ народѣ и въ образованномъ языкѣ, напр.

[1] Если неударяемое А произносится какъ такое же О, то ясно, что и неударяемое **йа** (Я) должно произноситься какъ неударяемое **йо** (Ё), а неударяемое Ё есть Е.

крестъ, *смертный* народъ иногда произноситъ *крёстъ* (или *хрёстъ*), *смёртный*. Явленіе перехода звука Е въ Ё не поддается постояннымъ правиламъ, или по крайней мѣрѣ правила эти очень сложны, какъ показываетъ попытка Востокова, который въ первый разъ старался опредѣлить ихъ [1]. Однакожъ главное дѣйствующее тутъ (сверхъ акцента) условіе удачно указано имъ: именно оно заключается въ томъ, что Е можетъ обращаться въ Ё, въ началѣ, внутри и въ концѣ слога почти исключительно передъ дебелымъ же звукомъ, или вообще въ концѣ слова. Напр. въ такихъ словахъ какъ *ель*, *везть*, *плеть*, Е никогда не измѣняется въ Ё; напротивъ, слова *елка*, *везъ*, *плетка*, требуютъ этого измѣненія; иногда оно допускается также въ случаяхъ подобныхъ слѣдующимъ: берёшь, тё-тя, Лё-ля, зарё-ю, при чемъ однакожъ надобно сдѣлать оговорку, что первый примѣръ (берёшь), не смотря на Ь послѣ Ш, подходитъ подъ общее правило, ибо въ произношеніи 2-е лицо един. числа оканчивается на твердый звукъ. Что касается послѣднихъ примѣровъ, то съ другой стороны произносятъ безъ измѣненія Е въ Ё слова́: ше-я, Се-ня, ме-летъ и т. п. Но на чемъ же основывается обращеніе **йэ** въ **йо** или **ьэ** въ **ьо**, слѣдовательно Э въ О (при предшествующей тонкой согласной), передъ дебелымъ звукомъ? или иначе: на чемъ основывается такое дѣйствіе дебелаго звука на измѣненіе предыдущаго тонкаго гласнаго (Э) въ соотвѣтствующій дебелый (О)? Кажется, сущность этого явленія опредѣляется закономъ *уподобленія звуковъ*; превращеніе **е** въ **ё**, или **ьэ** въ **ьо**, т. е. тонкой гласной въ дебелую, обусловливается послѣдующимъ дебелымъ звукомъ, при чемъ кромѣ того непремѣнно требуется удареніе на гласной.

Звуки У, ЙУ, ЬУ

— также не совсѣмъ ясны, когда на нихъ нѣтъ ударенія. Это доказывается, кромѣ появленія ихъ на мѣсто А, Я въ окончаніяхъ глаголовъ, еще и тѣмъ, что малограмотные люди, въ прилагательныхъ именахъ, именно въ винит. и творит. падежахъ ед. числа жен-

[1] См. въ книгѣ Борна: *Краткое руководство къ россійской словесности*, стр. 3—6.

скаго рода, пишутъ О, Е вм. У, Ю и наоборотъ У, Ю вм. О, Е, напр. *доброю* вм. *добрую*, *крайнею* вм. *крайнюю*, чего бы конечно не могло быть, если бъ слухъ имъ положительно указывалъ требующуюся букву.

Звукъ Ы.

Выше было уже объяснено происхожденіе звука Ы. Изъ этого объясненія видно, что въ составѣ словъ онъ можетъ встрѣчаться только послѣ согласной; тѣмъ не менѣе однакожъ Русскій способенъ произносить этотъ звукъ и въ началѣ слога или отдѣльно: привыкнувъ давать устнымъ органамъ надлежащее положеніе для произнесенія, послѣ согласныхъ, звука Ы, мы можемъ, образовавъ такое положеніе органовъ, произносить тотъ же гласный и отдѣльно, безъ артикуляціи согласнаго.

Звукъ Ы большею частью слышится явственно не только въ ударяемомъ, но и въ неударяемомъ слогѣ; напр. въ словахъ: *силы*, *воры*, *вырывать* слухъ ясно отличаетъ Ы, хотя надъ этимъ звукомъ и нѣтъ ударенія. Бываютъ однакожъ случаи, когда въ одномъ изъ слѣдующихъ за удареніемъ слоговъ звукъ Ы также произносится неясно и смѣшивается съ О или А; это встрѣчается особенно въ окончаніяхъ глаголовъ на *ывать* и *овать*, почему одни пишутъ, напр., *проповѣдывать*, другіе *проповѣдовать*, и слухъ не разрѣшаетъ вопроса, что́ правильнѣе[1]; нѣкоторые по недоразумѣнію пишутъ: выиграшъ вм. *выигрышъ*, и т. п. Въ прилагательныхъ муж. р. ед. ч., какъ напр. *старый*, *слабый*, Ы также произносится какъ неударяемый О; но здѣсь звука Ы собственно нѣтъ: эта буква только пишется, чтобы выставить окончаніе **ый** какъ характеристическій признакъ муж. рода; въ сущности же тутъ имѣется окончаніе **ой**, гдѣ О произносится какъ неопредѣленный гласный между А и О. Доказательствомъ того, что въ прилагательныхъ мужескаго рода настоящее русское окончаніе есть **ой**, а не **ый**, служатъ прилагательныя съ удареніемъ на окончаніи, какъ *сѣдой*, *крутой*, которые еще не такъ давно писались: *сѣдый*, *крутый*. (Ср. сказанное выше на стр. 28).

[1] См. объ этомъ ниже во 2-ой части.

На основаніи предыдущаго разсмотрѣнія, всѣ наличные въ современномъ русскомъ языкѣ гласные могутъ быть представлены въ слѣдующей схемѣ, гдѣ надъ линіей означены явственные звуки, а подъ нею, въ промежуткахъ, неопредѣленные или смѣшанные изъ двухъ элементовъ. Подъ I поставленъ, по связи съ нимъ, звукъ Ы[1].

I		Э		А		О		У
	і—э		э—а		а—о		о—у	
Ы								

Имъ соотвѣтствуютъ слѣдующіе двоегласные:

Звуки:	йи	йэ	йа	йо	йу
Буквы:	и	е, ѣ	я	ё	ю

Классификація звуковъ.

Раздѣленіе звуковъ языка на разряды составляетъ одинъ изъ трудныхъ вопросовъ филологіи, чему доказательствомъ служитъ замѣчаемое въ этой классификаціи разнообразіе: почти у каждаго изслѣдователя она является въ другомъ видѣ.

Чтобы притти въ этомъ дѣлѣ къ правильному результату, начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній, въ которыхъ отчасти будемъ возвращаться къ тому, что уже было сказано выше.

Прежде всего, говоритъ Раумеръ[2], мы различаемъ тоны человѣческаго голоса и звуки человѣческой рѣчи. Тоны производятся колебаніями голосовыхъ связокъ въ голосовой щели; звуки — приpаженіемъ выдыхаемаго изъ гортани воздушнаго тока

---

[1] Въ польскомъ языкѣ не только И, но и Э также можетъ слѣдовать за дебелымъ согласнымъ (łe); у Русскихъ дебелый Э не встрѣчается въ составѣ словъ, но онъ слышится при переходѣ отъ слова съ дебелымъ согласнымъ окончаніемъ къ другому, начинающемуся гласнымъ Э, напр. въ словахъ: *былъ этотъ* звукъ ъэ является при сочетаніи лъ съ началомъ слова *этотъ*.

[2] R. Raumer. Gesam. sprachw. Schr., стр. 369 и д.

къ органамъ, простирающимся отъ надгортанника (Kehldeckel) до губъ. Въ отношеніи къ тонамъ, производимымъ въ голосовой щели, отличаютъ громкую рѣчь отъ шопотной (vox clandestina). Громкая рѣчь бываетъ тогда, когда производимые звуки сопровождаются тонами голосовыхъ связокъ; шопотная рѣчь — когда мы говоримъ безъ этихъ тоновъ.

Звуки раздѣляются, во 1-хъ, по положенію органовъ; во 2-хъ, по тѣмъ органамъ, которыми они производятся. Первое дѣленіе называется *количественнымъ*, второе *качественнымъ*.

По количеству звуки распадаются прежде всего на: 1, *гласные*, когда ротъ болѣе или менѣе раскрытъ и воздушный токъ не встрѣчаетъ никакой преграды; 2, *согласные*, когда ротъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ плотнѣе или слабѣе смыкается, такъ что воздушный токъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе значительную преграду. Въ этомъ отношеніи согласные дѣлятся на *мгновенные* (смычные), требующіе полнаго смыканія органовъ, и на *длительные*, которые образуются безъ такого полнаго смыканія. При послѣднихъ воздухъ проходитъ столь узкимъ каналомъ, что шумъ прираженія ясно слышится, чѣмъ они отличаются, съ другой стороны, отъ гласныхъ, и такимъ образомъ составляютъ середину между согласными мгновенными и гласными.

Кромѣ гласныхъ и согласныхъ, принимаютъ еще разрядъ *полугласныхъ*, но они отличаются отъ гласныхъ не мѣрою преграды, а только степенью протяженія голоса: они въ произношеніи короче гласныхъ. Въ современномъ русскомъ языкѣ собственно только одинъ полугласный — Й. Нѣкоторые (Востоковъ) называютъ Ъ и Ь также полугласными, но въ сущности эти двѣ буквы означаютъ болѣе чѣмъ на половину укороченный гласный звукъ. Ломоносовъ назвалъ ихъ *безгласными*; нельзя однакожъ не согласиться, что въ выговорѣ согласной, означаемомъ буквою Ъ, слышится приступъ къ произношенію послѣ нея дебелой гласной, а въ выговорѣ, означаемомъ буквою Ь, — такой же приступъ къ произношенію тонкой гласной. Итакъ мы сохранимъ за этими буквами названіе полугласныхъ, хотя онѣ по настоящему изобра-

жаютъ не звукъ, а только легкій пазвукъ (Nachhall). Надо при этомъ замѣтить, что терминъ *полугласный* употребляется филологами очень различно: Боппъ разумѣетъ подъ нимъ принадлежащіе санскриту звуки J R L W; Гейзе — J W S; Шлейхеръ — L и R; Гриммъ этого названія вовсе не употребляетъ; за то онъ придумалъ другое — *gebrochener* vocal (дробный гласный) для означенія неполной краткости гласнаго въ дифтонгахъ.

Количественное раздѣленіе согласныхъ на *мгновенные* и *длительные* уже разсмотрѣно выше по наблюденіямъ Брюкке. Тѣ и другіе дѣлятся еще на шопотные и громкіе.

Въ отношеніи къ этому послѣднему раздѣленію; вниманія заслуживаетъ взглядъ Раумера, въ сущности согласный съ воззрѣніемъ Брюкке, но нѣсколько иначе объясняющій основную причину различія шопотныхъ и громкихъ звуковъ. Ее составляетъ, по мнѣнію Раумера, способъ втеченія въ устный каналъ воздуха. Присутствіе или отсутствіе тона голоса, говоритъ онъ, особенно замѣтно при нѣкоторыхъ длительныхъ звукахъ, напр. при З и С. Если тянуть З, то можно въ то же время произвести поючій тонъ; при переходѣ же къ С тонъ этотъ мгновенно исчезаетъ. Но тонъ голоса есть нѣчто только сопровождающее звукъ, а не существенно ему принадлежащее, и потому Раумеръ считаетъ нужнымъ глубже вникнуть въ причину, почему нѣкоторые звуки не могутъ соединяться съ тономъ голоса, и предлагаетъ принять эту причину за признакъ различія. Она, по его наблюденіямъ, заключается въ томъ, что одни звуки—шопотные—производятся *выдуваніемъ* (durch Blasen, flare), а другіе — громкіе — *выдыханіемъ* (durch Hauchen, halare). Выдуваніе же и пѣніе исключаютъ другъ друга, въ чемъ легко удостовѣриться, если попробовать продолжать начатый поючій тонъ, перейдя отъ выдыханія къ выдуванію. Поэтому Раумеръ предлагаетъ, вмѣсто названій: громкій и шопотный, принять термины: *выдуваемые* (literae flatae) и *выдыхаемые* звуки (literae halatae [1]).

---

[1] R. v. Raumer. Gesam. sprachw. Schr., стр. 371.

Длительные звуки подраздѣляются на: *проточные*, *носовые* (или *отзвуки*, resonantes) М, Н, и *дрожательный* Р.

Проточные могутъ быть либо съ однимъ протокомъ: Ф Х С Ш и В Г З Ж, либо съ двумя протоками: Л, при которомъ воздушный токъ идетъ по обѣ стороны языка.

Всего болѣе разнообразія допускаетъ дѣленіе согласныхъ по органамъ. Если при этомъ вдаваться въ слишкомъ большія тонкости или искать слишкомъ симметрической правильности, какъ поступилъ напр. г. Таузингъ, то легко запутать дѣло, вмѣсто того чтобы уяснить его, и потому лучше держаться возможной простоты, измѣняя общепринятые термины только тогда, когда они противорѣчатъ вновь добытымъ результатамъ науки.

Слѣдуя этому правилу, получимъ, для обозрѣнія простыхъ звуковъ русскаго языка, такую таблицу:

Разряды звуковъ по органамъ.	Согласные.							Гласные.	
	Мгновенные.		Длительные.						
			Проточные.			Носовые.	Дрожательный.	Полные.	Полугласный.
			Съ однимъ протокомъ.		Съ двумя протоками.				
	Шопотные.	Громкіе.	Шопотные.	Громкіе.					
I. Гортанные (gutturales)	К	Г	Х	Г'				А	
II. Нёбные (palatales)			Ш	Ж				I	Й
III. Зубные (dentales)	Т	Д	С	З	Л	Н			
IV. Губные (labiales)	П	Б	Ф	В		М		У	
V. Язычный (lingualis)							Р		

Къ этой таблицѣ считаю нужнымъ присоединить нѣсколько примѣчаній.

Гласные звуки не могутъ съ такою же опредѣленностію, какъ согласные, быть относимы къ тому или другому органу; въ предпослѣд-

ней графѣ помѣщены только три основные гласные, болѣе для того чтобы, держась мысли Раумера[1], яснѣе представить положеніе длительныхъ согласныхъ, которые, по своему образованію, занимаютъ середину между мгновенными согласными звуками и гласными. Но означенные тутъ три гласные дѣйствительно образуются при участіи того органа, на линіи котораго каждый изъ нихъ поставленъ: при центральномъ звукѣ А дѣйствуетъ только *гортань*, для I языкъ приподымается къ переднему *нёбу*, для У протягиваются впередъ *губы*.

Изъ гласныхъ въ таблицу не внесены, по сказанной уже причинѣ, второобразные (не первичные) звуки Э О и Ы: извѣстно, что Э первоначально образовалось изъ соединенія А съ I, О изъ соединенія А съ У, а Ы изъ сліянія дебелой согласной съ тонкой гласной.

Большинство согласныхъ, собственно говоря, должно бы стоять въ таблицѣ вдвойнѣ: т. е. разъ съ дебелымъ произношеніемъ и другой разъ съ тонкимъ. Такъ привелъ ихъ, въ своемъ обозрѣніи звуковъ польскаго языка, г. Бодуэнъ-де-Куртенè; напр. въ разрядѣ *зубныхъ* мы у него видимъ два слѣдующіе ряда[2]:

твердые (дебелые)	T	D	N	S	Z	Ł
мягкіе (тонкіе)	T′	D′	Ń	Ś	Ź	L

или, перелагая это на русскій алфавитъ:

твердые (дебелые)	ТЪ	ДЪ	НЪ	СЪ	ЗЪ	ЛЪ
мягкіе (тонкіе)	ТЬ	ДЬ	НЬ	СЬ	ЗЬ	ЛЬ

При этомъ г. Бодуэнъ справедливо замѣчаетъ, что въ сущности у согласныхъ нижняго ряда мѣсто артикуляціи нѣсколько иное нежели у согласныхъ верхняго ряда. «Если, говоритъ онъ, N T D происходятъ отъ прижатія конца языка къ верхнимъ зубамъ, то для образованія N′ T′ D′ дѣйствуетъ не конецъ, а передняя

[1] Gesam. sprachw. Schriften, стр. 372.
[2] *О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія*, стр. 26.

часть языка на верхнихъ деснахъ». Поэтому въ строго-физіологическомъ смыслѣ тонкіе согласные слѣдовало бы поставить въ другой разрядъ чѣмъ дебелые, но г. Бодуэнъ не хотѣлъ раздѣлять звуковъ, столь сходныхъ между собою въ другихъ отношеніяхъ. Еще удобнѣе показалось мнѣ вовсе не повторять ихъ, отчего таблица значительно выигрываетъ въ простотѣ и достаточно дополняется общимъ напоминаніемъ о двоякомъ произношеніи согласныхъ.

Не довольствуясь простыми названіями: гортанные, нёбные, нѣкоторые германскіе филологи стали употреблять, при распредѣленіи звуковъ, такія обозначенія: «заднее нёбо и задняя часть языка», «передняя часть нёба и языка», или выраженія: «задненёбные», «передне-нёбные» и т. п. Конечно послѣдняго рода указанія точнѣе, но за то они сбивчивы и менѣе удобны при часто встрѣчающейся въ нихъ надобности.

Терминъ *язычный* для Р можетъ-быть не совсѣмъ удобенъ, потому что языкъ есть главный участникъ въ произношеніи и другихъ звуковъ; но такъ какъ для Р онъ является особенно характеристическимъ дѣятелемъ, то едва ли справедливо было бы называть этотъ звукъ, наравнѣ съ другими, зубнымъ.

Въ нашей таблицѣ недостаетъ сложныхъ звуковъ Ц Ч Щ, которые, состоя каждый изъ двухъ, не могутъ быть относимы ни къ одной изъ категорій простыхъ звуковъ: Ц (ТС) и Ч (ТШ) представляютъ въ первомъ членѣ своего состава мгновенный Т, а во второмъ длительные С и Ш, и хотя въ обоихъ случаяхъ сліяніе звуковъ такъ полно, что легко принять ихъ за простые, но тѣмъ не менѣе они по натурѣ своей остаются составными (см. выше стр. 17). Что касается до Щ, то тутъ связь обоихъ звуковъ ШЧ далеко не такъ тѣсна — оба явственно слышатся — и собственно говоря, они должны бы означаться двумя отдѣльными начертаніями: тутъ соединеніе только графическое, т. е. два звука изображаются однимъ знакомъ.

Названіе носовыхъ не принято въ нашей таблицѣ за основаніе самостоятельнаго различія по органамъ, такъ какъ звуки

М и Н подходятъ также подъ остальные разряды *устныхъ* органовъ (первый — губной, второй — зубной) и носъ служитъ тутъ только путемъ воздушнаго тока. Звукъ М требуетъ такого же смыканія губъ, какъ П и Б, а Н образуется какъ Т и Д, но съ опущеніемъ нёбной занавѣски для открытія воздуху носового канала.

Звуки въ трехъ послѣднихъ графахъ согласныхъ длительныхъ, по нашей таблицѣ, именно: Л Н М Р, какъ всего ближе подходящіе къ гласнымъ, издревле носятъ названіе *плавныхъ* (liquidae), конечно метафорическое, не научное въ физіологическомъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе удобное по своей краткости.

Такое же удобство представляетъ названіе *шипящихъ* (sibilantes), присвоенное простымъ звукамъ Ш Ж и сложнымъ Ч Щ. Иногда встрѣчается еще названіе *свистящихъ* для С З и сложнаго Ц (ТС), но этотъ терминъ не вошелъ въ общее употребленіе. Звукъ Ц отличаютъ сверхъ того названіемъ assibilata.

Не вводя подобныхъ ненаучныхъ названій въ таблицу, основанную на систематическомъ дѣленіи, считаю однакожъ позволительнымъ употреблять главные изъ нихъ на практикѣ. Еще Я. Гриммъ, въ своей нѣмецкой грамматикѣ, замѣтилъ, что давно установившаяся, хотя и не совсѣмъ удачная, терминологія имѣетъ то преимущество передъ новой, что прямо и несомнѣнно указываетъ на предметъ, хотя и не всегда соотвѣтствуетъ существенному его признаку.

Нѣкоторые филологи, напр. Миклошичъ и Шлейхеръ, исключаютъ Ф изъ системы славянскихъ звуковъ; но что этотъ спирантъ не чуждъ названнымъ языкамъ, доказывается произношеніемъ буквы В передъ шопотными и въ концѣ словъ (напр. *в*се = фсе, ро*в*ъ = рофъ): справедливо только, какъ уже и прежде замѣчено, что Ф не встрѣчается, какъ самостоятельный элементъ, въ составѣ славянскихъ корней.

До какой степени трудно, при систематическомъ обозрѣніи звуковъ, обойтись безъ физіологическаго основанія, доказываетъ примѣръ такого ученаго филолога, какъ Миклошичъ, который въ

своемъ «сравнительномъ звукоученіи славянскихъ языковъ»[1] впадаетъ въ важные промахи при дѣленіи звуковъ. Въ церковнославянскомъ и русскомъ онъ, по примѣру древнихъ грамматиковъ, принимаетъ два главные отдѣла согласныхъ: *плавныя* (liquidae) Л Н Р, и *нѣмыя* (mutae). Послѣднія распадаются у него на слѣдующіе разряды:

Зубныя (dentale): Т Д.

Губныя (labiale): П Б В М.

Гортанныя (gutturale): К Г Х.

Нёбныя (palatale): Ч Ж Ш.

Шипящія (sibilanten): Ц З С.

Кромѣ того, мы находимъ у Миклошича еще носовыя буквы: Н и М.

Послѣ всего вышеизложеннаго всякій легко замѣтитъ вкравшіяся сюда неправильности: мгновенные звуки, въ этомъ распредѣленіи, смѣшаны съ длительными (напр. К съ Х), названія по органамъ — съ такими, которыя взяты отъ внѣшняго признака дѣйствія звука на слухъ (*шипящіе*), простые звуки съ сложными (Ч Ц); въ разрядѣ гортанныхъ не отличены два звука, означаемые буквою Г, и шопотному Х не дано соотвѣтствующаго громкаго. Наконецъ, и тутъ нѣтъ строгаго различенія между звукомъ и буквою, на которую обращено преимущественное вниманіе. Впрочемъ, выставляя эти недостатки, мы должны конечно помнить, какъ давно изданъ трудъ г. Миклошича по славянской фонетикѣ, и не можемъ не выразить увѣренности, что въ позднѣйшее время онъ поступилъ бы совершенно иначе.

Шлейхеръ, напечатавшій въ 1852 г. свое «ученіе о формахъ церковно-славянскаго языка»[2], гораздо ближе подошелъ къ истинѣ. Въ его таблицѣ звуки раздѣлены весьма правильно, но и въ ней трудно согласиться съ нѣкоторыми пунктами. Такъ онъ къ *язычнымъ*, кромѣ Р, причисляетъ еще Л Ш Ж Ч ШТ (Щ) и ЖД.

---

[1]) Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. Wien 1852. (1-е изд. 1850).

[2]) Formenlehre der kirchenslavischen Sprache. Bonn 1852.

Шлейхеръ въ другомъ своемъ сочиненіи[1] самъ признаётъ неудобство термина *язычные* при распредѣленіи звуковъ, и повидимому не было никакой необходимости вводить въ этотъ разрядъ шипящіе, особенно сложные звуки, которые вообще, какъ было показано мною, несправедливо относить къ одному какому-нибудь органу. Далѣе Шлейхеръ, такъ же какъ и Миклошичъ, не приводитъ, въ ряду гортанныхъ, *громкаго* звука, соотвѣтствующаго *шопотному* Х, и въ замѣнъ Гʻ, которому принадлежитъ это мѣсто, ставитъ въ нёбномъ классѣ jot (Й): стало-быть, и онъ не избѣгъ въ этомъ случаѣ почти общаго недоразумѣнія германскихъ филологовъ. Прямое соотвѣтствіе съ одной стороны К и Г, съ другой Х и Гʻ лучше всего видно изъ наблюденія двоякихъ существительныхъ муж. рода, оканчивающихся въ писанномъ языкѣ на Г, напр. въ словахъ *другъ* и *богъ*. Въ первомъ слышится К, во второмъ Х; въ косвенныхъ падежахъ у перваго, въ произношеніи, является Г (друга), у второго Гʻ (бога). Ту же разницу представляютъ слова: *рогъ*, *кругъ* (г = К), род. п. *рога*, *круга* (г = Г); — и *Петербургъ*, *Лейпцигъ* (г = Х), род. п. *Петербурга*, *Лейпцига* (г — Гʻ), и мн. др. Въ своей систематикѣ звуковъ Шлейхеръ сохраняетъ латинскіе термины. Называть извѣстные звуки mutae и spirantes еще можно, но названія tenues и mediae для новыхъ языковъ вовсе не пригодны; въ отношеніи къ греческому мы понимаемъ терминъ *средній* (Γ Δ Β), какъ означающій мѣсто между tenues и aspiratae, но между какими же звуками занимаютъ середину наши Г Д Б?

Этой несообразности избѣгъ г. Лескинъ (Leskien) въ своемъ «руководствѣ по древне-болгарскому языку»[2], принявъ уже новую терминологію и раздѣливъ согласные на мгновенные и длительные, а послѣдніе на придувные, носовые и звуки Р, Л. Но г. Лескинъ также отнесъ Ш и Ж къ язычнымъ звукамъ; въ соотвѣтствіе къ шопотному Х и онъ не поставилъ громкаго Гʻ, а J (Й) помѣстилъ въ число громкихъ согласныхъ. Звуковъ Ц Ч ШТ и ЖД онъ справедливо не внесъ въ таблицу простыхъ звуковъ.

---

[1] Zetacismus, стр. 134.

[2] Handbuch der altbulgarischen (altkirchen sl.) Sprache. Weimar 1871.

Посмотримъ теперь, какъ представляется ученіе о звукахъ русскаго языка въ трудахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ филологовъ.

Грамматика Ломоносова.

Изъ грамматики Ломоносова къ предмету настоящаго изслѣдованія относятся собственно только первыя два *наставленія*, касающіяся звуковъ и буквъ, и знакомящія насъ вообще со взглядомъ автора на составъ языка; но при разсмотрѣніи этой части знаменитаго труда нельзя не затронуть и нѣкоторыхъ другихъ вызываемыхъ имъ вопросовъ. До сихъ поръ у насъ нѣтъ еще полнаго критическаго разбора его. Слѣдующія за симъ замѣчанія составятъ попытку болѣе обстоятельной въ отношеніи къ нему критики. Обратимся сперва къ тому, что́ заключаетъ въ себѣ эта грамматика, а потомъ постараемся указать, какими источниками Ломоносовъ пользовался при ея составленіи.

Въ его грамматикѣ вниманію нашему представляются двѣ стороны: во-первыхъ, расположеніе; во-вторыхъ, содержаніе.

Въ первомъ отношеніи она раздѣлена на шесть *наставленій*, изъ которыхъ каждое подраздѣляется на нѣсколько главъ (числомъ отъ пяти до семи). Содержаніе первыхъ двухъ наставленій мною уже обозначено; 3-е и 4-е посвящены разсмотрѣнію двухъ *главныхъ* частей рѣчи: имени и глагола; 5-е занимается *служебными* частями рѣчи; 6-е относится къ синтаксису. Надобно согласиться, что этотъ планъ чрезвычайно простъ и разуменъ.

Первое *наставленіе* озаглавлено: *О человѣческомъ словѣ вообще*. Подъ *словомъ*, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, разумѣется языкъ; это послѣднее названіе часто встрѣчается въ посвященіи грамматики великому князю, которое и начинается извѣстною фразою: «Повелитель многихъ *языковъ*, *языкъ* Россійскій» и т. д.

Впрочемъ и тамъ Ломоносовъ говоритъ о своемъ «долговременномъ въ Россійскомъ *словѣ* упражненіи», но за основаніе изученія *своего языка* ставитъ «общее философское понятіе *о человѣческомъ словѣ*». Вникая въ различіе, полагаемое имъ въ употре-

бленіи этихъ двухъ терминовъ, мы находимъ, что онъ пользуется ими съ большою разборчивостью, и во всей грамматикѣ пишетъ исключительно *слово*, когда разумѣетъ общую принадлежность человѣческаго рода, способность говорить; *языкомъ* же называетъ онъ конкретно достояніе того или другого народа. Оттого и въ заглавіяхъ отдѣльныхъ главъ I-го наставленія грамматики говорится все о *частяхъ слова*. Этотъ способъ выраженія проведенъ въ грамматикѣ съ большою послѣдовательностью, напр. «По самой натурѣ *человѣческаго слова* всѣ сіи падежи потребны... Однако нѣкоторые *языки* имѣютъ въ нихъ недостатокъ» (§ 57).

Въ слѣдствіе такого пріема Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, подобно Смотрицкому, уже никогда не употребляетъ имени *слово* въ смыслѣ звукового цѣлаго для выраженія отдѣльнаго понятія: для этого имъ обоимъ постоянно служитъ имя *реченіе*.

Въ этомъ же смыслѣ Ломоносовъ однажды въ посвященіи употребилъ названіе *рѣчь*: «Тончайшія философскія воображенія и рассужденія *и проч.* имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи». Но въ грамматикѣ это послѣднее слово является у него равносильнымъ нынѣшнему *предложеніе*: «Сложеніе *реченій* производитъ *рѣчи*, полной разумъ въ себѣ составляющія» (§ 77).

Идея и цѣль I-го наставленія заключаются въ томъ, чтобы прежде разсмотрѣнія частностей обозрѣть всю область языка и уяснить основныя понятія науки о немъ. Оно должно было служить вступленіемъ въ русскую грамматику.

Приведу теперь заголовки отдѣльныхъ главъ, содержащихся въ этомъ наставленіи; но такъ какъ многіе термины Ломоносова впослѣдствіи замѣнены другими и потому для насъ не совсѣмъ понятны, то я рядомъ съ его заголовками поставлю въ скобкахъ, гдѣ нужно, ихъ переводъ на нынѣшніе термины:

Глава 1. О голосѣ.
» 2. О выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова (*объ элементарныхъ звукахъ языка*).
» 3. О сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова (*о сочетаніи элементарныхъ звуковъ*, т. е. о слогахъ).

Глава 4. О знаменательныхъ частяхъ слова (*о реченіяхъ*, т. е. отдѣльныхъ словахъ).

» 5. О сложеніи знаменательныхъ частей слова (*о сочетаніи словъ или реченій*).

Эти пять отдѣловъ могутъ быть сведены на три, изъ которыхъ виднѣе будетъ правильное и симметрическое расположеніе предмета: 1, о голосѣ и звукахъ языка вообще; 2, объ элементарныхъ звукахъ языка и о соединеніи ихъ въ слоги, а слоговъ въ слова; 3, о словахъ и соединеніи ихъ въ предложенія.

Отступая отъ общепринятаго въ его время порядка, Ломоносовъ начинаетъ свою грамматику размышленіями о *голосѣ*, слѣдовательно уже понимаетъ необходимость итти въ изученіи языка отъ живой рѣчи. Но качества и измѣненія голоса различены имъ не довольно ясно, и главы этой нельзя считать вполнѣ удачною.

Замѣчательно, что ни въ ней, ни далѣе, въ цѣлой грамматикѣ, онъ, говоря о языкѣ, ни разу не употребляетъ слова *звукъ*, и только изрѣдка замѣняетъ его неупотребительнымъ нынѣ въ этомъ смыслѣ реченіемъ *звонъ*, напр. объясняя, что «сами гласныя А, У, Ы произносятся яснымъ и неотмѣняемымъ *звономъ*» (§ 93, ср. § 94).

Вмѣсто того онъ останавливается на *выговорѣ человѣческаго слова*, который, по его мнѣнію, составляетъ одинъ изъ видовъ образованія голоса. Къ образованію же голоса относитъ онъ «тѣ отмѣны его, которыя отъ повышенія, напряженія и протяженія не зависятъ» и примѣчаются «въ сиповатомъ, звонкомъ, тупомъ и въ другихъ голосахъ разныхъ». Особенно же, какъ видно изъ послѣдующаго, Ломоносовъ подъ «выговоромъ» разумѣетъ произносимые человѣкомъ разнообразные звуки языковъ, которые у многихъ азіатскихъ, африканскихъ и американскихъ народовъ «больше на шумъ другихъ животныхъ нежели на человѣческій разговоръ походятъ». Вообще понятіе Ломоносова о голосѣ и выговорѣ оказываются нѣсколько сбивчивыми, а потому мы на нихъ и не будемъ останавливаться долѣе.

Отъ *выговора* онъ, въ началѣ 2-й главы, обращается къ

нераздѣлимымъ частямъ слова. Такъ называетъ онъ, подобно Смотрицкому[1], то, что въ наше время разумѣютъ подъ именемъ членораздѣльныхъ элементарныхъ звуковъ и ихъ изображеній, т. е. буквъ. То и другое можетъ быть соединено подъ общимъ понятіемъ *элементовъ* языка. Вслѣдъ за симъ начинается у Ломоносова весьма обыкновенное еще и донынѣ смѣшеніе понятій о звукѣ и о буквѣ, смѣшеніе, на которое жаловался еще древній грамматикъ Присціанъ[2].

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, здѣсь тотчасъ выказывается естествоиспытатель. «Различность ихъ» (т. е. нераздѣлимыхъ частей слова), говоритъ Л-въ, «происходитъ отъ разности органовъ, отъ разнаго ихъ положенія и движенія». Органы эти тутъ же исчислены имъ вѣрно: «губы, зубы, языкъ, небо и гортань съ положенными близъ ея частями, т. е. съ язычкомъ, и со скважинами въ ноздри» (§ 14 и 15). Затѣмъ слѣдуетъ различеніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, изъ которыхъ первые Ломоносовъ, по примѣру Смотрицкаго, называетъ иногда и *самогласными* (Selbstlaute); хотя различіе тѣхъ и другихъ объяснено не совсѣмъ удовлетворительно, однакожъ постоянно обращается вниманіе и на физіологическую сторону дѣла. Различіе гласныхъ очень остроумно обозначено характеристическими признаками разныхъ положеній рта, именно расширеніемъ (Е), *стисненіемъ* (И), округленіемъ (О) и протяженіемъ (У).

Гласныя дѣлятся на два разряда, отмѣченные у Ломоносова тѣми же терминами—*дебелыя* и *тонкія*, которые употреблены Смотрицкимъ а потомъ приняты и Востоковымъ, и Павскимъ, для обозначенія двоякаго выговора согласныхъ (при Ъ и при Ь). Иначе Ломоносовъ называетъ ихъ *тупыми* и *острыми*. Но самое распредѣленіе гласныхъ на этомъ основаніи у него невѣрно. Именно онъ принимаетъ (§ 20):

---

[1] «Что есть письмя?—Есть реченія часть нераздѣльная». (*Грам.* Смотрицк.)

[2] «Abusive tamen et elementa pro literis, et literae pro elementis vocantur». (*Prisciani Caesariensis grammatici opera.* Lipsiae 1819, Vol. I, p. 11).

дебелыя:	тонкія:
А	Я
Е	Ѣ
Ы	И
О	Ю̂
У	Ю.

Тутъ смѣшаны звуки съ буквами, простые звуки съ составными и дебелые съ тонкими: во 1-хъ, Е и Ѣ выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ[1], слѣдовательно не могутъ стоять въ различныхъ категоріяхъ; во 2-хъ, Е (хотя бы ему дать начертаніе: Э) не можетъ относиться къ дебелымъ; въ 3-хъ, Я Ѣ Ю̂ и Ю суть двоегласные, и потому между элементарными звуками («нераздѣльными частями слова») находить мѣста не могутъ. Припомню здѣсь предлагаемое мною раздѣленіе нашихъ гласныхъ:

Гласные простые звуки.		Двоегласные.
Дебелые.	Тонкіе.	
Ы	И	йи (И)
	Э	йэ (Е, Ѣ)
А		йа (Я)
О		йо (Ё)
У		йу (Ю)

Большею правильностью отличается у Ломоносова таблица согласныхъ по органамъ; въ этомъ отношеніи онъ принимаетъ: *губныя*, *зубныя*, *язычныя*, *поднебныя* и *гортанныя* (§ 21). Особенность его таблицы заключается въ томъ, что въ ней отведена отдѣльная графа для *буквъ чужестранныхъ*, соотвѣтствующихъ тѣмъ же органамъ, при чемъ однакожъ дѣло не обошлось безъ нѣко-

[1] Самъ Ломоносовъ (§ 100) сознаётся, что «буквы Е и Ѣ въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность»; это сознаніе выражено имъ еще яснѣе въ §§ 113 и 114, гдѣ онъ говоритъ, что кромѣ «твердаго ученія грамотѣ и прилежнаго чтенія книгъ» нѣтъ никакихъ другихъ средствъ отличать въ употребленіи на письмѣ Е и Ѣ по причинѣ «сходнаго произношенія» словъ, гдѣ онѣ пишутся.

торыхъ ошибокъ: напр. онъ считаетъ итальянское G (ДЖ) звукомъ тожественнымъ съ нашимъ ЖД въ словѣ *трожды*. За то Ломоносовъ понялъ различіе нашихъ двухъ звуковъ, выражаемыхъ буквою Г; жаль только, что онъ поставилъ ее въ два разные разряда, отнеся звукъ ея въ словѣ *глазъ* къ поднебнымъ, а въ словѣ *благо* къ гортаннымъ [1]; съ первымъ звукомъ онъ правильно сопоставилъ К, со вторымъ Х, а этого, какъ мною уже было замѣчено, не сознаютъ и многіе изъ нашихъ современниковъ. Впрочемъ надобно помнить, что на эти два звука слегка указалъ уже и Смотрицкій, принявъ въ своей азбукѣ два Г (г для славянскаго звука въ словѣ *благо*, и греч. Γ для гаммы), а позднѣе на нихъ было обращено вниманіе въ краткой грамматикѣ, приложенной къ словарю Вейсмана (1730) и въ извѣстномъ Разговорѣ Тредьяковскаго (1748). Въ особенной табличкѣ Ломоносовъ представляетъ раздѣленіе буквъ каждаго органа на *мягкія* и *твердыя* (чему, по нашей терминологіи, соотвѣтствуютъ громкія и шопотныя), но о физіологическомъ различіи изображаемыхъ тѣми и другими звуковъ онъ еще не имѣетъ надлежащаго понятія и объясняетъ его различною мѣрой стремленія воздуха и силы движенія (§ 24). Такъ и раздѣленіе согласныхъ на *мгновенные* и *длительные*, хотя бы и подъ древними названіями *нѣмыхъ* (mutae) и *полугласныхъ* (semivocales), вовсе еще чуждо сознанію Ломоносова, и онъ полагаетъ, что *всѣ* согласныя, въ противоположность гласнымъ, «слышны бываютъ въ *нераздѣлимое* слухомъ время» (§ 16): отъ вниманія его совершенно ускользнуло, что есть согласныя, которыя, подобно гласнымъ, также «могутъ дать голосу отмѣну на чувствительное и весьма долгое время, сколько духа человѣческаго станетъ», какъ напр. С З Ш Ж Ф В. — Что касается терминовъ: *носовыя*, *плавныя* и *шипящія*, то изъ нихъ только средній («плавкія») является у Ломоносова, и именно въ таблицѣ его.

Въ слѣдующей главѣ (3-й) *о сложеніи нераздѣлимыхъ ча-*

---

[1] Это раздѣленіе означенныхъ двухъ звуковъ по органамъ невѣрно: они оба гортанные; различіе между ними количественное, а не качественное (см. выше стр. 18, 41 и 47).

стей слова разсматривается образованіе *слоговъ*, которые Ломоносовъ постоянно называетъ *складами*. Послѣ того объяснено значеніе *ударенія* и *количества* съ указаніемъ на различіе языковъ въ этомъ отношеніи. Мы не разъ слышали замѣчаніе, будто Ломоносовъ, раздѣляя слоги на краткіе и долгіе, смѣшивалъ акцентъ съ протяженіемъ; но это несправедливо: называя одни слоги русскихъ стиховъ *долгими*, а другіе *короткими*, онъ употребляетъ эти термины только для удобства выраженія; самую сущность дѣла онъ очень хорошо понималъ. Это отчасти видно уже изъ его *письма о правилахъ россійскаго стихотворства*, хотя тамъ сказано: «въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки». Гораздо яснѣе Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на русскую просодію въ грамматикѣ, писанной годами 15-ю позже означеннаго письма [1]. Здѣсь (§ 32) онъ говоритъ уже не о *долгихъ* слогахъ, а о *повышенныхъ*, или *имѣющихъ на себѣ удареніе*, которое «составляется разностію возвышенія и униженія» (голоса). Какъ вѣрно Ломоносовъ смотрѣлъ на это свойство русской просодіи, доказывается особенно § 34-мъ грамматики: «разность складовъ чрезъ протяженіе была весьма явственна у древнихъ Грековъ и Римлянъ, такъ что и стихотворство ихъ на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя по сему не такъ чувствительны были, какъ протяженія. Въ нынѣшнее время у Европейскихъ народовъ хотя удареніе на складахъ преимущество одержало; однако протяженіе не токмо не совсѣмъ истребилось; но и нѣкоторую разницу причиняетъ между реченіями одного выговора, напримѣръ: у Нѣмцовъ Stall краткое, значитъ конюшню, Stahl долгое, сталь». Приведеніе здѣсь примѣра изъ нѣмецкаго языка не оставляетъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію, что Ломоносовъ совершенно понималъ отсутствіе *долгихъ* слоговъ въ русскомъ. Чередованіе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія или свойство голоса, которымъ оно производится,

---

[1] Письмо писано въ 1739 г.; собранные для грамматики матеріалы Ломоносовъ сталъ приводить въ порядокъ съ 1751 года. (См. его *Рапортъ о своихъ трудахъ* въ Смирд. изд. его сочиненій, т. I, стр. 729).

онъ называлъ *выходкой* (музыкальный терминъ[1]) и прибавлялъ: «выходка въ различеніи складовъ примѣчается у всѣхъ извѣстныхъ народовъ; протяженіе у нѣкоторыхъ» (§ 31).

По плану І-го наставленія грамматики, которое имѣетъ цѣлью дать понятіе о языкѣ независимо отъ письма, глава 3-я должна была ограничиться немногими приведенными мною сокращенно замѣчаніями объ образованіи и произношеніи слоговъ; но здѣсь Ломоносовъ, потерявъ изъ виду свою идею, начинаетъ далѣе говорить о знакахъ ударенія и титлахъ, также о сложныхъ буквахъ (напр. Щ) и такимъ образомъ преждевременно касается правописанія, составляющаго у него предметъ II-го наставленія.

Отъ слоговъ онъ переходитъ къ составленію изъ нихъ цѣлыхъ словъ или *реченій*, которыя и разсматриваетъ въ 4-й главѣ, озаглавленной: *о знаменательныхъ частяхъ слова.* Эта глава подала поводъ къ недоразумѣнію, которое долго держалось въ нашей ученой и учебной литературѣ, и произошло единственно отъ не довольно внимательнаго чтенія первыхъ страницъ грамматики Л-ва. Сколько разъ повторялось даже въ спеціальныхъ трудахъ (не исключая академическаго изданія этой грамматики въ 1855 году), что подъ знаменательными частями слова онъ разумѣетъ имя и глаголъ въ противоположность остальнымъ, которыя называетъ служебными. Но такъ какъ тутъ же первымъ терминомъ явно означены въ одномъ мѣстѣ всѣ части рѣчи, то находили въ этой главѣ неясность или недоконченность въ отдѣлкѣ[2]. Нельзя дѣйствительно отрицать, что въ изложеніи ея есть нѣкоторая сбивчивость, но если вникнуть въ дѣло, то оно вполнѣ выясняется.

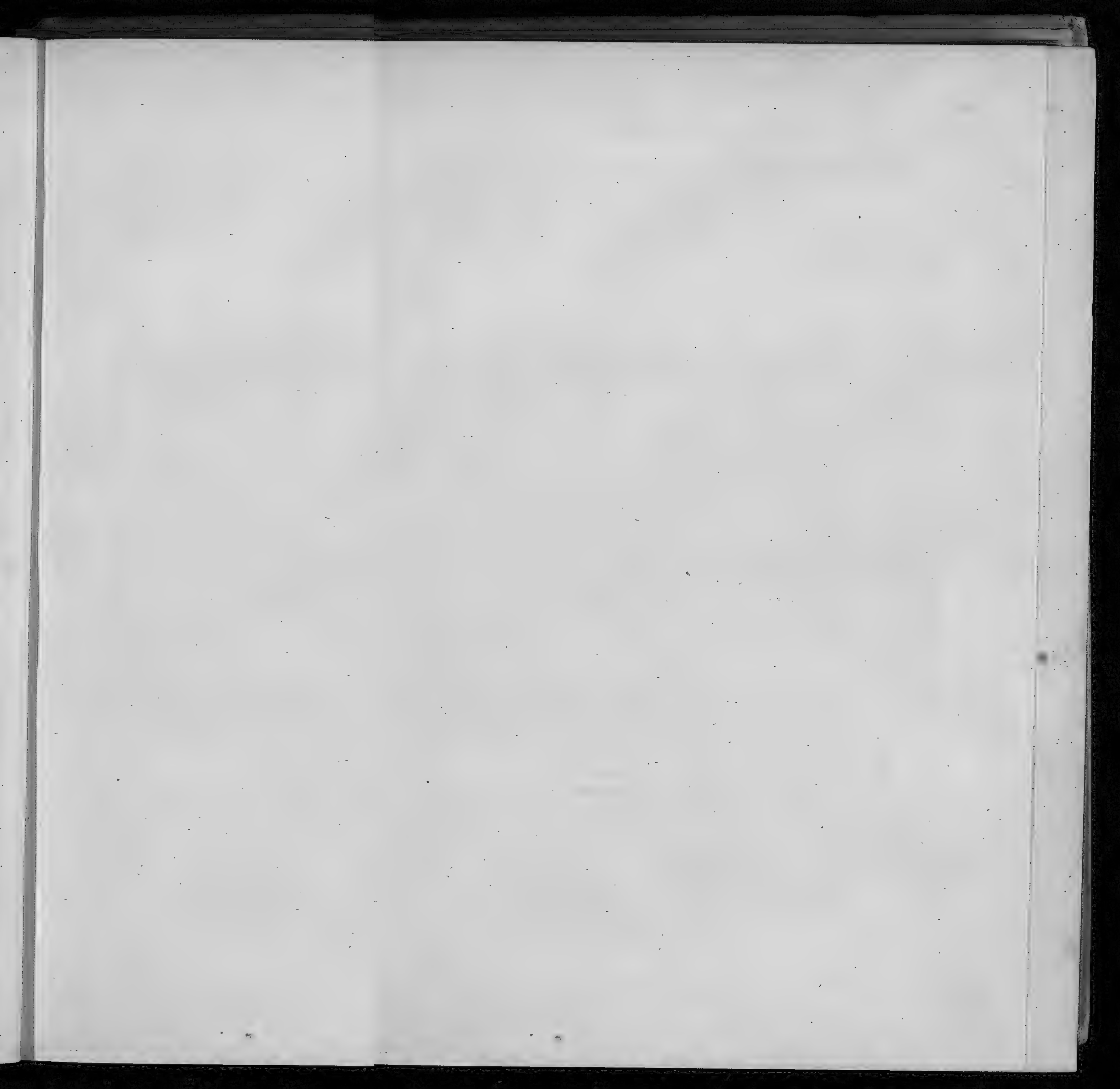
[1] Ср. въ § 115 его Грамм. выраженіе, что музыканты въ протяжныхъ распѣвахъ обходятъ букву И, «не протягивая на ней *долгихъ выходокъ*».

[2] Такъ г. Будиловичъ говоритъ: «Не можемъ не замѣтить, что Л-въ не представилъ еще ясно и твердо различія частей рѣчи знаменательныхъ и служебныхъ... То называетъ онъ знаменательными или главными только *имя* и *глаголъ* (§ 40 и 45), считая остальныя 6 частей рѣчи служебными (§ 45), то говоритъ: ««слово человѣческое имѣетъ осмь частей знаменательныхъ»» (§ 46). Мы склонны впрочемъ считать это обмолвкой» и проч. (*Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ.* Спб. 1869, стр. 75.)

Отъ членораздѣльныхъ звуковъ Ломоносовъ постепенно переходитъ къ болѣе и болѣе развивающимся сочетаніямъ ихъ: изъ нераздѣлимыхъ частей языка образуются склады (слоги), которые сами по себѣ въ отдѣльномъ видѣ еще не имѣютъ знаменованія; изъ слоговъ же «раждаются *знаменательныя части слова, т. е. реченія»* (§ 29); наконецъ «сложеніе знаменательныхъ частей слова или реченій производитъ *рѣчи»* (по нынѣшнему, предложенія), «полный разумъ въ себѣ составляющія» (§ 77). Ясно, что реченія, или *слова вообще*, названы у него *знаменательными* частями языка, какъ такія сочетанія звуковъ, которыя уже сами по себѣ, отдѣльно взятыя (не такъ, какъ слоги), имѣютъ значеніе.

Знаменательныя же части слова (терминъ, означающій у него и реченія, и то, что мы теперь называемъ частями рѣчи) дѣлитъ онъ на два разряда: *главныя* и *служебныя*. Это съ несомнѣнною опредѣлительностью выражено имъ такъ: «Слово человѣческое имѣетъ *осмь частей знаменательныхъ»*, и послѣ исчисленія этихъ частей рѣчи прибавлено: «Сіи части слова, двѣ *главныя*, и шесть *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, должны быть по своей необходимости во всякомъ языкѣ» (§§ 46 и 47). Мѣсто, подавшее поводъ къ недоразумѣнію (§ 40), изложено такъ: «Слово дано для того человѣку, чтобы свои понятія сообщать другому. И такъ понимаетъ онъ на свѣтѣ и сообщаетъ другому идеи вещей и ихъ дѣяній. Изображенія словесныя вещей называются *имена:* напр. *небо, вѣтръ, очи*; изображенія дѣяній, *глаголы*: напр. *сіяетъ, вѣетъ, видятъ*. И такъ понеже они всегда вещь или дѣяніе знаменуютъ; по справедливости *знаменательныя части слова* названы быть могутъ».

Здѣсь можно отмѣтить только недомолвку или нѣкоторую неточность: вмѣсто «по справедливости» слѣдовало сказать «по преимуществу», какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, гдѣ и остальныя принимаемыя Ломоносовымъ части рѣчи (мѣстоименіе, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе) положительно названы *знаменательными* же *частями слова*. Какъ понималъ Ломоносовъ этотъ терминъ, лучше всего видно изъ его *грам-*

Къ стр. 57.

Грамматическая таблица Ломоносова.

Слово человѣческое начинаетъ: **голосъ.**

Его отмѣняютъ:
- повышеніе
- напряженіе
- протяженіе
- образованіе.

- Сего видъ **выговоръ**
- **Его части:**
  - Нераздѣлимыя: **буквы**
    - Самогласныя
      - тонкія
      - дебелыя.
    - Согласныя
      - мягкія
      - твердыя
      - плавкія
        - губныя
        - зубныя
        - язычныя
        - поднебныя
        - гортанныя.
  - Раздѣлимыя или сложенныя: **склады**
    - Двугласныя и тригласныя
      - Явственныя
      - Потаенныя.
    - Двусложныя и многосложныя.
      - Самогласное напереди
      - Гласное назади
      - Согласное въ срединѣ.
  - Знаменательныя: **реченія**
    - Главныя: **имя**
      - Существит.
        - Собственное
        - Нарицательное
        - Собирательное
          - первообразное
          - производное.
      - Прилагат.
        - Именное
        - Глагольное или
        - Причастіе.
          - простое
          - сложенное.
      - Къ имени принадлежитъ:
        - Родъ: муж., жен., средн.
        - Число: единствен., множествен.
        - падежъ, склоненіе: 7 пад., 5 ск.
        - уравненіе, увеличеніе, умаленіе: 3 ст., ласк., презр.
    - **глаголъ**
      - Дѣйствительный
      - Страдательный
      - Средній
      - Общій
      - Взаимный
        - Оные суть: первообразные и производные.
        - Къ нимъ принадлежатъ:
          - времена — врем.: 8.
          - числа — чис.: 2.
          - лица и — лиц.: 3.
          - роды. — род.: 3.
  - **Служебныя:**
    - Мѣстоименіе
    - Предлогъ
    - Союзъ
    - Нарѣчіе
    - Междуметіе.
      - Еще глаголы раздѣляются на
        - личные
        - безличные
        - правильные и направ.
        - полные и неполные и
        - изобилующіе.

матической табели, оставшейся въ рукописи и здѣсь прилагаемой[1].

Разсуждая о разрядахъ словъ, Ломоносовъ бросаетъ любопытный взглядъ и на исторію языка. «Какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются, и потомъ присовокупленіями возрастаютъ; такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено, и однѣми простыми реченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по малу умножилось, что происходило *произвожденіемъ и сложеніемъ*» (§ 51).

Въ остальной части 4-й главы Ломоносовъ продолжаетъ развивать понятія о языкѣ: объясняетъ значеніе рода и вида, раздѣленіе именъ на собственныя и нарицательныя, на существительныя и прилагательныя; далѣе, передъ нами проходятъ разныя способы измѣненія словъ: степени сравненія (*разсудительный* степень вм. нынѣшняго термина: *сравнительная* степень); числа, падежи (новый терминъ: *предложный* вм. *сказательный*), увеличительныя и «умалительныя» имена; роды именъ; времена глаголовъ, лица, наклоненія (или «образы») и залоги. Изъ понятія о перемѣнахъ окончаній глагола по этимъ отношеніямъ выводится понятіе о его *спряженіи*; потомъ упомянуто о причастіяхъ, о мѣстоименіи и объ остальныхъ частяхъ рѣчи. Вѣрный плану своего введенія «о человѣческомъ словѣ вообще», Ломоносовъ въ І-мъ наставленіи иногда предлагаетъ философскія соображенія и при каждомъ новомъ предметѣ касается другихъ языковъ, не только европейскихъ, древнихъ и новыхъ, но часто и еврейскаго. Его замѣчанія относительно новыхъ языковъ не всегда точны, такъ какъ онъ за исключеніемъ нѣмецкаго не зналъ ихъ практически: напр. онъ думаетъ, что французское U въ lutte выговаривается такъ, какъ наше Ю въ *лютость*. Но важно то, что Ломоносовъ уже предчувствуетъ значеніе сравнительной филологіи и по мѣрѣ

[1] Табель эта уже была напечатана г. Будиловичемъ (см. его *Ломоносовъ, какъ натуралистъ и философъ*, стр. 1), но съ небольшими неточностями, которыя здѣсь исправлены. Въ академической рукописи Ломоносова (№ 112) она писана не имъ самимъ, но съ поправками его руки.

возможности прибѣгаетъ къ ней съ первыхъ шаговъ въ объясненіи законовъ языка. Не менѣе важно, что онъ употребляетъ аналитическій методъ, восходя отъ единичныхъ явленій къ болѣе сложнымъ и отъ частнаго къ общему, наприм. разобравъ «перемѣны», случающіяся въ частяхъ рѣчи, кончаетъ главу замѣчаніемъ: «По всему сему раздѣляются части слова на *склоняемыя* и *несклоняемыя*». Въ послѣдней (5-й) главѣ I-го наставленія: «О сложеніи знаменательныхъ частей слова» онъ излагаетъ только самыя общія понятія о предложеніи, которое, какъ я уже замѣтилъ, называетъ *рѣчью*, о способахъ распространять его, о простыхъ и сложныхъ предложеніяхъ, наконецъ о періодахъ. Заключительныя слова этой первой части грамматики Ломоносова подтверждаютъ сказанное выше о его методѣ. Кончая свое I-е наставленіе, онъ какъ бы оглядывается на все его содержаніе и говоритъ: «Здѣсь при вступленіи въ Россійскую грамматику больше общаго понятія о человѣческомъ словѣ не требуется. Довольно для краткости будетъ знать, что *общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова Россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленію*». (Курсивъ у самого Ломоносова). Его I-е наставленіе есть сокращенное изложеніе общей грамматики и притомъ съ фонетикою во главѣ ея. Хотя еще и не совсѣмъ сознательно и не совсѣмъ полно, онъ уже отличаетъ произносимый языкъ отъ писаннаго и посвящаетъ первому вступительную часть своего труда.

Со II-го наставленія Ломоносовъ приступаетъ къ изложенію собственно русской грамматики и прежде всего къ правописанію, именно къ тому, чѣмъ въ его время (какъ дѣлается по большей части еще понынѣ) начиналась всякая частная грамматика. Здѣсь мы остановимся, такъ какъ предметъ II-го наставленія относится уже къ другому отдѣлу нашего изслѣдованія, и говорить теперь о правописаніи было бы преждевременно. Поэтому на первый случай представлю за симъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о грамматикѣ Ломоносова и ея источникахъ. Трудъ этотъ планомъ

своимъ отличается отъ всѣхъ современныхъ трудовъ того же рода. Принадлежитъ ли идея этого плана исключительно самому Ломоносову, или она хотя отчасти заимствована? Постараюсь опредѣлить отношеніе его грамматики къ состоянію тогдашней филологической литературы вообще[1].

Откуда могъ онъ почерпнуть мысль о необходимости начинать грамматику свѣдѣніями о звукахъ человѣческой рѣчи и философскими понятіями о языкѣ, составляющими принадлежность общей грамматики? Съ перваго взгляда можно подумать, что такое убѣжденіе было вынесено имъ изъ знакомства съ германской ученой и учебной литературой, но ни Готшедъ, издавшій свою грамматику въ 1748 году, ни другіе извѣстные въ то время авторы по этой части не представляютъ ничего подобнаго. У нихъ могъ онъ научиться между прочимъ пріему приводить сравненія съ другими языками, что было особенно умѣстно въ отдѣлѣ о человѣческомъ словѣ вообще. Богаче въ отношеніи къ разработкѣ теоріи звуковъ и общей грамматики въ 18-мъ и уже въ 17-мъ столѣтіяхъ были англійская, голландская и французская литературы. Въ Англіи, еще въ 1653 году, ученый епископъ Іоаннъ Валлисъ (Johannis Wallis), профессоръ геометріи при Оксфордскомъ университетѣ, издалъ по-латыни грамматику своего языка, передъ которою помѣстилъ «грамматико-физическій трактатъ о живой рѣчи или образованіи звуковъ»[2]. Это сочиненіе имѣло большой успѣхъ, перепечатывалось не въ одной Англіи[3] и въ 18-мъ вѣкѣ было очень извѣстно въ Европѣ. Вскорѣ послѣ Валлиса писалъ о томъ же врачъ Амманъ, уроженецъ Шафгаузена, поселившійся въ Голландіи; онъ, подобно Валлису, занимался обученіемъ глухонѣмыхъ и на основаніи своихъ наблюденій напечаталъ

[1] Считаю это тѣмъ болѣе нужнымъ, что вопросъ о томъ не былъ затронутъ писавшими о грамматикѣ Ломоносова Ф. И. Буслаевымъ и П. А. Лавровскимъ. См. *Празднованіе столѣтней годовщины* и пр. М. 1865, и *Памяти Л-ва.* Харьк. 1865.

[2] Grammatica linguae anglicanae, ubi praefigitur de loqvela sive sonorum formatione tractatus grammatico-physicus. Oxoniae (4-е изд. 1674).

[3] Оно было вновь издано въ Лейденѣ въ 1727 г.

два сочиненія о звукахъ языка[1]. Судя по отсутствію въ грамматикѣ Ломоносова нѣкоторыхъ мѣткихъ указаній этихъ обоихъ ученыхъ, надобно полагать, что онъ съ ихъ изслѣдованіями знакомъ не былъ[2]. Напротивъ, въ руки его повидимому попадались нѣкоторые изъ французскихъ руководствъ общей грамматики, издававшихся во второй половинѣ 17-го и въ первой 18-го вѣка. Это предположеніе было уже выражено А. С. Будиловичемъ[3].

Очевидно однакожъ, что главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще о языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели, Аристотель, Квинтиліанъ, Донатъ, Присціанъ, а можетъ-быть еще и другіе. Вѣрнѣйшій признакъ, ведущій къ этому заключенію, представляетъ терминологія Ломоносова. Самое различеніе понятій *слово* и *языкъ*, на которое мною выше указано, взято у древнихъ: они для означенія отдѣльныхъ языковъ употребляли большею частью терминъ lingua (γλῶσσα, διάλεκτος), а въ общемъ смыслѣ говорили sermo, loqvela (λόγος). По примѣру древнихъ писателей, Ломоносовъ, подобно Смотрицкому, для означенія того, что мы называемъ *слово* (mot), употребляетъ исключительно имя *реченіе* (λέξις, φωνή, vox, vocabulum, dictio)[4]. Изъ того же источника объясняются его двоякія *части слова: нераздѣлимыя* (элементарные звуки и буквы) и *знаменательныя* (реченія, части рѣчи), а наконецъ и раздѣленіе послѣднихъ на два разряда, т. е. на главныя и служебныя. Даже мыслью назвать главные отдѣлы своей грамматики *наставленіями* Ломоносовъ обязанъ древнимъ, которые ставили слово institutiones въ заглавіе своихъ грамматическихъ и реторическихъ трудовъ. Тому

---

[1] Amman (Joh. Conr., род. 1669, ум. 1724) издалъ: въ 1692 Surdus loqvens, а въ 1700 De loqvela. Оба соч. напечатаны въ Амстердамѣ и издавались не разъ.

[2] Кромѣ ихъ, о томъ же писалъ англичанинъ Holder (Elements of speech. London 1669).

[3] *Ломоносовъ какъ натуралистъ и философъ*, стр. 75.

[4] Такъ какъ у насъ позднѣе для этого понятія установилось употребленіе имени *слово*, то старинный терминъ *реченіе* въ томъ же смыслѣ сдѣлался, пожалуй, не нужнымъ. Лучше бы дать ему болѣе полезное значеніе того, что Французы называютъ locution, т. е. соединенія двухъ или нѣсколькихъ словъ, равносильныхъ предлогу или нарѣчію.

же примѣру послѣдовалъ въ позднѣйшее время, между многими другими, и Добровскій.

Донатъ, наставникъ св. Іеронима, жившій въ 4-мъ вѣкѣ, начинаетъ свою «Ars grammatica» замѣткою *De Voce* (о голосѣ).[1] Правда, что у него вся эта глава ограничивается двумя строками, но важна основная идея, которою воспользовался Ломоносовъ. Другой древній грамматикъ, Присціанъ, содержавшій въ 525 г. училище въ Константинополѣ, въ 1-й книгѣ своихъ Institutiones также разсматриваетъ прежде всего голосъ и его виды, потомъ значеніе и раздѣленіе буквъ; во 2-й же книгѣ онъ говоритъ о слогахъ, о различіи между ними и реченіями, а потомъ о предложеніи и частяхъ его. Въ началѣ 1-й книги онъ между прочимъ замѣчаетъ: «Буква есть малѣйшая часть составного звука... что̀ короче всего, способнаго дѣлиться, то нераздѣлимо. Можемъ и такъ опредѣлить: буква есть звукъ (въ подл. vox), который можетъ быть написанъ какъ нераздѣлимый». Фонетическія понятія древнихъ ведутъ свое начало еще отъ Платона и Аристотеля; послѣдній изложилъ ихъ преимущественно въ своихъ сочиненіяхъ: *о душѣ*, *объ исторіи животныхъ* и въ піитикѣ. По его ученію *голосъ*, φωνή, долженъ быть отличаемъ отъ звука и шума вообще, ψόφος; отъ голоса же, далѣе, отличается рѣчь, λόγος, διάλεκτος, двоякимъ образомъ: наружно, такъ какъ она есть артикулованный языкомъ голосъ; внутренно, такъ какъ она не только имѣетъ значеніе (что̀ свойственно и голосу животныхъ), но служитъ символомъ понятія[2]. Элементарный звукъ, нераздѣлимый тонъ голоса, называется у Аристотеля, какъ и у Платона, στοιχεῖον (elementum); употребляемые же для изображенія его знаки суть γράμματα (literae), т. е. буквы. На этомъ основаніи и Присціанъ говоритъ: «Различіе между элементами» (нераздѣлимыми частями слова, по Ломоносову) «и буквами, въ томъ состоитъ, что эле-

---

[1] См. Corpus grammaticorum latinorum veterum collegit Fr. Lindemann. Lipsiae 1831. Т. I.

[2] Steinthal. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern. Berlin 1863, стр. 247.

менты собственно называются *выговорами* (звуками), а знаки ихъ — буквами. Неправильно зовутъ буквы элементами, а элементы буквами[1]». Это различіе не вполнѣ сознано и Ломоносовымъ, такъ что онъ, подобно позднѣйшимъ латинскимъ грамматикамъ, для *нераздѣлимыхъ частей слова* не знаетъ другого названія, кромѣ буквъ или «письменъ» (терминъ Смотрицкаго, иногда удерживаемый и Ломоносовымъ), и въ главахъ о голосѣ и выговорѣ разсматриваетъ только *произношеніе буквъ;* даже въ таблицѣ звуковъ по органамъ онъ употребляетъ названіе *буквъ.* Когда же ему необходимо нужно отличить понятіе звука, то онъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ: *отмѣна голоса*, *выговоръ*, *произношеніе*, или говоритъ, что такія-то буквы произносятся такимъ-то, напр. чистымъ и открытымъ, *звономъ.*

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ піитикою Аристотеля, слѣдовательно многія понятія о языкѣ могъ почерпнуть непосредственно изъ этого источника; другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ или и изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними. Такъ и представленная Ломоносовымъ таблица гласныхъ и согласныхъ съ раздѣленіемъ ихъ по органамъ конечно была новостью только на русскомъ языкѣ: подобную (но безъ разрядовъ зубныхъ и язычныхъ) находимъ мы уже у Валлиса въ названномъ выше трактатѣ его о языкѣ. Такую же таблицу, но съ нѣкоторыми измѣненіями, составилъ вскорѣ послѣ того докторъ Амманъ [2].

Понятіе о словѣ (реченіи), какъ *знаменательной* части языка (φωνὴ σημαντική), также высказано еще Аристотелемъ и потомъ не разъ повторялось грамматиками. Такъ Присціанъ говоритъ: «Реченіе (dictio) есть меньшая часть стройной рѣчи, т. е. въ порядкѣ расположенной. Реченіе же отличается отъ слога не только тѣмъ, что слогъ есть часть реченія, но и тѣмъ, что реченіе вы-

---

[1] Prisciani Caesariensis grammatici opera recensuit Aug. Krehl. Lipsiae 1819. T. I, стр. 10, 11.

[2] См. его Tractatus de Loqvela. Amsterd. 1700, стр. 57.

ражаетъ, даетъ разумѣть нѣчто. Слогъ никогда самъ по себѣ не можетъ что-либо значить: это — свойственно только реченію»[1]: вотъ полное объясненіе Ломоносовскаго термина — *знаменательная часть слова*: онъ служитъ синонимомъ *реченія* и съ тѣмъ вмѣстѣ замѣняетъ терминъ *часть рѣчи* (pars orationis). Впрочемъ это послѣднее названіе уже употреблялось во время Ломоносова, чему доказательствомъ служитъ напечатанная въ 1752 г. по-русски французская грамматика Ресто́ (Restaut) въ переводѣ Василія Теплова, гдѣ «parties du discours» названы «частями рѣчи». Но Ломоносовъ, для единообразія своей терминологіи, предпочелъ терминъ *части слова*, употребленный Смотрицкимъ, который подъ *словомъ* разумѣетъ рѣчь или предложеніе [2]; только къ этому термину Ломоносовъ, по понятію древнихъ, прибавилъ аттрибутъ знаменательности. О недоразумѣніи, къ которому терминъ его подалъ поводъ, было уже выше говорено.

Извѣстно, что преобразователю нашей письменной рѣчи долго ставили въ особенную заслугу раздѣленіе частей рѣчи на два принятые имъ разряда *главныхъ* (или, какъ говорили, знаменательныхъ) и *служебныхъ*, при чемъ иногда замѣчали, что онъ за сто лѣтъ до Беккера умѣлъ различить Begriffswörter и Formwörter [3]. Но исторія

---

[1] «Dictio est pars minima orationis constructae, id est in ordine compositae. Pars autem, quantum ad totum intelligendum, id est ad totius sensui intellectum. Differt autem dictio (реченіе) a syllaba, non solum quod syllaba pars est dictionis, sed etiam quod dictio dicendum, hoc est intelligendum, aliquid habet... nunquam syllaba per se potest aliquid significare: hoc enim proprium est dictionis». (Prisciani gram. op. T. I, стр. 65. Ср. тамъ же T. II, 12, 80, 89).

[2] «Реченія составляютъ слово: есть же слово реченій сложеніе, разумъ совершенъ являющее, яко: уповахъ на милость Божію». *(Грамматики Славенскія правильное Сѵнтагма* 1618). Къ сожалѣнію, нельзя точнѣе указать мѣсто, потому что въ этомъ изданіи нѣтъ нумераціи страницъ.

[3] См. между прочимъ предисловіе И. И. Давыдова къ послѣднему изданію грамматики Ломоносова (Спб. 1855), стр. XXIII. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что подобное замѣчаніе въ первый разъ пущено въ ходъ Ф. И. Буслаевымъ: въ его книгѣ *О преподаваніи отечественнаго языка* (ч. II, стр. 7) сказано только, что три части рѣчи: существительныя, прилагательныя и глаголы «могутъ быть названы *знаменательными* (Begriffswörter), въ противоположность остальнымъ, кои назовемъ *служебными* (Formwörter)». Г. Буслаевъ только переложилъ термины Беккера на Ломоносовскіе, давъ однакожъ одному изъ послѣднихъ («знаменательныя») иное значеніе, чѣмъ какое соединялъ съ нимъ самъ Ломоносовъ.

грамматики показываетъ, что это различеніе, хотя и не въ столь оконченной формѣ, восходитъ до отдаленной древности. Еще Платонъ признавалъ только двѣ части рѣчи: *имя* и *глаголъ*, при чемъ онъ подъ этими терминами разумѣлъ вообще подлежащее и сказуемое [1]. У Аристотеля ученіе о частяхъ рѣчи развито уже нѣсколько опредѣленнѣе: онъ принимаетъ *имя*, *глаголъ*, *членъ* и *союзъ*, и называетъ первыя двѣ *знаменательными звучностями* (σημαντικαὶ φωναὶ), а послѣднія противопоставляетъ имъ подъ именемъ *незнаменательныхъ* (ἄσημοι)[2]. Выше уже было показано, что Ломоносовъ беретъ слово *знаменателный* въ болѣе обширномъ смыслѣ, отмѣчая имъ реченіе вообще, что также согласно съ Аристотелемъ[3]. Дѣленіе же знаменательныхъ частей слова, по ихъ смыслу, на два разряда встрѣчается у позднѣйшихъ латинскихъ грамматиковъ. Донатъ, исчисливъ 8 частей рѣчи, прямо говоритъ: «Изъ нихъ двѣ *главныя* (principales), имя и глаголъ» [4]. Присціанъ также учитъ, что по мнѣнію діалектиковъ, собственно двѣ только части рѣчи, имя и глаголъ, потому что онѣ однѣ сами по себѣ могутъ составлять полное предложеніе (plenam faciunt orationem), остальныя же называютъ *однозначащими* (consignificantia), т. е. второстепенными, не самостоятельными[5]. Вѣроятно, ту же мысль нашъ ученый нашелъ у кого-нибудь изъ ближайшихъ къ его времени западно-европейскихъ грамматиковъ. Въ тогдашнихъ нѣмецкихъ трудахъ этого рода, ни у Готшеда, ни у его предшественниковъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго,

---

[1] Платонъ говоритъ о частяхъ рѣчи въ *Софистѣ* и *Кратилѣ*. Нѣтъ сомнѣнія, что эта терминологія употреблялась еще и до него (Schoemann. Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten. Berlin 1862, стр. 274). Ср. Egger. Apollonius Dyscole. Essai sur l'histoire des théories grammaticales dans l'antiquité. Paris 1854, стр. 62.

[2] См. Піитику Арист., гл. 20, 21. Также Steinthal, Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern. Berlin 1863, стр. 234, 239.

[3] См. Steinthal, стр. 247.

[4] Corpus grammaticorum lat. veterum, collegit Fr. Lindemannus. Lipsiae 1831. T. I, стр. 9. Въ этой же книгѣ есть сочиненіе грамматика Фоки, учившаго въ Константинополѣ послѣ Присціана, которое озаглавлено: Ars de nomine et verbo.

[5] Prisciani opera, стр. 66.

но другое представляютъ Французы: въ библіотекѣ Ломоносова была грамматика французскаго языка, съ нѣмецкимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: «Nouvelle et parfaite grammaire royale française et allemande. Neue und vollkommene Königliche Französische Grammatica», изданная въ Берлинѣ, въ 1736-мъ году [1].

Въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій этой грамматики (1752) послѣ обыкновеннаго исчисленія частей рѣчи сказано: «Одинъ изъ новѣйшихъ грамматиковъ, отецъ Бюффье, признаётъ за истинныя и дѣйствительныя части рѣчи только *имя* и *глаголъ* [2]. Прочія отдѣляетъ онъ подъ именемъ *дополнительныхъ* и *видоизмѣняющихъ* (suppletivi и modificativi): къ первымъ онъ причисляетъ членъ и междуметіе, къ послѣднимъ нарѣчіе, предлогъ и союзъ. Мѣстоименіе и причастіе онъ относитъ къ имени». Ломоносовъ, разсуждая о частяхъ рѣчи и отличивъ между ними двѣ *главныя*, хотя и соединяетъ всѣ остальныя подъ именемъ *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, но также дѣлитъ ихъ на два разряда: сперва говоритъ о предлогахъ и союзахъ, какъ показывающихъ отношенія между главными частями рѣчи, а потомъ о мѣстоименіи, нарѣчіи и междуметіи, какъ служащихъ только къ болѣе краткому выраженію мыслей. Впрочемъ онъ, слѣдуя системѣ древнихъ, которая, съ немногими отступленіями, держа-

---

[1] Она была куплена Ломоносовымъ въ бытность его за границею, какъ видно изъ *Сборника матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ*, А. А. Куника (I, 131). Г. Будиловичъ принялъ-было эту книгу за Grammaire de Port-Royal (См. *Сборникъ Отд. р. яз. и слов.*, VIII, 271). Авторъ Grammaire Royale — академикъ des Pepliers. О ней упоминаетъ Готшедъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ, какъ объ учебникѣ, имѣвшемъ необыкновенный успѣхъ.

Между книгами, бывшими въ рукахъ Ломоносова, показана еще «Grammaire des dames avec introduction», въ первый разъ изданная въ 1712 году и посвященная царевичу Алексѣю Петровичу. Вначалѣ она выходила подъ заглавіемъ: L. G. Steinbrechers Leichte französische Grammaire vor das Frauenzimmer (Dresden 1744). Въ ней я не могъ найти ничего любопытнаго въ отношеніи къ вопросу объ источникахъ грамматики Ломоносова, изданной притомъ за нѣсколько лѣтъ до полученія имъ этой названной у Билярскаго Grammaire des dames (*Матеріалы для біогр. Лом.*, стр. 741).

[2] Бюффье, послѣ замѣчаній о разныхъ разрядахъ словъ, говоритъ: «On voit par là que le *nom* et le *verbe* sont les plus essentielles parties du langage» (*Grammaire française sur un plan nouveau.* Nouvelle édition. Paris 1714).

лась во все продолженіе среднихъ вѣковъ, принимаетъ не болѣе и не менѣе *восьми* частей рѣчи. Исключивъ членъ, какъ не существующій въ русскомъ языкѣ, онъ исчисляетъ ихъ въ томъ же точно порядкѣ, въ какомъ онѣ вообще ставились въ тогдашнихъ грамматикахъ, т. е. имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междуметіе. Совершенно то же число и тотъ же порядокъ *частей слова* находимъ и у Смотрицкаго. Хотя Ломоносовъ вслѣдъ за такимъ исчисленіемъ и утверждаетъ, что греческіе грамматики считали девять частей рѣчи (то есть, прибавляя членъ), но въ этомъ онъ ошибается: древніе греческіе писатели, даже позднѣйшей Александрійской школы, никогда не считали частью рѣчи *междуметіе*, которое Римляне ввели въ замѣнъ недостававшаго у нихъ члена (чтобы удержать завѣтное число 8); въ греческой грамматикѣ междуметіе очутилось между частями рѣчи лишь незадолго передъ временемъ Ломоносова [1].

Не смотря однакожъ на нѣкоторыя черты, указывающія на заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова, сравненіе ея со множествомъ пересмотрѣнныхъ мною руководствъ этого рода, оставшихся отъ 16-го и 17-го вѣка, удостовѣряетъ, что трудъ его есть вполнѣ самостоятельный и зрѣло обдуманный плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію, и по самой разработкѣ законовъ языка. Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробный разборъ того и другого, но нельзя оставить безъ возраженія слѣдующихъ словъ, читаемыхъ въ предисловіи покойнаго Давыдова къ академическому изданію этой грамматики, напечатанному въ 1855 году

---

[1] См. K. E. A. Schmidt. Beiträge zur Geschichte des Grammatik des Griechischen und des Lateinischen. Halle 1859, стр. 219. Ср. Schoemann въ названномъ выше соч., стр. 11. Не забудемъ при этомъ и сочиненія черноризца Храбра «о осми частехъ слова». Зизаній также придалъ своей грамматикѣ названіе «съвершеннаго искуства осми частей слова». Въ предисловіи къ грамматикѣ Смотрицкаго (изд. 1648) сохранено древнѣйшее исчисленіе на славянскомъ языкѣ частей рѣчи по греческой грамматикѣ: тутъ ихъ также восемь, и впереди всѣхъ названы: 1) *имя*, 2) *рѣчь* (т. е. глаголъ); а далѣе идутъ: 3) *причастіе*, 4) *различіе* (членъ), 5) *мѣстоименіе*, 6) *предлогъ*, 7) *нарѣчіе* и 8) *союзъ*.

(стр. XIX): «Способъ, употребленный имъ (Ломоносовымъ) въ изслѣдованіяхъ грамматическихъ, былъ въ его время общій у западныхъ ученыхъ: сначала излагаетъ онъ философское понятіе о словѣ человѣческомъ, потомъ переходитъ къ русской грамматикѣ. Во внесеніи въ грамматику философскаго основанія могъ служить ему образцомъ Куръ-де-Жебеленъ, а въ практическомъ воззрѣніи на нее, какъ на средство правильно говорить и писать — онъ послѣдовалъ школѣ Готшеда».

Тщательныя изысканія приводятъ къ противоположнымъ заключеніямъ: 1, Между грамматиками предшествовавшаго времени мнѣ не удалось найти ни одной, которая бы начиналась изложеніемъ «философскаго понятія» о языкѣ вообще. Существовали уже философскія грамматики [1], но онѣ были изданы отдѣльно, въ другомъ распорядкѣ и объемѣ. Такихъ грамматикъ новаго времени, гдѣ бы прежде всего шла рѣчь о голосѣ и звукахъ, также не оказалось, за исключеніемъ появившейся еще въ 17-мъ столѣтіи уже упомянутой мною англійской грамматики Валлиса на латинскомъ языкѣ, которая, какъ я уже замѣтилъ, повидимому не была извѣстна Ломоносову.

Болѣе вѣроятно, что онъ зналъ книгу Бернара Лами *De l'art de parler* [2], въ которой первая глава разсматриваетъ «органы голоса: какъ образуется слово»; но трудно сказать положительно, чтобъ онъ что-нибудь извлекъ и изъ этой книги, преимущественно посвященной реторикѣ.

2, Куръ-де-Жебеленъ никакъ не могъ служить Ломоносову образцомъ, потому что началъ издавать свои замѣчательные филологическіе труды только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти нашего академика († 1765): по имѣющимся у насъ показаніямъ каталоговъ, первое сочиненіе названнаго француз-

[1] Напр. Caspar Scioppius (1649) Grammatica philosophica, также Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal.

[2] Изданную безъ имени автора въ Парижѣ 1675 г. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть экземпляръ этого сочиненія съ припискою въ заглавіи: par Bernard Lamy.

скаго ученаго, вошедшее въ его многотомный сборникъ Monde primitif, появилось не прежде 1773 года [1]. Нѣкоторыя сходныя черты въ трудахъ Ломоносова и Жебелена объясняются знакомствомъ того и другого съ существовавшею до нихъ грамматическою литературою. Такъ въ своей всеобщей грамматикѣ послѣдній, указавъ на мнѣніе древнихъ объ имени и глаголѣ, прибавляетъ: «Всѣ прочія части рѣчи считались у нихъ только подчиненными» (toutes les autres n'étaient qu'en sous-ordre) [2]. Мы уже видѣли, что этотъ взглядъ передается и въ нѣкоторыхъ другихъ французскихъ грамматикахъ 18-го вѣка. Ломоносову принадлежитъ въ этомъ случаѣ только счастливый выборъ выраженія *служебныя части слова*. Но едва ли ему было извѣстно и имя Куръ-де-Жебелена, который родился въ 1725 году и слѣдовательно былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда нашъ академикъ уже собиралъ матеріалы для своей грамматики.

3, По опредѣленію Ломоносова, русская грамматика «есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ *по лучшему, разсудительному его употребленію*». Готшедъ напротивъ учитъ, что грамматика есть указаніе, какъ должно правильно и красиво говорить и писать на языкѣ извѣстнаго народа *по лучшему его нарѣчію и по соглашенію лучшихъ его писателей*.

Очевидно, что оба эти опредѣленія расходятся во взглядѣ на основанія правильнаго обращенія съ языкомъ. Самое слово *употребленіе* показываетъ, что Ломоносовъ въ пониманіи задачи грамматики болѣе приближался къ Французамъ, у которыхъ usage всегда считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ.

Названный уже выше іезуитъ Бюффье́, котораго «Grammaire française sur un plan nouveau» пользовалась въ 18-мъ вѣкѣ особеннымъ уваженіемъ, въ началѣ ея подробно разсуждаетъ о значеніи и цѣли грамматики; особенно останавливается онъ именно

---

[1] Ни Брюнѐ, ни Кераръ не приводятъ болѣе раннихъ изданій трудовъ Court de Gébelin, который род. 1725, ум. 1784.

[2] См. *Monde primitif*, томъ II, Grammaire universelle, стр. 32.

на употребленіи, и въ главѣ: «Ce que c'est que l'usage et d'où il se tire dans les diverses langues» (т. е. что такое употребленіе и откуда оно берется въ разныхъ языкахъ) замѣчаетъ между прочимъ: «надобно со всѣми составителями грамматикъ признать, что въ каждомъ языкѣ есть *и хорошее и дурное* употребленіе», и потомъ пространно разбираетъ, въ чемъ заключается хорошее употребленіе. Мы видимъ, что Ломоносовъ точно такъ же обособляетъ въ своемъ понятіи *разсудительное и лучшее употребленіе*, но въ выводѣ своемъ относительно опредѣленія грамматики онъ стоитъ гораздо выше Бюффье, который пришелъ къ такому заключенію: «Грамматика есть сборъ размышленій (un amas de réflexions), сдѣланныхъ и приведенныхъ въ порядокъ для преподаванія и изученія языка».

Мы не знаемъ, была ли въ рукахъ Ломоносова грамматика Готшеда, въ первый разъ напечатанная въ 1748 году, т. е. въ то время, когда нашъ ученый уже былъ занятъ приготовительными работами для своего труда; но во всякомъ случаѣ очевидно, что грамматика Л-ва осталась совершенно независимою отъ вліянія Готшедовской. Окончу на этотъ разъ замѣчаніемъ, что нѣкоторые недостатки первой и та доля заимствованій, какая въ ней оказывается, нисколько не могутъ уменьшать въ нашихъ глазахъ заслугъ Ломоносова по языку: Русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ 18-го столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія.

Позднѣйшіе взгляды Русскихъ на свою фонетику.

Какъ смотрѣлъ на звуки русскаго языка знаменитый славистъ, открывшій носовое произношеніе *юсовъ* древняго письма (ѫ, ѧ), вотъ вопросъ для насъ особенно любопытный. Востоковъ написалъ три руководства: 1) *Сокращенную русскую грамматику* для низшихъ учебныхъ заведеній (1831); 2) *Русскую грамма-*

тику, полнѣе изложенную (1831), и 3) *Грамматику церковно-славянскаго языка* (изд. 1863). Во всѣхъ трехъ — замѣчаніямъ о звукахъ посвящено лишь нѣсколько незначительныхъ строкъ, и можно подумать, что стало-быть авторъ мало обращалъ вниманія на эту сторону языка. Но для объясненія такой краткости его въ изложеніи этого предмета довольно вспомнить мѣткое сужденіе И. И. Срезневскаго о Востоковѣ: «Слабыя стороны его грамматики зависѣли почти исключительно отъ дѣйствія силъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ: отъ привычныхъ взглядовъ и ожиданій того времени. Податливость его характера позволяла ему соглашаться съ чужими приговорами не только о томъ, что ему менѣе было знакомо, но даже и о томъ, что зналъ онъ и понималъ лучше всѣхъ въ то время, чему противное лежало въ его умѣ, какъ чистое убѣжденіе, добытое провѣренными наблюденіями и уже высказанное въ прежнихъ печатныхъ трудахъ. Изъ этого запаса самостоятельныхъ выводовъ онъ далъ мѣсто въ своей грамматикѣ только тому, что казалось ему не обижавшимъ привычекъ, не ставившимъ его въ борьбу со всѣми. Что это дѣйствительно дѣлалъ онъ, можетъ видѣть всякій, кто потрудится сравнить его Русскую грамматику съ его разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ и съ другими его сочиненіями. Осторожность заставила его въ Русской грамматикѣ дать мало-видное мѣсто языку простонародному и языку древне-славянскому; *осторожность заставила его объяснять звуковую сторону языка русскаго въ границахъ привычнаго правописанія*»[1].

Дѣйствительно, не только въ названномъ разсужденіи Востокова, относящемся къ 1820 году, но и въ самомъ раннемъ грамматическомъ опытѣ его, напечатанномъ въ 1808[2], разсѣяны такія замѣчанія, изъ которыхъ видно, какъ хорошо понималъ онъ свойство звуковъ языка, или какъ по крайней мѣрѣ старался дать себѣ отчетъ въ томъ, что еще не было достаточно разъяснено.

---

[1] *Филологическія наблюденія Востокова*, изданныя И. Срезневскимъ, стр. XLIX.

[2] Въ *Краткомъ руководствѣ къ росс. словесности*, изд. И. Борномъ.

Въ отношеніи къ фонетикѣ онъ вообще держался терминологіи Ломоносова, но отступалъ отъ нея всякій разъ, когда въ самой сущности дѣла приходилъ къ другому выводу. Такъ въ первыхъ же строкахъ грамматики онъ говоритъ: «*Слова* составляются изъ *звуковъ голоса*, изображаемыхъ *буквами*». Къ этому надо прибавить, что въ его разсужденіи буквы иначе названы *стихіями* слова. При раздѣленіи буквъ по натурѣ ихъ онъ, сверхъ гласныхъ и согласныхъ, принимаетъ разрядъ *полугласныхъ*, разумѣя подъ этимъ названіемъ Ъ, Ь и Й. «Буквы Ъ и Ь, говоритъ онъ въ 1808 г., ставятся послѣ согласныхъ, первая: когда слово или слогъ произносятся *дебело*, а вторая, гдѣ они *тонко*, какъ бы въ половину гласной буквы И, произносятся [1]». Это самое понятіе о полугласныхъ встрѣчаемъ мы и въ Разсужденіи о славянскомъ языкѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ старается физіологически объяснить сущность выговора, означаемаго *еромъ* и *еремъ*. «Полугласныя Ъ и Ь, говоритъ онъ, не что иное суть какъ стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ А, Е, І, О, У, но не достигающее сего полнаго изглашенія, потому, что на половинѣ пути остановленное ударяется въ нёбо, вмѣсто того чтобы устремиться въ отверстіе рта. — Ь ближе подходитъ къ полнымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути и ударяется въ переднюю часть нёба почти къ деснамъ; Ъ напротивъ того, при самомъ исходѣ изъ гортани, въ нёбо ударяется» [2]. Это замѣчаніе Востокова довольно согласно съ физіологическимъ наблюденіемъ надъ натурою обоихъ звуковъ, и кажется, было внушено нашему покойному сочлену слѣдующимъ размышленіемъ Ломоносова: «Въ продолженіи голоса ударяетъ воздухъ больше въ переднія части рта къ губамъ, или во внутреннія къ

---

[1] Далѣе Востоковымъ почти повторено то же самое: «Дебелое и тонкое Ъ и Ь, свойственное только славянскому и происшедшимъ отъ него языкамъ, суть ничто иное какъ литеры О и И нѣмыя или тайногласныя, въ половину произносимыя». (*Краткое руковод.*, стр. 2—10).

[2] *Филол. Набл.* Вост., стр. 18.

*

гортани. Отъ перваго происходятъ гласныя *тонкія* или *острыя*, отъ послѣднихъ *дебелыя* или *тупыя*» [1]. Но общему размышленію Востокова нѣсколько противорѣчитъ его же частное и весьма вѣрное наблюденіе, что при произношеніи ЛЪ языкъ прижимается крѣпко къ верхнимъ зубамъ [2]. Оба знаменитые наши ученые, объясняя вообще различіе дебелаго звука отъ тонкаго, не обратили вниманія на особенное при каждомъ изъ нихъ положеніе языка.

Разсматривая Ъ и Ь, Востоковъ еще замѣчаетъ о первомъ: «Сей во глубинѣ рта поднебный звукъ между всѣми европейскими языками одному только славянскому принадлежитъ, да и между Славянами остался, какъ кажется, у однихъ Русскихъ и Поляковъ. Но Ь или Й (ибо это одно и то же) находится и въ другихъ языкакъ подъ именемъ J согласнаго или Y [3]» (англійскаго Wye). На это позволю себѣ возразить, что звука *еря* при согласной нельзя вполнѣ приравнивать Й послѣ гласной: Ь не представляетъ какого-нибудь отдѣльнаго элемента [4]: таковъ онъ только на письмѣ; иначе иностранцамъ ничего бы не стоило произносить наши НЬ, ТЬ, ПЬ и т. п. Нѣтъ, нашъ Ь не то же, что Й, а развѣ только половина его, и потому-то выговоръ отмѣченныхъ имъ согласныхъ такъ труденъ для иноплеменниковъ. Напротивъ, согласныя, отмѣченныя дебелымъ знакомъ (кромѣ ЛЪ), произносятся почти такъ же, какъ тѣ же согласныя въ другихъ языкахъ. (То, что Востоковъ замѣтилъ объ этомъ выговорѣ, болѣе относится къ звуку Ы). Между тѣмъ самъ онъ въ 1808 г. высказалъ совершенно противоположное, но, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрное мнѣніе, что въ окончаніяхъ словъ согласныя съ *еромъ* «произносятся такъ же,

---

[1] *Грамм. Ломоносова*, § 20.

[2] *Крат. руковод.*, стр. 9.

[3] *Филолог. Набл.*, стр. 18.

[4] «Смягченіе, говоритъ академикъ О. Н. Бетлингъ, состоитъ не просто въ соединеніи согласной съ буквою J, а въ полномъ сліяніи обоихъ звуковъ, такъ что слышится простой согласный звукъ». (*Учен. Зап. по I и III отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 59).

какъ иноязычныя таковыя же буквы: *грибъ* какъ trieb; *бравъ*, *сомгавъ*, brav, gaff и т. д. Но съ тонкою Ь имѣютъ онѣ совсѣмъ другой звукъ: дробь, бровь, ладь, сглазь» и т. д. (Странно только высказанное Востоковымъ передъ этимъ замѣчаніе, будто БВГФДЗМРПТ не имѣютъ дебелаго, а одно только тонкое произношеніе [1]).

Гласныя буквы, въ отличіе отъ полугласныхъ, Востоковъ иногда называетъ *полными* (*Фил. набл.*, стр. 17). Между ними онъ еще въ 1808 г. отличилъ *чистыя* или *простыя* гласныя А Э И О У (*Кр. руков.*, 11) отъ Я Е Ѣ Ю, которыя въ своихъ грамматическихъ трудахъ называлъ то двоегласными, то сложными, то составными [2]. Востоковъ вполнѣ понималъ, что эти сочетанія составляютъ *двоегласные* звуки, чему доказательствомъ служитъ частое употребленіе имъ этого термина какъ въ Разсужденіи о славянскомъ языкѣ, такъ и въ грамматическихъ правилахъ, извлеченныхъ изъ Остромірова евангелія (*Фил. набл.*, стр. 8 и 31). Въ «грамматическихъ правилахъ славянскаго языка» онъ замѣчаетъ, что «буквы ꙗ, ѥ, ю суть А, Е, У, *облеченныя гласною* І (*собственно полугласною* Й или J); почему, прибавляетъ онъ, онѣ и помѣщены мною непосредственно послѣ чистыхъ гласныхъ А, Є, Ꙋ». «(*Фил. набл.* стр. 30). Нѣсколько далѣе онъ подтверждаетъ то же, говоря, что надъ гласными е и ѧ употреблялся въ древности надстрочный ерикъ «для означенія, что ихъ должно произносить *двоегласно*, какъ ѥ и ѩ».

Одною изъ многихъ услугъ, оказанныхъ Востоковымъ русской фонетикѣ, было обстоятельное опредѣленіе въ 1808 году случаевъ, когда буква Е произносится какъ Ё, при чемъ онъ въ первый разъ замѣтилъ, что этотъ выговоръ ероденъ только русскому языку и потому не сообщается словамъ, принятымъ изъ славянскаго, напр. *требовать*, *цѣлебно*, *блаженство*, *семъ* и т. д. Нельзя не пожалѣть, что статья эта, при внесеніи ея въ

---

[1] *Кратк. руков.*, стр. 11.

[2] См. въ его *Русской грамматикѣ* Ч. III, о правописаніи, а въ *Славянской* Ч. I, стр. 2

грамматику, подверглась значительному сокращенію. Къ первоначальному же объясненію правилъ указаннаго произношенія Востоковъ прибавилъ любопытную замѣтку, въ которой отдалъ Ломоносову справедливость за то, что и онъ въ своей грамматикѣ хотя не попалъ еще на настоящую точку при разсмотрѣніи «сей грамматической мелочи», однакожъ «не пренебрегъ войти въ нѣкоторую подробность о бездѣлицѣ, если можно назвать бездѣлицею вниманіе къ механизму языка, неизслѣдованнаго и необработаннаго,—вниманіе, которое должно вести къ отысканію многихъ важнѣйшихъ сего правилъ, донынѣ еще подъ Изидинымъ покровомъ таящихся»[1].

Раздѣленіе гласныхъ на *дебелыя* (А О У Ы) и *тонкія* (Э И) было также принимаемо Востоковымъ[2]; нельзя только одобрить, что онъ къ послѣднему разряду причисляетъ также двугласныя Ю Я, у которыхъ только первой элементъ — тонкій.

Что касается до согласныхъ звуковъ, то Востоковъ сначала въ точности держался дѣленія Ломоносова на: губные, язычные, зубные, поднебные и гортанные, при чемъ однакожъ распредѣлялъ ихъ нѣсколько иначе. Впослѣдствіи онъ отнесъ гортанные къ поднебнымъ и такимъ образомъ ограничился только четырьмя разрядами (*Фил. набл.* стр. VII и 17).

Буквы ЖШЧЦЩ онъ называлъ *шепелеватыми* (*Ф. Н.* стр. 20). Различіе же произношенія бо́льшей части согласныхъ при звукахъ Ъ и Ь онъ, по примѣру Ломоносова, означалъ терминами *дебелый* и *тонкій* или *отонченный* (тамъ же, стр. 15).

Разсуждая о произношеніи, онъ уже не ограничивается однимъ терминомъ *буквы*, но употребляетъ и слово *звукъ*, какъ показано выше на стр. 71. Такимъ образомъ изъ всего здѣсь изложеннаго видно, что Востоковъ, если исключить нѣкоторыя обмолвки, на звуковую сторону русскаго языка смотрѣлъ замѣчательно вѣрно; можно только пожалѣть, что онъ въ этомъ отно-

---

[1] *Краткое руководство*, стр. 3—6.

[2] *Филол. набл.*, стр 19 и 20. *Русск. Грамм.*, Ч. III, О правописаніи.

шеніи не высказывался рѣшительнѣе, прямѣе, и слишкомъ избѣгалъ столкновенія съ противоположными взглядами.

Современный Востокову составитель пособій по русской грамматикѣ и даже соперникъ его въ отношеніи къ внѣшнему успѣху, Гречъ, никогда не былъ въ сущности изслѣдователемъ языка; тѣмъ не менѣе по распространенности, которою его руководства пользовались нѣсколько десятилѣтій сряду въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, необходимо хотя въ немногихъ словахъ сдѣлать оцѣнку подробной «Практической грамматики» Греча [1]). Здѣсь по части фонетики, какъ и въ отношеніи къ языку вообще, онъ выводитъ свои положенія чисто механическимъ образомъ, безъ всякаго углубленія въ предметъ и самостоятельныхъ наблюденій. При чтеніи первой главы его грамматики всякій хорошо знакомый съ трудомъ Ломоносова тотчасъ замѣтитъ, что Гречъ, измѣняя и подновляя форму изложенія, не только не подвигаетъ дѣла впередъ, но напротивъ скорѣе затемняетъ его. Приступаетъ онъ къ этимологіи очень громко заявленіемъ намѣренія разсмотрѣть «способъ произведенія слышимыхъ звуковъ голоса» и «начать изслѣдованіе сіе обозрѣніемъ отдѣльныхъ звуковъ голоса нашего», но какъ же онъ исполняетъ это намѣреніе? Непосредственно за приведеннымъ заявленіемъ слѣдуетъ заключеніе, что «*буква* есть отдѣльный или начальный *звукъ*, служащій къ составленію словъ», и затѣмъ уже разсматриваются однѣ буквы. Слѣдовательно съ перваго же шага правильность основного взгляда нарушена, вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ ли начертанія звукамъ языка, устраненъ, и начинается путаница понятій; напр., по мнѣнію его, устремляющійся изъ груди черезъ ротъ воздухъ *соединяется съ звукомъ* и это движеніе воздуха называется *дыханіемъ*, aspiratio (§ 87). Принявъ совершенно правильно, по ученію Востокова, разряды *полугласныхъ* и *двугласныхъ* буквъ, Гречъ при опредѣленіи ихъ опять впадаетъ въ явныя несообразности, напр. говоритъ, что «полугласная буква есть звукъ, теряющійся до исхода изо рта».

---

[1] Спб. 1834. 2-е изданіе.

Но всего страннѣе, что онъ, слѣдуя грамматикѣ Россійской Академіи, считаетъ звукъ Ы двугласнымъ (§ 85 и 92), т. е. сложеніе *буквы* изъ Ъ и I (Ъ + I = Ы) принимаетъ за сложность самаго *звука*, очевидно простого.

Указавъ на важныя ошибки Гречевой фонетики, мы были бы однакожъ несправедливы, если бъ не прибавили, что у него встрѣчаются отдѣльныя очень вѣрныя и остроумныя наблюденія, но значеніе ихъ много уменьшается тѣмъ, что они являются безъ органической связи съ остальными замѣчаніями и лишены общей сознательно-выработанной основы.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ явились въ первый разъ *Филологическія наблюденія* протоіерея Г. П. Павскаго[1]. До тѣхъ поръ ученый авторъ былъ извѣстенъ только немногимъ по неизданному переводу части Ветхаго Завѣта и по напечатанной имъ въ 1818 году *Краткой еврейской грамматикѣ*. Новый трудъ доставилъ ему разомъ громкое имя въ русской наукѣ слова. Обладая рѣдкою способностью анализа, наблюдательностью и преимуществомъ простого, яснаго изложенія, Павскій внесъ много свѣта въ теорію русскаго языка. Онъ оказалъ ей большую услугу особенно по словообразованію и словопроизводству, значительно подвинулъ пониманіе состава и свойствъ русскаго глагола; но вѣрности его выводовъ много вредило недостаточное изученіе другихъ славянскихъ нарѣчій и пріемовъ сравнительнаго языкознанія; вообще его филологическія свѣдѣнія были нѣсколько односторонни; изслѣдованія его не довольно глубоки и осмотрительны: вотъ чѣмъ онъ такъ много теряетъ въ сравненіи съ Востоковымъ. Слабую сторону труда Павскаго составляютъ, между прочимъ, его сближенія русскаго съ другими языками и извлекаемые оттуда объясненія словъ, часто основывающіяся на одномъ случайномъ сходствѣ звуковъ, каково напр. объясненіе русскаго *дешевый* англійскимъ *додсheap*.

Не болѣе отвѣчаютъ требованіямъ науки воззрѣнія Павскаго

---

[1] Полное заглавіе было: *Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка.* «Первое разсужденіе» вышло въ 1841 году.

на фонетику. Въ его глазахъ письмо должно бы служить закономъ для произношенія. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ его: «Выговоръ, встрѣтивъ сильную препону со стороны смысла и правописанія, идетъ однакожъ своею дорогою, и поставилъ себѣ за правило: произносить буквы по-своему, какъ бы онѣ ни были написаны. Это правило, принятое выговоромъ вопреки правописанію, я называю *самоуправствомъ* его» (подчеркнуто самимъ авторомъ, *Фил. наблюд.* I, 101). «Самоуправство выговора, продолжаетъ Павскій, у насъ до того простирается, что онъ основалъ себѣ особенную довольно обширную область и составилъ себѣ постоянные законы, и даже во многихъ случаяхъ увлекъ за собою правописаніе, подчинившееся его законамъ безъ умысла и безъ яснаго сознанія пишущихъ».—Отсюда выходитъ, что живой языкъ какъ бы незаконно завоевалъ себѣ, наперекоръ письму, «довольно обширную область»!

Удивительно ли, что при такомъ взглядѣ дѣленіе буквъ представляетъ у Павскаго странныя несообразности? Въ составленной имъ схемѣ согласныхъ по органамъ, насъ прежде всего поражаетъ, что ему кажутся *глухими* именно тѣ буквы (Б В Д Г З Ж), при произношеніи которыхъ дѣйствуетъ голосъ, а противоположныя имъ (П Ф Т К Х С Ш), т. е. шопотныя, названы у него *ясными*.

Но особенная путаница понятій скрывается за однимъ терминомъ, который имъ введенъ былъ въ нашу грамматику и сбилъ съ толку почти всѣхъ писавшихъ послѣ него о русскихъ звукахъ и буквахъ. Это — выраженіе: *придыханія* и *придыхательныя согласныя.* Чтобъ уяснить дѣло, надобно прежде опредѣлить, что́ именно слѣдуетъ разумѣть подъ *придыханіемъ* (aspiratio). Вопросъ этотъ уже достаточно разъясненъ въ германской филологической литературѣ. Благодаря изслѣдованіямъ Кольбрука, Раумера, Брюкке и др., современная наука полагаетъ придыханіе санскрита и древне-греческаго языка въ томъ, что непосредственно за произнесеніемъ мгновенныхъ согласныхъ $\left(\begin{matrix}\text{п} & \text{т} & \text{к}\\ \text{б} & \text{д} & \text{г}\end{matrix}\right)$ слѣдовалъ нѣ-

который пазвукъ (Nachhall), по мнѣнію Раумера — не вполнѣ развитый спирантъ того же органа, къ которому принадлежалъ предыдущій звукъ, по мнѣнію же другихъ — просто spiritus asper, H. Придыхательными буквами у Грековъ были Φ Θ K; въ позднѣйшее время онѣ повидимому уже не произносились такъ, какъ сейчасъ описано, но слѣдъ первоначальнаго выговора ихъ остался въ способѣ изображенія ихъ у Римлянъ сочетаніями: PH TH CH.

Первое замѣчательное по этому предмету изслѣдованіе, напечатанное Раумеромъ въ 1837 году[1], еще не было извѣстно Павскому, и онъ, не вникнувъ въ сущность сходныхъ латинскихъ терминовъ, смѣшалъ aspiratio (придыханіе) и spiritus asper (густое дыханіе) съ названіемъ spirans (придувной звукъ: В Ф Х С З Ш Ж). Самою существенною ошибкой его было то, что для объясненія Ъ-а и Ь-я онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ греческому языку и увидѣлъ въ нихъ то же явленіе, какое представляютъ два греческія spiritus, исходя при этомъ изъ убѣжденія, что «придыханія находятся во всѣхъ вообще языкахъ». (*Ф. Н.* I, § 18). Въ другомъ мѣстѣ (§ 32) Павскій признаетъ придыханіе за что-то среднее между гласными и согласными буквами и, стараясь опредѣлить его, говоритъ: «Звукъ, происшедшій отъ прираженія дыханія къ устамъ, естьли онъ слабъ и едва примѣтенъ, называется *придыханіемъ* (aspiratio); естьли же твердъ и совершенно ясенъ, называется *согласною буквою*». Изъ предложеннаго выше физіологическаго объясненія звуковъ, видно уже, что эти слова Павскаго никакъ не выдерживаютъ критики, хотя бы онъ здѣсь подъ придыханіями разумѣлъ *спиранты*.

Развивая далѣе свою искуственную теорію, онъ прибавляетъ: «У всякаго органа устъ есть свое придыханіе, равно какъ есть свои согласныя буквы: гортанное придыханіе изображается буквою Ъ, гортанно-нёбное букввою Ь (Й), губное буквою В, зубное буквами С, Р, язычное буквою Л, носовое буквами Н и М». Мы ви-

[1] *Die Aspiration und die Lautverschiebung.*

димъ здѣсь странное недоразумѣніе: во 1-хъ, полугласные Ъ и Ь (въ нынѣшнемъ языкѣ означающіе только способъ произношенія согласныхъ) поставлены въ одинъ разрядъ съ такъ называемыми *придувными* звуками (spirantes) [1], а во 2-хъ, эти послѣдніе названы *придыханіями*. Вотъ откуда пошло у насъ часто повторяемое положеніе, что при русскомъ словообразованіи къ гласнымъ присоединяются *придыханія*, какъ напр. въ словахъ *в*острый (вм. острый), *я*блоко (вм. аблоко), *сни*мать (вм. сымать), стра*х*ъ, зѣ*в*ъ, сли*в*ать, в*л*іять. Дѣло въ томъ, что русскій языкъ, для избѣжанія чистыхъ гласныхъ въ началѣ слога, также для избѣжанія встрѣчи двухъ чистыхъ гласныхъ и для образованія окончаній именъ, пользуется нѣкоторыми изъ длительныхъ согласныхъ, которые, приближаясь къ гласнымъ (см. выше, стр. 43), и играютъ въ такихъ случаяхъ роль придаточныхъ, вспомогательныхъ звуковъ, не принадлежащихъ къ этимологическому составу слова. Придыхательныхъ же, въ смыслѣ санскритскихъ и греческихъ aspiratae, въ русскомъ языкѣ нѣтъ, какъ нѣтъ ихъ и въ большей части другихъ новѣйшихъ языковъ [2].

Далѣе, Павскій еще распространяетъ терминъ *придыхательныхъ* буквъ съ одной стороны на звукъ С и на шипящіе ЖЧШЩ (§ 37), съ другой на звукосочетанія Я Е Ю, которыя называетъ придыхательными гласными (§ 25).

Считая Ъ и Ь придыханіями, онъ долженъ былъ находить страннымъ, что Востоковъ и Гречъ называли ихъ полугласными: «нѣкоторые, говоритъ онъ (§ 35), вздумали увѣрять насъ, будто буквы Ъ и Ь въ древнемъ словенскомъ языкѣ были то же, что краткія гласныя О и Е». Но отвергая вокализмъ Ъ-а и Ь-я даже въ первоначальной письменности, онъ самъ видитъ въ нихъ какое-то непонятное, воображаемое значеніе и установляетъ та-

---

[1] Нельзя сказать, чтобы придуманный у насъ для термина spirantes переводъ: *придувные* звуки, былъ удаченъ; употребляя его иногда ради удобства, предпочитаю однакожъ болѣе научный терминъ: *длительные* звуки.

[2] Изъ словъ И. И. Срезневскаго въ *Мысляхъ объ ист. р. яз.* (стр. 120), можно заключить, что въ верхне-лужицкихъ звукахъ **кх** и **тх** слышится что-то подобное древнему придыханію.

кой законъ: «Естьли гдѣ грамматическое правило потребуетъ удержать твердое придыханіе Ъ послѣ гласной (!), то въ промежутокъ между гласною и Ъ-омъ вставить можно помогательныя буквы В, К, Х и т. п., которыя и предохраняютъ Ъ отъ уничтоженія. Такъ изъ корней **ду, слу, слы, сѣ, смѣ, зна,** когда къ нимъ надобно было приложить Ъ, произошли слова: *духъ, слухъ, слыхъ, сѣвъ, смѣхъ, знакъ*» (*Ф. Н.* I, § 45). Выше было показано, что самые звуки В К Х, по мнѣнію Павскаго, суть придыхательные, а здѣсь они становятся между гласною и придыханіемъ. Ясно, что онъ смѣшиваетъ понятіе звука и буквы. Это очевидно и изъ такихъ предполагаемыхъ имъ чисто буквенныхъ построеній: *корабьъ, журавьъ, скорбьъ, червьъ,* въ которыхъ, при встрѣчѣ будто бы двухъ Ь-ей, первый превращается въ Л, или принимаетъ въ помощь бѣглую гласную, т. е. образуются формы: *корабль, скорбей* (§ 49). Другимъ доказательствомъ такого смѣшенія понятій служитъ то, что Павскій, сознавая безразличіе буквъ Е и Ѣ въ выговорѣ (§ 18), въ то же время отводитъ послѣдней *среднее* мѣсто между *твердыми* и *мягкими* гласными, потому-де что съ нею могутъ сочетаться (т. е. на письмѣ) всѣ вообще согласныя, тогда какъ Е въ русскихъ словахъ никогда *не пишется* послѣ Г К Х (§ 55).

Высказанныхъ замѣчаній достаточно для оцѣнки фонетической теоріи Павскаго. Теперь посмотримъ, откуда взялся любимый имъ терминъ *придыханіе.* Хотя этого слова не было въ нашихъ лексиконахъ до изданія, въ 1847 году, академическаго «словаря церковно-славянскаго и русскаго языка», однакожъ оно въ практическомъ употребленіи встрѣчалось уже и прежде: это видно изъ перевода грамматики Добровскаго, въ 1-й части которой (§ VIII) М. П. Погодинъ выраженіе leni flatu передаетъ словами: *легкое придыханіе*[1]; въ другихъ грамматикахъ прежняго

[1] «ѣ въ окончаніяхъ ав, ов, оув, єв, ив, должно произносить почти также какъ передъ гласною, то есть съ легкимъ придыханіемъ (leni flatu), которое ближе подходитъ къ латинской буквѣ F, нежели къ гласной оу». *Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію*, соч. *аббата I. Добровскаго. Ч. I. Переводъ съ лат. М. Погодинъ.* С. Петербургъ 1833. Стр. 14.

времени мнѣ не удалось найти этого слова, но вѣроятно оно употреблялось, если не въ книгахъ, то въ преподаваніи. Очевидно, что оно первоначально было составлено по образцу латинскаго aspiratio, какъ точный переводъ его; въ словарь же было включено въ слѣдствіе роли, какую оно играетъ въ трудѣ Павскаго, но при этомъ принято въ выше показанномъ у него значеніи, какъ «звукъ, происшедшій отъ слабаго и едва примѣтнаго приражения дыханія къ устамъ»[1]. Иначе, но совершенно произвольно, понимаетъ разсматриваемое слово Даль. Это, по его опредѣленію, «дѣйствіе противоположное вдыханію». Примѣръ: «*Гласная буква съ придыханьемъ, придыхательная*, передъ коею» (поясняетъ онъ) «произносится придышкою латынское и нѣмецкое Н». Слѣдовательно, по толкованію Даля, въ нѣмецкихъ словахъ haben, Hut, во французскихъ hazard, héros, гласные звуки A, U, É суть *придыхательные*.

Вотъ до какой степени понятіе этого слова у насъ еще не установилось: изъ предыдущаго, кажется, уже довольно ясно, что оно пригодно только для передачи термина aspiratio въ томъ смыслѣ, какой придается ему въ отношеніи къ извѣстнымъ звукамъ древне-греческаго и индскихъ языковъ, но въ этомъ смыслѣ оно къ русскому вовсе не примѣнимо.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго появленія замѣчательной книги Павскаго, именно въ 1845 году, вышла въ свѣтъ диссертація М. Н. Каткова *объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка*. Успѣвъ уже ознакомиться съ трудами Боппа, Гриммовъ, Вильсона, Бюрнуфа и изучивъ основныя отличія славянскихъ нарѣчій, молодой кандидатъ Московскаго университета подвергъ самостоятельному изслѣдованію звуковые законы ихъ и съ большою основательностью разсмотрѣлъ звуки русскаго языка въ ихъ историческомъ развитіи. Хотя вначалѣ авторъ и заявляетъ намѣреніе держаться подалѣе отъ физіологическихъ наблюденій,

---

[1] *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка*, т. III, стр. 463. Ср. то, что приведено мною выше, стр. 78, изъ Павскаго.

однакожъ онъ вездѣ обнаруживаетъ вниманіе къ выводамъ ихъ и вообще вѣрно смотритъ на происхожденіе и свойства звуковъ. Это видно изъ самой терминологіи его: такъ онъ уже отличаетъ *звонкіе* или *ясные* согласные (Г Д Б З и проч.) отъ *глухихъ* (К Т П С), правильно раздѣляетъ звуки по органамъ рѣчи и вполнѣ понимаетъ сущность значенія *ера* и *еря*, которые, говоритъ онъ, «въ древнѣйшій періодъ славянскаго языка заступали мѣсто гласныхъ» (стр. 21); онъ понимаетъ, какъ важна роль, какую они играютъ въ языкѣ, и замѣчаетъ, что при изученіи какого-либо славянскаго нарѣчія прежде всего долженъ быть поставленъ вопросъ: какую тамъ судьбу имѣли оба эти элемента? (стр. 108). Поэтому отъ г. Каткова не могла укрыться ошибочность воззрѣній Павскаго въ дѣлѣ русской фонетики, и, называя его *Наблюденія* остроумными и глубокомысленными, онъ въ то же время не обинуясь выставляетъ встрѣчающіеся въ нихъ недостатки. Такъ въ отношеніи къ *еру* и *ерю* г. Катковъ хорошо оцѣнилъ невѣрность примѣненія къ нимъ теоріи *придыханій*, и указавъ уже отчасти на превратныя понятія Павскаго объ этомъ родѣ звуковъ, замѣтилъ: «Добрая часть недоразумѣнія состоитъ въ словѣ придыханіе. Что за странная мысль заключать придыханіемъ каждое реченіе, которое не кончится на гласную?» Хотя же въ другихъ случаяхъ авторъ и самъ принимаетъ придыханія въ смыслѣ Павскаго, напр. смѣшиваетъ подъ этимъ именемъ aspiratae и spirantes, считая звуки Ф С Ш Ж *придыхательными*, но надобно помнить, что въ то время вопросъ о различіи этихъ двухъ категорій звуковъ вообще не былъ еще достаточно разъясненъ, такъ что въ ту же ошибку впадали знаменитѣйшіе филологи: самъ Боппъ считалъ F и V придыханіями (Vergl. Gram. I[1], 114).

За то г. Катковъ обнаружилъ уже тогда совершенно правильное пониманіе древне-греческой и санскритской аспираціи (стр. 7 и 80), вполнѣ согласное съ приведеннымъ выше заключеніемъ

---

[1] Rumpelt: Das natürliche System der Sprachlaute, стр. 129

Р. Раумера, хотя и есть поводъ думать, что сочиненіе послѣдняго по этому предмету не было ему извѣстно. Вообще авторъ диссертаціи «объ элементахъ и формахъ сл.-р. языка» во всѣхъ частяхъ своего труда является на высотѣ уровня современной науки, и это изслѣдованіе, въ бо́льшей части затронутыхъ имъ вопросовъ, до сихъ поръ не утратило цѣны своей. Замѣчателенъ выраженный въ немъ взглядъ на русскій языкъ, который, по мнѣнію автора, страдаетъ излишнею долготою и неуклюжестью словъ, тѣмъ болѣе неудобныхъ для произношенія, что въ нихъ слабое удареніе иногда слишкомъ далеко отъ ихъ середины, отъ чего мы легко впадаемъ въ скороговорку (стр. 76). По поводу сокращенія согласныхъ въ сербскомъ (напр. *човество* вм. *человѣчество*), высказана мысль, что «одинъ неумѣстный педантизмъ можетъ преслѣдовать подобныя уступки благозвучію... Лукавая книга, не чуя ни мало утраты элементовъ гласныхъ, болѣе тонкихъ, какъ бы болѣе духовныхъ, крѣпко держится тяжелой вещественности согласныхъ». Такой взглядъ объясняетъ намъ, почему г. Катковъ уже и въ самомъ этомъ сочиненіи иногда позволяетъ себѣ новыя формы словъ, напр. *художный*, *соотвѣтный*, вм. художественный, соотвѣтственный.

Дальнѣйшимъ важнымъ шагомъ въ наукѣ о славянской фонетикѣ было столь извѣстное въ ученомъ мірѣ изслѣдованіе нашего сочлена: *Мысли объ исторіи русскаго языка.* Чтобы объяснить особенности родной рѣчи, И. И. Срезневскій разсматриваетъ ихъ въ двоякомъ направленіи: времени и пространства, т. е. съ одной стороны постоянно переходитъ отъ настоящаго ко всѣмъ ступенямъ прошедшаго, а съ другой сравниваетъ одновременныя явленія у всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ первый разъ онъ настойчиво заявляетъ о необходимости исторіи языка, какъ нераздѣльной съ исторіей народа, и представляетъ опытъ подобнаго изслѣдованія въ такое время, когда только что появившійся трудъ Я. Гримма по исторіи нѣмецкаго языка еще не успѣлъ дойти до насъ; по исторіи же русскаго не было еще ничего, кромѣ слабой попытки Фатера, которая только по своему названію заслужи-

ваетъ быть упомянутою[1]. Г. Срезневскій уже строго отличаетъ народный языкъ отъ письменнаго, требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія судебъ каждаго, и рѣшительно признаётъ законность «требованій народнаго выговора» въ противоположность «ученому правописанію» (124). Если и онъ, при разсмотрѣніи согласныхъ, говоритъ объ *евфоническихъ придыханіяхъ* (В Н Л J Г), то употребляетъ это слово только какъ общепринятый въ то время терминъ, не касаясь его физіологическаго значенія. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ его: «Придыханія господствуютъ издавна и въ русскомъ языкѣ, попадаясь впрочемъ въ древнихъ памятникахъ гораздо рѣже чѣмъ въ позднѣйшихъ, и теперь гораздо чаще чѣмъ прежде (*юдоль, союзъ, юха* вмѣсто *удоль, съузъ*= *сънузъ, уха,* — *Вольга, вонъ, вотчина, воспа, восемь* вмѣсто *Ольга, онъ, отъчина, осъпа, осьмь,* — *параскевиꙗ, гето, генварь* вмѣсто *параскевиі-а, ето, ꙗнварь* и пр.) Между говорами русскими есть въ этомъ отношеніи и довольно чувствительная разница (напр. *онъ* = *вонъ* = *вйнъ* = *јонъ* = *гонъ*)». (*Мысли*, стр. 117, 123, 124).

Историческая грамматика Ф. И. Буслаева занимаетъ такое почетное мѣсто въ области науки и педагогики, что возраженія противъ той или другой частности этого труда конечно не могутъ поколебать заслуженнаго имъ авторитета. Сбираясь сказать нѣсколько словъ относительно перваго отдѣла этой книги, я тѣмъ охотнѣе приступаю къ тому, что уважаемый авторъ ея не только выражалъ нѣсколько разъ желаніе слышать критическія о ней замѣчанія, но и на дѣлѣ воспользовался не однимъ изъ тѣхъ, которыя были высказаны[2].

---

[1] Zur Geschichte der Russischen Sprache во 2-мъ выпускѣ книги Analecten der Sprachenkunde, von Dr. I. S. Vater. Leipzig 1821. Еще менѣе можно при этомъ принимать въ соображеніе Frisch, I. L. Historia linguae slavonicae. Berolini 1727 — 1736 (4 программы). Шафарикъ въ своей Geschichte der slav. Sprache u. Litteratur nach allen Mundarten преимущественно занимается политическою и литературною исторіею.

[2] См. въ *Зап. Ак. Наукъ* 1865 г., т. VIII, кн. I, критическую статью П. А. Лавровскаго, гдѣ также указано на выраженное г. Буслаевымъ желаніе и откуда авторъ *Ист. грамматики* впослѣдствіи принялъ иное къ соображенію.

Самое заглавіе означеннаго отдѣла «Звуки и соотвѣтствующія имъ буквы» уже показываетъ, какъ правильно авторъ смотритъ на дѣло. «Грамматика, говоритъ онъ, полагаетъ строгое различіе между буквами и членораздѣльными звуками, которые ими выражаются». Поэтому въ основу правописанія у него совершенно справедливо положено разсмотрѣніе звуковъ. Можно только пожалѣть, что различеніе звуковъ и буквъ проведено имъ не довольно полно и отчетливо.

Это бросается въ глаза особенно при разборѣ его теоріи *согласныхъ*. Двумя главными категоріями ихъ, по примѣру Миклошича, въ *Исторической грамматикѣ* признаны *плавные* (Л М Н Р) и *твердые* [1] (всѣ остальные). Затѣмъ изъ числа *твердыхъ* отдѣлены В Г (h), С и J, которые и г. Буслаевъ называетъ уже разсмотрѣннымъ нами терминомъ *придыханій*. Далѣе твердые вмѣстѣ съ плавными подраздѣлены у него по органамъ произношенія на: *губные, гортанные, зубные, нёбные, язычные* и *носовые*. Мы сейчасъ видѣли, что къ разряду *согласныхъ* отнесенъ имъ между прочимъ звукъ J (йотъ); къ какому же органу онъ принадлежитъ? Въ распредѣленіи по органамъ мы этого звука уже не находимъ, но что такое J? Въ звуковомъ отношеніи съ нимъ совершенно тожественъ нашъ Й (самое названіе буквы J мы можемъ написать не иначе, какъ *йотъ*, если не прибѣгнемъ къ иностранной буквѣ J или къ неудобному сокращенію *ётъ*, гдѣ Ё = йо); а звукъ Й въ § 25 *Исторической грамматики* признанъ за *краткій гласный* или *полугласный*. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же звукъ причисленъ у г. Буслаева къ двумъ разнымъ категоріямъ: и къ согласнымъ, и къ гласнымъ. Выше мы уже видѣли, что этотъ звукъ, какъ сокращеніе гласной, по справедливости можетъ быть названъ *полугласнымъ*. Хотя г. Буслаевъ по чему-то и избѣгаетъ изображенія J посредствомъ Й, однакожъ онъ не можетъ вполнѣ воздержаться отъ этого, и въ началѣ § 32 самъ говоритъ, что Й «смягчаетъ гласные, *передъ* которыми оказывается, напр. поко-й, род.

---

[1] Съ тою только разницею, что Миклошичъ всѣ остальные звуки называетъ не *твердыми*, а *нѣмыми* (stumme).

*

пад. *поко-я* (вм. *поко-й-а*), дат. *поко-ю* (вм. *поко-й-у*)»; далѣе онъ пишетъ: «*мое-j-а* или *мое-й-а*, *истино-j-у* или *истино-й-у*». Не ясно ли, что г. Буслаевъ самъ признаетъ тожество Й съ J? Ниже (I, стр. 63 [1]) онъ употребляетъ еще и такія начертанія: *да-і-аніе*, *одѣ-і-аніе*; здѣсь въ значеніи Й употреблена уже буква I, что́ не излишне было бы оговорить.

Никто не станетъ отрицать, что Ѳ произносится у насъ какъ Ф; на это указано и въ *Истор. грам.* (стр. 60), а между тѣмъ эти двѣ буквы подведены г. Буслаевымъ подъ разные органы: Ф причислена къ губнымъ, а Ѳ къ зубнымъ; слѣдовательно здѣсь смѣшаны понятія звука и буквы, и начертанію Ѳ дано мѣсто не по русскому его выговору, а по его иноязычному происхожденію, что́ въ теоріи русской фонетики не можетъ быть признано правильнымъ.

Вмѣсто терминовъ: *звонкіе* и *глухіе* согласные (предложенный г. Катковымъ) г. Буслаевъ употребляетъ названія: *звучные* и *отзвучные* [2], едва ли предпочтительныя, такъ какъ слово *звукъ* есть общее названіе всѣхъ членораздѣльныхъ элементовъ голоса: согласные П Т Ф и пр. составляютъ конечно явленія звука, точно такъ же, какъ и соотвѣтствующіе имъ Б Д В и пр., и трудно понять, чѣмъ можетъ оправдываться относимое къ первымъ понятіе *отзвука* (иначе отголоска или резонанса). Между *звучными* въ *Ист. грам.* помѣщенъ и Г, но безъ оговорки, что знакъ этотъ представляетъ два разные звука (G и H). Очевидно, что наша буква принята тутъ только въ первомъ значеніи, такъ какъ между *отзвучными* (т. е. шопотными) также пропущенъ X, которому соотвѣтствуетъ звукъ Г (см. выше стр. 12), близкій къ латинскому h (*Богъ* = Бохъ, *бога* = боһа), что́ указано уже Ломоносовымъ. Въ заключеніе, при распредѣленіи согласныхъ, г. Буслаевъ замѣчаетъ: «Отъ звучныхъ и отзвучныхъ звуковъ отличаются *придыхательные* Ф Ѳ и X, означаемые въ латинскомъ

[1] Всѣ ссылки на *Ист Грамматику* дѣлаются мною по 3-му ея изданію.

[2] Ср. *Мысли объ ист. р. яз.*, стр. 118, и статью г. Лавровскаго въ *Зап. Ак. Наукъ*, т. VIII, кн. I, стр. 23. — Нельзя одобрить и термина *беззвучный*, употребляемаго г. Бодуэномъ-де-Куртенэ: звукъ никакъ не можетъ быть *беззвучнымъ*.

алфавитѣ сочетаніемъ тонкихъ Р Т С (т. е. К) съ придыханіемъ Н; а именно РН (Ф), ТН (Θ), СН (Х)». Выше *придыханіями* были названы у г. Буслаева звуки В Г С J: слѣдовательно и онъ не избѣгъ извѣстнаго недоразумѣнія, навязаннаго намъ греко-латинскою грамматикою.

Конечно не надо забывать, что въ *Ист. грамматикѣ* рѣчь идетъ не объ одномъ современномъ, но и о древнемъ языкѣ, въ которомъ была своя особенная фонетика. Но о произношеніи древне-славянской рѣчи мы можемъ говорить только соображаясь съ нынѣшнимъ языкомъ: отъ извѣстнаго переходятъ къ неизвѣстному. Авторъ *Ист. грам.* очень хорошо понималъ это, а потому и въ главѣ о звукахъ исходною точкою служитъ ему новый языкъ. Такъ и при разсмотрѣніи согласныхъ онъ исчисляетъ только тѣ буквы славянской азбуки, которыя сохранились въ русской.

Само собою разумѣется, что эти немногія замѣчанія нисколько не отнимаютъ у грамматики г. Буслаева неоспоримыхъ ея достоинствъ, о которыхъ неумѣстно было бы здѣсь распространяться.

Исчисляя труды, относящіеся къ русской фонетикѣ, нельзя не остановиться на изданной въ концѣ 1874 г. книжкѣ М. А. Тулова *Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ*. Она заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что составляетъ произведеніе нашей небогатой провинціальной литературы и напечатана въ Кіевѣ. Уже прежде мы знали изъ газетъ, что авторъ ея читалъ тамъ публичныя лекціи о звукахъ языка[1]. Нельзя было не порадоваться такому рѣдкому у насъ проявленію умственной жизни вдали отъ столицы. Книга г. Тулова представляетъ въ главномъ составѣ своемъ результатъ добросовѣстнаго изученія изслѣдованій Гельмгольца и Таузинга[2]. Не смотря на ощутительный въ ней недоста-

---

[1] См. *Спб. Вѣдомости* 1871 окт. 8 и 22 (№№ 277 и 290).

[2] На трудъ г. Таузинга я не разъ ссылался въ предыдущемъ; что касается до классической книги пр. Гельмгольца, то она недавно появилась въ русскомъ переводѣ г. Пѣтухова подъ заглавіемъ: *Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физіологическая основа для теоріи музыки*. Спб. 1875. (Die Lehre von den Tonempfindungen als physiologische Grundlage für die Theorie der Musik. Von H. Helmholtz. Braunschweig).

токъ системы, она сообщаетъ весьма полезныя свѣдѣнія по теоріи звуковъ вообще, сопровождая ихъ отчасти физіологическими объясненіями. Въ концѣ ея разсматривается русская азбука по отношенію къ звукамъ языка. Здѣсь разсѣяно немало вѣрныхъ замѣчаній, хотя иногда и можно поспорить съ авторомъ. Такъ напр. онъ говоритъ (стр. 69), что между элементарными звуками русскаго языка вовсе нѣтъ мягкихъ гласныхъ. Справедливо, что такъ нельзя называть составныхъ звуковъ Я Ю Е, но развѣ Э, И (І) не *мягкія* гласныя? (если разъ допустить общеупотребительные термины мягкихъ и твердыхъ звуковъ, которые впрочемъ мы замѣняемъ здѣсь названіями *тонкихъ* и *дебелыхъ*). Въ слѣдствіе отсутствія такого различенія гласныя въ букварѣ г. Тулова получили слѣдующее расположеніе:

А — О — У

Э — Ы — И — І.

Въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 72) весьма справедливо замѣчено, что Ы есть І гортанное, отличающееся отъ нёбнаго особымъ начертаніемъ; но затѣмъ г. Туловъ не поясняетъ, что Ы образуется въ слѣдствіе произношенія І послѣ дебелой (или пожалуй *твердой*) согласной. Между тѣмъ при разсмотрѣніи буквъ Я Ю Е послѣ согласныхъ онъ очень правильно разлагаетъ изображаемые первыми звуки, показывая, что тутъ къ мягкой (по нашему тонкой) согласной присоединяется чистая или элементарная гласная (**бьа, вьу, вьэ**). Точно такъ же надо было разобрать звуки **бы, вы** и показать, что здѣсь наоборотъ къ согласной дебелой приложенъ тонкій гласный звукъ И (**бъи, въи**). При такомъ анализѣ г. Туловъ конечно не помѣстилъ бы Ы во второмъ ряду, между Э и И, и дошелъ бы можетъ - быть до заключенія, что этой гласной правильнѣе стоять либо въ концѣ перваго ряда, либо особо между обоими рядами дебелыхъ и тонкихъ гласныхъ.

Послѣ вполнѣ вѣрнаго объясненія авторомъ начертаній Я Е Ю, когда они слѣдуютъ за согласными, очень страннымъ

является его мнѣніе (стр. 70), будто «было бы гораздо основательнѣе соединеніе мягкой согласной съ гласной О выразить на О, а не на Е и писать *лöдъ*, *мöдъ*, *нöсъ*[1]». Какъ согласить это съ объясненіемъ г. Тулова, что О сохраняетъ тутъ свой чистый звукъ, видоизмѣняется же только звукъ согласной (=**лᵇо, мᵇо, нᵇо**)? Знакъ Ö выражаетъ германскій и романскій звукъ, совершенно чуждый русскому языку, и потому онъ намъ вовсе не пригоденъ, исключая развѣ случай, когда нужно передать этотъ самый чужеязычный звукъ въ собственныхъ именахъ (Öhman, Göthe); но иностранныхъ буквъ заимствовать въ нашу азбуку не приходится. «Переходъ Ё въ Е», прибавляетъ авторъ, «еще не много говоритъ въ пользу употребленія Ё». Мы думаемъ напротивъ, что этотъ переходъ, или, правильнѣе, обратный переходъ Е въ Ё чрезвычайно много говоритъ въ пользу начертанія Ё: ибо въ русскомъ языкѣ звукъ, соотвѣтствующій этому начертанію, иначе и не является какъ въ слѣдствіе обращенія, по извѣстнымъ законамъ, Е въ Ё. Пока въ русской азбукѣ будетъ оставаться въ силѣ система, по которой мы пишемъ въ двоякомъ значеніи Я Е Ѣ Ю (вм. **йа, йэ, йу** и вм. **ᵇа, ᵇэ, ᵇу**), до тѣхъ поръ и для изображенія звука **йо, ᵇо**, трудно придумать начертаніе лучше Ё.

При большемъ знакомствѣ автора съ изслѣдованіями по исторіи русскаго языка, съ прежними трудами въ области нашей филологіи, книга г. Тулова конечно много выиграла бы въ основательности, но и въ настоящемъ видѣ она не лишена нѣкотораго значенія, особенно какъ первый спеціальный въ русской литературѣ опытъ по физіологіи звуковъ языка. Въ какой мѣрѣ она отвѣчаетъ педагогической цѣли, о которой заявлено какъ въ заглавіи[2], такъ и въ предисловіи книжки, рѣшать не берусь, находя что разсмотрѣніе этого вопроса сюда не относится.

---

[1] *Объ элемент. звукахъ*, стр. 70.

[2] Къ означенному выше заглавію прибавлены слова: «Пособіе для обучающихъ русской грамотѣ».

ЧАСТЬ II.

ПИСЬМО И ПРАВОПИСАНІЕ.

I. Значеніе и развитіе письма.

Verba volant, scripta manent.

Чтобы правильно судить о русскомъ письмѣ, необходимо напередъ уяснить себѣ значеніе и ходъ развитія письма вообще. Привыкнувъ съ дѣтства ко вседневному употребленію буквеннаго письма, мы не довольно цѣнимъ это великое изобрѣтеніе, не спрашиваемъ себя о происхожденіи столь простого повидимому механизма и не думаемъ о тѣхъ попыткахъ, чрезъ которыя долженъ былъ пройти человѣкъ прежде нежели ему удалось разложить звуки рѣчи на основныя части ихъ и научиться изображать эти членораздѣльные элементы голоса отдѣльными знаками.

Начало новѣйшимъ изслѣдованіямъ по этому вопросу положилъ Вильгельмъ Гумбольдтъ въ двухъ статьяхъ: 1) «О связи письма съ языкомъ» и 2) «О буквенномъ письмѣ и его связи съ строемъ языка» [1]. Въ обѣихъ знаменитый авторъ, сообщивъ множество новыхъ свѣдѣній о живописномъ письмѣ американскихъ народовъ и объ египетскихъ іероглифахъ, главнымъ образомъ ста-

---

[1] См. въ VI томѣ собранія сочиненій Вильгельма Гумбольдта разсужденія: 1, Ueber den Zusammenhang der Schrift mit der Sprache, и 2, Ueber die Buchstabenschrift und deren Zusammenhang mit dem Sprachbau.

рался доказать, что какъ бо́льшее или меньшее совершенство внутренней формы языковъ зависитъ отъ различія словесныхъ способностей народовъ, такъ и высшее или низшее достоинство письма находится въ прямомъ отношеніи къ совершенству языка. Г. Штейнталь, въ своей брошюрѣ: «Развитіе письма» [1], разсмотрѣвъ критически изслѣдованія Гумбольдта, дополнилъ ихъ и положительными данными и новыми философскими взглядами. Наконецъ, въ недавнее время, лейпцигскій профессоръ Вутке, извѣстный многими историческими сочиненіями, предпринялъ обширный трудъ, который долженъ обнять всю исторію письма, начиная отъ самыхъ грубыхъ попытокъ татуировки до проведенія электромагнитныхъ проволокъ. Первый томъ этого труда уже изданъ въ 1872 г. подъ заглавіемъ: «Происхожденіе письма, различныя его системы и письмо народовъ, пишущихъ не буквами» [2]. Сообщаемыя за симъ свѣдѣнія и замѣчанія извлечены мною изъ этихъ превосходныхъ, у насъ еще мало извѣстныхъ изслѣдованій.

Письмо есть изображеніе рѣчи видимыми знаками; оно переноситъ языкъ изъ области слуха въ область зрѣнія. Когда мы говоримъ, то слово, достигнувъ слуха другого, сейчасъ же исчезаетъ; когда пишемъ, то оно, сдѣлавшись видимымъ, отдѣляется отъ человѣка, пріобрѣтаетъ самостоятельное вещественное бытіе, можетъ быть сохраняемо, и пока сохраняется во внѣшнемъ образѣ, можетъ безъ посторонняго посредничества быть разбираемо другими по волѣ ихъ. Говорящій употребляетъ свой собственный тѣлесный матеріалъ, и потому живой языкъ предполагаетъ совмѣстное присутствіе говорящаго и слушающаго; письмо же, помощію руки человѣческой, употребляетъ внѣ насъ находящійся матеріалъ и предполагаетъ, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени, отдаленіе пишущаго отъ читающаго. Отсюда слѣдуетъ,

---

[1] H. Steinthal. Die Entwicklung der Schrift. Berlin 1852.

[2] H. Wuttke. Die Entstehung der Schrift, die verschiedenen Schriftsysteme und das Schrifttum der nicht alfabetarisch schreibenden Völker. Leipzig 1872. Къ тексту приложена особая тетрадь изображеній. Содержаніе книги г. Вутке изложено на французскомъ языкѣ въ Journal des Savants 1875 года за августъ и другіе смежные мѣсяцы извѣстнымъ ученымъ Alfred Maury.

что языкъ неотдѣлимъ отъ говорящаго, принадлежитъ только къ настоящей его дѣятельности, тогда какъ письмо имѣетъ спокойное, прочное бытіе только отдѣльно отъ пишущаго и во времени и въ пространствѣ. Именно потому, что письмо можетъ быть сохраняемо, оно сберегаетъ мысль для воспріятія ея въ отдаленіи или въ будущемъ. Отношеніе между языкомъ и мыслью— непосредственное; между письмомъ и мыслью находится живое слово.

Безъ письма языкъ оставался бы лишь мгновеннымъ орудіемъ сообщенія. Одно письмо придаетъ прочность летучему слову, побѣждаетъ и пространство и время. Письмо — необходимое дополненіе языка, сильнѣйшій рычагъ общежитія, знанія, религіи. Безъ него немыслимы ни достовѣрная исторія, ни наука.

Дальнѣйшее развитіе самаго языка—въ прямой зависимости отъ письма. По выводамъ Гумбольдта, письмо есть только послѣдній актъ творческой силы человѣка въ языкѣ, необходимо обусловливаемый сущностью и направленіемъ нашей словесной дѣятельности. «Самое общее послѣдствіе его для языка», говоритъ Гумбольдтъ, «то, что письмо доставляетъ легкое средство сравнивать слова, сказанныя въ разное время, и мысли, облеченныя въ слова, послѣ чего собственно только и становится возможнымъ размышлять о языкѣ и разрабатывать его. При распространеніи грамотности, письмо, и въ живой рѣчи и въ мышленіи, по необходимости вступаетъ въ связь съ языкомъ, частью по законамъ сопряженія родственныхъ идей, частью вслѣдствіе множества случайныхъ поводовъ отыскивать соотношеніе между тѣмъ и другимъ. Поэтому потребности, границы, преимущества, особенности обоихъ дѣйствуютъ другъ на друга. Измѣненія въ письмѣ ведутъ къ измѣненіямъ въ языкѣ, и хотя собственно такъ пишутъ потому что такъ говорятъ, но часто бываетъ и наоборотъ, что такъ говорятъ потому что такъ пишутъ» [1]. Все это относится особенно къ азбучному письму.

---

[1] W. Humboldt. Gesamm. Werke. VI, 432.

Происхожденіе письма теряется во мракѣ доисторическихъ временъ; это — одно изъ первобытныхъ, необходимыхъ дѣйствій человѣческаго духа, покрытое такою же тайной, какъ происхожденіе самого человѣка, его языка, религіи, или какъ раздѣленіе народовъ. Въ строгомъ смыслѣ положительная исторія письма невозможна: по крайней мѣрѣ при нынѣшнихъ нашихъ познаніяхъ мы можемъ только угадывать ее, наблюдая извѣстные намъ способы письма у разныхъ народовъ, отчасти уже сошедшихъ съ мірового поприща. Письмо, очевидно, должно было предшествовать успѣхамъ просвѣщенія, но и само оно не могло возникнуть безъ нѣкотораго умственнаго развитія въ народѣ. Какъ языкъ является первымъ шагомъ перехода изъ животнаго состоянія въ человѣческое, такъ и письмо должно считаться переходомъ отъ первобытной грубости къ образованію. Какъ начало слова тожественно съ пробужденіемъ ума, такъ, по мнѣнію г. Штейнталя, и происхожденіе цивилизаціи и культуры совпадаетъ съ образованіемъ письма[1]. Для появленія письма, говоритъ этотъ же писатель, необходимо было, чтобы что-нибудь уже совершилось въ народѣ, и чтобы совершившееся считалось достойнымъ сохраненія въ памяти. Чтобы образовать письмо, народъ долженъ былъ не только знать нѣкоторое общежитіе, не только имѣть нѣкоторыя религіозныя представленія, но и ощущать выходящія за предѣлы необходимаго въ ежедневномъ быту, самосозданныя и сознанныя потребности[2].

Поводомъ къ изобрѣтенію письма могло послужить либо желаніе сообщаться съ отсутствующими, либо стремленіе сохранить память какого-либо лица или событія. Итакъ первыми опытами выраженія мысли для зрѣнія должны были быть или

---

[1] Г. Штейнталь избѣгаетъ выраженія: *изобрѣтеніе письма*, находя, что этотъ актъ вовсе не похожъ на изобрѣтеніе напр. огнестрѣльнаго оружія или паровой машины; тѣмъ не менѣе нельзя однакожъ не согласиться, что для «образованія письма» (терминъ, имъ предпочитаемый) надобно было напередъ придумать, слѣдовательно именно *изобрѣсти* способъ, какъ писать.

[2] Steinthal, стр. 48—51, 58.

письма, или начертанія на могильныхъ камняхъ, на памятникахъ и т. п.[1].

Самое первобытное подобіе письма составляютъ знаки, дѣлаемые для памяти на какомъ-нибудь предметѣ. Они обыкновенно могутъ отвѣчать только опредѣленному, тѣсному кругу понятій, преимущественно въ области счисленія. Таковы употребляемые еще и нынѣ простонародьемъ въ разныхъ странахъ *бирки* (Kerbstöcke); таковы же были нѣкогда у Перуанцевъ и, въ самыя отдаленныя времена, у Китайцевъ такъ называемые *квипосы*, разноцвѣтные шнурки съ узлами (Knotenschnüre). Значеніе ихъ, по словамъ В. Гумбольдта, заключалось въ числѣ узловъ, въ различіи цвѣтовъ ихъ и кромѣ того, вѣроятно, въ способѣ ихъ переплетенія. Но для пониманія ихъ, повидимому, нужно было знать еще разныя постороннія обстоятельства, какъ-то: отъ кого исходило сообщеніе, къ чему оно относилось и т. д. Извѣстно, что посредствомъ этихъ квипосовъ, напр., судьи извѣщали о родѣ и количествѣ присужденныхъ наказаній, при чемъ цвѣта́ означали преступленія, а узлы — роды наказаній. Такимъ образомъ квипосы, какъ кажется, были только пособіями для памяти при другихъ необходимыхъ къ тому свѣдѣніяхъ или устномъ преданіи: употребленіе ихъ требовало ключа, и они въ собственномъ смыслѣ даже не заслуживаютъ названія письма.

Первою степенью его справедливѣе считать действительныя изображенія означаемаго предмета, которыя только тѣмъ отличаются отъ живописи, какъ искуства, что имѣютъ практическую цѣль сообщенія, поученія. Но такое письмо сообщаетъ еще не слова, а только мысли или понятія, такъ что можетъ быть разбираемо независимо отъ языка, на которомъ говоритъ пишущій: самъ онъ конечно имѣетъ въ виду слова, которыя желаетъ передать, но читающему трудно не подставлять другихъ словъ, часто

---

[1] Steinthal, стр. 62, 63. Этимъ отрицается противорѣчивое замѣчаніе того же автора (см. у него стр. 48): «Никакъ не слѣдуетъ выводить письма изъ потребностей сообщенія: оно образовано не торговцами, а священниками и царями».

въ измѣненномъ порядкѣ, а иногда съ видоизмѣненіемъ и самыхъ понятій. Отсюда ясно, какъ несовершенно это *живописное* или *óбразное* письмо. Но оно нигдѣ не остается долго исключительнымъ: по мѣрѣ распространенія понятій и познаній является потребность замѣнять полное изображеніе предмета сокращеніемъ его или вообще знакомъ, который бы только напоминалъ о предметѣ, на основаніи какой-нибудь болѣе или менѣе искуственной системы. Эту вторую степень письма, обыкновенно возникающую рядомъ съ первой, а потомъ господствующую, составляетъ *символическое письмо*.

Тотъ и другой способъ означенія понятій начертаніями подходитъ подъ общій разрядъ *мысленнаго* или *идеографическаго* письма.

Когда изображенія съ теченіемъ времени до того искажаются, или когда имъ дается такой отдаленный и изысканный смыслъ, что глазъ уже не узнаётъ означаемаго предмета, и до него надобно добираться памятью и размышленіемъ, то происходитъ новый родъ письма, которое Гумбольдтъ назвалъ *фигуральнымъ*, разумѣя подъ нимъ преимущественно китайское письмо и находя въ начертаніяхъ его сходство съ математическими фигурами. Хотя во всякомъ хорошемъ живописномъ письмѣ каждое изображеніе по-настоящему должно соотвѣтствовать слову, но это относится особенно къ китайскому письму: въ немъ каждое начертаніе изображаетъ отдѣльное слово, только не какъ звуковую единицу, а опять-таки какъ понятіе, безъ всякаго отношенія къ фонетическому составу слова. Поэтому китайское письмо можетъ быть названо по преимуществу *словеснымъ* или *по-словнымъ* и занимаетъ какъ бы середину между óбразнымъ и звуковымъ письмомъ.

Звуковое письмо составляетъ конечно самый совершенный способъ передачи мыслей посредствомъ видимыхъ знаковъ, но и оно представляетъ разныя степени совершенства, изображая въ большей или меньшей полнотѣ и точности составныя части слова. Въ этомъ отношеніи оно можетъ быть или *слоговымъ*, когда каждый

знакъ выражаетъ цѣлый слогъ, или *буквеннымъ* (азбучнымъ въ собственномъ смыслѣ), когда для каждаго членораздѣльнаго звука употребляется особый знакъ. Различная степень совершенства звукового письма зависитъ также отъ того, служатъ ли орудіемъ его все еще изображенія предметовъ, какъ у Египтянъ, или особые знаки, называемые буквами, какъ у Семитовъ и арійскихъ (индо-европейскихъ) народовъ.

Во всякомъ письмѣ, по замѣчанію г. Штейнталя, непремѣнно бываютъ три фактора: 1) рѣчь, или то, что́ нужно передать; 2) видимые знаки, или внѣшняя форма письма, и 3) внутренняя форма письма, или способъ представленія рѣчи, какъ предмета, подлежащаго внѣшнему означенію. Внутренняя форма письма, какъ уже было замѣчено согласно съ глубокомысленнымъ заключеніемъ В. Гумбольдта, находится въ тѣсной связи съ внутреннею формой самого языка, которая бываетъ очень различна, смотря по разному способу означать взаимное соотношеніе словъ и категоріи выражаемыхъ ими понятій. Такъ *китайскій* и *японскій* (обособляющіе или разъединяющіе, isolirende, иначе односложные, корневые) языки не имѣютъ, для этого обозначенія, никакихъ средствъ, кромѣ порядка въ словорасположеніи; *туранскіе* (сцѣпляющіе, agglutinirende) означаютъ связь понятій лишь наружнымъ присоединеніемъ къ корню другого вспомогательнаго слова; а *семитическіе* и *арійскіе* (флективные) — совершеннымъ сращеніемъ корня съ приставками и окончаніями, выражающими форму понятія. Многіе думаютъ, что эти три класса языковъ представляютъ три послѣдовательныя ступени развитія, по которымъ проходили всѣ языки на пути своего образованія; но можно также принять, что та или другая внутренняя форма языка, хотя онѣ и дѣйствительно выражаютъ разныя степени совершенства, принадлежатъ искони различнымъ племенамъ, смотря по характеру самаго мышленія и свойствамъ ума того или другого народа. Нельзя сказать, чтобы каждому разряду языковъ соотвѣтствовалъ и извѣстный способъ письма; однакожъ несомнѣнно, что болѣе совершенной внутренней формѣ языка отвѣчаетъ и высшая внутренняя форма

письма. Такъ звуковой способъ, въ полномъ своемъ развитіи, могъ явиться только у арійскихъ народовъ. «Особенность языковъ въ преимуществахъ и недостаткахъ», говоритъ В. Гумбольдтъ, «зависитъ большею частью отъ степени язычныхъ способностей народовъ и отъ благопріятныхъ или противодѣйствующихъ обстоятельствъ. Несправедливо было бы думать, что всѣ языки шли однимъ и тѣмъ же путемъ усовершенствованія, безъ такого вліянія національной особенности. То же относится и къ письму. Такъ какъ оно болѣе всего приближается къ совершенству, когда передаетъ слова и ихъ послѣдовательность въ томъ же порядкѣ и въ той же опредѣленности, въ какой они произносятся, то оно будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе народъ сознаётъ потребность не только выражать мысль, но и выражать ее такъ, чтобы рядомъ съ содержаніемъ получала значеніе и форма. Итакъ дѣйствіе духа будетъ однородно на языкъ и на письмо; оно будетъ влiять на пріобрѣтеніе и выборъ письма: болѣе совершенные языки будутъ сопровождаться и совершеннѣйшимъ письмомъ». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый такъ объясняетъ сущность разныхъ родовъ письма: «Различное достоинство его опредѣляется степенью, въ какой оно (т. е. письмо) можетъ сообщать познанія помощью одного размышленія, безъ предварительныхъ усилій памяти. Различіе между разными способами письма заключается въ бóльшей или меньшей опредѣленности сообщенной ему первоначальпо формы мысли и въ степени вѣрности, съ какою они могутъ сохранять ее при исполненіи задачи сообщенія. Слѣдовательно письмо, собственно говоря, есть всегда *означеніе языка*, но не всегда для разбирающаго (который часто можетъ перелагать написанное на другой языкъ или на другія слова того же языка) и не всегда въ равной степени опредѣленности со стороны пишущаго [1]».

Показавъ общія основанія письма и разные роды его, взглянемъ теперь на дѣйствительно существующіе или существовавшіе образцы его у различныхъ народовъ.

---

[1] W. Humboldt. *Gesam. Werke.* VI, 431 и 434.

Живописное письмо американскихъ народовъ.

Живописное письмо, какъ простое изображеніе предметовъ, встрѣчается у всѣхъ племенъ, мало-мальски возвысившихся надъ состояніемъ дикости. Самые первобытные образцы его находимъ у Сѣверо-Американцевъ, которые, передавая напр. свои пѣсни, употребляютъ для каждаго стиха отдѣльный образъ. Человѣкъ, бьющій въ колдовской барабанъ, долженъ значить: «Я пою, слушай меня». Нарисованное сердце = «говорю твоему сердцу».

Вотъ одна изъ ихъ пѣсенъ:

Мущина съ крыльями, вмѣсто рукъ, значитъ: «О, еслибъ я былъ быстръ какъ птица!».

Воинъ подъ голубою звѣздой = «Смотрю на утреннюю звѣзду».

Вооруженный воинъ подъ небомъ = «Посвящаю свое тѣло борьбѣ».

Орелъ надъ небомъ = «Орелъ летаетъ въ вышинѣ».

Лежитъ воинъ, въ груди стрѣла = «Радъ положить голову съ другими».

Небесный геній = «Горніе духи славятъ меня».

Очевидно, что написанную такимъ образомъ пѣсню можетъ разобрать только тотъ, кто ее напередъ уже знаетъ. Слѣдовательно, чтобъ понимать этого рода письмо надобно, путемъ устнаго преданія, выучивать пѣсни наизусть, и такое письмо служитъ только поддержкою для памяти, независимо же отъ нея не имѣетъ почти никакого значенія.

Вотъ другой примѣръ:

На деревянномъ могильномъ столбѣ нарисованъ сѣверный олень головою внизъ, ногами вверхъ; налѣво отъ него семь поперечныхъ чертъ, подъ ними три продольныя; еще ниже голова лося; наконецъ стрѣла и дудка. Изъ этого прохожій узнаётъ, что здѣсь погребенъ предводитель изъ семейства, котораго знакъ [1] —

[1] Такой знакъ замѣнялъ родовое имя и назывался *тотемъ* или *до-демъ*, чтó на языкѣ Индѣйцевъ значило: жилище семейства.

сѣверный олень. Положеніе животнаго вверхъ ногами означаетъ смерть. Покойный водилъ свой родъ *семь разъ* на войну, получилъ *три раны*, однажды выдержалъ опасный бой съ лосемъ и пріобрѣлъ большое значеніе на войнѣ и въ мирное время (дудка). На другихъ могильныхъ столбахъ толстыя поперечныя черты показываютъ, сколько мирныхъ договоровъ было заключено умершимъ. Самое исполненіе такихъ изображеній не лучше того, что производятъ у насъ пятилѣтнія дѣти. Голову представляетъ кругъ съ двумя точками и отвѣсной чертой, а на маленькомъ рисункѣ даже просто кругъ; подъ нимъ черта внизъ означаетъ шею; къ ней подведена недлинная поперечная черта, а отъ обоихъ концовъ послѣдней идутъ накрестъ двѣ пересѣкающіяся линіи, и фигура человѣка готова. Рисунки колдовскихъ пѣсенъ ярко раскрашены.

Мы видимъ, что во всѣхъ этихъ первоначальныхъ опытахъ письма встрѣчается уже и символика. Обращаться къ ней свойственно природѣ человѣка: онъ въ самомъ себѣ не можетъ не замѣчать двойственности внутренняго и внѣшняго, и послѣднее становится для него символомъ перваго. Рѣчь и письмо сами по себѣ уже составляютъ средства символики. Не только символъ вообще есть достояніе всего человѣчества, но и частныя формы его такъ сходны у разныхъ народовъ, что это можно объяснить только человѣческимъ инстинктомъ. Такъ рука служитъ и у дикихъ знакомъ дружбы; сердце и у нихъ означаетъ сѣдалище желаній, а соединеніе сердецъ — дружбу.

При всемъ томъ живописное письмо такъ несовершенно, что посредствомъ его можно узнать почти только предметъ, о которомъ идетъ дѣло, а не то, что о немъ говорится: изображаются только подлежащія, а не сказуемыя. Внутренней формы въ такомъ письмѣ, собственно говоря, совсѣмъ нѣтъ: между нимъ и языкомъ нѣтъ никакого отношенія; форма мысли вовсе не обозначается; передается только матеріалъ; слѣдовательно мы видимъ тутъ одно чувственное созерцаніе.

Значительно выше стоитъ письмо Мексиканцевъ, какъ оно найдено было въ эпоху покоренія ихъ Европейцами; но и оно еще

отдѣлено отъ позднѣйшаго развитія письма цѣлою бездной: въ немъ еще тотъ же принципъ, но богаче развитый въ слѣдствіе болѣе разнообразной жизни полуобразованнаго народа въ сравненіи съ совершенно необразованнымъ. Сѣверо-Американецъ ведетъ подвижную охотническую жизнь, Мексиканецъ живетъ въ городахъ и образуетъ государство. У него есть собственность. При этомъ являются государственныя отношенія и государственные споры. Между письменами Мексиканцевъ найдено много тяжебныхъ актовъ. Адвокатовъ у нихъ не было; судящіеся лично являлись передъ судьями и для памяти отдавали имъ въ руки письменный документъ о предметѣ спора. У Мексиканцевъ было уже историческое преданіе относительно государства, религіи и искуства. Ихъ письмо является уже на сложенныхъ бумажныхъ полосахъ и содержитъ государственную лѣтопись. Но для насъ важно не содержаніе, еще менѣе объемъ написаннаго: насъ интересуетъ способъ воззрѣнія на содержаніе, какъ то, что надлежитъ означить письмомъ. Въ этомъ отношеніи письмо Мексиканцевъ не представляетъ существеннаго успѣха передъ сѣвероамериканскимъ. Однакожъ у нихъ изображенія уже гораздо лучше или по крайней мѣрѣ имѣютъ опредѣленную форму: въ сущности только здѣсь и можно говорить о рисованіи, котораго у дикихъ Индѣйцевъ по-настоящему не было. Впрочемъ, чтобы не составлять себѣ преувеличеннаго понятія объ относительномъ превосходствѣ письма Мексиканцевъ, надобно имѣть въ виду то, что А. Гумбольдтъ говоритъ о безобразіи начертанныхъ въ ихъ рукописяхъ человѣческихъ фигуръ и уродливой неправильности рисунка вообще[1].

Вутке такъ передаетъ главныя начала мексиканскаго письма[2]:

1. Группы имѣвшихъ между собою видимую связь рисунковъ

---

[1] Al. Humboldt. Vues des Cordillères et Monumens des peuples indigènes de l'Amérique (I. p. 198, pl. XIII) по Штейнталю, стр. 74. Изъ этого же писателя (Die Entwicklung der Schrift) заимствованы приведенные выше примѣры сѣверо-американскаго письма и слѣдующія за ними замѣчанія.

[2] H. Wuttke. Die Entstehung der Schrift, стр. 206.

изображали цѣлые ряды событій и полныя мысли, не дробя и не разъединяя ихъ содержанія. Нѣсколько сопоставленныхъ изображеній передавали представленіе или мысль, но не выражали опредѣленныхъ словъ или рѣчей. То, что было представлено, могло, хотя и въ опредѣленныхъ границахъ, читаться въ произвольно избранныхъ выраженіяхъ.

2. Къ изображенію предмета присоединялись знаки, которые служили къ его объясненію и часто отвѣчали отдѣльнымъ словамъ. По показанію Испанцевъ, это письмо состояло: а) изъ изображеній предметовъ, б) изъ чиселъ, в) изъ знаковъ: вѣроятно, послѣдніе первоначально также были изображеніями, но для насъ потеряли это значеніе.

3. Образы предметовъ представлялись сокращенно, напр. вмѣсто цѣлаго человѣка рисовали одну голову; голова съ діадемой представляла царя, домъ означалъ городъ.

4. Для выраженія того, что не имѣетъ образа, прибѣгали къ символикѣ.

5. Для большей легкости въ распознаваніи предметовъ употреблялись яркія краски: мущины окрашивались въ темнокоричневый цвѣтъ, женщины въ желтый; человѣкъ въ красной одеждѣ означалъ Испанца; четыре красныя волнообразныя полосы поперекъ означали кровь.

6. Въ слѣдствіе неправильности или неполноты рисунка, для нѣкоторыхъ понятій и вещей входили въ обыкновеніе не легко объяснимые знаки. Отсюда произошло, что въ случаѣ затрудненія въ выраженіи придумывались произвольные знаки съ условнымъ смысломъ. Подобныхъ знаковъ мы находимъ много; они ставились рядомъ съ изображеніями. Такимъ же образомъ произошли вѣроятно письменные знаки для чиселъ; ихъ начертанія (напр. кружокъ или точка для единицы, маленькое знамя для 20-и)[1] могли быть отчасти такъ же произвольны, какъ наши цифры, ко-

---

[1] На томъ основаніи, что извѣстные отряды войска состояли изъ 20-ти человѣкъ.

торыя и теперь, среди звукового письма, даютъ намъ понятіе о письмѣ мысленномъ[1].

7. Необходимость передавать собственныя имена послужила первымъ поводомъ къ слабому еще употребленію звуковыхъ знаковъ. Такъ какъ собственныя имена были большею частью заимствованы отъ видимыхъ предметовъ, то изображеніемъ этихъ предметовъ и означались имена или части именъ. Тласкилланъ, напр., значило въ переводѣ «хлѣбный городъ», т. е. мѣсто, гдѣ онъ былъ построенъ, рождало въ изобиліи маисъ. Итакъ названіе его легко было изобразить издавна установившимися средствами; земли и области означались какъ бы гербами, и начертанія этихъ гербовъ заимствовались отъ естественныхъ произведеній или событій. Вообще мексиканское письмо нѣсколько напоминаетъ геральдику.

8. Подвигаясь далѣе по тому же пути, Ацтеки (главный мексиканскій народъ) иногда выражали одинъ предметъ изображеніемъ другого, котораго названіе напоминало первый.

9. Дальнѣйшимъ шагомъ, можетъ-быть еще въ до-испанское время или уже по ознакомленіи съ европейскимъ письмомъ, было употребленіе образа предмета для первой части имени его. Такъ напр. царь Ицкоатль изображался тремя знаками: стрѣла (ицли) означала **иц**, надъ ней горшокъ (комитль) — **ко**, а на немъ сукъ съ четырьмя широкими концами означалъ **атль**, т. е. воду. Такимъ способомъ отъ изображенія самыхъ означаемыхъ предметовъ Мексиканцы стали переходить къ означенію словъ, употребляя часть имени предмета на то, что́ слѣдовало представить. Такъ фигура, служившая для воды (атль), означала не только весь этотъ звукъ, но и одинъ его элементъ **а**; изображеніе устрицы, эптли, означало слогъ эп; бобъ, этль = э; глазъ, ихстли = и; домъ, калли = к, и т. д. Надобно однакожъ помнить, что этотъ пріемъ употреблялся лишь изрѣдка, служилъ только дополненіемъ, вспомогательнымъ средствомъ образнаго мексиканскаго письма. Такъ означались

---

[1] Такъ называемыя *арабскія* цифры происходятъ собственно изъ отдаленнаго Востока, отчасти изъ Индіи; Аравитяне только принесли ихъ въ Европу.

только отдѣльныя слова, далеко не цѣлая рѣчь. Это было лишь началомъ перехода къ звуковому письму, а никакъ не введеніемъ новаго принципа.

Выше было замѣчено, что Гумбольдтъ первый открылъ отношеніе между письмомъ и языкомъ того народа, у котораго оно употребительно. Какое же отношеніе можно указать между письмомъ Сѣверо-Американцевъ и Мексиканцевъ и ихъ языками? Отличительный признакъ письма этихъ народовъ заключается въ томъ, что оно представляетъ созерцанію цѣлые, неразложенные процессы [1]; именно въ этомъ мы и можетъ видѣть отраженіе особенности языковъ названныхъ народовъ, у которыхъ предложеніе образуется не посредствомъ самостоятельныхъ отдѣльныхъ словъ, а однимъ длиннымъ сложнымъ словомъ. Если же мы вспомнимъ, что образное письмо господствуетъ не въ одной Америкѣ, что оно вообще не находится почти ни въ какомъ соотношеніи съ языкомъ, то мы должны будемъ сдѣлать болѣе общій и отрицательный выводъ: какъ тѣ народы въ своихъ языкахъ пренебрегли элементомъ формы, такъ то же самое обнаружилось и въ ихъ письмѣ. Создавъ себѣ разъ безформенный языкъ, они уже не находили побужденія и къ соблюденію формы и къ расчлененію мысли въ письмѣ [2].

Китайское письмо.

Китайское письмо возникло на той степени разумѣнія языка, на которой человѣкъ каждое слово или, что въ этомъ случаѣ то же самое, — каждый слогъ понималъ какъ цѣлое, содержащее опредѣленный смыслъ, и сообразно съ тѣмъ изображалъ его. Китаецъ, не желая дать исчезнуть своему слову, хотѣлъ закрѣпить его, но при этомъ заботился не о выговорѣ его, а о заключенномъ въ немъ представленіи. Такъ какъ китайскій языкъ

[1] Т. е. изъ такого письма узнаёшь только предметы, о которыхъ идетъ дѣло, а не то, что о нихъ хотятъ сказать: видишь одни подлежащія безъ сказуемыхъ, которыя не всегда легко угадать. Не означается даже, представляетъ ли изображеніе что-нибудь существующее, прошлое или желаемое; а гдѣ не выражено ничего подобнаго, тамъ нѣтъ и формы мысли.

[2] Steinthal, стр. 80.

всегда состоялъ изъ односложныхъ словъ, то изобрѣтателю письма не было повода думать о разложеніи слова на его звуки. Ему нужно было изобразить *цѣлое* слово, и этого онъ достигъ, держась его значенія. Ему было дѣло не до звука, а до идеи, содержащейся въ словѣ. Такая точка зрѣнія требовала для каждаго слова особаго знака, и такъ какъ вначалѣ число словъ и ихъ значеній въ китайскомъ языкѣ было не велико, то это требованіе легко могло быть удовлетворено [1].

Отъ письма Сѣверо-Американцевъ китайское отличалось тѣмъ, что первые пытались безформенно изображать самыя представленія, Китайцы же старались передавать ихъ въ принятой для нихъ язычной формѣ, и такимъ образомъ средство, дѣйствующее на слухъ, обращать въ средство, разсчитанное на зрѣніе, рѣчь обращать въ письмо, передавать хотя не звуки, но все-таки слова. При этомъ, кромѣ вещественныхъ предметовъ, можно было изображать представленія, и всѣ богатства духовной жизни сообщать въ прочныхъ óбразахъ. Но это были уже не группы óбразовъ, связанныхъ между собою своимъ видимымъ значеніемъ, какъ въ живописномъ письмѣ; эти начертанія замѣняли слова. Съ другой стороны однакожъ это было и не силлабическое письмо, ибо хотя всѣ китайскія слова, а слѣдовательно и знаки ихъ, суть отдѣльные слоги, но они не имѣли въ виду передавать звуковыхъ явленій. Въ мексиканской іероглификѣ письмо и языкъ были совершенно разрознены, независимы другъ отъ друга; въ китайской они были раздѣлены только на половину, такъ какъ письмо слѣдовало за языкомъ, но передавало не звучащее слово, а то представленіе, которому слово служитъ посредникомъ.

Поэтому китайскіе языковѣды, вѣроятно не безъ основанія, утверждаютъ, что писанное въ древности произносилось иначе нежели нынѣ и что древній выговоръ совершенно исчезъ. Вѣдь письмо и не касалось выговора. Новые изслѣдователи, на основаніи сличенія рифмъ въ старинныхъ пѣсняхъ и фонетическихъ разысканій въ смежныхъ съ Китаемъ областяхъ, пришли также

[1] Wuttke, стр. 253.

къ выводу, что прежнее произношеніе значительно отличалось отъ нынѣшняго.

Вначалѣ просто изображались немногими мѣткими чертами предметы, напр. солнце, луна, гора, дерево, собака, рыба; глазъ съ идущими отъ него внизъ чертами означалъ: «видѣть»; кружокъ на высокой подставкѣ значилъ: «твердо, вѣрно»; два дерева на трехъ другъ надъ другомъ поставленныхъ горахъ значили: «высоко» и т. д.

Впослѣдствіи отличія понятій болѣе и болѣе выражались на письмѣ, напр. нѣсколько рядомъ нарисованныхъ горъ означали горный хребетъ, группа деревьевъ — лѣсъ. Многое стали изображать черточками или точками. Потомъ начали выражать и то, что́ не имѣетъ образа: такъ треугольникъ или соединеніе трехъ линій представляло связь, единство. Надобно было дойти до того, чтобы представляемые образы и штрихи, посредствомъ ловкаго ихъ примѣненія, покрывали весь матеріалъ языка и доставляли изображенія для каждаго отдѣльнаго слова. Для этого фигуры переворачивались, искажались, сокращались, слагались. Конечно требовалось большого напряженія ума, чтобы мало по малу изобразить всѣ понятія, и дѣло продолжалось цѣлыя столѣтія. Развитіе письма шло постепенно, и надъ нимъ работали многіе изобрѣтатели: для одного и того же понятія (выражаемаго однимъ словомъ) являлось нѣсколько знаковъ. Такъ напр. «вверху и внизу» выражаются разными способами. Мало по малу число знаковъ возросло свыше 100,000; но только меньшая половина, 40—50 т., получили право гражданства; остальныя же появляются кое-гдѣ лишь изрѣдка, а многіе и совсѣмъ забыты.

Свойство самого языка доставляло тутъ облегченіе. Въ китайскомъ не отличается названіе предмета отъ дѣйствія и качества, и слово, означающее извѣстное понятіе, соединяетъ въ себѣ всѣ эти разныя стороны представленія: смотря по связи, оно въ томъ или въ другомъ смыслѣ относится къ другимъ словамъ предложенія. Одинъ и тотъ же письменный образъ можетъ означать и «среди» и «середину» и «средній». Такой способъ письма вообще

возможенъ только въ томъ состояніи языка, въ которомъ отдѣльныя слова остаются неподвижны и неизмѣнны въ своей формѣ и ихъ взаимное отношеніе опредѣляется ихъ расположеніемъ или мѣстомъ, въ рѣчи ими занимаемымъ. Такъ и на письмѣ порядокъ образовъ рѣшалъ ихъ взаимное отношеніе. Означеніе связи (копула), времени, опредѣленности или неопредѣленности казалось Китайцу излишнимъ, разумѣлось само собой. Въ случаѣ же надобности были и на это средства. Множественное число, напр., если нужно было положительно выразить его, означалось повтореніемъ образа. Повтореніе кромѣ того усиливаетъ понятіе: такъ ши ши (время время) значитъ «всегда», чю чю (мѣсто мѣсто) зн. «вездѣ», вангъ вангъ (ходить ходить) зн. «во всѣ стороны». Соединеніе двухъ образовъ употреблялось также для выраженія понятій, которыя въ нихъ обоихъ заключались. Такъ вода и глазъ вмѣстѣ означали слезы, домъ и огонь — несчастіе, бѣдствіе.

Непримѣтно китайское письмо должно было перейти на другую степень развитія. Долго Китайцы, при взглядѣ на свое письмо, конечно видѣли въ немъ только изображаемыя вещи, не обращая вниманія на звуковое ихъ выраженіе; но такъ не могло всегда оставаться. Поводомъ къ примѣси звукового начала къ ихъ письму послужила одна изъ особенностей самого языка. Въ китайскомъ всего около пятисотъ односложныхъ словъ; при этомъ почти каждое звуковое цѣлое, т. е. каждое слово, должно неминуемо имѣть нѣсколько или даже много (иногда болѣе 50-ти) совершенно различныхъ значеній; такимъ образомъ для китайскаго слуха всегда соединялось много знаменованій въ одномъ и томъ же звукѣ. Когда сходство звука двухъ словъ совпадало съ родственною связью ихъ значеній, то это могло навести на мысль видѣть въ фигурѣ изображеніе звука. Для одного и того же слововозвучія были часто разныя начертанія по его различному значенію, но нерѣдко и одинъ знакъ имѣлъ много значеній. Сначала каждому слову соотвѣтствовало одно или нѣсколько начертаній для изображенія его содержанія; но по мѣрѣ того какъ слова получали болѣе обширное значеніе, фигура теряла свой смыслъ, и

уже ничего не говорила взору своими чертами: надобно было помнить, какому слову она соотвѣтствовала. Сходство начертаній съ предметами требовало искуства, которое конечно не могло быть общею принадлежностью; отъ неточнаго исполненія образы должны были дѣлаться все менѣе понятными и становиться какъ бы произвольными начертаніями для извѣстныхъ словъ. Требованія удобства и небрежность болѣе и болѣе измѣняли первоначальное изобразительное письмо. Кто хотѣлъ понимать множество письменныхъ изображеній, долженъ былъ уяснять себѣ ихъ произношеніе.

Такъ какъ подъ однимъ изображеніемъ можно было разумѣть много понятій, то впослѣдствіи оказалось необходимымъ къ избранному знаку, для отличія, присоединять еще другой опредѣлительный знакъ, который получалъ постоянное мѣсто, либо сбоку, обыкновенно влѣво отъ изображенія, либо сверху, но всегда въ соединеніи съ главнымъ начертаніемъ. Изображая особый предметъ, этотъ знакъ самъ по себѣ выражалъ совсѣмъ другое слово, другой звукъ, но въ такомъ сочетаніи онъ отказывался отъ своего отдѣльнаго значенія и служилъ только намекомъ, ка́къ слѣдуетъ понимать главное начертаніе. Такими пояснительными знаками часто служили родовыя названія животныхъ, деревьевъ, сосудовъ и т. п. Ихъ присоединеніе указывало читателю, что онъ долженъ разумѣть напр. животное, называемое звукомъ изображеннаго имени. Такъ **йо** означаетъ и птицу и флейту. Чтобы написать: *птица*, рисовали флейту и прибавляли знакъ птицы. Видя рыбу и **ли**, читатель понималъ, что дѣло идетъ о карпіи, которая по-китайски называется этимъ звукомъ, имѣющимъ и много другихъ значеній. Ложка называется **пи**: чтобы знакъ *пи* не былъ понятъ иначе, къ нему приставляется еще знакъ дерева (му); но эти два знака не должны произноситься *пи-му* (въ смыслѣ *деревянной* ложки), а просто *пи*. Такія поясненія были особенно нужны для выраженія собственныхъ именъ. Есть слова, для разнаго смысла которыхъ имѣется болѣе полусотни знаковъ. Отъ пишущаго зависитъ выборъ ихъ.

Китайцы пишутъ въ направленіи сверху внизъ по прямой отвѣсной линіи, столбцами, идущими справа влѣво. Впрочемъ, иногда, при недостаткѣ мѣста, позволяется писать и горизонтальными строками, начиная справа; такъ пишутся только короткія предложенія или напр. заглавіе книги.

Египетскіе іероглифы.

Относительно египетскихъ іероглифовъ мнѣнія ученыхъ до сихъ поръ еще не совсѣмъ установились. Согласно съ изслѣдованіями г. Зейфарта[1], проф. Вутке считаетъ это письмо силлабическимъ, т. е. основаннымъ на звуковомъ началѣ, по которому для каждаго слога бываетъ особый знакъ. Болѣе послѣдователей имѣетъ прежній взглядъ, опирающійся на ученіе Шамполліона, что въ египетскихъ іероглифахъ соединяются разные способы письма, начиная отъ простого живописнаго изображенія предметовъ до звуковыхъ начертаній. Г. Штейнталь приписываетъ это консервативному характеру Египтянъ, по которому они при каждомъ новомъ успѣхѣ письма сохраняли и старинные пріемы. На іероглифахъ, по его заключенію, можно прослѣдить весь путь, пройденный духомъ въ стремленіи закрѣпить летучее слово; всѣ степени развитія письма лежатъ рядомъ въ іероглифахъ и показываютъ исторію послѣднихъ, какъ составъ различныхъ слоевъ земли знакомитъ насъ съ исторіей ея образованія. Почти вездѣ у Египтянъ дѣйствительныя изображенія сопровождаются символическимъ письмомъ, которое отъ нихъ отличается мелкостью, размѣщеніемъ и положеніемъ, какъ нѣчто совершенно особое.

Въ средѣ этого народа, искони отличавшагося глубокимъ религіознымъ духомъ, письмо возникло для прославленія боговъ, для украшенія храмовъ и восхваленія великихъ дѣлъ. Ни въ какой странѣ нѣтъ такого множества надписей, какъ въ Египтѣ; нигдѣ онѣ не представляютъ такого разнообразія въ содержаніи

[1]) Seyffarth. Systema astronomiae aegyptiacae quadripartium. Leipzig 1830; также позднѣйшія его сочиненія.

и не служатъ въ такой степени памятниками литературы и исторіи.

Письмо у Египтянъ началось дѣйствительными изображеніями. Мы видимъ на ихъ зданіяхъ живописныя начертанія, которыя хотя и отличаются отъ настоящихъ іероглифовъ своею сущностью и отдѣлены отъ нихъ въ пространствѣ, но не могутъ быть сравниваемы ни съ греческими рельефами, ни съ нашими картинами. Въ нихъ цѣль разсказа, сообщенія посредствомъ извѣстныхъ образовъ и символовъ, проглядываетъ сильнѣе чѣмъ цѣль простого художественнаго изображенія, полагающаго свою задачу въ красотѣ формъ, какая господствовала у Грековъ. Обѣ цѣли въ этихъ египетскихъ начертаніяхъ повидимому еще соединены. Отъ нихъ письмо стало развиваться далѣе, и такимъ образомъ древнія изображенія получили болѣе прежняго характеръ настоящаго искуства.

Между мексиканскимъ и египетскимъ живописнымъ письмомъ оказывается та важная разница, что первое представляетъ самыми изображеніями цѣлый ходъ событія, тогда какъ между изображеніями Египтянъ по бо́льшей части нѣтъ видимой для глаза связи, и чтобъ найти эту связь, надобно переводить начертанія въ мысли. Кромѣ того, египетское письмо стало болѣе прибѣгать и къ другимъ средствамъ, особенно къ символикѣ. Такъ напр. разныя состоянія духа изображаются въ видѣ животныхъ или неодушевленныхъ предметовъ: храбрость означаетъ левъ, ненависть— рыба, справедливость — страусово перо, покорность подданнаго— пчела, слабодушіе, отдающее себя въ опеку—раковина, въ которой сидитъ ракъ, набожность—саранча, примирительное и сочувственное настроеніе — лира, и проч. Или ночь изображалась звѣздою, вкусъ—ртомъ и языкомъ, слухъ — ухомъ быка[1]. Но и метафора, начертаніе части вмѣсто цѣлаго, орудіе вмѣсто самаго дѣла, причины вмѣсто дѣйствія оказывались недостаточными. Переходъ къ звуковому письму совершился способомъ, похожимъ на тотъ, ко-

---

[1] W. Humboldt. Gesamm. Werke, VI, 457 и 462.

торый мы видѣли у Китайцевъ: когда два разныя понятія въ языкѣ означаются однимъ и тѣмъ же звукомъ, то естественно начертаніемъ простѣйшаго предмета возбудить представленіе о другомъ; такъ напр. у Египтянъ звукъ **ба** означалъ сову и душу: понятно, что для означенія души стали употреблять образъ совы. Вотъ примѣненіе къ живописному письму омонимики. Корзина, **небъ**, ставилась вмѣсто *господинъ* (понятія, означаемаго тѣмъ же звукомъ), а впослѣдствіи и вмѣсто неопредѣленнаго мѣстоименія **небъ**, каждый, все. Такъ пріучались въ образѣ видѣть не столько предметъ, сколько звукъ, и мысленное письмо въ умѣ Египтянъ перерождалось въ словесное. Но оно и на этомъ не остановилось: оно стало выражать знаками сперва слоги, а потомъ и отдѣльные звуки.

Такъ образъ льва, **лабо**, означалъ букву Л, образъ орла, **ахомъ**—букву А. Собственныя имена почти всегда означались такимъ способомъ, и удачная попытка Шампольіона разобрать на этомъ основаніи знаменитую надпись въ Розеттѣ, содержащую имена Птоломея и Клеопатры, доставила ключъ къ чтенію іероглифовъ. Въ новѣйшее время сдѣлано открытіе, что іероглифическія начертанія, означающія согласныя, представляютъ не одинъ отдѣльный элементъ, а цѣлый слогъ, что напр. квадратъ означаетъ не просто П, а **па**, ломаная линія — не просто Н, а **на**. При всемъ томъ никакъ нельзя принимать, чтобы іероглифическое письмо съ многочисленными его знаками (болѣе 600) было вполнѣ фонетическимъ или звуковымъ; напротивъ, оно сохраняло множество изображеній для цѣлыхъ понятій или словъ. Чтобы предупредить смѣшеніе ихъ или недоразумѣнія, употреблялись, такъ же какъ и у Китайцевъ, добавочные знаки, которые ставились при изображеніяхъ съ цѣлію показать, къ какому кругу идей принадлежитъ обозначенное слово. Такъ, напр., если къ іероглифу присоединялся человѣкъ, трогающій рукою свой ротъ, то этимъ означалась какая-нибудь дѣятельность рта, двѣ шагающія ноги означали ходьбу, три цвѣтка на стеблѣ — понятіе, относящееся къ растительному царству, и т. д. Такъ мысленное и звуковое письмо

явились рядомъ. Египетскій языкъ представляетъ самый разнообразный составъ слоговъ, начинающихся и кончающихся то гласной, то согласной, и это разнообразіе должно было служить сильнымъ поводомъ къ ихъ различенію. Имѣя звуковой знакъ для **мэн** и другой для **эн**, легко было замѣтить, что въ первомъ противъ второго лишнее М. Присутствіе К въ **ка**, **кам**, **кат** и **ска** (жертвовать, черный, строить, пахать) могло навести вниманіе на это **к**; одной свѣтлой мысли говоритъ г. Штейнталь, было повидимому достаточно воспріимчивому уму, чтобы разомъ перейти къ сознанію звуковъ и буквъ [1].

Звуковое письмо.

Между живописнымъ и азбучнымъ письмомъ было однакожъ еще посредствующее звено, именно письмо силлабическое, въ которомъ еще не отдѣльные элементарные звуки, а цѣлые слоги, напр. **ри**, **ре**, **ра**, **ро** и т. д., изображались особыми знаками.

Съ одной стороны такое письмо образовалось у Японцевъ. Первоначально они заимствовали искуство письма у Китайцевъ, но значительно упростили его, благодаря особеннымъ свойствамъ своего языка, который располагаетъ только 47 слогами. Слова у нихъ большею частью односложныя, а слоги состоятъ изъ согласнаго и слѣдующаго за нимъ гласнаго звука (въ древнемъ яп. языкѣ было только 10 согласныхъ и 5 гласныхъ). Узнавъ китайское письмо, они взяли оттуда знакъ для каждаго изъ своихъ

---

[1] Избѣгая подробностей, упомяну только мимоходомъ о дальнѣйшемъ развитіи іероглифовъ. Это монументальное письмо производилось собственно только на камнѣ и деревѣ, откуда и названіе его (въ переводѣ *святорѣзы*); съ изобрѣтеніемъ папируса писать сдѣлалось гораздо легче: стали сокращать знаки, и такимъ образомъ возникло, хотя и съ сохраненіемъ того же характера, бѣглое (курсивное) письмо, которое однако еще долго оставалось достояніемъ духовныхъ и потому впослѣдствіи получило у Грековъ названіе *іератическаго* (іерейскаго). Со временъ Псамметиха (въ 7-мъ вѣкѣ до Р. Х.) это письмо еще болѣе упростилось, отчасти подъ вліяніемъ азбучнаго черезъ пріѣзжавшихъ въ Египетъ Семитовъ; оно употреблялось въ рукописяхъ свѣтскаго содержанія и стало извѣстно Грекамъ подъ именемъ *демотическаго* (народнаго) или *энхорическаго* (туземнаго).

47-ми слоговъ, но отбросили слишкомъ мудреныя начертанія и такимъ образомъ составили себѣ очень удобное письмо, такъ называемое Ката-кана. Ихъ азбука извѣстна подъ именемъ И-рофа по первымъ тремъ слогамъ, ее составляющимъ, какъ греческая азбука по той же причинѣ называется алфавитомъ.

Съ другой стороны, особаго рода силлабическое письмо развилось изъ египетскихъ іероглифовъ: это — найденное на памятникахъ въ Месопотаміи и смежныхъ съ нею земляхъ клинообразное письмо. Оно такъ названо по формѣ начертаній, изъ которыхъ состоитъ: двойной ударъ зубриломъ (родъ долота) по камню образовалъ прямыя, съ одного конца острыя черты, похожія на стрѣлы; онѣ ставились то рядомъ, по двѣ, по три, по четыре, то составляли между собою углы. Вездѣ онѣ отличаются большою простотой и твердостью, безъ всякихъ кривыхъ линій или округленій. Полагаютъ, что началомъ этого письма послужили разныя прямоугольныя фигуры, которыя у Халдеевъ начертывались на мягкомъ матеріалѣ, напр. на глинѣ. Впослѣдствіи клинообразное письмо перешло и къ древнимъ Персамъ (арійское письмо). Группы клиньевъ представляютъ самыя разнообразныя формы: клинъ дѣлался то отвѣсно, то горизонтально, то вкось, вправо или влѣво. Система этого письма до сихъ поръ только отчасти разгадана. По мѣрѣ распространенія на востокъ, на западъ и северозападъ (до Арменіи), оно подвергалось разнымъ измѣненіямъ, такъ что есть нѣсколько видовъ его. Ассирійское и вавилонское клинообразное письмо представляетъ смѣсь по-словныхъ и слоговыхъ начертаній. Многія выражаютъ цѣлыя слова или какоелибо опредѣленное понятіе, означаемое словомъ, напр. Богъ, человѣкъ, царь, отецъ, сынъ, небо, земля; но по большей части отдѣльные знаки соотвѣтствуютъ слогамъ.

Отъ слогового письма до азбучнаго (буквеннаго) или собственно-звукового одинъ только шагъ, но и этотъ шагъ совершился не вдругъ. Не вполнѣ развитую систему азбучнаго письма представляетъ семитическое, въ которомъ изображаются почти одни согласные элементы, а изъ гласныхъ только немногіе: прочіе под-

разумѣваются. Отъ Семитовъ азбучное письмо перешло на западъ къ арійскимъ народамъ, въ пелазгійскій или греко-италійскій міръ, а оттуда распространилось впослѣдствіи по всей Европѣ.

Какъ бы ни интересна была для насъ исторія этого письма, непроницаемая тайна покрываетъ ее. О ходѣ распространенія его дошли до насъ одни темныя преданія, и всѣ изслѣдованія для повѣрки или разъясненія ихъ остаются до сихъ поръ и, вѣроятно, навсегда останутся тщетными. По одному изъ этихъ преданій, изобрѣтателемъ письма у Египтянъ былъ Таутъ, а отъ Египтянъ оно было заимствовано Финикіянами. Г. Вутке склоняется къ предположенію, что первоначально семитическое письмо изобрѣтено было въ Вавилонѣ, гдѣ, по библейскому повѣствованію, раздѣлились племена, гдѣ былъ центръ обширной торговли и другихъ сношеній между многими народами. Такому изобрѣтенію не могло помѣшать существовавшее тамъ издревле и послѣ долго сохранявшееся въ употребленіи клинообразное письмо. Алфавитное легко могло развиться изъ слогового, но на родинѣ не сдѣлаться общимъ достояніемъ.

Доказательство давняго существованія буквеннаго письма тотъ же ученый видитъ въ томъ, что Евреи, во время своего долгаго пребыванія въ Египтѣ, не заимствовали тамошняго іероглифическаго письма; изъ этого онъ заключаетъ, что они еще въ Палестинѣ, до выхода оттуда, знали алфавитное письмо; а если они, будучи кочевниками, уже пользовались имъ, то тѣмъ болѣе оно должно было давно быть извѣстно осѣдлымъ жителямъ края. Отъ Финикіянъ буквенное письмо, если вѣрить преданію, перенесено въ Грецію Кадмомъ.

Относительно способа изобрѣтенія азбуки, мнѣнія также различны: многіе полагаютъ, что до изображенія того или другого звука на письмѣ доходили мало по малу въ теченіе долгаго времени; г. Вутке, напротивъ, находитъ эту мысль странною и старается доказать, что какъ скоро понята была система изображенія звуковъ буквами, то человѣкъ, который возымѣлъ эту счастливую идею, долженъ былъ выполнить ее разомъ, хотя и не въ

окончательномъ совершенствѣ. То и другое мнѣнія опираются на уважительные доводы. Выше мы видѣли, какимъ образомъ у Китайцевъ и Египтянъ мысль примѣненія знаковъ къ звукамъ развивалась постепенно; возможно, что какой-нибудь мудрецъ у Семитовъ, понявъ эту систему, разомъ построилъ на ней цѣлую азбуку.

Древнѣйшими до сихъ поръ извѣстными образцами буквеннаго письма служатъ двѣ надписи, открытыя не такъ давно, именно: одна найдена въ 1855 г., близь древняго Сидона, на гробницѣ царя Ашмакоцара, и писана, по изслѣдованіямъ Эвальда и др., во времена процвѣтанія Сидона, вѣроятно за 1000 лѣтъ или еще ранѣе до Р. Х. Позднѣе (около 1870 г.) въ Дибанѣ, къ востоку отъ Мертваго моря, на большомъ черномъ камнѣ открыта надпись моавитскаго царя Мешо, писанная въ — 897 году или вскорѣ послѣ того: судя по нѣкоторымъ ея начертаніямъ, она не такъ стара какъ первая. На обѣихъ встрѣчаются уже округлыя формы буквъ, изъ чего должно заключать, что это письмо издавна, можетъ-быть нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, употреблялось на мягкомъ матеріалѣ, допускавшемъ такія округлости. Если такъ, то азбучно писали далеко за тысячу лѣтъ до Р. Х. Не смотря на свои грубые и простые облики, буквы этихъ надписей, особенно нѣкоторыя, уже немного напоминаютъ извѣстныя намъ позднѣйшія начертанія; главный типъ этихъ буквъ составляетъ прямая крупная черта или палочка (врѣзанная или вбитая ударомъ остраго орудія), наклоненная слѣва вправо, такъ какъ писали въ направленіи отъ правой руки къ лѣвой[1]. Къ главной чертѣ прибавленъ сбоку, большею частью съ лѣвой стороны, какой-нибудь дополнительный значокъ; только немногія буквы вовсе не имѣютъ стоячей черты; округлость господ-

---

[1] По мнѣнію г. Вутке, эта форма азбуки совершенно оправдываетъ греч. названіе буквъ στοιχεῖα, т. е. *палочки*. Но Максъ Мюллеръ доказалъ, что слово στοιχεῖα можетъ означать только «составныя части цѣлаго, образующія полный рядъ, будутъ ли то часы, или буквы, или части рѣчи, или физическіе элементы, лишь бы такіе элементы расположены были въ систематическомъ порядкѣ». (M. Müller-Böttger. *Vorlesungen über die Wissensch. d. Sprache. II Serie.* Leipzig 1866. Стр. 73).

ствуетъ въ О (кружокъ) и въ Θ (кружокъ, перерѣзанный поперекъ черточкой, какъ у Грековъ).

Трудная задача, долгіе вѣка остававшаяся невыполненною, была рѣшена. Понятно, какъ не легко было замѣтить, что льющаяся въ такомъ разнообразіи рѣчь можетъ быть разложена на нѣсколько основныхъ элементовъ, которые попеременно повторяются то въ одномъ, то въ другомъ словѣ, и что эти элементы могутъ быть изображаемы знаками. Конечно, образное письмо имѣетъ то преимущество, что можетъ быть разбираемо людьми всѣхъ націй, звуковое же доступно только говорящимъ на одномъ языкѣ; притомъ съ перваго взгляда оно труднѣе разбирается; но въ сущности оно легче и примѣнимо ко всѣмъ языкамъ. «Безъ тѣхъ подробныхъ сказаній о его происхожденіи, какія повѣствуются о жреческихъ письменахъ, тихо, какъ бы во мракѣ распространялся алфавитъ, вѣроятно между народами, у которыхъ еще не было неподвижной іерархіи и вполнѣ развившагося монархическаго правленія, давшихъ начало іероглификѣ и клинообразному письму. Съ передвиженіями племенъ, обладавшихъ алфавитомъ, порвались нити преданій о его изобрѣтеніи. Но эти маловажныя съ виду черты, это безродное письмо покорило весь міръ. Великолѣпные, разукрашенные храмы, нѣкогда говорившіе своими письменами, обратились въ непонятныя загадки; величавыя надписи на скалахъ прослыли чародѣйскими знаками; но путемъ алфавита спасены отъ забвенія всѣ великія, достопамятныя мысли и дѣла людскія. Буква сдѣлалась формою мысли для всего образованнаго человѣчества, стала силою, величайшею силою въ мірѣ»[1].

Въ отношеніи къ исторіи буквеннаго письма желательно было бы разъяснить по крайней мѣрѣ слѣдующіе два вопроса:

1, Откуда произошли формы и древнія названія буквъ?

2, Отчего буквы во всѣхъ азбукахъ расположены безъ всякой системы, такъ что гласныя перемѣшаны съ согласными, звуки одного и того же органа (напр. Б и П) разбросаны, мгновенные стоятъ

[1] Wuttke. Die Entstehung der Schrift. Стр. 726.

возлѣ длительныхъ (напр. П возлѣ Р) и т. п., словомъ, буквы размѣщены въ такомъ порядкѣ, который не основанъ ни на количественномъ, ни на качественномъ[1] соотношеніи между звуками?

Извѣстно, что въ древнихъ алфавитахъ буквы по большей части называются цѣлыми словами, начинающимися съ означаемой буквы. Весьма правдоподобно мнѣніе (хотя и отвергаемое очень рѣшительно г-мъ Вутке), что какъ формы, такъ и подобныя названія буквъ были остатками означенія словъ посредствомъ изображенія предметовъ. При первоначальномъ переходѣ къ звуковому письму отдѣльный звукъ означался образомъ, въ названіи котораго онъ составлялъ начало. Такъ фигура головы значила Р, потому, что имя головы въ семитическихъ языкахъ начинается съ Р (евр. rosch): оттого изображеніе головы, обращенной профилемъ вправо, служило сперва іероглифомъ для этого звука, а впослѣдствіи изъ іероглифа образовался знакъ *R*, родоначальникъ начертаній того же звука во многихъ алфавитахъ. Или напр. въ финикійскомъ алфавитѣ знакъ 7, остатокъ изображенія шеи верблюда, далъ начало буквѣ Г (gimel, γαμμα), которая у Евреевъ и Грековъ названа по евр. имени верблюда (gamal). Позднѣе древнія названія буквъ были сокращены: гласныя стали означаться однимъ чистымъ своимъ звукомъ, а согласныя приняли въ помощь одну гласную, А или Э, произносимую либо послѣ (**бе, ве, ка**), либо прежде согласнаго звука (**эф, эс, эн, эм**). Такая двойственность въ позднѣйшихъ названіяхъ буквъ объясняется различно: по мнѣнію однихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ уже Присціанъ, оно отвѣчаетъ основному дѣленію согласныхъ на *нѣмыя* (mutae, по нашему — мгновенныя) и *полугласныя* (semivocales, — длительныя): названія, начинающіяся согласною, служатъ къ означенію первыхъ, а прочія — къ означенію вторыхъ. Другіе полагаютъ, что двоякія названія буквъ произошли въ слѣдствіе сокращенія древнѣйшихъ именъ; такъ напр. названія **эм** и **эн** образовались будто бы отъ семитическихъ **мем**

---

[1] Объясненіе этихъ терминовъ см. выше на стр. 40.

и **нюн**, у которыхъ въ первомъ отброшена начальная согласная, а во второмъ сверхъ того измѣнена гласная [1]. Нельзя однакожъ не замѣтить, что это послѣднее мнѣніе отзывается натяжкой, и не отдать преимущества первому. Указанное Присціаномъ начало различнаго наименованія буквъ оказывается дѣйствительно въ латинскомъ алфавитѣ: оно не соблюдено только въ отношеніи къ буквамъ H и Z; но H почти то же, что греческое густое дыханіе (spiritus asper), и не можетъ заканчивать слога послѣ гласной, а Z есть чисто греческая буква, почему сохранила и первоначальное свое названіе (ζῆτα). Составители новѣйшихъ алфавитовъ не поняли причины двоякихъ названій буквъ, и потому въ этихъ алфавитахъ явились названія: **ве** [2], **же**, **зе**, **ха**, **ша** и др., въ которыхъ, по основному правилу древнихъ, гласная должна бы стоять впереди.

Относительно формы буквъ надобно прибавить, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не безъ основанія видятъ отраженіе сущности образованія самаго звука. Такъ напр. фигура M въ большей части алфавитовъ составлена изъ іероглифа 〰〰, означавшаго воду: изъ него для изображенія M заимствована часть ломаной линіи какъ бы для означенія полугласной натуры *плавнаго* звука и изображенія тѣхъ дрожаній, звучащихъ почти безъ помощи гласнаго, которыя при произношеніи M образуются нашими органами, особенно губами [3]. Такимъ же образомъ при гласной O невольно представляемъ себѣ круглое отверстіе рта, какимъ сопровождается произношеніе его.

Что касается порядка или, вѣрнѣе, безпорядка въ расположеніи азбукъ, то для рѣшенія этого вопроса, не имѣя никакихъ историческихъ данныхъ, мы можемъ руководствоваться только

---

[1] C. B. Cayley. «On the modern names of the letters of the Alphabet» въ *Transactions of the Philological Society*. London 1870—1872. Стр. 11.

[2] Извѣстно, что въ латинскомъ алфавитѣ буквы V и J явились только въ новѣйшія времена для отличія отъ U и I.

[3] Karl Böttger. Sprache und Schrift. Das Lautdenken für Ohr u. Auge. Leipzig 1868. Стр. 114.

соображеніемъ и догадкою. Такой недостатокъ системы можетъ быть объясняемъ тѣмъ, что буквы ставились одна подлѣ другой по мѣрѣ того, какъ различаемы были отдѣльные звуки и какъ для нихъ придумывались особые знаки, — было ли это дѣломъ нѣсколькихъ, жившихъ послѣдовательно одинъ за другимъ людей, или одного изобрѣтателя. Разсуждая объ этомъ, мы разумѣется должны имѣть въ виду хоть одинъ изъ древнихъ алфавитовъ, и всего удобнѣе взять для примѣра греческій, какъ послужившій источникомъ всѣхъ европейскихъ. Въ немъ на самомъ первомъ мѣстѣ вполнѣ раціонально поставленъ основной и простѣйшій гласный А; за тѣмъ идутъ три громкіе согласные (В Г Δ), совершенно разнородные по органамъ. Изъ этого Вутке заключаетъ, что контрасты въ артикуляціи звуковъ, съ первыхъ шаговъ замѣченные изобрѣтателемъ азбуки, именно и усилили его вниманіе и проложили ему путь къ дальнѣйшему расчлененію слоговъ. Буквы эти, вѣроятно, поставлены такъ въ слѣдствіе естественнаго движенія органовъ: послѣ произнесенія А открытымъ ртомъ сомкнувшіяся губы образовали впереди его Б, потомъ въ задней полости рта произнеслось Г, затѣмъ въ средней части Д при главномъ участіи языка[1]. По мнѣнію того же автора, противоположности сопоставлялись и далѣе: «Отыскивать и группировать родственные звуки, продолжаетъ онъ, было бы только остановкою въ началѣ такого изслѣдованія и произвело бы путаницу». Такъ ли дѣйствительно происходило дѣло, трудно сказать положительно[2]. Во всякомъ случаѣ надобно помнить, что изобрѣтатель азбуки могъ еще и не имѣть достаточно-вѣрныхъ понятій о натурѣ звуковъ, для правильной группировки ихъ. При обсужденіи вопроса объ алфавитахъ, мы не должны также забывать, что древнѣйшій изъ

---

[1] Wuttke, стр. 714.

[2] Мысль, будто порядокъ буквъ основанъ на томъ, что названія, которыми онѣ первоначально означались, образовали въ этомъ расположеніи последовательную рѣчь, здѣсь не принимается въ соображеніе, потому что связь между названіями буквъ очевидно придумана искуственно въ позднѣйшее время.

нихъ, самый первоначальный, намъ неизвѣстенъ; мы даже не можемъ съ полною достовѣрностью опредѣлить, у какого народа онъ возникъ. При каждомъ заимствованіи для другого языка азбука по необходимости видоизмѣнялась; съ ходомъ развитія языка она подвергалась новымъ измѣненіямъ. Такъ о греческомъ или пелазгійскомъ алфавитѣ есть извѣстіе, что онъ сперва состоялъ только изъ 16 буквъ (изъ которыхъ одна, дигамма Ϝ, впослѣдствіи оказалась лишнею); позднѣе къ нему Паламедъ прибавилъ четыре буквы, а потомъ Симонидъ еще четыре[1]. Естественно, что при такомъ ходѣ составленія азбукъ, въ нихъ нельзя ожидать правильной послѣдовательности буквъ. Самый близкій намъ примѣръ извращенія порядка звуковъ при заимствованіи и дополненіи чужой азбуки, представляетъ *кириллица*[2], въ которой такой недостатокъ достигъ крайней степени. Къ этой то азбукѣ мы теперь и перейдемъ по плану нашего изслѣдованія.

II. Славяно-русская азбука.

Иностранцы, начиная учиться русскому языку, обыкновенно жалуются на то, что у насъ своя особая, а не латинская азбука, и увѣряютъ, что это очень затрудняетъ дѣло, даже отбиваетъ охоту продолжать ученіе. Нѣкоторымъ наша азбука кажется безобразною. Такъ извѣстный американскій филологъ Витней, въ своихъ лекціяхъ о языкѣ говоря объ алфавитахъ, заимствованныхъ изъ греческаго, называетъ нашъ «самымъ неуклюжимъ и несимметрическимъ»[3], а нѣмецкій переводчикъ Витнея еще усиливаетъ этотъ отзывъ, находя въ русской азбукѣ «самое неграціозное

[1] K. Böttger. Sprache und Schrift. Leipzig 1868. Стр. 111. — Wulfes. De literarum inventione. Rostochii 1870. Стр. 11—13.

[2] Востоковъ справедливо пытался ввести древнюю форму *кирилловица* вм. неправильно образованнаго слова *кириллица*, но послѣ его неудачи можно считать дѣло окончательно рѣшеннымъ въ пользу аномаліи.

[3] «The modern Russian (*alphabet*), the most ungainly and unsymmetrical, perhaps, of all its (*т. е. греческаго*) descendants» (Whitney. *Language and the study of language*. Стр. 463).

и неловкое отродіе щеголеватаго письма Грековъ»[1]. При безпристрастномъ на нее взглядѣ нельзя однакожъ не согласиться, что наши буквы вовсе не такъ рѣзко отличаются отъ греческихъ и латинскихъ, съ которыми многія изъ нихъ даже совершенно сходны: своеобразное очертаніе имѣютъ по большей части только тѣ, которыя представляютъ и звуки особые. Но едва ли труднѣе удержать въ памяти фигуру, напр., нашего Ч или Щ, нежели при изученіи хоть польскаго языка, употребляющаго латинское письмо, запомнить значеніе соотвѣтствующихъ имъ сложныхъ начертаній CZ или SZCZ. Главная трудность заключается совсѣмъ не въ знакахъ, а въ звукахъ, ими выражаемыхъ. Попытки ввести у насъ латинскій алфавитъ никогда не будутъ имѣть успѣха, какъ не имѣли его до сихъ поръ. Полуторавѣковое существованіе русскаго гражданскаго письма и довольно уже богатая литература, распространенная въ русской печати, навсегда обезпечиваютъ сохраненіе нашей національной азбуки.

Иностранцы, разсуждая о ней, смотрятъ только на внѣшнюю ея сторону; но для насъ гораздо важнѣе вопросъ: въ какой степени она точно и вѣрно отвѣчаетъ фонетическому составу языка или, иначе говоря, сходится съ его дѣйствительно-звуковою (слышимою) азбукой. Нашъ алфавитъ не былъ придуманъ непосредственно для звуковъ русскаго языка, а заимствованъ, съ нѣкоторыми передѣлками, изъ готовой азбуки другого, церковно-славянскаго языка, и не могъ не отразить на себѣ послѣдствій такого происхожденія. Чтобы правильно судить о характерѣ и степени удовлетворительности русскаго письма, мы должны, во 1-хъ, опредѣлить, въ чемъ состоитъ совершенство азбуки вообще, а во 2-хъ, припомнить исторію нашей азбуки.

Такъ какъ прямая задача звукового письма — изображать знаками, въ возможной точности, полнотѣ и правильной послѣдовательности, всѣ звуки слышимой рѣчи, то естественно, что пись-

[1] «Das russische Alphabet, das... wohl die ungraciöseste und unbeholfenste Abart der zierlichen Schrift der Griechen darstellt» (Jolly. *Die Sprachwissenschaft*. Стр. 621).

мо бываетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе простыми и легкими средствами цѣль эта достигается. Отсюда, для азбуки, истекаютъ слѣдующія требованія:

1, Каждому особому членораздѣльному *звуку* языка долженъ соотвѣтствовать и особый письменный *знакъ*: сколько окажется такихъ звуковъ, столько же должно быть и знаковъ или буквъ, не болѣе и не менѣе.

2, Каждый *знакъ* (т. е. каждая буква) долженъ служить къ изображенію только одного опредѣленнаго *звука*, а никакъ не двухъ или нѣсколькихъ, ни отдѣльно взятыхъ, ни соединенныхъ.

Такова теорія, но лишь весьма немногіе языки приближаются къ осуществленію ея: изъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ болѣе всѣхъ удовлетворяетъ ей итальянскій[1]; изъ славянскихъ нарѣчій — сербское. Причина несовершенства большей части азбукъ та, что только при самомъ изобрѣтеніи знаковъ для передачи звуковъ того или другого языка могутъ быть выполнены помянутыя условія; позднѣе же, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія и измѣненія звуковъ, начертанія, неминуемо, болѣе или менѣе удаляются отъ нихъ, и азбука требуетъ исправленій, которыя часто, безъ совершенной передѣлки ея, бываютъ трудны или даже невозможны. Для большей же части нынѣшнихъ европейскихъ языковъ азбука была заимствована изъ латинскаго и не всегда удачно прилажена къ своеобразнымъ ихъ звукамъ. Вотъ какъ отзывается объ этомъ французскій ученый Вольней: «Азбучныя методы нашей Европы настоящія карикатуры: множество неправильностей, несообразностей, двусмыслій, двоякихъ примѣненій той же буквы оказывается даже въ итальянскомъ и въ испанскомъ алфавитахъ, но особенно въ нѣмецкомъ, въ польскомъ, въ голландскомъ. Что касается французскаго и англійскаго, то въ нихъ совершенная путаница»[2]. Какова же была бы и славянская азбука, если бъ она по той же методѣ была составлена изъ латинской?

---

[1] Но не вполнѣ, потому что и въ его азбукѣ двѣ буквы G и Z имѣютъ по два разные звука (G = то Г, то ДЖ; Z = то Ц, то ДЗ); H пишется, но вовсе не произносится.

[2] Volney. Alfabet européen appliqué aux langues asiatiques. Стр. 21.

Въ противоположность приведеннымъ выше рѣзкимъ отзывамъ о нашей азбукѣ не было недостатка и въ похвалахъ Кириллу за проницательность, обнаруженную имъ при изобрѣтеніи славянскихъ письменъ: изъ старинныхъ писателей достаточно припомнить Шлецера съ его восторженнымъ обращеніемъ къ первоучителямъ Славянъ[1], а изъ новыхъ — нашего уважаемаго сочлена О. Н. Бетлинга, который въ своей статьѣ «Beiträge zur russischen Grammatik»[2] сознаётся, что нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ, вполнѣ достигающій своей цѣли столь малыми средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ соображеніе время, когда жилъ Кириллъ, то надо согласиться, что онъ при выполненіи своей задачи сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ него. Для приложенія означенныхъ выше требованій къ его азбукѣ мы, къ сожалѣнію, лишены одного необходимаго условія,— точнаго знакомства съ фонетикой древне-славянскаго языка[2]; тѣмъ не менѣе едва ли ошибемся, сказавъ, что кириллица, обличающая большую книжную ученость, придумана была также съ строгимъ вниманіемъ къ звуковымъ явленіямъ языка. Основываясь на коренныхъ особенностяхъ, до сихъ поръ живущихъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, особенно русскомъ, мы можемъ составить себѣ достаточно ясное понятіе о соотвѣтствіи между кириллицей и древне-славянскою фонетикой. Но такъ какъ въ послѣдней были конечно и свои исключительныя свойства, то и въ кириллицѣ могли оказаться знаки, не совсѣмъ для насъ понятные. Послѣ важнаго открытія, сдѣланнаго Востоковымъ относительно ринизма *юсовъ*, загадочною буквою остается особенно Ѣ, которую однакожъ и мы приняли въ наслѣдство какъ знаменательный графическій знакъ. Темнымъ представляется также вопросъ объ уда-

[1] «Привѣтствую васъ здѣсь, безсмертные изобрѣтатели славенскія граматы! Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять, такъ сказать, изъ устъ народа и писать греческими буквами; но въ этомъ дѣлѣ поступили вы, какъ люди, отличнымъ умомъ одаренные» и проч. (*Несторъ* въ перев. Языкова. Ч. II, стр. 477).

[2] Переводъ ея напечатанъ въ *Уч. Запискахъ по I и III отдѣленіямъ Ак. Н.* т. I. См. тамъ стр. 60

реніи и о длительности нѣкоторыхъ гласныхъ въ древне-славянскомъ; было высказываемо мнѣніе, будто первоначально буква Ѣ всегда означала долгій звукъ, а знаки оу и ъı были дифтонгами, но ни то, ни другое положительно не дознано. По всей вѣроятности оу выражало то же, что ȣ, какъ равнымъ образомъ и и і, о и ω, ѕ и з были двоякіе знаки для одинакихъ звуковъ. Слѣдовательно правило имѣть для каждаго звука только по одному знаку не было строго выполнено; было ли такъ съ самаго начала, мы не знаемъ, но въ Остроміровомъ евангеліи всѣ эти буквы уже встрѣчаются, хотя правда ȣ и і только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ сокращительные знаки вм. оу и и. Между согласными была только одна буква, выражавшая соединеніе двухъ звуковъ, именно Щ, которая первоначально, какъ думаетъ Востоковъ, служила сокращеніемь ШТ. Что касается ѯ, ѱ, то онѣ, вмѣстѣ съ ѳ и ѵ, были помѣщены въ концѣ азбуки, какъ назначенныя только для употребленія въ греческихъ и отчасти въ еврейскихъ словахъ.

Особеннаго вниманія въ кириллицѣ заслуживаютъ буквы Ъ и Ь и диграфы (двойные знаки) ꙗ, ѥ, ю, ѩ, ѭ.

Благодаря успѣхамъ филологіи, никто уже теперь не сомнѣвается, что Ъ и Ь въ древности не означали только то двоякое произношеніе согласныхъ, которое искони составляло особенность славянскихъ нарѣчій, но служили дѣйствительными буквами (не одними знаками какъ нынче) для выраженія двухъ гласныхъ звуковъ, дебелаго и тонкаго. Эти два гласные звука тѣмъ отличались отъ всѣхъ остальныхъ, что не могли произноситься сами по себѣ, безъ опоры согласныхъ, не могли стоять ни отдѣльно, ни въ началѣ слога или слова. Они слышались только въ замкнутыхъ слогахъ, а можетъ быть и въ концѣ словъ, какъ дополненіе согласныхъ. Поэтому гласныя буквы Ъ и Ь у нѣкоторыхъ филологовъ и называются *глухими*, у другихъ *слабыми*, Востоковымъ же признаны за *полугласныя*. Ъ представлялъ ослабленіе О или У, а Ь — глухое Е или И, но собственно говоря, этимологическою основою *ера* былъ У, а *еря*—И, т. е. два крайніе звука системы гласныхъ, которые поэтому и считаются: первый полнотою *ера*, второй полнотою *еря*.

Въ позднѣйшее время Ъ и Ь въ серединѣ словъ были замѣнены полными гласными О и Е, и только въ концѣ они сохранились для означенія двухъ различныхъ оттѣнковъ произношенія согласныхъ. Между И и Ь-мъ есть еще средній по протяженію звукъ, письменпымъ представителемъ котораго служитъ Й, равняющійся, какъ было показано въ 1-й части, германскому jot. Для выраженія этого звука передъ гласною Кириллъ ввелъ греческую *іоту* (ι); понятно, что ему не могло притти на мысль составить съ такой цѣлью особое начертаніе, такъ какъ Греки не знали самаго звука jot и произносили ι передъ гласной какъ отдѣльный слогъ, напр. въ словѣ ἰατρος (врачъ); у Римлянъ напротивъ звукъ былъ, но не изображался на письмѣ: J вмѣсто I стало употребляться въ латинскихъ книгахъ не ранѣе 16-го столѣтія[1]. Послѣ гласной, для составленія дифтонга, въ древне-славянскомъ писалось И безъ всякаго отличительнаго знака.

Особенно хвалятъ Кирилла за ловкое средство, которое онъ придумалъ для означенія тонкости согласныхъ передъ дебелыми гласными: вмѣсто того, чтобы употребить какой-нибудь знакъ для отличія самой согласной (какъ поступили Поляки), онъ примѣнилъ къ этому двоегласныя ꙗ, ю и проч., присоединеніемъ которыхъ къ согласной означалось, что она должна произноситься тонко. Онъ принялъ за правило писать, напр., бꙗ, лѥ, рю (вм. бъа, лъэ, ръу). Чтобы вполнѣ основательно оцѣнить этотъ пріемъ, мы должны бы знать, дѣйствительно ли и въ древности уже первая буква диграфа въ такихъ слогахъ означала только отонченіе предшествующей согласной (бꙗ = бъа), или она имѣла тотъ же звукъ Й, который слышится, когда этими начертаніями начинается слогъ (такъ что бꙗ равнялось бы бja). Въ послѣднемъ

[1] Изъ германскихъ языковъ только въ готскомъ былъ особый знакъ для звука *йотъ* (𐌾). Въ ново-нѣмецкій и ново-скандинавскіе языки буква j перешла съ употребленіемъ латинскаго письма. Ее заимствовали и тѣ славянскіе народы, которые пишутъ латинскими буквами. Караджичъ включилъ ее и въ свой русско-сербскій алфавитъ. По этому поводу Я. Гриммъ говоритъ: «Das j scheint sogar rathsam in das Altslavische aufzunehmen». (Kleine Serbische Gramm. Leipzig 1824. Стр. XXII).

случаѣ было бы весьма естественно, что Кириллъ ввелъ послѣ согласныхъ то же начертаніе, какое употреблялось имъ въ началѣ слога; предполагая же первый случай, надобно согласиться, что онъ нарушилъ одно изъ важнѣйшихъ условій совершенства азбуки, давъ двоякое звуковое значеніе однимъ и тѣмъ же начертаніямъ[1]. Но какъ бы ни было, нельзя не признать остроумнымъ примѣненія однихъ и тѣхъ же диграфовъ къ двоякой потребности — означать отонченіе то послѣдующей гласной, то предыдущей согласной.

Гораздо менѣе пониманія дѣла обнаружили составители или составитель *гражданской* азбуки при обращеніи этихъ диграфовъ въ простые знаки: Я, Е, Ю; правда, что послѣдняя изъ этихъ трехъ буквъ удержала прежнюю церковно-славянскую форму, но такъ какъ покинута общая система изображенія приведенныхъ звуковыхъ групъ, то и начальная черта буквы Ю совершенно потеряла свое значеніе. Такая ничего не говорящая форма буквъ, служащихъ для изображенія звуковыхъ комплексовъ, неизбѣжно затемняетъ правильное пониманіе фонетики. Это относится особенно къ буквѣ Е (= ѥ, йэ), которой очертаніе многимъ до сихъ поръ мѣшаетъ видѣть, что она въ началѣ слога никакъ не можетъ замѣнять Э и что послѣдняя такъ же необходима для выраженія соотвѣтственнаго ей звука: безъ нея мы имѣли бы еще одну букву (т. е. Е) съ двоякимъ значеніемъ.

Начало русской гражданской азбуки и оцѣнка ея.

Составленіе гражданской азбуки при Петрѣ Великомъ было дѣломъ чрезвычайно знаменательнымъ для послѣдующихъ судебъ нашей литературы. Это былъ первый шагъ къ созданію народно-русскаго письменнаго языка. Вопросъ о взаимномъ отношеніи обоихъ издавна существовавшихъ въ Россіи, другъ возлѣ друга,

---

[1] «The two greatest defects in the orthography of any language are the application of the same letter to several different sounds and of different letters to the same sound». William Jones. *Works*. London 1807. III, 261. Клопштокъ также сказалъ: «Kein Laut darf mehr als ein Zeichen, und kein Zeichen mehr als einen Laut haben». Fragmente, стр. 198. Ср. R. v. Raumer. Gesam. sprachw. Schriften, стр. 124, 125.

языковъ еще далеко не исчерпанъ, но онъ сюда не относится. Примѣры преобразованія азбуки бывали и въ другихъ странахъ. Греческіе языковѣды въ 5-мъ столѣтіи до Р. Х. установили іоническій алфавитъ, въ которомъ устранены *коппа* и *сампи*; рядомъ съ *хи* и *фи* введены *кси* и *пси*, и для отличія долгаго и краткаго Е приняты двѣ буквы (ε и η). Арабскіе грамматисты и іудейскіе масореты 9-го и 10-го вѣковъ также исправили и установили свое письмо Армяне писали нѣкогда греческими буквами, а впослѣдствіи составили себѣ особую азбуку съ новыми знаками и въ новомъ порядкѣ. Древніе Скандинавы употребляли сперва руническое письмо, но потомъ оставили его и вмѣстѣ съ христіанствомъ приняли болѣе удобныя латинскія буквы въ той формѣ, какую ввели монахи въ средніе вѣка и которая иногда называется готическою[1]. Всѣмъ извѣстно, какъ примѣнилъ Караджичъ дополненную имъ русскую азбуку къ сербскому языку.

Подобныя перемѣны дѣлались не только въ раннемъ возрастѣ образованія народовъ, но и тогда, когда они обладали уже литературой. Англичане и Голландцы долгое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія употребляли ломаныя готическія буквы, но позднѣе замѣнили ихъ простѣйшими латинскими начертаніями. Почти то же произошло и въ Россіи; но нигдѣ преобразованіе этого рода не имѣло такого глубокаго значенія и такихъ важныхъ, далекихъ послѣдствій, какъ измѣненіе письма, совершившееся у насъ по указанію Петра Великаго. Хотя гражданская печать и введена была имъ въ нашу литературу разомъ, но самое составленіе русской свѣтской азбуки произошло повидимому не вдругъ, а постепенно. Объ этомъ сохранилось, къ сожалѣнію, очень мало извѣстій. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ высказана была догадка, что въ образованіи гражданской печати важное участіе принималъ справщикъ московской духовной типографіи Поликарповъ; но ученая критика не подтвердила этого предположенія и напротивъ замѣтила, что первые начатки гра-

[1] Hazelius. Rättstafningens grunder. Stockholm 1870. Стр. 17.

жданской азбуки появляются ранѣе того времени, къ которому обыкновенно относятъ ея происхожденіе: именно указано было на напечатанное въ 1699 году амстердамское изданіе Ильи Копьевича *Поверстаніе круговъ небесныхъ*, гдѣ особенно курсивъ представляетъ поразительное сходство съ нынѣшними буквами[1]. И въ другихъ голландскихъ изданіяхъ уже замѣтна отчасти та круглота и чистота шрифта, которая позднѣе, въ московскихъ книгахъ новой печати, такъ нравилась Тредьяковскому. Вниманія заслуживаетъ, напр., напечатанная въ 1700 году книжка *Краткое собраніе Лва Миротворца показующее дѣлъ воинскихъ обученіе.* Здѣсь заглавіе набрано отчасти капителью, отчасти курсивомъ, въ которомъ многія буквы мало отличаются отъ нынѣшнихъ, а на послѣдней страницѣ книги слово *Конецъ* напечатано крупнымъ шрифтомъ, въ которомъ всѣ буквы, кромѣ латинскаго N, совершенно сходны съ введенною впослѣдствіи гражданскою азбукою. Такіе образщики новаго для глазъ шрифта вѣроятно поражали Петра Великаго и подали ему первую мысль преобразованія церковной печати для свѣтскихъ изданій. Однимъ изъ главныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ, кажется, считать Копьевича, который въ 1700 году завелъ въ Амстердамѣ свою собственную типографію, «самъ единъ труждаяся и въ строеніи книгъ, и въ друкарнѣ, обучая мастеровъ въ сицевомъ дѣлѣ». По его же указаніямъ могъ быть подготовленъ и новый шрифтъ въ Голландіи[2]. Тредьяковскій говоритъ, что Петръ, видя красивую печать европейскихъ книгъ, пожелалъ имѣть такую же и въ русскихъ изданіяхъ. Поэтому онъ кому-то поручилъ составить образецъ гражданской аз-

---

[1] *Наше Время* 1860, № 10, стр. 159: «Историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи» (г. Арсеньева?) по поводу статьи г. Безсонова «Типографская библіотека въ Москвѣ» (*Р. Бесѣда* 1859, V).

[2] Пекарскаго *Наука и Лит. при Петрѣ В.*, I, 16, 18. Копьевичъ возвратился въ Россію около 1707 года; вмѣстѣ съ Тредьяковскимъ можно полагать, что отлитіе новаго шрифта произошло по меньшей мѣрѣ за годъ до привоза его въ Москву; самое же образованіе буквъ и изготовленіе матрицъ должно быть отнесено еще къ болѣе раннему времени. По преданію, сообщенному Евгеніемъ Болховитиновымъ, гражданская азбука изобрѣтена самимъ Петромъ Великимъ около 1704 года (Словарь дух. писат. II, 277).

буки и отправить ее въ Амстердамъ для вылитія тамъ новаго шрифта, который въ 1708 году и былъ привезенъ въ Москву.

Какъ бы то ни было, достовѣрно одно, что съ 1708 г. этимъ шрифтомъ стали печататься книги въ Россіи. Показанія Тредьяковскаго о постепенныхъ измѣненіяхъ въ гражданской азбукѣ оказываются не совсѣмъ точными. Такъ онъ несправедливо утверждаетъ, будто новый *другъ*, въ которомъ не было И, З, Ѵ, оставался безъ всякихъ перемѣнъ до 1716 года. Измѣненія начались уже въ 1710-мъ, но здѣсь безполезно было бы входить въ подробности ихъ[1]. Замѣтимъ только, что по словамъ Тредьяковскаго, въ 1733 году былъ вылитъ новый шрифтъ (нѣсколько продолговатѣе прежняго) для напечатанія, при Академіи наукъ, перевода «Меморій или Записокъ» Сенъ Реми объ артиллеріи. Тредьяковскій же говоритъ, что въ 1735 году изгнана буква Ѕ (зѣло), а возстановлена З (земля), которая съ тѣхъ поръ и удержалась; отмѣнены Ѵ (ижица) и Ѯ (кси); прибавлены Й и Э (послѣдняя впрочемъ встрѣчается уже и ранѣе[2]); наконецъ тогда же опредѣлено: сло́ва, имѣющія двоякое значеніе, отмѣчать знакомъ ударенія. Благодаря разысканіямъ Пекарскаго, мы знаемъ теперь, что эти нововведенія сдѣланы были по распоряженію Академіи наукъ, типографія которой въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій была единственною въ Россіи для печатанія книгъ гражданскимъ

---

[1] Въ первопечатныхъ книгахъ 1708 года мы дѣйствительно находимъ только ı (палочку безъ точки) и Ѕ (зѣло), но уже въ 1710 появляются:

ї (съ двоеточіемъ), начертаніе, которое оставалось въ нашей печати чуть ли не до начала нынѣшняго столѣтія;

и въ трехъ случаяхъ: 1) въ сочетаніи двухъ і (їи); 2) въ началѣ русскихъ словъ, и 3) въ концѣ словъ. Такъ въ заглавіи одной книжки 1710 г. мы читаемъ: «Інструкціи и артїкулы военные надлежащїе къ россїискому флоту».

з (*земля*) во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто отмѣненнаго Ѕ (*зѣло*).

д для означенія звука *д*.

Въ *Географіи*, напечатанной также въ 1710 году, Ѕ очень рѣдко появляется вмѣсто з; а і только передъ гласною и для означенія соединительнаго союза; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, и даже въ иностранныхъ словахъ, стоитъ и, недостаетъ только й. Тутъ же встрѣчаемъ уже и э.

[2] См. предыдущее примѣч. *Ижица* вскорѣ опять была принята въ азбуку.

шрифтомъ. Новая азбука была окончательно установлена учрежденнымъ при Академіи «Россійскимъ собраніемъ» и сообщена въ руководство типографіи двумя записками Тауберта и Шумахера [1]. Въ этой азбукѣ являлись, между прочимъ, три знака (И, I, Ѵ) для звука I (не считая Й, какъ отличающагося особымъ произношеніемъ и потому не лишняго). Изъ нихъ I долго писалось не только передъ гласными, но и для означенія этого звука въ иностранныхъ словахъ. Различное употребленіе *иже* и второго *і*, смотря по тому, слѣдуетъ ли за ними гласная или согласная, установилось, какъ увѣряетъ Тредьяковскій, съ 1738 года [2]. По свидѣтельству Ломоносова, I осталось въ употребленіи только для того, «чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи запинаться не принуждало [3]». Сверхъ того введена буква ї҆о для звука, который позднѣе стали изображать посредствомъ Ё [4].

Съ тѣхъ поръ составъ нашего алфавита уже не измѣнялся (за исключеніемъ развѣ того, что Ѵ, ижица, почти совершенно вышла изъ употребленія). Попытки нѣкоторыхъ писателей усовершенствовать эту азбуку прибавленіемъ недостающихъ буквъ

---

[1] *Исторія Акад. Наукъ* II, 639.

[2] *Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи старинной и новой.* (Смирд. изд. Соч. Тредьяковскаго, т. III, стр. 245).

[3] *Росс. Грам.* § 85. Объ употребленіи і въ древнихъ рукописяхъ Срезневскій замѣчаетъ: «і замѣняло въ древности и только случайно или по недостатку мѣста; но потомъ стали употреблять его и нарочно и между прочимъ съ двумя черточками ('ι'), означавшими и надписанное, и превратившимися еще позже въ точки (ї); иные писцы пытались писать это ї послѣдовательно передъ гласными»... Въ печатномъ *Апостолѣ* 1564 г. обѣ буквы уже употребляются по нынѣшнему (*О Русск. правописаніи. Письмо 1е. Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867). Востоковъ же говоритъ: «Употребленіе і передъ и и другими гласными: *сіи, Іюдея* и пр. началось у Русскихъ, можетъ быть, не ранѣе 15-го вѣка и заимствовано, какъ кажется, отъ Сербовъ. Первоначально эта 10-я буква греческаго алфавита служила только для означенія 10-ти, почему и была названа десятиричною»; и т. д. (Востоковъ, *Граммат. црк. слав.*, стр. 3).

[4] Форма ї҆о, хотя въ сущности совершенно правильная, была тѣмъ неудобна, что возстановляла ту самую систему означенія двугласныхъ, отъ которой отступлено было для передачи двухъ остальныхъ звуковъ этого рода (я, ѥ); кромѣ того ї҆о слишкомъ было похоже на ю.

или исключеніемъ лишнихъ, остались безуспѣшны. Одно только нововведеніе было нѣсколько счастливѣе, именно двоеточіе надъ Е, введенное Карамзинымъ для означенія извѣстнаго произношенія этой буквы, да и оно довольно рѣдко встрѣчается въ нашемъ письмѣ.

При введеніи у насъ гражданскаго письма сдѣлана была та важная ошибка, что обращено вниманіе только на форму буквъ, звуковыя же особенности языка, къ которому ихъ примѣняли, упущены вовсе изъ виду. Не такъ поступилъ Кириллъ: заимствовавъ греческія буквы для сходныхъ звуковъ славянскаго языка, онъ зорко разобралъ тѣ звуки послѣдняго, которые были исключительно ему свойственны, и составилъ для нихъ новые знаки на основаніи придуманной имъ весьма вѣрной и остроумной системы. Преобразованіе церковной азбуки для *гражданскаго* письма ограничилось почти единственно упрощеніемъ и округленіемъ начертаній, — сближеніемъ ихъ съ латинскими буквами, такъ что азбука сдѣлалась пріятнѣе для глазъ и удобнѣе для скорописи. Изъ лишнихъ буквъ церковной нѣкоторыя, какъ извѣстно, были исключены, но другія удержаны, напр. всѣ три знака для звука I (И, I, Ѵ), два для звука Е (Е, Ѣ), два для звука Ф (Ф, Ѳ). Сначала было два же знака для З (Ѕ и З). Съ теченіемъ времени число лишнихъ знаковъ было еще уменьшено, но I, Ѣ и Ѳ, рядомъ съ И, Е и Ф, до сихъ поръ остаются.

Съ другой стороны, въ церковномъ алфавитѣ недоставало нѣсколькихъ знаковъ для звуковъ, которыми русскій языкъ отличается отъ славянскаго. Этого составитель гражданской азбуки не замѣтилъ и не подумалъ о пополненіи ея. Впослѣдствіи практика указала необходимость ввести въ письмо буквы Э и Ё; вторая, однакожъ, и понынѣ не включена въ азбуку, равно какъ и Й, буква, которая, представляя особый звукъ, непремѣнно должна бы занимать и въ ней особое мѣсто. Но для нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка до сихъ поръ нѣтъ въ точности соотвѣтствующихъ знаковъ. Таковы:

1) Между *гласными*: а) всѣ неопредѣленные или промежуточ-

ные гласные звуки, какъ-то: между А и О, между Я и Е, между И и Е, между $\frac{А}{О}$ и У, между $\frac{А}{О}$ и Ы (см. выше стр. 33—38); б) двоякій, т. е. широкій и узкій звукъ Э, такіе же двоякіе Е и Ѣ (см. выше стр. 31, 32). Изъ этого одного видно, что тѣ, которые мечтаютъ о введеніи у насъ чисто-фонетическаго письма, не знаютъ, чего хотятъ: для такого письма мы не имѣемъ первѣйшаго и существеннѣйшаго условія, т. е. строго-фонетической азбуки, которая совершенно покрывала бы собою дѣйствительный или слышимый звуковой алфавитъ.

2) Между *двоегласными*: звукъ **йи** (напр. въ словахъ: имъ, ихъ, ручьи, Ильинъ), для начертанія котораго нѣтъ иного средства, кромѣ употребленія простой гласной И[1].

3) Между *согласными*: звукъ Г (бла́го). Кирилловскій *глаголь* только и выражалъ этотъ звукъ, какъ принадлежащій древнеславянскому, который не зналъ *гаммы*; но такъ какъ въ русскомъ господствуетъ послѣдній, то у насъ буква эта получила по преимуществу значеніе *гаммы*, а за *глаголь* употребляется она только въ видѣ исключенія или въ иностранныхъ словахъ, вмѣсто латинскаго h. Въ этомъ случаѣ мы видимъ примѣръ воздѣйствія правописанія на выговоръ: ибо въ слѣдствіе такой орѳографіи Русскіе произносятъ: *Гамбургъ*, *Гомеръ*, *Горацій*, *госпиталь*, *гусаръ*, *Голландія*,

---

[1] Относительно буквы *и* Караджичъ, а за нимъ и Я. Гриммъ упрекаютъ составителя кириллицы въ томъ, что онъ этой гласной не облекъ знакомъ *ı*, чтобы означать умягченіе согласной, къ которой она прилагается. Авторъ сербской грамматики и его переводчикъ (см. Kleine Serb. Gramm., стр. 19) полагаютъ, что если писать *книга*, *учители*, не означая смягченія стоящей предъ И согласной (какъ по серб. књига, учитељи), то можно на такомъ же основаніи писать: землу, богину, кона и проч. вм. *землю*, *богиню*, *коня*. Но при этомъ оба знаменитые филолога упустили изъ виду, что дебелая гласная сама по себѣ не отончаетъ предшествующей согласной, тогда какъ дѣйствіе это именно производитъ И, и для произношенія стоящей передъ нимъ согласной все равно, будетъ ли къ ней приставлено іи или и: звукъ I и И — одинъ и тотъ же. Кириллъ можетъ-быть не находилъ нужнымъ утроять знака I (III), потому что въ случаѣ надобности букву И и такъ можно представлять себѣ состоящею изъ двухъ I. Былъ ли въ древне-славянскомъ дифтонгъ **йи** (какъ въ русскомъ), произносилось ли напр. мо—и, или мо—йи, мы не знаемъ, а потому не можемъ обвинять Кирилла и за то, что не встрѣчаемъ у него сочетанія іи.

вовсе не думая, что эти имена должны начинаться собственно не *гаммою*, а развѣ *глаголемъ*, въ замѣнъ h [1].

Вотъ слѣдовательно существенныя или внутреннія несовершенства нашей азбуки:

1, Нѣсколько лишнихъ знаковъ для однихъ и тѣхъ же звуковъ; 2, недостатокъ нѣсколькихъ буквъ для существующихъ въ языкѣ звуковъ, и 3, простые знаки для составныхъ звуковъ (Я, Е, Ю и Щ).

Въ отношеніи къ наружной формѣ буквъ, менѣе другихъ удобными представляются двѣ съ надстрочными знаками, именно Й и Ё. Звукъ первой легче было бы изображать посредствомъ латинскаго J, какъ и сдѣлалъ Караджичъ, а вторая годна только для чисто-русскихъ словъ, въ которыхъ она хорошо выражаетъ тотъ звукъ позднѣйшаго образованія, который при извѣстныхъ условіяхъ рождается изъ Е. Въ словахъ же иностраннаго происхожденія крайне неловко этою буквою выражать звукъ **йо**; не много нужно соображенія, чтобъ понять, какъ странно было бы писать: *Ёркъ*, *батальёнъ*, и потому въ такихъ случаяхъ трудно избѣжать употребленія нашего *йота*, т. е. Й, съ помощію котораго многіе и пишутъ: *Йоркъ*, *майоръ*, *батальйонъ* и т. п. Впрочемъ, согласно съ Востоковымъ, едва ли не лучше въ подобныхъ словахъ передавать нашему І роль *йота* и писать: *Іоркъ*, *маіоръ*, *баталіонъ*. (См. его *Русс. Грамм.*, § 160).

То обстоятельство, что для нашего письма служитъ азбука, изобрѣтенная для другой, хотя и близкой, однакожъ во многихъ отношеніяхъ своеобразной фонетики, было причиною, что наше правописаніе приняло преобладающій *историческій* или *этимологическій* характеръ. Пока не измѣнится азбука, и правописаніе по необходимости должно сохранять этотъ характеръ, а на измѣненіе азбуки мало надежды: вездѣ велика и упорна сила привычки

---

[1] О преобладаніи того или другого изъ двухъ звуковъ Г у разныхъ славянскихъ народовъ и сравнительной ихъ древности см. *Мысли* И. И. Срезневскаго, стр. 117. Мы уже замѣтили выше (стр. 53), что Смотрицкій занесъ въ азбуку оба звука, отличивъ гамму прописнымъ греческимъ начертаніемъ той же буквы Г.

(рутины), у насъ же къ привычкѣ присоединяются еще, по крайней мѣрѣ у весьма многихъ, своего рода соображенія, по которымъ считается неблаговиднымъ уступить что-либо изъ особенностей письма, встрѣчающихся въ богослужебныхъ книгахъ православной Церкви. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что подобныхъ особенностей никто и не оспариваетъ у церковныхъ книгъ; рѣчь можетъ итти только о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ нашей *гражданской* азбукѣ. Кому неизвѣстно, что изъ мірской грамоты изгнаны напр. титла, въ церковномъ же письмѣ они сохраняютъ свое значеніе неприкосновеннымъ. Не надобно забывать, что по византійской кириллицѣ уже прошла преобразовательная рука Петра Великаго; но, какъ справедливо замѣчаетъ Я. Гриммъ, «при бóльшемъ пониманіи сущности алфавита, Петръ конечно пошелъ бы еще нѣсколько далѣе»[1]. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, наша гражданская азбука, со времени ея введенія, не оставалась неподвижною, и въ ней мало по малу уже сдѣланы кое-какія, хотя и весьма немногія улучшенія. Слѣдовательно нельзя совершенно отчаиваться и въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи этой азбуки: сдѣлать немногіе остающіеся шаги можетъ-быть еще и теперь не поздно.

Есть ли однакожъ настоятельная потребность въ пополненіи или сокращеніи нашей азбуки? Этотъ вопросъ стóитъ серіознаго разсмотрѣнія.

Изображеніе неопредѣленныхъ гласныхъ особыми начертаніями имѣло бы то неудобство, что затемняло бы и словопроизводство и грамматическія отличія; рѣдко встрѣчающійся двогласный **йи** также можетъ обойтись безъ отдѣльнаго знака. Изъ согласныхъ звуковъ только одинъ, собственно говоря, не имѣетъ соотвѣтственной буквы; это тотъ звукъ Г, который слышится въ словѣ *благо* и др. Всякій разъ, когда рѣчь заходила о недостаткахъ русской азбуки, онъ обращалъ на себя всего болѣе вниманія и вызывалъ попытки пополненія ея. Это происходило главнымъ образомъ отъ чувствуемой всѣми несообразности русской транскрип-

[1] Wuk's Stephanowitsch *Kleine Serbische Gramm.* Стр. XXIII.

ціи иностранныхъ словъ съ буквою h при помощи нашего Г, которое, по своему господствующему произношенію, отвѣчаетъ совсѣмъ другой латинской буквѣ (g). Но эта транскрипція уже такъ утвердилась, что, какъ замѣчено выше, она отразилась на самомъ произношеніи многихъ словъ и собственныхъ именъ; слѣдовательно теперь дѣло уже едва ли поправимо[1]. Притомъ тутъ является другой, болѣе общій вопросъ, вопросъ о принципѣ: слѣдуетъ ли имѣть въ азбукѣ буквы для выраженія иноязычныхъ звуковъ? Вопросъ этотъ вполнѣ удовлетворительно рѣшенъ еще Ломоносовымъ: «Ежели для иностранныхъ выговоровъ», замѣчаетъ онъ, «вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ Китайскую, и таково же смѣшно по правдѣ покажется, естьли бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стоитъ буква Ы, оную въ какой нибудь чужестранный языкъ приняли, или бы вмѣсто ея новую вымыслили»[2]. Что касается собственно русскихъ словъ, гдѣ звукъ Г произносится близко къ латинскому h (почему онъ у Славянъ, пишущихъ латинскимъ шрифтомъ, и передается этою буквою), то конечно желательно было бы имѣть знакъ для отличенія такого Г, но здѣсь недостатокъ буквы менѣе чувствуется отъ того, что немногія слова, въ которыхъ этотъ звукъ встрѣчается, далеко не всѣми Русскими одинаково произносятся:

---

[1] Въ предисловіи къ книгѣ *Иранъ К. Риттера* (ч. I, Спб. 1874) переводчикъ, Н. В. Ханыковъ, жалуясь на упомянутую транскрипцію, заявляетъ, что самъ онъ въ такихъ случаяхъ рѣшился употреблять Х вмѣсто Г, хотя и не надѣется найти подражателей. Жаль только, что при этомъ онъ не подумалъ о неудобствѣ передѣлывать такимъ образомъ давно утвердившіяся уже въ языкѣ общеизвѣстныя названія, напр. писать *Холландія*, *Хамбургъ* и т. п. Конечно, г. Ханыковъ говоритъ только о географическихъ именахъ, но тотъ, кто принялъ бы эту новую транскрипцію, долженъ бы также писать и говорить: *Хомеръ*, *Хорацій*, ибо греч. густое дыханіе то же, что лат. и нѣм. h. Ломоносовъ въ своей грамматикѣ (§ 99) говоритъ, что букву Г «въ иностранныхъ реченіяхъ, которыя въ Россійскомъ языкѣ весьма употребительны, выговаривать пристойно какъ h, гдѣ h; какъ g, гдѣ g у иностранныхъ; однако въ томъ нѣтъ дальней нужды». Другое неудобство предложенія г. Ханыкова то, что пришлось бы означать одинаково греч. густое дыханіе и букву χ, такъ что напр. исчезла бы разница между horographia и chorographia.

[2] *Росс. Грамм.* § 85.

лакъ въ Рязанскомъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ Г въ словахъ *благо*, *Господь*, *богатство*, слышится такъ же твердо, какъ въ словахъ *городъ*, *говорить* и проч. Изъ примѣровъ, приводимыхъ въ *Грамматикѣ* Ломоносова видно, что число словъ, гдѣ Г нѣкогда произносилось какъ *глаголь*, со времени его значительно уменьшилось, ибо онъ къ нимъ между прочимъ относитъ: *государь*, *государство*, *господинъ*, *разглашаю*, въ которыхъ теперь слышится чистая *гамма*. Правда, и у Павскаго (*Фил. Набл.* I, § 126) много примѣровъ, гдѣ мы не можемъ согласно съ нимъ признать произношенія *глаголя*; но надобно помнить, что онъ принадлежалъ къ духовному званію, лица котораго въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, держатся особеннаго выговора.

Затѣмъ, нельзя ли чего-нибудь выкинуть изъ нашей азбуки?

По правилу, сейчасъ приведенному со словъ Ломоносова и соблюдаемому во всѣхъ языкахъ, въ азбуку не должны быть вводимы буквы для чужихъ звуковъ. По близкому отношенію первоначальной славянской письменности къ духовной византійской, правило это въ кириллицѣ было нарушено, и къ ней (по мнѣнію Павскаго, уже послѣ Кирилла) прибавлены четыре буквы, нужныя только для греческихъ именъ, «которыя переносились въ богослужебныя книги безъ перемѣны»[1]: ѯ, ѱ, ѳ и ѵ.

При составленіи гражданской азбуки, онѣ были перенесены и въ нее, но первыя двѣ продержались не долго; *ижица* (замѣтимъ это куріозное названіе, составленное изъ *иже* и придуманное вм. *ѵпсилонъ*) употреблялась сначала для выраженія двухъ звуковъ И и В (*сѵмволъ*, *еѵангеліе*); потомъ она являлась только въ первомъ значеніи, и наконецъ, встрѣчаясь лишь въ весьма немногихъ словахъ церковнаго оттѣнка, стала совершенно исчезать: теперь память ея живетъ почти только въ извѣстной школьной поговоркѣ. Одна *ѳита* еще доживаетъ свой вѣкъ въ русскомъ письмѣ, не смотря на то, что начиная съ Ломоносова многіе доказывали

---

[1] Павскій I, § 21.

ея безполезность. Чѣмъ объяснить такую живучесть? Причина этому явленію заключается, конечно въ побужденіи грамотеевъ показать, что имъ извѣстенъ различный составъ словъ, въ которыхъ слышится одинъ и тотъ же звукъ Ф. Но при этомъ они забываютъ одно мудрое правило, признаваемое въ цѣломъ мірѣ: «не издавать такихъ законовъ, которые не могутъ быть исполняемы». Можно ли требовать, чтобы всякій пишущій по-русски зналъ всѣ случаи, когда въ греческихъ или взятыхъ съ греч. иностранныхъ словахъ ставится Θ или TH, а не Ф или PH? Положимъ, что въ чисто-греческихъ именахъ, историческихъ или научныхъ, напр. *Өеокритъ*, *миөъ*, еще было бы нѣкоторое основаніе сохранять Θ, но зачѣмъ въ совершенно обрусѣвшихъ именахъ, какъ напр. *Федоръ*, *Федоровъ*, *Феклистъ*, *Федосья*, *Агафья*, *Афонька*, *Фоминъ*, помнить ихъ греческое происхожденіе и писать греческую букву[1]? Слѣдуя нашей ученой орфографіи, и иностранцы, говоря о русскихъ людяхъ, должны бы давать такимъ народнымъ именамъ фальшивую форму: Theodor, Theodorof, Thomin вм. Fedor, Fedorof и проч.; однакожъ они поступаютъ правильнѣе и сохраняютъ на письмѣ обрусѣвшій характеръ этихъ именъ. Такимъ же образомъ и мы сами въ другихъ заимствованныхъ именахъ, напр. *Осипъ*, *Степанъ*, *Козьма*, *Егоръ*, ничѣмъ не отмѣчаемъ допущеннаго нами искаженія звуковъ. За что же отличать особеннымъ вниманіемъ исключительно тѣ, въ которыхъ встрѣчается греческая Θ?

Да и какое вообще можетъ быть основаніе для соблюденія этимологическаго правописанія въ словахъ, взятыхъ изъ другихъ языковъ? Иностранныя слова можемъ мы вообще писать только такъ, какъ произносимъ ихъ, потому во 1-хъ, что имѣемъ ограниченный запасъ буквъ, а во 2-хъ, что по неволѣ подчиняемъ иностранный выговоръ законамъ своей фонетики. Есть множество случаевъ, въ которыхъ чужеземныя слова передаются по-

---

[1] О различіи *Өеодоръ* и *Федоръ* см. забавное толкованіе Поликарпова и возраженіе Тредьяковскаго въ томѣ I-мъ Пекарскаго: *Наука и Литер. при Петрѣ В.* (стр. 176).

русски въ искаженномъ видѣ не только по правописанію, но и по измѣненію самыхъ звуковъ, то въ окончаніяхъ, то въ самомъ корнѣ слова. Мы напр. говоримъ и пишемъ: *монастырь* (гр. μοναστήριον), *коленкоръ* (фр. calicot), *билетъ* (фр. billet), *трактиръ* (фр. traiteur). Такъ точно мы постоянно искажаемъ и тѣ греческія слова, въ которыхъ употребляемъ вмѣсто υ (*ипсилона*) букву η (И, т. е. *иже*), напр. *типъ*, *лира*, *гимназія*, *мистика* (вм. тѵпъ, лѵра и проч.). Такимъ же образомъ мы искажаемъ *въ произношеніи* и греческія слова съ *ѳитою*, выговаривая эту букву за Ф; только *на письмѣ* мы хотимъ скрыть это искаженіе и употребляемъ чужую, не произносимую нами букву. Испортивъ слово, сдѣлавъ его неузнаваемымъ въ такихъ звукахъ какъ *Фекла*, *Фивы*, *Тимофей* и т. п., мы хотимъ все дѣло поправить *для виду* и пишемъ безъ всякой пользы: *Ѳекла*, *Ѳивы*, *Тимоѳей*.

Въ азбукѣ нашей самое названіе *ѳиты* есть несообразность и анахронизмъ. Давно преданы забвенію *азъ*, *буки*, *вѣди* и проч., а византійская прабабушка *ѳита* все еще красуется въ старинномъ костюмѣ посреди своихъ русскихъ внучатъ, одѣтыхъ въ платье западнаго покроя. Впрочемъ и названіе этой буквы не передаетъ въ точности ея греческаго имени, а о звукѣ ея, при обученіи русской грамотѣ, естественно, нѣтъ и помину; какая же польза въ словѣ и знакѣ безъ содержанія? Греческая ϑῆτα была одною изъ придыхательныхъ и первоначально произносилась, вѣроятно, какъ th (тх)[1], а позднѣе сходно съ англійскимъ звукомъ, который изображается этими же двумя буквами; но сомнительно, чтобы во время изобрѣтенія славянской азбуки еще сохранялось даже и позднѣйшее произношеніе (какъ шепелеватое С, по выраженію Ломоносова), ибо извѣстно, что звукъ ѳиты у самихъ Грековъ мало по малу превратился мѣстами въ Σ (С), мѣстами въ Ф[2]. Послѣднее искаженіе сдѣлалось обыкновеннымъ въ новогреческомъ, такъ что Эллины вм. Θήβα и пишутъ

---

[1] См. выше стр. 77, 78, и Georg Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig 1869. Стр. 383 и д.

[2] Curtius, тамъ же.

Φήβα, а произносятъ *Фива*[1]. Очень любопытно, что такому же точно измѣненію подвергается и англійскій звукъ TH въ простонародномъ быту, какъ можно заключить изъ разговоровъ, встрѣчающихся въ романахъ Диккенса, гдѣ вмѣсто nothing часто является nuffin или nuffing. Для насъ *ѳита* есть не что иное, какъ *фита*, т. е. Ѳ = Ф.

Изъ этого видно, что изгнаніе *ѳиты* изъ русскаго письма вовсе не было бы такимъ святотатствомъ, какимъ оно можетъ казаться крайнимъ защитникамъ церк.-славянской орѳографіи, тѣмъ болѣе, что буква эта и прежде никогда не употреблялась вполнѣ послѣдовательно: уже въ древнихъ рукописяхъ она была нерѣдко замѣняема буквою Ф, а иногда и буквою Т[2]. Въ житіи Кирилла и Меѳодія, приведенномъ Калайдовичемъ, имя второго изъ этихъ лицъ пишется то *Меѳодій*, то *Методій*[3]. Такимъ образомъ для сохраненія *ѳиты* нѣтъ ни фонетическаго, ни въ полномъ смыслѣ историческаго основанія. На это могутъ возразить, что такъ какъ двойни Ф и Ѳ введены въ азбуку только для иностранныхъ звуковъ, то несправедливо было бы дать одной изъ нихъ предпочтеніе передъ другою и тѣмъ, затмивъ происхожденіе многихъ греческихъ словъ, отвергнуть разумную цѣль, съ какою введены обѣ буквы. Возраженіе это было бы основательно только тогда, когда та и другая

---

[1] Rumpelt. Das natürliche System и проч., стр. 67. Ср. Thausing, стр. 77. Переходъ звука th въ f лучше всего объясненъ физіологически у Брюкке (Grundzüge, стр. 39), именно тѣмъ, что къ острому краю верхнихъ зубовъ приближается, вмѣсто кончика языка, нижняя губа. («Im Russischen ist das griechische ϑ bekanntlich in f übergegangen, und dieser Lautwechsel erscheint in der That als sehr leicht erklärlich, wenn man bedenkt, dass dazu weiter nichts nöthig ist, als dass der Schärfe der oberen Schneidezähne, deren natürliche Lage zwischen Zungenspitze u. Unterlippe ist, die letztere statt der ersteren genähert werde, um mit ihr die Enge zu bilden»). Мимоходомъ можно замѣтить, что примѣры подобнаго превращенія звука ϑ въ ф попадаются уже ивъ древнихъ языкахъ: такъ ϑήρ въ эол. нар. принимаетъ форму φήρ, въ лат. яз. fera; ϑύρα, лат. fores; ϑυμός, лат. fumus. О легкомъ превращеніи th въ f см. также Max Müller, 2-ую серію чтеній о наукѣ языка, лекц. IV, нѣм. переводъ Böttger, стр. 165.

[2] И. И. Срезневскій *О русскомъ правописаніи* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867.

[3] *Іоаннъ, ексархъ Болгарскій*, стр. 90.

имѣли бы свое особое произношеніе, но обѣ выговариваются одинаково, слѣдовательно и нужна только та, которая прямѣе изображаетъ этотъ выговоръ. Употребленіе обѣихъ буквъ еще могло быть умѣстно, пока область заимствованія чужихъ словъ въ русскомъ языкѣ ограничивалась еврейской и греческой литературами; но съ тѣхъ поръ какъ всѣ языки образованнаго міра сдѣлались источниками нашего умственнаго обогащенія, какъ буквою Ф у насъ означается звукъ, изображаемый различно у разныхъ народовъ, какъ въ безчисленныхъ случаяхъ мы не имѣемъ возможности точно обозначать своими буквами натуру иностраннаго звука, — съ тѣхъ поръ надобность въ отличеніи Ѳ отъ Ф миновалась. Добро бы еще *ѳита* требовалась во всѣхъ заимствованныхъ словахъ, гдѣ она встрѣчается въ греческомъ языкѣ, но мы знаемъ, что вмѣсто нея и слышится и пишется Т въ весьма многихъ словахъ греческаго происхожденія, и притомъ не только въ тѣхъ, которыя въ позднѣйшее время перешли къ намъ изъ западной Европы, но и въ значительной долѣ взятыхъ нѣкогда прямо изъ Византіи, а потомъ передѣланныхъ на новый ладъ, напр. въ словахъ: *театръ*, *математика*, *библіотека*, *теорія*, (нѣкогда писавшихся *ѳеатръ*, *маѳематика*, *вивліоѳика*, *ѳеорія*) и проч. Если же въ такихъ словахъ пишутъ по произношенію Т, ничѣмъ не отличая этой буквы отъ Т обыкновеннаго, то отчего по произношенію же нельзя писать и Ф, когда слышится этотъ звукъ? Давно Италіянцы и Шведы пишутъ Т (вм. TH) въ такихъ словахъ, какъ teologia, teatro, trono; отчасти такъ поступаютъ уже и Французы, напр. въ словахъ: trésor, trône, détrôner, autoriser.

Въ *ѳитѣ* нельзя не видѣть послѣдняго остатка церковно-византійскаго характера нашей письменности. Мелетій Смотрицкій, рабски слѣдуя греческой грамматикѣ, въ 17-мъ столѣтіи естественно долженъ былъ изречь такой законъ: «Между Ф и Ѳ различіе опасно хранимо есть, ниже бо можетъ пишемо быти Феоѳілъ, Ѳіліппъ, Фекла, но Ѳеофілъ, Філиппъ, Ѳекла». Но неудобство и безполезность этого схоластическаго правила доказывается

тѣмъ, что оно, при полной готовности повиноваться ему, безпрестанно нарушалось людьми, не только малограмотными, но и относительно образованными, даже въ нѣкоторой степени учеными: Пушкинъ напр. нерѣдко писалъ *Ѳебъ*; въ нынѣшнихъ журналахъ, правда не въ лучшихъ, мы также не разъ встрѣчали примѣры начертаній: *Никиѳоръ*, *сѳера*, *исторіограѳъ*, *кориѳей*, *Орѳей* изъ *Фракіи*. Такихъ постыдныхъ ошибокъ русская печать давно бы избѣгла, если бъ, вмѣсто Смотрицкаго, нашъ грамотный міръ послушался мудраго замѣчанія Ломоносова: «Ѳита отъ первыхъ сочинителей Словенской азбуки въ нее внесена напрасно: ибо она Славянамъ и Россіянамъ столько же надобна, какъ Французамъ Ч или Ы, Нѣмцамъ Ж, Китайцамъ Р, которыхъ выговора они въ своихъ язы́кахъ не имѣютъ»[1]. И послѣ Ломоносова очень многіе, въ томъ числѣ извѣстный знатокъ греческаго языка И. И. Мартыновъ[2], предлагали исключить изъ азбуки *ѳиту*. Равнымъ образомъ и Павскій, отъ котораго, по его званію, можно бы ожидать пристрастія къ этой буквѣ, говорилъ: «Теперь употребленіе Ѳ со дня на день сокращается. Кто не знаетъ греческаго языка, тотъ легко можетъ ошибиться и вмѣсто Ѳ написать Ф. Ошибка простительная! Не всѣ же обязаны знать греческій языкъ. Пора бы намъ и вовсе освободить себя отъ ѳиты и ижицы»[3].

Послѣдняя половина желанія Павскаго почти уже осуществилась; теперь остается исполнить и вторую. Въ отмѣну приведеннаго правила Смотрицкаго, предлагается на судъ всѣхъ логически мыслящихъ людей, не разумнѣе ли было бы слѣдующее: «Въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго чуждый русскому языку звукъ Ѳ произносится то какъ Т, то какъ Ф; почему, согласно съ выго-

---

[1] *Росс. Грам.* § 22. Мимоходомъ замѣтимъ въ выписанныхъ строкахъ знакъ ударенія на словѣ *язы́кахъ*: Ломоносовъ въ своей грамматикѣ постоянно такъ отмѣчаетъ это слово въ значеніи рѣчи или народа, для отличія отъ *языка́*, *языко́въ* въ смыслѣ тѣлеснаго члена. Это различіе и теперь еще строго соблюдается въ нашихъ духовныхъ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ.

[2] См. его *Совѣтъ россійскому юношеству о произношеніи нѣкоторыхъ греческихъ буквъ*. Спб. 1822. Стр. 18. Ср. ниже историческій очеркъ.

[3] *Филол. Набл.* I, § 41.

воромъ, онъ и означается на письмѣ, въ первомъ случаѣ буквою Т, во второмъ—буквою Ф». (По существующему же у насъ до сихъ поръ обычаю, выходило бы такое странное заключеніе силлогизма: почему этотъ звукъ и выражается, въ первомъ случаѣ — по произношенію, буквой Т, а во второмъ — тою самою греческой буквой, которой звука мы произнести не можемъ).

При всемъ уваженіи къ этимологическому началу нашей орфографіи нельзя считать его обязательнымъ и для иностранныхъ словъ; допускать же въ этомъ отношеніи изъятіе въ пользу одной греческой буквы, да еще такой, о которой даже въ точности неизвѣстно, какъ она произносилась, — нѣтъ основанія. Итакъ наша письменность можетъ, безъ опасенія упрека въ ереси, освободиться отъ Ѳ, оставивъ за ней покуда, только для свѣдѣнія учащихся, скромный уголокъ въ хвостѣ нашей азбуки. Если же и всѣхъ приведенныхъ доводовъ недостаточно для изгнанія *ѳиты* изъ употребленія, то пусть по крайней мѣрѣ замѣна ея *эфомъ* не считается преступленіемъ; пусть каждому будетъ предоставлено на волю либо употреблять обѣ буквы на основаніи знакомства съ иностранными языками, либо обходиться безъ мудреной *ѳиты* и писать всегда Ф по произношенію. Нашему ученому правописанію довольно и своихъ *ятей*.

Хотя Ѣ изображаетъ также звукъ, для котораго есть другое простѣйшее начертаніе (Е), но Ѣ совсѣмъ въ другомъ положеніи чѣмъ Ѳ. Звукъ, первоначально ему соотвѣтствовавшій, нѣкогда принадлежалъ славянскому языку, и знаніе тѣхъ корней, гдѣ онъ слышался, не лишено значенія для науки русскаго слова. Эта буква въ нашихъ словахъ имѣетъ двоякое *знаменательное* назначеніе: 1, словопроизводное или корнесловное, для отличія извѣстныхъ корней, напр. *вѣдать*, *бѣлый*; 2, грамматическое или флексивное, для отличія нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, напр. жен*ѣ*, *всѣми*, добр*ѣе*, им*ѣть*. Въ послѣднемъ случаѣ употребленіе буквы Ѣ опредѣляется весьма положительными правилами; въ первомъ оно, къ сожалѣнію, не вездѣ опирается на

твердыя научныя основанія. Еще болѣе надобно жалѣть, что въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ, и особенно въ именахъ собственныхъ, Ѣ пишется безъ надобности, только по условному соглашенію, напр. *Сергѣй, Апрѣль.*

Наконецъ, двоякое изображеніе звука I, столь часто встрѣчающагося въ русскомъ языкѣ, имѣетъ практическое значеніе для красоты и удобства письма, такъ какъ безпрестанное повтореніе точки надъ строкою вредило бы и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Притомъ употребленіе нашихъ И и I указано такимъ простымъ и постояннымъ правиломъ, что различеніе ихъ не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія, и не за чѣмъ заботиться объ изгнаніи одного изъ нихъ.

Что касается *ера* и *еря*, то хотя они и потеряли значеніе буквъ (представителей особыхъ членораздѣльныхъ звуковъ), но, какъ знаки для отличенія двоякаго выговора согласныхъ и для раздѣленія слоговъ, играютъ и теперь весьма существенную роль; рѣчь можетъ итти только объ излишествѣ *ера* въ концѣ словъ. Объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Мы разсмотрѣли русскую азбуку въ отношеніи къ ея составу, и знаемъ теперь, какія буквы въ ней излишни, и какихъ ей недостаетъ. Мы видѣли, что, по необходимости мирясь съ историческимъ ея характеромъ, надобно сознаться, что она не страдаетъ ни особеннымъ избыткомъ, ни скудостью знаковъ. Многочисленность ея буквъ сравнительно съ западно-европейскими азбуками происходитъ не столько отъ двоякихъ начертаній для нѣкоторыхъ звуковъ (ибо и наоборотъ есть въ языкѣ звуки, въ ней не выраженные), сколько отъ того, что она, сверхъ элементарныхъ звуковъ, представляетъ звуковыя *сочетанія*, къ сожалѣнію невѣрно изображенныя *простыми* же знаками, именно дифтонги и сложную согласную Щ. Въ этомъ она противоположна другимъ европейскимъ азбукамъ, которыя для нѣкоторыхъ простыхъ звуковъ не имѣютъ отдѣльныхъ буквъ и выражаютъ эти звуки соединеніемъ нѣсколькихъ буквъ (напр. у Нѣмцевъ CH, SZ, SCH): при такомъ условіи западно-европейскіе языки, имѣя

и безъ того менѣе звуковъ, конечно могли извернуться и меньшимъ количествомъ буквъ, но это — только кажущееся преимущество.

Что касается неправильнаго расположенія русской азбуки, то въ интересахъ толковаго ученія грамотѣ нельзя не желать, хотя и безъ большой надежды на исполненіе такого желанія, чтобы когда-нибудь буквы наши размѣщены были въ болѣе осмысленномъ порядкѣ. Но уже и теперь, допуская на практикѣ исконную послѣдовательность, въ которой наша азбука затверживается на всю жизнь и въ какой располагаются словари, наука имѣетъ и право и обязанность измѣнять это расположеніе для своихъ цѣлей, по своимъ законамъ и соображеніямъ. На такомъ основаніи предлагаю, для теоретическаго изученія, слѣдующій по возможности симметрическій распорядокъ нашей азбуки, при чемъ дополняю ее какъ недостающею Г (поставленною въ скобкахъ), такъ и тѣми двумя буквами — Й и Ё, — которыя всѣми употребляются, но въ обыкновенную азбуку нашу не внесены.

Хотя всякій, кто внимательно прочтетъ 1-ую часть настоящаго труда, легко пойметъ основанія принятаго мною порядка буквъ, однакожъ, для большей ясности, считаю нелишнимъ предпослать моей таблицѣ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

1. Буквы идутъ въ прямой линіи сверху внизъ, но изъ двухъ буквъ, выражающихъ тотъ же звукъ, только простѣйшая стоитъ на этой линіи, другая же — въ сторонѣ, рядомъ съ первою. Такое второстепенное мѣсто занимаютъ буквы: И Ѣ Ѳ.

2. Вся азбука раздѣлена на три большіе разряда: I. Гласныя съ полугласными и составленными изъ этихъ обоихъ родовъ буквъ двоегласными; II. Согласныя длительныя, и III. Согласныя мгновенныя.

3. Въ каждомъ разрядѣ буквы, по самому звуковому соотношенію своему, расположены попарно, т. е. каждыя двѣ буквы въ вертикальномъ направленіи образуютъ звуковую пару. Исключеніе составляютъ только: въ концѣ гласныхъ Ы, въ концѣ соглас-

ныхъ Щ; изъ нихъ первая есть сложный знакъ (Ъ + I), вторая изображаетъ сложный звукъ (ШЧ).

4. Сперва идутъ гласныя, при чемъ за каждою слѣдуетъ соотвѣтствующая ей двоегласная; а такъ какъ въ составъ всѣхъ двоегласныхъ входитъ сокращеніе звука I, то азбука и начинается этою буквой, которая впрочемъ и по самой системѣ этого рода звуковъ занимаетъ у меня первое мѣсто; остальныя гласныя слѣдуютъ за ней по той же системѣ (см. выше стр. 11). Послѣ всѣхъ гласныхъ поставлены: сперва Ь, какъ сокращеніе I, начинающаго таблицу, потомъ Ъ въ соотвѣтствіе дебелымъ гласнымъ, и наконецъ Ы, которая, хотя и полная гласная, не могла, по своему происхожденію (см. стр. 23), быть помѣщена выше *ера*, но правильно слѣдуетъ непосредственно за нимъ.

5. Изъ числа двоегласныхъ, буквѣ Ё, по ея формѣ и происхожденію, удобно было бы стоять тотчасъ послѣ Е; но по своему звуковому значенію, она не могла быть удалена отъ О, такъ точно какъ Я слѣдуетъ за А, и Ю за У; иначе было бы нарушено принятое въ руководство общее правило.

6. Ко II-му главному разряду отнесены длительныя гласныя, какъ составляющія переходъ или ступень отъ гласныхъ къ мгновеннымъ согласнымъ, и притомъ на первомъ мѣстѣ расположены плавныя, какъ ближе всего, по своей натурѣ, подходящія къ гласнымъ.

7. Отъ послѣдней плавной М естественный переходъ къ однородной съ нею по органу (губной) В. Отсюда до К включительно двойчатки представляютъ особенное соотношеніе, состоящее въ томъ, что въ каждой изъ нихъ первая буква произносится съ голосомъ, а вторая шопотомъ. Передъ Х поставлена Г (га), которая, при образованіи гражданской азбуки, по недоразумѣнію не получила въ ней особаго мѣста (см. выше стр. 12 и 133).

8. Какъ между длительными согласными въ концѣ стоятъ Г Х, такъ въ разрядѣ мгновенныхъ (III-мъ) послѣднюю же пару составляютъ гортанныя Г К.

9. Затѣмъ слѣдуютъ Ц Ч на томъ основаніи, что и эти два

въ сущности составные звука (см. выше стр. 17) равнымъ образомъ, хотя и иначе, родственны между собой: стоящее надъ ними К на первой степени умягченія обращается въ Ц, а на второй въ Ч (*человѣцы*, *человѣче*)[1]; оба они, по первой составной части своей Т (Т + С = Ц и Т + Ш = Ч), принадлежатъ къ мгновеннымъ, но по своей сложности могутъ занимать въ этомъ разрядѣ лишь послѣднее мѣсто.

10. Наконецъ, еще ниже на самомъ концѣ азбуки должна стоять Щ, какъ буква составная (щ = ШТ), выражающая и сложный звукъ (ШТЬ = ШЧ).

11. Общеупотребительныя названія буквъ оставлены въ моей таблицѣ почти безъ измѣненія, такъ какъ въ большей части ихъ послѣдовательно проведено различіе, основанное на самой разнородности звуковъ, и названія эти сходны съ тѣми, какія утвердились въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Только относительно Э и Е я нахожу, что къ названію первой совершенно излишне присоединять эпитетъ *оборотное*, если вторая, сообразно съ названіями другихъ дифтонговъ, будетъ называема ЙЭ, а не Э. Кромѣ того Й, въ противность названіямъ всѣхъ остальныхъ буквъ, несправедливо называется по внѣшнему признаку своего начертанія (*съ краткой*), и вѣрнѣе было бы называть эту букву, по ея натурѣ, просто И *краткое* или И *полугласное*.

---

[1] Въ Ц, какъ въ латинскомъ (Cicero, Цицеро); въ Ч, какъ въ итальянскомъ (cicerone, чичероне).

РУССКАЯ АЗБУКА,

систематически расположенная.

Разряды буквъ.	Порядокъ буквъ.	Названія буквъ.
I.	и і	и
	й	и краткое
Гласныя,	э	э
	е ѣ	йэ, ять
полугласныя и	а	а
	я	я
двоегласныя.	о	о
	ё	йо
	у	у
	ю	ю
	ь	ерь
	ъ	еръ
	ы	еры
II.	л	эль
	р	эръ
Согласныя	н	энъ
	м	эмъ
длительныя.	в	ве
	ф ѳ	эфъ, ѳита
	з	зе
	с	эсъ
	ж	же
	ш	ша
	(г')	га
	х	ха
III.	б	бе
	п	пе
Согласныя	д	де
	т	те
мгновенныя и	г	ге
	к	ка
составныя.	ц	це
	ч	че
	щ	ща

III. Правописаніе.

Изъ понятія о письмѣ, основанномъ на раздробленіи звуковъ рѣчи, естественно вытекаетъ понятіе о *правописаніи.*

Не довольно писать: надобно писать правильно. Если рѣчь какъ слѣдуетъ разложена на членораздѣльные звуки и каждый звукъ постоянно изображается соотвѣтствующимъ ему знакомъ, такъ что по писанному рѣчь вполнѣ возстановляется въ своемъ первоначальномъ видѣ, то значитъ, и письмо правильно. Вотъ первоначальное понятіе объ орфографіи; слѣдовательно она, при возникновеніи своемъ, по необходимости должна быть въ полномъ смыслѣ *звуковою* или *фонетическою.* Таково вначалѣ и было конечно письмо греческое и латинское, а также и древне-славянское. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія языка, по мѣрѣ измѣненія его звуковъ, письмо, сохраняя прежнія формы ихъ, должно болѣе и болѣе удаляться отъ живой рѣчи. «Правописаніе всѣхъ образованныхъ народовъ запада», говоритъ г. Брюкке, «построено на одномъ основномъ началѣ, именно на томъ, чтобы поставленными одинъ возлѣ другого знаками указывать на рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ положеній органовъ рѣчи. Такъ какъ отъ одного положенія къ другому всегда бываетъ только одинъ кратчайшій путь, то потребныя движенія рѣчи происходятъ сами собой. Буквы составляютъ какъ бы рядъ камней, положенныхъ на дорогу пишущимъ, чтобы читающій могъ глазами и языкомъ итти по его слѣдамъ. Какъ ни часто это начало было упускаемо изъ виду въ подробностяхъ, однакожъ въ цѣломъ оно всегда сохраняетъ свою силу, и нарушенія его происходятъ частью отъ того, что произношеніе измѣнилось, а письмо осталось прежнее, частью отъ неразумнаго усердія нововводителей, — рѣже, какъ кажется, отъ неумѣлости первоначальныхъ строителей. Начало это само по себѣ такъ естественно, просто и практично, что оно вѣроятно уже никогда не будетъ покинуто при сооруженіи новаго зданія» [1].

[1] Brücke. Grundzüge, стр. 123. — Самый процессъ чтенія объясняется въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи слѣдующимъ образомъ: «Буквы нашихъ

Между тѣмъ молодыя поколѣнія, вновь выучивающіяся грамотѣ, уже не могутъ писать только согласно съ звуками, а должны соображаться съ употребительнымъ по преданію письмомъ, которое такимъ образомъ становится *историческимъ* или *этимологическимъ*.

Эти два термина часто смѣшиваются, но въ сущности они должны быть различаемы: первый предполагаетъ только соблюденіе традицій, установившихся по большей части конечно на основаніи производства словъ; при письмѣ, заслуживающемъ второго названія, грамотеи идутъ далѣе: не довольствуясь первоначальнымъ правописаніемъ, основаннымъ на прежнихъ звукахъ, они доискиваются корней или первоначальнаго состава словъ, иногда обращаясь къ другимъ, древнѣйшимъ языкамъ, и по этому видоизмѣняютъ орфографію. Такъ нѣкогда поступали Французы, исправляя свое письмо по производству словъ изъ греческихъ и латинскихъ. Но при измѣненіяхъ орфографіи трудно бываетъ достигнуть полной послѣдовательности и единообразія: рядомъ съ наукою привычка, обычай берутъ свое, надъ этимологическимъ началомъ во многихъ случаяхъ фонетическое получаетъ перевѣсъ, установляются разныя условныя и произвольныя правила, и правописаніе не стоитъ на твердой теоретической почвѣ. Тогда происходятъ попытки сообщить ему болѣе единообразія, послѣдователь-

---

условныхъ алфавитовъ указываютъ на положеніе голосового снаряда (то есть гортани, такъ какъ мы имѣемъ особые знаки для шопотныхъ и громкихъ звуковъ), а сверхъ того на форму, принимаемую каждый разъ надставной трубкой, простирающейся отъ гортани до устнаго или носового отверстія. Каждый знакъ исполняетъ это по своему, при чемъ видъ его не обличаетъ его естественнаго родства и въ немъ символы для положенія голосоваго снаряда и для формы звуковой трубки другъ отъ друга не отдѣлены. Этимъ затрудняется пониманіе алфавита, и для фонетической транскрипціи требуется чрезвычайно много знаковъ». Къ означенному различенію должны бы стремиться улучшенія алфавитовъ. Это былъ бы, продолжаетъ авторъ, «естественный успѣхъ въ ходѣ развитія алфавитики. Отъ знаковъ, которые нѣкогда изображали цѣлыя слова, перешли къ такимъ, которые представляли слоги, а отъ этихъ къ буквамъ. Для цѣлей же науки анализъ долженъ пойти еще дальше, и то, что означаетъ отдѣльная буква, должно разлагаться на свои факторы». Тамъ же, стр. 724).

ности и простоты. Въ этомъ положеніи находится нынче правописаніе бо́льшей части образованныхъ народовъ и вездѣ повторяется почти одно и то же явленіе: въ правописаніи сознаются бо́льшія или меньшія несообразности, разногласія, противорѣчія, и многіе стараются объ устраненіи ихъ тѣми или другими способами.

Чтобъ имѣть возможность основательнѣе судить о нашемъ правописаніи, взглянемъ напередъ на развитіе и состояніе орфографіи у главныхъ европейскихъ народовъ, причемъ, разумѣется, будемъ останавливаться только на такихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ быть и для насъ интересны и поучительны.

Орфографическій вопросъ у культурныхъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

а) У Нѣмцевъ.

Въ Германіи до Якова Гримма господствовало, съ незначительными разпорѣчіями, общепринятое традиціонное правописаніе, которое однакожъ постепенно упрощалось[1]. Гриммъ, вникая въ законы и исторію языка, нашелъ въ этомъ правописаніи много невѣрнаго и непослѣдовательнаго, и съ 1820-хъ годовъ сталъ вводить коренныя измѣненія. Такъ онъ на мѣсто ломанаго готическаго шрифта, началъ употреблять круглый латинскій, отбросилъ большія буквы не только въ началѣ существительныхъ именъ (кромѣ собственныхъ), но и послѣ точки, опредѣлилъ случаи употребленія разныхъ способовъ для означенія долгихъ гласныхъ (удвоеніе ихъ, вставка **e** послѣ **i** или вставка согласной **h**), постановилъ правила для начертаній **ss** и **sz** и проч. Съ теченіемъ времени Я. Гриммъ находилъ между учеными болѣе и болѣе послѣдователей, и образовалась такъ называемая *историческая* школа письма. Главное ея правило было: пиши сообразно съ историческимъ развитіемъ звуковъ языка. Но какъ трудно ввести на новыхъ нача-

[1] Нѣкогда, въ 16-мъ столѣтіи, писали vnndt, thuoch, jhedenn вм. нынѣшнихъ: und, Tuch, jeden и проч. И еще не такъ давно начертанія verlohren, Bluhme, Seegen, Schaaf, loos и т. д. уступили мѣсто простѣйшимъ: verloren, Blume, Segen, Schaf, los.

лахъ послѣдовательное правописаніе, доказывается тѣмъ, что самъ Гриммъ не могъ во всѣхъ случаяхъ строго выдержать своей системы и не рѣшался примѣнять ее безусловно. При всей сознательности своихъ началъ, онъ никогда не могъ усвоить себѣ въ частностяхъ вполнѣ послѣдовательное, постоянное правописаніе и до конца жизни колебался въ начертаніи множества словъ, которыя писалъ различно не только въ разныя эпохи, но въ одномъ и томъ же сочиненіи, на близкомъ разстояніи, иногда на одной и той же страницѣ. Сознаніе трудности достигнуть въ этомъ дѣлѣ строгой послѣдовательности было, кажется, причиною, почему Гриммъ избѣгалъ въ печати объясненій на счетъ своей орфографіи и не написалъ объ ней ничего цѣльнаго, довольствуясь одними отрывочными замѣчаніями въ своей грамматикѣ и другихъ сочиненіяхъ. Болѣе отчетливо по этому предмету выразился онъ только въ предисловіи къ своему словарю. Послѣ смерти Гримма (1863) стали появляться особыя монографіи о его правописаніи. Наиболѣе подробно разсмотрѣно оно въ гёттингенской брошюрѣ г. Андресена[1], который имѣлъ терпѣніе прослѣдить въ этомъ отношеніи всѣ труды Я. Гримма, изучить всѣ основанія его орфографіи и отмѣтить всѣ случаи, въ которыхъ онъ самъ отступалъ отъ нихъ. Въ дополненіе къ этой брошюрѣ г. Михаэлисъ въ Берлинѣ разсмотрѣлъ тотъ же предметъ въ публичномъ чтеніи, которое потомъ было напечатано[2]. Изъ этихъ двухъ брошюръ и множества другихъ, занимающихся этой стороной языка самостоятельно, видно, какъ многочисленны и многообразны спорные вопросы нѣмецкаго правописанія. Оттого въ современной нѣмецкой литературѣ трудно найти двѣ книги, которыя по правописанію были бы совершенно сходны между собою[3].

Какъ часто случается, ученики Гримма (особенно гг. Вейн-

---

[1] Ueber J. Grimms orthographie, von K. G. Andresen. Gœttingen 1867.

[2] Ueber J. Grimms Rechtschreibung. Berlin 1868.

[3] «Нынче всякій, кто хочетъ прослыть нѣмецкимъ филологомъ, долженъ имѣть по крайней мѣрѣ свою собственную орфографію», говоритъ г. Таузингъ, рѣзко осуждая нововведенія своихъ соотечественниковъ. См. его названное выше сочиненіе, стр. 122.

гольдъ и Андресенъ) пошли еще далѣе его. Опираясь на законы развитія звуковъ, они стали проводить не только такія измѣненія письма, которыя передаютъ въ другомъ видѣ тѣ же звуки, но и такія, которыя, во множествѣ словъ, влекутъ за собою новое произношеніе: слѣдовательно дѣло шло уже объ измѣненіяхъ не въ одномъ правописаніи, но и въ самомъ языкѣ. Напр. доказывали, что вмѣсто lügen, betrügen, schöpfer, erschöpfen, ereigniss, надобно писать и говорить: liegen, betriegen, schepfer, erschepfen, eräugnis. Къ числу такихъ послѣдователей Гримма принадлежалъ и покойный Шлейхеръ, который не признавалъ между прочимъ надобности означать долготу слога вставкою буквы h и писалъ напр. вм. ihm, ihn, просто im, in, не отличая этихъ мѣстоименныхъ формъ отъ предлога in съ краткимъ i.

Такія нововведенія вызвали множество споровъ, и составилась обширная литература по вопросу о правописаніи. Всего замѣчательнѣе то, что высказалъ эрлангенскій профессоръ Рудольфъ Раумеръ въ цѣломъ рядѣ статей, касающихся этого предмета[1]. Онъ убѣдительно развилъ, къ какимъ нелѣпымъ послѣдствіямъ привело бы правописаніе крайнихъ послѣдователей Гримма, и называетъ эту школу — *новоисторической* въ отличіе отъ *древне-исторической*. Послѣднимъ названіемъ означаетъ онъ такое письмо, какъ напр. англійское, гдѣ, вопреки постепенному измѣненію звуковъ, начертанія остаются прежнія, такъ что происходитъ рѣзкій разладъ между письмомъ и произношеніемъ, но живая рѣчь не измѣняется въ слѣдствіе письма. Что же касается до традиціоннаго нѣмецкаго правописанія, то Раумеръ ясно показалъ, что оно, не смотря на всѣ свои несовершенства, есть преимущественно фонетическое письмо, передающее, хотя далеко не во всѣхъ случаяхъ и не всегда послѣдовательно, произношеніе образованнаго языка[2]. Поэтому онъ стоитъ за сохраненіе въ

[1] См. его Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften, на которыя я уже часто ссылался, особенно статью: Das Princip der d. Rechtschreibung, стр. 118 и д.

[2] Съ этимъ впрочемъ несогласны многіе весьма уважаемые знатоки языка: такъ Шлейхеръ находитъ, что нынѣшнее нѣмецкое письмо — ни историческое, ни фонетическое, и «носитъ отпечатокъ случайнаго произвола» (Die deutsche Sprache, Stuttgart 1860. Стр. 170).

сущности старинной орфографіи съ нѣкоторыми только преобразованіями, къ числу которыхъ особенно относитъ большее единообразіе въ отличеніи долгихъ гласныхъ отъ краткихъ. Однакожъ доводы Раумера убѣдили далеко не всѣхъ, и въ Германіи нынче господствуютъ двѣ главныя системы правописанія, со множествомъ оттѣнковъ и различій въ каждой: въ большей части ученыхъ сочиненій, особенно филологическихъ, держатся историческихъ началъ, впервые провозглашенныхъ Гриммомъ, пишутъ латинскимъ шрифтомъ и избѣгаютъ большихъ буквъ; вообще же, въ литературѣ и въ общежитіи, слѣдуютъ принятому издавна правописанію съ тѣми или другими отступленіями въ частностяхъ. Безпрестанно издаваемыя брошюры по этому предмету свидѣтельствуютъ объ общей потребности въ улучшеніи дѣла. Въ разныхъ городахъ бываютъ учительскіе съѣзды для соглашенія относительно орфографіи, и результаты ихъ печатаются[1]. Съ другой стороны, и правительства отдѣльныхъ государствъ (напр. Виртемберга) издаютъ иногда обязательныя для училищъ и офиціальныхъ учрежденій правила правописанія; но все это до сихъ поръ не привело еще къ общему объединенію нѣмецкаго письма. Не смотря на то, можно ожидать, что тщательное обсужденіе дѣла мало по малу приведетъ пишущій міръ къ большему согласію. Въ числѣ нѣмецкихъ брошюръ этого содержанія за послѣдніе годы особеннаго вниманія заслуживаетъ напечатанная въ Берлинѣ г. Лефманомъ[2]. По его замѣчанію, въ истекшее десяти-

[1] Между прочимъ такая брошюра издана въ Берлинѣ, въ слѣдствіе рѣшенія вопросовъ на съѣздѣ по большинству голосовъ, подъ заглавіемъ: Regeln und Wörterverzeichniss für deutsche Orthographie. Herausgegeben («auf Grundlage des Usus») von dem Verein der Berliner Gymnasial-und Realschullehrer. Разборъ этой книги — въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1871, № 342. Ср. National-Zeitung, № 576, Beiblatt: «Die deutsche Rechtschreibung, eine Nationalfrage». Также: Zeitschrift für das Gymnasialwesen 1871, Juni. — Кстати замѣтимъ, что въ слѣдствіе учебной реформы, предпринятой графомъ Туномъ въ Австріи, эта страна сдѣлалась по преимуществу ареной орфографической борьбы, и введеніемъ новыхъ руководствъ по языку споръ преждевременно занесенъ въ среднія и народныя училища (Lefmann).

[2] Dr. S. Lefman. Ueber deutsche Rechtschreibung. Berlin 1871. — Это одинъ изъ выпусковъ изданія: Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge. VI Serie, Heft 129.

лѣтіе убѣжденіе въ необходимости реформы проникло въ обѣ противоположныя партіи, и между людьми мыслящими осталось уже немного приверженцевъ неизмѣнной старины, утверждающихъ, будто историческая грамматика вызвала еще бóльшую противъ прежняго путаницу въ письмѣ. Въ послѣднее время уже и началось нѣкоторое примиреніе между строгою теоріей и разумною практикой: фонетика должна допускать то, чего исторія требуетъ не на счетъ живого языка; а историкъ не долженъ трогать того, чтó въ употребленіи языка твердо установилось. Г. Лефманъ ставитъ требованіе: «пиши такъ, какъ ты правильно говоришь». Правильно же говорить, по его мнѣнію, значитъ не только говорить безъ всякаго вліянія діалектовъ, но говорить исторически-правильно, т. е. такъ, какъ требуетъ законное развитіе языка не въ одномъ сочетаніи словъ и предложеній, но и въ звуковомъ отношеніи. Односторонняя фонетика не имѣетъ почвы въ письмѣ, односторонніе историки не признаютъ ограниченій, предписываемыхъ живымъ языкомъ: только взаимное проникновеніе обоихъ элементовъ, какъ соотношеніе языка и письма между собою, можетъ привести къ надежнымъ и твердымъ правиламъ. Шлейхеръ, основываясь на улучшеніяхъ, которыя въ нѣмецкомъ письмѣ можно прослѣдить чуть не по десятилѣтіямъ, находилъ неразумнымъ отказаться отъ надежды на совершенное, хотя и медленное исправленіе его въ далекомъ будущемъ[1].

б) У Англичанъ.

Въ Англіи мы видимъ примѣръ правописанія, въ полномъ смыслѣ историческаго. Тамъ старинные письменные знаки остаются на своемъ мѣстѣ, какъ бы ни противорѣчило имъ измѣняющееся произношеніе, даже то, которое считается образованнымъ и правильнымъ. Начертанія большинства словъ предста-

---

[1] Die deutsche Sprache, стр. 172: «Какъ уже покончили съ vnndt и другими чудищами, такъ справятся и съ знакомъ протяженія h, съ удвоеніемъ гласныхъ, съ ie и другими менѣе значительными безобразіями, которыя теперь еще торжествуютъ въ нашемъ письмѣ».

вляютъ условное изображеніе звукового цѣлаго почти независимо отъ отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Это — въ нѣкоторомъ смыслѣ по-словное, а не звуковое письмо. Кто пишетъ Glocester, Brougham, colonel, а произноситъ Gloster, Brum, körnel, тотъ, значитъ, вовсе не желаетъ письмомъ выражать звуки своей рѣчи, а довольствуется графическими образами словъ, которыя посредствомъ глаза сообщаютъ уму соотвѣтствующее понятіе; кáкъ ихъ перелагать на живую рѣчь, это предоставляется традиціи и памяти[1]. Одинъ и тотъ же звукъ изображается самыми различными знаками; каждая гласная, а иная и согласная имѣютъ по нѣскольку звуковъ, и нѣтъ положительныхъ правилъ, которыя бы каждый разъ опредѣляли произношеніе буквъ. Такъ напр. snow, low выговариваются sno, lo, a bow, low слышатся какъ bou, lou; bear произносится ber, a hear — hir и т. д. Оттого первоначальное обученіе грамотѣ нигдѣ не представляетъ такихъ трудностей какъ въ Англіи, и этому въ значительной мѣрѣ приписывается большое число неграмотныхъ людей между Англичанами[2]. Ученый Эллисъ горько сѣтуетъ, что его соотечественники слишкомъ дорого поплатились за пріобрѣтенное ими единообразное письмо, именно: утратили знаніе, кáкъ говорили ихъ предки, лишились возможности означать на письмѣ нынѣшнее свое произношеніе и создали неисчислимыя затрудненія читающему и пишущему на ихъ языкѣ[3]. Знаменитый филологъ Вильямъ Джонсъ, положившій начало изученію санскрита въ Европѣ,

---

[1] Raumer. Gesam. sprachwiss. Schriften, 215 и д.

[2] «Когда у какого-нибудь народа господствуетъ историческое письмо, то и тотъ, кто растетъ въ образованномъ кругу, кто къ изученію грамоты приступаетъ съ правильнымъ выговоромъ, долженъ усвоить себѣ почти новый языкъ, — письменный. Но онъ все еще счастливъ тѣмъ, что знаетъ по крайней мѣрѣ, какъ слово звучитъ, хотя и долженъ особо выучиться, какъ писать его. Тотъ же, который первые годы провелъ въ необразованномъ кругу, долженъ выучиться двумъ языкамъ. До сихъ поръ онъ говорилъ на своемъ нарѣчіи болѣе или менѣе отличающемся отъ образованнаго произношенія; теперь онъ долженъ разомъ запоминать, какъ слово звучитъ и какъ оно пишется». (K. Panitz. Das Wesen der Lautschrift. Weimar 1865. Стр. 34, 35).

[3] A. J. Ellis. On early english pronunciation. Hertford 1869. Стр. 22.

замѣтилъ, что несовершенство англійскаго письма доходитъ до безобразія и почти до смѣшного [1].

Въ послѣднія триста лѣтъ было въ Англіи не мало опытовъ преобразованія орфографіи (spelling-reform), и между нововводителями встрѣчаются почтенныя имена; но всѣ эти попытки до сихъ поръ оставались безуспѣшными. Самая сильная агитація въ пользу фонетическаго письма началась въ 1843 году въ Бирмингамѣ; тамъ нѣкто Гиллъ (Hill) пожертвовалъ съ этою цѣлью значительный капиталъ (phonetic fund) и учредилъ школу; въ память чего, въ названномъ городѣ ежегодно дается фонетическій праздникъ. Въ то же время въ Батѣ (Bath) основанъ былъ *Фонетическій Журналъ*, до сихъ поръ издаваемый. Ревностными поборниками новаго письма сдѣлались вскорѣ Исаакъ Питманъ и Эллисъ, придумавшіе для этого дѣла разныя измѣненія и дополненія въ азбукѣ: по ихъ системѣ уже и напечатано множество книгъ и брошюръ, особенно религіозныхъ, для народнаго чтенія. Въ 1862 году было въ Англіи шесть журналовъ съ чисто-фонетическимъ письмомъ. Нѣкоторые нововводители довольствуются менѣе рѣзкими перемѣнами, давая только существующимъ уже буквамъ болѣе опредѣленное значеніе, чтобы такимъ образомъ сообщить англійскому письму ту же послѣдовательность, какою, по ихъ мнѣнію, отличается французская орфографія. Таковъ характеръ «аналогической» системы Эдуарда Джонса, которая не такъ давно обсуждалась на съѣздѣ въ Ливерпулѣ. Но противъ него возсталъ Эллисъ, доказывая, что всѣ попытки частныхъ измѣненій ни къ чему не приведутъ и что если разъ предпринимать реформу, то надобно возстановить древнее фонетическое начало, господствовавшее до войнъ обѣихъ Розъ. Наконецъ еще проектъ преобразованія письма принадлежитъ Денби Фрею, который, подобно другимъ умѣреннымъ реформаторамъ, пользуется имѣющимися уже буквами почти безъ всякихъ прибавленій,

---

[1] «Our english alphabet and orthography are disgracefully and almost ridiculously imperfect». W. Jones, *Works*. III, 269.

но считаетъ нужнымъ во многихъ случаяхъ ввести болѣе точные способы изображенія звуковъ. Его мысль — установить послѣдовательное, отчасти фонетическое правописаніе, съ соблюденіемъ, по мѣрѣ возможности, этимологическаго элемента[1]. Послѣднее условіе, по мнѣнію Макса Мюллера, не составляетъ существенной надобности для орфографіи «Произношеніе языковъ, говоритъ онъ, измѣняется по опредѣленнымъ законамъ, а правописаніе передѣлываютъ самымъ произвольнымъ образомъ, такъ что если бъ наша орфографія строго согласовалась съ выговоромъ словъ, то на дѣлѣ она оказала бы будущему изслѣдователю языка болѣе пользы, нежели нынѣшній неточный и ненаучный способъ письма»[2]. М. Мюллеръ не отчаивается, что старанія Питмана черезъ нѣсколько поколѣній увѣнчаются успѣхомъ; однакожъ, судя по прошлому и по примѣру другихъ странъ, можно въ томъ усомниться. Совсѣмъ иначе смотритъ на эти нововведенія Витней. «Неимовѣрна, говоритъ онъ, сила сопротивленія перемѣнамъ, присущая великому народному дѣлу, связанному съ интересами цѣлаго общества и составляющему часть помысловъ и привычекъ каждаго... Какъ осмѣяны и опозорены были тѣ, которые въ послѣднее время думали произвести по нѣкоторымъ пунктамъ весьма желательныя для всѣхъ улучшенія въ англійскомъ правописаніи»[3]. При всѣхъ недостаткахъ настоящаго письма, нельзя однакожъ не признать за нимъ того великаго преимущества, что оно твердо установилось и принято всею націею: преобразованіе его не могло бы совершиться безъ долговременныхъ колебаній, розни и путаницы. Притомъ, вотъ еще важное соображеніе, высказанное г. Эрлемъ противъ введенія въ Англіи фонетическаго письма: «Какъ скоро вы рѣшаетесь въ точности изображать письмомъ звуки, вы ставите на первый планъ то, что̀ до сихъ поръ оставалось почти незамѣченнымъ,—великое разномысліе, какое существуетъ относительно правильнаго про-

[1] Transactions of the Philological Society 1870—72.
[2] Max Müller-Böttger. Vorlesungen. II Serie. Leipzig 1866. Стр. 92.
[3] W. D. Whitney. Language and the study of language. London 1867. Стр. 44.

изношенія многихъ словъ»[1]. Дѣйствительно, при этомъ обстоятельствѣ задача нововводителей дѣлается почти неразрѣшимою.

в) У Французовъ.

Французское правописаніе представляетъ отчасти тѣ же недостатки, какіе мы видѣли въ англійскомъ; но оно образовалось совершенно инымъ путемъ. Въ немъ также многіе звуки изображаются разными способами, и часто однѣ и тѣ же буквы произносятся различно; въ немъ также множество несообразностей, непослѣдовательностей, противорѣчій; но все это произошло не отъ того, что на письмѣ удержались начертанія, означающія прежній выговоръ, а вслѣдствіе ученыхъ соображеній: французская орфографія развилась по большей части искуственнымъ образомъ и должна быть названа не *историческою*, а развѣ *этимологическою*, хотя принципъ словопроизводства проведенъ въ ней далеко не всегда послѣдовательно и правильно. По выраженію Литтре́ (въ предисловіи къ его словарю), у Французовъ письмо и произношеніе — двѣ силы, которыя въ постоянной между собою борьбѣ. Французскій письменный языкъ произошелъ частью отъ латинскаго, частью же и отъ тѣхъ живыхъ народныхъ нарѣчій, которыя, съ сильною примѣсью латыни, издревле господствовали въ разныхъ мѣстностяхъ Галліи. До 16-го столѣтія, пока у Французовъ школьное дѣло было еще слабо развито и еще не было грамматикъ, всякій писалъ конечно по собственному разумѣнію, руководствуясь преимущественно выговоромъ. До 13-го вѣка господствовало фонетическое правописаніе: «тогда, говоритъ Рау́, буквы служили для изображенія звуковъ, а не для хвастливаго щегольства лингвистическою ученостью»[2]. Позднѣе, со введеніемъ древнихъ алфавитовъ, нѣмыя, праздныя буквы стали вкрадываться между фонетическими. Когда же распространилось книгопечатаніе, когда размножились школы и стали появляться грам-

---

[1] J. Earle. The philology of the english tongue. Oxford 1873. Стр. 180.
[2] Ed. Raoux. Orthographe rationnelle et écriture phonétique. Paris 1865.

матики и словари, а въ то же время утвердился и авторитетъ греко-римскаго образованія, грамотные люди начали болѣе прежняго соображаться съ латинскими начертаніями и плодить на письмѣ лишнія буквы, напр. писать: teste, honneste, debvoir, febvrier, nuict, escripture. Тогда же обнаружилось однако и сильное противодѣйствіе этому направленію, и съ тѣхъ самыхъ поръ рядъ поборниковъ фонетическаго письма, отчасти знаменитыхъ писателей, не прекращается во Франціи до нашего времени.

Въ серединѣ 17-го столѣтія грамматика Поръ-Рояля предлагала, для соглашенія письма съ выговоромъ, слѣдующія разумныя правила:

1. Всякое начертаніе должно означать какой-нибудь особый звукъ, т. е. не надобно писать ничего такого, что́ бы не произносилось.

2. Всякій звукъ долженъ быть означенъ особымъ начертаніемъ, т. е. не слѣдуетъ произносить ничего, что́ не написано.

3. Всякое начертаніе должно изображать одинъ звукъ, простой или двойной.

4. Одинъ и тотъ же звукъ не долженъ быть означаемъ различными начертаніями.

Эти правила никогда не могли однакожъ сдѣлаться господствующими во Франціи, и вопреки имъ этимологическое письмо рѣшительно утвердилось послѣ изданія, въ 1694 году, словаря Французской академіи, основанной лѣтъ за 60 до того (1735). Ни для какой націи авторитетъ подобнаго учрежденія не могъ имѣть такого вѣса, какъ для Французовъ, трезвый и точный умъ которыхъ во всемъ ищетъ строгой опредѣлительности и мѣры.

Напрасно впрочемъ думаютъ, будто эта академія сама взяла на себя рѣшеніе a priori всѣхъ относящихся до языка вопросовъ: опасаясь той же неудачи, какая обыкновенно постигаетъ частныхъ *неографовъ* (нововводителей въ дѣлѣ правописанія), она весьма осторожно придерживалась обычая, этого могущественнаго руководителя, который во Франціи имѣетъ свое исключительное значеніе, этого usage, передъ которымъ благоговѣютъ и

преклоняются какъ передъ какою-то высшею силой. Академію не разъ упрекали въ томъ, что она мало пользовалась своимъ правомъ узаконять языкъ и, довольствуясь однимъ утвержденіемъ общепринятаго или наиболѣе распространеннаго употребленія, позволяла себѣ только частныя, болѣе или менѣе маловажныя измѣненія и сокращенія въ отдѣльныхъ словахъ. Такимъ образомъ и въ словарѣ 1694-го года академія, слѣдуя господствовавшему направленію, дала перевѣсъ письму, основанному на знаніи латинскихъ и греческихъ формъ, и допустила только кое-какія упрощенія въ начертаніяхъ. Члены, желавшіе болѣе радикальныхъ измѣненій, какъ Корнель и Боссюэ, остались въ меньшинствѣ. И въ послѣдующихъ пяти изданіяхъ своего словаря академія медленно сдавалась на улучшенія орфографіи, которыя проглядывали въ печати, какъ отступленія отъ преобладавшей рутины. Замѣчательно между прочимъ, что Французская академія, не ранѣе какъ въ 1835 году, т. е. въ позднѣйшемъ изданіи этого словаря, наконецъ безусловно приняла вольтеровское правописаніе, т. е. **ai** вмѣсто **oi**, въ такихъ словахъ, какъ français, avait (начертаніе, которое впрочемъ не Вольтеръ первый придумалъ). Нѣкоторыя другія нововведенія этого же писателя не были приняты академіей и остались однѣми попытками. Для насъ поучительно между прочимъ его стараніе писать взятыя съ греческаго слова по выговору, безъ лишняго груза чужихъ буквъ (напр. **th**, **ph**, **y**); такъ онъ писалъ: philosofe и даже filosofe, enciclopédie, tipografe, téologie, métafisique, tèse, historiografe, bibliotèque. Введеніе подобныхъ начертаній для греческихъ словъ находило многихъ защитниковъ еще съ 16-го столѣтія. Ронсаръ соглашался сохранить Y (ижицу) только для собственныхъ именъ греческой мифологіи и исторіи (Téthys, Ulysse); въ словахъ же, давно получившихъ въ языкѣ право гражданства, гдѣ слышится чистый звукъ I (abime, cygne, lyre и даже Nymphe), онъ не хотѣлъ означать его этимъ «ужаснымъ крючкомъ Y»: «я того мнѣнія, говорилъ онъ (если мой умъ чего-нибудь да стóитъ), что когда такія греческія слова давно живутъ во Франціи, то надо принимать ихъ въ

нашу родню и писать ихъ просто съ французскимъ i, чтобъ показать, что они свои, а не чужія; ибо кто не догадается тотчасъ же, что Sibille, Cibelle, Cipris, Ciclope, Nimphe, lire — по природѣ греческія или по крайней мѣрѣ пришлыя, но усыновленныя Французами, хотя они не будутъ означены этимъ пифагоровскимъ пугаломъ». Въ томъ же духѣ и Вожля́ (Vaugelas) говорилъ: «Уважаю почтенную древность и мнѣнія ученыхъ, но не могу не согласиться съ той неоспоримой истиной, что всякій языкъ *долженъ быть у себя хозяиномъ*». Академія подтвердила вѣрность этого довода, но только въ отношеніи къ нѣкоторымъ словамъ; такъ она давно уже пишетъ: fantôme, fantaisie, frénétique (безъ **ph**), trône, trésor (безъ **th**), но она же во множествѣ другихъ случаевъ пишетъ **ph** и **th**, даже въ словахъ одного съ приведенными корня, и такимъ образомъ измѣняетъ самымъ настоятельнымъ требованіямъ логики и аналогіи! Точно въ такое же противорѣчіе съ самими собой впадаемъ мы Русскіе, когда, изгнавъ *ижицу* (Ѵ = Y), педантически сохраняемъ *ѳиту*, и съ одной стороны пишемъ: *Улиссъ*, *система* (не Улѵссъ, сѵстема), а съ другой: *орѳографія*, *ѳиміамъ* (вм. орфографія, фиміамъ).

Нѣкоторыя поразительныя непослѣдовательности французскаго письма вызываютъ и нынѣ частыя попытки преобразованій; не проходитъ года, чтобы во Франціи не явилось одной или нѣсколькихъ книгъ объ упрощеніи письма, но большая ихъ часть грѣшатъ тѣмъ, что стремятся къ слишкомъ крутымъ нововведеніямъ, начиная съ передѣлки самой азбуки или предлагая писать безъ всякаго вниманія къ грамматикѣ или установившемуся обычаю (напр. il fo s'antr'ede mutuelleman[1]). Такія попытки никогда не могутъ имѣть успѣха, тѣмъ болѣе что онѣ противны самымъ свойствамъ французскаго языка, гдѣ въ слѣдствіе давнишнихъ усѣченій столько словъ различнаго смысла произносятся совершенно одинаково (напр. слова: cinq, saint, sain, ceint, seing) и многія грамматическія измѣненія означаются только на письмѣ

[1] Такъ совѣтовалъ писать, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, Marle, издатель Journal Grammatical.

(напр. ед. число il cherche, множ. ils cherchent ничѣмъ не различаются въ выговорѣ), а притомъ сліяніе конечной согласной одного слова съ начальною другого (il-z-aiment) утвердилось только въ слѣдствіе вліянія письма на живую рѣчь. Поэтому естественно, что ревнители безусловной фонетической реформы часто подвергаются осужденію и насмѣшкамъ со стороны людей разсудительныхъ[1].

Можно впрочемъ назвать нѣсколько трудовъ, заявляющихъ болѣе разумныя требованія. Такъ г. Бернаръ Жюльенъ (Jullien) указываетъ на умѣренныя и постепенныя поправки, которыя были бы желательны въ нынѣшнемъ французскомъ письмѣ. Онъ справедливо замѣчаетъ, что если поборники безусловно фонетическаго правописанія хотятъ быть вполнѣ послѣдовательны, то они не должны отдѣлять на письмѣ одного слова отъ другого (такъ какъ въ живой рѣчи такое отдѣленіе незамѣтно), а установить развѣ только разстановку словъ по просодическимъ періодамъ рѣчи. «У насъ, говоритъ онъ, письмо есть настоящій руководитель правильнаго произношенія въ хорошемъ обществѣ, и это одно показываетъ, какъ дурно знаютъ французскій языкъ тѣ, которые настаиваютъ на противоположномъ началѣ и думаютъ, что языки еще на той точкѣ, гдѣ они были до изобрѣтенія азбуки». Въ томъ же смыслѣ другой защитникъ умѣренной реформы пишетъ: «Конечно, если бъ дѣло шло единственно о томъ, чтобы необразованному народу, не имѣющему литературнаго прошлаго, быстро сообщить умѣніе читать и писать по-французски, то фонетическая метода доставила бы большую пользу; но народъ, обладающій восьмивѣковою литературой, не можетъ не видѣть въ каждомъ своемъ словѣ и даже въ слогахъ его какъ бы нераздѣльную часть своей умственной исторіи: перевернуть все наше письмо вверхъ дномъ значило бы разорвать непрерывную цѣпь преданій, которыя создали духъ націи».

[1] Напр. надъ «réforme orthographique» остроумно издѣвается Alfred Delavau въ своемъ предисловіи къ Dictionnaire de la langue verte, argots parisiens. Paris 1867. Стр. XXII.

Авторъ этихъ строкъ, г. А. Фирменъ Дидо́ (A. F. Didot), типографщикъ Французской академіи, къ которому эта должность перешла наслѣдственнно отъ отца и дяди, написалъ въ 1860-хъ годахъ объемистый томъ, уже имѣвшій два изданія, подъ заглавіемъ: *Observations sur l'orthographe ou ortografie française*[1], — конечно самый основательный трудъ по этому предмету, откуда и почерпнута большая часть сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній о французскомъ правописаніи. Разсмотрѣвъ всѣ недостатки его и указавъ на средства къ ихъ исправленію, г. Дидо́ приглашаетъ академію внести предлагаемыя имъ измѣненія въ предпринятое ею новое изданіе словаря. По его мнѣнію, она и въ прежнее время недостаточно пользовалась своимъ авторитетомъ; иначе французская орфографія давно могла бы сдѣлаться совершеннѣе. Происходившія между академиками разногласія по вопросамъ этого рода часто вынуждали ученое собраніе предоставлять рѣшенія ихъ кому-нибудь одному, и коллективный трудъ, рѣдко приводящій къ результату вполнѣ удовлетворительному, превращался въ единоличный; окончательное же соглашеніе остававшихся въ рукописяхъ разнорѣчій зависѣло отъ усмотрѣнія типографщиковъ и корректоровъ, которымъ въ дѣлѣ правописанія (говоритъ г. Дидо́) писатели иногда бываютъ болѣе обязаны, чѣмъ самимъ себѣ. Главные недостатки французской орфографіи, выставляемые г. Дидо́, заключаются въ томъ, что въ совершенно сходныхъ случаяхъ согласная въ серединѣ словъ то удвояется, то нѣтъ, что въ окончаніяхъ именъ пишутъ, безъ правильнаго этимологическаго основанія, **s** и **x**, tion и sion, ant и ent; иногда два слова, образующія одно понятіе, пишутся слитно, а въ другомъ совершенно однородномъ случаѣ только соединяются черточкой или оставляются отдѣльно, вовсе безъ знака соединенія. Мысли, изложенныя въ книгѣ г. Дидо́, были одобрены лучшими критиками, въ томъ числѣ покойнымъ Сентъ-Бевомъ, который также возлагалъ въ этомъ дѣлѣ большія надежды на академію. Правда, иногда слы-

[1] Напечатано въ Парижѣ; 2-е изданіе 1868 г.

шатся голоса и противъ авторитета ея; напр. г. Жюльенъ выразилъ желаніе, «чтобы современное правописаніе было подчинено правильной системѣ, а не зависѣло отъ прихоти нѣсколькихъ академиковъ или отъ произвола корректоровъ той типографіи, гдѣ словарь печатался»; тѣмъ не менѣе сила этого традиціоннаго авторитета такъ велика, что самъ г. Литтрé, въ своемъ образцовомъ словарѣ, при всей самостоятельности своихъ взглядовъ, нигдѣ не рѣшился отступить отъ общеупотребительной, одобряемой академіею орфографіи, и только въ частныхъ случаяхъ позволилъ себѣ теоретически критиковать ее. Напр. подъ словомъ Dessiller онъ замѣчаетъ, что академія предпочла дурное начертаніе хорошему (déciller)[1], но самъ повторяетъ ту же ошибку. При такихъ условіяхъ и дальнѣйшая судьба французскаго правописанія останется въ рукахъ академіи. Замѣчательно, что даже во время первой французской революціи, когда упразднена была эта корпорація и словарь вновь изданъ помимо ея, въ немъ однакожъ строго соблюдена академическая орфографія. Въ постоянствѣ такого начала есть одна хорошая сторона, именно твердо установленное, для всей націи обязательное единообразіе письма. Нельзя при этомъ не вспомнить замѣчанія Раумера, что правописаніе хотя и не вполнѣ удовлетворительное, но общепринятое во всей странѣ, заслуживаетъ предпочтенія передъ болѣе совершеннымъ, если оно признается только нѣкоторою частью народа и тѣмъ вызываетъ новый, вовсе не желательный разладъ[2].

г) У остальныхъ романскихъ народовъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи орфографія остальныхъ романскихъ народовъ. Италіянцы, Испанцы и Португальцы успѣли сообщить своему письму въ высокой степени звуковой характеръ.

---

[1] «*Dessiller* est une mauvaise orthographe, puisque le mot vient de *cil*. L'académie l'a préférée à la bonne (*déciller*), qu'elle consigne pourtant à son rang alphabétique et qu'elle abandonne pour suivre une vicieuse tradition». Что же мѣшало г. Литтрé избрать противоположный путь?

[2] Raumer. Gesam. sprachw. Schriften, стр. 138.

Этимъ впрочемъ языки ихъ обязаны не однимъ благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, но главнымъ образомъ своему внутреннему строю. Они гораздо болѣе французскаго близки къ латинскому, и по своей вокальности не нуждаются въ этимологическихъ знакахъ для уясненія глазу состава словъ. Возьмемъ для примѣра звукъ **san**, который во французскомъ языкѣ пишется на столько разныхъ ладовъ для показанія различныхъ его значеній (sans, cent, sang, sens, sent, s'en); въ италіянскомъ соотвѣтствующія слова въ самомъ произношеніи явственно отличаются одно отъ другого и пишутся согласно съ нимъ: senza, cento, sangue, senso, sente, se ne. Такихъ примѣровъ можно бы привести множество. Точно такъ же и различіе окончаній при спряженіи глаголовъ ясно слышится уже въ живой рѣчи: Французы произносятъ многіе глаголы одинаково въ един. и во множ. числѣ: il trouve, ils trouvent; Итальянцы говорятъ: egli trova, eglino trovano. Вотъ почему послѣднимъ легко было отказаться отъ историческаго письма, которое и у нихъ во многихъ случаяхъ нѣкогда господствовало; напр. писали: apto, octo, decto, а произносили: atto, otto, detto. Но грамматики 16-го столѣтія, особенно же даровитый Lionardo Salviati, стали соглашать письмо съ произношеніемъ и, благодаря имъ, италіянская орфографія, за немногими исключеніями, сдѣлалась вполнѣ фонетическою, почему и считается образцовой. Основное начало своего преобразованія Сальвіати такъ выразилъ: «Истинное, первое и общее основаніе правильнаго письма, если не ошибаюсь, въ томъ состоитъ, чтобы письмо слѣдовало выговору, такъ какъ оно не имѣетъ иной цѣли, а слѣдовательно и иной задачи, какъ изображать рѣчь для тѣхъ, до кого не доходитъ звукъ ея»[1].

Относительно испанскаго правописанія достаточно привести здѣсь краткія свѣдѣнія, сообщаемыя Р. Раумеромъ (стр. 147): «Въ

---

[1] «Che la scrittura seguiti la pronunzia, vero, primo e general fondamento dello scriver correttamente». *Autori del bel parlare.* Venetia 1643. Vol. I del Cavalier Lionardo Salviati. Стр. 155. (По Раумеру.)

Испаніи уже старѣйшій грамматикъ Антоніо де Небриха (около 1492 г.) главнымъ условіемъ хорошаго правописанія призналъ совершенное согласіе письменныхъ знаковъ съ звуками языка. Къ этой цѣли съ тѣхъ поръ и стремилось испанское правописаніе. Съ 1741 г. за это дѣло взялась основанная Филиппомъ V академія. Однакожъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія письмо Испанцевъ представляло много неяснаго и двусмысленнаго. Поэтому Мадридская академія въ 1815 г. установила фонетическую орфографію, которая и принялась очень легко».

д) У скандинавскихъ народовъ.

Въ скандинавскихъ земляхъ господствуютъ два очень близкіе одинъ къ другому литературные языка: шведскій въ Швеціи и датскій въ Даніи и Норвегіи. Близость между ними обнаруживается особенно въ ихъ лексическомъ составѣ и синтактическомъ строѣ; въ звуковомъ же отношеніи оба языка значительно отличаются одинъ отъ другого: Шведы сохранили древнюю фонетическую основу словъ въ гораздо большей чистотѣ нежели Датчане, у которыхъ звуки, частью подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка, подверглись разнороднымъ перемѣнамъ и искаженіямъ (напр. шв. lag = дат. lov; шв. namn = дат. navn). Оба народа издавна разошлись въ своей исторіи, и естественно, что у каждаго изъ нихъ литературный языкъ, а съ нимъ и правописаніе развивались своимъ особеннымъ путемъ. Тотъ и другой первоначально употребляли готическое или ломанос («монашеское») письмо; у Датчанъ оно только въ послѣднее время начало исчезать, тогда какъ Шведы уже давно отъ него отказались. Въ подражаніе Нѣмцамъ первые до сихъ поръ въ началѣ всякаго существительнаго имени ставятъ большую букву. Составъ шведской и датской азбуки почти одинъ и тотъ же; однакожъ есть въ каждой и свои особенности; напр. звукъ **о** по-шведски часто выражается буквою å, по-датски же двойнымъ **aa**; шв. ä = дат. æ; шв. ö = дат. ø; Шведы звукъ нашего В между гласными изображаютъ посредствомъ **fv**, Датчане употребляютъ одно **v**. Для

долгаго гласнаго звука послѣдніе прибѣгаютъ къ удвоенію соотвѣтствующей буквы, чего Шведы никогда себѣ не позволяютъ.

Развитіе шведскаго правописанія со времени введенія книгопечатанія и перевода библіи продолжалось, съ частыми измѣненіями и разными колебаніями, до конца прошлаго столѣтія, когда по основаніи Шведской академіи Густавомъ III (1786 г.) оно подъ вліяніемъ этого учрежденія прочнѣе установилось. Къ тому способствовали особенно труды двухъ академиковъ, знаменитыхъ поэтовъ Леопольда и Чельгрена (Kellgren), которые приняли главное участіе въ составленіи отъ имени академіи правилъ орфографіи. Не смотря на свое не глубокое филологическое образованіе — общій недостатокъ того времени, — они выполнили свою задачу съ большимъ смысломъ и практическимъ тактомъ; но при незнакомствѣ съ древнимъ скандинавскимъ языкомъ и его звуковою системой, они конечно не могли избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря ихъ разумнымъ указаніямъ, въ шведской литературѣ утвердилось правописаніе, которое въ большей части случаевъ очень удачно примиряло фонетическій элементъ съ этимологическимъ.

Датская орфографія установилась еще ранѣе, именно съ половины 18-го вѣка, и съ незначительными измѣненіями держалась въ томъ же видѣ до нашего времени. Но различіе той и другой было настолько велико, что сходство обоихъ языковъ затемнялось на письмѣ, тогда какъ звуковыя отличія не мѣшаютъ Шведамъ, Датчанамъ и Норвежцамъ весьма легко понимать другъ друга въ живой рѣчи.

Желаніе устранить трудности письменныхъ сношеній и литературнаго обмѣна объединеніемъ шведской и датской орфографіи давно выражалось съ обѣихъ сторонъ и было причиною, что знаменитый филологъ Раскъ въ 1826 году издалъ обширное ученое сочиненіе о датскомъ правописаніи[1]. Какъ знатокъ древне-нор-

[1] Forsøg til en videnskabelig Dansk Retskrivningslaere, af R. Rask. Это сочиненіе занимаетъ весь I-й томъ журнала Tidsskrift for Nordisk Oldkyndighed. Kjøbenhavn 1826.

вежскаго языка, онъ могъ говорить о предметѣ съ полнымъ разумѣніемъ дѣла. Для соглашенія орфографіи обоихъ языковъ, онъ предлагалъ отчасти замѣнить, отчасти дополнить нѣкоторыя датскія начертанія (аа, ø), шведскими (å, ö). Основнымъ же, верховнымъ началомъ всякаго письма онъ провозгласилъ произношеніе, а на второмъ планѣ поставилъ: а) обычай, б) происхожденіе словъ, и в) ясность начертаній (т. е. означеніе различія въ сходствѣ, какъ напр. у насъ *миръ* и *міръ*). Точка зрѣнія Раска лучше всего видна изъ слѣдующихъ словъ его изслѣдованія: «Правда, что устраненіе изъятій или ошибокъ обычая также можетъ производить временное броженіе или разногласіе; но это — неизбѣжное послѣдствіе всякаго улучшенія, такъ какъ поправки не могутъ быть приняты всѣми тотчасъ же, когда въ первый разъ предлагаются; итакъ надо или объявить путь ко всякому преобразованію навсегда загражденнымъ, или примириться съ такимъ неудобствомъ. Но въ такомъ колебаніи нѣтъ никакой бѣды, потому что оно составляетъ только переходъ отъ общепринятаго обычая къ правильному употребленію, которое само по себѣ ясно и несомнѣнно, слѣдовательно по справедливости скоро обратится также въ обычай. Только то, что уничтожаетъ основной законъ обычая, или идетъ прямо наперекоръ ему, только то ведетъ къ запутанности и должно быть отвергаемо. Притомъ въ нашемъ (т. е. датскомъ) письмѣ уже господствуетъ такая шаткость, что часто одинъ и тотъ же авторъ, въ той же книгѣ, пишетъ то же самое слово различно. Итакъ колебаніе, происходящее отъ исправленія и опредѣленія обычая въ правописаніи родного языка, не нарушаетъ какого-либо существующаго единства а ведетъ напротивъ къ основательному и потому прочному единообразію,—цѣли, которой едва ли и можно достигнуть инымъ путемъ. Поэтому я надѣюсь, что не слишкомъ оскорбляю обычай, когда, собирая и разбирая множество введенныхъ имъ и часто противорѣчащихъ другъ другу правилъ, дѣлаю между ними выборъ, при чемъ пользуюсь и трудами нашихъ лучшихъ лингвистовъ, не предлагая однакожъ какого-либо кореннного преобразованія, чтобы установить порядокъ или построить

систему въ этой наукѣ. Только такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, можно согласить противныя стороны, изъ которыхъ одна признаётъ главнымъ и высшимъ началомъ обычай, а другая вовсе не хочетъ знать или мало цѣнитъ его... Неоспоримо, что безъ вниманія къ обычаю ничего нельзя сдѣлать, но столь же вѣрно, что если не подчинить его разуму, то никогда теорія правописанія не будетъ достойна названія науки» [1].

Итакъ главною задачею Раска было возвести орфографію на степень науки. Въ трудѣ его видно много учености, остроумія и трудолюбія, но цѣли своей онъ не достигъ. Хотя его ученіе вначалѣ и нашло довольно большое число послѣдователей, особенно между молодыми филологами, уважавшими авторитетъ Раска, но мало по малу прежняя орфографія, по старой привычкѣ, и въ ихъ средѣ стала одерживать верхъ. Впрочемъ, конечно, нѣкоторыя изъ его нововведеній все-таки являлись въ печати, и единство правописанія было нѣсколько нарушено. Дѣло еще болѣе запуталось, когда въ 1840-хъ годахъ замѣчательнѣйшій изъ учениковъ Раска, извѣстный Петерсенъ, захотѣлъ провести хотя нѣкоторыя изъ неудавшихся предположеній своего предшественника. Между тѣмъ развивалась идея о братствѣ скандинавскихъ народовъ, а съ нею вскорѣ соединилась и мысль, что для содѣйствія литературному единенію должны собраться представители всѣхъ трехъ странъ на совѣщаніе о введеніи въ нихъ болѣе сходнаго правописанія. Главнымъ поборникомъ этой мысли сдѣлался профессоръ университета Христіаніи по каѳедрѣ исторіи г. До (Daa). По поводу предстоявшаго въ 1869 году національно-экономическаго съѣзда въ Стокгольмѣ положено было заняться на немъ и орѳографическимъ вопросомъ. Въ Копенгагенѣ, въ Упсалѣ, въ Лундѣ и въ Христіаніи образовались комитеты для избранія депутатовъ орѳографическаго конгресса. Затѣмъ въ концѣ іюля мѣсяца означеннаго года созвано было въ Стокгольмъ общее собраніе уполномоченныхъ. Совѣщанія продолжались пять дней подъ предсѣда-

---

[1] См. тамъ стр. 96 и 97.

тельствомъ упсальскаго профессора исторіи Мальмстрема. Каждый изъ трехъ отдѣловъ, т. е. шведскій, датскій и норвежскій, избралъ своего секретаря, и каждый секретарь долженъ былъ издать (что впослѣдствіи и исполнено) отчетъ о принятыхъ собраніемъ правилахъ по его отдѣлу: такъ какъ языки датскій и норвежскій въ сущности тожественны и отличаются лишь нѣкоторыми особенностями произношенія, то и правила для письма обоихъ были установлены почти одинакія.

Въ основаніе было принято положеніе, что каждый языкъ сохраняетъ то, что въ немъ оказывается безспорно правильнымъ; соглашеніе же разнорѣчій между отдѣльными языками должно стоять на второмъ планѣ. За первенствующій элементъ правописанія было признано звуковое начало, такъ какъ цѣль письма есть вѣрное изображеніе знаками слышимаго слова.

Происхожденію словъ, историческому началу и обычаю дано менѣе существенное значеніе. Далѣе, предположенныя перемѣны раздѣлены на два разряда: къ первому отнесены легкія измѣненія, которыя могутъ быть введены тотчасъ же, ко второму такія, которыя, по своей рѣзкости, должны встрѣтить бо́льшее противодѣйствіе и потому могутъ быть сознаны только постепенно, при послѣдующемъ развитіи правильныхъ требованій орфографіи. Одни нововведенія распространялись на оба языка, другія касались только одного изъ нихъ. Датскія реформы, вообще говоря, были повтореніемъ того, что и прежде уже предлагали Раскъ и Петерсенъ.

Дѣйствіе, произведенное опредѣленіями съѣзда, было неодинаково въ Даніи и въ Швеціи. Такъ какъ Шведы въ собраніи составляли большинство (9) противъ другихъ двухъ національностей (4+4), то Датчанамъ показалось, что всѣ нововведенія относительно ихъ правописанія были дѣломъ Шведовъ; «а сколько бы довѣрія ни заслуживали эти наши братья въ другихъ отношеніяхъ», говоритъ одинъ копенгагенскій профессоръ, «все же отъ датской скромности слишкомъ много ожидали, требуя, чтобъ мы въ чисто національномъ вопросѣ подчинились заключеніямъ такого

сомнительнаго происхожденія»[1]. Между тѣмъ однакожъ и въ Даніи нашлось не мало людей, которые стали вводить въ письмо тѣ или другія изъ предложенныхъ на съѣздѣ измѣненій, и въ орфографіи стала оказываться все бо́льшая и бо́льшая путаница. Для противодѣйствія тому, въ 1870 г. нѣсколько датскихъ ученыхъ и литераторовъ издали *Мнѣніе* о наиболѣе нужныхъ и удобныхъ улучшеніяхъ письма, которыми слѣдовало бы на первый случай удовольствоваться. Этимъ воспользовалось датское министерство просвѣщенія и издало циркуляръ сперва къ ректорамъ ученыхъ школъ (классическихъ гимназій), а потомъ и къ низшимъ училищамъ о принятіи въ руководство правилъ, изложенныхъ въ помянутомъ *Мнѣніи*. Тогда же напечатанъ былъ на этомъ основаніи орфографическій словарь[2] одобренный министерствомъ.

Въ Швеціи, еще прежде нежели появился отчетъ о съѣздѣ, заключенія его встрѣтили рѣзкое противорѣчіе со стороны сильнаго авторитета, именно академика Рюдквиста, котораго изслѣдованія о законахъ шведскаго языка («Svenska Språkets lagar») составили эпоху въ разработкѣ исторіи его. Въ то время онъ трудился надъ 4-мъ томомъ ихъ. Заключенія съѣзда, поверхностно сообщенныя въ газетной статьѣ, подали этому ученому поводъ сообщить новому отдѣлу своего труда полемическій характеръ и издать эту часть особо подъ заглавіемъ «Законы звуковъ и законы письма». Не отвергая нѣкоторыхъ улучшеній въ шведской орфографіи, авторъ находитъ однакожъ, что она уже и въ настоящемъ видѣ своемъ представляетъ удовлетворительное по возможности соглашеніе противоположныхъ началъ и, бывъ твердо установлена, можетъ только пострадать въ своемъ единообразіи отъ нововведеній, которыя, за исключеніемъ весьма немногихъ, кажутся ему излишними. Сверхъ того, въ стараніи сблизить правописаніе двухъ языковъ, г. Рюдквистъ увидѣлъ стремленіе подчи-

[1] Ср. Датчанина Роусинга: Retskrivnings-Spørgsmaalet i dets Betydning for Literaturen og Folket, af Prof. K. Rovsing. Kjøbenhavn 1871. («Орфографическій вопросъ въ его значеніи для литературы и народа»). Стр. 26.

[2] Dansk retskrivnings-ordbok, извѣстнаго Грундтвича († 1872): 2-е изданіе соглашено съ *Мнѣніемъ*.

нить шведскій вліянію датскаго, — подобное тому, что представилось многимъ и въ Даніи, только въ обратномъ смыслѣ.

Книга г. Рюдквиста вызвала къ энергическому отпору секретаря по шведскому отдѣлу съѣзда, г. Гацеліуса, который прежде напечатанія своего обширнаго отчета издалъ особую брошюру «Объ основаніяхъ правописанія вообще съ примѣненіемъ къ шведскому языку»[1]. Въ обѣихъ книгахъ авторъ весьма рѣзко, хотя и съ полнымъ уваженіемъ къ своему ученому противнику, опровергаетъ его возраженія. Не вдаваясь въ подробности этого любопытнаго спора, замѣчу только, что г. Гацеліусъ не безъ пристрастнаго увлеченія ратуетъ за торжество фонетическаго начала, тогда какъ г. Рюдквистъ, также съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, отстаиваетъ элементъ историческій и обычай. Полемика эта отозвалась и въ періодической литературѣ. Вообще говоря, орфографическая реформа нашла въ Швеціи сочувствіе, такъ что многія изъ предположенныхъ на съѣздѣ измѣненій безпрестанно встрѣчаются въ печати. Особенно весьма распространенная газета Aftonblad приняла эту реформу къ сердцу и представила цѣлый рядъ статей, написанныхъ въ пользу ея. Редакторъ совѣтуетъ всѣмъ принять не обинуясь новое правописаніе и утверждаетъ, что предлагаемыя начертанія (напр. där вм. der, stjärna вм. stjerna, torsdag вм. thorsdag, fälde вм. fällde, kvinna вм. qvinna) только въ первые дни будутъ колоть глаза, а потомъ сдѣлаются до того привычными, что напротивъ, прежняя орфографія будетъ казаться безобразной и нелѣпой. Чѣмъ кончится борьба стараго съ новымъ, трудно рѣшить заранѣе; достовѣрно только то, что покуда въ шведскомъ правописаніи царитъ такая пестрота, какой въ немъ прежде никогда не бывало.

Въ дополненіе нашего обзора орфографіи у другихъ европейскихъ народовъ надобно упомянуть и о тѣхъ мѣрахъ, которыя правительства въ разныхъ государствахъ неоднократно считали

[1] A. Hazelius. Om rättstafningens grunder med särskildt afseende på svenska språket.

нужнымъ принимать по этой отрасли народнаго образованія. Мы уже видѣли, въ самое недавнее время, подобное явленіе въ Даніи. Такимъ же образомъ и въ Испаніи, по утвержденіи академіею орфографической системы (см. выше стр. 165), правительство предложило ее ко всеобщему употребленію. Позднѣе примѣры такихъ распоряженій администраціи представили между прочимъ Баварія, Виртембергъ и Ганноверъ. По поводу того, что́ было сдѣлано въ послѣдней изъ этихъ странъ, Рудольфъ Раумеръ высказалъ слѣдующія любопытныя замѣчанія, доказывающія, какъ велика въ Германіи орфографическая рознь: «Вопросъ, въ какое отношеніе училищная администрація должна стать къ орфографіи, очень труденъ». «Конечно нелѣпо было бы», продолжаетъ тотъ же ученый, «если бы какое-нибудь правительство вздумало предписывать частнымъ лицамъ, какой орфографіи они должны держаться въ своихъ письмахъ, или и въ печатныхъ трудахъ. Но совсѣмъ не таково положеніе администраціи относительно общественныхъ учебныхъ заведеній. Правда, и здѣсь не для чего заботиться объ орфографіи, пока рѣчь идетъ о немногихъ спорныхъ словахъ» (какъ у насъ въ Россіи). «Но совсѣмъ другое дѣло, когда вопросъ коснется измѣненія самыхъ началъ орфографіи, когда задумаютъ устранить большую часть употребительныхъ начертаній и замѣнить ихъ новыми. Тутъ администрація, какъ бы ни уважала она личную свободу каждаго, скоро убѣдится въ необходимости тѣмъ или другимъ способомъ принять въ дѣлѣ участіе, — не потому, что бы администрація обладала высшимъ научнымъ знаніемъ, а потому что въ педагогіи множество лицъ работаютъ вмѣстѣ для достиженія той же цѣли, и слѣдовательно нужна извѣстная степень гармоніи между сотрудниками для того, чтобы предположенная цѣль дѣйствительно могла быть достигнута. Что тутъ тѣмъ или другимъ путемъ непремѣнно надобно притти къ соглашенію, это оказывается теперь въ разныхъ пунктахъ Германіи. Сильнѣе всего такая потребность ощущается между учителями одного и того же заведенія. Невыносимо положеніе, когда въ училищѣ преподаватель одного класса провозглашаетъ оши-

бочнымъ и всячески старается изгнать письмо, которое учитель предшествующаго класса съ такимъ же усердіемъ вбилъ въ голову ученикамъ. Изъ потребности въ подобномъ соглашеніи проистекли руководства, изданныя въ разныхъ городахъ Германіи. Но соглашеній между учителями одного и того же заведенія или и нѣсколькихъ однородныхъ училищъ еще недостаточно. Тутъ-то именно и связаны между собой интересы самыхъ разнообразныхъ заведеній. Положимъ напр., что между гимназіями состоялось такое-то соглашеніе, а между элементарными училищами другое, существенно отличающееся отъ перваго: въ такомъ случаѣ ученики, поступая изъ элементарныхъ училищъ въ гимназіи, должны бы совершенно переучиться правописанію, и трудъ, употребленный ихъ прежними учителями, оказался бы вполнѣ безполезнымъ. Поэтому очень понятно, что заботливыя учебныя начальства, подобно ганноверскому въ 1855 и 1857 годахъ, стараются офиціальнымъ вмѣшательствомъ вводить порядокъ въ этотъ хаосъ»[1].

Наконецъ, въ Бельгіи, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1868 году назначена была комиссія для установленія фламандскаго правописанія. Мы не имѣли случая узнать ни заключеній этой комиссіи, ни послѣдствій ихъ, но намъ извѣстны соображенія, высказанныя министромъ въ первоначальномъ докладѣ его: «Ходатайствуя объ этомъ, говоритъ онъ, я далекъ отъ намѣренія принудительно ввести офиціальную орфографію, но важно, чтобъ было согласіе между системою письма, преподаваемаго въ училищахъ, и системой, принятою филологами и литераторами, которые одни въ состояніи правильно судить объ этомъ дѣлѣ. Итакъ предполагаемая мною комиссія должна изыскать средства къ достиженію желаемаго единства. Правительство, разсмотрѣвъ ея трудъ и вовсе не стѣсняя частной свободы, приметъ и предложитъ, въ предѣлахъ своей власти, правила, какія установитъ комиссія. Достаточно будетъ, я въ томъ убѣжденъ,

[1] R. von Raumer. Gesamm. sprachw. Schriften. Стр. 300, 301.

нравственнаго ея авторитета, чтобы согласить самыя разнородныя мнѣнія и привести къ единообразной системѣ всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ фламандскимъ письмомъ»[1].

Общіе выводы.

Соображая все, что представляютъ намъ исторія и настоящее положеніе орфографическаго вопроса въ другихъ странахъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

Правописаніе, какъ и всякое другое проявленіе умственной жизни, не остается неподвижнымъ: оно развивается постоянно, хотя и медленно, но не по какой-либо заранѣе опредѣленной теоріи, а подъ вліяніемъ множества одновременно и послѣдовательно дѣйствующихъ обстоятельствъ, пока наконецъ надолго установится обычай, обращающійся въ законъ, такъ что вмѣсто: usus norma loquendi, можно сказать и такъ: usus norma scribendi.

Такое установленіе орфографіи совершается особенно путемъ литературы и школы послѣ появленія словаря и грамматики. Дальнѣйшій ходъ дѣла главнымъ образомъ зависитъ отъ развитія науки слова; но и ея двигатели могутъ улучшать правописаніе только тогда, когда въ общемъ его характерѣ соображаются съ обычаемъ, довольствуясь постепенными и не слишкомъ крутыми преобразованіями. Это доказывается неудачею или, по крайней мѣрѣ, неполнымъ успѣхомъ нововведеній такихъ авторитетовъ, каковы были Вольтеръ во Франціи, Гриммъ въ Германіи, Раскъ въ Даніи. У насъ также не принялись нѣкоторыя орфографическія соображенія Ломоносова и, позднѣе, Павскаго. Напротивъ разумное правописаніе Карамзина, основанное, съ небольшими лишь измѣненіями, на общихъ началахъ прежняго письма и распространенное общепринятыми учебниками Востокова и Греча, утвердилось прочно на цѣлыя десятилѣтія. Для массы всего обязательнѣе привычка; затѣмъ новизна, по чему-либо кажущаяся удачною или отвѣчающая современному настроенію, прививается

[1] Didot. Observations &c., стр. 378.

легче нежели нововведеніе, хотя и основательное, но требующее серіознаго соображенія. «Тотъ, кто возьмется исправить правописаніе какого-нибудь народа», говоритъ датчанинъ Петерсенъ «и при этомъ пойдетъ противъ теченія, можетъ на вѣчныя времена ожидать лишь неблагодарности»[1].

Такимъ-то образомъ мы почти нигдѣ не находимъ одной правильно и послѣдовательно развившейся системы правописанія. Южно-романскіе языки, составляющіе въ значительной мѣрѣ изъятіе изъ общаго явленія, обязаны тѣмъ не столько благопріянымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, сколько своему строю.

Распространенная въ наше время мысль, что фонетическая орфографія есть идеалъ, къ которому должны стремиться всѣ языки, эта мысль въ теоріи прекрасна, но, какъ часто бываетъ, она расходится съ практикой и едва ли осуществима[2]. Почти вездѣ письмо не въ точности слѣдуетъ за произношеніемъ по разнымъ причинамъ: самая простая изъ нихъ та, что азбука, бывъ заимствована у другого народа, по большей части не вполнѣ отвѣчаетъ звукамъ языка. Кромѣ того слова въ живой рѣчи мало по малу измѣняются, а начертанія ихъ остаются прежнія, или, при быстрыхъ колебаніяхъ языка отъ внѣшнихъ обстоятельствъ (какъ было въ Англіи отъ слѣдовавшихъ одно за другимъ завоеваній), правописаніе мѣняется прежде нежели успѣетъ установиться, или наконецъ, оно усложняется отъ стремленія пишущихъ означать въ начертаніяхъ происхожденіе словъ, какъ было во Франціи. Уничтожить дѣло исторіи, изгладить слѣды ея въ правописаніи столько же трудно, какъ и во всякой другой области жизни. Фонетическая орфографія дѣйствительно представляетъ

---

[1] N. M. Petersen. Bidrag til den Danska Literaturen. IV, стр. 369.

[2] Нѣмецкіе лингвисты, начиная съ 17-го столѣтія и донынѣ, безуспѣшно провозглашали правило: «Пиши какъ говоришь» (разумѣя правописаніе). Это правило признавали: Шоттель, Готшедъ, Клопштокъ. Его не оспаривали и противники послѣдняго, Аделунгъ и Фоссъ (R. v. Raumer, Gesam. sprachw. Schr., 115). Таковъ же смыслъ брошюры: Das Wesen der Lautschrift, von Dr. K. Panitz. Weimar 1865, которая нашла и въ Швеціи усердныхъ послѣдователей.

большія преимущества для народнаго обученія, но она не можетъ быть создана наперекоръ ходу развитія письма въ данной странѣ. Приблизить письмо къ произношенію удается только въ той мѣрѣ, въ какой это согласно съ коренными условіями его прошедшаго. Для осуществленія идеала звуковой системы необходимо было бы періодически обновлять устарѣвшія начертанія[1].

Попытки измѣненій въ письмѣ должны быть предпринимаемы съ величайшею осторожностію, потому что нарушить единообразіе его очень легко, но ничего нѣтъ труднѣе какъ удачно замѣнить нововведеніями общепринятыя начертанія, да и какъ распронить поправки между тысячами людей, для которыхъ старая привычка обратилась уже во вторую природу?

Такая осторожность нужна особенно въ школѣ. Задача школы — передавать каждую отрасль вѣдѣнія въ ея настоящемъ положеніи: иначе ученикъ въ опасности вмѣсто истинныхъ знаній пріобрѣсти запасъ мудрованій и догадокъ своего учителя, которыя впослѣдствіи окажутся непригодными для жизни. Подвигать и развивать науку не есть дѣло школьнаго учителя. Прежде нежели новые результаты ея могутъ быть допущены въ школу, они должны быть одобрены зрѣлою критикой и провѣрены опытомъ. Къ сожалѣнію, въ письмѣ строгая аналогія и логическая послѣдовательность почти никогда не одерживаютъ полной побѣды надъ своеволіемъ и несообразностями обычая, и оконча-

---

[1] О невозможности осуществить на дѣлѣ фонетическое письмо очень умно разсуждаетъ г. Таузингъ, на этотъ разъ противъ проф. Брюкке, увлекшагося, подобно многимъ, мечтою составить фонетическій алфавитъ для всѣхъ языковъ. «Положимъ, говоритъ его критикъ, что была бы возможность, были бы и средства: какой смыслъ имѣла бы нынче замѣна нашего національнаго письма хотя бы и самымъ лучшимъ фонетическимъ алфавитомъ? Дальнѣйшія превращенія языковъ этимъ нисколько не остановились бы...; оставалось бы только перенести измѣнчивость языка въ его образованіи на самое письмо, которое до сихъ поръ оказывало намъ столько охранительной пользы. Въ какой хаосъ противорѣчій и путаницы вовлекло бы насъ преслѣдованіе такой задачи, о томъ не станемъ и распространяться. Это было бы совершенно излишне, такъ какъ нельзя и предполагать, чтобы такой проектъ получилъ практическое значеніе для Европы» (Thausing, стр. 121).

тельно правописаніе оказывается въ значительной степени дѣломъ укоренившейся практики или рутины[1]. Тѣмъ не менѣе наука должна стремиться къ уясненію основаній, по которымъ слова пишутся такъ или иначе, направлять и исправлять обычай, бороться съ его произволомъ и вводить въ письмо законъ и единство, соглашая, насколько это возможно, противорѣчащія другъ другу начала. Это особенно нужно, когда, въ слѣдствіе частныхъ нарушеній давняго обычая, мало по малу заведутся въ нѣкоторыхъ случаяхъ двоякія начертанія.

По замѣчанію Якова Гримма, письмо, это драгоцѣнное средство схватывать и распространять летучее слово, должно для всѣхъ народовъ составлять одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ. Разнообразіе въ письмѣ потому предосудительно, что признаваемое однимъ за правильное другому кажется ошибочнымъ, и для большинства возникаетъ сомнѣніе: что же предпочтительно? кому слѣдовать? Отсюда требованіе разумно-установленнаго правописанія. Языкъ есть достояніе цѣлаго народа, одинъ для всѣхъ, кѣмъ онъ употребляется, и нѣтъ причины допускать разногласіе въ рѣшеніи вопросовъ, на которые отвѣта должно искать въ однихъ и тѣхъ же законахъ. Еще Сумароковъ очень умно сказалъ: «Правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова»[2].

Все это неоспоримо; но здѣсь только одна сторона медали: на оборотной является множество такихъ причинъ разнообразія, которыя вполнѣ устранить едва ли возможно. Когда въ правописаніи господствуютъ рядомъ одно съ другимъ два начала, то возникаетъ вопросъ: гдѣ и какъ провести рѣзкую черту законности между тѣмъ и другимъ? При преобладаніи этимологическаго элемента, какъ отвратить естественное разногласіе въ объясненіи производства нѣкоторыхъ словъ? Поэтому, какъ ни разумно требованіе единообразія въ правописаніи, это требованіе не должно

---

[1] Rovsing. Retskrivnings-Spørgsmaalet. Стр. 26.

[2] Соч. Сумарокова. Ч. X, стр. 32.

быть безусловно. Надобно умѣть отличать важныя разногласія отъ неважныхъ. Несоблюденіе этого правила уже не разъ было причиною слишкомъ строгихъ оцѣнокъ и несправедливыхъ взысканій въ школѣ. Всѣмъ, и особенно экзаминаторамъ, полезно было бы помнить замѣчаніе, принятое въ руководство первыми составителями словаря Французской академіи: «Въ большей части языковъ правописаніе не такъ твердо установлено, чтобы не было многихъ словъ, которыя могутъ быть написаны двумя разными, но одинаково хорошими способами, при чемъ случается, что одинъ изъ нихъ менѣе другого употребителенъ, но также не заслуживаетъ охужденія»[1]. При авторитетѣ, который впослѣдствіи пріобрѣла во Франціи принятая академическимъ словаремъ орфографія, это замѣчаніе утратило тамъ свою силу, но у насъ, при отсутствіи такого внѣшняго критеріума, оно навсегда сохранитъ свою неоспоримую справедливость. Положительныя ошибки не должны быть терпимы, грубыя заслуживаютъ строго осужденія, но если ученикъ напишетъ напр. *свѣденіе* вм. *свѣдѣніе*, *жолтый* вм. *желтый*, *возрасло* вм. *возросло*, *лице* вм. *лицо*, то разсудительный учитель конечно не вмѣнитъ ему въ преступленіе такихъ начертаній. Важно только, чтобы пишущій умѣлъ отдавать отчетъ въ томъ, что онъ пишетъ. Если его основаніе неправильно, то пусть ему объяснятъ это, но всякая сознательная причина имѣетъ право на вниманіе. Итакъ, требуя въ правописаніи единообразія и стремясь къ нему, будемъ однакожъ остерегаться педантизма, который во всякомъ частномъ и мелочномъ отступленіи отъ принятыхъ нами начертаній видитъ грамматическую ересь и непростительное невѣжество.

Общій взглядъ на русское правописаніе.

У насъ вошло въ обычай жаловаться на трудность, неопредѣленность и шаткость русскаго правописанія; но если безпристрастно сравнимъ его съ правописаніемъ большей части другихъ

[1] A. F. Didot. *Observations* и проч., стр. 24.

народовъ, то убѣдимся, что наше, по своей простотѣ, точности и ясности, должно быть признано однимъ изъ самыхъ удовлетворительныхъ. Главную трудность при изученіи его составляетъ буква Ѣ, для употребленія которой нѣтъ никакого указанія въ выговорѣ, не отличающемъ ея отъ Е; но число коренныхъ словъ съ буквою Ѣ вовсе не велико (они исчислены въ грамматикахъ), а затѣмъ въ производныхъ и составныхъ словахъ уже не трудно знать ея мѣсто; что же касается употребленія этой буквы въ грамматическихъ окончаніяхъ, то на это есть точныя правила. Наконецъ она ставится условно въ нѣсколькихъ случаяхъ, которые запомнить не особенно трудно. Случаи употребленія Ѣ у насъ довольно твердо опредѣлены, и въ этомъ отношеніи не замѣтно большого разногласія. Сверхъ того въ нашемъ письмѣ есть и множество другихъ правилъ, соблюдаемыхъ всѣми съ величайшею точностью. Таковы особенно тѣ, которыя основаны на условномъ соглашеніи, напр. въ имен. пад. множ. ч. прилаг. именъ всѣ безпрекословно пишутъ въ муж. р. Е, въ жен. и средн. Я; всѣ ставятъ І передъ гласной, И передъ согласной, всѣ пишутъ двояко, смотря по значенію, *миръ* и *міръ*. Далѣе въ весьма многихъ случаяхъ очень постоянно соблюдается общепринятое правописаніе въ предѣлахъ *этимологическаго* или *фонетическаго* начала. Такъ никто вопреки первому не напишетъ: *рапъ* (вм. рабъ), *готъ* (вм. годъ) и т. п., ни одинъ образованный человѣкъ не позволитъ себѣ написать *драцца* или *дратца* вм. *драться*, или *смеёшса* вм. *смѣешься;* или *зделать*, *оддать*, *потписать*, *бутто*, *свѣцкой*, вм. *сдѣлать*, *отдать*, *подписать*, *будто*, *свѣтскій;* или *хто*, *штопъ*, *нарошно*, вм. *кто*, *чтобъ*, *нарочно*; съ другой стороны, и наперекоръ фонетическому началу никто не рѣшится писать: *изкуство*, *возкресенье*, *разходъ*, или *двадсять* (вм. двадцать); равнымъ образомъ рѣдко кто согласно съ этимологіей напишетъ: *мягкій*, *кдѣ*, *сдѣсь*, *весдѣ* (вм. *мягкій*, *гдѣ*, *здѣсь*, *вездѣ*).

Въ чемъ же собственно заключаются разногласія нашего письма? Они могутъ быть раздѣлены на два разряда. Одни происходятъ только отъ недоразумѣній и потому могутъ быть устра-

нены надлежащимъ разъясненіемъ; причиною другихъ — неодинакій взглядъ на предметъ, и тутъ, конечно, возможно двоякое рѣшеніе вопроса. Къ числу первыхъ разногласій я отношу, напр. написаніе прилагательныхъ: *болѣнъ* и *видѣнъ* съ буквою Ѣ вмѣсто Е, или глаголовъ: *сыплятъ, дремлятъ, надѣятся, морочутъ*, съ неправильнымъ окончаніемъ, вмѣсто *сыплютъ, дремлютъ, надѣются, морочатъ*. Всякаго серіозно относящагося къ дѣлу легко убѣдить, что первая орфографія просто ошибочна.

Разногласія другого рода зависятъ: 1, отъ того, что въ сферѣ этимологическаго письма составъ или образованіе словъ толкуется различно (напр. *разсчетъ* и *разчетъ*, *четвергъ* и *четверкъ*, *смѣта* и *смета*); 2, отъ желанія приблизить начертаніе къ произношенію и тѣмъ перевести слово на почву фонетической орфографіи, когда напр. послѣ шипящихъ буквъ, въ ударяемыхъ слогахъ, пишутъ О вм. Е (*учоный, жжошь, просвѣщонъ, счотъ*); 3, отъ неодинаковаго пониманія условій передачи иностранныхъ словъ въ русскомъ письмѣ (*коммиссія, коммисія, комиссія, комисія*); 4, отъ различнаго взгляда на назначеніе прописныхъ буквъ въ началѣ словъ: *Славяне* и *славяне*, *Московскій* и *московскій*, и 5, отъ разномыслія относительно надобности писать слитно или раздѣльно слова, образующія вмѣстѣ одно понятіе и потому принимаемыя многими, въ этомъ соединеніи, за составные предлогъ или нарѣчіе, каковы напр. слова: *въ слѣдствіе, въ замѣнъ, въ старину, по прежнему, со временемъ*, которыя пишутся то врознь, то слитно.

Всѣ эти разнорѣчія письма будутъ въ своемъ мѣстѣ разсмотрѣны подробнѣе, но здѣсь мнѣ остается еще пополнить свои замѣчанія объ общемъ характерѣ нашего письма. Выше уже было показано, что въ немъ преобладаетъ элементъ *историко-этимологическій* и что самая сущность русской азбуки, въ слѣдствіе ея происхожденія, не позволяетъ думать о коренномъ преобразованіи нашего письма въ фонетическомъ смыслѣ. Оно невозможно совсѣмъ не потому, — какъ обыкновенно думаютъ, — что въ Россіи множество отличающихся въ звуковомъ отношеніи нарѣчій и мѣстныхъ говоровъ (ибо письменный языкъ обязанъ согласо-

ваться только съ образованною рѣчью), а именно потому, что у насъ и въ образованной-то рѣчи, и въ ней преимущественно, много звуковъ неопредѣленныхъ, неявственныхъ, для которыхъ недостаетъ буквъ, а создавать теперь новыя буквы было бы уже поздно и безуспѣшно.

Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ замѣчаній, стóитъ только попробовать прочитать хоть нѣсколько строкъ любого русскаго текста по слогамъ точно такъ, какъ онѣ написаны, а потомъ постараться написать эти же строки совершенно согласно съ произношеніемъ. При первой части опыта всякій удивился бы, до какой степени письмо наше расходится съ дѣйствительными звуками языка, а при послѣдней увидѣлъ бы, что нынѣшняя наша неполная азбука вовсе не допускаетъ строго-фонетическаго письма [1].

Къ поддержанію въ нашемъ правописаніи этимологическаго начала не могло не способствовать и то обстоятельство, что русскій языкъ болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій сохранилъ въ цѣлости и чистотѣ звуковой составъ своихъ словъ. Звуки въ немъ часто видоизмѣняются, смягчаются, правильно подвергаются извѣстнымъ превращеніямъ, но рѣдко выпадаютъ или теряютъ слѣды своего происхожденія; законы ихъ переходовъ просты, ясны, очевидны, и потому естественно, что письмо стремится къ наглядному отраженію процесса звуковыхъ превращеній. Для сравненія достаточно указать на сербскій языкъ, который систематически такъ исказилъ множество звуковъ, что въ его словахъ трудно и узнавать первоначальную форму, въ слѣдствіе чего то же искаженіе перенесено и въ правописаніе. Живучестью своихъ формъ русскій языкъ можетъ быть отчасти обязанъ и тому, что рядомъ съ нимъ, въ высшей сферѣ жизни, продолжаетъ свое существованіе церковно-славянскій; послѣдній, естественно, оставался неподвиженъ въ своихъ формахъ, а въ виду ихъ и русскій письменный языкъ долженъ былъ въ нѣкоторой степени сдерживать свое поступательное движеніе.

[1] Г. Рюдквистъ замѣчаетъ, что и никакое фонетическое письмо не можетъ выполнить всѣхъ требованій, не можетъ въ точности передать всѣхъ особенностей и тонкостей выговора въ живомъ языкѣ. (*Ljudlagar och skriflagar*, стр. 18).

Такимъ образомъ перевѣсъ этимологическаго элемента въ нашемъ письмѣ находитъ себѣ оправданіе въ исторіи и пріобрѣтаетъ въ глазахъ науки несомнѣнную законность. Еще болѣе примиримся мы съ нимъ, если вникнемъ въ существенное отличіе письма отъ живой рѣчи: въ послѣдней языкъ дѣйствуетъ непосредственно на слухъ, и содержаніе рѣчи мгновенно переходитъ въ наше сознаніе, между тѣмъ какъ при письмѣ мысль путемъ зрѣнія медленнѣе передается сознанію въ знакахъ, имѣющихъ прочность и потому гораздо болѣе подлежащихъ нашему разбору.

По какой бы системѣ мы ни писали, орѳографія есть *теоретическое* воспроизведеніе звуковъ рѣчи для зрѣнія: начертаніе слова не можетъ происходить безъ нѣкотораго размышленія, и естественно, что мы изображаемъ его на основаніи не того только, *что́* слышимъ, но и того, *ка́къ* понимаемъ составъ слышимаго. «Мы пишемъ для того, чтобы другой (а такимъ становимся мы сами черезъ минуту послѣ начертанія звука) вполнѣ понималъ и легко сознавалъ написанное нами слово»[1]. Изъ всего, что́ пишется, только наименьшая доля воспроизводится голосомъ для слуха; большею частью чтеніе происходитъ безмолвно. Отсюда ясно, что цѣль письма — не одно воспроизведеніе звуковъ языка, но и удовлетвореніе постигающаго языкъ ума посредствомъ органа зрѣнія. Грамота есть прежде всего орудіе изученія самаго языка. Начертаніемъ первой буквы уже начинается анализъ его: естественно при письмѣ отдавать себѣ отчетъ въ составѣ каждаго слова. Знакомясь съ образованіемъ словъ, пишущій самъ чувствуетъ потребность передавать и видѣть въ ихъ начертаніяхъ отраженіе своего пониманія. Здѣсь кстати припомнить приведенное выше (стр. 161) дѣльное замѣчаніе г. Дидо́ о неудобствѣ ввести фонетическое правописаніе для языка, на которомъ литература уже нѣсколько столѣтій употребляла этимологическое письмо, и исторія котораго неразрывно связана съ исторіею самого народа.

«Цѣль правописанія, говоритъ г. Раумеръ, есть ясное начер-

---

[1] Lefmann. Ueber deutsche Rechtschreibung.

таніе образованнаго языка простѣйшими средствами»[1]. Подъ простѣйшими средствами онъ разумѣетъ такія, которыя сберегаютъ наиболѣе труда и времени. Соглашаясь съ этимъ опредѣленіемъ въ самомъ общемъ смыслѣ, нельзя однакожъ оставить его безъ нѣкотораго видоизмѣненія относительно языковъ, въ которыхъ вѣками установилось этимологическое письмо. Въ примѣненіи къ русскому придется дать приведенному опредѣленію такую форму: «Цѣль нашего правописанія, *согласно съ его историческимъ развитіемъ*, — изображать образованный языкъ ясно и *отчетливо*, пользуясь *по возможности* простѣйшими средствами, *но такъ, чтобы въ начертаніяхъ, сходно съ обычаемъ, видны были слѣды происхожденія и состава словъ*». Это будетъ совершенно согласно съ мыслью, выраженной Ломоносовымъ, когда онъ, еще не отдавая себѣ полнаго отчета въ теоріи нашего правописанія, чрезвычайно мѣтко попалъ однакожъ на истину, опредѣливъ сущность орфографіи по преимуществу этимологической, но отчасти и фонетической, словами: «Въ правописаніи наблюдать надлежитъ: 1, чтобы оно не удалялось много отъ чистаго выговору; и 2, чтобы не закрылись со всѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій»[2]. Иначе смотритъ на дѣло авторъ превосходнаго впрочемъ изслѣдованія о звукахъ, сербскій ученый, г. Новаковичъ. Съ точки зрѣнія счастливой орфографіи своего языка онъ, между множествомъ остроумныхъ и вѣрныхъ замѣчаній о европейскихъ способахъ письма, произноситъ слѣдующее нѣсколько одностороннее сужденіе объ историческомъ правописаніи: «Если иногда встрѣтится затрудненіе, вопреки обновленному или хоть нѣсколько измѣненному народному говору, соблюсти историческое изображеніе слова въ древней формѣ, то на помощь является страсть къ этимологизаціи. Обыкновенно думаютъ, что въ написанныхъ словахъ не позволено означать всѣхъ звуковыхъ измѣненій, чтобы не затемнить корня и не затруднить пониманія. Отъ того напослѣдокъ происходитъ, что письмо не служитъ болѣе или менѣе тран-

[1] R. v. Raumer. Gesam. sprachw. Schriften. Стр. 170.
[2] Грамм., § 108.

скрипціей говора, чѣмъ бы слѣдовало ему быть, а дѣлается какимъ-то полуматематическимъ означеніемъ этимологико-историческихъ формулъ»[1]. Вслѣдъ за усердными поборниками чисто-фонетическаго правописанія г. Новаковичъ повторяетъ, что при господствѣ производственнаго начала, къ простой и единственной цѣли всякаго письма — изображенію звуковъ — примѣшиваются совершенно будто бы чуждыя ему цѣли этимологіи и исторіи языка. Но развѣ можно такимъ образомъ строго раздѣлять стихіи познанія родного языка, безотчетно сливающіяся при воспроизведеніи на письмѣ словъ, пониманіе которыхъ въ отношеніи къ ихъ корню и составу доступно и любопытно всякому сколько-нибудь мыслящему лицу той же націи. Максъ Мюллеръ весьма справедливо замѣтилъ, что «человѣческому духу присуща потребность въ этимологіи, сродно влеченіе прямымъ или кривыми путями узнавать, почему то или другое называется именно такъ, а не иначе». По мнѣнію знаменитаго оксфордскаго филолога, потребность эта такъ сильна, что въ слѣдствіе ея «слова́ подвергаются даже измѣненіямъ, чтобы сдѣлаться понятными, и если два первоначально различныя сло́ва на дѣлѣ смѣшались въ одно, то является надобность въ поясненіи, и оно охотно дается, чтобы устранить всякое недоразумѣніе»[2]. Эти замѣчанія М. Мюллера, хотя онъ прежде и высказался въ пользу фонетической орфографіи, могутъ служить сильнымъ подкрѣпленіемъ доводовъ въ защиту этимологическаго письма.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перехожу къ разсмотрѣнію частностей русскаго правописанія въ двухъ отношеніяхъ: 1, историческомъ, 2, теоретическомъ.

Сперва прослѣдимъ главныя явленія въ ходѣ развитія употребительной нынѣ орфографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разныя попытки преобразованія нашей азбуки. Затѣмъ обратимся къ вопросамъ, которыхъ обсужденіе составляетъ главный предметъ нашего изслѣдованія.

---

[1] *Физiологиjа гласа и гласови српскога jезика*, лингвистичка студиjа Стоjана Новаковича. У Београду 1873. Стр. 103.

[2] *Die Wissenschaft der Sprache.* II Serie. (Переводъ Бётгера). Стр. 486.

IV. Очеркъ исторіи русскаго правописанія.

Русское правописаніе въ обширномъ смыслѣ начинается съ первыхъ памятниковъ письменности, возникшихъ въ Россіи; особенности церковно-славянскаго письма, развившіяся на этой почвѣ, уже составляютъ отличительныя черты русскаго правописанія. Но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ только о томъ періодѣ его, началомъ котораго было введеніе при Петрѣ Великомъ гражданской печати.

О постепенномъ образованіи новой азбуки сообщены уже свѣдѣнія выше (см. стр. 125). Естественно, что въ первопечатныхъ книгахъ гражданскаго шрифта, при неизбѣжномъ смѣшеніи церковнаго языка съ мірскимъ, и самое правописаніе явилось въ хаотическомъ состояніи, изъ котораго могло выбиться только мало по малу. Попытки къ болѣе твердому установленію его могли сдѣлаться успѣшнѣе только съ оживленіемъ литературы, съ появленіемъ первыхъ мыслящихъ писателей, и при этомъ должны были обнаружиться несогласія. Дѣйствительно, такая эпоха борьбы для русскаго правописанія настала въ царствованіе Елисаветы Петровны, когда на литературной аренѣ одновременно подвизались три разнохарактерные писателя, каждый съ своимъ особымъ взглядомъ на дѣло орѳографіи —

Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ.

Жаркіе споры произошли особенно между двумя первыми. Сущность противоположныхъ теорій ихъ состояла въ томъ, что Тредьяковскій [1] хотѣлъ перестроить русское правописаніе на фонетическомъ основаніи, съ коренными нововведеніями; а Ломоносовъ, понявъ историческій характеръ нашего письма и держась благоразумной середины, стоялъ, какъ мы уже видѣли, за примиреніе по возможности обоихъ началъ.

Тредьяковскій написалъ объ орѳографіи цѣлую книгу, которая

---

[1] Самъ онъ писалъ *Тредіаковскій*; но эта орѳографія, кажется, не принадлежала его роду, а проистекала изъ личныхъ его соображеній.

и была напечатана съ предлагаемыми имъ нововведеніями[1]. Они состоятъ въ слѣдующемъ: онъ вовсе не употребляетъ буквъ: И, Э, Щ, Ѳ, З, и вмѣсто ихъ ставитъ: I, Е, ШЧ, Ф, S; послѣдняя, по его мнѣнію, красивѣе З и болѣе отвѣчаетъ цѣли Петра Великаго сблизить русскую азбуку съ латинскою. Кромѣ того, для означенія двоегласнаго звука Е, Ѣ въ началѣ слога или слова онъ употребляетъ форму прописной буквы Е, и такимъ образомъ пишетъ, напр. Е*сть* (не отличая *есть* отъ *ѣсть*), *дво*Е и т. п. Въ другихъ случаяхъ онъ, однакожъ, оставляетъ неприкосновенною букву Ѣ, — почему, объяснено будетъ ниже. Наконецъ, онъ находитъ букву Г годною только для звука, слышимаго напр. въ словахъ *Господь*, *благо*, *богатый*; для твердаго же гортаннаго звука въ словахъ *городъ*, *голодъ*, *голый* и т. п. предлагаетъ особое видоизмѣненіе этой буквы (Г') подъ названіемъ *голь*. Впрочемъ замѣтимъ, что мысль объ этомъ нововведеніи въ первый разъ высказана была за 17 лѣтъ ранѣе въ русской грамматикѣ, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ при словарѣ Вейсмана и приписываемой Адодурову. «Иные», говорится здѣсь, «замѣтивъ недостатокъ буквы G, стали изображать ее литерою Г', какъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ до сего напечатанныхъ книгахъ. Итакъ было бы желательно, чтобы вошло въ обычай буквою Г всегда означать h, а буквою Г' — звукъ g»[2]. Тредьяковскій въ своемъ *Разговорѣ* ничего не упоминаетъ объ этомъ болѣе раннемъ заявленіи мысли, которую онъ выдаетъ за свою; предлагаемую букву онъ иначе называетъ *гаммою* и поясняетъ,

---

[1] «Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскімъ объ ортографіі старінной і новой». Спб. 1748. 464 нум. стр.

[2] Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon. St.-Petersburg 1731. Anfangs-Gründe der Russischen Sprache. — Подтвержденія словъ автора грамматики объ употребленіи въ печати предлагаемой имъ буквы мы не встрѣчали въ книгахъ указываемаго имъ времени. Въ 1731 году Тредіаковскій, только что возвратившійся изъ за границы, жилъ у Адодурова, который въ то время былъ еще академическимъ студентомъ (Пек. *Ист. А. Н.*, I, 504; II, 18). Поэтому возможно, что одинъ изъ нихъ заимствовалъ у другого выраженную въ *Разговорѣ* мысль о двоякомъ начертаніи для различнаго произношенія буквы Г.

что у нея «верьхній кончікъ молоточкомъ ѕдѣланъ»[1]. Основнымъ началомъ орфографіи Тредьяковскаго было требованіе, которое онъ горячо отстаивалъ: «писать по звонамъ» (т. е. держаться произношенія). Въ этомъ взглядѣ онъ шелъ такъ далеко, что писалъ напр. *порятку*, *свъцкой* (вм. *свътскій)*, *обрасцы*, *извъсно*, *кресъяне*, *скушно*, *книшка* и т. п.

Что касается теоріи Ломоносова, то особенно любопытно, что онъ не хотѣлъ вводить въ азбуку нѣкоторыхъ буквъ, которыя самъ употреблялъ и считалъ вообще позволительными въ употребленіи. Это были: I, Щ, Ю̂ (нынѣшнее Ё). Относительно двухъ первыхъ онъ объяснялъ, что I произносится одинаково съ И и употребляется только для четкости письма, а Щ состоитъ изъ двухъ звуковъ (ШЧ) и «не больше права имѣетъ быть въ азбукѣ какъ ѯ и ѱ». Сверхъ того онъ не признавалъ надобности въ буквахъ Э и Ѳ даже на практикѣ. Мнѣніе его объ излишествѣ ѳиты и особой буквы для изображенія звука, близкаго къ латинскому h, было уже выше изложено (см. стр. 134 и 140).

Рѣзкое разногласіе произошло между Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ по возникшему тогда вопросу объ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа, которыя до тѣхъ поръ писались въ этой формѣ какъ попало, то съ Е, то съ Я во всѣхъ родахъ. Тредьяковскій съ особеннымъ жаромъ доказывалъ, что въ мужескомъ родѣ они должны оканчиваться на ЫИ (ІИ), въ женскомъ на ЫЕ (ІЕ), въ среднемъ на ЫЯ (ІЯ). Ломоносовъ, напротивъ, стоялъ за правописаніе, принятое академическою типографіею, по показанію Тредьяковскаго, съ 1733 года: въ муж. Е, въ жен. и сред. Я[2]. Споры о томъ начались

---

[1] *Разговоръ*. Спб. 1748, стр. 380, 386. Въ первой части настоящаго труда мы, наоборотъ, позволили себѣ употреблять знакъ Г для звука, похожаго на h, какъ болѣе рѣдко встрѣчающагося въ русскомъ языкѣ.

[2] Тредьяковскій ошибочно утверждаетъ, что эта орфографія уже соблюдена въ книгѣ: *Меморіи или записки артиллерійскія*, соч. Сенъ-Реми, перев. съ фр. при его, Тредьяковскаго, участіи (Спб. 1732—1733): на повѣрку выходитъ, что здѣсь прилагательнымъ въ именит. множ. числа окончанія даются совершенно случайно. Вотъ примѣры: *славныя Авторы*, *станки суть разныя*,

между обоими писателями въ Академіи наукъ, еще въ 1746 году. Тредьяковскій сочинилъ тогда и представилъ въ конференцію цѣлое разсужденіе объ этомъ предметѣ, а Ломоносовъ написалъ возраженіе[1]. Позднѣе Тредьяковскій, въ *Разговорѣ* объ орфографіи, повторилъ съ тою же настойчивостью свои доводы въ пользу придуманныхъ имъ окончаній, которыя (хоть онъ и не упомянулъ о томъ) какъ разъ соотвѣтствовали окончаніямъ множ. числа латинскихъ прилагательныхъ: муж. I, жен. AE, сред. A. Напротивъ того, Ломоносовъ, въ своей *Грамматикѣ*, выразился по этому вопросу съ замѣчательною умѣренностью: «Е и Я, говоритъ онъ, нерѣдко за едино употребляются, особливо во множ. числѣ прилагательныхъ пишутъ *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ Е и Я въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обоихъ буквъ Е и Я, во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что Е приличнѣе въ мужескихъ, а Я въ женскихъ и среднихъ»[2]. Построенное на этомъ основаніи правило, какъ оно ни произвольно, такъ утвердилось мало по малу, что стало соблюдаться съ величайшею строгостью. Такова сила условныхъ соглашеній въ языкѣ: имъ обыкновенно подчиняются съ гораздо большею внимательностью, нежели многимъ дѣйствительнымъ законамъ его. Замѣтимъ однакожъ, что въ первое время ломоносовскому взгляду на окончанія прилагательныхъ не всѣ безпрекословно слѣдовали: между противниками его выдается особенно Сумароковъ, который во всѣхъ трехъ родахъ постоянно писалъ Я.

Во взглядѣ на общій характеръ русской орфографіи Ломоносовъ совершенно расходился съ Тредьяковскимъ. Послѣдній былъ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей фонетической си-

---

цѣльные пушки, *пороховые ящики*, *веревки которые*, *вещей которые*. Кстати, приведу еще нѣсколько образчиковъ правописанія этой книги: *ни одново*, *такова* (род. п. муж. рода), *о чомъ*, *щотъ*, *учоныхъ*, *щасливъ*, *очюнь*, *дватцать*, *на конецъ* (нарѣчіе), *по нынѣ*.

[1] Пекарскаго *Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова*, Спб. 1865, стр. 98—119.

[2] *Росс. Грам.* § 112.

стемы, что твердо вѣрилъ въ будущее торжество ея. «Я не отчаяваюсь, говорилъ онъ, чтобъ въ нѣкоторое время не сталі всѣ у насъ (такъ) пісать, ешче и учоныі, ізъ которыхъ катоноватѣйшіі, позвольте учоное слово, наібольше хорохорятся протівъ звоновъ»[1]. Съ своей стороны Ломоносовъ, на котораго явно мѣтятъ эти слова, выразилъ противоположное мнѣніе съ крайнею осмотрительностью, требуя только: «чтобы правописаніе не удалялось много отъ чистаго выговору и что бы не закрылись со всѣмъ слѣды производженія и сложенія реченій»[2].

Относительно буквы Ѣ Тредьяковскій, отъ лица одного изъ своихъ вымышленныхъ собесѣдниковъ, спрашиваетъ: «Для чего бы вмѣсто Ѣ не писать вездѣ Е?»[3], но рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, опасаясь, что въ противномъ случаѣ «воспослѣдуетъ превелікая гібель чістому нашему выговору, въ премногіхъ тысячахъ рѣчей»[4]: съ одной стороны, онъ очень хорошо понималъ, что въ произношеніи между Е и Ѣ нѣтъ никакой разницы (это нѣсколько разъ выражено въ *Разговорѣ*); но съ другой ему казалось, что если писать *тебе*, *победа*, *славе*, *верная*, *песнь*, *действо*, *крепко*, то всѣ будутъ произносить Е такъ, какъ эту букву въ серединѣ слова произносятъ Малороссіяне, т. е. безъ отонченія предыдущей согласной[5]. Основываясь на этомъ, онъ считалъ необходимымъ сохранить букву Ѣ, когда она слѣдуетъ за согласною. Мы уже видѣли, что въ началѣ слоговъ онъ замѣнялъ ее буквою Е.

Ломоносовъ отстаивалъ букву Ѣ безусловно. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, онъ различалъ, въ отношеніи къ вы-

---

[1] *Разговоръ объ ортографіи*, стр. 68 и 285 (изд. Смирдина).
[2] *Росс. Грам.* § 108.
[3] *Разговоръ*, стр. 41.
[4] Тамъ же, стр. 127.
[5] Въ этомъ опасеніи Тредьяковскаго было, очевидно, недоразумѣніе. Онъ не соображалъ, что передъ тонкою гласной, будетъ ли то И, или Э, согласная непремѣнно должна подвергнуться отонченію: всякая наша согласная можетъ быть только двоякая; напр. Л можетъ произноситься не иначе какъ либо ЛЪ, либо ЛЬ; но звука лъэ мы не имѣемъ, слѣд. можемъ имѣть единственно льэ или лэ = ле.

говору, *просторѣчіе* отъ *чтенія* и *предложенія рѣчей изустныхъ*. Несомнѣнное въ наше время тожество произношенія буквъ Е и Ѣ [1] признавалось имъ только во вседневномъ говорѣ, да и то не вполнѣ: онъ находилъ, что «буквы Е и Ѣ въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ въ Е дебелости, въ Ѣ тонкости» [2] (т. е. напр. съ каѳедры надобно произносить какъ бы *дэбэлый*, *бээзъ*, въ отличіе отъ вседневнаго выговора: *дебелый*, *безъ*, который сближаетъ эти слова съ произношеніемъ *бѣлый*, *бѣсъ*). Окончательно Ломоносовъ приходилъ къ такому заключенію: «Нѣкоторые покушались истребить букву Ѣ изъ азбуки Россійской [3]. Но сіе какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы Ѣ начать писать, а особливо печатать: то 1) тѣмъ, которые раздѣлять Е отъ Ѣ умѣютъ, не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ. 2) Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчіи Е отъ Ѣ явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія. 3) Уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр. *лечу*, *летѣть* отъ *лѣчу*, *лѣчить*; *пеню* имя въ винительномъ отъ *пѣню*, *пѣнишь*; *пенье*, *пеньевъ* отъ *пѣнье*, *пѣнья*; *пленъ*, родительный множественный отъ именительнаго *плена́*, отъ *плѣнъ*, то есть *поло́нъ*, которыя всѣ и другія многія сими двумя буквами различаются» [4].

Между особенностями ломоносовской орѳографіи сто́итъ замѣтить еще слѣдующія начертанія: *рассѣять*, *иссушить*; *ево*, *твоево*, *слѣпова*; *доброй*, *синей*, *хорошей* (въ имен. муж. рода единств. ч.), *Василей*; *дватцать*, *бутто*, *лутче*, *змей*, *съ перьва*.

Въ общемъ характерѣ нашего правописанія конечно восторжествовала система Ломоносова, но въ частностяхъ, не смотря на громкую славу этого писателя, его орѳографія ни при жизни его,

---

[1] См. выше, стр. 27 и 52.

[2] *Росс. Грам.* § 100.

[3] Можетъ-быть, намекъ на Тредьяковскаго, который хотѣлъ ограничить употребленіе Ѣ (см. выше, стр. 186).

[4] *Русс. Грам.* § 114.

ни послѣ не сдѣлалась общею. Насъ не можетъ удивлять, что и въ средѣ Академіи наукъ она не была вполнѣ принята; такъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера, которыя издавались во все послѣднее десятилѣтіе жизни Ломоносова, является правописаніе, не всегда согласное съ его грамматикой.

Бо́льшаго распространенія правописаніе Ломоносова могло ожидать отъ школы; но многіе ли учились по его грамматикѣ, да и каково было ученіе? Съ другой стороны, распространенію ломоносовскихъ правилъ мѣшала литературная вражда. Извѣстно, какова орфографія Сумарокова въ изданіяхъ его сочиненій; не лучше она была и въ его рукописяхъ, какъ видно напр. изъ его писемъ къ И. И. Шувалову [1]. Но хотя онъ и плохо зналъ употребленіе буквы Ѣ, хотя и вообще писалъ небрежно, однакожъ любилъ разсуждать о правописаніи и посвятилъ ему три статьи: одну въ видѣ наставленія «типографскимъ наборщикамъ» [2] и двѣ по поводу появленія постороннихъ трудовъ объ этомъ предметѣ [3]. Книжка, вызвавшая первую рецензію Сумарокова, намъ неизвѣстна: онъ приписываетъ ее своему пріятелю *Б* (кто былъ этотъ Б., мы также не знаемъ). Въ другой критической статьѣ своей Сумароковъ разбираетъ изданную въ 1773 г. при Академіи наукъ брошюру подъ заглавіемъ: *Опытъ новаго россійскаго правописанія*. Подписанныя подъ предисловіемъ ея буквы *В. С.* означаютъ *Василія Свѣтова*, бывшаго переводчикомъ при Академіи, издавшаго русскую грамматику и разные переводы. По показанію Евгенія Болховитинова, онъ умеръ въ 1787 году, къ которому относится также 2-е изданіе его книжки о правописаніи. Въ его трудахъ обнаруживается рѣдкое для того времени пониманіе законовъ языка, такъ что въ исторіи русскаго слова и письма нельзя забыть Свѣтова. Сумароковъ, разбирая его книжку, справедливо одобряетъ многія его мнѣнія, иногда же высказы-

---

[1] См. въ *Запискахъ Акад. Наукъ*, т. I, изданныя нами Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову.

[2] Полное собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, т. VI, стр. 307.

[3] Соч. Сум., X, 6.

ваетъ и свои собственныя. Во всѣхъ трехъ орфографическихъ статьяхъ своихъ онъ, съ свойственнымъ ему задоромъ, безъ всякаго систематическаго порядка, повторяя по нѣскольку разъ одно и то же, предлагаетъ то правила, не выдерживающія никакой критики, то весьма разумныя замѣчанія, показывающія инстинктивную лингвистическую смѣтливость. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опирается на потомство, и потомство оправдало его. Такъ онъ отвергаетъ ломоносовское правило писать въ муж. родѣ един. ч. *синей, хорошей, Василей*, вм. *синій, хорошій* и т. д., хотя это правило и было совершенно послѣдовательно при тогдашней орфографіи муж. р. *доброй, знатной*, вм. *добрый, знатный*. Вмѣстѣ съ Свѣтовымъ Сумароковъ осуждаетъ употребленіе въ иностранныхъ словахъ I вм. И (напр. *історія*), форму *генварь* вм. *январь*, *всіо* вм. *все*, *щастіе* вм. *счастіе*, а относительно словъ, оканчивающихся на Ж Ч Ш Щ, совѣтуетъ *принять въ основаніе лёгкое правило*, что имена мужскія этихъ окончаній пишутся съ Ъ (*ножъ, мечъ*), а женскія—съ Ь (*ложь, вещь*).

Сумароковъ возставалъ также противъ излишества прописныхъ буквъ въ началѣ словъ, замѣчая, что мы «великостью литеръ и Нѣмцевъ перещеголяли»... Въ старину, по словамъ его, «кромѣ начала статьи, нигдѣ не ставливались большія литеры ниже во имени Божіемъ. Сіе пестритъ письма наши; да и на что то введено, въ чемъ кромѣ безобразія ничего нѣтъ?.... Чтожъ до собственныхъ прилагательныхъ надлежитъ, такъ я ихъ малыми литерами начинаю: а ставятъ въ отсутствіи моемъ ихъ большими наборщики, думая, что я въ моей рукописи ошибся»[1]. Но въ то же время онъ такъ же безуспѣшно, какъ Ломоносовъ и Тредьяковскій, преслѣдовалъ букву Э, которая всѣмъ имъ казалась лишнею: «Вошла было въ нашу азбуку», говоритъ Сумароковъ, «странная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ»[2]. Такъ рѣшилъ и Свѣтовъ въ своей книжкѣ, но

---

[1] Соч. Сум., X, 35; 36, 45.
[2] Тамъ же, VI, 314.

на практикѣ Э удержалось. Что касается *ѳиты*, исключенной изъ азбуки Ломоносовымъ, то Сумароковъ, напротивъ, ее отстаивалъ, находя, будто она «произносится хотя и не такъ какъ у Грековъ, но гораздо нѣжняе нежели Ф». По этому-то поводу онъ передаетъ разговоръ свой съ знаменитымъ своимъ противникомъ: «Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ Ф, а не Ѳ оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако: *Ета де литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно бодряе*: отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ»[1]. Сумароковъ не понималъ мысли Ломоносова, что такъ какъ обѣ буквы произносятся совершенно одинаково, то нужна только та, которая прямо соотвѣтствуетъ наличному звуку. Букву Щ онъ терпѣлъ только по давности ея употребленія (для него главнымъ началомъ орфографіи было писать такъ, какъ писали «наши разумные предки»[2]), но собственно онъ, на этотъ разъ согласно съ Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ, предпочиталъ ШЧ. По тому самому у него вообще не лежало сердце къ гражданскому письму: онъ признавалъ большимъ неудобствомъ существованіе у насъ двухъ азбукъ и находилъ, что мы *нечувствительно* «отошли отъ несвойственнаго намъ латинскаго начертанія» (принятаго за образецъ Петромъ Великимъ) «и пристали къ своему, данному намъ отъ Грековъ, откуда и Римляне свое начертаніе получили, и прилѣпилися мы къ подлиннику, оставъ отъ преображеннаго списка»[3]. Здѣсь онъ разумѣлъ преимущественно замѣну буквы *зѣло* (s) *землею* (з). Такое ученіе Сумароковъ проводилъ главнымъ образомъ, конечно par esprit de contradiction, наперекоръ Тредьяковскому и особенно Ломоносову, увѣряя, что грамматика послѣдняго построена на основаніи провинціализмовъ, то холмогорскихъ, то малороссійскихъ. Замѣчательно вѣрно однакожъ смотрѣлъ Сумароковъ на законы сочетанія нашихъ согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными и уже понималъ, что начертаніе послѣднихъ зависитъ отъ того,

---

[1] Тамъ же, X, 10 и 48.
[2] Тамъ же, 32.
[3] Тамъ же, 11.

есть ли предыдущая—*тупая* (напр. **бъ**), или *острая* (напр. **бь**); въ послѣднемъ случаѣ онъ правильно разсуждалъ, что **бя** есть не что иное какъ **бьа**, что въ сущности намъ ненужно буквы ӫ (т. е. позднѣйшаго Ё), потому что «когда она необходима, такъ мы ее легко изобразить можемъ и писати *Альона*, *Семьонъ*[1], а слова, какъ напр. *ежъ*, можемъ мы писати *йожъ*, *Іокаста*, *Йокаста*... но, прибавлялъ онъ, трудняе новости вводить, нежели выводить». Равнымъ образомъ онъ утверждалъ, что послѣ буквъ I, Е наши чистыя гласныя А и У не могутъ оставаться безъ отонченія впереди, почему и писалъ *Діяна*, *теятръ*, какъ всѣ мы пишемъ: *матерія*, *Азія* или *іюнь*, *іюль* (не *іунь*, *іуль*); но здѣсь онъ былъ не совсѣмъ правъ, какъ показываютъ слова: *тіунъ*, *діэта*, *Сіонъ* и др. Съ особенною настойчивостью онъ доказывалъ произвольность окончанія Е, принятаго для прилагательныхъ муж. рода въ именит. падежѣ множ. числа. «Никто, говоритъ онъ по этому поводу, правила сего не устанавливалъ» (ср. выше, стр. 188, необязательное предложеніе Ломоносова); «но невѣжествомъ ввезено въ нашъ языкъ, ко трудности и ко безобразію онаго»[2]. — «Вы скажете, такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пишетъ нынѣ? Всѣ, вы скажете. Право не всѣ, ибо не всѣ еще симъ заражены, и никогда не заразятся, а то, что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, стоять не можетъ»[3]. Въ этомъ Сумароковъ жестоко ошибся, и его правило въ наставленіи наборщикамъ: «имена прилагательныя кончаются у меня во множественномъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на Я», осталось одною изъ забытыхъ особенностей сумароковской орѳографіи; осуждаемое же имъ правило сдѣлалось строго-соблюдаемымъ закономъ. Браня Ломоносова, Сумароковъ однакожъ наивно жалуется на порчу языка по смерти великаго писателя. Въ своемъ обращеніи

---

[1] Въ наше время нѣкоторые неправильно пишутъ: *милльонъ*, *батальонъ* вм. *милліонъ*, *баталіонъ* или *батальйонъ*, забывая, что *милльонъ* = *милль — онъ*, т. е. *миллёнъ*.

[2] Соч. Сум., X, 29.

[3] Тамъ же, VI, 309.

къ нему, онъ между прочимъ восклицаетъ: «Были врали и при жизни твоей; но было ихъ и мало, и были они поскромняе, а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей; и такъ пишутъ они, что бы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся» и т. д.[1]. Любопытно замѣчаніе Сумарокова, что Ломоносовъ ужаснулся бы, если бъ увидѣлъ, какъ по смерти его печатаютъ его сочиненія, слѣдуя въ нихъ такому правописанію, котораго онъ не могъ бы одобрить (*возтокъ, источникъ*[2]). Для противодѣйствія искаженію языка онъ взываетъ къ Адодурову, Теплову, Полѣтикѣ, особенно же къ Козицкому и Мотонису; онъ жалѣетъ, что нѣтъ ученаго общества, которому бы поручено было охраненіе языка, и что въ школахъ не учатъ ни правописанію, ни грамматикѣ[3].

Состояніе правописанія послѣ Ломоносова.

Дѣйствительно, послѣднее изъ упомянутыхъ обстоятельствъ еще долго оставалось препятствіемъ къ распространенію у насъ болѣе правильнаго и однообразнаго письма. Съ 1770-хъ годовъ начали появляться краткіе учебники грамматики и правописанія, но съ одной стороны недоставало хорошихъ учителей и разумныхъ методъ преподаванія, съ другой большинство пишущихъ лишено было всякаго школьнаго образованія. «Наука», справедливо замѣчаетъ г. Буличъ, «была тогда достояніемъ немногихъ; она сосредоточивалась только въ академіи и московскомъ университетѣ и находилась въ рукахъ иностранцевъ, не умѣвшихъ писать по-русски»[4]. Свѣтовъ жалуется на множество людей, «которые по худымъ примѣрамъ и по закоренѣлой къ неправому письму привычкѣ пишутъ безразсудно, каковыми, прибавляетъ

---

[1] Тамъ же, X, 25.

[2] Тамъ же. (Ср. *Росс. Гр.*, § 123). Извѣстно, что въ этомъ обвиняютъ Козодавлева, подъ надзоромъ котораго печатались при Академіи соч. Ломоносова.

[3] Тамъ же, 14, 37 и 56.

[4] *Сумароковъ и современная ему критика*, стр. 221.

онъ, я почитаю большую часть подьячихъ»[1]. Просматривая тогдашнія изданія и особенно рукописи, мы находимъ однакожъ, что тотъ же упрекъ падаетъ и на большую часть не только высшихъ должностныхъ лицъ, но и писателей. Вспомнимъ, напр., какъ писали Бецкой и Державинъ. Нѣкоторые писатели не могли являться въ литературѣ съ своею собственной орфографіей и при печатаніи своихъ трудовъ обращались къ помощи другихъ. Такое положеніе дѣла продолжалось еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи; Карамзинъ въ своей *Запискѣ о древней и новой Россіи* (стр. 2259[2]) говоритъ: «Въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе». Періодическія изданія уже и въ прошломъ столѣтіи представляютъ большое разнообразіе орфографіи. Особенною обдуманностью ея отличалась *Всякая Всячина* (1769) Козицкаго, котораго не даромъ хвалилъ Сумароковъ за знаніе языка[3]. Козицкій, по свидѣтельству ученика его, Свѣтова, называющаго его великимъ витіей, также написалъ сочиненіе о русской орфографіи, оставшееся неизданнымъ[4]. О тогдашнемъ нашемъ правописаніи, Свѣтовъ замѣчаетъ: «Оно подвержено многимъ изъятіямъ, великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудностямъ, такъ что каждый почти писатель или переводчикъ отличенъ чѣмъ ни будь въ правописаніи отъ другаго»[5]. Къ этому надобно прибавить, что даже въ каж-

---

[1] *Опытъ нов. правописанія*, 4.

[2] По изданію *Русскаго Архива*.

[3] Не разъ онъ въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о Козицкомъ и Мотонисѣ; см. напр. его *Соч.* X, 53.

Вотъ нѣсколько примѣровъ правописанія *Всякой Всячины*: того (не тово), никакого, какій, честный, сомнѣніе (впрочемъ иногда и сумнѣніе), изчезли, если (не естьли); въ нѣкоторыхъ случаяхъ Козицкій конечно писалъ не такъ, какъ пишутъ нынче, напр. по томъ, въ прочемъ (но не протчемъ), рускій, вышшій, истинна. Буквы Э и онъ не употреблялъ.

[4] Вѣроятно, рѣчь идетъ о Козицкомъ въ *Опытѣ нов. правопис.*, стр. 5 Витіей Свѣтовъ могъ называть его потому, что онъ былъ учителемъ краснорѣчія, т. е. греческой и латинской словесности, и писалъ рѣчи о пользѣ мифологіи (Билярскаго *Матеріалы*). Кажется, Пекарскій въ своей статьѣ о *литературной и журнальной дѣятельности Екатерины II* напрасно выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что Козицкій былъ издателемъ *Всякой Всячины*.

[5] *Опытъ нов. правоп.*, 7.

домъ отдѣльномъ періодическомъ изданіи рѣдко соблюдалось одно образное правописаніе. Хотя нѣкоторые изъ этихъ изданій и печатались подъ надзоромъ одного лица (такимъ былъ напр. Козодавлевъ при *Собесѣдникѣ* княгини Дашковой), однакожъ почти во всякой статьѣ замѣтны различія, зависящія конечно отъ особенностей письма авторовъ.

Вотъ нѣсколько обращиковъ орфографіи *Собесѣдника*: *совсемъ*, *ково*, *отъ нее*, *знатной* (муж. р.), *младшей* (также), *нравственныя доводы*, и рядомъ съ тѣмъ *какіе лѣса*, *предмѣтъ*, *присудствовать*, *свѣденія*, *если*, а въ другихъ случаяхъ *естьли*, *порутчикъ*, *предмѣтъ*, *витъ* (вм. вѣдь), *что бы*, *на конецъ*, *Эйлеръ*, *эй* (т. е. Э употреблялось, хотя тутъ же встрѣчаемъ *поезія*).

Любопытно, между прочимъ, что въ то время существовало во многихъ случаяхъ двоякое правописаніе, одно для просторѣчія, другое для *штиля* (т. е. высокаго слога): «Кажется, говоритъ Свѣтовъ[1], что въ высокомъ слогѣ высокія особливо слова лучше кончить на **ый, ій,** оставивъ окончанія **ой, ей** просторѣчію и низкому, каковъ Комической, роду сочиненія». Этого правила придерживался еще и Карамзинъ (см. его *Письма къ Дмитріеву*), употребляя то или другое окончаніе, смотря по предмету, о которомъ онъ говорилъ. По этой же причинѣ, въ «Письмахъ Русскаго Путешественника» (*Моск. Журналъ*) онъ писалъ *этова*, а другія прилагательныя въ род. пад. муж. р. ед. ч. обыкновенно оканчивалъ на *аго*. Это напоминаетъ, что еще не такъ давно подобныя правила соблюдались иногда и въ произношеніи; такъ въ высокомъ слогѣ не позволялось говорить *Пётръ* вм. *Пэтръ*. «Неопредѣленныя наклоненія, утверждалось такимъ же образомъ, кончить на **ти** можно въ высокихъ рѣчахъ, и чемъ ближе глаголъ Словенскому свойству подходитъ, тѣмъ сіе окончаніе слуху пріятнѣе становится, напр. *вѣщати*, *глаголати*»[2]. Согласно съ этимъ поступалъ даже и Козицкій во *Всякой Всячинѣ*. Надобно однакожъ за-

---

[1] *Опытъ*, 17.
[2] *Опытъ* Свѣтова, 26.

мѣтить, что Ломоносовъ съ обыкновеннымъ своимъ филологическимъ тактомъ отвергъ окончаніе **ти** въ глаголахъ [1] и что въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, его послѣдователи не воспользовались его примѣромъ. Это окончаніе глаголовъ не встрѣчается и въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* Миллера, хотя названное изданіе, какъ уже было замѣчено, не во всемъ слѣдовало Ломоносову. Вотъ нѣкоторыя черты орѳографіи этого замѣчательнаго журнала: *рассужденіе* (по правилу Ломон.), *прямого, святаго, приятна, нужняе, притчина, протчимъ* (и въ то же время *въ прочемъ*), *въ низъ, въ верхъ, на статуахъ, аудіэнція, искусство, риѳма, эпитафія.* На всѣхъ словахъ однозвучныхъ, но имѣющихъ различное удареніе, даже только въ разныхъ падежахъ, ставились *силы*, напр. *начáло, стоúтъ, потóмъ.*

Изъ всего сказаннаго видно, что орѳографія наша въ первыя десятилѣтія по смерти Ломоносова далеко не установилась. Нѣкоторыя слова писались просто неправильно; на счетъ другихъ были разныя мнѣнія. Иныя неправильности озабочивали грамматиковъ, которые однакожъ надѣялись, что онѣ со временемъ исчезнутъ. Такъ Свѣтовъ [2] жаловался, что у насъ названія мѣсяцевъ искажены (*октябрь* вм. *октоврій, ноябрь* вм. *ноемврій, февраль* вм. *февруарій*), не замѣчая, что тутъ дѣло идетъ уже не о правописаніи, а о своеобразномъ произношеніи усвоенныхъ языкомъ, по его духу, названій. Поэтому, надежда его на будущее могла исполниться, и дѣйствительно исполнилась только въ отношеніи къ названію *января*, котораго другое написаніе *генварь* ему не нравилось. «Надобно, прибавляетъ онъ, исподоволь и полегоньку вводить въ употребленіе таковыя новости. Можетъ быть, со временемъ испорченныя простымъ и обыкновеннымъ выговоромъ слова не странно будетъ писать по настоящему ихъ произношенію». Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ случаяхъ, гдѣ ошибки

---

[1] См. его *Грамматику*, § 115, гдѣ онъ говоритъ, что буква И «отъ окончанія неопредѣленныхъ глаголовъ и отъ втораго лица единст. ч. давно отставлена».

[2] *Опытъ*, 27.

являлись только въ правописаніи, онѣ впослѣдствіи исчезли, хотя и очень медленно, такъ что напр. слово *генварь* еще и нынче нѣкоторыми, но уже весьма немногими, пишется по-старому.

Старанія изгнать лишнія буквы, и особенно Ѣ.

Въ старинныхъ журналахъ нашихъ остались слѣды того, что спорные вопросы орфографіи не всегда обсуживались хладнокровно. Такъ въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* 1787 года[1], въ «Разсужденіи о стихотворствѣ россійскомъ» читается фраза: «не напрасно проименуются педантами или сими школьными упрямцами, которые за единую Ѳ объявляютъ кровавую брань своему ближнему». По временамъ эти споры вызывали въ періодической литературѣ замѣтки или предложенія перемѣнъ. Въ *Собраніи Новостей* 1775 года, журналѣ, который впрочемъ не щеголялъ орѳографіей, помѣщена довольно обширная статья безъ подписи[2], присланная, по показанію редакціи, изъ Ярославля, подъ заглавіемъ: «Опытъ о языкѣ во общѣ (sic) и о россійскомъ языкѣ». Она раздѣлена на небольшія главы, изъ которыхъ одна посвящена замѣчаніямъ «о нѣкоторыхъ буквахъ и правописаніи». Какъ вся статья, такъ и эта глава содержатъ въ себѣ большею частью неудачныя, отчасти даже нелѣпыя, но тѣмъ не менѣе любопытныя мысли. Такъ напр. авторъ предлагаетъ: вмѣсто новой буквы Э, которую вообще преслѣдовали, писать Е съ точкой наверху (Ė), и такою же точкой отмѣчать букву О, когда она произносится какъ А; далѣе онъ предлагаетъ вовсе не употреблять буквъ Щ, Ѣ, Ѳ и Ѵ, какъ ненужныхъ по его мнѣнію, а вмѣсто ихъ ставить ШЧ, Е, Ф, И. «Но языкъ нашъ», говоритъ онъ, «имѣетъ нужду въ буквѣ Ю̂, которую надлежитъ употреблять на письмѣ согласно съ произношеніемъ словъ». Въ концѣ статьи авторъ выразилъ весьма дѣльное желаніе, «чтобы въ Россіи, по примѣру другихъ просвѣщенныхъ народовъ, составленъ былъ Словарь, съ опредѣ-

---

[1] Ч. X, апрѣль, 38.
[2] Октябрь, 58—79.

леніемъ точныхъ понятій на каждое слово». Желаніе это около того же времени высказывалось и другими. Незадолго передъ тѣмъ, въ *Собраніи Новостей*[1] напечатанъ былъ планъ русскаго словаря, задуманный обществомъ «нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей, любителей наукъ словесныхъ»: предполагалось составить его съ толкованіями на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, италіянскомъ языкахъ и въ то же время приготовить словари этихъ языковъ съ русскимъ; смѣлые предприниматели намѣревались періодически (черезъ каждые два года) напечатать въ небольшомъ числѣ экземпляровъ три изданія, съ тѣмъ чтобы напередъ вызвать замѣчанія свѣдущихъ лицъ, и надѣялись окончить все предпріятіе въ пять или шесть лѣтъ. Къ сожалѣнію это предпріятіе не осуществилось[2]. Около того же времени, въ октябрѣ 1779 года, въ *Академическихъ Извѣстіяхъ* (стр. 77) напечатаны «Нѣкоторыя примѣчанія о языкѣ россійскомъ», подписанныя В. С. (т. е. извѣстнымъ уже намъ Вас. Свѣтовымъ). Мечтая также о русскомъ словарѣ и предлагая нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній (хотя другія конечно отзываются тогдашнимъ младенчествомъ филологіи), онъ въ концѣ статьи говоритъ о Ломоносовѣ: «Онъ же и въ опредѣленіи числа россійскихъ буквъ и въ раздѣленіи ихъ кажется самъ съ собою не былъ согласенъ. Положивъ нужныхъ буквъ токмо 30, выключилъ изъ алфавита Росс. І, Щ и Ѳ, кои однако самъ вездѣ употреблялъ. Не смотря на одинакой И и І выговоръ, различается одна отъ другой тщательно въ право-

[1] Сентябрь, стр. 115.

[2] Мы не знаемъ, кто были эти лица, но вотъ нѣкоторое указаніе на нихъ. Въ началѣ 1778 года Фонъ-Визинъ писалъ изъ Монпелье къ Я. И. Булгакову: «A propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le Grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le Grand Vocabulaire, продайте его и деньги ко мнѣ переведите.» (*Соч. Д. И. Фонъ-Визина*, Спб. 1866, стр. 273). Какой-то Даниловскій около 1783 былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гагѣ; въ Смирд. *Росписи* значится Іоакимъ Евфим. Даниловскій, который въ 1812 и 1814 г. напечаталъ два учебника, по географіи и по французскому языку.

писаніи Россійскомъ. Букву Щ за тѣмъ не внесъ въ число, что она сложена изъ двухъ письменъ ШЧ или СЧ; но ежели по сему правилу поступать, то надлежало ему выключить также Ц и Ч, потому что Ц сложена изъ ТС или ДС, Ч изъ ТШ». Къ примѣчаніямъ приложена особая статейка: «Споръ у буквы И съ І». *Ѳита* рѣшаетъ этотъ споръ слѣдующими словами: «Перестаньте и подите по своимъ мѣстамъ: вы оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи; только Ц и другія нѣкоторыя буквы не нашего поколѣнія». Рѣшеніе *ѳиты* получило силу закона, но только собственное ея право на существованіе весьма сомнительно.

Нельзя также оставить безъ вниманія орѳографическихъ соображеній Подшивалова, напечатанныхъ послѣ его смерти въ *Трудахъ общества любителей россійской словесности* (Ч. V, 1816), въ статьѣ: «Чтеніе и письмо» (стр. 82). И онъ полагаетъ, что со временемъ изъ русской азбуки изчезнутъ, какъ ненужныя, буквы: Ѳ, И, Щ, Ѣ, Э, вмѣсто которыхъ будутъ писать: Ф, І, СЧ, Е. Букву Й предлагаетъ онъ замѣнить Ī, а разные случаи употребленія Е означать акцентами ′ ‵ ^. Кромѣ того, онъ считаетъ возможнымъ обойтись безъ Ъ и Ь, вмѣсто которыхъ можно бы ставить черточки (—) или знакъ апострофа ('), или *ерокъ*. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, азбука наша можетъ быть сокращена до 27-ми или, много, 28-ми буквъ.

Гоненія на букву Ъ начались очень рано. Еще Тредьяковскій въ своемъ «Разговорѣ» упоминаетъ о «нѣкоторыхъ особахъ», которыя хотѣли замѣнить ее надстрочнымъ знакомъ[1]. Болѣе рѣшительныя покушенія противъ **ера** являются въ печати подъ ко-

---

[1] *Разговоръ*, стр. 222. Тутъ надо, вѣроятно, разумѣть главнымъ образомъ Адодурова, который «считается однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, хотѣвшихъ изгнать изъ русскаго алфавита букву Ъ». (Пекар. *Истор. Ак. Наукъ*, I, 507). Къ сожалѣнію, я нигдѣ не могъ найти слѣдовъ книжки «Правила россійской орѳографіи», приписываемой Новиковымъ Адодурову. Самъ Тредьяковскій находилъ, что мы могли бы обойтись безъ *ера*, и усердно доказывалъ, что Ъ и Ь не буквы, а только знаки извѣстнаго произношенія, въ чемъ онъ и правъ; но дѣло не въ названіи.

нецъ прошлаго столѣтія. По распоряженію директора Академіи наукъ Домашнева, въ нѣсколькихъ книжкахъ *Академическихъ Извѣстій* за 1781 годъ печатался безъ этой буквы отдѣлъ: «Показанія новѣйших трудов разных Академій». Есть свѣдѣніе, что профессоръ Московскаго университета Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, въ своемъ латинскомъ разсужденіи De brachygraphia, предлагалъ выключить Ъ изъ русской азбуки и употреблять на письмѣ, кромѣ того, разныя сокращенія; было ли это сочиненіе напечатано, намъ неизвѣстно; оно не отыскалось ни въ петербургской Публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ Московскаго университета[1]. Но что Барсовъ дѣйствительно желалъ, въ концѣ словъ, обходиться безъ **ера**, на это есть другія доказательства: въ *Краткихъ правилахъ Россійской грамматики*, учебникѣ, составленномъ имъ для гимназій и изданномъ въ первый разъ въ 1771 году, а потомъ часто перепечатывавшемся, находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Ъ значитъ только природное, т. е. дебелое окончаніе согласныхъ и употребляется при нихъ только въ концѣ реченій; хотя оныя буквы тутъ и безъ него не иначе бы выговорены были какъ и въ срединѣ безъ него жъ выговариваются. Напр. въ словѣ *Антонъ* послѣдній складъ *тонъ* не иначе выговаривается какъ и первой *Ан*, слѣдовательно можнобъ оное слово такъ и писать всегда *Антон*, а потому и всѣ другія согласными буквами оканчивающіяся такимъ же образомъ, какъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни въ одномъ сего знака нѣтъ, хотя всякой изъ нихъ безчисленное множество словъ на согласныя кончащихся имѣетъ; итакъ онъ въ семъ разсужденіи почти совсѣмъ излишній. Напротивъ того почитается надобнымъ, для отдѣленія согласной, принадлежащей къ первой части сложнаго реченія,

[1] Евгеній въ своемъ Словарѣ, относя это разсужденіе къ 1790 году, говоритъ, что здѣсь Барсовъ совѣтовалъ также «писать многія русскія слова сокращенно, а нѣкоторыя только одною, двумя или тремя начальными буквами, а особливо имена собственныя и часто повторяемыя существительныя и даже прилагательныя». По біографическому Словарю профессоровъ Моск. университета, эта диссертація была произнесена въ 1768 году. Приношу Н. С. Тихонравову искреннюю мою признательность за его стараніе, хотя и не увѣнчавшееся успѣхомъ, отыскать, по моей просьбѣ, сочиненіе Die brachygraphia.

отъ гласной, которая принадлежитъ ко второй части онаго, наприм. *объявляю, подъемлю, изъятіе* и проч., дабы не читать *обявляю, подемлю, изятіе*». Точно такъ же Барсовъ въ грамматикѣ своей признаетъ излишними двѣ греческія буквы Ѵ и Ѳ. О послѣдней онъ отзывается очень категорически: «какъ точное греческое оной буквы произношеніе большей части изъ Россіанъ неизвѣстно и трудно и она у насъ въ выговорѣ никакой не имѣетъ разности отъ Ф, то можно вмѣсто ея вездѣ Ф писать»[1]. Полнымъ обращикомъ правописанія, какого желалъ Барсовъ, можетъ служить отрывокъ изъ оставшихся послѣ него рукописей, напечатанный Карамзинымъ, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, въ *Московскомъ Журналѣ* 1792 года[2], подъ заглавіемъ: «Сводъ бытій Россійскихъ». Вотъ нѣсколько строкъ оттуда: «Словар Географіческій мѣст, с проісшествіямі в ніх случівшіміся, із коіх многіе частные словарі в том же отношеніі ізвлечены быт могут, на прім. Юрідіческій, ученый, военный, Історіі Естественной і проч. всеж то с пріобщеніем разных спісков собрано імрек такім-то, і нѣкоторым новым, сокращеннѣйшім протів обыкновеннаго образом і способом напечатано»...

Мысль объ изъятіи изъ нашего письма буквы Ъ, вполнѣ или только въ концѣ словъ, не только повторялась многими, но и осуществлялась по временамъ въ печати, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи. О новѣйшихъ врагахъ этой буквы упомяну ниже, а здѣсь укажу, кромѣ названныхъ уже Домашнева и Барсова, еще на Чеботарева, Шлецера, Н. Ѳ. Эмина, Лабзина, Языкова и Измайлова, не говоря о другихъ менѣе извѣстныхъ. Здѣсь же кстати привести заглавія книгъ, въ былое время напечатанныхъ безъ Ъ: 1, Ода на заключеніе мира съ Готѳами. Н. Эмина. Спб. 1790[3]; 2, Кровопролитная война у Архипыча с'Ере-

---

[1] *Краткія правила Росс. грамм.* М. 1782, стр. 84—88.

[2] Часть VII, стр. 344—347.

[3] Къ этой-то одѣ, какъ теперь несомнѣнно, относится двустишіе Державина:

«Прекрасно написалъ ты оду безъ еровъ;
Но лучше бы еще, когда бъ совсѣмъ безъ словъ». (Соч. Держ. III, 199).

мѣевной. Соч. Михаила Бранкевича, М. 1810. (По словамъ г. Геннади, это сатирическая бесѣда, вызванная войною съ Турками). 3, Дух Эккартсгаузена, М. 1810[1]; 4, Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанные в' 1804 году во время путешествія одним Руским. Перевод с Нѣмецкаго (соч. Д. Языкова). Спб. 1808[2].

Что касается Чеботарева и Шлецера, то ихъ нерасположеніе къ буквѣ Ъ видно изъ письма послѣдняго къ профессору Московскаго университета Гейму. Въ этомъ письмѣ (1804 г.) Шлецеръ, говоря объ учрежденіи ученаго общества для критическаго изданія русскихъ лѣтописей, замѣчаетъ, что свѣдѣніе о томъ сообщилъ ему «г. Чеботарев, который терпѣть не может Ъ, и я также», прибавляетъ знаменитый историкъ[3].

О враждѣ мистика А. Ф. Лабзина къ буквѣ Ъ намъ извѣстно по преданію, которое подтверждается слѣдующими словами изъ записокъ В. И. Панаева: «Въ бумагахъ покойнаго отца моего нашлось множество писемъ Лабзина подъ псевдонимомъ *Безъеровъ*, вѣроятно потому, что онъ нигдѣ *еровъ* не ставилъ»[4]. Мы знаемъ, что Лабзинъ напечаталъ нѣсколько переводовъ изъ Эккарстгаузена. Соображая то и другое свѣдѣніе, можно догадываться, что названное выше подъ цифрою 3 изданіе «Дух Эккартсгаузена» находится въ связи со взглядами Лабзина, хотя переводъ этой книги и принадлежитъ М. Бранкевичу, какъ видно изъ его подписи подъ посвященіемъ И. В. Лопухину. Біографъ Лабзина г. Безсоновъ, жалуясь на трудность перечислить всѣ его сочине-

---

[1] Заимствую эти указанія изъ двухъ статей, за подписью *Григорія Книжника* напечатанныхъ: въ *Моск. Вѣд.* 1856, № 92, и въ *Книжномъ Вѣстникѣ* 1862, № 11. Въ числѣ противниковъ *ера* г. Геннади называетъ также извѣстнаго Сковороду; по справкамъ, обязательно доставленнымъ мнѣ А. Ф. Бычковымъ, большая часть рукописей Сковороды оказывается съ *еромъ*; однакожъ у И. И. Срезневскаго нашлось нѣсколько собственноручныхъ писемъ малороссійскаго философа (1786—1788 г.), гдѣ онъ не употреблялъ ни Ъ, ни Ь.

[2] Продолженіе этого списка см. ниже, на стр. .

[3] «Hr. Чеботарев (der kein Ъ leiden kan, ich auch nicht)»... См. *Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей*. Ч. IV, кн. 1, М. 1828.

[4] *Вѣст. Евр.* 1867, IV, стр. 248, въ *Воспоминаніяхъ* Панаева.

нія и переводы, свидѣтельствуетъ, что есть такія изданія, которыя напечатаны безъ его имени, но составлены подъ его руководствомъ[1].

Въ исторіи нашего *ера* случайно является также одно изъ знаменитѣйшихъ именъ европейской науки, впрочемъ опять на сторонѣ противниковъ этой буквы. Находясь въ Петербургѣ въ 1830 году, Александръ Гумбольдтъ, на вечерѣ у извѣстнаго А. Н. Оленина[2], выразилъ свое мнѣніе о совершенномъ излишествѣ *ера* въ нашей азбукѣ. На другое утро онъ получилъ написанное изящнымъ французскимъ языкомъ письмо за подписью: «la lettre ъ», въ которомъ кто-то съ жаромъ вступился за права этой буквы, основанныя не только на древности ея, но и на ея значеніи, особливо въ серединѣ словъ. Авторомъ письма, за котораго Гумбольдтъ сперва принялъ-было Д. Н. Блудова, оказался потомъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, печатавшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ Антонія Погорельскаго[3].

Правописаніе Карамзина.

Эпоху въ успѣхахъ русскаго правописанія составило появленіе въ 1791 году *Московскаго Журнала*. Всегдашнюю свою заботу о чистотѣ и правильности языка Карамзинъ распространялъ и на орфографію: отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы, не устраняя изъ своего письма ни одной. Такимъ образомъ ему должно быть приписано установленіе не только литературнаго языка, но и правописанія русскаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однакожъ онъ вначалѣ писалъ не такъ, какъ мы теперь пишемъ и какъ самъ онъ писалъ впослѣдствіи: такъ въ *Моск. Журн.* мы читаемъ: *растѣніе*, *ща-*

---

[1] Р. *Архивъ* 1866, стр. 825.

[2] Слышано отъ графа Ф. П. Литке, бывшаго также на этомъ вечерѣ.

[3] Сколько мнѣ извѣстно, это письмо и отвѣтъ Гумбольдта были напечатаны четыре раза: 1) въ *Литер. Газетѣ* барона Дельвига, 1830, № 22; 2) въ *Маякѣ* 1842, кн. VIII; 3) въ сочиненіяхъ Погорельскаго, изд. 1853, т. II, и 4) въ *Русскомъ Архивѣ* 1865, стр. 1128—1138.

стіе, не чего, по томъ, поселенцовъ, Руской народъ, яицы, этова (какъ слово просторѣчія), *естьли, сверьхъ, яишница, молошный, порутчикъ, серебреной, ширь, ни кто, лѣсница, ни чѣмъ, прилѣжность, почтилліонъ.* Но онъ уже писалъ *истина, свѣдѣніе, лучше* (не *лутче*), *плечо, искусство, лекарь, лечить, завтрашній, причина, письмо, страдальцевъ, эѳиръ, вѣдь, прочее, навѣки, ввечеру, пѣвцомъ, лицомъ* и проч. (Ср. выше стр. 197).

Постепенно Карамзинъ видоизмѣнялъ нѣкоторыя частности своего правописанія. Такъ въ *Моск. Журналѣ* онъ писалъ сперва *почтилліонъ*, позднѣе же *почтильйонъ*, способъ написанія, который въ 1840-хъ годахъ былъ принятъ *Отеч. Записками*, а въ 60-хъ *Московскими Вѣдомостями* для словъ подобнаго рода *(батальйонъ)*. Букву Й употреблялъ онъ не только въ этомъ случаѣ, но иногда и въ началѣ иностранныхъ словъ, напр. въ имени *Йокке* (*Ист. Гос. Росс.* т. IV, стр. 161). Не любя надстрочныхъ знаковъ, не отмѣчая напр. ударенія, онъ однакожъ ввелъ *двоеточіе* надъ буквою Е въ тѣхъ случаяхъ, когда прежде писали іо. Въ одной изъ книжекъ *Аонидъ* въ первый разъ написано такъ, въ концѣ стиха, слово *слёзы* и въ выноскѣ замѣчено: «Буква Ё съ двумя точками замѣняетъ іо»[1]. Въ сложныхъ реченіяхъ, составленныхъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, онъ въ концѣ перваго (муж. рода) иногда не писалъ ера. Такъ въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II» написано: «*Ангальт-Цербстскаго Дома*»[2], Слово *песли* писалъ онъ долго со вставкою буквъ *тъ*, и только въ послѣдніе годы сталъ писать его такъ, какъ оно теперь пишется и какъ иногда писалось уже въ весьма давнее время. (Такъ эта орѳографія встрѣчается уже, по крайней мѣрѣ разъ, въ *Духовномъ Регламентѣ*, напечатанномъ гражданскимъ шрифтомъ). Не оправданную временемъ черту орѳографіи Карамзина составляетъ обиліе большихъ буквъ: ими начинаются у него не только всѣ иностранныя существительныя имена (не говоря уже о собственныхъ, сущ. и прилаг.), но и многія свои, которымъ припи-

---

[1] *Аониды*, кн. 2-ая (1797), стр. 176: «Опытная Соломонова мудрость».

[2] *Соч. Карамзина*, т. VIII, 6. М. 1804.

сывалось особое значеніе. Такъ напр. онъ пишетъ всегда, не измѣняя этой привычкѣ до конца жизни: *Авторъ*, *Литтература*, *Герой*, *Поэтъ*, *Лѣтописецъ*, *Вѣра* (даже *Магометова*), *Судьба*, *Правительство*, *Природа*, *Держава*, *Члены* (о лицахъ), *Науки*, *Искусства* и проч. Это дѣлалось и другими на основаніи правила, что большою буквою означаются имена *почтенныя* [1] и что взятыя съ иностранныхъ языковъ слова отличаются отъ «природныхъ россійскихъ прописною начальною буквою». Свѣтовъ сознавался, что на это нѣтъ достаточныхъ причинъ; но прибавлялъ, что такъ какъ большая часть писателей такъ поступаетъ, «то должно непремѣнно въ томъ всѣмъ согласиться и принять за правило, почитая за безполезное спорить о такихъ мелочахъ» [2]. Здѣсь не мѣсто говорить объ особенностяхъ Карамзинскаго языка; упомяну однакожъ объ одной, по связи ея съ орфографіею. Карамзинъ не признавалъ глагольной формы *рѣшать*, которой нѣтъ во всѣхъ одиннадцати томахъ его Исторіи, и употреблялъ только форму *рѣшить*, считая ее несовершеннымъ видомъ. Того же мнѣнія былъ и Пушкинъ, который, въ особенной замѣткѣ, указывая на первую форму, какъ на ошибочную, хотя и многими употребляемую, заключаетъ: «Рѣшу спрягается какъ грѣшу» [3]. Очевидно, что разсуждать такъ значитъ налагать на языкъ произвольныя грамматическія оковы.

Впрочемъ Пушкина никакъ нельзя вообще упрекать въ подобномъ направленіи. Но, въ рукахъ нѣкоторыхъ другихъ, теоретическая разработка русскаго языка въ началѣ нынѣшняго столѣтія приняла этотъ характеръ. Такою явилась она уже въ первомъ изданіи академической грамматики (1802), вызвавшемъ извѣстную статью Карамзина въ *Вѣстникѣ Европы:* «Великій мужъ русской грамматики [4]». Въ трудѣ Росс. Академіи, въ кото-

---

[1] Правило, принятое уже Ломоносовымъ; см его *Грамматику*, § 129.
[2] *Опытъ новаго росс. правописанія.* Спб. 1787, стр. 16.
[3] *Соч. Пушк.* (изд. Анн.), т. V, стр. 43.
[4] Подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, Карамзинъ разумѣлъ Барсова. См. Погодина *Карамзинъ*, II, 126.

ромъ главное участіе принадлежало П. И. Соколову, первая часть посвящена правописанію; но она въ этомъ отношеніи очень неудачно поправляетъ Ломоносова, наприм. буквы И и Ы причисляетъ къ *сложнымъ* гласнымъ по той причинѣ, что «онѣ состоятъ изъ двухъ письменъ», а Ъ и Ь называетъ *средними*[1] буквами; когда Е произносится какъ io, она совѣтуетъ удерживать въ правописаніи лучше букву Е, исключая *синio*, *Маiоръ*, *Маiорскій;* о Карамзинскомъ начертаніи ё нѣтъ и помину. Въ главѣ объ «особенныхъ правилахъ правописанія» пропущены многіе случаи, на которые уже было обращено вниманіе Ломоносовымъ, Свѣтовымъ и Сумароковымъ, а вмѣсто того введены нѣкоторыя либо несостоятельныя, либо мелочныя правила; между прочимъ предлагается въ словахъ *щетъ*, *пещаный* и т. п. удерживать предпочтительно букву Щ.

Востоковъ и Гречъ.

Въ 1808 году Ив. Март. Борнъ, учитель русскаго языка въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, издалъ *Краткое руководство къ россійской словесности*, книгу, для насъ любопытную особенно тѣмъ, что въ ней напечатаны первыя грамматическія замѣтки Востокова, присоединенныя мѣстами къ тексту издателя, въ видѣ особыхъ примѣчаній, съ подписью *Остенекъ-Востоковъ*. Онъ является тутъ критикомъ Россійской Академіи и послѣдователемъ Карамзина. Въ главѣ «о правописаніи и словопроизношеніи» разъяснены съ особенною внимательностью случаи, когда буква Е произносится какъ io, и замѣчательно, что кромѣ этого послѣдняго начертанія принята въ многочисленныхъ примѣрахъ уже и буква Ё (*берёза*, *дешёвый*, *жёлудь* и проч.[2]). Не менѣе любо-

---

[1] Въ названіи этихъ буквъ долго не могли согласиться грамматисты. Французъ Модрю (Maudru), 1808 г., называетъ Ъ *слюнобезгласною!* См. его *Основательное сокращеніе Россійскія грамматики* (М. 1808).

[2] Впослѣдствіи Востоковъ говорилъ: «Для изображенія звука io, слышимаго въ просторѣчіи вмѣсто Е, введено начертаніе Ё; но употребленіе сего начертанія нѣкоторыми не одобряется, будучи признаваемо излишнимъ тамъ, гдѣ можно писать Е» (*Русск. Грамм.*, Спб. 1839, стр. 253). Ср. выше стр. 74.

пытны, хотя и не со всѣми ими можно согласиться, тогдашнія замѣтки Востокова о буквахъ Ѣ Ъ Ь; особенно справедливо то, чтó онъ говоритъ о буквѣ Ъ, которую считаетъ излишнею: «..пишется она только въ окончаніи словъ, а слышна бываетъ вездѣ, и въ началѣ и въ серединѣ словъ, напр. лъошадь, желъаю, полъка, нъашъ, гнъу, приманъка, съало, масъло, невѣсъта. Ежели она во всѣхъ сихъ случаяхъ не пишется, а подразумѣвается, то можетъ и въ окончаніи подразумѣваться тамъ, гдѣ не будетъ стоять Ь: но и сію букву весьма бы можно замѣнить апострофомъ или какимъ другимъ знакомъ»[1]. Кстати замѣтимъ, что послѣ буквъ Ж Ч Ш Щ въ концѣ именъ муж. рода Востоковъ ставилъ Ъ, отличаясь тѣмъ отъ Карамзина, который писалъ *мечь, лучь*, но послѣ остальныхъ шипящихъ также писалъ Ъ. Относительно прописныхъ буквъ В. держался стариннаго правила, что онѣ пишутся между прочимъ въ началѣ названій «важныхъ государственныхъ мѣстъ и чиновъ». Впослѣдствіи онъ видоизмѣнилъ это правило, сказавъ, что изъ нарицательныхъ именъ прописною буквою пишутся: «титла, чины и должности лицъ разнаго званія, выключая самыя низшія степени, какъ-то: *солдатъ, матросъ, дьячекъ, пономарь*», также: «имена Правительствъ и мѣстъ Судебныхъ, Обществъ и сословій; напр.: *Государство, Правительство, Сенатъ, Департаментъ, Дворянство, Купечество* и пр.»[2].

Въ 1811 году на грамматическое поприще выступаетъ Гречъ, и вскорѣ русское правописаніе надолго подчиняется его вліянію. Первымъ трудомъ его по теоріи языка была брошюра *Опытъ о русскихъ спряженіяхъ*[3]. Но еще важнѣе было начатое имъ въ

---

[1] *Кр. руковод. къ росс. словес.*, стр. 11.

[2] *Русск. Грамматика*, Спб. 1839, стр. 373.

[3] «*Съ таблицею*». (Спб. 1811). Въ началѣ эпиграфъ изъ Гёте. Въ маленькомъ предисловіи авторъ сознается, что основная мысль брошюры (раздѣленіе глаголовъ по значенію,—по объему дѣйствія,—на простые, однократные, учащательные и сложные) принадлежитъ Борну, его другу и предмѣстнику въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра. Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, въ которомъ этотъ опытъ былъ читанъ, поручило Востокову

слѣдующемъ году изданіе *Сына Отечества*. Здѣсь, какъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ изданіяхъ, Гречъ, въ отношеніи къ языку вообще и къ правописанію въ особенности, является строгимъ послѣдователемъ Карамзина. Вся его грамматика была впослѣдствіи построена на сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа. Нисколько не уменьшая услугъ, оказанныхъ Гречемъ русскому языку, особенно въ педагогической сферѣ, нельзя однакожъ не замѣтить, что онъ обращался съ нимъ такъ же, какъ Готшедъ съ языкомъ нѣмецкимъ. Господствующимъ направленіемъ Греча было не изслѣдованіе законовъ языка, для чего необходимо справляться и съ исторіею его, и съ народною, вообще съ живою рѣчью, а установленіе *правилъ* по избраннымъ литературнымъ образцамъ. Когда же образцы не давали отвѣта, или когда между ними замѣчалось разногласіе, — придумывались правила чисто-условныя, основанныя на механической правильности построенія фразы, или на внѣшнихъ соображеніяхъ. Свобода, разнообразіе, прихотливость языка, иногда видимыя отступленія отъ правилъ, не принимались въ расчетъ, или служили поводомъ къ *исключе-*

разсмотрѣть рукопись, и его отзывъ, вполнѣ одобрительный, напечатнъ въ концѣ книжки. Слѣдующій грамматическій трудъ Греча былъ изданъ въ 1823 г. въ числѣ 50-ти экземпляровъ подъ заглавіемъ: *Корректурные листы Русской Грамматики*, тетрадь 1, въ 4 д. л., съ большими полями для замѣчаній. Въ предисловіи объяснено, что Общество любителей словесности предложило автору «привести въ порядокъ и издать собранныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ правила русской грамматики». Въ концѣ предисловія сказано: «Почтенный писатель нашъ В. А. Жуковскій сообщилъ мнѣ рукописныя свои замѣчанія о Русс. Грам., изъ коихъ я заимствовалъ много новаго и полезнаго». (Жуковскій преподавалъ тогда русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ). Въ 1827 г. напечатаны: *Практич. русская грамматика*, и *Пространная русс. грам.*, Греча; въ 1828 *Начальныя правила русс. грам.*, и съ тѣхъ поръ тѣ же труды являлись въ разныхъ видахъ и подъ разными заглавіями.— Грамматическіе труды Востокова напечатаны были отдѣльно въ первый разъ въ 1831 году подъ заглавіями: *Русская Грамматика* и *Сокращенная русс. грам. для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ* (по порученію Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій). Каждая изъ нихъ, особенно послѣдняя, перепечатывалась потомъ нѣсколько разъ. Въ началѣ Востоковъ заявилъ, какъ много онъ обязанъ труду чеха А. Я. Пухмайера: «Lehrgebäude der Russischen Sprache, nach dem Lehrgebäude der Böhmischen Sprache des H. Abbe Dobrovsky. Prag. 1820».

ніямъ. Положимъ напр., что вы употребили выраженіе: «можно бы подумать» или написали: «всклокоченные волосы». Нѣтъ, восклицалъ Гречъ: надобно сказать: «можно было бы подумать» [1], — «всклоченные волосы», не обращая вниманія на то, что вся Русь говоритъ иначе. Такъ и по орфографіи говорилось: «пишите *лекарь*» (какъ писалъ Карамзинъ): это слово происходитъ отъ глагола *лечить*; пишите *близъ* (нарѣчіе) для отличія отъ существительнаго *близь*; пишите *наизустъ*, а не *наизусть*, потому что предлогъ *изъ* требуетъ родительнаго падежа: *устъ*. Но авторитетъ Греча, проповѣдывавшаго эти произвольныя правила въ многочисленныхъ изданіяхъ своей грамматики и проводившаго ихъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Булгаринымъ, въ журналахъ, въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ отдѣльныхъ книгахъ, былъ такъ великъ, что правила этого рода сдѣлались господствующими и держались почти неизмѣнно лѣтъ двадцать, то есть до середины 1830-хъ годовъ. Разумѣется, впрочемъ, что въ первое время существованія *Сына Отечества* встрѣчаются въ немъ начертанія словъ, позднѣе оставленныя самимъ издателемъ. Такъ въ 1812 году онъ еще писалъ, напр: *естьли*, *щастіе*, *порутчикъ*, *Рускіе*, *угнѣтенный*, т. е. писалъ такъ, какъ Карамзинъ до появленія *Исторіи Государства Россійскаго*.

Измѣненія орфографіи послѣ Карамзина.

Нѣкоторыя отступленія отъ карамзинской орфографіи становятся особенно замѣтными сперва въ *Вѣстникѣ Европы* Каченовскаго, а потомъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* Сенковскаго. Каченовскій (см. *В. Е.* 1830) не отдѣлялъ напр. частицы *не* отъ глаголовъ (*неслѣдуетъ*), любилъ ударенія (*ка́къ*, *та́къ*, *ни́же*, *нахо́дите*), не употреблялъ ни Э (*ето*, *Поезія*), ни Ё (*Гете*), писалъ *идти* (не *итти*), *искуство*, *другій*, *вразсужденіи* (хотя онъ же писалъ *не уже ли*); но особенно оригинально его правописаніе въ

---

[1] На томъ будто бы основаніи, что глаголъ *быть* можетъ подразумѣваться только въ настоящемъ времени.

греческихъ словахъ, въ которыхъ онъ для звука И писалъ то *і*, то *ѵ*, напр. *Іліада*, *Іѳака*, *Ахіллесъ*, *Ѳерсітъ*, *Політіка*; *Улѵссъ*, *Смѵрна*, *сѵстема*. Отступленія *Библіотеки для Чтенія*, которая начала издаваться съ 1834 года, заключались главнымъ образомъ въ менѣе частомъ употребленіи прописныхъ буквъ и въ стремленіи обозначать черточками (единитными знаками, какъ называли ихъ въ старину) совокупленіе двухъ или нѣсколькихъ словъ въ нарѣчіе (locution adverbiale); такъ здѣсь пишутся слова: *можетъ-быть* (иногда безъ запятой), *по-крайней-мѣрѣ*, *по-счастію*, *во-первыхъ*, *по-видимому*, *между-тѣмъ*, *едва-ли*; *несмотря* пишется слитно; тутъ же мы находимъ *смѣшонъ* и рядомъ съ этимъ орфографію *лице*.

Еще далѣе въ подобныхъ, для того времени новыхъ начертаніяхъ пошли *Отечественныя Записки*, основанныя въ 1839 году А. А. Краевскимъ. Здѣсь прилагательныя *собственныя имена* начинаются уже во многихъ случаяхъ маленькою буквой (*русскій*, *нѣмецкій*); однакожъ имена народовъ (*Русскіе*, *Шведы*) и учрежденій (напр. *Дворянское Уѣздное Училище*) пишутся еще по прежнему съ прописною буквой; послѣ Ж Ч Ш Щ иногда является О (*бичомъ*), въ предлогахъ **воз, из, раз** сохраняется передъ всѣми буквами З (*разкрыть*, *изтреблять*); слова *что́*, *не́чего*, *ка́къ* въ извѣстныхъ случаяхъ отмѣчаются удареніемъ; но особенно выдаются черточки для соединенія словъ одного и того же реченія, напр: *въ-самомъ-дѣлѣ*, *въ-слѣдствіе*, *въ-послѣдствіи*, *потому-что*, *для-того*, *въ-теченіе*, *должно-быть*, *какъ-можно-строже*. Мало по малу многія изъ такихъ словъ стали писаться даже слитно, напр. *вслѣдствіе*, что́ сначала возбуждало общее вниманіе и толки, особенно когда увидѣли написанныя такимъ же образомъ слова *ксожалѣнію*, *ксчастію*. Съ этими двумя послѣдними начертаніями, такъ же какъ и съ прилагательною формой *петербуржскій*, которою отличались *Отеч. Записки*, публика никакъ не могла примириться, и редакція, если не ошибаемся, принуждена была наконецъ отказаться отъ нихъ. Менѣе противодѣйствія нашло введенное ею опущеніе *ера* въ сложныхъ словахъ,

подобныхъ слѣдующимъ: *генерал-адъютантъ*, *пол-листа*; однакожъ и эта орфографія мало распространилась.

Съ этихъ поръ нарушено было то довольно общее однообразіе правописанія, которое установилось-было по образцу карамзинскаго, и началась пестрота его въ подобныхъ приведеннымъ случаяхъ. Болѣе и болѣе стала обнаруживаться наклонность не употреблять прописныхъ буквъ, писать слитно слова, прежде писавшіяся отдѣльно, и сближать письмо съ говоромъ, особенно употребленіемъ О вмѣсто Е (Ё) послѣ Ж Ч Ш Щ, что́ теперь, по примѣру *Голоса*, принято и нѣсколькими другими изданіями.

Нововведенія и противодѣйствіе имъ.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ попыткамъ измѣнить въ томъ или другомъ отношеніи наше правописаніе. Эти попытки касались то самой азбуки, то различныхъ способовъ передавать звуки существующими у насъ буквами. Такъ какъ то и другое часто соединяется въ предположеніяхъ одного и того же лица, то мы и будемъ разсматривать вмѣстѣ оба рода нововведеній.

Въ 1828 году нѣкто (по показанію г. Геннади, умершій 1835 П. Л. Яковлевъ[1]) издалъ въ Москвѣ книжку: *Рукопись покойнаго К. А. Хабарова*, авторъ которой выдаетъ себя за отставного корректора и разсказываетъ, что тотчасъ по окончаніи своего ученія въ школѣ, онъ опредѣлился въ типографію. «Сталъ набирать, печатать, читать корректуру — разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи — и въ годъ выучился всему типографскому дѣлу. Работа трудная — за то здоровая. Всѣмъ, потерявшимъ аппетитъ, всѣмъ разслабленнымъ отъ удовольствій, я бы совѣтовалъ только одинъ мѣсяцъ поработать въ типографіи въ должности тередорщика[2]. Увѣренъ, что они выздоровѣютъ совер-

---

[1] См. *Книж. Вѣстн.* 1862 № 11: «Библіографич. справки по предполагаемому изгнанію изъ азбуки буквы Ъ» Григорія Книжника.

[2] Это слово, значащее печатникъ, взято съ итальянскаго tiratore. Я. Г.

шенно». По увѣренію автора, онъ цѣлые 22 года постоянно занимался при разныхъ типографіяхъ, а потомъ, наскучивъ этимъ дѣломъ, завелъ книжную торговлю. Онъ убѣдился, что русская азбука, форма литеръ требуютъ большихъ преобразованій. «Всякій разъ, набирая какую-нибудь книгу, продолжаетъ онъ, я думалъ о улучшеніи литеръ азбуки: вмѣсто отдыха, послѣ работы, чертилъ формы буквъ или задумывался надъ безтолковой азбукой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ и имѣя много свободнаго времени, я сталъ записывать свои мысли и предположенія о литерахъ и азбукѣ — вышло небольшое сочиненіе, которое и назначаю издать въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти». Онъ умеръ будто бы въ 1803 году, и рукопись издана кочующимъ книгопродавцемъ Евгеніемъ Третейскимъ. Сочиненіе это напечатано въ той же книжкѣ подъ особымъ заглавіемъ: «Усовершенствованная русская азбука или средства облегчить изученіе оной и способъ сократить число рускихъ буквъ, поясненные примѣрами. Бутырки, 1800 г. января 5 дня». Въ маленькомъ предисловіи мнимый Хабаровъ утверждаетъ, что мысль о возможности улучшенія русской азбуки представилась ему, когда онъ сталъ набирать съ рукописи профессора Барсова, въ которой не было буквъ Ъ и И и которая была, какъ видѣли выше, напечатана въ *Московскомъ журналѣ*.

Улучшенія Хабарова состоятъ въ томъ, что онъ предлагаетъ: 1) исключить изъ русской азбуки буквы: І Щ Ъ Ь Ѣ Э Ѳ Ѵ, такъ что вмѣсто 35-ти останется только 27 буквъ. По мнѣнію его, въ азбукѣ нашей недостаетъ двухъ буквъ ю̂ и й̈, но ихъ не нужно вводить туда: Ё замѣнитъ Ю̂, а знакъ ˘ надъ А Е И О У Ы Ю Я замѣнитъ Й̈. Вмѣсто І Хабаровъ совѣтуетъ употреблять вездѣ И, вм. Щ — СЧ или ШЧ, вм. Ъ кавычку или черточку, вм. Ь надстрочный знакъ ^, а вм. Ѣ ставить Е. — «Ѣ, говоритъ онъ, буква безполезная, но которая, какъ пронырливый лицемѣръ или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась не только нужною, но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе граматнаго и ученаго человѣка — только узнайте

напередъ гдѣ ее употреблять... а етаго-то... никто не знаетъ! Ѣ совершенный лицемѣръ... Одни говорятъ, пишите Ѣ во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Малороссіяне произносятъ И! Покорнѣйше благодаримъ! слѣдовательно чтобъ писать по русски надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себя ручнаго Малороссіянина для справокъ?... Другіе, Богъ знаетъ съ чего, рѣшительно вопіютъ: пишите Ѣ въ словахъ: *гнѣздо, блѣдный, свѣтъ, мѣсяцъ. Но почему? зачѣмъ?* Развѣ меня не поймутъ, если я напишу: *гнездо, бледный* и проч. Развѣ смыслъ слова измѣнится отъ моей антипатіи къ езуитской буквѣ Ѣ? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣющихъ уже букву Е, нужно еще Ѣ... Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ есть: такъ писали — такъ пишутъ всѣ граматные — но будто ето доказательство?»

Мы видимъ, что Хабаровъ противъ буквы Ѣ употребляетъ совершенно тѣ же доводы, къ которымъ и въ наше время не разъ обращались, чтобы доказать ея излишество. Таковы же и аргументы его противъ другихъ осуждаемыхъ имъ на изгнаніе буквъ. Относительно *ѳиты* онъ справедливо замѣчаетъ: «Чему намъ учиться прежде: русской грамотѣ, или греческому, латинскому, французскому и татарскому языкамъ?». — Чтобы дать наглядное понятіе о правописаніи Хабарова, выпишемъ одинъ изъ предлагаемыхъ имъ самимъ примѣровъ новаго письма: «Глаз по своему образованию не может смотрет̂ на себя без зеркала. Мы видим себя толко в' других предметах. Чувство бытия, личност̂, душа, все сие сусчествует толко потому, что вне нас сусчествует» и проч.

Утверждая, что письмо наше будетъ одинаково понятно, писать ли вездѣ Е, или Ѣ, и приводя тому примѣры, авторъ этой книжки между прочимъ говоритъ: «Скажу: веденіе—напишу веденіе, или вѣдѣніе — все равно». Неумѣстность такого примѣра портитъ всю его аргументацію: очевидно, что именно между этими двумя начертаніями величайшая разница, потому что каждое изъ нихъ отличаетъ слово, имѣющее свое самостоятельное значеніе; корень того и другого совершенно различный.

Покойный Лажечниковъ въ романѣ *Басурманъ* (1838) попытался-было сблизить правописаніе съ произношеніемъ. Главныя черты его письма состояли въ слѣдующемъ: 1) мѣстоименія и прилагательныя муж. и сред. рода въ род. пад. ед. числа оканчиваются на *ова*, *ева: ево*, *ничево*, *этова*, *старова*, *дальнева;* 2) буква Е пишется съ двоеточіемъ всякій разъ, когда она извѣстнымъ образомъ произносится, а послѣ шипящихъ буквъ на мѣсто ея ставится О: *чорный*, *шолковый*, *въ чомъ*, *вошолъ;* 3) *ѳита* вездѣ замѣняется буквою Ф: *Афанасій*, *Марфа*; 4) слова, составляющія вмѣстѣ какъ бы одно понятіе, пишутся слитно или соединяются черточками: *какбы*, *какбудто*, *както*, *сверхтово*, *квечеру*, *можетбыть*, *снебольшимъ*, *вутѣшеніе*; *въ-самомъ-дѣлѣ*, *на-этотъ-разъ*, *Успенской-Соборъ*; 5) вмѣсто СЧ пишется Щ: *нещастный*, *ращотъ*. Въ то же время, однакожъ, Лажечниковъ слѣдуетъ иногда противоположному правилу, т. е. усиливаетъ этимологическое начало, и пишетъ: *этѣ*, *этѣмъ*. Но его нововведенія не встрѣтили ни въ обществѣ, ни въ литературѣ сочувствія; напротивъ, они возбудили только насмѣшки, и во 2-мъ изданіи *Басурмана*, напечатанномъ въ 1841 г., мы уже не встрѣчаемъ этихъ особенностей письма.

Въ 1842 году нѣкто г. Кадинскій, въ Петербургѣ, рѣшился выступить съ новою азбукой, составленною изъ латинскихъ буквъ, которымъ онъ въ разныхъ сочиненіяхъ давалъ совершенно условное значеніе для передачи звуковъ русскаго языка. Все это было изложено въ брошюрѣ, названной «Упрощеніе русской грамматики. Uproscenie ruskoi grammatichi» и напечатано двоякимъ шрифтомъ: русскимъ и вновь предлагаемымъ латинскимъ. Какъ поводъ къ своему изобрѣтенію, составитель выдаетъ некрасивость и неудобство русскаго шрифта, съ которымъ будто бы неизбѣжно связаны неясность при чтеніи и опечатки; далѣе ему кажется, будто наша орфографія такъ произвольна и трудна, что требуетъ измѣненія шрифта. Входить здѣсь въ подробности орфографической затѣи г. Кадинскаго было бы утомительно и совершенно безполезно. Довольно, что въ свое время Бѣлинскій обстоятель-

но разобралъ эту брошюру [1], справедливо замѣтивъ, что ее слѣдовало бы назвать не упрощеніемъ, а «затрудненіемъ» русской грамоты или новою, еще ужаснѣйшею путаницею нашей грамматики. Знаменитый критикъ съ особенной охотою занялся этимъ разборомъ, потому что русское правописаніе, какъ видно, сильно интересовало его и самъ онъ носился съ мыслями о преобразованіяхъ по этому предмету. Нашъ алфавитъ казался ему по многимъ изъ своихъ буквъ некрасивымъ и даже безобразнымъ; употребленіе Ѣ находилъ онъ основаннымъ часто на шаткихъ правилахъ и потому нужнымъ только въ грамматическихъ окончаніяхъ; да и тутъ онъ предпочиталъ вмѣсто этой не нравившейся ему буквы писать Е съ облеченнымъ знакомъ (Ȇ); нѣкоторыя другія буквы представлялись ему также излишними; кромѣ того Бѣлинскій недоволенъ былъ слишкомъ искуственной орфографіей нашихъ прилагательныхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ онъ предлагалъ: 1) буквы П Ц Ш Щ изъ угловатыхъ сдѣлать округленными посредствомъ верхней и нижней поперечной черты (любопытно, что эта мысль, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ буквѣ П, была лѣтъ черезъ 20 выполнена въ московской типографіи М. Н. Каткова [2]; 2) выкинуть изъ азбуки буквы: И Й Ѣ Э Ѳ Ѵ; изъ нихъ Й замѣнить длиннымъ латинскимъ J, а букву Е, постредствомъ надсрочныхъ знаковъ, различать по свойству выражаемыхъ ею трехъ звуковъ; 3) для именительнаго падежа именъ прилагательныхъ муж. р. ед. ч. и всѣхъ трехъ родовъ множ. ч. принять ихъ настоящія, естественныя, какъ ему казалось, окончанія (**ой, ей—ыи, іи, еи**: ед. боль*ной*, вся*кой*, си*ней*; мн. больныи, всякіи, синеи) вмѣсто искуственныхъ и книжныхъ; въ род. же пад. ед. ч. писать: славн*ово*, больш*ово*,

---

[1] *Соч. Бѣлинскаго*, т. IX, стр. 484—510.

[2] Ту же мысль выразилъ въ *Маякѣ* 1843 года (т. VII) кто-то подписавшійся *Старая Кавыка* въ статьѣ: «Совѣтъ типографщику моему» и проч. Авторъ хлопочетъ особенно о красотѣ буквъ, предлагаетъ для звука Д одно изъ начертаній, употребительныхъ въ скорописи (∂ или g), находитъ, что вмѣсто Ё слѣдовало бы, соотвѣтственно выговору, писать É, поправляетъ порядокъ нашей азбуки и т. п.

верхн*ева*, нижн*ева*. Изъ этого видно, что въ предположеніяхъ Бѣлинскаго повторились мысли частью Ломоносова, также писавшаго *доброй*, *верхней* и не признававшаго Э и Ѳ, частью Тредіаковскаго, который писалъ во множ. *добрыи*, *верхніи*, а вмѣсто Ѣ ставилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Е. Впрочемъ Бѣлинскій, серіозно предлагая эти измѣненія, какъ осуществимыя по его убѣжденію на практикѣ, — шелъ въ теоріи гораздо далѣе и доказывалъ, какъ было бы хорошо дать нашей азбукѣ болѣе латинскій характеръ, измѣнивъ значеніе нѣкоторыхъ изъ ея буквъ (такъ чтобъ напр. Р значило П) и введя новыя латинскія же буквы вмѣсто тѣхъ, которыя бы такимъ образомъ остались за штатомъ. Но на такомъ коренномъ преобразованіи азбуки Бѣлинскій не настаивалъ, понимая, что «подобныя реформы не зависятъ отъ воли и желанія одного лица» и прибавляя, что онъ высказалъ свое мнѣніе только какъ мечту.

Что касается до г. Кадинскаго, то мы увидимъ ниже, что онъ не удовольствовался одною только попыткою дать ходъ своей странной орфографіи.

Замѣтимъ, что мысли въ родѣ выраженныхъ Бѣлинскимъ о бóльшемъ сближеніи нашей азбуки съ латинскою, высказывались и прежде, и послѣ него. Въ 1833 году, въ Москвѣ, появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Новыя усовершенствованныя литеры для русскаго алфавита». Неизвѣстный авторъ заботится о томъ, чтобы облегчить и сократить *первоначальное ученіе*, и для того находитъ нужнымъ: перемѣнить въ нашей азбукѣ нѣкоторыя буквы, сообразно съ исправленіями, сдѣланными Петромъ Великимъ; къ заимствованнымъ прежде изъ латинскаго алфавита прибавить или приспособить еще нѣсколько буквъ, а излишнія вовсе исключить. Чтобы разомъ дать понятіе о предлагаемыхъ имъ измѣненіяхъ, выписываю другое заглавіе книжки, представляющее смѣсь латинскихъ буквъ съ русскими: «ОРЫТ WEDENIЯ NOVЫH RUSSKIH LITER». При такомъ нововведеніи, по мнѣнію автора, можно бы выкинуть изъ нынѣшней азбуки четверть буквъ и ограничиться 27-ю; «прекратились бы, говоритъ онъ, безпрестанные споры объ

Е Ѣ Э И І Ѵ Ф Ѳ и проч.; иностранцы не будутъ смотрѣть на наши буквы какъ на полуазіятскія; какое торжество для типографій! тогда прямо могутъ печатать красивыми дидотовскими литерами или получать самые красивые шрифты изъ всѣхъ столицъ Европы». Вовсе устраняются буквы И Щ Ъ Ь Ѣ Э Ѳ Ѵ; сохраняются: А О Е (для звука Е вообще) и Т; вмѣсто остальныхъ буквъ предлагаются соотвѣтствующія латинскія начертанія (Б=B, В=V, Г=G и т. д.); вм. И, Й=I, І; вм. Щ—СЧ, ШЧ; вм. Ъ —черточка, вм. Ь—надстрочный знакъ.

Рядомъ съ этими фантастическими нововведеніями авторъ выражаетъ одну мысль, въ наше время уже осуществленную, но тогда еще сравнительно новую, заимствованную имъ у германскихъ падагоговъ во время заграничнаго путешествія: онъ горячо рекомендуетъ звуковой способъ обученія грамотѣ [1].

Совершенно съ тою же идеей, по которой неизвѣстный москвичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ перестраивалъ нашу азбуку, выступилъ недавно г. Засядко въ книгѣ: «О русскомъ алфавитѣ» (М. 1871). Ему также наша азбука кажется не красивою и не довольно четкою; кромѣ того онъ видитъ въ нашемъ письмѣ «чрезмѣрную растянутость, послѣдствіе излишняго числа письменныхъ знаковъ, и оттого напрасную трату времени, капитала и труда, и всѣ другія затрудненія для издателей, писателей и типографій». Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ подвергнуть русскій шрифтъ коренному измѣненію, сохранивъ въ немъ «древній греческій корень», но исправивъ его съ помощію латинскаго алфавита. Особенно осуждается то свойство нашего шрифта, что онъ имѣетъ одну только форму для литеръ, которыя здѣсь почти всѣ прописныя: при введеніи Петромъ Великимъ гражданской печати не

[1] Нашъ вѣкъ гордо приписываетъ себѣ введеніе этой методы; но мысль ея уже весьма стара. Звуковой способъ обученія грамотѣ рекомендуется уже въ 1620 году въ книгѣ испанца Juan Pablo Bonet «Reduction de las letras y arte para enseñar a hablar los mudos. Madrid, 1620» (Brücke, *Grundzüge*, стр. 5). Далѣе, объ этой же методѣ упоминается въ «Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal» (изд. 1810, стр. 264) и въ названномъ мною выше сочиненіи Аммана «De loqvela», Amsterd. 1700 (стр. 58).

озаботились, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, дать строчнымъ литерамъ форму, отличную отъ прописныхъ. Въ латинской азбукѣ, замѣчаетъ г. Засядко, изъ 26 литеръ только 8 имѣютъ одинакія очертанія съ прописными; у насъ, наоборотъ, изъ 36 литеръ, составляющихъ нашъ алфавитъ, только 5 (а, б, е, р, у) имѣютъ въ печатномъ шрифтѣ различныя очертанія для прописной и для строчной формы; а всѣ остальныя, въ томъ и другомъ случаѣ, печатаются совершенно сходно [1]. Авторъ находитъ это весьма страннымъ, мѣшающимъ изяществу и четкости шрифта. Послѣ подробной критики нашего алфавита какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, т. е. какъ по очертаніямъ буквъ, такъ и по отношенію ихъ къ звукамъ (критики, въ которой о многомъ можно бы поспорить съ авторомъ), онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: буквы Ъ Ь Ѣ Ы И Й Э Ю Я Ж Ц Ч Ш Щ Ѳ должны быть изгнаны; вновь предлагаются: 1) латинскія h и j для выраженія густого дыханія (Номеръ вм. Гомеръ), и іотированія гласныхъ (jолка, моjо, поjотъ); 2) Я и Ю замѣняются слогами ja, ju; 3) вмѣсто шипящихъ вводятся: ç (ц), zh (ж), ch (ш), çh (ч), cçh (щ). За этими и другими предлагаемыми авторомъ измѣненіями, вотъ его русская азбука: A B V G D E H Z I J K Л M N O П P C T U Ф X Ç Zh Ch Çh (всего 26 знаковъ). Ъ и Ь замѣняются надстрочными черточками.

[1] До 1830-хъ годовъ для звука Т была въ печати особая строчная буква, подобная рукописной (*т*), т. е *ш* вверхъ ногами; строчное т было въ первый разъ придумано и употреблено въ печати покойнымъ академикомъ Кеппеномъ въ «Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», Спб. 1827. Мало по малу это нововведеніе вошло въ общій обычай; но сперва оно казалось страннымъ: въ газетѣ *Сѣверная Пчела* оно является только съ начала 1833 года; слѣдовательно тогда этою новою буквой завелась типографія Греча, примѣру которой послѣдовали затѣмъ и другія. Самъ Кеппенъ упоминаетъ о своемъ нововведеніи въ Bulletin de la Classe historico-philologique 1847 г. (V, 48). Въ курсивномъ шрифтѣ до сихъ поръ остается еще въ употребленіи *т* рукописное; недавно, по желанію А. А. Куника, въ типографіи Академіи наукъ отлито строчное *т* и для этого шрифта. Отсюда видно, что не всѣ, подобно г. Засядко, считаютъ неудобствомъ одинаковость формы строчныхъ и прописныхъ буквъ.

А вотъ и образчикъ письма по этой азбукѣ:

«Ia, jakop', ctojanka, npedjavleuije, objavit', pazjacuit', liuija, nepja, ctpyçja».

Это читается такъ:

«Я, якорь, стоянка, предъявленіе, объявить, разъяснить, линія, перья, стручья».

Читатель видитъ, что, расходясь въ частностяхъ, изобрѣтатели двухъ новыхъ азбукъ, являющіеся на разстояніи почти 40 лѣтъ одинъ отъ другого, чрезвычайно согласны между собою и не очень далеки отъ г. Кадинскаго. Едва ли была бы какая-нибудь польза въ серіозномъ разборѣ подобныхъ попытокъ, совершенно чуждыхъ практической почвѣ. Приходится повторить то, что́ сказалъ Полевой при появленіи первой изъ этихъ двухъ книгъ: «Несовершенство русскаго алфавита заставляло многихъ думать объ исправленіи и даже о перемѣнѣ онаго. Но употребленіе, вѣчный врагъ всѣхъ нововведеній, противится преобразователямъ нашего алфавита, и уничтожаетъ ихъ попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что и сей новый *Опытъ введенія новыхъ русскихъ литеръ* не будетъ имѣть никакихъ слѣдствій» [1].

Къ попыткамъ этого же рода можно отнести и стараніе нѣкоторыхъ, впрочемъ гораздо болѣе раціональное, видоизмѣнить или дополнить тѣ или другія русскія буквы для болѣе точной передачи звуковъ въ иностранныхъ словахъ, особливо въ именахъ собственныхъ. Тутъ сперва является Тредьяковскій, о предложеніи котораго ввести букву *голь* уже говорено выше. Позднѣе академикъ Палласъ, въ *Сравнительныхъ словаряхъ* [2], далъ буквѣ Г, для звука h, въ отличіе подстрочный значокъ (седиль). Гг. Катковъ и Срезневскій въ упомянутыхъ выше изслѣдованіяхъ ставятъ надъ этою буквой надстрочный знакъ. Академикъ Бётлингъ предлагалъ употреблять ҕ. Иные совѣтовали просто перенести въ русскій алфавитъ латинскую букву h. Бывшій профессоръ Гельсингфорскаго

---

[1] *Моск. Телеграфъ* 1833, № 14, стр. 263.

[2] Ч. I. Спб. 1787: см. Explicatio literarum Alphabeti Rossici.

университета С. И. Барановскій въ своихъ географическихъ пособіяхъ прибѣгалъ для этого звука къ знаку греческаго густого дыханія (ʽ). Покойный Ястребцевъ въ изданной имъ книжкѣ «О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста» [1] ставитъ этотъ же знакъ, но не отдѣльно передъ гласною, а надъ самою буквой Г, напр. онъ пишетъ Г̔игіена. Онъ же, для означенія англійскаго звука th, употребляетъ, какъ въ греческихъ именахъ, *ѳиту* [2]; тонкое произношеніе буквы Л отмѣчаетъ онъ надстрочнымъ *ерикомъ*, напр. Палласъ; наконецъ, для изображенія французскаго носоваго N (какъ въ словѣ Cousin) онъ сначала писалъ н' (съ апострофомъ), а потомъ, по совѣту египтолога Гульянова, сталъ ставить надъ н букву г, «такъ какъ во французской носовой буквѣ N, кромѣ *словесной стихіи*, выражаемой русскимъ н, находится еще часть *стихіи*, выражаемой буквою г». Въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ стали у насъ являться еще нововведенія въ правописаніи чужихъ собственныхъ именъ и другихъ заимствованныхъ словъ. Такъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* вошло въ обычай писать ихъ иностранными буквами, а при склоненіи ставить апострофъ между именемъ и падежнымъ окончаніемъ, напр. съ Lagrange'емъ, beau monde'a; но не есть ли это вопіющій образчикъ грибоѣдовскаго «смѣшенія французскаго съ нижегородскимъ?» *Отеч. Записки* начали писать: *Уальтеръ Скоттъ*, *Уашингтонъ*, *Бэкнъ;* многіе приняли эту орѳографію; другіе остались при прежней, какъ видно, напр., изъ напечатанной въ *Москвитянинѣ* 1849 года [3] статьи М. Лихонина «О правописаніи иностранныхъ собственныхъ именъ».

Названный выше профессоръ Барановскій, въ брошюрѣ «О согласованіи правописанія съ произношеніемъ» [4], представляя свои наблюденія надъ фонетикой главныхъ нарѣчій рус-

---

[1] М. 1831; отрывки были напечатаны въ *Моск. Телеграфѣ* 1832.

[2] Чтó и въ наше время дѣлалось въ *Моск. Вѣдом*: Gatherly = Гаѳерли.

[3] Ч. IV, Отд. III. Науки и художества.

[4] Напечатанной отдѣльно безъ означенія года и помѣщенной также въ *Иллюстраціи*, когда именно, не упомнимъ.

скаго народа, совѣтуетъ писать: «мужеск*ого* и средн*его* рода», «для господствующ*его* *русского* нарѣчія»; далѣе: «розличіе, розпространять» (т. е. предлогъ *раз*, по его мнѣнію, долженъ всегда писаться *роз*, потому что иногда онъ такъ произносится). Впрочемъ г. Барановскій — усердный защитникъ не только буквы Ѣ, которая на его слухъ имѣетъ свое особое произношеніе, но также *ѳиты* и *ижицы*, полезныхъ, какъ онъ находитъ, для изображенія иностранныхъ звуковъ.

Мимоходомъ упомяну здѣсь о брошюрѣ г. В. Васильева: *Грамматическія разысканія* (1845), первая часть которой посвящена разсмотрѣнію буквы Ё какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ. Хотя взглядъ автора и не совсѣмъ правиленъ въ строго-научномъ смыслѣ, однакожъ во многихъ случаяхъ онъ заслуживаетъ вниманія. Между прочимъ брошюра осуждаетъ покойнаго Межевича за употребленіе начертаній: *почотный*, *счотъ*, *въ чомъ*, *чорный*, и приводитъ изъ *Сѣверной Пчелы* слова Булгарина, выражавшія его негодованіе противъ тѣхъ, которые говорили, что должно писать, какъ говорятъ. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за предлагаемыми г. Васильевымъ, не всегда основательными доводами, и предоставляемъ себѣ изложить ниже свое собственное мнѣніе объ этомъ нелегкомъ вопросѣ русской орфографіи.

Въ 1852 году издатель С.-Петербургскихъ полицейскихъ Вѣдомостей Фурманъ вздумалъ возбудить въ этой газетѣ вопросъ о русскомъ правописаніи[1]. «Не только каждый журналъ, говоритъ онъ, но почти каждый нѣсколько замѣчательный писатель придерживается *своего* правописанія... Съ одной стороны мы видимъ постоянное сліяніе предлоговъ съ существительными, ксожалѣнію, впродолженіи, втеченіе и т. п.; съ другой замѣненіе буквы Е буквою О, учоный, чорный, душою, отцомъ и т. п.; далѣе особенную любовь къ дательному падежу, — подобнаго роду, такого разряду[2] и т. д.». Затѣмъ авторъ статьи старается дока-

[1] *Вѣд. Спб. гор. полиціи* 1852, №№ 213 и 226.

[2] Намекъ на Сенковскаго, который часто употреблялъ это польское окончаніе род. падежа.

зать, что буквы Ѳ и Э совершенно излишни. «Ѳ, говоритъ онъ, сдѣлалась въ нашей азбукѣ буквою *мертвою*, т. е. осталась только въ нѣкоторыхъ старыхъ греческихъ словахъ; во всѣхъ же другихъ, переходящихъ въ нашъ языкъ, начиная съ вѣка Екатерины II, является вмѣсто Ѳ буква Т. Слѣдственно, мертвый членъ можно отсѣчь легко, безъ всякаго ущерба для всего тѣла, особенно если онъ можетъ быть замѣненъ другимъ, *вполнѣ ему равносильнымъ*... Русскій языкъ не имѣлъ нужды поддѣлываться подъ греческій звукъ, а прямо превратилъ его въ свой губной звукъ, для выраженія котораго назначена буква Ф. Для чего же Ѳ? Развѣ для того только, что славянскіе учители были Греки и произносили Ѳ по гречески. Для ихъ уха было странно превратить зубной звукъ въ губной; а быть можетъ они даже не угадывали, въ какой звукъ славянскій говоръ превратитъ ихъ Ѳ. Вотъ какъ явилась въ славянской азбукѣ Ѳ; явилась она *разумно*, не какъ лишняя, но какъ буква со своимъ особеннымъ звукомъ. Славянскій языкъ, по свойству своему, не принялъ этого звука. Зачѣмъ же остался знакъ, его выражавшій? Съ какой стати буква Ф получила вовсе не нужный дупликатъ?» Что касается буквы Э, то Фурманъ совершенно неудачно силится доказать ея безполезность и мнимую сбивчивость ея употребленія. Все дѣло въ томъ, что она соотвѣтствуетъ дѣйствительно-существующему въ языкѣ звуку и что она необходимо принадлежитъ къ системѣ нашихъ гласныхъ, которая безъ нея не имѣла бы полнаго на письмѣ изображенія. Наши восходящіе дифтонги (по Ломоносову, потаенныя двоегласныя) произошли отъ гласныхъ: А О У; Я = ЙА, Ё = ЙО, Ю = ЙУ; очевидно, что и Е = ЙЭ, т. е. что это также дифтонгъ; безъ начертанія Э мы не могли бы правильно изобразить состава буквы Е.

Замѣтки Фурмана и возбужденные ими толки подали поводъ г. Стоюнину помѣстить въ полицейской же газетѣ[1] дѣльную статью «о русской азбукѣ», гдѣ онъ противъ безотчетныхъ ум-

[1] 1852, №№ 242 и 243.

ствованій выставляетъ знамя науки. Разсматривая постепенное развитіе нашей азбуки со времени введенія гражданской печати, онъ нѣсколько подробнѣе останавливается на мнѣніяхъ Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова и наконецъ вступается за оспариваемыя нѣкоторыми права буквы Ѣ. «Въ грамматическомъ устройствѣ языка», говоритъ г. Стоюнинъ, «обѣ буквы—Ѣ и Е—имѣютъ свое значеніе и свои особенные, отличные одинъ отъ другого законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ: вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть Ѣ уступитъ всѣ свои права Е, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ, различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила. Но намъ скажутъ: вѣдь исключена же буква *юсъ*, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ У и Я? Да, въ письмѣ она исключена, но мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ; въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она все-таки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда никогда исчезнуть. Въ такомъ случаѣ не можетъ ли и буква Ѣ существовать только въ одной грамматикѣ? Какая же изъ того польза? Развѣ та, что большинство не будетъ затрудняться въ правописаніи многихъ словъ; но вѣдь и кромѣ буквы Ѣ есть не мало случаевъ въ русскомъ правописаніи, гдѣ затрудняется большинство: неужели все это уничтожать и измѣнять по требованію большинства, которому между тѣмъ легко можетъ помочь наука? Такимъ образомъ буква Ѣ не можетъ назваться *условною* буквой, до которой нѣтъ дѣла филологіи; нѣтъ, она имѣетъ свое свойство, свое значеніе, имѣетъ полное право стать подъ защиту разумной науки».

Особенною смѣлостью отличается орфографическая попытка, выразившаяся изданіемъ книги: «Філоктіт, трагедія Софокла. С греческова перевел і замѣчаніямі объяснiл Н. Т. Санктпетер-

бург 1856». Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: «. . . я держался правопісанія, которое назову правопісаніемъ безъяцкім— безъяцкіі̆, безъяк, без Ѣ; прідержіваясь этова правопісанія я выпустіл із азбукі букву Ѣ і все ізлішнія буквы, знакі не імеющіе ілі потерявшіе значеніе и смысл, я старался довесті русское правопісаніе до возможноі̆ простоты; мне кажется, я надеюсь на то, я даже уверен в том, что это правопісаніе со временем должно воі̆дті в употребленіе, ібо оно раціонально, оно просто, оно унічтожает всякія устаревшія, потерявшія значеніе, безсмысленныя і затрудняющія формы азбукі. Впрочем раціональная послѣдовательность требует ввесті новыі̆ знак ȩ для обозначенія мягкова О, т. е. Ё, Ю̂, какъ напрімер в словах: ещȩ, всȩ перевȩл; такім образом все гласныя будут іметь знак для обозначенія іх смягченія, а именно: А—JА=Я, Э—JЕ=Е, I—JI=İ, О—JО=Ȩ, И—JУ—Ю; о знаке Ȩ не буду спорітъ: еслі можно прідумать лучшіі̆, более удобный знак, то тем лучше».

Орфографію того же рода находимъ въ книгѣ: «Греческая мифология, или сказание о вере и богах древних народов. Н. Причудинскова». (Спб. 1860. 12°). Авторъ находитъ, что при множествѣ предметовъ, которые русскому человѣку нужно изучать, ему нельзя «терять время на то, чтобы научиться писать букву Ѣ и другія безполезныя буквы — нет, нет и тысячу раз нет!... Университетское изучение русскова языка и славянских наречий», объясняетъ онъ, «убедило меня в возможности выпустить букву Ѣ и другия лишния буквы (Θ, I, Ъ въ конце слов); вот почему я написал эту книжку безъяцким правописанием». Послѣднія слова и другія особенности этой книжки, хотя и не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, что мы видѣли въ предыдущей, заставляютъ предполагать, что обѣ одного происхожденія[1].

Въ 1857-мъ году является опять г. Кадинскій; на этотъ разъ его книжка озаглавлена: «Преобразованіе и упрощеніе русскаго

---

[1] По мнѣнію г. Геннади, это — соч. Н. Тимаева; начальными буквами его имени означено и предыдущее изданіе.

правописанія». Чтобы дать понятіе о скромномъ взглядѣ самого автора на свое изобрѣтеніе, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ послѣдней страницы этого творенія: «.... pri Latinscoi asbucae y pri moyx pravilax ni odin rebénoc ne moget sdeelath oxibchi v' pravopisaniy; potomu chto u menea caghdy zvuc imeeiet sobstvennoie nacertanie, nezameenimoie nicachim drughim nacertaniem; tac chto vseacoi proizvoll v' pravopisaniy na vsegda ustraneaietsea. Y docolae Ruscaia rech budet gith v' ustax naroda, dotolee moié pravopisanie soxranit neizmeenno svoi xaracter». При появленіи этой книжки, Сенковскій, остроумно поднявъ на смѣхъ такое письмо[1], воспользовался случаемъ, чтобы и съ своей стороны предложить нововведеніе, не менѣе странное. Считая «истиннымъ горемъ русской грамоты отсутствіе въ ней всякой методы выражать съ надлежащею вѣрностью иностранныя собственныя имена», онъ придумалъ слѣдующій оригинальный способъ поправить эту бѣду. «Есть у насъ», говоритъ *Брамбеусъ* (такъ онъ подписался подъ статейкой), «одна *оборотная* буква (Э). Основаніе системы положено: нельзя ли дать ей нѣкоторое развитіе... распространить кругъ оборотности? Почему бы оборотное Г не могло выражать у насъ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго h[2]? Почему оборотный ерикъ ꟼ, поставленный послѣ Н, не указывалъ бы на французское носовое N, или оборотное ⊥ на англійское th?... Французское U можно было бы удобно выразить посредствомъ того же мягкаго знака, поставленнаго послѣ твердаго русскаго У такъ: УЬ. Глухое h хорошо выражается оборотнымъ апострофомъ: фамилія Victor Hugo приняла бы въ русской печати видъ «Викторъ ‘Уьго»... и т. д. Сенковскій (серіозно или шутя?) находилъ эту мысль полезною и выра-

---

[1] *Сынъ От.* 1857, № 32.

[2] Сенковскій повидимому не зналъ, что мысль объ *оборотномъ* Г уже выражена въ слѣдующемъ примѣчаніи къ *Разговору* Тредьяковскаго: «Нѣкто ізъ іскусныхъ людей, котораго я къ себѣ благосклонность почітаю, вымышляетъ сей буквѣ двѣ фігуры, а именно сію Т і сію L: но мнѣ сіе не нравітся длятого что онѣ обѣ странны, і дікі очамъ россійскімъ» (*Разг.*, Спб. 1748, стр. 382).

жалъ желаніе, чтобы она удостоилась вниманія и утвержденія главнѣйшихъ періодическихъ изданій.

Послѣ г. Кадинскаго соотечественникъ его г. Котковскій пошелъ еще далѣе и въ изданной 1862 г. въ Кіевѣ брошюрѣ Postęp i wstecznośc и проч. доказывалъ, что всѣ Славяне должны принять польскую азбуку и польское правописаніе (см. *Кіев. Курьер* 1862, № 35, статья К. Шейковскаго «О польском правописаніи»). Вотъ что между прочимъ говоритъ рецензентъ этой брошюры: «Г. Котковскій видит, в *гражданицѣ* (так он называет теперешній русскій алфавит) много азіятскаго. Но в своей брошюрѣ он употребляет такіе филологическіе пріемы, которые и в Азіи уже не употребительны» и проч.

Орфографическія совѣщанія въ Петербургѣ.

Въ 1860 году начали выходить въ Воронежѣ *Филологическія Записки*, изданіе, которое и до сихъ поръ ведется съ похвальнымъ постоянствомъ и любовью къ наукѣ. Въ первомъ же выпускѣ его напечатана довольно обширная статья издателя А. А. Хованскаго «Взглядъ на правописаніе вообще». Хотя эта статья и не представляетъ полнаго и систематическаго труда, однакожъ авторъ ея заслуживаетъ благодарность за эту первую въ своемъ родѣ попытку выяснить современное положеніе русскаго правописанія и обозрѣть его видоизмѣненія въ разныхъ органахъ нашей печати. Г. Хованскій по большей части не входитъ въ критическое разсмотрѣніе того или другого способа начертанія словъ, а довольствуется указаніемъ нѣкоторыхъ, самыхъ видныхъ разнорѣчій правописанія и приходитъ къ такому заключенію: «Что же намъ наконецъ остается дѣлать, чтобы установить единство въ правописаніи? Остается одно — доказывать право употребленія той или другой буквы, изыскивать и выяснять то начало, на которомъ можно было бы основать неоспоримое доказательство того или другого правила, — въ остальномъ согласиться не трудно, а согласіе въ этомъ необходимо: оно святое дѣло»[1].

---

[1] *Фил. Зап.* 1860, вып. I, стр. 65.

Кажется, эта статья не осталась безъ послѣдствій и имѣла нѣкоторое участіе въ возбужденіи тѣхъ орфографическихъ совѣщаній, которыя въ первой половинѣ 1862 года обращали на себя вниманіе всего грамотнаго Петербурга. По крайней мѣрѣ г. Стюнинъ, въ рефератѣ прочитанномъ въ первомъ засѣданіи, не забылъ упомянуть о статьѣ г. Хованскаго. Впрочемъ довольно необыкновенное явленіе этого грамматическаго конгресса было въ связи съ господствовавшими тогда въ нашемъ обществѣ стремленіями къ облегченію народнаго образованія, къ распространенію грамотности. Съ 1860 года во 2-й петербургской гимназіи происходили, по два раза въ мѣсяцъ, педагогическія собранія. На одномъ изъ нихъ, въ январѣ 1862 г., Стоюнинъ предложилъ «пригласить всѣхъ учителей русскаго языка, занимающихся въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы они согласились въ общихъ орфографическихъ основаніяхъ и, разъяснивъ нѣкоторые спорные пункты, упростили бы самую орфографію»[1]. Мысль эта была одобрена собраніемъ, и въ Великомъ посту начались совѣщанія, въ которыхъ, кромѣ педагоговъ, приняли участіе и нѣкоторые журналисты; было тутъ много и любопытныхъ. Отчеты объ этихъ разсужденіяхъ печатались въ журналѣ *Учитель*, и притомъ печатались одно время съ новою, одобренной въ собраніяхъ орфографіей. Въ первомъ собраніи, на которомъ присутствовало болѣе ста человѣкъ, и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, г. Стоюнинъ прочелъ составленную имъ записку о предлежавшей этимъ сходкамъ задачѣ. Его программа отличалась умѣренностью, и если бъ совѣщавшіяся лица остались вѣрны главнымъ его началамъ, то вѣроятно тогдашнія собранія имѣли бы большій успѣхъ, нежели какой въ самомъ дѣлѣ выпалъ на долю ихъ. Г. Стоюнинъ очень хорошо понималъ, что невозможно предоставить въ орфографіи исключительнаго господства ни этимологическому основанію, ни фонетическому, и что рѣчь можетъ итти только о примиреніи ихъ, объ опредѣленіи, «въ какихъ случаяхъ держаться словопроизвод-

---

[1] *Учитель* 1862, стр. 132.

ства, въ какихъ произношенія». Онъ очень умно замѣтилъ, что *историческое основаніе*, т. е. не одна филологическая сторона, но и давняя привычка, обратившаяся въ законъ, «никакъ не допускаетъ крутыхъ и рѣзкихъ преобразованій и измѣненій, которыя должны были бы заставить все настоящее дѣйствующее поколѣніе переучиться писать и даже читать, и которыя могутъ угрожать будущимъ поколѣніямъ не понимать безъ особеннаго ученья того, что напечатано до настоящаго времени[1]». Къ сожалѣнію, г. Стоюнинъ, развивая далѣе частности своего плана, самъ забылъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое основное начало и предлагалъ между прочимъ такія нововведенія, которыя конечно принадлежатъ къ разряду коренныхъ преобразованій письма; напр. онъ предлагалъ писать по слуху: *голанецъ*, *голанскій*, *лапланецъ*, вм. *голландецъ* и проч., т. е. такъ, какъ до тѣхъ поръ никто не писалъ.

Программа г. Стоюнина была принята собраніемъ; положено считать вопросы рѣшенными только по общему согласію, и приступлено къ разсмотрѣнію русскаго алфавита, при чемъ немедленно рѣшено исключить изъ него *ѳиту*.

Собравшіеся во второй разъ, при самомъ открытіи совѣщаній, отступили уже отъ руководящей мысли первоначальнаго плана, заявивъ себя, большинствомъ голосовъ, на сторонѣ коренныхъ преобразованій, т. е. такихъ, которыя клонятся къ измѣненію правилъ, принятыхъ всѣми. По прочтеніи г. Кеневичемъ остроумной записки, направленной противъ буквъ Ѣ Ъ Ь Ѳ и Ѵ, происходили долгіе споры о буквѣ Ѣ; наконецъ почти всѣ согласились, что исключеніе ея было бы желательно, не смотря на возраженія г. Стоюнина и нѣкоторыхъ другихъ педагоговъ, указывавшихъ на практическія неудобства такого исключенія. «Есть ли возможность, спрашивалъ г. Стоюнинъ, учить орфографіи безъ Ѣ, пока эта буква не выйдетъ изъ печати, и можно ли надѣяться, что такое нововведеніе будетъ принято въ литературѣ и вообще

---

[1] *Учитель* 1862, стр. 266.

грамотными людьми? Ученіе дѣтей происходитъ по книгамъ, а разлада или разрыва между ученіемъ и тѣмъ, что дѣти находятъ въ своихъ учебныхъ книгахъ, быть не должно. Дѣлать же пробу въ надеждѣ, что со временемъ такая орѳографія утвердится, не значитъ ли играть учениками, чего никто также позволить себѣ не можетъ»[1]. Кѣмъ-то было сдѣлано еще другое, не менѣе основательное возраженіе: «Положимъ, что правила правописанія, одобренныя настоящимъ собраніемъ, будутъ приняты и установятся въ свѣтской литературѣ; но духовная-то литература что скажетъ? Будетъ ли она согласна принять ихъ? А ея согласіе очень важно: мы теперь хлопочемъ о распространеніи грамотности въ народѣ, а народъ, какъ всякому изъ присутствующихъ извѣстно, всего охотнѣе берется за книги духовнаго содержанія».

Съ 3-го засѣданія увлеченіе педагоговъ желаніемъ передѣлать кириллицу, вопреки *историческому началу*, признанному въ 1-мъ собраніи, замѣтно растетъ. Пренія касались особенно предложенія не употреблять буквъ Ъ и Ь и замѣнить ихъ надстрочными знаками. Но «вопросъ о знакѣ смягченія возбудилъ вопросъ о типографскомъ удобствѣ. Г. Кеневичъ объявилъ, что онъ наводилъ справки въ типографіи Академіи наукъ и тамъ узналъ, что предлагаемый имъ знакъ ударенія надъ согласною буквою значительно долженъ увеличить типографскую буквенную кассу, такъ какъ нужно будетъ отливать особенно каждую согласную букву со знакомъ». Это заявленіе заставило собраніе отложить вопросъ о буквахъ Ъ и Ь. Между тѣмъ однакоже всѣ согласились принять за основаніе такое правило: каждая буква должна выражать опредѣленный звукъ; каждый существующій въ языкѣ звукъ долженъ имѣть соотвѣтствующую букву въ алфавитѣ, но только одну; знакъ, не соотвѣтствующій никакому звуку, не долженъ входить въ разрядъ буквъ, а быть знакомъ надстрочнымъ[2]. На этомъ основаніи одобрено предложеніе г. Стоюнина ввести въ

---

[1] *Учитель*, стр. 302. Ср. выше, стр. 225, защиту буквы Ѣ въ прежней статьѣ г. Стоюнина.

[2] *Учитель*, 345.

азбуку букву Ё, и большинствомъ голосовъ опредѣлено ставить ее между прочимъ послѣ Ж Ц Ш Щ и Ц тамъ, гдѣ она звучитъ какъ О. Затѣмъ, для изображенія звука И большинство отдало предпочтеніе буквѣ I и рѣшило оставить ее въ алфавитѣ, исключивъ И, а вмѣсто Й употреблять I съ краткимъ знакомъ [1]. Замѣтимъ, что тутъ, вопреки первоначальному постановленію собранія, вопросы рѣшаются уже по большенству голосовъ, а не съ общаго согласія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Стоюнинъ, одобривъ принятыя совѣщавшимися заключенія, какъ согласныя съ установленнымъ предварительно основаніемъ (въ чемъ однакожъ трудно убѣдиться), напомнилъ между тѣмъ, что всѣ предложенныя исключенія буквъ могутъ быть заявлены «только какъ разумное желаніе, чтобы упростить и облегчить нашу орфографію; ввести же эти новизны въ общее употребленіе, въ печать», замѣтилъ онъ, «не въ нашей власти; поэтому нельзя ихъ вводить и въ педагогическую практику, пока онѣ не примутся въ печати» [2]. Затѣмъ онъ совѣтовалъ заняться болѣе практическими вопросами правописанія и перейти къ третьему отдѣлу программы, т. е. *перебрать всѣ разногласія въ орфографіи по частямъ рѣчи.* Согласно съ этимъ и были разсмотрѣны нѣкоторые частные случаи, и тутъ высказаны кое-какія дѣльныя и интересныя замѣчанія, но постановлено опять нѣсколько совершенно непрактическихъ по новизнѣ своей правилъ, напр. по предложенію г. Стоюнина опредѣлено писать: *щастіе*, *щитать*, *пищая бумага*, и далѣе: *рассказъ*, *рассужденіе*, *бесснѣжье*, *бессловесный*, или еще: *Лягарпъ*, *Ляморисьеръ*, *маёръ* (вм. маіоръ), *петербурскій*, *выборскій*, *францускій*, *персицкій*. Г. Кеневичъ, прочитавшій особую записку о правописаніи слитныхъ предлоговъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без* и *чрез* и подавшій ею поводъ къ приведенному окончательному заключенію по этому предмету, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ весьма основательный разборъ орфо-

---

[1] *Учитель*, 347.
[2] *Учитель*, 401.

графіи этихъ предлоговъ въ словарѣ Даля, который пишетъ: *бесбруйный, бесвязный, беславіе, бесловесный* и т. п.

Изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ новаго правописанія, задуманнаго педагогическими собраніями, достаточно видно, какъ они незамѣтно удалились отъ первоначально принятой ими программы и, въ прямомъ противорѣчіи съ нею, стали на путь, по которому итти далѣе было трудно. Отчетъ о 6-мъ совѣщаніи кончается заявленіемъ, «что по случаю наступающаго лѣта и каникулъ орфографическія собранія откладываются до осени. Очередные вопросы слѣдуютъ: о флексіяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ». Осенью однакожъ орфографическія совѣщанія не возобновились; въ *Учителѣ* прочли только нѣсколько замѣтокъ по этому предмету, присланныхъ заинтересованными лицами на обсужденіе бывшихъ собраній и по большей части отличавшихся смѣлостью предложеій. Такимъ образомъ орфографическія совѣщанія 1862 года не привели ни къ какому практическому результату и остались только любопытнымъ и поучительнымъ эпизодомъ въ исторіи попытокъ перестроить нашъ алфавитъ и наше правописаніе на новыхъ основаніяхъ. Если бъ затѣявшіе это дѣло сумѣли удержаться на практической почвѣ, если бъ ограничили свою задачу разъясненіемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и рѣшеніемъ, которое изъ двухъ или трехъ уже употребительныхъ начертаній болѣе раціонально, то можетъ-быть результатъ былъ бы другой и публика сказала бы совѣщавшимся лицамъ спасибо. Но въ данныхъ условіяхъ орфографическія собранія 1862 года послужили только новымъ подтвержденіемъ той истины, что никакія крутыя преобразованія въ языкѣ, предпринятыя по теоріи, не удаются, хотя бы и имѣли за себя авторитетъ извѣстныхъ спеціалистовъ.

Явленія, вызванныя орфографическими совѣщаніями.

Органы нашей журналистики очень различно отнеслись къ орфографическимъ совѣщаніямъ. Въ апрѣльской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* явилась юмористическая статья въ видѣ от-

рывковъ изъ не существующаго журнала *Самодуръ*, напечатанныхъ на основаніи новой орфографіи, въ которой осуществлены не только предположенія, одобренныя собраніями, но и нѣкоторыя черты частныхъ мнѣній, не принятыхъ ими[1]. Въ мартовской книжкѣ *Библіотеки для чтенія* неизвѣстный авторъ статьи «По вопросу объ упрощеніи русской орфографіи» нападаетъ съ ожесточеніемъ на всякую связь правописанія съ грамматикой, и потому, находя даже предположенныя преобразованія недостаточными, требуетъ чисто-фонетической орфографіи, не касаясь однакоже вопроса о практической возможности осуществленія такой мысли[2]. Особенно-живая статья по поводу петербургскихъ совѣщаній о правописаніи явилась въ журналѣ *Время* (март. книжка) подъ заглавіемъ: «Орфографическая распря». Извлеченіе изъ нея помѣщено въ приложеніяхъ къ настоящему труду. Съ безусловнымъ сочувствіемъ къ преобразовательнымъ планамъ конгресса отнесся *Книжный Вѣстникъ*, напечатавъ (въ № 5) статью г. Бѣлобородова, «Нѣсколько словъ объ упрощеніи правописанія»[3]. Авторъ не сомнѣвается въ благотворныхъ результатахъ совѣщаній, приходитъ къ заключенію, что «какъ народъ нельзя заставить говорить такъ, какъ пишется, то, натурально, надо писать, какъ говорится», и представляетъ образчикъ новой орфографіи, въ которой идетъ еще далѣе совѣщающихся и пишетъ напр.: географическаво, гражданскова, общева».

Между провинціальными газетами всѣхъ серіознѣе взглянулъ на дѣло *Кіевскій Курьеръ*. Въ статьѣ: «По поводу преобразованія нашего правописанія» разсказано о преніяхъ 2-го собранія и между прочимъ замѣчено, что тутъ были «и такіе господа, которые позволили себѣ недостойное глумленіе надъ наукою, что хотя было и остроумно, но вовсе не умно. Смѣйтесь надъ педантизмомъ, надъ рутиной, сколько вамъ угодно, а науку, воли которой не перемѣнить, оставьте въ покоѣ». Всего любопытнѣе, что вмѣстѣ съ

[1] *Отеч. Зап.* т. CXLI, статья «Все и ничего», стр. 239—254.
[2] *Библ. для Чт.* т. 170, стр. 76—92.
[3] Эта же статья была напечатана и въ С. О. 1862, № 36.

тѣмъ редакція объявила, что съ слѣдующаго (12) нумера она изгоняетъ изъ своей газеты Ъ въ концѣ словъ, и дѣйствительно во все остальное время изданія газеты, т. е. до конца іюля мѣсяца того же года, *Кіевскій Курьер* печатался безъ еровъ, начиная отъ заглавія и кончая подписью: «Редактор Петр Стрешнев».

Въ Москвѣ *Новое Время* напечатало по тому же поводу статью одного изъ тамошнихъ преподавателей, г. Робера, вступившагося за честь русской орфографіи. Въ его статьѣ особенно важно заявленіе, что онъ, «къ удивленію своему, не видитъ ни малѣйшей причины къ такому возстанію противъ нашей орфографіи», какое произошло въ Петербургѣ. «Едва ли какой языкъ», по его мнѣнію, «представляетъ такую правильность, такое богатое развитіе въ производствѣ словъ, какъ русскій языкъ... И едва ли есть языкъ, въ которомъ бы такъ ясно производство слова выражалось въ правописаніи. Только въ очень немногихъ случаяхъ наше правописаніе отступило отъ производства... Всякое коренное измѣненіе въ нашемъ правописаніи будетъ замѣною правилъ, основанныхъ на разумныхъ началахъ, другими, основанными на простомъ условномъ соглашеніи: гдѣ же будетъ болѣе сбивчивости и шаткости?» Вслѣдъ за тѣмъ составитель предлагаемаго очерка помѣстилъ въ *Современной Лѣтописи* свои соображенія «по поводу толковъ о правописаніи»[1]. Не могу здѣсь умолчать объ этой статьѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она выражала не одно личное мое мнѣніе, а во-вторыхъ, она вызвала возраженіе со стороны одного изъ тѣхъ членовъ орфографическихъ собраній, которые принимали въ нихъ самое дѣятельное участіе. Статья моя была главнымъ образомъ посвящена вопросу о возможности сократить или пополнить нашъ алфавитъ. Желающіе ознакомиться съ тогдашними замѣчаніями моими найдутъ ихъ въ приложеніи къ настоящему труду. Здѣсь же упомяну только, что я находилъ неумѣстною въ *русскомъ* алфавитѣ *греческую* букву (*ѳиту*) и кромѣ того считалъ полезнымъ прекратить употребленіе въ концѣ словъ *ера*, который тутъ можетъ всегда подразумѣ-

[1] *Совр. Лѣт.* 1862, № 28 (іюль).

ваться. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ предварительно согласились уважаемые сочлены мои по Академіи наукъ: покойный Востоковъ и И. И. Срезневскій. Только впослѣдствіи я узналъ, что Востоковъ уже въ самомъ началѣ своего филологическаго поприща былъ того же мнѣнія[1]. Наконецъ нельзя умолчать, что и другой академикъ-филологъ, О. Н. Бетлингъ, въ извѣстныхъ замѣткахъ своихъ высказался о безполезности буквы Ъ[2].

Такъ взглянула на этотъ вопросъ и редакція газеты, гдѣ появилась означенная статья моя, и въ выноскѣ было помѣщено примѣчаніе: «Намъ также кажется, что дѣло слѣдуетъ начать съ отмѣны *ера* въ концѣ словъ; но мы полагаемъ, что для этого нужно согласіе по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ журналовъ. Мы заранѣе заявляемъ готовность присоединиться къ договору». Такое устраненіе буквы Ъ (было замѣчено въ той статьѣ) не только сберегло бы много мѣста и времени, но уменьшило бы и издержки печатанія. При этомъ редакція газеты исчислила, что «сбереженіе составило бы приблизительно 8% на наборѣ, печати и бумагѣ. Изданіе, тратящее на эти предметы 100.000 р., платитъ за букву Ъ приблизительно 8000 р.».

Относительно этого уже и въ орфографическихъ собраніяхъ было исчислено г. Кеневичемъ, что Ъ и Ь «составляютъ болѣе чѣмъ двадцатую часть всего печатаемаго[3]. Такъ въ сочиненіи

[1] См. выше, стр. 209; Борна *Крат. руковод. къ росс. слов.*, стр. 11.

[2] *Ученыя Записки по I и III Отд.*, т. I, стр. 61.

[3] Въ прошломъ столѣтіи враги буквы Ъ сдѣлали ариѳметическое вычисленіе, и нашли, что эта буква занимаетъ $1/16$ долю всего типографскаго набора буквъ (Стоюнинъ, *О русской азбукѣ*). *Въ Книжномъ Вѣстникѣ* утверждали, что отказавшись отъ буквъ И Й Ѣ Ѳ Ѵ Ъ и Ь, мы «выиграемъ *шестую* часть времени и капитала, т. е. на $1/6$ часть будемъ меньше тратить бумаги, чернилъ, перьевъ и пр., а слѣдовательно меньше потребуется времени и писарей». (*К. В.* 1862, № 5). Еще до того Сенковскій, по поводу книжки Калинскаго, говорилъ: «Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунеядъ Ъ, эта піявка, высасывающая лучшую кровь русскаго языка, этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматическаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе восьми процентовъ времени и бумаги, стóитъ Россіи ежегодно болѣе 4.000,000 руб.,— а какую приноситъ ей выгоду или честь?» и т. д. (*Листки бар. Брамбеуса*. Спб. 1858, стр. 633).

Буслаева «Историческіе очерки народной поэзіи», въ томѣ 40 листовъ; можно полагать, что изъ нихъ слишкомъ 2 листа заняты полугласными. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, который предполагается издать въ 40 томахъ, два тома будутъ заняты только полугласными; между тѣмъ изданіе тома обходится среднимъ числомъ около 15 тысячъ; слѣдовательно издатели Энциклопедическаго лексикона платятъ 30 тысячъ р. только за полугласныя».

Тринадцать лѣтъ прошло со времени всѣхъ этихъ разсужденій; однакожъ буква Ъ и до сихъ поръ не потеряла своего права гражданства на концѣ словъ въ русскомъ письмѣ, и невольно припоминается замѣчаніе русской грамматики, изданной въ 1750 г. на шведскомъ языкѣ: «Хотя этотъ знакъ въ произношеніи и начертаніи словъ не только никакой пользы не приноситъ, а напротивъ еще скорѣе затрудняетъ чтеніе, однакожъ онъ такъ вошелъ во всеобщій обычай, что почти нельзя ожидать, чтобы названный знакъ когда-нибудь былъ исключенъ изъ числа русскихъ буквъ»[1]. Послѣ 1862 года было только одно довольно крупное изданіе, которое умѣло хотя отчасти облегчить себя отъ бремени буквы Ъ. Это *Настольный Словарь* покойнаго Толля, гдѣ Ъ удержанъ только въ заглавныхъ словахъ; въ объясненіяхъ онъ исключенъ, оставаясь однакожъ какъ въ серединѣ словъ, гдѣ нужно (напр. въ словѣ «объявить»), такъ и при предлогахъ, состоящихъ изъ одной согласной (въ, къ)[2]. Такъ же точно и *ѳита* совершенно устранена изъ этого словаря.

---

[1] «Россійская Грамматика. Thet är Grammatica Russica eller Grundelig Handledning till Ryska Språket &c. Utgifven af Michael Groening». Stockholm 1750.

[2] Помѣщенный выше списокъ изданій безъ буквы Ъ можно дополнить, за послѣднія десятилѣтія, еще слѣдующими:

О числѣ. Мысль Порфирія Гоствилло-Карниловича. С приложеніем. Кіев 1852—1853. 16 д. л.

Патологія Нимейера, изд. 2-е. Спб. 1864.

Суп для грудных дѣтей, Юстуса Либиха, перев. Розалія Коган. Спб. 1866.

Практическое примѣненіе естественных наук к требованіям личнаго существованія, д-ра Кленке, перев. съ нѣм. М. 1866. 8 д. л.

Замѣтки объ изгнаніи буквы Ъ см. въ *Книжн. Вѣстн.* 1860, №№ 3—6,

Что касается до буквы Ѣ, то въ статьѣ 1862 года я находилъ, что изгнаніе этой буквы равнялось бы уничтоженію этимологическаго характера нашей орѳографіи. Г. Кеневичъ, оставаясь вѣрнымъ тому, что́ онъ говорилъ въ собраніяхъ, является и въ возраженіи своемъ на мою статью непримиримымъ врагомъ этой буквы[1]. Главнымъ доводомъ служитъ ему то, что правильное употребленіе ея въ корняхъ словъ издавна не вполнѣ соблюдается, такъ что во многихъ случаяхъ мы не пишемъ ея тамъ, гдѣ она въ древности писалась; во флексіяхъ же можно равнымъ образомъ обойтись безъ нея, такъ какъ мѣсто, занимаемое словомъ въ предложеніи, достаточно опредѣляетъ грамматическую форму слова. Въ заключеніе авторъ спрашиваетъ: «Сто́итъ ли учиться тому, что, требуя отъ учащагося большихъ усилій, не даетъ ему никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его способностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Сто́итъ ли терять время, замѣтьте, лучшее время жизни, на то, чтобы пріобрѣсть навыкъ совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни разумнаго основанія».—Едва ли можно согласиться съ г. Кеневичемъ въ посылкахъ, на которыхъ построены его вопросы. Едва ли знаніе разнохарактернаго состава словъ языка и различнаго образованія его флексій можно считать безцѣльнымъ, неразумнымъ и безполезнымъ. Нельзя сказать, чтобы неодинаковое начертаніе такихъ словъ, какъ напр. *сведеніе* и *свѣдѣніе*, ни на чемъ не было основано. Если скажутъ, что для различенія этихъ двухъ словъ при одинаковомъ начертаніи ихъ достаточно было бы знака ударенія, то можно спросить, чѣмъ же этотъ способъ былъ бы лучше и былъ ли бы онъ достаточно знаменателенъ?

7—8; 1864, № 23; также въ *Русск. Инвалидѣ* 1860, № 96, и въ *Русск. Мірѣ* 1860, № 19.

Примѣромъ обременительнаго множества *еровъ* можетъ служить слѣдующая фраза: «Какъ агнецъ передъ стригущимъ безгласенъ, такъ онъ не отверзастъ устъ своихъ». (Изъ письма ко мнѣ С. И. Пономарева).

[1] *Сѣв. Пчела*. 1862, № 314: «Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Грота».

Дальнѣйшія попытки улучшенія русской орфографіи.

Въ истекшее десятилѣтіе самыя замѣтныя отступленія отъ господствующаго правописанія позволилъ себѣ покойный В. И. Даль въ своемъ словарѣ. Вотъ главныя особенности его письма:

1) Находя, будто фонетикѣ русскаго языка противно удвоеніе одной и той же буквы, онъ во многихъ случаяхъ не допускаетъ такого удвоенія и пишетъ, напримѣръ: *беславіе*, *бесмертіе*, *бесмысліе*, *конченый*, *опредѣленый*, *исполненый*, также: *вобще*, *воображеніе*, *воружать* и т. п. Однакожъ надобно замѣтить, что Даль самъ не выдерживаетъ своего правила и, по мѣрѣ удаленія отъ начала словаря, болѣе и болѣе измѣняетъ себѣ: такъ предлогъ *из* передъ С онъ уже пишетъ то цѣликомъ, то ставя З въ скобкахъ, напр. *изсасывать*, *изсиня*, *и(з)сѣсивѣть*, *и(з)страдать*, *и(з)стари*, хотя въ обоихъ случаяхъ не слышно никакой разницы въ произношеніи; а предлога *раз* онъ даже нигдѣ и не сокращаетъ передъ С, и пишетъ: *разсаживать*, *разсуждать* и проч. Да и трудно было бы остаться вѣрнымъ правилу, основанному на совершенно ложномъ положеніи: русская фонетика не только не чуждается удвоенія буквъ, но напротивъ часто безъ основанія сдваиваетъ согласныя, особенно букву **н**, какъ видно изъ произношенія страдательныхъ причастій и прилагательныхъ въ родѣ: *деревянный*, *соломенный*, *мысленный*, также глагола *итти*, словъ подобныхъ *прочій*, *причина*, *поручикъ* и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ правописаніе давно уступило говору, и до сихъ поръ пишутъ съ двойнымъ **н** причастія и прилагательныя, а прежде писали на томъ же основаніи: *впротчемъ*, *притчина*.

2) Постояннѣе Даль держится своего правила въ иноязычныхъ словахъ, которыя считаетъ справедливымъ писать только по слуху, безъ соображенія съ подлинною ихъ орфографіею; но между тѣмъ, строго слѣдуя принятому началу, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ произношеніемъ, когда напр. пишетъ: *каса*, *маса* и т. п.

Другія особенности орфографіи Даля касаются частныхъ случаевъ, и я не буду останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе что онѣ уже обозначены мною въ другомъ мѣстѣ[1]. Нѣкоторыя черты этого правописанія нашли у насъ послѣдователей: есть люди, которые пишутъ *Росія*, *Прусія*, *комисія*, *професоръ*, *колегія*, *класъ* и проч. Но объ этомъ ниже, въ критическомъ отдѣлѣ.

Въ послѣдніе годы одинъ изъ типографскихъ корректоровъ въ Петербургѣ, г. Студенскій, убѣдившись на опытѣ въ неудобствахъ пестроты нашего правописанія, издалъ одну за другою двѣ справочныя книжки для авторовъ и переводчиковъ. Первая изъ нихъ (1869, 52 стр.) озаглавлена: «Корректурный Списокъ 700 словъ наиболѣе требующихъ одинаковаго начертанія»; вторая (1870) названа: «Корректурно-грамматическій или корректорскій списокъ». Послѣдняя, и по объему (200 стр.) и по плану, гораздо обширнѣе первой и заключаетъ въ себѣ 4 отдѣла: I. Рукопись. — Издатель. — Списокъ словъ, требующихъ одинаковаго начертанія. — Корректура. — Наборщики. — Типографія. — II. Грамматика и правописаніе. — III. Лексикографія. — IV. Языкъ и философія языка.

Нельзя не признать справедливою мысль автора о потребности въ такомъ пособіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что у него исполненіе вовсе не соотвѣтствуетъ доброму намѣренію. Ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ нѣтъ системы; вмѣсто серіознаго отношенія къ дѣлу, вездѣ странное балагурство; положительныхъ свѣдѣній мало, лишняго пропасть и наконецъ множество невѣрныхъ указаній и просто ошибокъ, такъ что пользоваться этою книжкой невозможно. Что сказать, напр., о слѣдующихъ замѣчаніяхъ: «*Борются* матеріально, тѣлесно, напр. боксеры; *борятся* съ предразсудками и пр. *Надпьются* и *надпьятся* — разсужденія тѣ же» (стр. 28), или: Сѣверная Америка, а не сѣверная, Южная Америка, а не южная, и это потому, что Америка самой при-

---

[1] См. *Филол. разысканія* Я. Грота. Разборъ *Толковаго Словаря* для присужденія автору Ломоносовской преміи, стр. 44.

родой такъ перехвачена въ срединѣ, какъ талія самой отчаянной кокетки.—А грудь?.. пожалуй спросите вы.—Соединенные Штаты. — А башмачокъ? — Огненная земля... Сл. у Бокля о плодородіи Бразиліи и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ о въѣздѣ Колумба» (стр. 72). Но довольно... Иначе пришлось бы выписать почти всю книжку.

Около того же времени на нѣкоторыя трудности нашего правописанія указалъ бывшій преподаватель военно-учебнаго вѣдомства г. Новаковскій въ особой статьѣ, которую онъ представилъ въ Академію наукъ и потомъ напечаталъ [1]; въ этой статьѣ, имѣющей цѣлію примиреніе этимологической орфографіи съ говоромъ, Академія приглашается къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ своимъ авторитетомъ.

Мысль, что единство орфографіи можетъ быть установлено только рѣшеніемъ ученаго ареопага, очень естественна. Ее выражали не разъ, и тѣмъ настойчивѣе, что примѣръ тому видѣли во Франціи. Такъ и одинъ изъ бывшихъ нашихъ сочленовъ, покойный П. А. Плетневъ, при разборѣ грамматическаго сочиненія, изданнаго въ 1844 г., замѣтилъ: «До тѣхъ поръ мы будемъ писать по привычкѣ или по прихоти, пока этотъ грамматическій вопросъ» (т. е. вопросъ объ орфографіи) «не рѣшенъ будетъ, какъ во Франціи, единодушно обществомъ истинныхъ представителей Русскаго слова» [2]. Надобно однакожъ замѣтить, что примѣръ Франціи остается до сихъ поръ едва ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи: да и тамъ давно уже рѣшенія академіи принимаются не безусловно и не безъ критики, чему новѣйшимъ доказательствомъ можетъ служить недавно оконченный превосходный словарь Литтре́. Можно навѣрное сказать, что и у насъ опредѣленія Академіи, если бъ и можно было достигнуть въ средѣ ея общаго соглашенія по этому предмету, не привели бы къ полному единообразію въ правописаніи: не только въ разныхъ органахъ печати нельзя предполагать такой уступчивости, которая побудила бы

[1] *Филол. Записки* 1872, вып. 1 и 2.

[2] *Соврем.* 1844, т. XXXIX, стр. 311.

ихъ отказаться отъ своихъ орфографическихъ привычекъ, но можетъ-статься и тѣ, которые теперь взываютъ къ авторитету Академіи, первые отвергли бы ея опредѣленія, если бъ эти послѣднія не были согласны съ ихъ собственными взглядами.

Поэтому Академія, по выслушаніи письма г. Новаковскаго, передала его статью въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которое поручило мнѣ разсмотрѣть ее. Настоящій трудъ, въ первоначальномъ видѣ своемъ, и былъ предпринятъ по этому поводу. Въ своей запискѣ г. Новаковскій, жалуясь на пестроту и шаткость нашей орфографіи, указывалъ на необходимость согласить два разнородныя начала ея, и для того выставлялъ нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ, съ помощію этимологіи и логическихъ доводовъ, доказывалъ преимущество одного начертанія передъ другимъ, или предлагалъ новое. — Такъ онъ совѣтовалъ писать: 1) *итти* вмѣсто *идти* или *ит-ти;* 2) *попрежнему, помоему, понынѣшнему*, не отдѣляя предлога; 3) *въ слѣдствіе*, т. е. отдѣляя предлогъ, вм. *вслѣдствіе;* 4) *ниодинъ* слитно вм. *ни одинъ*, соображаясь съ словами: *никто, ничто, никогда* и проч.; 5) *двѣстѣ*, какъ двойств. число, вм. *двѣсти*. Особенно настаивалъ онъ на томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда Е съ удареніемъ слѣдуетъ за шипящими буквами Ж Ч Ш Щ, писать не О и не просто Е, а Е съ двоеточіемъ (Ё), за исключеніемъ немногихъ словъ (*свѣжо, горячо, плечо, хорошо*), въ которыхъ окончаніе на О уже утвердилось.

Разбирая вопросы, затронутые г. Новаковскимъ, я счелъ нужнымъ расширить свою задачу и пересмотрѣть какъ съ исторической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія все нынѣшнее наше правописаніе. Замѣчанія мои, по мѣрѣ ихъ составленія, читались то въ Академіи, то въ петербургскомъ Филологическомъ обществѣ, и хотя не во всѣхъ случаяхъ можно было достигнуть единогласныхъ заключеній, но по крайней мѣрѣ каждый спорный вопросъ подвергался многостороннему обсужденію. Выводы, основанные на внимательномъ соображеніи разнообразныхъ мнѣній были тогда же напечатаны мною (*Спорные вопросы* и проч.).

Передъ самымъ изданіемъ тогдашняго труда моего, въ *Голосѣ*[1] появилась статья г. Скандовскаго о томъ, что разнорѣчія правописанія могутъ иногда, въ нашихъ гимназіяхъ, имѣть очень прискорбныя послѣдствія для экзаменующихся учениковъ. Жаль, ежели въ самомъ дѣлѣ есть преподаватели, которые на обычныя орфографическія разнорѣчія письма смотрятъ какъ на ошибки. Выше я уже коснулся этой стороны предмета. Очень любопытны наблюденія автора (хотя мы съ нимъ и не во всемъ согласны) надъ особенностями орфографіи современныхъ газетъ и журналовъ; не лишенъ также интереса разсказъ его «о томъ, что́ происходило въ 1872 году во второй московской гимназіи въ комиссіи, обсуждавшей учебникъ русскаго правописанія, составленный *И. Е. Соснецкимъ.* Комиссія состояла изъ директора, инспектора и трехъ преподавателей русскаго языка и словесности; инспекторъ (г. Гулевичъ) участвовалъ въ ней тоже въ качествѣ преподавателя словесности и русскаго языка. При обсужденіи разныхъ вопросовъ, «каждый изъ насъ», говоритъ авторъ, «не разъ и не два оказывался несостоятельнымъ, и мы провѣряли себя академическимъ и другими словарями, которые, въ свою очередь, отказывались иногда отъ рѣшенія нашихъ вопросовъ. Г. Гулевичъ представилъ болѣе сотни словъ, предлагая устранить въ нихъ двоякое правописаніе и постановить что-нибудь одно, на научныхъ, прочныхъ основаніяхъ. Но мы не пришли тогда ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, такъ какъ подымались вопросы о совершенномъ устраненіи нѣкоторыхъ словъ». Далѣе авторъ такъ разсуждаетъ: «Прочные результаты, безъ сомнѣнія, желательны во всякомъ дѣлѣ, но едва ли они достижимы тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ установленіи прочнаго въ непрочномъ, *обязательныхъ навсегда и для всѣхъ* правилъ *въ живомъ еще языкѣ.* Тутъ возможно только *временное* соглашеніе. Потрудитесь-ка сосчитать число грамматическихъ, *по нашему*, ошибокъ въ грамматикѣ *Ломоносова* и въ грамматикѣ *Востокова!* Устанете. Но

[1] 1872, № 162.

кто же обвинитъ ихъ въ незнаніи грамматики?» — На эти замѣчанія, какъ надѣемся, предыдущее уже заключаетъ въ себѣ отвѣтъ. Въ каждую эпоху правописаніе, дѣйствительно, представляетъ свои особенности, свою фазу развитія. Многаго, что́ писалъ Ломоносовъ, теперь конечно никто уже не напишетъ; но нельзя же не согласиться, что въ нынѣшнихъ начертаніяхъ виденъ успѣхъ науки, и что она должна постоянно стремиться къ большему и большему установленію послѣдовательнаго письма. А что касается Востокова, то и нынѣшнимъ грамотеямъ полезно было бы почаще справляться съ нимъ. Иное дѣло обычай, иное — наука. То, что Востоковъ предписываетъ соображаясь только съ употребленіемъ, напр. большія буквы въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, могло измѣниться; но его научные выводы еще не скоро утратятъ свою цѣну.

Это перечисленіе главныхъ фактовъ въ исторіи русскаго правописанія было бы неполно, если бъ мы не упомянули объ ученыхъ трудахъ, способствовавшихъ къ ближайшему разъясненію происхожденія славянской азбуки и употребленія ея, начиная съ древнѣйшихъ временъ: послѣ Востокова важныя услуги въ этомъ дѣлѣ оказали Павскій, Срезневскій и Буслаевъ, которыхъ изслѣдованія необходимо принимать въ соображеніе и при разсмотрѣніи орфографіи позднѣйшаго времени. Собственное правописаніе покойнаго Павскаго отличалось нѣкоторыми особенностями (напр. *естьли*, *этѣ*), которыя однакожъ, не смотря на его ученый авторитетъ и на успѣхъ его книги, не перешли въ общее употребленіе. — Указаніе на учебники повело бы насъ слишкомъ далеко. Но я не могу вовсе умолчать объ одной книжкѣ съ притязаніями на педагогическое значеніе, которая была вызвана на свѣтъ моимъ трудомъ и напечатана, хотя и противъ положительно выраженнаго мною желанія, съ моимъ именемъ въ заглавіи. Въ началѣ 1875 года у петербургскихъ книгопродавцевъ появилась брошюра: «Сборник правил русскаго правописанія, составленный, на основаніи Филологических разысканій академика Я. К. Грота, Иваном Вальковым» (псевдонимъ). Что-

бы дать понятіе, до какой степени точно это заглавіе, довольно упомянуть, что многія изъ установляемыхъ авторомъ правилъ прямо противоположны моимъ выводамъ, при чемъ однакожъ такое разнорѣчіе съ принятыми имъ будто бы въ руководство началами, въ бо́льшей части случаевъ не оговорено: только изрѣдка оно обозначено едва замѣтною звѣздочкой. Не желая утомлять вниманія читателей безполезною полемикой, позволю себѣ только для примѣра указать, что г. Вальковъ совѣтуетъ писать: *чепорный*, *трущеба*, *плече*, и въ то же время: *шорстка*, *жордочка*, *ржот*, или: *часовова*, *святова*, *жаркова*, *мороженова*, *животнова*, *горячева* (въ сущ. именахъ), и въ то же время: *хрупкаго*, *синяго*, *меньшого* (въ прилагательныхъ). Затѣмъ отсылаю къ самой брошюрѣ тѣхъ, которые захотѣли бы убѣдиться въ основательности причинъ, заставившихъ меня вскорѣ послѣ ея выхода заявить, что я не принимаю на свою отвѣтственность излагаемыхъ въ ней правилъ правописанія (см. № 79 *Голоса* 1875 г.).

V. Критическій обзоръ современнаго правописанія.

Выше уже замѣчено, что наше правописаніе далеко не представляетъ тѣхъ многочисленныхъ и запутанныхъ затрудненій, которыя тяготѣютъ надъ письмомъ большей части другихъ европейскихъ народовъ: это подтверждается и обзоромъ постепенныхъ измѣненій и самымъ родомъ колебаній нашей орфографіи. Мы видѣли также, что ея господствующій характеръ — историко-этимологическій, но что рядомъ съ нимъ въ значительной степени имѣетъ силу и фонетическій элементъ. Предшествующій очеркъ показываетъ, что въ нашемъ письмѣ, какъ и у другихъ народовъ, постоянно происходило движеніе впередъ въ обоихъ направленіяхъ. Съ одной стороны звуковыя или ошибочныя начертанія исправлялись по требованіямъ словопроизводства; напр. долго писали: «здѣлать, прозьба, щетъ, щастіе, мѣлкій, мѣльница, истинна, лутче, протчій, вить, тово, этова, доброй, Василей, попе-

регъ»; потомъ стали писать по этимологіи: *сдѣлать, просьба, счетъ, счастіе, мелкій, мельница, истина, лучше, прочій, вѣдь, того, этого, добрый, Василій, поперекъ.*—Съ другой стороны этимологическія, противорѣчащія живому языку начертанія измѣнялись согласно съ выговоромъ; такъ нѣкогда писали: шестый, хромый, концемъ, дружекъ, естьли; въ послѣдствіи же стали писать ближе къ произношенію: *шестой, хромой, концомъ, дружокъ, если.*

Спрашивается: можно ли допустить въ правописаніи совмѣстное присутствіе такихъ двухъ противоположныхъ началъ, и не слѣдуетъ ли стремиться къ исключительному утвержденію одного изъ нихъ съ устраненіемъ другого? Такъ какъ по самой нашей азбукѣ русское правописаніе — преимущественно этимологическое, а чисто-фонетическое письмо, при сохраненіи этой азбуки, невозможно, то не нужно ли окончательно подчинить все наше правописаніе этимологическому началу, слѣдовательно, напр., начать писать: «возпитать, двадсять, чужій, плечё, хорошё» и т. п.?

По теоріи это было бы конечно справедливо, но практика всѣхъ языковъ убѣждаетъ насъ въ невозможности строго провести въ правописаніи одно начало, и потому приходится признать законность двойственнаго элемента не только въ прошедшемъ, но и въ будущемъ развитіи нашей орфографіи. Это вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. «Въ дѣйствительности, говоритъ Раумеръ, ни то, ни другое письмо не можетъ быть на долгое время установлено безъ ограниченій: *историческое*— потому, что разладъ (между письмомъ и произношеніемъ) въ теченіе вѣковъ становится невыносимымъ; *фонетическое*—потому, что живой языкъ, послѣ введенія такого письма, не перестанетъ измѣняться и разница между письмомъ и произношеніемъ снова будетъ обнаруживаться, пока она не устранится новымъ фонетическимъ исправленіемъ» [1]. Изъ этого вполнѣ вѣрнаго замѣчанія легко вывести заключеніе, что оба начала должны дѣлать другъ другу уступки всякій разъ, когда въ противномъ случаѣ одно изъ нихъ

---

[1] R. Raumer. *Gesam. sprachw. Schriften.* Стр. 110 и 243.

было бы слишкомъ рѣзко нарушено и когда такою уступкой достигается большее удобство либо въ пониманіи формы или состава слова, либо въ вѣрности изображенія звука. Такъ этимологическія начертанія: *добрый*, *хорошій*, *синій*[1] легко принялись вм. болѣе близкихъ къ просторѣчію: «доброй, хорошей, синей», потому что, не отступая замѣтно отъ произношенія, первыя очень уясняютъ форму, давая возможность наглядно отличать имен. падежъ ед. ч. муж. рода отъ род. и дат. жен. По аналогіи стали также писать *легкій*, *ветхій*, хотя тутъ несогласіе съ произношеніемъ уже замѣтнѣе. Напротивъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ мѣстоименій и прилагательныхъ (*такóй*, *какóй*, *вторóй*, *прямóй*), восторжествовало на письмѣ произношеніе, потому что начертанія *такій*, *вторый* и проч. были бы въ слишкомъ большомъ разладѣ съ выговоромъ. По той же причинѣ многіе въ недавнее время справедливо начали писать *прямого*, *второго*, чтобы ослабить несходство съ произношеніемъ формъ *прямаго*, *втораго*. Такимъ же образомъ, наоборотъ, въ старинныхъ начертаніяхъ «дватцать, тритцать» сдѣлана поправка введеніемъ Д вмѣсто Т, чтобы, по правилу Ломоносова, слѣдъ происхожденія этихъ словъ не совсѣмъ закрывался, хотя въ послѣднемъ ихъ слогѣ и допущена уступка произношенію (буква ц вм. с).

Но, сводя всѣ различные способы начертаній въ современномъ русскомъ письмѣ, мы находимъ, что оно, кромѣ этимологическаго и фонетическаго началъ въ истинномъ ихъ значеніи, представляетъ еще два другіе элемента, именно: во 1-хъ, *условное правописаніе*, когда, не находя точныхъ основаній ни въ томъ, ни въ другомъ началѣ, мы пишемъ по произвольному соглашенію, напр. *добрые*, *добрыя*; *они*, *онѣ*; *ея*, *ее*; *Андрей*, *Матвѣй*, *соловей*, *змѣй*; во 2-хъ, основанное на ложныхъ этимологическихъ или грамматическихъ толкованіяхъ, слѣдовательно просто *ошибочное*, напр. бол*ѣнъ*, вид*ѣнъ*, смета, меткій, росписка, розысканіе.

---

[1] Въ нынѣшнемъ произношеніи такихъ прилагательныхъ грамотными людьми съ яснымъ сохраненіемъ окончаній **ый**, **ій** мы видимъ одинъ изъ примѣровъ обратнаго дѣйствія письма на живую рѣчь.

Ясно, что изъ этихъ двухъ добавочныхъ элементовъ только первый можетъ быть терпимъ; второй долженъ постепенно ослабѣвать и наконецъ исчезнуть передъ успѣхами языкознанія.

Теоретическое разсмотрѣніе нашего правописанія въ систематическомъ порядкѣ — не легкое дѣло. Всего проще было бы конечно проходить отдѣльно каждую букву и указывать всѣ случаи, когда на письмѣ означается одинъ звукъ, а слышится другой, и т. п., какъ обыкновенно и дѣлается въ руководствахъ къ правописанію. Но этотъ способъ разсмотрѣнія и долгъ, и скученъ. Оттого уже и въ первомъ изданіи настоящаго труда я старался группировать по отдѣламъ однородные случаи письма; той же идеѣ буду слѣдовать и теперь, но принявъ отчасти другія основанія для раздѣленія предмета на группы.

I. Употребленіе согласныхъ буквъ.

Удвоеніе одной и той же буквы.

Начинаю съ этого вопроса по обширному его значенію для нашего письма. Нѣкоторые до сихъ поръ думаютъ, что удвоеніе согласныхъ противно свойствамъ русскаго языка. Павскій утверждалъ, что языкъ нашъ «не терпитъ удвоенія однозвучныхъ буквъ и накопленія многихъ согласныхъ при одной гласной» [1]. Въ другомъ мѣстѣ однакожъ онъ справедливѣе называетъ эту особенность «стариннымъ закономъ словенорусскаго языка» и замѣчаетъ, что *въ старину* избѣгали разными способами встрѣчи двухъ однозвучныхъ буквъ: то опускали одну изъ нихъ, то перемѣняли на другую, напр. говорили и писали: «бесѣмене, безависти, исохну, даный, иждивеніе» вм. *безъ сѣмени, безъ зависти, изсохну, данный, изживеніе* [2].

Нѣкоторыя изъ такихъ старинныхъ формъ, какъ наприм. *иждивеніе*, *вожделѣніе* (вм. возжелѣніе, или возжеланіе) перешли и въ нынѣшній языкъ или отразились въ немъ: такъ еще и те-

---

[1] *Филолог. Набл.* I, § 93.

[2] Тамъ же, § 106, примѣч.

перь произносятъ и пишутъ: *отворить, разъвать, разинуть, разорить, подьячій* (вм. оттворить, раззѣвать, раззинуть, раззорить, поддьячій), но, вообще говоря, мы на письмѣ легко допускаемъ, даже и безъ надобности, удвоеніе буквъ [1].

Въ физіологическомъ смыслѣ, удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ какого бы ни было языка не бываетъ, а есть только *способъ произношенія* звуковъ этого рода, который на письмѣ *такъ* означается. Въ 1-й части настоящаго изслѣдованія я съ намѣреніемъ еще не касался этого вопроса по тѣсной связи его съ письмомъ. Когда мы пишемъ: *ванна, труппа, масса*, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, что̀ должно бы слышаться, если бъ мы написали: «трупъ-па, ванъ-на, масъ-са». Цѣль двойного начертанія согласной—только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлиненіе, или точнѣе, что раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву [2]. При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (П Б, Т Д, К Г), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ небольшой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (В Ф, З С, Ж Ш, М Н Р Л) просто протягивается, такъ что на письмѣ можно бы, для означенія этого процесса, вмѣсто удвоенія буквы, только ставить надъ нею знакъ протяженія (черточку, которая въ скорописи издавна и употребляется съ этою цѣлью); но такъ какъ во всѣхъ европейскихъ языкахъ принято означать такое звуковое явленіе двойною буквою, то мы и въ фонетическомъ смыслѣ можемъ, для краткости, говорить объ *удвоеніи* согласныхъ.

---

[1] Въ этомъ сознается и Павскій: «нынѣ встрѣча однозвучныхъ буквъ не противна... мы нынѣ допускаемъ удвоеніе одинакихъ буквъ не только въ предложныхъ словахъ, гдѣ нужда того требуетъ, но и въ простыхъ... и даже преступаемъ въ семъ случаѣ предѣлы умѣренности» (тамъ же).

[2] Brücke, Grundzüge. Стр. 52. Ср. Thausing, стр. 113.

Въ собственно-русскихъ словахъ (объ иностранныхъ рѣчь будетъ въ особомъ отдѣлѣ) удвоеніе бываетъ либо *этимологическое*, т. е. основанное на составѣ или образованіи словъ, либо *фонетическое*, т. е. требуемое только выговоромъ.

А. Этимологическое удвоеніе согласныхъ.

Оно встрѣчается:

1) Въ корнѣ словъ, отъ органическаго превращенія одного звука въ другой, напр. *жжетъ*, *жженъ*, *жженіе* (при корнѣ **жг**, въ которомъ **г** переходитъ въ **ж**); слѣдовательно принятая Далемъ орфографія *зженъ* не можетъ быть терпима.

2) Въ составныхъ или торообразныхъ словахъ, отъ встрѣчи однихъ и тѣхъ же звуковъ въ первичномъ словѣ и въ приставкѣ или въ суффиксѣ, напр. в-вести, под-данный, с-суда, без-заботный, из-зябнуть, воз-зрѣніе, рус-скій, один-надцать, кон-ный, казен-ный, мошен-никъ (въ двухъ послѣднихъ словахъ суффиксъ приложенъ къ слогамъ *казн*, *мошн*, принявшимъ бѣглое Е).

Слово *женнинъ* пишется многими съ однимъ Н въ серединѣ; но Павскій справедливо рѣшаетъ вопросъ въ пользу удвояющаго эту букву начертанія, ибо прилагательныя: *братнинъ*, *мужнинъ*, *дочернинъ*, *зятнинъ* явно доказываютъ существованіе притяжательнаго окончанія *нинъ*, котораго присутствіе въ спорномъ словѣ подтверждается и выговоромъ[1]. Впрочемъ и *женинъ* не было бы неправильно по примѣру словъ: *сестринъ*, *невѣсткинъ* и т. п.

Часто въ предложныхъ словахъ этимологическое удвоеніе звуковъ означается на письмѣ различными, хотя и однородными по органу, буквами (т. е. **тд, дт, сз, зс, сш, зж**). Извѣстно, что у насъ шопотная буква передъ громкою сама произносится какъ соотвѣтствующая громкая, и наоборотъ, громкая передъ шопотною — какъ шопотная[2], но пишется почти всегда буква,

---

[1] *Филол. набл.* Павскаго. Разсужд. II, § 63.

[2] Изъ этого общаго закона только одно исключеніе: шопотныя передъ громкою В не измѣняются въ произношеніи, напр. слова: *твой*, *свой*, *шваль*, *квасъ*, *хвостъ* не произносятся какъ: «двой, звой» и т. д.

изображающая коренной звукъ[1]. Оттого напр. въ словахъ: *отдать, сзади, подтянуть, возсѣсть, изстари, сшибить, изжарить* и т. п. слышится, въ принятомъ нами условномъ смыслѣ, удвоеніе звуковъ Д З Т С Ш Ж, но на письмѣ это скрывается этимологическимъ начертаніемъ перваго звука.

При встрѣчѣ З съ Ж иногда вмѣсто этихъ двухъ звуковъ произносится **жд**, отчего и въ орфографіи утвердились двѣ приведенныя выше формы: *вожделѣніе* и *иждивеніе*. Удвоеніе не означается на письмѣ также въ случаяхъ, подобныхъ слѣдующимъ: *ѣзжу, пріѣзжій, размозжить, брюзжать, визжать, позже, высшій, низшій*, хотя мы произносимъ: «ѣжжу, пріѣжжій, разможжить, брюжжать, вижжать, пожже, вышшій, нишшій» и т. п.

Есть у насъ два слова, являющіяся въ двоякомъ начертаніи; пишутъ: *возжи* и *вожжи*, *дрожжи* и *дрожди*[2]. Начертаніе *возжи*, какъ болѣе согласное съ общимъ характеромъ нашей орфографіи, предпочтительно; въ словѣ *дрожди* буква Д не оправдывается корнемъ (ср. исл. dregg въ томъ же значеніи), и потому другое начертаніе правильнѣе.

Случаи пропуска одной изъ буквъ удвоенія были уже показаны (напр. *отворить*); къ нимъ же относится старинное правописаніе словъ *росада, росолъ* вмѣсто правильнѣе употребляемыхъ нынѣ начертаній: *разсада, разсолъ*. Безъ причины выговариваютъ и пишутъ *россомаха*: по-польски и по-чешски rosomak по образцу средне-латинскаго rosomacus (словарь Линде).

Въ глаголѣ *встать* между В и С пропущена для удобства выговора послѣдняя буква предлога *вз*; то же должно разумѣть и о глаголѣ *вступить*, когда по смыслу онъ требуетъ послѣ себя предлога *на* (вступить *на* поприще), а не *въ* (вступить *во* владѣніе). Въ первомъ случаѣ этимологическій составъ глагола:

---

[1] Исключеніе допущено для предлоговъ *воз, из, низ, раз*, о которыхъ см. ниже.

[2] Даль безъ всякаго основанія принимаетъ въ своемъ словарѣ еще и третью форму: *дрозжи*.

вз-ступить, во второмъ в-ступить; но на письмѣ это различіе не соблюдается.

Въ словѣ *искуство* этимологія требуетъ сохраненія С (корень кус) передъ окончаніемъ *ство*. Обыкновенно и пишутъ *искусство*, но для избѣжанія стеченія четырехъ согласныхъ позволительно опускать одно С, котораго излишество особенно замѣтно при дальнѣйшемъ удлиненіи суффикса, въ словахъ *искусственный*, *искусственность*.

Объ ошибочномъ начертаніи «искустный» вм. *искусный* не стоило бы и говорить, если бъ оно не встрѣчалось довольно часто даже въ такихъ сочиненіяхъ, гдѣ бы никакъ нельзя было ожидать такой орфографіи.

Въ словѣ *разссориться* пишутъ оба С для отличія его отъ глагола *разсорить*. Начертанія *возженный*, *возженіе*, *разженный*, *разженіе* справедливо занесены въ академическій словарь съ опущеніемъ одного Ж, для избѣжанія излишняго, невозможнаго въ живой рѣчи скопленія шипящихъ.

Б. Фонетическое удвоеніе согласныхъ.

Русскій языкъ особенно расположенъ къ удвоенію буквы Н, безъ этимологическаго основанія, въ прилагательныхъ именахъ и страдательныхъ причастіяхъ; напр. говорятъ и пишутъ: *косвенный*, *сказанный*. Въ прежнее время такія явленія языковъ обыкновенно приписывались требованіямъ *благозвучія*. У насъ этотъ способъ объясненія еще и до сихъ поръ не вывелся, но въ западной наукѣ онъ давно уже отвергнутъ. «Такъ называемые законы благозвучія», говоритъ г. Брюкке въ одномъ изъ своихъ фонетическихъ изслѣдованій, «мало зависятъ отъ угожденія или неугожденія слуху, но существенно основываются на механизмѣ органовъ рѣчи; точно такъ же перемѣны, испытываемыя языками съ теченіемъ времени, обусловливаются не слухомъ, а механическими законами, которымъ подлежатъ орудія слова»[1].

[1] *Phonetische Bemerkungen* въ *Zeitschrift für österreichische Gymnasien* 1857. Стр. 749.

М. Мюллеръ также становится рѣшительно на сторону мнѣнія, что бо́льшая часть звуковыхъ перемѣнъ происходитъ отъ стремленія органовъ рѣчи къ удобству и легкости выговора[1]. Къ этому закону должно быть конечно отнесено и безпричинное повидимому удвоеніе согласныхъ.

Замѣчательно, что этому процессу легко подвергаются носовые звуки не только въ русскомъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ индоевропейскихъ языкахъ. Ср. нѣмецк. Mann, Königinnen, Stamm; шв. mannen, furstinna, tummen; франц. donner (donare), honneur (honor), homme (homo), pomme (pomum) и проч. Наклонность къ удвоенію Н между двумя гласными въ германскихъ языкахъ не ускользнула отъ вниманія Боппа, который видѣлъ въ немъ (употребляя обычный въ его время терминъ) чисто-эвфоническое явленіе, прибавляя, что и въ санскритѣ конечное Н послѣ краткой гласной, когда слѣдующее слово начинается какою-либо гласною, постоянно удвояется[2]. Яковъ Гриммъ, замѣчая, что въ германскихъ языкахъ удвоеніе плавныхъ (LL, MM, NN, RR) встрѣчается только въ серединѣ словъ, находитъ, что упрощеніе конечнаго звука должно быть уподобляемо измѣненію серединныхъ Б и Д въ конечные П и Т, изъ чего онъ выводитъ то важное заключеніе, что простая плавная (подобно шопотной мгновенной) тверже удвоенной (громкой мгновенной). Гриммъ видитъ въ такомъ удвоеніи позднѣйшее, ослабляющее начало[3], съ чѣмъ согласны и наблюденія г. Рюдквиста надъ шведскимъ языкомъ[4].

У насъ удвоеніе Н весьма обыкновенно:

1) Въ полной формѣ причастій страдательныхъ прошедшаго на Н: *сдѣланный, представленный, снесенный, совершенный.*

Однакожъ многія причастія этой формы, особенно такія, которыя употребляются въ значеніи прилагательныхъ или существительныхъ (съ утратою понятія времени и дѣйствующаго лица),

---

[1] *Vorlesungen über die Wiss. d. Sprache.* II Serie. Стр. 169.
[2] *Vergleichende Grammatik* von Fr. Bopp, T. III², стр. 315 и 316.
[3] *Deutsche Grammatik* von J. Grimm. T. I², стр. 122, 383, 389 и д.
[4] *Ljudlagar och skriflagar* af J. E. Rydqvist. Стр. 46.

не удвояютъ Н: *вареный, жареный, граненый, сушеный, тканый, браный, пряденый, раненый, суженый, береженый, ученый, смышленый, званый, жданый, вкопаный, названый; мороженое, приданое.*

Такія слова представляютъ конечно болѣе древнюю, первоначальную форму, не принявшую позднѣйшаго удвоенія; многія изъ нихъ принадлежатъ преимущественно народному языку и встрѣчаются въ пословицахъ и поговоркахъ, напр. *береженаго* Богъ бережетъ; *незваный* гость хуже татарина; не *ждано*, не *гадано*. Это слова—*большею частью*, но не исключительно безпредложныя; по присоединеніи къ нимъ предлога, придающаго имъ значеніе причастія, они получаютъ и двойное Н, напр. *наученный, израненный, сотканный.* Нѣкоторыя ходятъ въ двоякой формѣ (иногда съ различнымъ удареніемъ), смотря по тому, имѣютъ ли значеніе прилагательнаго, или причастія: *назва́ный* (древ.) и *на́званный, положо́ный* и *поло́женный.*

Слова *данный* и *желанный* неупотребительны безъ двойнаго Н, послѣднее — не смотря на свое прилагательное значеніе и оттѣнокъ народности. Первое только въ древнемъ сложеніи: *приданое* удерживаетъ свою первоначальную форму съ однимъ Н. Въ сущ. *подданный* удвоеніе Н сохраняется. Ту же особенность представляютъ прилагательныя: *бездыханный, неустанный, окаянный.*

2) Въ прилагательныхъ относительныхъ, оканчивающихся на *ный* и *ній*, послѣ вставочной гласной Е: *собственный, свойственный, мысленный, болѣзненный, внутренній, искренній.* Многія прилагательныя этой формы суть первоначальныя причастія: *обыкновенный* (отъ обыкнуть), *откровенный* (отъ открыть), *вдохновенный* (отъ вдохнуть).

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ прилагательныхъ двойное Н получило какъ бы органическое значеніе, такъ что даже при переводѣ ихъ въ краткую форму (въ новомъ языкѣ полная форма является первообразною) это удвоеніе не исчезаетъ; говорятъ: *совершененъ, свойственenъ, обыкновененъ, откровененъ* (а не совершенъ, свойственъ, обыкновенъ, откровенъ); такъ и въ жен. и

ср. р. ед. ч. и во всѣхъ родахъ множ.: *совершенна*, *откровенны* (а не совершена, откровены). Въ этой формѣ дѣлается по смыслу различіе между причастіями и прилагательными; напр. не все равно, написать ли: *власть ограничена*, или: *власть ограниченна*; въ первомъ случаѣ (причастіе) является вопросъ: *чѣмъ?* во второмъ (прилаг.) смыслъ полонъ.

3) Въ немногихъ вещественныхъ прилагательныхъ окончаніе *яный*, при ударенiи на предпослѣднемъ слогѣ, превращается, согласно съ произношеніемъ, въ *янный*: *деревянный*, *оловянный*.

Прежде писали также «стеклянный, серебрянный, кожанный», но уже съ 1830-хъ годовъ двойное Н остается чуть ли не только въ двухъ приведенныхъ словахъ; нынче пишутъ: *стекляный*, *серебряный*, *кожаный*, *конопляный*, *глиняный*, *нитяный*, *жестяной* и проч. Очевидно, что слѣдуетъ также писать *замшаный*, а не *замшеный*[1], какъ это слово занесено въ наши словари.

Примѣчаніе. Окончаніе *яный*, когда на Я нѣтъ ударенія, произносится такъ близко къ окончанію *еный* или *енный* (безъ ударенія на Е), что часто можно усомниться, которое изъ обоихъ правильнѣе, тѣмъ болѣе, что они иногда смѣшиваются и въ значеніи, т. е. для образованія вещественнаго прилаг. въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется суффиксъ *енный* предпочтительно предъ *яный*, напр. *соломенный*, *клюквенный*. Отъ именъ *вѣтеръ* и *масло* могутъ образоваться прилагательныя двояко, съ различными оттѣнками значенія: *вѣтряный* и *вѣтреный*, *масляный* и *масленый* (поясненіе см. въ концѣ книги въ филологическомъ указателѣ).

Для начертанія прилагательныхъ и причастій съ однимъ или съ двумя Н слѣдуетъ держаться вообще произношенія. Что удвоеніе этой буквы въ показанныхъ случаяхъ не оправдывается производствомъ, — несомнѣнно. Но такъ какъ здѣсь фонетическое правописаніе весьма давно уже и твердо установилось, то не за-

---

[1] О произношеніи А за неясное Е послѣ шипящихъ см. выше стр. 34.

чѣмъ отступать отъ него. Даль и нѣкоторые другіе, пытаясь ввести тутъ одно Н, противорѣчатъ самимъ себѣ, ибо они же въ другихъ случаяхъ стремятся напротивъ къ сближенію письма съ говоромъ.

По образцу такихъ прилагательныхъ и причастій пишутся и произведенныя отъ нихъ существительныя: а) съ двумя Н: *воспитанникъ*, *избранникъ*, *священникъ*, *промышленность* (Карамзинъ, а за нимъ и Гречъ писали: *промышленость*); б) съ однимъ Н: *ученикъ*, *труженикъ*, *вѣтреникъ*, *вареникъ*, *дощаникъ*; слѣдовательно и *гостиница* (отъ гостиный), а не гостинница, какъ многіе неправильно произносятъ и пишутъ.

Фонетическому удвоенію подвергается также другой звукъ зубного органа, — Т въ глаголѣ *итти*.

Большею частью пишутъ: *идти*, *выйдти*, *дойдти*, *прійдти*, *обойдти*, *перейдти*, *пройдти*, т. е. предполагаютъ этимологическое, или органическое удвоеніе согласной, принимая, что буква Д принадлежитъ не только настоящему времени, но и неопредѣленному наклоненію.

Объ этомъ были выражаемы разныя мнѣнія. Павскій принимаетъ за корень этого слова одинъ звукъ И, который образуетъ основаніе того же глагола въ санскритѣ, греческомъ и латинскомъ. Подтвержденіе тому онъ находитъ въ правописаніи древнихъ памятниковъ: *ити*[1]; но для насъ это начертаніе не можетъ имѣть силы доказательства, такъ какъ древніе русскіе писцы вообще избѣгали удвоенія буквъ. Гораздо убѣдительнѣе то, что еще и нынче при сложеніи съ предлогами разсматриваемый глаголъ сохраняетъ въ произношеніи форму: *дойти*, *пойти*, *найти* и проч. *И* не могло бы обратиться въ Й, если бъ послѣ этой гласной стояло органическое дт. Слѣдовательно остается только принять, что безпредложная форма, по своей краткости, подала по-

---

[1] *Филол. Набл.* I, § 97. Ср. Max Müller, *Vorlesungen* &c. II Serie, стр. 74: «Es kann wohl Wurzeln geben, welche nur aus einem Vokal bestehen, wie z. B. I, gehen, im Sanskrit».

водъ къ удвоенію согласной[1]; какъ же скоро къ ней присоединяется предлогъ, то исчезаетъ и физіологическая причина къ удвоенію. У насъ есть народное словцо, которое часто произносится съ такимъ же пріемомъ, именно указательное *этта* въ рѣчи простолюдиновъ. Букву Д и въ настоящемъ времени *иду* надобно, согласно съ Миклошичемъ, считать вставкою для избѣжанія встрѣчи двухъ гласныхъ: мы находимъ ее также въ формѣ *буду* и въ нѣкоторыхъ сербскихъ глаголахъ, какъ то *зна-д-ем, има-д-ем, хте-д-ем, зна-д-ох, има-д-ох, хте-д-ох*[2].

Въ неопредѣленномъ наклоненіи буква Д передъ окончаніемъ *ти* невозможна: по общему закону она, какъ и всякая другая согласная, должна бы тутъ превратиться въ С (вес-ти, сѣс-ть, грес-ть, цвѣс-ть). Тѣ, которые поддерживаютъ противоположное мнѣніе, приводятъ польскую форму iść, утверждая, что здѣсь звукъ S не могъ бы явиться безъ первоначальнаго Д. Но русская форма могла образоваться иначе: сравнивая въ этомъ отношеніи между собой живыя славянскія нарѣчія, мы находимъ въ нихъ троякую форму неопред. накл. разсматриваемаго глагола: въ однихъ *ити* или *ить* (напр. хорв., хорут., чеш., луж.), въ другихъ *итти* (н. п. иллир.), въ третьихъ *исть* (польск., словац.)[3]; въ сербскомъ встрѣчаются три формы: *йсти*, *йти* и *йћи*[4]. Гдѣ передъ окончаніемъ нѣтъ С, тамъ нельзя допускать и подразумѣваемаго Д. Впрочемъ съ начертаніемъ *идти* можно бы еще примириться, если бъ оно не влекло за собой невозможныхъ въ фонети-

---

[1] Нельзя согласиться съ П. А. Лавровскимъ, который говоритъ: «При формѣ *ити* нѣтъ рѣшительно побужденія для языка усиливать Т удвоеніемъ». (*Зап. Ак. Н.* т. VIII, прил. 3: «Объ Истор. Грамм. Ѳ. И. Буслаева», стр. 31). Такое удвоеніе t очень обыкновенно издревле въ нѣмецкомъ языкѣ: см. *Deutsche Gramm.* Якова Гримма, I, стр. 167.

[2] Miklosich. Vergleich. Lautlehre der slav. Sprachen, стр. 125; то же повторяетъ онъ въ Vergleich. Formenlehre (Wien 1856), стр. 113. Г. Буслаевъ, принявъ это объясненіе (*Ист. Грамм.* I, стр. 210), допускаетъ однакожъ и то и другое начертаніе: *идти* и *итти*; о чемъ см. Hattala *Uvaha* (Прага 1862), стр. 22.

[3] См. между прочимъ Словарь Линде и *Корнесловъ* Шимкевича.

[4] См. Словарь Караджича.

ческомъ смыслѣ формъ: *дойдти*, *зайдти*, *перейдти* и т. п. Въ несостоятельности этихъ формъ легко убѣдиться при раздѣленіи ихъ на слоги: написать при переносѣ изъ строки въ строку *дойд-ти*, *зайд-ти*, *перейд-ти* было бы такъ же неудобно, какъ и *дой-дти*, *зай-дти*, *перей-дти*: слоги съ замкнутымъ нисходящимъ дифтонгомъ (какіе мы видимъ напр. въ словахъ: войскъ, войнъ, Суйскъ, Пропойскъ), сами по себѣ очень рѣдки въ языкѣ[1], но по крайней мѣрѣ они возможны подъ удареніемъ; неударяемые же слоги *дойд*, *зайд* и проч. составляли бы безпримѣрную аномалію. Съ другой стороны, и слогъ *дти*, перенесенный изъ строки въ строку, представлялъ бы небывалое сочетаніе.

Замѣчательно, что при соединеніи этого глагола съ предлогами *вы* и *при*, коренная гласная И опускается, и въ народномъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе принимаетъ форму *вытти*, *притти*, наст. вр. *выду*, *приду*, повел. накл. — *приди*, *выди* или *выдь*. Это оттого, что народная рѣчь чуждается дифтонговъ *ый*, *ій* (см. выше стр. 28); въ книжномъ языкѣ однакожъ допускаются и формы: *выйти*, *прійти*. Въ этихъ двухъ сложеніяхъ особенно ясно, какъ неправильны начертанія неопр. наклон. съ Д: *выйдти*, *прійдти*, черезъ-чуръ несогласныя съ произношеніемъ.

Фонетическое употребленіе С вмѣсто З въ предлогахъ: **воз, низ, раз, из.**

Было уже замѣчено, что громкія согласныя въ концѣ слова пишутся у насъ по производству, не смотря на выговоръ ихъ за шопотныя, напр. мы пишемъ: *чтобъ*, *другъ*, *сводъ*, *груздь*, *корабль*, хотя произносимъ: «штопъ, друкъ, свотъ, грусть, корапъ». Равнымъ образомъ, и при встрѣчѣ тѣхъ и другихъ звуковъ въ

---

[1] На это указалъ уже О. Н. Бетлингъ въ своихъ «Грамматическихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ языкѣ» (*Уч. Зап. по I и III Отд.*, I, стр. 70). Ученый авторъ признаетъ также форму *идти* неправильною. По его мнѣнію, форма *итти* «образовалась въ устахъ народа и ученые стали употреблять ее, слѣдуя народному выговору, а форму *идти* составили посредствомъ этимологіи». (Тамъ же).

началѣ или въ серединѣ слова, мы на письмѣ слѣдуемъ не выговору, а производству, и опять пишемъ: *сдать*, *втянуть*, *отзвукъ*, *низкій*, *низшій*, *родство* (хотя произносимъ: «здать, фтянуть, одзвукъ, ниской, нисшій, ротство» [1]).

Въ отношеніи къ предлогамъ наша фонетика представляетъ одно очень замѣчательное явленіе, на которое, кажется, еще не было обращено вниманія. Во всѣхъ прочихъ словахъ конечная громкая всегда произносится шопотно, не смотря на свойство первой буквы слѣдующаго слова, напр. *хлѣбъ нашъ*, *разъ-два*, *ходъ мыслей*, *чтобъ вы* произносятся: «хлѣпъ нашъ, расъ-два, хотъ мыслей, чтопъ вы»; въ предлогахъ же, даже и раздѣльныхъ, выговоръ конечной громкой зависитъ отъ начала слѣдующаго слова; такимъ образомъ произносятъ, какъ пишутъ, безъ измѣненія звуковъ: *объ немъ*, *изъ дому*, *подъ небомъ*, *передъ моремъ* (а не «опъ немъ, исъ дому, потъ небомъ, перетъ моремъ»). Въ этомъ выразилось разумное сознаніе народа, что предлоги не составляютъ самостоятельной части рѣчи, а находятся въ необходимой связи съ управляемыми ими словами [2].

Наоборотъ, конечный громкій звукъ предлоговъ произносится шопотно передъ начальнымъ шопотнымъ другого слова, напр. *подъ столъ*, *изъ крыши* = «потъ столъ, исъ крыши». Когда предлогъ стоитъ отдѣльно, то на письмѣ всегда соблюдается общее правило этимологическихъ начертаній. Когда предлогъ пишется слитно, то это правило опять остается въ силѣ въ отношеніи къ буквамъ В Б Д, которыя на письмѣ не измѣняются передъ шо-

---

[1] Такъ пишутъ и Нѣмцы, напр. ab, und, Rad, Tag. Римляне такимъ же образомъ изображали громкіе звуки въ концѣ слова, напр. ab, sub; въ серединѣ же словъ поступали различно, напр. писали scripsi, lectum (вм. scribsi, lectum), но absque, absinthium, subferre.

[2] Въ нѣмецкомъ языкѣ мы видимъ совсѣмъ другое начало: тамъ громкая буква, сдѣлавшись въ концѣ слова шопотною, остается такою даже и при соединеніи этого слова (хотя бы и предлога) съ другими, не только передъ шопотною же, но и передъ громкою или гласною. Такъ abnehmen, abwärts, leibeigen выговариваются: ap-nehmen, ap-wärts, leip-eigen, что по русской фонетикѣ было бы невозможно. Оттого Нѣмцы, говоря по-русски, часто произносятъ: «опнимать, опъявить» и т. п.

потными согласными, напр. пишутъ: *вставить*, *обтянуть*, *подписать* (а не «фставить, оптянуть, потписать»).

Въ отношеніи же къ буквѣ З издревле допущено исключеніе, которое донынѣ соблюдается въ четырехъ предлогахъ: въ слитныхъ *воз*, *низ*, *раз*, и въ раздѣльномъ *изъ*, когда онъ употребляется слитно съ именами или глаголами: именно они пишутся, по произношенію: *вос*, *нис*, *рас*, *ис* передъ шопотными согласными К Х П Т Ф, передъ шипящими Ч Ш Щ и передъ Ц. Это правописаніе долго колебалось; еще и по грамматикѣ Востокова (§ 170) предлоги эти не перемѣняютъ З на С передъ послѣдними четырьмя изъ приведенныхъ мною буквъ, но теперь почти всѣми уже признаётся то общее правило, что названные предлоги пишутся такъ, какъ произносятся, то съ З, то съ С. Только передъ С, какъ уже было показано, всегда пишутъ З (Ломоносовъ старался поддержать старинныя начертанія: «иссохнуть, расславить, восстановить», но не успѣлъ въ томъ).

Не слѣдуетъ ли распространить это правописаніе и на остальные два предлога того же окончанія, т. е. на *без* и *чрез?*

Казалось бы, что этого требуетъ аналогія, но съ другой стороны, если вспомнить, что начертанія *ис*, *нис*, *вос*, *рас* составляютъ противорѣчіе общему характеру нашей орфографіи и что всѣ прочіе предлоги съ громкой согласной въ концѣ всегда сохраняютъ свои коренныя буквы (*под*, *над*, *об*, *пред*), то мы придемъ къ убѣжденію, что лучше не давать дальнѣйшаго хода неправильности и ограничить исключеніе четырьмя предлогами, хотя въ древности и писали: «беспечальство, бесплоденъ», чему слѣдовалъ и Ломоносовъ. Если бъ предвидѣлась возможность измѣнить давно укоренившійся обычай, то лучше было бы установить, чтобъ всѣ предлоги безъ изъятія всегда писались по этимологіи; конечно начертанія: *изтреблять*, *снизходить*, *возкресъ*, *вразплохъ*, когда бы глазъ успѣлъ къ нимъ привыкнуть, были бы вовсе не страннѣе чѣмъ *подслушивать*, *надпись*, *обставить* и т. п.[1].

---

[1] Недавно въ *Филолог. Запискахъ* (1875 вып. II) г. Козловскій предлагалъ распространить орфографію исчисленныхъ четырехъ предлоговъ и на осталь-

Есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ возникаетъ сомнѣніе, писать ли *раз* или *рас*, потому что составъ слова понимается различно, именно:

Расчесть (разчесть), или *разсчесть?*
Расчетъ (разчетъ), или *разсчетъ?*

Для повѣрки, нуженъ ли тутъ, кромѣ *раз*, еще добавочный предлогъ *съ*, самымъ вѣрнымъ пріемомъ будетъ попробовать слагать глаголъ *честь* и сущ. *четъ* съ другими предлогами. Тутъ мы увидимъ глаголы: *зачесть*, *вычесть*, *причесть*, *отчесть*, *перечесть*, *сочесть*; сущ. *зачетъ*, *вычетъ*, *отчетъ*, *перечетъ*, *счетъ*. Изъ этого разбора ясно, что въ составѣ словъ *рас-честь*, *расчетъ* находится сверхъ предлога *раз* только корень *чет*, *честь*, и слѣдовательно предлогъ *съ* тутъ совершенно излишенъ.

Но какъ писать: *расчесть*, или *разчесть?*
расчетъ, или *разчетъ?*

Согласно съ общимъ правиломъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому начертанію; нѣкоторые употребляютъ второе по двумъ соображеніямъ: 1) потому что въ нѣкоторыхъ формахъ глагола *разчесть* предлогъ *раз* при встрѣчѣ съ двумя согласными *чт* принимаетъ добавочную гласную О и тогда вмѣсто С по необходимости возстановляется З: *разочли*, *разочту*, *разочтенъ*; 2) съ цѣлью яснѣе изобразить составъ слова и не дать повода къ мысли, будто въ формѣ *расчетъ* сокращенъ предлогъ *раз* въ *ра* и будто съ нимъ соединены слова *счесть*, *счетъ*, буква же З выброшена изъ предлога.

Но противъ перваго основанія можно возразить, что въ этомъ случаѣ буквы З и С пишутся, какъ и всегда, смотря по слѣдующей буквѣ, а противъ второго, что такая заботливость объ отвращеніи этимологическаго недоразумѣнія излишня.

ные два, но въ концѣ своей замѣтки онъ справедливо сознался, что на томъ же основаніи можно потребовать однороднаго начертанія и для предлоговъ *предъ*, *подъ*, *надъ* (потсохнуть, поттасовать, потфабрить, претпослать): изъ такого затрудненія авторъ могъ выйти только заявленіемъ, что это къ предмету его замѣтки не относится.

Расчитать (разчитать), или *разсчитать?*

Расчитывать (разчитывать), или *разсчитывать?*

Здѣсь при употребленіи того же пріема для повѣрки начертанія, результатъ выйдетъ противоположный. Это требуетъ нѣсколько подробнаго объясненія.

Глаголъ *читать* при соединеніи съ предлогами имѣетъ двоякій смыслъ, означая: 1) дѣйствіе счисленія; 2) дѣйствіе чтенія.

Только во второмъ значеніи онъ употребляется и безъ предлога; въ первомъ же только съ предлогами, и притомъ съ такой разницей, что если къ слову *читать* (о письмѣ) присоединить предлогъ, то онъ низведетъ этотъ глаголъ на степень совершеннаго: *вычитать, дочитать, почитать, прочитать, перечитать*; при другомъ же значеніи (т. е. дѣйствія счисленія) предлогъ придаетъ глаголу *читать* только длительный видъ: *вычитать, зачитать, почитать* (и *предпочитать*), *считать.*

Что же выходитъ изъ этого?

Это приводитъ къ заключенію, что (—) *читать* (вм. *чѣтать*, д. счисленія) есть многократный видъ глагола *честь*, неупотребляемый безъ предлога, какъ (—) *вирать* отъ *врать*, (—) *рывать* отъ *рвать*, (—) *цвѣтать* отъ *цвѣсть*, (об) *рѣтать* отъ (об) *рѣсть*. Чтобъ низвести этотъ глаголъ на степень длительнаго, нуженъ предлогъ; именно, для приданія ему полнаго значенія дѣйствія счисленія служитъ предлогъ *съ*, а къ сложному глаголу *считать* присоединяются, для развитія дальнѣйшихъ оттѣнковъ значенія, другіе предлоги: *насчитать, пересчитать, обсчитать, отсчитать* и даже *со-считать* (двойной предлогъ *съ*). Слѣдовательно и *раз-считать.* При этомъ глаголъ переходитъ въ совершенный видъ.

Далѣе, отъ этого вида можно уже обыкновеннымъ способомъ образовать новый длительный видъ: *обсчитывать, пересчитывать, насчитывать, отсчитывать* и *разсчитывать.*

Очевидно, что начертаніе «рас-читать, рас-читывать» представляетъ составъ слова неполно. Должно писать: *разсчитать, разсчитывать.*

Расказать (разказать), или *разсказать?*
Расказъ (разказъ), или *разсказъ?*
Росказни (розказни), или *розсказни?*

Здѣсь мы видимъ почти то же, что и относительно глагола *читать*. Глаголъ *казать*, чтобъ получить значеніе, прямо относящееся къ рѣчи, къ человѣческому слову, долженъ напередъ соединиться съ предлогомъ *съ* и обратиться въ *сказать*, при чемъ однакожъ глаголъ этотъ тотчасъ сводится на степень совершеннаго. Къ этому уже предлогу присоединяются другіе предлоги для разныхъ оттѣнковъ значенія: *высказать*, *досказать*, *насказать*, *пересказать*, *подсказать*, слѣдовательно и *раз-сказать*, *разсказъ*, *роз-сказни*. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ глаголъ *казать* въ такихъ сочетаніяхъ: *выказать*, *доказать*, *наказать*, *отказать*, *показать*, *приказать*. Понятіе рѣчи даже въ словахъ: *доказать*, *отказать*, *приказать* не есть непосредственное и главное.

Распросить (разпросить), или *разспросить?*
Распросы (разпросы), или *разспросы?*

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ С послѣ предлога *раз* не нужно, такъ какъ глаголъ *просить* имѣетъ уже значеніе interrogare при предлогахъ *во* и *до* (*вопросить*, *допросить*, *вопросъ*, *допросъ*). Но, по ближайшемъ размышленіи, мы убѣждаемся, что между этими формами и выписанными въ заглавіи сомнительными словами съ предлогомъ *раз*, есть существенное различіе: то древнія формы, тогда какъ глаголъ *разспрашивать*, подобно глаголамъ, *выспрашивать*, *переспрашивать* — новаго образованія: это сочетаніе очевидно относится къ тому времени, когда слово *просить* уже получило болѣе опредѣленное значеніе petere, orare, а для значенія interrogare образовался сложный глаголъ *спросить*, *спрашивать* точно такъ же, какъ *считать* и *сказать*. Итакъ — *разспрашивать*, *разспросы*.

Разысканіе, или *розысканіе?*
Расписка, или *росписка?*

Въ русскомъ языкѣ часто случается, что коренное А, полу-

чивъ удареніе, обращается въ О, и наоборотъ. Такъ народъ во многихъ мѣстностяхъ говоритъ: *посóдишь, покóтишь, подóришь, воришь, тощишь, плотишь*, вмѣсто этихъ же словъ съ буквою А. Форма *плотишь, заплочено* перешла и въ образованный языкъ. На томъ же основаніи предлогъ *раз*, получивъ удареніе въ народной рѣчи[1], обращается въ *роз* или *рос*: *розвальни, розняли, розговѣнье, розыскъ, розыгрышъ, роздалъ, розобрáло, роспись, розсыпь, розсказни*. Значитъ ли это, что и тогда, когда предлогъ *раз* въ соединеніи съ словами того же корня не носитъ ударенія, онъ долженъ писаться съ буквою О? Никакъ. Перенесеніе на него ударенія съ обращеніемъ А въ О есть частный случай, въ которомъ мы на письмѣ соображаемся съ произношеніемъ. Зачѣмъ это частное, исключительное правописаніе переносить на тѣ случаи, гдѣ основаніе для такой перемѣны, особый выговоръ, исчезаетъ? Въ большей части случаевъ никто этого и не дѣлаетъ; не пишутъ напр. *рознимать, розсказывать* въ слѣдствіе того, что говорятъ: *розняли, розсказни*; но большинство ошибочно пишетъ слова: *розыскать, розысканіе* и *росписка* на томъ основаніи, что есть слова *розыскъ* и *роспись*. Это неправильно:

Когда мы пишемъ: *расписка, расписáться, разыскать, разысканіе*, намъ вовсе нѣтъ надобности соображаться съ исключительнымъ случаемъ произношенія предлога *раз*; оно въ приведенныхъ словахъ не имѣетъ мѣста, слѣдовательно не должно имѣть мѣста и его послѣдствіе, употребленіе на письмѣ буквы О вм. А.

Отсюда правило:

Когда предлогъ *раз*, принявъ удареніе, произносится *роз*, то онъ такъ и пишется, но исключительно въ тѣхъ словахъ, гдѣ слышно это произношеніе; въ другихъ же составныхъ словахъ одинаковаго происхожденія, гдѣ онъ ударенія не носитъ, онъ пишется чрезъ А, напр. *разнимать, развалины, разсказъ, расписка, разысканіе*, а никакъ не: «рознимать, розвалины, росписка, розысканіе».

---

[1] Въ словахъ высшаго духовнаго значенія, перешедшихъ изъ церк.-слав., предлогъ *раз* и подъ удареніемъ сохраняетъ чистое А: *рáзумъ, рáспятъ*.

Другіе случаи фонетическаго письма.

Слова: *гдѣ*, *здѣсь*, *вездѣ*, *ноздри*, *свадьба*, *мяздра*, *розга*, *пѣшь* (повел.) пишутся по произношенію вм. этимологически правильныхъ, но неупотребительныхъ начертаній: *кдѣ* (ср. куда), *сдѣсь* (ср. сюда), *весдѣ* (ср. всюду), *носдри* (ср. серб. ноздрва) *мясдра*, *сватьба* (ср. женитьба), *ростга*[1], *пѣжь*. *Четверіъ* пишется такъ по произношенію косвенныхъ падежей.

Примѣчаніе. Начертаніе *свадьба* находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что звуковая форма этого слова взяла перевѣсъ надъ этимологіей и въ произведенныхъ отъ него—уменьшительномъ имени *свадебка*, и прилагательномъ *свадебный*. Превращеніе Т въ Д между двумя гласными встрѣчается также въ народныхъ формахъ *эдакъ*, *эдакій* вм. *этакъ*, *этакій*[2]. У насъ есть примѣръ противоположнаго случая, гдѣ однакожъ на письмѣ восторжествовало производство. Это сущ. *будка*, отъ котораго по произношенію же составлено другое, всегда произносимое *буточникъ*, но на письмѣ сохраняющее Д: *будочникъ*.

Въ словахъ *мягкій*, *мягкость*, *мягчить*, буква Г поставлена вм. кореннаго К (*мякоть*, *мякишъ*), на основаніи произношенія словъ: *легкій*, *облегчить*, *когти*, *ногти*, т. е. на томъ основаніи, что въ нихъ Г въ концѣ слога=К (*рогъ*, *лугъ* произн. какъ рокъ, лукъ), а К передъ другимъ К или передъ Т (о родствѣ этихъ буквъ см. выше стр. 15) произносится какъ Х, напр. *къ кому* произн. х-кому, *кто* произн. хто. (Эта послѣдняя форма встрѣчается и на письмѣ въ древне-славянскомъ языкѣ[3]).

Слово *збруя* взято съ польскаго: zbroj, zbroja (снарядъ, до-

---

[1] Изъ црк.-сл. формы *рождіе* нельзя заключать, что корень слова — *род*: здѣсь *жд* замѣнило, по произношенію, *зж*, какъ напр. въ словѣ *иждивеніе*.

[2] Мнѣ случалось еще слышать *эракъ*, *эракій*, но было ли это слѣдствіемъ индувидуальной особенности выговора, или явленіемъ какого-нибудь мѣстнаго говора, не умѣю сказать положительно. Съ этими словами надо сблизить еще слышимую иногда въ народѣ форму: *сварьба*.

[3] Miklosich. *Vergl. Lautlehre*, стр. 208.

спѣхъ), въ которомъ и предлогъ остался неприкосновеннымъ въ своей польской формѣ (з вм. *съ*).

Встрѣчающееся нерѣдко въ нашей печати начертаніе «*сумазбродъ*» вм. *сумасбродъ* ошибочно.

Въ словахъ *отверстый*, *отверстіе* З на мѣсто С ставится нѣкоторыми не кстати: это имя происходитъ не отъ *отверзать*, а отъ древней его формы *отвръсти*. Др.-слав. сущ. *отъвръстіе*. Равнымъ образомъ несправедливо по выговору писать: *ляшка* вм. *ляжка* (отъ ляга, лядвея), *душка* вм. *дужка* (отъ дуга), *затхлый* вм. *задхлый* (за́дохлый).

Употребленіе Ч, Т и Д при встрѣчѣ съ другими согласными.

Звукъ Ч, происшедшій изъ К или Ц, передъ суффиксомъ, начинающимся на Н, произносится въ народномъ говорѣ какъ Ш, но на письмѣ не измѣняется. Между тѣмъ въ этомъ случаѣ часто пишется неправильно Ш, напр: «прачешная, башмашникъ». Для повѣрки употребленія этой буквы необходимо справляться, какъ произошелъ въ данномъ случаѣ звукъ ея, и если въ первообразномъ словѣ К или Ц, то слѣдуетъ писать Ч; если Г, то писать Ж: *пряничный*, *коричневый* (отъ пряникъ, корица); *бумажка* (отъ бумага).

Для объясненія упомянутаго здѣсь выговора надо вспомнить составъ Ч (=ТШ; см. выше стр. 17), слѣд. ЧН = ТШН. Такимъ образомъ Ш тутъ очутилось между двумя звуками того же зубного органа, близкими между собой по образованію (см. стр. 19, 42 и 45): естественно, что устные органы, въ облегченіе себя, охотно пропускаютъ первый зубной звукъ и вмѣсто ТШН произносятъ только ШН, напр. въ словахъ *скучно*, *наро́чно*, *закадычный*, *башмачникъ*, *табачный*, *молочный*, *копеечный*. Впрочемъ въ словахъ, принадлежащихъ къ книжной рѣчи, или такихъ, которыя при показанномъ произношеніи могли бы быть смѣшаны съ другими, Ч не измѣняется на Ш, напр. *точно*, *вѣчный*, *тучный*, *скоротечный*, *научный*, *звучный*, *неразлучный*,

безпечный. Нѣкоторыя слова этого состава произносятся двояко, смотря по ихъ значенію или по оттѣнку языка, въ которомъ они употребляются: такъ въ народѣ говорятъ *сердешный*, а въ образованномъ языкѣ *сердечный;* прилаг. *конечный* (въ смыслѣ: относящійся къ концу) сохраняетъ въ выговорѣ звукъ Ч, а нарѣчіе произносится «конешно».

Въ женскихъ отчествахъ: *Ильинична*, *Лукинична*, *Фоминична*, *Козьминична*, также не слѣдуетъ писать Ш вмѣсто Ч. Они образованы почти такимъ же образомъ, какъ болѣе обыкновенныя имена этого рода на *овна* и *евна*, но полнѣе; какъ въ этихъ послѣднихъ въ основаніе принято мужское отчество съ окончаніемъ *ов*, и къ нему прибавленъ слогъ *на*, такъ точно и въ тѣхъ болѣе рѣдкихъ именахъ къ мужескому полному окончанію на *ич* присоединено окончаніе *на*.

Но откуда же явилось *ин* передъ окончаніемъ *ичъ?*

Какъ отъ *Иванъ*, *Семенъ* образованы сперва лично-притяжательные *Иван-овъ*, *Семен-овъ*; такъ отъ *Илья*, *Лука* образованы, въ слѣдствіе ихъ женскаго окончанія: *Иль-инъ Лук-инъ*.

Въ мужескихъ отчествахъ слогъ *инъ* опущенъ (Иль-ичъ вм. Ильиничъ) подобно тому, какъ въ просторѣчіи выкидывается и слогъ *ов* (Иван-ычъ вм. Ивановичъ); въ женскихъ же онъ возстановляется и тутъ и тамъ: *Иван-ов-на*, *Иль-ин-ична*[1]. (Только въ имени *Никитична*, вѣроятно по долготѣ его и другому ударенію, слогъ *ин* и въ женскомъ отчествѣ остается пропущеннымъ).

Разница между именами формы *ов* и формы *ин* заключается въ томъ, что въ первыхъ слогъ *ичъ*, при образованіи женскаго отчества, оказывается излишнимъ, потому можетъ-быть что слогъ *ов*, какъ примѣта муж. рода, уже достаточно показываетъ происхожденіе; во второмъ же случаѣ, слогъ *инъ*, будучи произведенъ отъ жен. окончанія, самъ по себѣ какъ бы не довольно выразителенъ и

[1] Причину, почему въ именахъ: *Ильичъ*, *Козьмичъ* и т. п. слогъ *инъ*, соотвѣтствующій слогу *овъ*, никогда не является, а въ женскихъ отчествахъ напротивъ почти всегда составляетъ необходимую принадлежность формы, трудно объяснить фонетически; исторія же языка до сихъ поръ не разрѣшаетъ вопроса.

потому въ дополненіе къ нему прибавленъ болѣе характеристическій суффиксъ *ичъ*, который въ женскихъ отчествахъ передъ слогомъ *на* произносится какъ *иш*.

Совершенно сходное звуковое явленіе представляетъ измѣненіе выговоромъ Ч въ Ш передъ Т (въ словѣ *что*), съ тою разницею, что тутъ, при сохраненіи первоначальнаго звука, пришлось бы прознести *тшт*, т. е. образовать ту же самую артикуляцію два раза — передъ и послѣ Ш, — а это конечно еще труднѣе. Этотъ народно-русскій выговоръ соблюдается и въ образованномъ языкѣ, но означать его на письмѣ не принято.

Когда передъ суффиксомъ, начинающимся на Н, стоятъ звуки корня СТ или ЗД, то Т и Д въ произношеніи скрадываются, но на письмѣ не опускаются, напр. въ словахъ *извѣстный*, *честный*, *крестный*, *постный*, *поздній*, *поздно*, *праздникъ*[1].

На этомъ-то основаніи, по недоразумѣнію, стали писать «лѣстница» вм. *лѣсница*, какъ видно изъ уменьшит. *лѣсенка*.

Какъ передъ Н, такъ и передъ Л сочетаніе СТ трудно произносится, и при встрѣчѣ этихъ звуковъ Т легко выпадаетъ. Такъ вм. *стлать* выговариваютъ *слать*. Но на письмѣ слово должно быть воспроизводимо вполнѣ. Между тѣмъ въ образованномъ отъ того же корня имени *сланецъ* этимологія забыта и буквы Т писать не принято[2].

Систематически опускается она также въ союзѣ *если* вм. *естьли* (см. выше стр. 206).

---

[1] Трудность произнесенія обѣихъ согласныхъ ЗД передъ Н была причиною, что нарѣчіе *поздно* выговаривается двояко, т. е. съ опущеніемъ то Д, то Н: *позно* и *поздо*. Послѣдняя форма употреблялась иногда и на письмѣ. Намъ попадалось иногда замѣчаніе, что отъ словъ *надежда* и *прежде* прилагательныя *надежный* и *прежній* образуются съ опущеніемъ звука Д. Но дѣло здѣсь въ томъ, что эти прилагательныя образованы не отъ этой церк.-слав. формы словъ, а отъ народной: *надежа*, *преже* (Бусл. *Ист. Грам.* I, стр. 71).

[2] Можно бы предполагать, что къ этому же корню (т. е. *стл*) относится и сущ. *слой*, но соотвѣтствующія ему въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ имена не допускаютъ этого производства. Трудно впрочемъ опредѣлить происхожденіе имени *слой*. Оно есть также въ польскомъ и чешскомъ: Линде сближаетъ его съ корнемъ *логъ*, а Юнгманъ съ глаг. *литъ*; Шимкевичъ, въ недоумѣніи, поставилъ его особо какъ коренное слово.

По причинѣ стеченія четырехъ согласныхъ, буква Т выбрасывается еще изъ слова *склянка* (вм. «стклянка»).

Напротивъ, эта же буква, по особенному свойству народной фонетики[1], часто вставляется между С и Р, но на письмѣ она въ такихъ случаяхъ тщательно устраняется (*срамъ, сраженіе*). Однакоже она утвердилась прочно въ словахъ: *встрѣтить*, *встрѣча* (отъ корня *рѣт* съ предл. *съ:* сърѣсти, сърѣтати) и *строгій*. Первоначальная форма послѣдняго въ древне-славянскомъ: *срагъ* (поль. srogi) того же значенія.

Сочетаніе коренного Т съ буквою С суффикса (какъ напр. въ словахъ *свѣтскій, Гжатскъ*) не обращается въ Ц. Исключеніе представляетъ общепринятая орфографія двухъ собственныхъ именъ: *Полоцкъ* и *Шацкъ*, которыя на общемъ основаніи должны бы писаться: *Полотскъ* и *Шатскъ* по названіямъ рѣкъ Полоты и Шати. Въ Географическомъ словарѣ Щекатова мы и находимъ приведенныя правильныя начертанія.

Употребленіе Щ, СЧ, ЗЧ, ЖЧ.

Буква Щ, изображающая сложный звукъ, употребляется: 1) въ первоначальныхъ, не очень многочисленныхъ корняхъ словъ, напр. *щавель, щи, щетина, щирый, щебень, ущербъ, щедрый, лещь;* 2) въ звукоизмѣненіяхъ, происшедшихъ въ корнѣ отъ умягченія Т, СК, СТ: *пища* (кор. пит), *хищный* (хит), *клевещу* (клевет), *ищу* (иск), *тащу* (таск), *мощеніе* (мост), *роща* (рост); 3) въ окончаніяхъ: *щій* (причастный суффиксъ), *ище, щина, щикъ*.

Вообще говоря, народный языкъ чуждается этого сложнаго звука и охотно употребляетъ Ч или Ш тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ произносится Щ; оттого образованный языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи смѣсь элементовъ народной и книжной рѣчи. Напр. съ одной стороны говорятъ и пишутъ: *ночь, печь, мочь, тысяча, печерскій, ворочать, свѣча, отвѣчать;* съ другой: *пещись, мощный, помощь, пещера, возвращать, просвѣщать, завѣщать*. Нѣкоторыя слова въ образованной рѣчи имѣютъ Щ, а

[1] Общеславянской, особенно свойственной чешскому языку.

въ народной Ч, напр. имя *общество* произносится въ крестьянскомъ быту *обчество*. Любопытный примѣръ замѣны Щ буквою Ч представляетъ общеупотребительное имя *перчатка* вм. *перщатка* (отъ перстъ; стар.: рукавица перстатая, позднѣе перщетая[1]).

Отъ замѣны Щ звукомъ Ч въ просторѣчіи происходитъ, что передъ суффиксомъ, начинающимся на Н, буква Щ иногда произносится какъ Ш, напр. въ словахъ *помощникъ*, *безпомощный*, *всенощная*, *овощной*, при чемъ въ основѣ надобно представлять себѣ народныя формы: «помочникъ, безпомочный, всеночная», гдѣ, по весьма обыкновенному пріему, Ч въ произношеніи измѣняется въ Ш. На письмѣ въ подобныхъ случаяхъ сохраняютъ Щ; только слово *тошно* (отъ тощій) пишется по произношенію.

При обращеніи коренныхъ СК и СТ въ звукъ Щ, онъ и на письмѣ не разлагается на СЧ, отъ чего происходятъ слѣдующія начертанія: *ищу* (отъ иск), *пищать* (писк), *лощить* (лоск), *тощій* (тоск), *проще* (прост), *чаще* (част), *чище* (чист), *дощечка*, *дощатый*, *дощаникъ* (доск) и т. п.

Въ словѣ *песокъ*, К также принадлежитъ, вмѣстѣ съ звукомъ С, къ корню, и потому слѣдовало бы писать «пещаный, пещаникъ»; но вмѣсто того издревле писали: пѣсъчанъ, конечно на томъ основаніи, что С отдѣлено отъ Ч гласною, и окончаніе *окъ* приняло какъ бы видъ суффикса. Такъ и у насъ обычай требуетъ начертаній: *песчаный*, *песчаникъ*.

Когда С или З составляютъ послѣднюю букву корня, а суффиксъ начинается съ Ч, то СЧ и ЗЧ не сливаются въ Щ; поэтому пишутъ: *рѣз-че*, *неотвяз-чивый*, *занос-чивый*, *колес-чатый*, *пис-чій*; то же бываетъ, когда С или З, въ началѣ слова, составляютъ приставку, а корень начинается на Ч: *с-четъ*, *с-частіе*, *ис-чадіе* (въ старину писали «щетъ, щастіе, иштадие»).

На основаніи этого весьма раціональнаго правила въ суффик-

[1] Буслаева *Истор. Грамм.* II, стр. 11.

Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ до сихъ поръ сохраняется форма *перщатка*.

сахъ можно писать Щ только тогда, когда къ составу ихъ принадлежитъ весь этотъ звукъ; таковы окончанія: причастное *щій*, далѣе *ище*, *щина* и *щикъ*. О первыхъ двухъ распространяться нечего; что касается двухъ послѣднихъ, то они, по свойству предыдущаго звука въ корнѣ слова, иногда обращаются въ *чина* и *чикъ*: поэтому, когда предшествуютъ имъ буквы З, С или Ж, важно умѣть опредѣлять дѣйствительный составъ суффикса.

Сомнѣніе относительно этого состава даетъ поводъ къ вопросу: которыя изъ двоякихъ начертаній правильны:

1) *мужчина*, или *мущина?*

2) *разскащикъ*, *извощикъ*, *перепищикъ* и т. п.,

или: *разсказчикъ*, *извозчикъ*, *переписчикъ?*

Оба окончанія, *щина* и *щикъ*, происходятъ изъ прилагательнаго суффикса СК: *женскій—женщина*, *ямской—ямщикъ*. (Прилагательное, служащее началомъ такихъ именъ, не всегда употребительно: большею частью оно должно только предполагаться, напр. для имени *вѣстовщикъ*—съ посредствующимъ слогомъ ов—надобно предполагать прилаг. *вѣстовской*).

Послѣ буквъ Д и Т оба суффикса—*щина* и *щикъ*—явно измѣняютъ Щ въ Ч: вмѣсто «склад-щина, солдат-щина», говорятъ и пишутъ: *склад-чина*, *солдат-чина*; вмѣсто «перевод-щикъ, переплет-щикъ, лазут-щикъ»—*перевод-чикъ*, *переплет-чикъ*, *лазут-чикъ* (отъ сущ. лазутка, которое, по словарю Даля, зн. лазокъ, лазъ въ плетнѣ). Подобное же бываетъ, когда съ суффиксомъ *щикъ* встрѣтится коренная буква К. Такъ слова: *потатчикъ*, *ясатчикъ*, *кабатчикъ*[1] замѣняютъ неудобныя для выговора формы: «потак-щикъ, ясак-щикъ, кабак-щикъ». К имѣетъ три степени умягченія: Т, Ц и Ч. О родствѣ звуковъ К и Т было уже говорено въ 1-й части (см. стр. 15)[2]. Примѣры первой степени умягченія К мы

[1] Напрасно г. Николичъ въ *Филологич. Запискахъ* 1875 (вып. III) увѣряетъ, что *кабатчикъ* — несостоятельная форма.

[2] Примѣромъ этого родства можетъ служить въ нашемъ народномъ языкѣ смѣшеніе К и Т, напр. простолюдины говорятъ: *кіятеръ* вм. *театръ*. Одна изъ этихъ буквъ нерѣдко замѣняетъ другую въ родственныхъ языкахъ: такъ у Нѣм. Kranich, шв. trana; нѣм. qvark, русск. творогъ. О смѣшеніи этихъ

видимъ въ словахъ: *паутина* (отъ паукъ), *витязь* (отъ викингъ), *Авдотья* (отъ Евдокія) и др. Такимъ же образомъ и въ приведенныхъ именахъ дѣятелей (какъ *потатчикъ*) К, для избѣжанія трудной встрѣчи съ Щ, обратилось въ Т, а Щ въ слѣдствіе того измѣнилось въ Ч.

На этомъ основаніи, какъ уже замѣтилъ Павскій, прежде правильно писали «порутчикъ» (вм. порук-щикъ, отъ порука)[1]. По нынѣшней орфографіи: *поручикъ*, выходило бы, что Ч, образовавшееся изъ К, принадлежитъ къ корню и что суффиксомъ служитъ тутъ только слогъ *икъ*, но это окончаніе въ такихъ словообразованіяхъ не встрѣчается.

Въ разобранныхъ до сихъ поръ словахъ обращеніе Щ въ Ч болѣе и менѣе явно; но бываютъ случаи, когда распознаніе его труднѣе. Сюда относится особенно встрѣча коренныхъ З, С и Ж съ суффиксами *щикъ* и *щина*.

Отъ имени *муж-ской* правильно образованная форма сущ. была бы *муж-щина*. Языкъ упрощаетъ ее и произноситъ *мущина*. Но не сохранилась ли въ корнѣ буква Ж и не обратилось ли Щ суффикса въ Ч? Если такое превращеніе происходитъ послѣ Д и Т, то нѣтъ причины не предполагать его и послѣ Ж.

Точно то же относится конечно и къ трудно-произносимымъ формамъ: разказ-щикъ, извоз-щикъ, разнос-щикъ, рѣз-щикъ, которыя, подобно словамъ *переводчикъ*, *переплетчикъ*, принимаютъ видъ: *разсказ-чикъ*, *извоз-чикъ*, *разнос-чикъ*, *рѣз-чикъ*. Мы по привычкѣ миримся съ начертаніями «разскащикъ, извощикъ, разнощикъ, рѣщикъ», потому что они не даютъ повода къ недоразумѣнію; но «перепищикъ, подпищикъ» уже менѣе удовлетворяютъ насъ и мы охотнѣе пишемъ: *переписчикъ*, *подписчикъ*[2], потому что со-

---

двухъ звуковъ ср. во 2-й серіи чтеній Макса Мюллера (нѣм. переводъ Бётгера), стр. 158, 159.

[1] *Филол. Набл.* I, стр. 75.

[2] Странно, что въ академ. словарѣ употреблены обѣ орфографіи: *подписчикъ* и *подпищикъ*, смотря по двоякому значенію слова. *Нагрузчикъ* также встрѣчается тамъ двояко написаннымъ. Въ словарѣ Даля сло́ва этого состава вообще пишутся то однимъ, то другимъ способомъ, напр. «перепищикъ» и «нагрузчикъ».

четаніе *пищ* напоминаетъ намъ совершенно другіе корни (въ словахъ *пища*, *пищать*); а рѣдко употребляемыя слова, какъ напр. «нагрущикъ, вящикъ, подлащикъ, перебѣщикъ» покажутся намъ еще страннѣе, если не написать: *нагрузчикъ*, *вязчикъ*, *подлазчикъ*, *перебѣжчикъ*. Но для словъ одного и того же состава слѣдовать двумъ разнымъ системамъ орфографіи было бы слишкомъ непослѣдовательно, и потому лучше принять ту, которая вытекаетъ изъ этимологическаго разбора словъ и согласна съ общимъ правиломъ, что буква Ч суффикса съ предшествующимъ ей Ж, З, С корня не сливается въ Щ. Тѣмъ, кому показалось бы, что буквы ЗЧ, СЧ не передаютъ въ точности звука Щ, мы напомнимъ произношеніе этихъ же буквъ въ словахъ: *счастіе*, *счетъ*, *песчаный*, *привязчивый*: по закону уподобленія звуки С и З передъ Ч не могутъ не измѣняться въ Ш: мы ясно слышимъ это произношеніе даже въ такихъ сочетаніяхъ какъ *съ чѣмъ*, *изъ чего*, *безъ чаю*, гдѣ звуки С (З) и Ч принадлежатъ къ двумъ разнымъ словамъ.

По мнѣнію Павскаго слѣдуетъ писать: «мущина, разскащикъ, извощикъ» на томъ основаніи, что въ корнѣ буквы Ж З С сами передъ Щ выпадаютъ, а Щ, какъ отличительная буква, происшедшая отъ СК, не должна исчезать[1]. Очевидно, что означенная здѣсь причина несостоятельна, такъ какъ послѣ Д и Т (въ словахъ, какъ *кладчикъ*, *отвѣтчикъ*) буква Щ измѣняется же въ Ч. — Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, стр. 354) пишетъ *мужчина*, и по этому-то поводу, вѣроятно, Павскій замѣтилъ: «преобразователи нашего правописанія несправедливо поступили съ словомъ *мущина*, передѣлавъ его на *мужчина*». По замѣчанію г. Буслаева (*Ист. Гр.*, I, стр. 151), послѣднее начертаніе употребительнѣе.

Подъ однородную орфографію подходятъ также слова: *объѣздчикъ* (ужъ конечно не «объѣщикъ») и *образчикъ*. Писать *обра-*

[1] Въ первомъ изданіи настоящаго труда я былъ въ этомъ вопросѣ на сторонѣ Павскаго, потому что мнѣ казалось невозможнымъ повѣрить въ разсматриваемыхъ словахъ дѣйствительную форму окончанія; но аналогическія случаи, гдѣ суффиксы *щина* и *щикъ* несомнѣнно обращаются въ *чина* и *чикъ*, убѣдили меня, что то же происходитъ и въ этихъ словахъ.

щикъ неудобно потому, что тутъ объ окончаніи *щикъ* не можетъ быть и рѣчи: это — уменьшительное отъ *образецъ*, какъ *кончикъ*, *рубчикъ* отъ *конецъ, рубецъ*, гдѣ Ц, по общему словообразовательному закону, измѣнилось въ Ч.

Но неужели мы будемъ также писать: «помѣстчикъ и сыскчикъ» вмѣсто общепринятыхъ формъ *помѣщикъ* и *сыщикъ?* Нѣтъ, если внимательно разберемъ эти два слова, то увидимъ, что выведенное нами правило къ нимъ не примѣняется. На общемъ основаніи (см. выше, стр. 270) находящіяся въ корнѣ этихъ двухъ словъ буквы СТ и СК должны измѣниться въ Щ (ср. мѣщанинъ, ищу), а звукъ Щ, разумѣется, не можетъ быть повторенъ въ окончаніи: итакъ формы помѣщ-щикъ, сыщ-щикъ должны обратиться въ *помѣщикъ, сыщикъ*.

Незаконно является Щ въ прилагательномъ *косящатый*, которое, происходя отъ сущ. *косякъ*, должно бы имѣть форму *косятчатый*; но въ томъ же родѣ начертаніе *слаще* вм. «сладче», и мы его допускаемъ.

Объясненія требуетъ еще прилагательное *вящшій*, которое нѣкоторые пишутъ *вящій*. Первое начертаніе однакожъ правильнѣе, потому что выставляетъ на видъ признакъ сравнительной степени, окончаніе *шій*: ср. поль. większy (т. е. бóльшій, отъ wielki), верх.-луж. вятши (или въ просторѣчіи вячи), серб. векши. Образецъ для орфографіи этого слова мы имѣемъ въ такомъ же прилаг. сравнит. степени: *лучшій*. Въ црк.-сл. словаряхъ Востокова и Миклошича находимъ вѧщии, вѧщє, вѧштии, вѧштє; въ Фрейзинген. ркп. (по транскрипціи Вост.) кєнчиχ или вѧщшьииχъ, вящшихъ (см. его *Филол. Набл.*, стр. 34 второй нум.). Начертаніе безъ Ш конечно ближе къ первоначальному письму, но мы должны помнить, что древніе писцы, согласно съ фонетикой современнаго имъ языка, избѣгали стеченія подобозвучныхъ буквъ, чтó къ нашему правописанію непримѣнимо[1].

[1] При этомъ стóитъ упомянуть объ одномъ изъ куріозовъ въ словарѣ Даля, вообще несильнаго въ этимологіи. Подъ словомъ *вящій* онъ ставитъ, въ видѣ догадки, съ вопросительнымъ знакомъ: «*вязать?* вязнѣе, вязче, вяще?» и потомъ, опять въ видѣ догадки, несомнѣнно первообразную форму: «великій».

II. Употребленіе гласныхъ.

Вопросы объ употребленіи той или другой гласной касаются не только неопредѣленныхъ, но иногда и совершенно ясно произносимыхъ съ удареніемъ звуковъ этого рода. Это относится особенно къ буквамъ А и О, которыми мы прежде всего и займемся.

А или О?

Звуки А и О въ русскомъ языкѣ такъ родственны, что одинъ изъ нихъ легко обращается въ другой, и это повидимому—весьма древнее свойство: даже въ Остромировомъ евангеліи (стр. 56 б.) *О* разъ употреблено вм. А: написано *неродити* вм. *нерадити*. Въ 15-мъ столѣтіи замѣна одной изъ этихъ буквъ другою является нерѣдко; вѣроятно уже и раньше южно-русскій говоръ обращалъ неударяемое О въ А (и ударяемое А въ О), сѣверно-русскій, наоборотъ, обращалъ неударяемое А въ О [1]; въ слѣдствіе чего, разумѣется, на письмѣ легко происходило смѣшеніе обѣихъ буквъ.

Нынче ударяемое А всегда пишется тамъ, гдѣ оно слышится, между прочимъ въ глагольной формѣ многократнаго вида, въ которой оно образуется изъ О, напр. *страивать* (отъ строить), *хаживать*, *обрабатывать*, *брасывать*, *кланяться*.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ глаголахъ, напр. *успокоивать*, *озабочивать*, такое превращеніе не принято и въ живой рѣчи.

Подобнымъ образомъ и ударяемое О должно писаться вездѣ сходно съ произношеніемъ. Изъ этого, въ прежнее время, строго соблюдались два исключенія: именно въ полныхъ прилагательныхъ съ удареніемъ на окончаніи вмѣсто произносимаго О писали: въ именит. п. ед. ч. муж. р. Ы (*вторый*, *святый*), а въ родит. п. того же числа муж. и сред. р.—А (*втораго*, *святаго*).

Измѣненіе первоначальныхъ прилагат. формъ *ый*, *ій* въ русскомъ народномъ говорѣ на *ой*, *ей* (хромой, самъ-третей) весьма

[1] Колосовъ. *Очеркъ исторіи звуковъ русскаго языка*, стр. 131 и 132.

древне и происходитъ конечно отъ избѣжанія несвойственнаго ему дифтонга изъ двойного звука И (ый, ій)[1].

Въ письмѣ новаго времени окончанія *ый* и *ій* (послѣднее послѣ гортанныхъ), когда они должны носить удареніе, давно уже выходятъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто формѣ живого языка *ой*. Нынче почти всѣ уже пишутъ: *кривой, прямой, роковой, какой, сухой, нагой*, а не «кривый, прямый, роковый, какій, сухій, нагій», хотя эти послѣднія формы еще и вошли въ академическій словарь 1840-хъ годовъ.

Окончаніе родит. падежа *аго*, произносимое какъ *ова*, труднѣе поддается на письмѣ измѣненію, сообразному съ выговоромъ. Здѣсь и согласная и ударяемая гласная пишутся не тѣ, что слышатся, и мы видимъ въ этомъ случаѣ самую рѣшительную побѣду этимологическаго письма надъ фонетическимъ. Между тѣмъ уже въ весьма отдаленное время являлись въ письменныхъ памятникахъ попытки писать это окончаніе по слуху, именно уже въ 15-мъ вѣкѣ читаются начертанія: *великово, никакова* и проч.[2]. Подобныя начертанія не были рѣдкостью и въ гражданской печати, съ самаго введенія ея; но со времени Ломоносова они стали считаться позволительными только въ просторѣчіи, въ важномъ же слогѣ строго соблюдалась форма *аго*. Того же различія держался и Карамзинъ; только въ родит. падежѣ мѣстоименій *какого* и *такого* онъ уже постоянно писалъ О[3].

Понятно, что для такого отличія мѣстоименій отъ прилагательныхъ, при совершенно однородной прилагат. формѣ и одинаковомъ произношеніи, не можетъ быть никакой причины. Еще Павскій говорилъ: «Ежели пишемъ худой вм. худый, то почему не писать худого или худово вм. худаго?»[4]. Дѣйствительно, въ

---

[1] О чемъ см. выше, стр. 28. Въ *Очеркѣ исторіи звуковъ р. яз.* г. Колосовъ сперва (стр. 43) считаетъ эту особенность не фонетическою; но потомъ (стр. 45) склоняется однакожъ къ справедливому предположенію, «что здѣсь сказалось стремленіе языка къ диссимиляціи звуковъ».

[2] Колосова *Очеркъ исторіи звуковъ языка*, стр. 54, 136, 141.

[3] См. его сочиненія, М. 1804, т. VIII, стр. 109.

[4] *Филол. Набл.* I, § 112.

послѣднее время начертаніе *ого*, при слышимомъ на первомъ О удареніи, стало болѣе и болѣе употребляться вм. аго. Съ сохраненіемъ Г на письмѣ вопреки произношенію мы еще можемъ мириться, потому что это коренной звукъ разсматриваемой формы во всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но для удержанія А нѣтъ основанія, такъ какъ эта гласная въ нихъ различна, напр. у Поляковъ является *едо*, у Сербовъ *ога*. Въ памятникахъ русской письменности окончаніе *ого* встрѣчается уже въ 11-мъ, и особенно въ 12-мъ вѣкѣ; мы находимъ его даже и въ Фрейзингенской рукописи (инога)[1]. Противъ начертанія *ого* можно только замѣтить, что если принять его, то при окончаніи имен. падежа на *ій* пришлось бы, въ случаѣ ударенія на окончаніи, писать въ род. падежѣ, для аналогіи, *его* вм. *яго*, напр. въ выраженіи *третьёго дня*. Но въ этомъ не было бы никакого неудобства, такъ какъ слоги *ого*, *его* составляли бы въ сущности единственно правильное окончаніе разсматриваемой формы.

Можно еще замѣтить, что нѣтъ этимологическаго основанія отличать въ родит. падежѣ прилагательныя съ удареніемъ на окончаніи *óй* отъ прилагательныхъ, не имѣющихъ этого ударенія, и что въ случаѣ принятія начертанія *ого* слѣдовало бы и всѣмъ прилагательнымъ давать въ родит. п. это окончаніе, т. е. наприм. писать также: *доброго, синего*. Это отчасти справедливо, но мы опять сошлемся на мѣстоименія: *какого* и *такого*, которыя отличаются же въ этой формѣ склоненія отъ прочихъ, имѣющихъ другое удареніе (напр. *котораго*); а также и на то, что и въ именит. падежѣ мы, при удареніи на послѣднемъ слогѣ, пишемъ: *дурной, хромой*, а безъ этого ударенія—*холодный, мнимый*. Если, смотря по ударенію, допускаемъ различное правописаніе въ именит. падежѣ, то для послѣдовательности должны допускать такое же различіе и въ родительномъ. Притомъ прилагательныя, не имѣющія ударенія на окончаніи, всѣми пишутся въ род. падежѣ однообразно, слѣдов. объ нихъ нечего и говорить: твердо установив-

---

[1] Востоковъ *Филол. Набл.*, стр. 44. Колосова *Очеркъ*, стр. 42.

шагося правописанія, если оно не противно законамъ языка, измѣнять не слѣдуетъ.

Начертаніе *ого* имѣетъ еще независимое отъ ударенія примѣненіе въ родит. падежѣ един. ч. мѣстоименій *тотъ*, *этотъ*, *самъ* и числит. имени *одинъ* (*того*, *этого*, *самого*, *одного*).

Въ глаголѣ *платить* гласная А, при паденіи на нее ударенія, въ живой рѣчи обыкновенно измѣняется на О; именно это бываетъ въ формѣ настоящаго вр., кромѣ 1 лица ед. ч. («плóтишь, плóтитъ» и т. д.) и въ страдат. причастіи («заплоченъ»). Въ народномъ говорѣ есть довольно большое число глаголовъ съ этимъ же звукоизмѣненіемъ, но изъ нихъ въ образованный языкъ перешелъ только одинъ названный; впрочемъ, при тщательномъ произношеніи слышится первоначальный звукъ А, который обыкновенно изображается и на письмѣ, хотя форма *плóтятъ* встрѣчается уже въ письменности 15-го вѣка[1].

Неударяемыя гласныя А и О въ произношеніи такъ тожественны (см. выше стр. 33), что строгое различеніе ихъ на письмѣ представляетъ почти неодолимыя трудности; поэтому въ словахъ сомнительнаго происхожденія двоякое начертаніе неизбѣжно[2]; такъ одни пишутъ: *тварогъ*, *тароватый*, *казакъ*, *калачъ*, *каравай*, *касатка*, *грамата*, другіе: *творогъ*, *тороватый*, *козакъ*, *колачъ*, *коровай*, *косатка*, *грамота*. Такое же различное правописаніе встрѣчается во многихъ глаголахъ; одни пишутъ: *расти*, *возрастать*, *возрастить*, другіе: *рости*, *возростать*, *возростить*. Есть сущ. *ростъ* и другое *растъ* и предложныя формы: *возрастъ*, *отрасль*, *недоросль*. Двояко пишется также глаголъ *рождать* или *раждать*. Особенно сомнительно въ этомъ отношеніи начертаніе многихъ глаголовъ въ многократной формѣ съ предлогомъ. Твердо установилось А въ глаголахъ *полагать* (не смотря на корень *лог*

---

[1] Колосова *Очеркъ*, стр. 148.

[2] Еще въ рукописяхъ 13-го вѣка О часто является вм. А, напр.: *Олъксандръ*, *Лазоръ*, *робу*, *розгнѣваешь*, *розбои*; въ 15-мъ же столѣтіи, кромѣ того попадаются такія начертанія: *знахори*, *довалъ*, *боранъ*, *ласкавъ*, *изнемагати* (Колосова *Очеркъ*, стр. 91, 131, 151).

и форму *положить*) и *касаться* (не смотря на корень *кос* и форму *коснуться*); затѣмъ пишутъ то О, то А въ слѣдующихъ: *покло-няться, загорать, возгораться, поглощать.*

Превращеніе О въ А въ подобныхъ глаголахъ гораздо чаще встрѣчается въ древнихъ памятникахъ церк.-слав. письма и отнесено Миклошичемъ къ явленіямъ подъема или усиленія гласныхъ[1], какъ напр. въ глаголахъ: *възгарати, изламати, раждати, свобаждати, хаждати.* Въ нынѣшнемъ языкѣ всѣ подобные глаголы, для единообразія, лучше писать съ О, исключая тѣ случаи, гдѣ А издавна установлено обычаемъ, именно въ глаголахъ: *полагать, касаться*, также *расти*, въ существительныхъ: *растеніе, возрастъ, отрасль, водорасль.* Впрочемъ предпочтительное по этимологіи или по крайней мѣрѣ болѣе согласное съ обычаемъ начертаніе всѣхъ сомнительныхъ словъ этого отдѣла будетъ означено въ Указателѣ, который читатель найдетъ въ концѣ нашего текста.

Неопредѣленныя гласныя въ глагольныхъ формахъ.

Глагольныя окончанія опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неявственному или неправильному произношенію. Между тѣмъ такія отступленія дѣлаются нерѣдко.

1) Относительно настоящаго (будущаго) времени изъявительнаго наклоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія: когда въ един. числѣ *ишь, итъ* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ;* когда въ един. *ешь, етъ*, то во множ. *ютъ* или *утъ;* тѣ и другія окончанія всегда соотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопред. накл. Слѣдовательно, при существующей въ русскомъ языкѣ неясности произношенія неударяемыхъ гласныхъ, необходимо повѣрять эти окончанія одни другими и не писать, напр., «колеблятъ, хлопочатъ, держутъ, клеютъ, строютъ, безпокоютъ, надѣятся, сѣятъ, морочутъ», вм. *колеблютъ, хлопочутъ, сѣютъ,*

[1] *Vergl. Lautlehre*, стр. 137.

надпьются, морочатъ, держатъ, клеятъ, строятъ, безпокоятъ; «вы скáжите, вы пи́шите» вм. *скажете, пишете*, потому что въ един. числѣ: *колеблешь, хлопочешь, сьешь, надпьешься, морочить, клеишь, строишь, безпокоишь, скажешь, пишешь* [1].

Въ этомъ отношеніи всего чаще смѣшиваются два разряда глаголовъ, правда, весьма сходные по звукамъ въ настоящ. времени, но рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого въ неопредѣленномъ наклоненіи. Сюда особенно принадлежатъ тѣ глаголы, которые въ наст. врем. имѣютъ передъ неударяемымъ окончаніемъ шипящую букву. Вотъ примѣры изъ каждаго разряда:

1)	2)
держишь — жатъ	вяжешь — жутъ
слышишь — шатъ	пишешь — шутъ
корчишь — чатъ	топчешь — чутъ
тащишь — щатъ.	ропщешь — щутъ.

У гл. 1-го столбца неопредѣл. наклоненіе кончится на *ать* съ тою же шипящею буквой, какая въ изъявительномъ; глаголы же 2-го столбца имѣютъ передъ окончаніемъ на *ать* другую согласную, которая въ наст. времени измѣняется по общему закону: *вязать* (З на Ж), *писать* (С на Ш), *топтать* (Т на Ч), *роптать* (Т на Щ).

Такимъ же образомъ смѣшиваются и многіе другіе глаголы, не имѣющіе въ настоящ. вр. шипящей буквы передъ окончаніемъ:

1)	2)
клеишь — ятъ	сѣешь — ютъ
молишь — ятъ	колешь — ютъ
строишь — ятъ	роешь — ютъ
селишь — лятъ	стелешь — лютъ
любишь — бятъ	колеблешь — блютъ
ломишь — мятъ.	дремлешь — млютъ.

Здѣсь неопредѣл. наклоненія всѣхъ глаголовъ 1-го столбца оканчиваются опять на *ить*, а всѣ, отвѣчающіе 2-му, имѣютъ

[1] Само собою разумѣется, что нельзя считать исключеніями тѣ глаголы, у которыхъ единств. и множеств. относятся къ разнымъ темамъ, напр. хочешь и хотятъ, бѣжишь и бѣгутъ.

другія окончанія, именно: *сѣять, колоть, рыть, стлать, колебать, дремать.* Послѣднія три относятся къ тому же разряду, какъ и приведенные выше въ 2-мъ столбцѣ глаголы, но они имѣютъ передъ окончаніемъ *ать* не шипящую, а другую, либо также измѣняющуюся (б, м), либо неизмѣняющуюся букву (л).

Изъ сказаннаго видно, что на *ишь — ятъ* или *атъ* въ наст. времени оканчиваются такіе глаголы, которые въ неопр. наклоненіи передъ ТЬ имѣютъ также И (иногда и Ѣ, напр. *смотрѣть, видѣть, обидѣть*) или А съ предыдущею шипящею буквою.

Иногда ошибаются въ обоихъ числахъ наст. врем.; такъ въ обычай вошло писать: *дышетъ, дышутъ,* тогда какъ слѣдуетъ писать: *дышитъ, дышатъ,* какъ *слышишь, слышатъ; значишь, значатъ.* Форма *дышешь* тоже существуетъ, но она принадлежитъ неупотребительному глаголу *дыхать* (какъ *пашешь — пахать, пышешь — пыхать* [1]). Это недоразумѣніе поддерживается, къ сожалѣнію, академическимъ словаремъ и Ист. Грамматикою г. Буслаева, которые при глаголѣ *дышать* показываютъ 2-е лицо ед. числа наст. вр. *дышешь.* Но Востоковъ спрягаетъ этотъ глаголъ правильно, какъ видно изъ IX-го различія его таблицы спряженій (къ § 76). И дѣйствительно, къ чему допускать стороннюю несоотвѣтственную форму, когда у глагола есть своя почти не отличающаяся и въ фонетическомъ отношеніи: мы просто видимъ тутъ на письмѣ то же недоразумѣніе, какое замѣчается, какъ выше показано, и во многихъ другихъ случаяхъ отъ сходства произношенія неударяемыхъ гласныхъ Е и И. У старинныхъ нашихъ писателей можно найти примѣры правильнаго пониманія разсматриваемой формы. Такъ даже Державинъ, вообще не строгій въ этомъ отношеніи, говоритъ однажды, хотя и съ неупотребительнымъ удареніемъ, но съ правильнымъ окончаніемъ:

«Гдѣ вѣтерокъ едва дыши́тъ».

(*Фелица*, строфа 7, стихъ 4).

Съ окончаніями изъявительнаго наклоненія необходимо со-

---

[1] См. *Филол. Разысканія*, стр. 328.

ображать и формы причастій; поэтому неправильны начертанія: «значущій, покоющій, стоющій» вм. *значащій*, *покоющій*, *стоющій*. Форму *стоющій* позволяютъ себѣ нѣкоторые для отличія отъ *стоящій* [1]; но писать неправильно, чтобы отличать одно слово отъ другого, несогласно съ общими требованіями правописанія. Для этого есть другое, законное средство, именно знакъ ударенія, которымъ, при встрѣчающейся надобности, не для чего пренебрегать: въ настоящемъ случаѣ должно писать *сто́ящій*. Собственно, и въ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдовало бы писать: *сто́ять*, а не *стоить*; но въ этой послѣдней формѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ вопіющей неправильности: эта форма возможна.

Что въ обоихъ значеніяхъ является одно и то же слово *стоять*, различаемое только удареніемъ, это легко доказать: во 1-хъ, въ томъ же двоякомъ смыслѣ употребляется глаголъ *стать*: «во что вамъ это *стало?*» говорятъ вмѣсто: *что сто́ило?* во 2-хъ, такъ употребляется соотвѣтствующій глаголъ и въ другихъ языкахъ: лат. *constare* (въ значеніи стоить) далъ начало германскому kosten, фр. coûter, ит. costare; такимъ же образомъ Нѣмцы употребляютъ свой глаголъ stehen; zu stehen kommen значитъ: стать, обойтись во что. И у другихъ славянскихъ народовъ гл. stati, ста̀ти имѣетъ оба значенія. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840-хъ годовъ была попытка писать въ обоихъ случаяхъ *стоять* съ знакомъ ударенія на О во второмъ значеніи, но это правописаніе не нашло послѣдователей.

Отъ причастныхъ формъ, въ родѣ *сто́ящій*, *покоящій*, надо отличать прилагательныя, которыя иногда могутъ и не быть согласны съ первыми. Вопреки спряженію глагола русскія прилагательныя иногда оканчиваются на *ущій* и *ющій* (чему соотвѣтствуетъ болѣе народная форма на *чій*, напр. горючій, кипучій, летучій, не смотря на причастія *горящій*, *кипящій*, *летящій*). Такъ есть прилагательныя *вѣрющій* (вѣрющее письмо), *свѣдущій*, *малозначущій*, *огнедышущій* (впрочемъ это послѣднее слово могло бы быть правильно и какъ причастіе отъ гл. *дыхать*, *дышутъ*).

---

[1] См. тамъ же, стр. 44.

2) Въ глаголахъ на *овать* и *ывать* должно съ разборомъ употреблять эти два окончанія. Окончаніе *овать* принадлежитъ особенно двумъ разрядамъ глаголовъ: а) кореннымъ, или образованнымъ отъ сущ.-ныхъ и прилаг.-ныхъ именъ (*сѣтовать*, *вѣровать*, *миловать*), и б) взятымъ съ другихъ языковъ (*арестовать*, *командовать*). Окончаніе *ывать* свойственно многократному или, при соединеніи глагола съ предлогомъ, несовершенному виду глаголовъ разнаго образованія и обыкновенно служитъ признакомъ, что можно сокращеніемъ окончанія низвести глаголъ на степень несовершеннаго, или, при предлогѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно составить *дѣлать*, изъ *проповѣдывать* — *проповѣдать*, изъ *обманывать* — *обмануть*, изъ *наказывать* — *наказать*, изъ *образовывать* — *образовать*.

Послѣ этого спрашивается: правильна ли форма *обнародывать*, такъ какъ она не можетъ сокращаться? Можетъ ли она быть допускаема рядомъ съ другою, *обнародовать?* Первая обыкновенно употребляется для означенія вида несовершеннаго, позволяющаго поставить глаголъ въ настоящемъ времени: *обнародываю*. Обычай узаконилъ эту форму; но для оправданія ея необходимо предположить въ ней фонетическое опущеніе одного слога, т. е. принять, что такъ произнесенъ слишкомъ трудный для выговора глаголъ *обнародовывать*; тогда форма *обнародывать* можетъ быть приравнена къ глаголамъ: *образовывать*, *разрисовывать* и др.

По-настоящему форма *обнародовать* сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ значенія совершеннаго вида, точно такъ же, какъ и форма *образовать*, потому что нѣтъ глаголовъ *народовать*, *разовать;* но первый изъ этихъ простыхъ глаголовъ можно, по крайней мѣрѣ, предположить; второй же совершенно невозможенъ, потому что предлогъ *объ* принадлежитъ уже къ составу имени, изъ котораго образованъ глаголъ. Причина неправильнаго пониманія кратности дѣйствія въ глаголѣ *образовать* кроется въ привычкѣ соединять понятіе совершеннаго вида съ предложными глаголами этой формы (*об—радовать*, *о—сновать*), или, иначе говоря, причиною служитъ тутъ аналогія, неправильно примѣ-

ненная къ глаголу *образовать;* но, какъ бы ни было, въ слѣдствіе подобнаго пониманія его допущена форма *образовывать*, а на томъ же основаніи можно допустить и потребность въ формѣ *обнародывать*. Встрѣчаются также формы: *обжалывать, изслѣдывать* вм. *обжаловывать, изслѣдовывать*.

Совсѣмъ другое представляетъ часто встрѣчающійся въ нашей печати глаголъ *совѣтывать*, образованный отъ существительнаго *совѣтъ*. Эта форма ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ съ другою правильною формой *совѣтовать* не соединяется въ употребленіи понятіе совершеннаго вида и слово *совѣтую* можетъ имѣть только значеніе настоящаго времени; для образованія же совершеннаго вида и будущаго времени, въ распоряженіи говорящаго находятся предлоги *по, при, отъ*.

Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно помнить древнее родство окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма цер.-слав., или русскому языку (*проповѣдовати, испытовати, связовати*). То же отражается и въ настоящемъ времени, которое еще и теперь иногда употребляется двояко: *проповѣдую* и *проповѣдываю, испытую, обязую* и т. п. рядомъ съ болѣе употребительнымъ формами на *ываю*[1].

3) Одни пишутъ *раскаиваться, разсѣивать*, другіе—*раскаяваться, разсѣявать*, третьи—*раскаеваться, разсѣевать*. Что правильнѣе? Для рѣшенія этого вопроса, здѣсь важнымъ указаніемъ служитъ удареніе. Въ простыхъ глаголахъ *каять, сѣять*, какъ и въ глаголахъ *таять, чаять, смѣяться*, корень составляютъ слоги *ка, сѣ, та, ча, смѣ:* если бъ къ корню принадлежала и гласная Я, то для образованія многократнаго вида вставлялся бы слогъ *вá* (съ удареніемъ), какъ въ глаголахъ *да-ва-ть, зна-ва-ть;* но въ настоящемъ времени буква Я отпадаетъ, и въ не-

[1] *Русская Грамм.* А. Востокова, Спб. 1839, стр. 141. Въ формѣ ую буква У замѣняетъ **ов**, а въ формѣ **ываю** буква Ы равносильна древней гласной Ъ, которая позднѣе обратилась въ наше О. Ср. Каткова *Элементы и формы*, стр. 38. Въ 1873 г. различное правописаніе подобныхъ словъ подало поводъ къ спору, изъ котораго возникло судебное дѣло. См. приложеніе въ концѣ книги.

опредѣленномъ накл. многократнаго вида она должна замѣняться неударяемою вставкою *ива*, соотвѣтствующею слогамъ *ыва*, всегда остающимся безъ ударенія въ другихъ глаголахъ (*игрывать*, *дѣлывать*)[1]. Итакъ правильно только первое изъ трехъ указанныхъ начертаній: *раскаиваться*, *оттаивать*, *отчаиваться*, *осмѣивать*. Несомнѣнно эта форма многократнаго вида является въ глаг. *бояться*, *стоять*: *баиваться*, *стаивать*. Глаголы *таять* и *чаять* съ предлогами принимаютъ и другую церк.-сл. форму съ измѣненнымъ удареніемъ: *истаева́ть*, *отчаева́ться* (по словарю Академіи). У нѣкоторыхъ изъ подобныхъ глаголовъ предложный несовершенный видъ образуется еще иначе, т. е. вставкою слога *ва́* (съ удареніемъ): *посѣ-ва-ть*, *затѣ-ва-ть* (отъ *затѣять*: затѣивать неупотребительно). Въ глаголѣ *сіять* буква Я принадлежитъ къ корню; она не исчезаетъ въ настоящемъ времени (*сіяю*) и въ многократной формѣ, которая потому и образуется также вставкою *ва́* (*осіява́ть*).

4) Неопредѣленность неударяемыхъ гласныхъ подаетъ часто поводъ къ ошибочнымъ окончаніямъ страдательныхъ причастій. Пишутъ: «услышенъ, окончанъ, смѣшены, развѣшаны» вм. *услышанъ*, *конченъ*, *смѣшаны*, *развѣшены*. Чтобы не ошибаться въ этихъ случаяхъ, необходимо справляться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и помнить, что окончанію *ать* соотвѣтствуетъ въ этомъ причастіи *анъ*, а окончанію *ить* — *енъ*. Когда неопред. накл. кончается, смотря по виду, то на *ать*, то на *ить* (*кончать*, *кончить*), то причастіе образуется только отъ послѣдняго (*конченъ*). *Слышанъ*, отличается отъ *слышенъ* тѣмъ, что первое — причастіе, а второе краткое прилагательное; въ жен. родѣ *слышана* и *слышна*. *Развѣшенъ* должно писаться съ Е, ибо образовано отъ *развѣсить*, а не отъ *развѣшать*.

Въ причастіяхъ *разсмотрѣнъ*, *заподозрѣнъ* нѣкоторые пишутъ Е, и не совсѣмъ безъ основанія, такъ какъ отличительную форму страд. прич. прош. вр. глаголовъ спряженія на *ишь*

[1] Съ этимъ отчасти согласенъ и академическій словарь; онъ пишетъ: *раскаиваться*, но *отчаяваться*; *разсѣивать* въ немъ вовсе нѣтъ.

составляетъ окончаніе *енъ*, и притомъ простые глаголы *смотрѣть* и *зрѣть* имѣютъ въ разныхъ слав. нарѣчіяхъ и другую форму съ отличительной гласной И вмѣсто Ѣ (ср. ц.-сл. съмотрити и народно-русск. *зрить*). Но такъ какъ образованный языкъ знаетъ только форму ихъ съ буквою Ѣ, то въ обычай вошло ставить ее и въ причастіяхъ, подобно тому какъ пишутъ: *презрѣнъ*, *призрѣнъ*, *велѣно* и проч.

Двоякое окончаніе въ неопредѣленномъ наклоненіи имѣетъ также глаголъ *обидѣть* (обидити, ц.-сл.), но употребительна только первая, съ Ѣ; причастіе же страдательное образуется съ умягченіемъ буквы Д: *обиженъ*. Такъ и отъ гл. *вертѣть* причастіе *верченъ*. Эти два случая лучше всего говорятъ въ пользу неупотребительныхъ формъ «разсмотренъ» и «заподозренъ», которыхъ мы однакожъ не рекомендуемъ, въ интересахъ уже утвердившагося единообразнаго правописанія.

Малоупотребительное причастіе *видѣнный* (отъ гл. *видѣть*) вовсе не употребляется въ краткой формѣ (*видѣнъ*). Съ этою послѣдней не должно смѣшивать прилагательнаго краткаго *виденъ*, которое иные ошибочно пишутъ съ буквою Ѣ, забывая, что въ жен. родѣ говорятъ: *видна*, сред. *видно*, мн. ч. *видны*, и что въ этихъ формахъ причастное Ѣ не могло бы исчезнуть. Притомъ *виденъ* управляетъ дательнымъ падежомъ (кому), причастіе же страдательное сочетается всегда съ творительнымъ (кѣмъ). *Виденъ* — *видны* — такъ же, какъ *слышенъ*—*слышны*.

Здѣсь кстати упомянуть о подобной же ошибкѣ правописанія въ прилагательномъ *боленъ*, которое иные неправильно пишутъ съ буквою Ѣ; слѣдуетъ писать: *боленъ*, *больна*, какъ *доволенъ*, *довольна*.

Е и И въ неударяемыхъ слогахъ.

Мы уже видѣли, какъ Е и И могутъ быть смѣшиваемы въ глагольныхъ формахъ (напр. «вы скажите, вы пишите, пріѣдите» вм. скажете, пишете, пріѣдете). Кромѣ того эти звуки нерѣдко смѣшиваются:

1. Въ окончаніяхъ ласкательныхъ уменьшительныхъ именъ,

какъ существит., такъ и прилаг., именно въ такихъ словахъ, какъ: *цвѣточекъ*, *кусочекъ*, *кулечекъ*, *мѣшечекъ*;

Оленька, *папенька*, *маменька*, *рученька*;

маленькій, *миленькій*, *синенькій*.

Въ окончаніяхъ такихъ словъ многими ошибочно пишется И, напр. «цвѣточикъ, маминька, тонинькій».

Приведенныя въ первой строкѣ слова суть уменьшительныя 2-й степени; т. е. уменьшительныя: *цвѣтокъ*, *кусокъ* уменьшены еще разъ посредствомъ повторенія образовательнаго слога *окъ* или *екъ*, при чемъ конечное К первоначальнаго суффикса обратилось въ Ч. Здѣсь слогъ *икъ* совсѣмъ не примѣнимъ; онъ имѣетъ то же значеніе, но не повторяется, а ставится всего чаще послѣ существительныхъ, кончащихся на *ецъ* или на шипящія буквы; такъ образуются имена: *кончикъ* (отъ *конецъ*), *кузнечикъ* (отъ *кузнецъ*), *ножикъ*, *шалашикъ*.

Для повѣрки правописанія такихъ словъ стóитъ только образовать одинъ изъ косвенныхъ падежей ихъ: исчезновеніе гласной передъ *к* (напр. *мѣшеч*[е]*ка*) будетъ несомнѣннымъ признакомъ, что слово оканчивается на *окъ* или *екъ*, а не на *икъ*, такъ какъ буква И никогда не бываетъ бѣглою: *кузнечикъ*, *кузнечика*.

Въ именахъ на *енька* необходимость Е объясняется посредствующею формой, оканчивающеюся въ церковно-сл. языкѣ на ѧ (юсъ), т. е. на тонкій носовой звукъ (ен), откуда произошли наши имена молодыхъ животныхъ, напр. *ягненокъ* (отъ ягнѧ). По образцу такихъ именъ, какъ думаетъ Павскій, составлены и другія ласкательныя имена. Дѣйствительно, наши дѣтскія имена *Ваня*, *Коля*, *Вася*, *Надя* и проч. оканчиваются на такое же Я, какъ и самое слово *дитя* (ѧ). Въ именахъ на **ша** *(Саша, Даша)* это Я только скрыто по причинѣ предыдущей Ш (изъ Х; сравн. нѣм. chen). Имя *Лиза* не имѣетъ первой степени уменьшительной формы на *я* и прямо переходитъ на вторую, въ которой и пишется *Лизанька* [1].

---

[1] Павскій. *Разсужд. II*, § 121 и сл., стр. 213.

Въ нарицательныхъ именахъ: *рученька, ноженька, подруженька, доченька, душенька*, окончаніе *енька* имѣетъ другое происхожденіе: здѣсь первая степень уменьшенія образуется приложеніемъ къ корню слога *ка*, съ измѣненіемъ конечной согласной, если ей удобно принять умягченіе: *ручка, ножка*; когда же нужно придать такому уменьшительному имени еще большій оттѣнокъ ласки, то передъ окончаніемъ *ка* вставляется добавочный слогъ *ень*, который по значенію противоположенъ другому, похожему, но оканчивающемуся дебелымъ звукомъ (**ен** или **он**) съ удареніемъ на гласной: *бабенка, сестренка, старушонка.*

То же значеніе слога *ень* передъ К видимъ мы и въ прилагательныхъ: *тоненькій, сѣренькій, голенькій.* Присутствіе въ нихъ Е яснѣе всего доказывается при переходѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ краткую форму или въ нарѣчіе съ перемѣною ударенія: *худенекъ, толстенекъ, жиденекъ; хорошенько, бѣдненько.* Когда этому окончанію приходится стать послѣ гортанной буквы корня, то Е обращается въ О, что особенно ясно оказывается въ нарѣчіяхъ, при удареніи на первомъ слогѣ окончанія: *тихонько, плохонько, легонько:* слѣдовательно надо писать и прилаг.: *плохонькій, легонькій, мяконькій*, хотя произносимъ мы обыкновенно по аналогіи: «тихинькій, легинькій, мякинькій».

2. Въ прилагательныхъ относительныхъ, оканчивающихся на *енскій* и *инскій.* Эти два окончанія, когда на нихъ нѣтъ ударенія, должны быть строго отличаемы: для образованія обоихъ есть опредѣленный законъ.

Имена женскаго рода на А и Я могутъ дать отъ себя только окончаніе *инскій:* Анн-а—*Анн-инскій*, Екатерин-а—*Екатерин-инскій*, Елисавет-а — *Елисавет-инскій*, Марі-я — *Марі-инскій.*

Очевидно, что это двусложное окончаніе *ин-скій* есть только распространеніе односложнаго женск. притяжательнаго: *Анн-инъ, Екатерин-инъ* и проч., точно такъ же какъ *ов-скій, ев-скій* не что иное, какъ распространеніе мужского притяжательнаго окончанія *овъ* или *евъ: Петр-овскій, Алексѣ-евскій.*

То же самое видимъ мы часто и въ относит. прилагательныхъ,

произведенныхъ отъ именъ мѣстъ или урочищъ: какъ при муж. окончаніи такого имени вставляется для удобства выговора **ов**, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Орл-ов-скій;* такъ для облегченія выговора при женскомъ окончаніи вставляется **ин**: отъ собств. именъ: *Шемаха*, *Бугульма*, *Бухтарма*, *Борзна*, *Таращa*, *Жиздра*, *Ломжа*, *Пенза*, *Ялта*, *Прѣсня*, *Сайма*, *Висла* должны быть образованы прилагательныя: *шемах-инскій*, *бугульм-инскій*, *бухтарм-инскій*, *борзн-инскій*, *тaращ-инскій*, *жиздр-инскій*, *ломж-инскій*, *пенз-инскій*, *ялт-инскій*, *прѣсн инскій*, *сайм-инскій*, *привисл-инскій*[1] (соотвѣтственную форму представляютъ существит.: *Семипалат-инскъ*, *Рыб-инскъ*) [2].

Форма *енскій* придается напротивъ именамъ, оканчивающимся не на А и Я, а иначе (напр. отъ *Керчь — керченскій*), или и на эти гласныя, но при двухъ передъ ними согласныхъ, изъ которыхъ вторая принадлежитъ къ образовательному окончанію, такъ что онѣ могутъ быть раздѣлены при составленіи прилагательнаго; всего чаще окончаніе *енскій* происходитъ отъ вставки Е между двумя согласными передъ конечной гласной, напр. отъ *Колом-на*, *Кинеш-*

---

[1] Объ этомъ въ первый разъ было упомянуто мною въ замѣткѣ, напечатанной въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и словесн.*, т. VIII, стр. XIII. Тамъ, между прочимъ, было сказано: «Отъ собственныхъ именъ прилагательныхъ образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ*, *Алексѣ-евъ*, *Марі-инъ*; 2) лично-относительныя: *Петр-ов-скій*, *Алексѣ-ев-скій*, *Марі-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *Клин-скій*, *Твер-ской*, *Кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощію двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному — при муж. окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятъ прилагательныя и отъ иностранныхъ именъ: *Шекспир-ов-скій*, *Гомер-ов-скій*, *Виргилі-ев-скій*. Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *Петербург-скій*, *Нев-скій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожъ, что, ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов* или *инъ*, напр. *Владимір-скій*, *Гофман-скій*, *Софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *овъ* или *инъ* вставляется, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Орл-ов-скій*, *Балахн-инскій*, *Бугульм-ин-скій*, *Пенз-ин-скій*. Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставки его должны быть отнесенены къ числу довольно рѣдкихъ явленій».

[2] Рѣдкое отступленіе находимъ мы въ собственныхъ именахъ *Моршанскъ*, *Мокшанскъ*, *Цымлянскъ*, отъ именъ рѣкъ: *Мокша*, *Морша* и *Цымля*.

ма, *Ков-но*, *Вязь-ма*, *Клязь-ма*, *Ром-ны*, *Лив-ны* образуются прилаг.: *коломенскій*, *кинешемскій*, *ковенскій*, *вяземскій*, *клязем-скій*, *роменскій*, *ливенскій*.

Большею частью и пишутъ правильно по этимъ двумъ способамъ образованія прилагательныхъ; но въ отношеніи къ нѣкоторымъ не обошлось безъ недоразумѣній: такъ обычай ввелъ неправильныя формы: *пензенскій*, *прѣсненскій*, *привислянскій*, которыя слѣдуетъ измѣнить на основаніи очевиднаго закона.

Сомнительны также двѣ слѣдующія формы: *гродненскій* и *чесменскій*. Отъ *Гродно* прилаг. должно бы собственно образоваться такъ же, какъ отъ *Ковно*, т. е. со вставкою Е между Д и Н; но оно послѣдовало другому способу образованія, т. е. на мѣсто конечной гласной приняло окончаніе *енскій*. Если бъ этою гласною было А, то надлежало бы писать *гроднинскій*, но при окончаніи на О общеупотребительная форма прилаг. должна быть признана правильною. Форму *чесменскій* можно также допустить на томъ основаніи, что хотя мы и пишемъ *Чесма*, но окончаніе этого иностраннаго имени не такъ опредѣленно (иностранцы пишутъ Tschesme), чтобы отъ него при составленіи прилагат. необходимо было строго держаться закона русскаго словообразованія; притомъ это прилаг. обратилось въ родовое прозваніе, получившее уже свою историческую форму.

3. Въ окончаніяхъ: а) предлож. падежа именъ ср. рода на **іе**, когда I сокращено въ Ь; б) предложнаго же падежа собств. именъ муж. рода на **ій**; в) въ дат. и предлож. падежахъ женскихъ именъ на **ія**, когда I также сокращено въ Ь.

Отсюда происходитъ недоумѣнье, писать-ли:

а) на *безлюдьи*, о *здоровьи*, въ *кушаньи*, въ *счастьи*, или—*ѣ*?

Въ этомъ случаѣ оба окончанія равно законны: И есть остатокъ полнаго окончанія (**іи**) при сокращеніи I въ *ерь*, а Ѣ есть обыкновенная форма предложнаго падежа именъ средняго рода на О или Е: мы говоримъ о *копьѣ*, при *ружьѣ*, въ *платьѣ*, о *житьѣ-бытьѣ*, въ *забытьѣ*, но говоримъ также: въ *забытьи*, на *новосельи*, въ *имѣньи*.

б) при *Василіи*, о *Григоріи*, или — *ѣ?* Здѣсь окончаніе на *и* единственно правильное при полной формѣ, въ которой предпослѣдній I уподобляетъ себѣ и конечную гласную; но въ случаѣ сокращенія I въ Ь причина этого уподобленія исчезаетъ, и тогда слѣдуетъ употребить обыкновенное окончаніе именъ муж. рода въ предлож. падежѣ: при *Васильѣ*, о *Григорьѣ*.

в) то же относится и къ женскимъ именамъ, кончающимся въ имен. пад. ед. ч. на ія. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *въ молніи*, *къ Софіи*, *при Наталіи*, а при сокращеніи I въ Ь, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ*, *при Натальѣ*, т. е. такъ же, какъ въ нарицательныхъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ: *къ судьѣ*, *въ скуфьѣ*, *о семьѣ*, а не *къ судьй* и т. д.

Смѣшивая Е съ I, нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: «по аллеи, въ идеи» вм. *по аллеѣ*, *въ идеѣ*. (Мимоходомъ можно упомянуть и о встрѣчающемся, сходно съ этимъ, невѣрномъ правописаніи: «къ обѣдни» вм. *къ обѣднѣ*, «на недѣли» вм. *на недѣлѣ*).

4. Въ окончаніи уменьшительныхъ именъ средняго рода на *еце* безъ ударенія, вмѣсто чего нерѣдко пишутъ *ице*, напр. въ словахъ: *платьеце*, *имѣньеце*, *вереньеце*; правильность буквы Е въ этомъ случаѣ виднѣе, когда удареніе падаетъ на послѣдній слогъ имени: отъ *копьё* — *копьецо́*. Слогъ *це*, *цо* просто приставляется къ прямой формѣ слова, гдѣ нѣтъ никакого основанія для превращенія Е въ И[1].

5. Въ окончаніяхъ указательнаго мѣстоименія: *этотъ*, писать ли *этѣ*, *этѣхъ* и т. д. по этимологіи или *этихъ* по произношенію? Фонетическое правописаніе въ этомъ случаѣ можно считать окончательно установившимся. Напрасно нѣкоторые, напр. Шевыревъ и Павскій, старались возстановить правильное начертаніе, *этѣ*, *этѣхъ*; они не нашли послѣдователей, и Шевыревъ наконецъ уступилъ общему обычаю. Въ примѣчаніяхъ къ своей

---

[1] См. мои *Филолог. Разысканія*, изд. 2е, стр. 295.

Исторіи русской словесности (т. I, стр. 134) онъ говоритъ, что есть три способа писать это слово: 1) принятое Карамзинымъ: *эти* во всѣхъ трехъ родахъ, основанное на произношеніи; 2) правописаніе, принятое нѣкоторыми писателями: *эти* для муж. и ср. родовъ, какъ *они; этѣ* для женскаго, какъ *онѣ;* 3) правописаніе, основанное на этимологіи слова *этотъ*: различіе между *тотъ* и *этотъ* состоитъ въ одномъ прибавленіи указательнаго Э, точно также какъ *вотъ* и *эвотъ*. «Я слѣдовалъ сему послѣднему», прибавляетъ Шевыревъ, «о чемъ объявилъ въ примѣчаніи къ своей *Теоріи Поэзіи*, но теперь, передумавъ дѣло, охотно признаю правописаніе Карамзинское и слѣдую ему, но раціонально сознавъ его и основавшись на устномъ произношеніи». — Павскій же въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ» постоянно пишетъ: *этѣ, этѣхъ.*

6. Въ числительномъ *двѣсти*, какъ всѣ пишутъ вм. *двѣстѣ*, что было бы конечно правильнѣе (*стѣ* двойств. число, какъ *двѣ*), но для большинства пишущихъ загадочно.

Употребленіе Е въ ударяемыхъ слогахъ.

До сихъ поръ мы видѣли, что однѣ гласныя пишутся на мѣсто другихъ въ слогахъ неударяемыхъ по неясности звуковъ; въ одномъ только окончаніи прилаг. *аго* намъ встрѣтился случай произношенія ударяемаго А какъ О. Но въ буквѣ Е намъ представляется употребленіе одного и того же знака для трояко произношенія; именно она изображаетъ: 1) собственно ей принадлежащій звукъ Е (йэ или ьэ); 2) Ё (йо или ьо) и 3) простой звукъ О послѣ шипящихъ. Отъ различнаго произношенія буквы Е въ *ударяемомъ* слогѣ затрудняется еще болѣе чтеніе нежели письмо (особенно для иностранцевъ), и потому здѣсь надобно показать, когда именно имѣетъ мѣсто тотъ или другой выговоръ. О переходѣ Е въ Ё было уже говорено въ общихъ чертахъ выше, на стр. 36 и 37. Остановимся теперь съ бо́льшимъ вниманіемъ на этомъ явленіи, по его связи съ письмомъ[1]. Вотъ, прежде всего, общее правило

[1] Мы видѣли, что на этотъ предметъ слегка было обращено вниманіе уже

касательно собственно-русскихъ словъ, принадлежащихъ къ народной или разговорной рѣчи: ударяемое Е сохраняетъ свое чистое произношеніе передъ тонкимъ звукомъ, т. е. какъ передъ И, Й и всякой восходящей двоегласной (Я Е Ю), такъ и передъ тонкою согласной, будетъ ли она въ томъ же слогѣ, или въ началѣ другого, будетъ ли это означено на письмѣ буквой Ь, или только замѣтно въ выговорѣ, напр. *ше́-я, мое́-ю, водоле́-й, е́-ль, де́нь, плеть, се́льскій, тепе́рь, сме́рть, трепетъ, жердь, жесть, медлить, чернь, есте́ственный суще́ственный*[1]. Во всѣхъ словахъ этого случая Е произносится не только чисто, но еще и сжато (см. выше стр. 31), и такое его произношеніе зависитъ именно отъ послѣдующаго тонкаго звука.

Напротивъ, ударяемое Е произносится какъ Ё передъ дебелою согласной въ концѣ слога или такою, за которой слѣдуютъ дебелыя гласныя А О У Ы, или наконецъ когда Е кончаетъ слово, напр. *мелъ, остеръ, ел-ка, се-ла, жест-кій, жер-дочка, чер-ный, ще-ку, пе-рышко, сле-зы, мое, житье, остреё, все, еще.* (Во всѣхъ этихъ примѣрахъ читай Ё вм. общеупотребительнаго Е).

Примѣчанія. Это требованіе выговора такъ сильно, что ему повинуются и нѣкоторыя изъ такихъ слоговъ, въ которыхъ стоитъ не Е, а Ѣ ударяемый, вообще отличающійся особенною негибкостью: *звѣз-ды, цвѣлъ* и проч.

Отъ этого общаго закона оказывается однакожъ много частныхъ отступленій, происходящихъ либо отъ перевѣса другихъ, болѣе настоятельныхъ звуковыхъ требованій, наприм. отъ сосѣдства извѣстныхъ буквъ, либо отъ того, что слово относится не къ общенародному, а другому элементу языка, или что нынче въ немъ неправильно пишется Е вмѣсто прежняго Ѣ; иногда соеди-

---

Ломоносовымъ; въ первый разъ оно было подробно разсмотрѣно Востоковымъ (См. *Краткое руководство Борна* и *Русск. Грам. Вост.*, § 169). Потомъ оно пересмотрѣно Павскимъ (*Фил. Набл.* Разсужд. I, § 117—122). Здѣсь постараемся еще пополнить ихъ наблюденія.

[1] Въ послѣднихъ двухъ словахъ ударяемое Е отдѣлено отъ слѣдующей тонкой гласной тремя буквами, но вліяніе послѣдней простирается на всѣ эти три согласныя, а въ слѣдствіе того и на четвертый звукъ. См. *Фил. Раз.*, стр. 292.

няются разнородныя причины. Такимъ образомъ есть немало случаевъ, въ которыхъ Е не измѣняетъ своего первичнаго произношенія и передъ дебелымъ звукомъ, и наоборотъ, есть другіе случаи, въ которыхъ Е и передъ тонкими звукосочетаніями произносится какъ Ё. Мы должны исчислить и тѣ и другіе.

I. Е не измѣняетъ своего первичнаго произношенія и передъ дебелымъ звукомъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ словахъ церковно-славянскаго, вообще книжнаго образованія или оттѣнка, напр. *небо*, *крестъ*, *предметъ*, *дебелый*, *клеветъ*, *судебъ*, *клевретъ*, *согбенный*, *ветхій* (но вётошь), *вселенная*, *словесный*, *древесный*, *обыкновенный*, *мгновенный*, *блаженный*, *священный*, *умершій*, *ведши*, *прошедшій* (причастіе этой формы народному языку не свойственно).

Оттого и въ нѣкоторыхъ формахъ ненароднаго (славянскаго, книжнаго) мѣстоименія *сей* нельзя произносить Е, какъ Ё, именно нельзя говорить: «сіё, о сёмъ».

Примѣчаніе. Къ той же категоріи относится большая часть словъ, гдѣ въ корнѣ непосредственно передъ Л или Р стоитъ другая согласная, а за ними слѣдуетъ Е (вм. церк.-слав. Ѣ)[1]: *бредъ*, *брежу*, *мрежа* (народ. мерёжа), *вредъ*, *среду*, *членъ*, *воскресъ*, *запретъ*, *треба*, *предъ*, *чрезъ*. Однакожъ Е измѣняется въ словахъ и формахъ народнаго языка: *клёнъ*, *врётъ*, *прётъ*, *грёбъ*, *скрёбъ*, *блёкну*, *встрёпка*.

2) Въ словахъ иностраннаго происхожденія, когда на томъ языкѣ, откуда они заимствованы, произносится чистый звукъ Е: *кавалеръ*, *офицеръ*, *скверъ*, *рельефъ*, *сюжетъ*, *пьеса*, *министерство*, *интересъ*, *крепъ*, *тарелка*, *газета*, *нервы*, *лента*, *гербъ*, *мизерный*, *черкесъ*, *шведъ*, *чехъ*, *сербъ*. Въ заимствованныхъ словахъ Ё произносится только для передачи звука Ö (франц. eu) или О послѣ тонкаго Л, при чемъ въ собственныхъ именахъ стараются не слишкомъ искажать иностранный выговоръ: *ак-*

---

[1] И въ другихъ словахъ, гдѣ нѣкогда было Ѣ, замѣнившее его Е съ удареніемъ не измѣняетъ своего звука, напр. векша (др. вѣкша).

тёръ, суфлёръ, акушёръ, флёръ (Flor); *Гёте, Сентъ-Бёвъ.* Иногда по недоразумѣнію такъ же выговариваютъ: *партнеръ, доктринеръ* (вопреки дѣйствительному окончанію этихъ именъ: partner, doctrinaire).

Фёдоръ произн. вм. *Феодоръ*, *Семёнъ* вм. *Симеонъ*, *Матрёна* вм. *Матрона*; но иногда и чистое Е измѣняется такимъ образомъ въ именахъ, издревле усвоенныхъ народомъ, напр. *Пётръ*, *Фёкла*, *Олёна* (вм. Елена).

3) Въ замкнутомъ слогѣ, передъ Р или Л, особливо если за этими согласными слѣдуетъ еще другая согласная и другой слогъ: *сердце, серна, меркнуть, верба, тверже, дверца, колыбелка, мелкій, дерзкій, мерзкій.*

Но вставочное, бѣглое Е въ такихъ случаяхъ обращается въ Ё: *сѣдёлка, ведёрко.* Чаще слова́ этого разряда произносятся по общему закону: *семёрка, четвёрка, весёлка, дёргать.*

Слова: *первый, верхъ, четвергъ, церковь, Сергій, черви* сюда не относятся, такъ какъ въ нихъ Р произносится тонко (хотя знакъ Ь и не пишется), слѣдовательно они прямо подходятъ подъ общее правило выговора, по которому Е передъ тонкимъ звукомъ не обращается въ Ё.

4) Въ замкнутомъ слогѣ прилагательныхъ передъ окончаніемъ *скій: земскій, женскій, деревенскій, вселенскій*, и передъ окончаніемъ *ный*, особенно когда между нимъ и буквою Е стоитъ не Н, а другая, или другія согласныя: *смертный, усердный, скверный, подземный, туземный, слезный, полезный, любезный, безмездный, прилежный, тщетный, лестный, смежный, честный, ежедневный, хвалебный, судебный, служебный, учебный, волшебный*, какъ и въ производныхъ отъ нихъ существительныхъ: *судебникъ, учебникъ, волшебникъ.*

Часто и передъ удвоеннымъ Н въ прилагательныхъ Е не измѣняется, что́ и составляетъ отличіе ихъ отъ страдат. причастій: *денный, степенный, здоровенный, совершенный* (въ отличіе отъ прич. совершонный), *несравненный* (въ отлич. отъ прич. сравнённый).

Впрочемъ, это различіе не постоянно соблюдается, такъ какъ и въ значеніи прилагательныхъ причастія нерѣдко измѣняютъ Е на Ё: *опредѣленный*, *просвѣщенный*. Ср. также прилагательныя народнаго языка: *черный*, *темный*, *забубенный*. Народъ произноситъ такъ и слово *смежный*.

5) Вообще очень часто послѣ шипящихъ: *шестъ*, *щепка*, *исчезъ*, *черпать*, *ужé*, *вообще*, *вотще* (впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ дѣйствуетъ и славянское ихъ происхожденіе).

6) Въ предлогѣ *без* и въ частицѣ *не*: *бездна*, *безтолочь*, *недругъ*, *ненавистъ*, *не былъ*, *не молодъ*.

7) Въ окончаніяхъ *ецъ*, *ецкой*: *конецъ*, *молодецкой*; то же бываетъ иногда и въ окончаніи *ежъ* въ словахъ, не сдѣлавшихся народными: *мятежъ*, *падежъ* (грамм.); но *падёжъ* (скота), *платёжъ*, *грабёжъ*, *молодёжь* (хотя ь).

Примѣчаніе. Востоковъ относитъ къ этому же отступленію чистый выговоръ Е въ слогахъ *ечъ*, *еча*, *ечка*, *ечко*, *ечный*; но Ч въ сущности всегда составляетъ тонкій звукъ, какъ видно изъ произношенія передъ этой согласной звука Е какъ É (сжатаго), а не какъ È (широкаго), хотя послѣ Ч и пишутся Ъ, А, У. Поэтому произношеніе приведенныхъ Востоковымъ словъ *плечъ*, *греча*, *печка*, *овечка*, *сердечко*, *конечный* (а не «плёчъ» и проч.) отношу я, не смотря на ихъ начертанія, не къ исключеніямъ, а къ общему правилу.

II. Вопреки общему правилу, Е измѣняется въ Ё передъ тонкими звукосочетаніями:

1) Въ падежныхъ или производныхъ окончаніяхъ такихъ словъ, у которыхъ въ прямой или первообразной формѣ буква Е стоитъ передъ дебелымъ звукомъ и потому произносится какъ Ё, напр.: *берёзъ* (отъ береза), *Серёжи* (отъ Сережа), *чёрненькій* (отъ черный), *денёчекъ* (отъ денёкъ), *намёки*, *тетёхи*, *далёкимъ*. Иногда такія второобразныя слова произносятся различно, напр. *кулечекъ* и *кулёчекъ*, *мѣшечекъ* и *мѣшочекъ*, *сплетни* и *сплётни*, *переплетчикъ* и *переплётчикъ*.

2) Въ окончаніяхъ глаголовъ ударяемая буква Е передъ *ешь*

и *те* произносится Ё, такъ же какъ передъ *тъ* и *мъ: встаешь, встаете, ревешь, ревете, бережешь, бережете.* (Ср. выше стр. 37).

3) Въ уменшительныхъ родственныхъ и собственныхъ именахъ: *те-тя* (на подобіе тёт-ка), *Лё-ля.* Но *Пе-тя, Се-ня* произносятся безъ измѣненія Е въ Ё.

4) Въ творительномъ падежѣ сущ. имени съ жен. окончаніемъ Я буква Е передъ Ю произносится какъ Ё, напр. *зарё-ю, ступнё-ю.* Впрочемъ это собственно не исключеніе, потому что окончаніе творит. педежа такихъ именъ есть **ою** или, при утонченіи предыдущей согласной, **ёю**. Здѣсь буква Е пишется только за неимѣніемъ средства показать иначе отонченіе предшествующей согласной.

Востоковъ относитъ сюда также окончанія *ца, ча, ша, ща*; т. е. напр. *Тверцею, свѣчею, львшею, пращею*, но здѣсь не зачѣмъ и писать Е, такъ какъ именит. падежъ оканчивается на А, и начертанія *Тверцою, свѣчою, львшою, пращою* относятся къ правильнымъ формамъ склоненія.

5) Наконецъ, въ коренномъ слогѣ глаголовъ многократныхъ и предложныхъ длительныхъ передъ окончаніями *гивалъ* или *хивалъ* Е также произносится какъ Ё: *застёгивалъ, отпёхивалъ.*

Начертаніе звука Е, измѣненнаго въ ЙО (ьо) или О.

Показавъ, въ какихъ случаяхъ звукъ Е измѣняется въ Ё, надобно разсмотрѣть, какъ онъ изображается.

1) Послѣ согласныхъ, за которыми встрѣчается это звуковое превращеніе (кромѣ Ц и иногда шипящихъ), т. е. послѣ Б В Д З Л М Н П Р С Т, произношеніе буквы Е какъ Ё обыкновенно вовсе не означается на письмѣ. Двоеточіе надъ Е ставится только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно: а) для яснѣйшаго обозначенія выговора, особенно для различенія словъ, одинаково пишущихся, напр. *ведрó* и *вёдро, признáетъ* и *признаётъ*; б) въ стихахъ, для болѣе нагляднаго изображенія рифмы, напр. *заботъ* и *гнётъ*; в) въ именахъ и вообще словахъ иноязычныхъ: *Лёве, манёвры, серьёзный.*

2) Послѣ Ц и шипящихъ (Ж Ш Ч Щ) звукъ Ё, вполнѣ или отчасти обращающійся въ О, рѣдко означается посредствомъ двоеточія, и либо остается вовсе безъ знака, либо изображается буквою О. Послѣдній способъ совершенно твердо установился въ слѣдующихъ случаяхъ: а) послѣ буквы Ц, напр. *лицо*, *купцомъ*, *отцовъ*, *перцовка*, *цоколь*; б) въ извѣстныхъ словахъ послѣ шипящихъ, именно въ окончаніяхъ: *свѣжо*, *ужо*, *чужой*, *вожжой*, *дружокъ*; *хорошо*, *большой*, *душой*, *шорохъ*, *шопотъ*, *вершокъ*; *горячо*, *плечо*, *свѣчой*, *сверчокъ*; *трущоба*; иногда и въ корняхъ словъ: *обжора*, *чопорный*.

Но этотъ способъ изображать измѣненное произношеніе Е послѣ шипящихъ не признанъ обычаемъ для огромнаго большинства случаевъ того же выговора; особенно неупотребителенъ онъ въ замкнутыхъ слогахъ, между крайними согласными коренного слога, т. е. въ такихъ словахъ какъ: «жолтый, жолчь, чорный, счотъ, въ чомъ, пшонный, щотка[1]», также въ глагольныхъ формахъ: «возвращонъ, учоный, течошь, бережоте». Вмѣсто того по большей части пишутъ: *желтый*, *желчь*, *черный*, *счетъ*, *въ чемъ*, *возвращенъ*, *ученый*, *течешь*, *бережете*, т. е. удерживаютъ на письмѣ Е или изрѣдка для ясности ставятъ надъ этой буквой двоеточіе.

Для уясненія вопроса объ этихъ различныхъ начертаніяхъ обратимся къ исторіи.

Пестрота правописанія въ отношеніи къ постановкѣ гласныхъ вообще и полугласныхъ Ъ, Ь послѣ шипящихъ замѣчается уже въ самихъ древнихъ памятникахъ письменности; послѣ Ж Ш Ч Щ правило требовало писать Ь, но между тѣмъ и въ Остромировомъ евангеліи, и въ другихъ рукописяхъ писалось иногда Ъ. Поэтому шипящія не должны были собственно терпѣть послѣ себя и дебелыхъ гласныхъ А О У Ы (также широкаго юса); но на дѣлѣ послѣ нихъ не ставились только О и Ы (вм. О ставилось Е

---

[1] Однакожъ О принялось уже въ существительномъ *поджогъ* какъ бы для отличія отъ глагольной формы *поджегъ*.

или Ь, вм. Ы—И), буквы же А, У и ѫ постоянно писались послѣ шипящихъ какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ извѣстныхъ формахъ спряженія.

Отсутствіе О при шипящихъ происходило конечно отъ того, что обращеніе звука Е въ Ё было совершенно чуждо др.-славянскому языку, а отсутствіе Ы на томъ же мѣстѣ объясняется тѣмъ, что такъ какъ послѣ этихъ согласныхъ не писалось Ъ, то не было повода писать и Ы, которое притомъ было бы противно произношенію.

Особенность русской фонетики, обращающей Е въ Ё, была причиною, что уже весьма рано въ русской письменности гласная Е начала уступать мѣсто буквѣ О: именно уже въ памятникахъ 12-го или по крайней мѣрѣ 13-го вѣка, мы читаемъ: *съвършонъ, крьщонъ, жонъ, шолъ, у чомъ, хочомъ*. Въ то же время послѣ Ш начинаетъ являться Ы *(слышымъ)*[1]. Въ 15-мъ столѣтіи обращеніе Е въ О является уже и не при однѣхъ шипящихъ (напр. въ словѣ *рубловъ*), а при шипящихъ — не въ однихъ ударяемыхъ слогахъ (напр. *пригожо, пишотъ, шостой, перевѣсищо*). Происходило ли это послѣднее правописаніе отъ мѣстныхъ особенностей выговора, или отъ стремленія къ однообразію въ письмѣ, во всякомъ случаѣ, какъ эти, такъ и другіе примѣры сочетанія шипящихъ и Ц съ дебелыми гласными *(Богородицы, жати, держы)* доказываютъ, что названные согласные въ живомъ русскомъ языкѣ весьма давно утратили способность *отончаться*, что они, по крайней мѣрѣ уже въ 15-мъ столѣтіи, сочетались только съ дебелыми гласными[2].

Обращаясь къ современному русскому говору, мы должны въ этомъ отношеніи раздѣлить шипящіе на два разряда: Ж, Ш, а съ ними и Ц, сочетаются только съ дебелыми гласными (т. е. мы слышимъ только **жа, жо, жу, жы, ша, шо, шу, шы, ца, цо, цу, цы**); напротивъ Ч и Щ — только съ тонкими (**чя**,

---

[1] Колосовъ, *Очеркъ*, стр. 80, 93.
[2] Колосова *Очеркъ*, стр. 135.

чё, чю, чи, щя, щё, щю, щи). Конечно и въ томъ и въ другомъ случаѣ гласныя обоихъ разрядовъ нѣсколько видоизмѣняются, т. е. однѣ теряютъ часть своей дебелости, другія — часть своей тонкости, но все-таки въ общемъ характерѣ, кажется, такое различіе ихъ сочетаемости для слуха неоспоримо. Тѣмъ не менѣе они, для практическаго удобства, по неопредѣленной степени своей дебелости и тонкости, могутъ быть подводимы подъ одинъ общій разрядъ, и можно согласиться съ тѣмъ, что́ Востоковъ сказалъ о нихъ еще въ 1808 году: что буквы Ж Ч Ш Щ «не имѣютъ ни дебелаго, ни тонкаго, а одно среднее произношеніе, и потому въ сущности не принимаютъ ни Ъ, ни Ь»; онъ прибавлялъ, что онѣ не слагаются ни съ дебелою гласною Ы, ни съ тонкими Ё Ю Я, и «слѣдовательно Ъ и Ь приписывается къ нимъ совершенно напрасно»[1].

Естественно, что при такихъ фонетическихъ условіяхъ, правила сочетанія съ этими буквами дебелыхъ или тонкихъ полугласныхъ и гласныхъ могутъ быть основаны только на общемъ соглашеніи, какъ чисто-графическія. Оттого мы у нашихъ грамматиковъ и не находимъ положительныхъ по этому предмету указаній. Ломоносовъ ничего не говоритъ объ употребленіи гласныхъ послѣ шипящихъ; между тѣмъ мы, какъ у него, такъ и у Тредьяковскаго и многихъ другихъ, съ самаго введенія гражданской печати, нерѣдко встрѣчаемъ О послѣ этихъ буквъ[2]. (Позднѣе особенно Болтинъ придерживался такой орфографіи). Въ грамматикѣ Греча только коротко замѣчено (§ 240), что во всѣхъ склоненіяхъ послѣ Ж Ч Ш Щ Ц гласная О (на письмѣ?) превращается въ Е. Въ Русской грамматикѣ Востокова только въ таблицѣ склоненій показано, что послѣ Ж Ш Ч Щ творительный падежъ ед. ч. муж. р. оканчивается на *емъ*. Г. Буслаевъ ограничивается замѣчаніемъ, что «въ сочетаніи гласныхъ съ свистящими (З С Ц) и шипящими русскій языкъ слѣдуетъ црк.-славянскому съ нѣкото-

---

[1] *Краткое руководство къ росс. словесности*, стр. 10.

[2] Въ Грамм. своей Ломоносовъ писалъ: *«лице* или *лицо»* (§ 149), также: *плечо, горшокъ, сверчокъ, мѣшокъ* (§§ 179, 197).

рыми уклоненіями и между прочимъ употребляетъ и твердое О вмѣсто мягкаго Е съ удареніемъ, напр. *хорошо, гордецовъ* вм. хороше, гордецевъ»[1]. О предѣлахъ этого правописанія онъ вовсе не упоминаетъ; однакожъ изъ его собственной орфографіи видно, что такія начертанія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имъ допускаются. Подробнѣе всѣхъ по этому вопросу высказывается Павскій. «Буквы Ж Ч Ш Щ (говоритъ онъ), какъ передѣланныя изъ чистыхъ при встрѣчѣ съ Ь-мъ и для Ь-я, должны терпѣть при себѣ только Ь. И дѣйствительно въ древнемъ правописаніи послѣ Ж Ч Ш Щ видны Ь и мягкія гласныя, а Ъ-а и твердыхъ гласныхъ не видно. Но какъ выговоръ сихъ умягченныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ вовсе не мягокъ, то правописаніе не устояло на своемъ и во многихъ случаяхъ склонилось на сторону выговора. Гдѣ встарину писали: мечь, ножь, тощь, грѣшю, мажю, тамъ нынѣ пишемъ: мечъ, ножъ, тощъ, грѣшу, мажу»[2]. Далѣе Павскій въ таблицѣ сочетаній согласныхъ съ гласными между прочимъ помѣстилъ слѣдующія три столбца:

жъ	жа	жо
чъ	ча	чо
шъ	ша	шо
щъ	ща	що.

Въ послѣдней колонкѣ онъ противъ каждаго сочетанія съ О поставилъ вопросительный знакъ и внизу прибавилъ: «не охотно».

Между тѣмъ со стороны фонетики Павскій находилъ эти начертанія совершенно вѣрными; онъ въ звуковомъ отношеніи не замѣчалъ разницы между Ж, Ш и Ч, Щ; ему казалось, что послѣ всѣхъ этихъ буквъ И произносится какъ Ы и что мы говоримъ «чынъ, щыпцы» точно такъ же, какъ «жыла, шыло». Но на письмѣ онъ не могъ примириться ни съ употребленіемъ О послѣ шипящихъ, ни съ начертаніемъ Ё вообще, и потому говорилъ: «Для избѣжанія многихъ несообразностей и обоюдностей не лучше

[1] *Ист. Грам.* I, § 37, стр. 76.
[2] *Филол. Набл.* Разсужд. I, § 53, стр. 63.

ли принять за правило, чтобъ правописаніе вездѣ постоянно ставило гласную Е? Пусть самъ выговоръ по своимъ законамъ произноситъ ее то за Е, то за **jo**, то за О. Если наше правописаніе во многихъ случаяхъ не склоняется на сторону выговора, то и здѣсь нѣтъ ему нужды быть уступчивымъ. Будемъ писать: ель, елка, щеть, щетка, а произносить будемъ: ель, јолка, щеть, щотка»[1]. Замѣтимъ однакожъ, что самъ Павскій не выдерживалъ во всей строгости этого правила, и писалъ, напр. «ножонка, душонка, старушонка, денжонки»[2].

Нельзя сказать, чтобы со времени изданія его *Филологическихъ Наблюденій* начертаніе О послѣ шипящихъ вовсе не распронилось; замѣчаемое у насъ общее стремленіе сближать письмо съ выговоромъ обнаружилось до нѣкоторой степени и въ этомъ вопросѣ нашей орфографіи. Но консерватизмъ въ этомъ случаѣ объясняется, кромѣ обыкновенной силы привычки, еще и тѣмъ, что повсемѣстное введеніе О послѣ шипящихъ находится въ противорѣчіи: во 1-хъ, съ общимъ этимологическимъ характеромъ русскаго правописанія, во 2-хъ, съ начертаніемъ Е вмѣсто Ё послѣ другихъ согласныхъ (напр. идетъ, ледъ, полетъ). Когда въ безчисленномъ множествѣ случаевъ этотъ обычай не мѣшаетъ правильному произношенію, то естественно, что и послѣ шипящихъ нѣтъ необходимости всякій разъ означать на письмѣ выговоръ, измѣняющій Е въ Ё. Но отчего же въ нѣкоторыхъ случаяхъ начертаніе **жо, шо, чо, що** окончательно утвердилось? Конечно причина заключается въ томъ же, почему иногда ставятъ двоеточіе надъ Е, именно въ желаніи яснѣе обозначить различный выговоръ двухъ одинаково или сходно написанныхъ слоговъ, напр. въ словахъ *совершенный* и *совершонный*, *жены* и *жоны*, *чертъ* и *чортъ*, *положенный* и *положоный*, *шестъ* и (самъ) *шостъ*, *душенька* и *душонка*. Въ концѣ слога чаще, нежели въ серединѣ, принято начертаніе О послѣ шипящихъ потому, что въ первомъ случаѣ (свѣже, хороше, ше-рохъ, же-лобъ и т. п.) легче мо-

[1] Тамъ же, § 122.
[2] Тамъ же, Разс. II, § 50, стр. 91.

жетъ произойти сомнѣніе, какъ произнести Е: въ серединѣ же слога, въ такихъ напр. словахъ какъ *счетъ, желтый, черный, черствый, щелкать*, Е по общему закону обращается въ Ё при падающемъ на слогъ удареніи передъ твердымъ звукомъ.

Сверхъ показанныхъ случаевъ, послѣ ЖШЧЩ удобно писать О въ такихъ окончаніяхъ, которымъ эта буква свойственна и при другихъ согласныхъ, напр. 1) въ окончаніи *окъ*: почему не писать: *дружокъ, сверчокъ, вершокъ*, когда есть слова *листокъ, голубокъ, носокъ* и проч.; 2) въ творит. падежѣ ед. ч. именъ муж. и женскаго рода: *душой, свѣчой, мечомъ, ножомъ* (хотя въ именахъ муж. р. это еще мало употребительно); 3) въ разныхъ падежахъ ед. числа прилагательныхъ именъ муж. и жен. р.: *большой, меньшой, чужой*.

Всего менѣе удобно писать О:

1) въ глаг. личныхъ формахъ, гдѣ Е принадлежитъ къ органическому составу окончанія, именно: *ешь, етъ, емъ, ете* (течошь и т. д. вм. *течешь*, какъ берешь); въ прошед. вр. того же накл. на *елъ* (шолъ вм. *шелъ* по подобію велъ, брелъ); въ страд. причастіи прошедшаго на *ен*: наречонъ, рѣшонъ, прельщонъ вм. *нареченъ, рѣшенъ, прельщенъ*; 2) въ предлож. пад. мѣстоименія *что* (въ *чомъ* вм. въ *чемъ*), несогласно съ формою склоненія въ другихъ падежахъ: *чего, чему*; 3) въ замкнутыхъ *коренныхъ* слогахъ, какъ *жесткій, шелкъ, четки, щетка*.

Впрочемъ по родству звуковъ О и Е нельзя придавать различію въ ихъ употребленіи послѣ шипящихъ слишкомъ большой важности: пишущіе постоянно О имѣютъ на своей сторонѣ то оправданіе, что послѣдовательно держатся въ этомъ случаѣ одного (фонетическаго) начала, ясно означая не только выговоръ, но и удареніе (ибо О послѣ шипящихъ возможно только въ ударяемыхъ слогахъ), тогда какъ тотъ, кто употребляетъ то Е, то О, не можетъ избѣжать упрека въ нѣкоторой непослѣдовательности. Разъ допустивъ О послѣ шипящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, русское правописаніе косвенно признало возможность писать **жо, шо, чо, що** вездѣ, гдѣ эти сочетанія слышатся.

Нѣкоторые предлагаютъ употреблять въ такихъ случаяхъ начертаніе Ё, но во 1-хъ, тогда пришлось бы и послѣ другихъ согласныхъ всякій разъ отмѣчать измѣненное Е двоеточіемъ, что неудобно; во 2-хъ, передѣлать общепринятыя уже начертанія и начать писать: «плечё, хорошё, большёй, чужёй», на что конечно никто бы не согласился.

Отъ шипящихъ звукъ Ц отличается гораздо большею способностью соединяться съ дебелыми гласными: это объясняется составомъ его изъ Т и С; ибо С не только легко допускаетъ за собою всѣ эти гласныя, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ не охотно смягчается, такъ что вмѣсто *сь*, *ся*, иногда и *сю* (по крайней мѣрѣ въ мѣстоименномъ значеніи этихъ звуковъ) многіе произносятъ *съ*, *са*, *су*, напр. «держисъ, я примусъ, дѣлатьса, взялса, суда» (вм. *сюда*). Поэтому неудивительно, что послѣ Ц безъ затрудненія произносится и пишется даже Ы, а слѣдовательно для этой согласной нѣтъ причины чуждаться О, которое и пишется послѣ нея всякій разъ, когда, при первоначальномъ Е, на этотъ слогъ падаетъ удареніе, напр. *лицо*, *кольцомъ*, *купцовъ*.

Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ Е, напр. *зеркальце*, *перцемъ*, *иностранцевъ*, *улицею*. Однакожъ въ словѣ *танцовать* ставится О, на томъ основаніи, что тутъ ясно слышится широкая гласная и что наст. время изъяв. накл. имѣетъ форму *танцую*, а не *танцюю*. Но, собственно говоря, въ неударяемыхъ окончаніяхъ *це*, *цемъ*, *цевъ*, *цею* также слышится не Е, а средній звукъ между А и О, и потому тутъ равнымъ образомъ можно бы писать О, употребляя Е только въ такомъ случаѣ, когда оно дѣйствительно замѣтно въ произношеніи, напр. въ словахъ *лицевой*, *лицемѣръ*, *вѣнценосецъ*. Такъ какъ однакоже установленное обычаемъ различіе въ употребленіи О и Е послѣ Ц имѣетъ свою полезную сторону, именно служитъ указаніемъ относительно ударенія, то лучше сохранить это двоякое правописаніе.

Не совсѣмъ удобно только писать *це* въ окончаніяхъ фамильныхъ именъ, особенно старинныхъ родовъ, напр. въ имени *Ру-*

мянцевъ, такъ какъ въ слѣдствіе введенія такого начертанія нѣкоторыя изъ нихъ пишутся теперь уже не такъ, какъ писались тѣми, которые ихъ носили. По-настоящему, слѣдовало бы держаться правила писать фамильныя имена историческихъ дѣятелей безъ измѣненія способа ихъ начертанія самими лицами рода.

Когда въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, звукъ И слѣдуетъ послѣ Ц, то на письмѣ соблюдается различіе между словами, сохраняющими у насъ свой первоначальный видъ, и тѣми, которыя издавна передѣланы на русскій ладъ или взяты съ польскаго: въ первыхъ пишется *ци*, въ послѣднихъ *цы*, напр.

1) Цилиндръ, цитадель, медицина, капуцинъ, цикорій.

2) Цыбикъ, цыганъ, цыфра, цыфирь, цынга, цырюльникъ.

Употребленіе буквы Ѣ.

О двоякомъ употребленіи Ѣ: 1) въ корняхъ словъ, и 2) въ формахъ было уже упомянуто (стр. 141) при разсмотрѣніи азбуки.

Мы знаемъ, что у насъ Ѣ издавна не что иное какъ графическій знакъ, буква, представляющая тотъ же звукъ, для изображенія котораго служитъ Е[1]; но нѣтъ сомнѣнія, что при изобрѣтеніи кириллицы буква Ѣ имѣла цѣлію выражать особый звукъ древне-славянскаго языка,—какой именно, объ этомъ высказано много разныхъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ и остроумныхъ мнѣній. Большинство филологовъ, на основаніи пріемовъ сравнительной филологіи, признаютъ, что первоначальнымъ звукомъ, изъ

---

[1] Нѣкоторые у насъ до сихъ поръ еще утверждаютъ, что Ѣ произносится *мягче* чѣмъ Е; но кромѣ того, что это отвергается авторитетомъ лучшихъ знатоковъ языка, признающихъ тожество обѣихъ буквъ въ отношеніи къ звуку, можно указать и на частое смѣшеніе ихъ: значитъ, что слухъ не доставляетъ никакого руководства для рѣшенія, гдѣ писать одну, и гдѣ другую: въ одномъ и томъ же словѣ одни пишутъ Е, другіе Ѣ, да и то же лицо въ разное время пишетъ различно. Миклошичъ не безъ нѣкоторой ироніи замѣтилъ, что Русскимъ нужны особые списки словъ, въ которыхъ пишется Ѣ, а не Е (Vergl. Lautlehre, 377).

котораго произошелъ *ять*, былъ дифтонгъ ai[1]; затѣмъ писавшіе о звукѣ этой буквы полагали, что она произносилась:

1) Какъ французское é — e fermé (Копитаръ[2], Шлейхеръ, Лескинъ). По Шлейхеру Ѣ произносилась въ древнѣйшій періодъ языка какъ долгое нѣмецкое ē[3], «сбиваясь нѣсколько на i», прибавляетъ ученикъ Шлейхера, Лескинъ[4].

2) Какъ je (Добровскій, Павскій). Добровскій говоритъ, что въ южныхъ славянскихъ земляхъ есть провинціи, въ которыхъ *чистое славянское произношеніе* сохраняется, такъ что слова *вѣра, свѣтъ, бѣлъ* выговариваются: «вьера, свьетъ, бьелъ», а нѣкоторые и пишутъ: *вијера, свијетъ, бијел*[5]. Павскій прибавляетъ: «Этотъ не слитый выговоръ буквы Е у изобрѣтателя азбуки отмѣченъ знакомъ Ѣ, въ которомъ буква Ь препоясана гласною Е»[6].

3) Какъ долгое Ь, — нѣчто среднее между Е и И (Катковъ): «Долгій элементъ въ отличіе отъ краткаго снабженъ только поперечною чертою»[7]...

4) Ближе къ И, чѣмъ Е, т. е. Ѣ соотвѣтствовала нашему Є, сложенному съ J, а старо-славянское Є = нашему Ä: Ѣ было вѣроятно долгое ѥ (Бетлингъ)[8].

5) Какъ Я (Шафарикъ[9], Востоковъ, Срезневскій, Шлейхеръ). Замѣтивъ, что въ Супрасльской рукописи Ѣ употребляется вм. ꙗ (читателѣ, вьсѣко, Константинѣ града), что попадается и въ Остромировомъ ев., Востоковъ говоритъ: «Видно, что буквами

---

[1] Первый высказалъ это Шафарикъ въ своихъ *Elemente der altböhm. Grammatik*, стр. 14.

[2] Kopitar. *Glagol. Cl.* 51.

[3] Schleicher. *Compend.* § 76: «Warscheinlich war es in einer älteren Sprachperiode ē».

[4] Leskien. *Handbuch der altbulg. Sprache*, стр. 4.

[5] Dobrowsky. Institut. § X и XXIII. Это относится къ Герцеговскому нарѣчію (*Катковъ, объ элем. и формахъ сл.-р. языка*, стр. 51).

[6] Павскій. *Ф. Набл.* I, § 18.

[7] Катковъ. *Объ элем. и формахъ*, 50.

[8] Бетлингъ. *Зап. А. Н. по I и III Отд.*, I, 86.

[9] Шафарикъ. *Elem. der altböhm. Gramm.* l. c.

сими изображались звуки сходные между собою, которые потому и смѣшиваемы были въ произношеніи»[1].

И. И. Срезневскій, найдя то же смѣшеніе буквъ въ другихъ (юсовыхъ) памятникахъ, заключаетъ изъ этого, что Ѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторою частью тѣхъ, кѣмъ и для кого писались эти рукописи, выговаривалось какъ А, требующее смягченія предыдущей согласной[2]. Шлейхеръ былъ прежде того же мнѣнія, но полагалъ, согласно съ Шафарикомъ, что ја образовалось перестановкою звука ај[3].

6) То какъ Я, то какъ Е (Миклошичъ)[4].

7) Какъ долгое Е (Буслаевъ)[5]: *нѣтъ* = не есть.

8) Какъ ӗӑ (Шафарикъ, Шлейхеръ, Лескинъ и Бодуэнъ-де-Куртне)[6]. Шафарикъ первый отмѣтилъ это произношеніе, основываясь на нынѣшнемъ выговорѣ Болгаръ; за нимъ то же высказалъ Шлейхеръ сначала въ Beiträge, потомъ въ Compendium.

Г. Колосовъ, который сдѣлалъ первую попытку свести всѣ заявленныя по этому предмету мнѣнія, самъ не высказался положительно о древнемъ произношеніи буквы Ѣ, а только призналъ его неизвѣстнымъ и замѣтилъ, что ни одно изъ этихъ мнѣній не рѣшаетъ дѣла[7].

Чтобы ничего не упустить для разсмотрѣнія вопроса, остается еще обратить вниманіе на тѣ многообразные звуки, которые

---

[1] Востоковъ. *Филол. Набл.*, 162.

[2] *Древніе славянскіе памятники юсоваго письма.* Стр. 158 первой нумерац. При чтеніи настоящихъ замѣчаній въ Отдѣл. русск. яз. и сл. И. И. Срезневскій пояснилъ, что по позднѣйшимъ его наблюденіямъ, Ѣ въ древне-славянскомъ, а отчасти и въ позднѣйшемъ языкѣ произносился какъ долгое Е, впитавшее въ себя предшествующую согласную, о чемъ можетъ дать понятіе звукъ въ словѣ *нѣтъ*.

[3] Schleicher. *Formenlehre*, 78.

[4] Miklošič. *Vergleich. Lautlehre*, стр. 91.

[5] Буслаевъ. *Ист. Грамм.* § 25. 2.

[6] *Бодуэнъ-де-К.* О др.-польск. языкѣ, 76.

[7] *Филол. Зап.* 1872, вып. IV, и *Очеркъ ист. зв.*, 35. Недавно высказано еще новое мнѣніе о буквѣ Ѣ. Г. Житецкій въ замѣчательномъ изслѣдованіи о малорусскомъ нарѣчіи пришелъ къ заключенію, «что буква Ѣ не имѣла собственнаго звука, что единство она имѣла для глазъ а не для слуха, и что въ выговорѣ она звучала различно» (*Университ. Извѣстія.* Кіевъ 1875. № 3, стр. 284).

въ живыхъ славянскихъ языкахъ заступили мѣсто древняго Ѣ. Самая буква сохранилась только въ русскомъ письмѣ, но въ немъ она издавна то замѣнялась буквой Е, то ставилась напрасно вмѣсто Е. Напротивъ, по замѣчанію Востокова, Сербы и Болгаре въ старинной письменности употребляли букву Ѣ правильно[1]. Не значитъ ли это, что у нихъ она сохраняла свой отличительный звукъ? Но нынѣшніе Сербы въ словахъ, гдѣ она встрѣчалась, ставятъ **иjе** (или и просто е), Болгаре **еа**. Изъ этого, кажется, вытекаетъ заключеніе, что произношеніе Ѣ составляло средній звукъ между **йэ** и **йа**. Какъ объяснить этотъ средній звукъ? При какихъ условіяхъ онъ возможенъ? Отчего не могли его усвоить себѣ другіе славянскіе народы? Тамъ, гдѣ онъ встрѣчался, Малороссіяне произносятъ I, Чехи то также I, то слабо йотованное Е, Поляки то **ia**, то е, въ большей части другихъ славянскихъ нарѣчій онъ перешелъ рѣшительно въ элементъ Е, у Словинцевъ сохранилъ форму **ej**, у Полабовъ звучалъ иногда какъ двоегласное **ai**[2]. Все это позволяетъ сдѣлать по крайней мѣрѣ одинъ несомнѣнный выводъ, — что въ произношеніе Ѣ входили три элемента: I, А и Э.

Въ позднѣйшее время произношеніе разсматриваемаго звука видоизмѣнялось у славянскихъ народовъ, смотря по тому, который изъ трехъ элементовъ получалъ перевѣсъ: въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ остался только одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ, въ другихъ по два (**ia, ie**), въ третьихъ то одинъ, то два. Одновременная встрѣча въ томъ же звукѣ элементовъ А и Э возможна только при одномъ условіи — при сильномъ растворѣ рта для Э. Произносимый при этомъ условіи звукъ **йэ** неминуемо сближается съ **йа**,

---

[1] *Филол. Набл.* 93. Въ своей црк.-сл. грамматикѣ Востоковъ вводитъ въ азбуку еще особый знакъ ѥ и причисляетъ эту букву къ числу составныхъ (йотованныхъ); это еще болѣе затрудняетъ вопросъ о сущности Ѣ; ужели же простой Ѣ означалъ, какъ думаетъ г. Колосовъ, звукъ нейотованный? Нельзя ли скорѣе принять, что начертаніе ѥ было только графическимъ видоизмѣненіемъ той же буквы?

[2] Pfuhl. *Ueber die Sprache der Lün. Polaben.* 1868, стр. 196. По статьѣ г. Кочубинскаго объ учебникѣ г. Лескина, *Филол. Зап.* 1872 г. вып. I, стр. 18.

о чемъ даетъ приблизительное понятіе французскій е ouvert съ accent grave (è), изображаемый также группами ais, ait, особенно послѣ полугласнаго у, і: voyais, pièce. Во франц. языкѣ этотъ звукъ часто происходитъ изъ латинскаго А, напр. слова́ père, frère образовались изъ pater, frater.

Извѣстно, какъ легко вообще звукъ А переходитъ въ Э; слѣдовательно весьма понятно, что древній широко-открытый звукъ буквы Ѣ, составлявшій середину между **йа** и **йэ**, съ теченіемъ времени могъ перейти у насъ въ обыкновенный звукъ **йэ**, ничѣмъ не отличающійся отъ изображаемаго буквой Е. Разницу же между древнимъ и нынѣшнимъ вѣроятно составляла различная степень устнаго раствора. Объ этомъ среднемъ звукѣ можетъ дать, какъ мнѣ кажется, приблизительное понятіе одинъ звукъ финскаго языка, выражаемый буквою ä, но весьма похожій на наше Я, хотя и не тожественный съ этимъ послѣднимъ, напр. въ словахъ mäki (гора), tämä (этотъ), hyvä (хорошій), — звукъ, для транскрипціи котораго одни употребляютъ русское Е, а другіе Я.

Но какъ бы ни произносилось Ѣ въ древности, въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ оно не болѣе, какъ письменный знакъ, имѣющій цѣлію только отличать извѣстные корни языка и грамматическія окончанія. Другими словами: живой языкъ не знаетъ Ѣ: имъ занимаются только правописаніе и грамматика; Ѣ, достояніе частью науки, частью навыка, имѣетъ значеніе только этимологическое и практическое. Въ формахъ, въ грамматическихъ окончаніяхъ склоненія, спряженія и образованія сравнительной степени употребленіе Ѣ опредѣлено точными правилами; но оно шатко въ корняхъ и въ нѣкоторыхъ образовательныхъ окончаніяхъ именъ существ. и прилагательныхъ; а потому только эти два случая употребленія Ѣ и должны быть здѣсь разсмотрѣны.

1) Ѣ въ корняхъ.

Почти съ самаго начала црк.-слав. письменности у Русскихъ, по крайней мѣрѣ уже съ конца 11-го вѣка, въ памятникахъ встрѣ-

чается смѣшеніе буквъ Ѣ и Е, и мало по малу послѣдняя вытѣснила первую изъ двухъ категорій словъ:

а) послѣ Р и Л, слѣдующихъ за начальною согласной, въ словахъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ соотвѣтственную полногласную форму, т. е. когда сочетанію *лѣ*, *рѣ* соотвѣтствуетъ въ русскомъ выговорѣ двусложное *ере*, *оло*, какъ напр. въ словахъ: *брѣгъ*, *брѣза*, *врѣдъ*, *прѣдъ*, *чрѣзъ*, *млѣко*, *влѣку*. Причина тому ясна: это произошло подъ вліяніемъ русскихъ формъ: *берегъ*, *береза*, *вередъ*, *передъ*, *черезъ*. Въ слѣдствіе этого тому же измѣненію подверглись и такія слова сходной формы, въ которыхъ не обнаруживается полногласія, т. е. стали писать: *блескъ*, *дремать*, *преніе*, *претить*, *стрекать*, вм. *блѣскъ*, *дрѣмать* и т. д. Въ другихъ подобныхъ словахъ Ѣ сохранилось; таковы: *грѣхъ*, *хрѣнъ*, *хлѣбъ*, *клѣть*, *плѣнъ* (при полногл. формѣ *полонъ*), *плѣсень*, *плѣшь*, *слѣдъ*, *слѣпъ*.

б) въ глаголахъ, у которыхъ въ др.-слав. языкѣ хотя коренная форма имѣетъ Е, но которые по закону *усиленія гласной*[1] принимаютъ, при измѣненіи формы, букву Ѣ, какъ напр. *гнести* и *гнѣтати*, *летѣти* и *лѣтати*, *лежати* и *лѣгати*, *метати* и *мѣтати*, *несу* и *нѣсъ*, *реку*, *рещи*, *реченіе* и *рѣкати*, *рѣкъ*, *рѣчь*. Всѣ эти слова, исключая послѣднее, постоянно пишутся теперь съ Е.

Равнымъ образомъ и во многихъ другихъ случаяхъ Русскіе вмѣсто др.-сл. Ѣ употребляютъ Е; таковы напр. слова: *векша*, *клей*, *колебать*, *мезга*, *песокъ*, *семья*, *темя* и др., которыя въ ц.-сл. писались: *вѣкша*, *клѣй*, *колѣбать* и т. д.

Наоборотъ, Ѣ пишутъ иногда въ словахъ, гдѣ его въ древности не было и гдѣ этой буквы по этимологіи не нужно: *рѣдька*, *рѣшето*, *рѣшетка* и др.

2) Ѣ ВЪ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ ОКОНЧАНІЯХЪ.

а) Въ собственно-русскихъ словахъ. И тутъ противъ древняго письма есть отмѣны. Мы пишемъ: *добродѣтель*, *колыбель*, *кудель*,

---

[1] См. Miklošič. *Vergl. Lautlehre* 134. Шлейхеръ называетъ это явленіе Erzatzdehnung (замѣстительное протяженіе). *Compendium*, § 79.

обитель тогда какъ нѣкогда въ окончаніяхъ этихъ словъ ставилось Ѣ.

Далѣе, у насъ пишутъ: *змѣй*, *брадобрѣй*, какъ и во взятомъ съ греческаго словѣ *грамотѣй*, вѣроятно потому, что звукъ Ѣ не пропадаетъ и въ косвенныхъ падежахъ: *змѣя*, *бродобрѣя*, *грамотѣя*, тогда какъ въ словахъ *воробей*, *соловей*, *ручей*, звукъ Е при склоненіи измѣняется въ Ь. Ломоносовъ писалъ *змей*, но его орѳографія въ этомъ случаѣ не утвердилась (хотя въ словѣ *иней* буква Е также не пропадаетъ при склоненіи). *Брадобрей*, отъ *брить*, должно писаться съ Е, какъ *водолей* отъ *лить*; равнымъ образомъ *брею*, *бреешь* (см. Указатель).

По общей формѣ сравнительной степени мы пишемъ *болѣе*, *менѣе*, тогда какъ въ древнемъ языкѣ имѣлись только формы *боле*, *мене*; но наши новѣйшія формы окончательно утверждены употребленіемъ, и въ сокращенномъ видѣ (преимущественно въ стихахъ) пишутъ *болѣ*, *менѣ*. Вопреки древней орѳографіи (кьде, сьде) мы пишемъ также: *гдѣ*, *здѣсь*.

Слово *копейка*, сомнительнаго происхожденія, обыкновенно пишется съ Ѣ, но безъ основанія.

б) Относительно именъ нарицательныхъ и собственныхъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, есть правило, что иностранное **е** въ такихъ словахъ и у насъ не измѣняется, а **i** или **ai** обращается въ Ѣ; поэтому пишутъ, съ одной стороны: *Тимоѳей*, *Андрей*; съ другой: *Апрѣль*, *Алексѣй*, *Сергѣй*, *Еремѣй*, *Матвѣй*, *Елисѣй*, *индѣецъ*, *индѣйскій* (отъ Aprilis, Alexius, Ἐλισαῖος и пр.). Переходъ I въ Ѣ въ подобныхъ случаяхъ основывается повидимому на томъ, что въ малорусскомъ языкѣ является I тамъ, гдѣ у Великоруссовъ пишется Ѣ.

Но это правило въ точности не соблюдается, и потому рядомъ съ приведенными словами пишутъ: *Аггей*, *Амплей*, *Пелагея*, *Асмодей* (отъ Ἀγγαῖος, Ἀμπέλιος, Πελάγια, Asmodi), елей (ἔλαιον), *батарея*, *лотерея*, *армейскій*, *библейскій*, *линейка*, *линейный* (batterie, loterie, армія, библія, линія).

Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употре-

бленіе буквы Ѣ въ корняхъ словъ и въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго вниманія къ правильному его примѣненію. Во многихъ случаяхъ Ѣ остается воспоминаніемъ особеннаго древняго произношенія слоговъ, въ другихъ языкъ по прихоти или недоразумѣнію удалился отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли и нужно, измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково. Попытка къ такому измѣненію могла бы только произвести еще бóльшій разладъ въ орфографіи.

Но есть и такія слова, гдѣ одни пишутъ Ѣ, а другіе Е. Относительно этихъ словъ замѣтимъ, что основательнѣе писать Е въ слѣдующихъ:

болѣнъ (ср. больной, больна и проч.)
виденъ (ср. видный, видна и проч.)
брею, бреешь и пр., брадобрей (какъ водолей)
грамотей (греч. γραμματεύς)
греча (греческое зерно)
железа
затменіе, затмевать (отъ затмить, затменъ)
звено (отъ звенѣть; ср. польск. dzwono)
копейка
купель (какъ колыбель, обитель)
надменный, надмеваться (отъ дмить)
пенязь (сканд. peningr)
прилежный
решето
хмель
цехъ (нѣм. Zeche)

Напротивъ, въ слѣдующихъ словахъ надо писать Ѣ:

зѣница (народ. *зѣнки*)
лѣчить, лѣкарь (отъ корня *лѣкъ*, зелье)
мѣткій (одного корня съ гл. *мѣтить*)

рѣсница (поль. rząsa, rzęsa; чеш. řasa)
свѣдѣніе (отъ *вѣдѣти*)
смѣта
смѣтливый } одного корня съ гл. *мѣтить*
телѣга (род. множ. ч. произн. *телѣгъ*, не телёгъ)

Болѣе подробное объясненіе этихъ словъ читатель найдетъ въ нашемъ Филологическомъ Указателѣ.

Общее правило при избраніи Ѣ или Е въ сомнительныхъ случаяхъ должно быть слѣдующее: если нѣтъ вполнѣ ясной и положительной причины для начертанія Ѣ, то должно писать Е.

Употребленіе Э.

Буква эта — обращенное въ другую сторону древне-славянское є — началась, какъ утверждаетъ Тредьяковскій [1], еще съ поврежденія кириллицы, а намъ сдѣлалась извѣстна со времени появленія грамматики Смотрицкаго. Послѣднее замѣчаніе однакожъ не оправдывается: въ названной грамматикѣ мы находимъ только кирилловское є, правда въ особенно крупномъ и выдающемся начертаніи, но не оборотное. Между тѣмъ, и въ славянской грамматикѣ серба Крижанича, относящейся къ 17-мъ вѣку, есть такое указаніе на раннее появленіе этой буквы: «никоьи Билорусјани јесут издумали ову чертину Э, да би стојала за чисту Гречску гласницу епсјлон, и дабисмо ньеју писали такова туджа (чужія) јмена: Элисеь, Элизарьј, Эмаус; алити то слово Э јест безделно» [2]. Окончательно эта буква введена въ нашу печать вскорѣ послѣ установленія гражданской азбуки [3], и конечно совершенно основательно: она отвѣчаетъ весьма положительному и неоспоримому условію полноты всякой азбуки, — что каждый особый звукъ долженъ быть изображаемъ и особымъ знакомъ, что одному и тому же начертанію не слѣдуетъ давать двойнаго зву-

[1] *Разговоръ*, стр. 246, примѣч.

[2] *Граматично изказанје об Руском језику*, попа Јурка Крижанища. М. 1859. Стр. 128. На выписанныя въ нашемъ текстѣ изъ этой книги строки указалъ еще Калайдовичъ въ *Іоаннѣ, экзархѣ Болгарскомъ*, стр. 218.

[3] См. выше стр. 128. Очертаніе Э почти то же, какое имѣла буква для звука Е въ глаголицѣ.

кового значенія. Изъ этого правила само самой вытекаетъ, что буква Е, выражающая звукъ йэ, не должна служить и для выраженія простого є. Между тѣмъ этого долго не понимали, даже и тѣ, которымъ, какъ напр. Тредьяковскому, приведенное общее правило было очень хорошо извѣстно [1]. Буква Э, какъ сравнительно новая въ кириллицѣ, болѣе столѣтія была предметомъ незаслуженной вражды. Изъ приведенныхъ словъ Крижанича видно уже, какъ самъ онъ къ ней относился. Позднѣе на нее единодушно ополчились три писателя, почти во всемъ другомъ стоявшіе на ножахъ другъ противъ друга, — Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ. Всѣ трое по чему-то находили ее безобразною и считали лишнею, а Сумароковъ къ этому присоединялъ еще площадную брань. Такъ онъ между прочимъ говорилъ: «Противнѣйшая и мнѣ и г. Ломоносову литера Э недостойна, чтобъ о ней и говорить. Вить мы не пишемъ же *Эвропа*, *эвнухъ* и проч. Мы же знаемъ отдѣлять Г (g) отъ Г (h); такъ ввезли мы едакова въ нашу Азбуку урода» и т. д. [2]. Сумарокову было не вдогадъ, что мы потому только не пишемъ *Эвропа*, *эвнухъ*, что и не говоримъ такъ, а говоримъ невѣрно: *Европа*, *Египетъ* именно потому что такъ издревле писали. Въ кириллицѣ не даромъ были двѣ буквы є и ѥ, но ихъ звуковое различіе для русскихъ писцовъ затерялось. Взглядъ трехъ названныхъ писателей относительно Э держался долго и послѣ нихъ: еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, буквы этой не употребляли многіе изъ извѣстнѣйшихъ писателей, напр. митрополитъ Евгеній, Державинъ, Крыловъ, Калайдовичъ. Наконецъ, къ удивленію нашему, даже и Павскій говорилъ: «Обратная є (Э), допущенная въ нынѣшнюю азбуку, ни мало не дополняетъ ее». Ему казалось, что послѣ многихъ согласныхъ слышится чистая Е безъ умягченія предыдущаго звука, и что слѣдовательно въ такихъ случаяхъ надобно бы писать Э; но такъ какъ этого никто не дѣлаетъ, то буква Э, не достигая своей цѣли, излишня.

---

[1] См. *Разговоръ*, стр. 69.
[2] *Соч.* Сумарокова, т. X, стр. 44.

Такое мнѣніе Павскаго, вообще не всегда умѣвшаго отличать букву отъ звука, основывалось на старинномъ неправильномъ употребленіи є вм. ѥ. «Нововведенной Э, заключалъ Павскій, достались на долю (только) междометія *э*, *эй*, *эва*, *эхъ*, *экъ* и нѣсколько чужестранныхъ словъ»[1].

Не смотря на такія продолжительныя гоненія, буква Э, какъ знакъ, отвѣчающій дѣйствительной потребности, удержалась въ нашей грамотѣ. Однакожъ, благодаря показанной выше давней ошибкѣ, эта буква въ началѣ иностранныхъ именъ далеко не получила подобающаго ей распространенія; по примѣру древнихъ писцовъ мы неправильно пишемъ и столько же неправильно произносимъ: *епархія*, *епископъ*, *епитимья*, *Европа*, и вообще почти всѣ взятыя съ греческаго слова и соб. имена съ приставкою εὐ: *евангеліе*, *евхаристія*, *Евлампій*, *Евдокимъ*, *Евстратъ* и проч.

Но, какъ бы въ вознагражденіе за стѣсненіе правъ буквы Э въ началѣ слоговъ, въ послѣднія десятилѣтія стали болѣе и болѣе давать ей такое назначеніе, о которомъ первоначально вводившіе ее вовсе и не думали, т. е. употреблять ее послѣ согласныхъ. Многіе теперь пишутъ напр. *Бэкнъ*, *Блэръ*, *Тэнъ*, *мэръ*, *тэма*, *Жервэ*, *Богарнэ*. Правило такого употребленія нигдѣ не высказано, и мы можемъ только догадываться что такъ пишутъ для изображенія иностраннаго открытаго звука (франц. *è*, нѣм. *ä*, англ. *ai*, *ay*) и для означенія, что предыдущая согласная должна произноситься безъ отонченія.

Конечно, имѣть такую букву было бы желательно, но такъ какъ подобное произношеніе несвойственно самой фонетикѣ русской, то естественно, что для него и въ азбукѣ нашей не можетъ быть соотвѣтствующаго знака. Дѣйствительно, если строго разберемъ дѣло, то увидимъ, что помянутое употребленіе Э послѣ согласныхъ не можетъ достигать цѣли:

1) Было уже показано[2], что буква Э (такъ же какъ Е и Ѣ) вы-

---

[1] *Фил. Набл.* I, § 20.
[2] См. выше стр, 31.

ражаетъ, смотря по степени раствора рта, двоякій звукъ, — широкій и сжатый (ср. напр. э̀-*та* и э́-*ти*); слѣдовательно для означенія исключительно широкаго произношенія иностраннаго è она служить не можетъ.

2) Наши согласныя могутъ произноситься только двумя способами, означаемыми на письмѣ посредствомъ Ъ-а и Ь-я, т. е. дебело или тонко; произношеніе на Ъ бываетъ или въ концѣ слова, или при послѣдующей дебелой гласной (А О У Ы), произношеніе на Ь — при послѣдующей тонкой гласной Э И или восходящей двугласной: Е Я Ю (= **йэ, йа, йу**)[1].

Итакъ согласную передъ Э можемъ мы представлять себѣ только съ Ь-мъ, и произношеніе будетъ то же, какое слышится при употребленіи Е, т. е. **бьэ, тьэ, ньэ = бе, те, не**. Если же, не смотря на общій законъ, допустить даже, что согласная передъ Э остается неотонченною, т. е. представить себѣ, что **бэ, тэ, нэ** и проч. значатъ **бъэ, тъэ, нъэ** (хотя такихъ звуковъ вовсе не знаетъ русская фонетика, знающая только **ъи**), то трудно будетъ опредѣлить, въ какихъ именно случаяхъ слѣдуетъ такъ писать, и употребленіе Э послѣ согласныхъ будетъ предоставлено произволу пишущаго. Притомъ, тогда произошло бы разногласіе между новыми словами, такъ написанными, и старыми, въ которыхъ едва ли удалось бы ввести Э вмѣсто давнишняго Е, напр. въ словахъ: «термомэтръ, Вольтэръ, партэръ, Тэмза, Сэна, мэзонинъ, камергэръ». Изъ этого оказывается, что ставить Э послѣ согласныхъ безполезно: кто знаетъ иностранные языки, тотъ и Е на этомъ мѣстѣ сумѣетъ произнести надлежащимъ образомъ, а кто незнакомъ съ ними, того Э не наведетъ на настоящее произношеніе чужой гласной.

---

[1] Очень ошибаются тѣ, которые считаютъ гласную Э за дебелую, а не за тонкую. Это совершенно тотъ же звукъ, который за йотомъ (й) слышится въ сочетаніи ѥ (= е); вся разница между Э и Е только въ томъ, что первый — знакъ чистаго, а второй — двоегласнаго звука, но въ серединѣ слова передающій отонченіе буквѣ согласной.

Употребленіе ера, еря и еры.

Какое бы значеніе ни имѣли въ древности Ъ и Ь, о которыхъ уже такъ много писано, въ нынѣшнемъ языкѣ они служатъ только знаками, имѣющими цѣлью: 1, отмѣчать произношеніе согласной: *столъ, столь; мѣръ, мѣрь;* Ь ставится съ этимъ назначеніемъ и въ серединѣ слова: *столько, горькій, деньги,* но Ъ только въ концѣ; 2, въ серединѣ слова отдѣлять отъ согласной йотованную гласную, чтобы показать, что послѣдняя должна быть произнесена какъ двоегласная, напр. *съѣсть, изъятъ, подъемъ, адъютантъ; пьянъ, сафьянъ, платье, честью, серьёзно, соловьи.*

Что Ъ и Ь нѣкогда служили гласными въ серединѣ слова, несомнѣнно, какъ уже и выше было замѣчено (стр. 123); но имѣли ли они то же значеніе въ концѣ словъ, остается еще спорнымъ вопросомъ. Есть мнѣніе, что по крайней мѣрѣ въ то время, къ которому относятся древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ славянской письменности, эти двѣ буквы въ концѣ словъ уже не произносились[1]. Возможно, что и при изобрѣтеніи кириллицы онѣ, служа слабыми гласными въ замкнутыхъ слогахъ, въ концѣ словъ выражали, какъ и нынѣ, едва замѣтный приступъ къ дебелой или тонкой гласной. Въ такомъ случаѣ можно бы конечно было, съ самаго начала, отмѣчать въ концѣ словъ особымъ знакомъ только тонкое произношеніе согласныхъ, при дебелыхъ же отсутствіе знака могло служить достаточнымъ указаніемъ выговора; но постоянное употребленіе обоихъ знаковъ объясняется разными причинами: во 1-хъ, оно могло основываться на подражаніи Грекамъ, которые каждую начальную гласную непремѣнно отмѣчали знакомъ либо густого, либо тонкаго дыханія; во 2-хъ, въ ту отдаленную пору писали сравнительно еще и рѣдко и мало; досугу было довольно, и грамотнымъ людямъ не входило въ голову

---

[1] Такъ думаетъ Лескинъ; см. недавно напечатанное въ Лейпцигѣ сочиненіе его: *Die Vocale Ъ и Ь in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen.* Von A. Leskien. Leipzig 1875 (Оттискъ изъ Записокъ саксонскаго ученаго общества). Стр. 36—137.

придумывать средства для сбереженія времени. Но съ 18-го вѣка, почти съ самаго введенія гражданской печати, ученые люди стали недогадываться, что выдѣлывать въ концѣ множества словъ непроизносимый знакъ есть совершенно напрасная, а слѣдовательно и неразумная трата времени и труда: ставить безъ надобности Ъ послѣ конечныхъ согласныхъ значитъ писать очепь часто вмѣсто одной буквы двѣ, а это — расчетъ не маловажный. Поэтому съ конца прошлаго столѣтія начались уже и попытки избавиться на практикѣ отъ безполезнаго расширенія письма, и замѣчательно, что первый тому примѣръ поданъ былъ Академіей наукъ въ лицѣ ея директора. Объ этой и дальнѣйшихъ попыткахъ ограничить употребленіе *ера* было подробнѣе сообщено уже выше[1].

Нельзя отрицать, что въ настоящее время, когда въ слѣдствіе великихъ изобрѣтеній уже достигнута изумительная скорость передвиженія, а телеграфами и стенографіей скорость эта еще въ усиленной степени примѣнена къ сообщенію мысли, частое употребленіе лишней буквы на письмѣ является нѣсколько страннымъ анахронизмомъ; но минута отмѣны *ера* повидимому еще не настала. Есть однакожъ поводъ думать, что учащееся нынѣ поколѣніе наконецъ освободитъ наши исходныя согласныя отъ ихъ неотвязчиваго спутника. Сохранять Ъ нужно только во второмъ случаѣ его употребленія, т. е. внутри словъ послѣ предлоговъ, за которыми слѣдуетъ йотованная гласная, напр. въ словахъ: *объединить, съемка, объятіе, отъѣздъ*. Напротивъ, передъ пидебелыми гласными никогда не надобно писать *ера*. Какъ не пишутъ: «отъучить, объуза, съумасшедшій, съумасбродъ», такъ не должно равнымъ образомъ писать: «съумѣть» и «съузить» (начертанія очень обыкновенныя): всякій и такъ пойметъ, что въ словахъ *сумѣть* и *сузить* С не принадлежитъ къ корню слова, чего кажется добиваются ставящіе тутъ *съ*. Излишне также разлагать звукъ Ы на Ъ и И въ предложныхъ словахъ, и писать напр. «предъидущій, возъимѣть, безъименный». Этимъ разложе-

---

[1] Стр. 202 и сл., 209, 234 — 237. См. также въ приложеніи 1.

женіемъ хотятъ какъ будто показать, что Ы въ такихъ случаяхъ не есть коренная гласная; но понятно, что такое недоразумѣніе невозможно. Звукъ Ы, вообще являющійся только послѣ согласныхъ, и всегда не что иное, какъ Ъ + И, но для краткости придуманъ знакъ Ы; имъ и надобно всегда пользоваться, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ сложныхъ словахъ употребленіе его уже безспорно; никто не напишетъ: *възисканіе*, *съищикъ*, *объискъ*, *подъимать*, но если послѣ дебелаго звука можно написать *-ыскать*, *-ымать*, то почему нельзя равнымъ образомъ писать внутри слова *-ымѣть*, *-ыменный* (*возымѣть*, *безыменный*). Между предразсудками разнаго рода бываютъ и орфографическіе. Все дѣло въ пріученіи глаза къ послѣдовательнымъ начертаніямъ. Желая обойти спорный вопросъ, нѣкоторые стали писать, напр., *безименный*, но и это не годится, потому что не согласно съ выговоромъ.

Объ уменьшеніи случаевъ употребленія *еря* не можетъ быть рѣчи. Знакъ этотъ въ концѣ словъ необходимъ для означенія выговора согласныхъ. Что касается употребленія его внутри словъ, то въ этомъ отношеніи и теперь оно довольно ограниченно: тутъ Ь имѣетъ двоякое назначеніе: 1, также означать выговоръ или грамматич. форму напр. *колокольня*, *меньше*, *боишься*, *знаться*; 2, служить сокращеніемъ или замѣною гласной Е или I, напр. *больной*, *вольный*, *валька́* (отъ валекъ), *имѣнья* (вм. имѣнія).

Внутри словъ Ь очень часто подразумѣвается, когда тонкій выговоръ гласной безъ того обусловливается сочетаніемъ звуковъ, напр. послѣ буквы Р, при извѣстныхъ условіяхъ: *верхъ*, *первый* и т. п. (см. стр. 295), также послѣ согласныхъ, за которыми непосредственно слѣдуетъ конечная согласная, отмѣченная *еремъ* или отонченная тонкой гласной, напр. слова *смерть*, *естественный*, *лѣтній*, *вѣтви* произносятся такъ, какъ если бъ было написано: *смерьть*, *естесьтьвенный*, но Ь въ серединѣ ихъ не пишется [1].

При встрѣчѣ С и Т съ М часто бываетъ сомнѣніе, ставить

[1] Подробнѣе объ этомъ въ моихъ *Филолог. Разыск.*, стр. 289 и д.

ли между ними Ь, и вопросъ рѣшается обычаемъ; такъ Ломоносовъ писалъ: *писмо*, а нынче общепринятое начертаніе: *письмо*. Большинство пишетъ также *восьмой, осьмина, тьма*; но такъ какъ послѣднее несогласно съ начертаніями: *затмить, затменіе*, гдѣ никто не ставитъ *еря*, то лучше писать *тма* (въ обоихъ значеніяхъ: мрака и несмѣтнаго множества). Въ окончаніяхъ *очка, ечка, ечко* ставить, какъ нѣкоторые дѣлаютъ Ь между Ч и К совершенно излишне: здѣсь и такъ **ч = кь**, ибо эти двусложные окончанія происходятъ отъ удвоенія суффикса.

Есть также нѣсколько случаевъ, въ которыхъ возникаетъ сомнѣніе, писать ли Ъ или Ь.

Извѣстно, что въ древности послѣ шипящихъ въ концѣ слова всегда писалось Ь; но смѣшеніе въ этомъ случаѣ *ера* и *еря* началось уже очень рано. Смотрицкій предписываетъ на этотъ счетъ довольно сбивчивыя правила. Въ практическомъ отношеніи очень удобно, хотя и не основано на различіи въ звукахъ, господствующее нынѣ правило, которое предлагали еще Свѣтовъ и Сумароковъ, которое отчасти соблюдалъ уже и Ломоносовъ (*Грам.*, § 191), — т. е. въ имен. падежѣ ед. ч. именъ и причастій муж. рода писать Ъ, а жен. рода Ь, напр. *мечъ, Ильичъ, ножъ, плащъ, блестящъ* и *печь, рожь, вещь;* въ родит. же падежѣ мн. ч. именъ женскихъ на А также писать Ъ, напр. *тысячъ, тучъ, крышъ*. Въ частицахъ *же, уже* и въ предлогѣ *между*, при сокращеніи ихъ, обыкновенно пишутъ равнымъ образомъ Ъ: *что жъ, ужъ, межъ*.

2) Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Род. падежъ множ. числа женскихъ именъ на *нь*, при бѣглой буквѣ Е безъ ударенія, обыкновенно кончается неправильно на Ъ, напр. *пѣсенъ, басенъ, башенъ, купаленъ, колоколенъ* (хотя *бань, деревень*). Окончаніе *енъ* въ такихъ случаяхъ признавалъ уже и Ломоносовъ, какъ видно изъ § 165 его *Грамм.*, хотя онъ, приводя тутъ примѣры этого склоненія, и не остановился на разницѣ дебелаго и тонкаго окончанія. Подобно приведеннымъ словамъ, въ родит. пад. множ. числа оканчивается на *нъ* и слово *сажень*, принадлежащее къ другому склоненію.

Предлогъ *близъ* въ древности писался двояко, теперь же для отличія отъ существительнаго *близь* пишется съ *еромъ*, что въ сущности не имѣетъ основанія и не нужно. *Покамѣстъ* — пишется такъ по причинѣ состава слова (вм. «по кои мѣста»; ср. др. *потамѣстъ* и *посямѣстъ*). *Наизусть*, напротивъ, пишется съ *еремъ* потому: 1) что никто не говоритъ *наизустъ*, а 2) что тутъ съ предлогомъ *на* соединилось существительное *изусть*, образованное отъ древняго глагола *изустѣвати* (Вост.) или *изуштати* (memoriter dicere).

При образованіи прилагательныхъ отъ именъ мѣсяцевъ, кончащихся на *ръ* и *нь*, буква Ь обыкновенно сохраняется на письмѣ: *январьскій, іюньскій, сентябрьскій* и пр., хотя по закону образованія такихъ прилаг. отъ нарицательныхъ именъ Ь тутъ излишенъ, какъ показываютъ примѣры: *царскій, монастырскій, конскій, денской.* Впрочемъ въ прилаг. *іюньскій* отонченіе Н ясно слышится, но послѣ Р знакъ Ь не требуется и произношеніемъ.

Относительно звука Ы замѣтимъ еще, что по закону уподобленія онъ слышится иногда въ коренныхъ слогахъ вмѣсто И: слѣдуетъ ли тогда и писать Ы? Таковы напр. слова: *дыра, скрыпѣть, скрыпка, крынка, грыбъ, охрыпъ.*

Здѣсь надобно отличать произношеніе, узаконенное образованнымъ языкомъ, и другое, не одобряемое имъ; письмо должно сообразоваться съ первымъ. Такъ какъ никто не говоритъ: «скрипѣть, скрипка», то незачѣмъ такъ и писать; напротивъ *грибъ, охрипъ* — единственныя формы, слышимыя въ хорошей рѣчи. Въ старину говорили и писали «товарыщъ», начертаніе, часто встрѣчающееся въ раннихъ сочиненіяхъ Крылова, но давно исчезнувшее какъ изъ живой рѣчи, такъ и изъ письма. Вниманія заслуживаетъ сущ. форма *латынь* рядомъ съ прилаг. *латинскій.*

Вообще же, по особенному фонетическому свойству русскаго языка, Р въ корнѣ словъ соединяется съ Ы охотнѣе нежели съ И. Единственныя слова, въ началѣ которыхъ у насъ встрѣчается слогъ **ри**, суть: *ринуть* и *ристаніе, ристалище*, но они, собственно, принадлежатъ церковно-славянскому; первоначальной

формѣ второго, глаголу *ристать*, этимологически соотвѣтствуетъ наше *рыскать*. Потому же ц.-сл. *крило* у насъ имѣетъ форму *крыло*. Въ польскомъ также нѣтъ словъ, начинающихся съ **ri**, но есть много такихъ, которыя начинаются съ **ry** (ры) и **rzy** (ржы). Слово *рынокъ* перешло къ намъ изъ польскаго (rynek), гдѣ взято съ нѣмецкаго Ring (круглая площадь, ограда). Наши *рыдванъ* и *рыцарь* — также наслѣдіе Польши (rydwan, ricerz). Польское rysunek у насъ потеряло звукъ Ы: *рисунокъ*.

У насъ есть еще собственное имя: *Давидъ*, которое въ народной фонетикѣ передѣлывается въ *Давыдъ* и въ этой формѣ стоитъ наравнѣ съ другими измѣненными на русскій ладъ личными именами чуждаго происхожденія, напр. *Степанъ*, *Осипъ*, *Сергѣй*, *Яковъ*. Такія формы въ глазахъ многихъ принимаютъ унизительный оттѣнокъ, такъ что какъ сами носящіе эти имена, такъ и обращающіяся къ нимъ лица, возводятъ ихъ въ *Стефановъ*, *Іосифовъ*, *Сергіевъ*, *Іаковов*ъ и *Давидовъ*. *Кузьма*, не довольствуясь передѣлкою въ *Козьму*, переименовываетъ себя еще и *Косьмой*. Но если сообразить, что множество другихъ именъ звучатъ одинаково въ простомъ народѣ и въ образованномъ кругу, то нельзя не притти къ заключенію, что справедливѣе было бы не отвергать русскаго склада и въ такихъ передѣланныхъ именахъ, потому что народная фонетика есть общее достояніе всей націи, и законовъ ея, по которымъ измѣняются чужеязычныя слова, нельзя считать ни для кого унизительными. Мы не видимъ, чтобы другіе народы, напр. Англичане или Итальянцы, передѣлывали своихъ Giuseppe или James въ Gioseffo или Iacob. Притомъ, если изъ Якова дѣлать Іакова, то почему же останавливаться на полудорогѣ и не обращать ужъ заодно и въ окончаніи В въ Б? Есть однакожъ нѣсколько именъ, которыя въ своей народной формѣ дѣйствительно остаются исключительнымъ достояніемъ низшихъ сословій, напр. *Олена* (вм. Елена), *Овдокимъ* (вм. Евдокимъ). Во взглядахъ нашихъ на формы языка нельзя отрицать значенія обычая, который иногда, хотя и подъ вліяніемъ предразсудка, оказываетъ свое господство съ неотразимой силой.

Заимствованныя слова и имена собственныя.

Источники заимствованій и звуковыя формы словъ.

Заимствованныя слова въ большемъ или меньшемъ количествѣ составляютъ принадлежность и законное пріобрѣтеніе всѣхъ языковъ. Въ сочиненіяхъ Якова Гримма мы находимъ по этому предмету много прекрасныхъ мыслей. Вотъ между прочимъ замѣчательныя слова, сказанныя имъ въ *Нѣмецкой грамматикѣ* и сочувственно повторенныя Шафарикомъ въ *Славянскихъ древностяхъ*:

«Принятіе чужихъ словъ естественно и неизбѣжно; оно не оскорбляетъ народной чести, потому что между всѣми народами происходитъ обмѣнъ предметами и словами, и такое заимствованіе, если оно остается въ надлежащихъ предѣлахъ, можетъ даже способствовать къ развитію и обогащенію родного языка. Но я нахожу большое различіе въ томъ, какимъ образомъ мы въ нынѣшнее время допускаемъ въ свой языкъ чужія слова. Древность поступала при этомъ гораздо простодушнѣе и свободнѣе. Нынче мы стараемся сохранять и произносить чужія реченія совершенно такъ, какъ они употребительны у того народа, отъ котораго взяты; мы боимся нарушить вѣрность чужому слову, если какъ-нибудь переиначимъ его удареніе, сократимъ въ немъ одну букву или измѣнимъ его родъ, и охотнѣе налагаемъ руку на самихъ себя, всячески насилуя прирожденный намъ органъ рѣчи. Древненѣмецкій языкъ пользовался принадлежащимъ каждому языку правомъ приноравливать чужое слово къ своимъ звукамъ и привычкамъ» [1]. Все это можетъ быть вполнѣ примѣнено и къ русскому языку.

---

[1] J. Grimms Deutsche Grammatik, III, 557. Шафар. *Славянскія древности*, т. I, кн. II, 339. — Въ предисловіи къ Сербской грамматикѣ Караджича (стр. XV) Гриммъ опять замѣчаетъ: «Основательное языкоизслѣдованіе признаетъ необходимость и естественность примѣси нѣкоторыхъ чуждыхъ стихій почти во всякомъ языкѣ. Онѣ — скрѣпляющій цементъ и пополняютъ пробѣлы, служатъ даже къ окраскѣ и гибкости выраженія».

Русскіе, по географическому положенію своей страны, обширной равнины между Европой и Азіей, издревле пользовались легкостью обогащенія своего языка заимствованіями у всѣхъ своихъ сосѣдей — народовъ тюркскихъ, чудскихъ и арійскихъ. Такъ было въ доисторическій періодъ; такъ продолжалось дѣло и впослѣдствіи, во все время гражданской жизни этого народа: поглотивъ въ свое исполинское государственное тѣло части всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ, онъ со всѣхъ ихъ собиралъ словесную дань для расширенія своего духовнаго міра и уподоблялъ ихъ своему собственному языку. Въ то же время онъ со всѣхъ концовъ Европы принималъ въ свою сокровищницу годные для него матеріалы, и такимъ образомъ почти всѣ европейскіе языки сдѣлались его вкладчиками, способствовали къ пополненію умственныхъ запасовъ русскаго народа. Очень ошибочно было бы видѣть въ этомъ униженіе для богатаго языка его; напротивъ, онъ въ правѣ гордиться тѣмъ, что на пути своего государственнаго и общественнаго развитія, не предаваясь коснѣнію и надменной исключительности, не пренебрегалъ чуждыми источниками просвѣщенія, и стремясь къ усовершенствованію, обильно черпалъ изъ тѣхъ, которые находилъ у народовъ, въ умственномъ образованіи опередившихъ его.

Древнѣйшимъ періодомъ подобныхъ заимствованій русскаго народа, на памяти исторіи, было время принятія христіанства. На порогѣ историческаго бытія, русскій языкъ, чтобы сдѣлаться орудіемъ удовлетворенія высшихъ духовныхъ потребностей, принялъ въ себя обильную струю новыхъ словъ, формъ и понятій изъ сокровищницы другого родственнаго нарѣчія, которое само незадолго предъ тѣмъ вынесло богатую жатву изъ соприкосновенія съ образованнѣйшимъ членомъ арійской семьи языковъ. Путемъ церкви и церковной письменности русское слово получило это плодотворное двойственное наслѣдіе, эту главную стихію своего дальнѣйшаго развитія въ общеніи съ западомъ. «Съ греческаго языка, говоритъ Ломоносовъ, имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и словенскихъ, которыя для перевода книгъ сперва за нужду

были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что бутто бы они съ перьва въ Россійскомъ языкѣ родились [1]. Разумѣется, что это большею частью названія видимыхъ предметовъ, напр. *церковь, налой, кутья, елей, уксусъ*; но есть и слова другого значенія, какъ напр. *исполать* — εἰς πολλὰ ἔτη (въ точномъ переводѣ: на многія лѣта), *наканунѣ* — отъ слова κάνων.

То же можно сказать о множествѣ словъ иного происхожденія, сдѣлавшихся достояніемъ русскаго народа въ незапамятныя времена его младенчества. Такія слова есть у него во всѣхъ сферахъ жизни, начиная отъ высшей правительственной и нисходя до простѣйшаго сельскаго быта, напр. *князь, царь, палата, теремъ—кафтанъ, сапогъ, лошадь, збруя, оглобля* [2]. Подобныя слова встрѣчаются во всякомъ языкѣ: они какъ бы усыновлены народомъ, подвергшись на новой почвѣ разнымъ звуковымъ измѣненіямъ и совершенно потерявъ свой чуждый отпечатокъ, такъ что въ народѣ исчезло сознаніе или чутье ихъ происхожденія и только наука способна отыскать ихъ источникъ. Къ этимъ-то словамъ особенно примѣнимо поэтическое замѣчаніе Я. Гримма: «когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и, на перекоръ своей натурѣ, не станетъ похоже на туземное» [3]. Впослѣдствіи, когда распространится грамотность и усилится съ одной стороны обдуманная разработка родного языка, а съ другой знакомство съ иностранными, — является напротивъ стараніе о сохраненіи въ чужеземныхъ словахъ ихъ подлинной формы съ возможною точностью. Тогда случается, что передѣланное слово, издавна получившее право гражданства, исправляется или уступаетъ мѣсто своему двойнику, позднѣе зашедшему въ менѣе измѣненной формѣ. Такъ многія греческія слова

---

[1] Рукопись Ломоносова № 112, стр. 14.

[2] Вотъ еще примѣры заимствованныхъ словъ: 1) готскихъ: стекло, буква, оврагъ, плясать; 2) греческихъ: икона, лента, лепта, трапеза, известка, сорокъ; 3) скандинавскихъ: гридень, фата, пенязь, витязь, костеръ.

[3] См. *Филолог. Разысканія*, стр. 190.

переходили къ намъ въ двоякомъ видѣ: сперва съ Θ изъ Византіи, потомъ съ буквою Т изъ западной Европы, сперва съ В, потомъ съ Б, сперва съ И (по рейхлин. произношенію б. η), потомъ съ Э (по эразмовскому выговору): припомнимъ напр. *ѳеатръ* и *театръ*, *вивліоѳика* и *библіотека*, *піита* и *поэтъ*, *Омиръ* и *Гомеръ;* въ словѣ *библіотека* мы находимъ всѣ три разновидности. Такимъ же образомъ нѣмецкое имя *ярмонка*, видоизмѣненное такъ по славянской фонетикѣ, не терпящей двухъ Р въ томъ же словѣ, должно было въ недавнее время посторониться передъ *ярмаркой.*

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что заимствованныя слова, по времени ихъ появленія въ языкѣ, раздѣляются на два разряда: издавна пришлыя могутъ быть названы *усвоенными* или, еще проще, *обрусѣвшими* (Lehnwörter), а другія, новѣйшія,—*чужеобразными* или *чужими* (Fremdwörter) [1]. Но между этими двумя главными разрядами могутъ быть еще разныя степени давности заимствованія, иногда же и разныя степени обрусѣнія независимо отъ давности; поэтому не всегда можно явственно провести границу между тѣмъ и другимъ разрядомъ, а оттуда сомнительная или двойственная форма нѣкоторыхъ словъ, въ слѣдствіе чего являются и затрудненія въ начертаніяхъ. Такъ напр. обрусѣвшее слово *просвира* на письмѣ часто получаетъ болѣе правильную форму: *просфора*, хотя собственно и не было бы въ томъ надобности, такъ какъ народная форма слова не можетъ унизить понятія вещи.

Впрочемъ звуковыя передѣлки словъ дѣйствительно имѣютъ двоякое значеніе: однѣ легко принимаются и образованнымъ языкомъ, другія имъ отвергаются и остаются только въ говорѣ простонародья; къ этимъ послѣднимъ измѣненіямъ принадлежатъ собственно тѣ, которыя обличаютъ не одно переиначеніе, но и недостатокъ или погрѣшность въ воспроизведеніи звуковъ. Сюда относятся два близкія одно къ другому свойства народной славянской фонетики: 1) перестановка имѣющихся въ томъ же словѣ

[1] О двоякихъ словахъ этой категоріи у Нѣмцевъ см. *Die fremden Wörter in der deutschen Sprache,* Vortrag von Prof. Tobler. Basel 1872.

Р и Л, напр. произнесеніе *крылосъ* вм. *клиросъ*, *перелинка* вм. *пелеринка*, и 2) замѣна звукомъ Л или Н одного изъ двухъ Р, напр. лыцарь, колидоръ, кульеръ, лесора, фалеторъ, бланкартъ, дилехторъ, секлетарь (вм. рыцарь, коридоръ, курьеръ, ресора, форрейторъ, бланкардъ и т. д.), антилерія, некрутъ (вм. артиллерія, рекрутъ). Особенно характеристично относящееся сюда древнее слово *пономарь*, первоначально панамонарь, потомъ пономонарь [1], отъ гр. παραμονάριος. Этотъ недостатокъ до того сроденъ русскому простонародью, что отражается даже на чисто-русскомъ словѣ *прорубь*, произносимомъ *пролубь*. Нѣкоторыя изъ искаженныхъ такимъ образомъ словъ прорвались и въ общеупотребительный и письменный языкъ; таковы: *февраль* (вм. феврарь), *тарелка* (вм. талерка), *футляръ* (вм. футралъ), *фершелъ* (вм. фельдшеръ), *Фролъ* (вм. Флоръ). Довольно распространено также въ образованномъ языкѣ имя *крылосъ* вм. клиросъ. Такимъ же образомъ, какъ съ двумя Р, поступлено въ одномъ случаѣ съ двумя Л, и вм. «фалбола» (falbola) говорится всѣми *фалбора*. По физіологическому сходству Р и Л такое смѣшеніе и чередованіе этихъ двухъ звуковъ весьма естественно; мы знаемъ, какъ легко у дѣтей Л является вмѣсто Р, а иногда и наоборотъ.

То же замѣчается и въ словообразованіи большей части языковъ: такъ нашему *корова* (крава) въ готскомъ соотвѣтствуетъ kalbo (теленокъ), лат. prunum — нѣм. Pflaume; лат. peregrinus — франц. pélerin; франц. coridor — провинц. colidor; извѣстно также въ латинск. родство окончаній alis и aris. Изъ другихъ славянскихъ нарѣчій можно для сравненія припомнить: польск. lubryka (отъ rubrik), cyrulik (отъ chirurgus); луж. кламарь (отъ Krämer, торговецъ), ерманкъ (отъ Jahrmarkt) [2]. Такимъ же образомъ смѣняютъ иногда другъ друга Н и Л, напр. *канифоль* произнесено вм. колофонь (κολοφώνιον); или простонарод-

---

[1] См. словарь Миклошича и нашъ Указатель ниже, въ концѣ книги. Ср. малорос. *паламарь*.

[2] Объ этихъ звуковыхъ явленіяхъ у другихъ народовъ см. Thausing, стр. 54, и Max Müller-Böttger, II, стр. 160, 161.

ное *фонталка* вм. *фонтанка*. Этимъ же, вѣроятно, надобно объяснить форму прилагат. *смертельный* вм. «смертенный»: иначе она не понятна [1].

Одною изъ причинъ фонетической передѣлки заимствованныхъ словъ бываетъ наклонность народа искать въ нихъ соотношенія съ знакомыми ему своими словами и такимъ образомъ влагать въ непонятные звуки какой-нибудь смыслъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ Гриммъ указалъ на довольно большое число словъ такого образованія [2]; у насъ можно также отыскать нѣсколько примѣровъ подобнаго явленія. Такъ въ древнемъ словѣ *рубль* обыкновенно вовсе не подозрѣваютъ чуждаго происхожденія, тогда какъ оно, вѣроятно, первоначально занесено въ Россію съ востока, подобно большей части названій, означающихъ монетныя цѣнности (деньга, копейка, алтынъ). Сближеніе имени *рубль* съ глаголомъ *рубить* еще ничего не доказываетъ. «Рубь, говорилъ Сенковскій, есть арабское слово и значитъ четверть, но оно искони принято всѣми магометанами и вошло въ ихъ языки. Индѣйская рупія Великихъ Монголовъ происходитъ отъ него же» [3]. Замѣчательный примѣръ передѣлки иностранныхъ звуковъ на русскій ладъ представляетъ морской терминъ *рынду бей* (изъ ring the bell, т. е. звони въ колоколъ). Иностраннаго же происхожденія слово *рубка*, означающее родъ будки на палубѣ судна, хотя Даль опять сближаетъ и это имя съ гл. *рубить* («каютка, *нарубленная* сверхъ судна»); оно передѣлано изъ голл. roef, англ. roof (произн. руфъ), означающихъ именно эту постройку. Есть мнѣніе, что слово *противень* передѣлано изъ нѣм. Bratpfanne [4]. Сюда же можно отнести слова: *пушка* (нѣм. Büchse, др.-верх.-нѣм. puhsa), *миноги* (Neunaugen) и др.

[1] Павскій *Филолог. Набл.* Разс. II, отд. 2, § 58.

[2] См. въ моихъ *Филолог. Разысканіяхъ*, стр. 191.

[3] *Библ. для чт.* 1854, № 1. Критика, стр. 35. Павскій въ своихъ *Филол. Набл.* (Разс. II, § 49) сначала предполагалъ и въ словѣ *полушка* греческій корень, но во 2-мъ изданіи (1850) названной книги отступился отъ этого мнѣнія. Рейфъ производитъ это слово отъ турецкаго названія монеты *пулъ*.

[4] См. нашъ Указатель. Въ недавнее время новымъ примѣромъ народной этимологіи явилось у насъ слово *облокатъ* изъ адвокатъ.

Изслѣдованіе происхожденія и законовъ передѣлки заимствованныхъ Русскими словъ доставило бы весьма любопытный и поучительный матеріалъ для фонетики языка, но здѣсь мы должны ограничиться только тѣми немногими частностями этого предмета, которыми онъ соприкасается съ нашей спеціальной задачей. Въ этомъ отношеніи, для сознательнаго правописанія неизлишне будетъ отмѣтить нѣкоторые пріемы усвоенія языкомъ иностранныхъ словъ, преимущественно въ отдаленное время. Само собою разумѣется, что прежде всего онъ самовластно измѣнялъ не только чуждые ему звуки, но и такія сочетанія употребляемыхъ имъ самимъ звуковъ, которыя ему неизвѣстны или недоступны. Вникая въ подробности этого общаго закона, мы находимъ тутъ между прочимъ слѣдующія явленія:

1) Начальное неударяемое Е иногда и А измѣняется въ О: *Олена*, *Овдотья*, *Остафій*, *Овдокимъ*, *оладья*, *олтарь*, (вм. Елена, Евдокія, Евстафій, еладья, алтарь); неударяемое краткое а такимъ же образомъ измѣняется въ О и внутри слова[1]: *якорь*, *грамота* (вм. якарь изъ др.-шв. ankari, грамата изъ γράμματα).

2) Трудно произносимая или неудобная гласная замѣняется другою: сертукъ, позументъ, Кузьма, галунъ, фрунтъ, почталіонъ, департаментъ (вм. сюртукъ, позаментъ, Козьма, галонъ, фронтъ, почтиліонъ, департементъ).

3) Отбрасываются гласныя и согласныя въ началѣ слова: *Лизавета*, *Настасья*, *Сидоръ*, *Дмитрій*, *Юрій*, *Мануилъ*, *Ларіонъ* (вм. Елисавета, Анастасья, Исидоръ, Димитрій, Георгій, Эммануилъ, Иларіонъ).

4) Между гласными вставляются призвуки (неправильно называемые у насъ придыханіями): *Иванъ*, *Радивонъ*, *Ларивонъ*, *Левонтій* (вм. Іоаннъ, Родіонъ и проч.).

5) Смѣшиваются звуки П, Ф, Х, напр. *Осипъ* (Есипъ), *Степанъ* (вм. Іосифъ, Стефанъ), и наоборотъ: *панафида*, *Прокофій* (вм. панихида, Прокопій), *ахинея*[2].

---

[1] Ср. Прил. А. А. Куника къ соч. Б. А. Дорна *Каспій* въ *Зап. Ак. Н.* т. XXVI.

[2] *Ахинея* — вѣроятно такое же семинарское слово, какъ напр. катавасія,

6) Изъ двухъ сходныхъ по артикуляціи звуковъ одинъ замѣняется другимъ: *сертукъ* (вм. сюртутъ). По этой же причинѣ народъ произноситъ «кіатеръ».

7) При громкой буквѣ сосѣдняя шопотная обращается въ громкую же: *брезентъ* (гол. presenning), *мундиръ* (нѣм. Montirung), *цензура* (вм. ценсура), *Козьма* (вм. Косьма), *манжеты* (вм. маншеты), *транжирить* (отъ фр. trancher). Наоборотъ, громкая при шопотной обращается въ шопотную же: *фельдфебель*, нѣм. Feldwebel (въ концѣ слога д = т).

8) Изгоняется носовой звукъ: *кадило*, *паникадило* (вм. кандило: нов.-гр. κανδήλα, πολυκάντιλο); *плита* отъ πλίνθος.

9) Послѣ Н вставка или, въ концѣ слова, прибавленіе Д и Т (по примѣру русскаго слова *ндравъ*): *зонтикъ* (отъ Sonne), *крендель* (отъ Kringel: въ дѣтскомъ и простонародномъ говорѣ слышится также: «анделъ» вм. *ангелъ*, или въ крестьянск. быту «плантъ» вм. *планъ*). Такимъ же образомъ, наоборотъ, въ имени *Кодратъ* вставлена *н*, и ему въ народѣ дана форма: *Кондратій*.

10) Неударяемое О послѣ I и шипящихъ обращается въ Е: *Іерданъ*, *Іевъ* (вм. Іордань, Іовъ), *шеколадъ* (вм. шоколадъ). Письмо не всегда воспроизводитъ эти два измѣненія.

11) Измѣненіе или придача окончаній, ближе къ русскому словообразованію: *коленкоръ* (вм. calicot), *галстукъ*, *фартукъ*, *антикварій*, *егеръ*, *фижмы* (отъ Fischbein), *филей* (отъ filet), *паска* (вм. пасха), *гувернантка*, *табакерка*; *танецъ*, *глянецъ*, также простонар. «*дилижанецъ*».

Впрочемъ означенные здѣсь способы приноровленія иноязычныхъ словъ и именъ къ народной фонетикѣ соблюдаются очень непостоянно. Пріобщая чужія слова къ запасу своихъ собственныхъ, языкъ поступаетъ чрезвычайно прихотливо, то слѣдуя какъ будто опредѣленнымъ правиламъ видоизмѣненія звуковъ, то прилагая различно и произвольно свои нелегко уловимыя требованія. Отсюда возникаютъ трудности и для

ерунда, ермолафія. Кажется, можно согласиться съ мнѣніемъ Т. И. Филипова, что слово это произошло отъ имени города *Афинъ*, какъ заставляетъ думать стихъ изъ акафиста Божіей Матери: «Радуйся, афинейскія сплетенія растерзающая».

правописанія, стремящагося къ единообразію и послѣдовательности. Выше, на стр. 136, уже было мимоходомъ объяснено, почему главнымъ основаніемъ въ изображеніи по-русски иностранныхъ словъ и именъ долженъ быть выговоръ. Мы при этомъ въ другомъ положеніи нежели тѣ германскіе, романскіе и славянскіе народы, которые употребляютъ латинское письмо: они имѣютъ возможность изображать заимствованныя слова безъ всякаго измѣненія, въ ихъ подлинныхъ начертаніяхъ; затѣмъ читателю предоставляется произносить ихъ, какъ кто умѣетъ, и тутъ, по фонетическимъ особенностямъ каждаго языка, происходятъ конечно разнаго рода искаженія. Мы напротивъ, при совершенно своеобразной азбукѣ, лишены средствъ сохранять на письмѣ точную форму такихъ словъ и принуждены изображать ихъ по произношенію, держась сколько можно ближе иностраннаго выговора. Такая приблизительная точность нужна особенно въ начертаніи собственныхъ именъ: о нихъ мы поэтому и поговоримъ напередъ.

Правописаніе собственныхъ именъ.

Раздѣленіе заимствованныхъ словъ на два разряда, по времени ихъ перехода въ русскій языкъ, распространяется и на собственныя имена, какъ личныя, такъ и географическія. Они также, при заимствованіи ихъ въ давнія времена, подвергались разнымъ фонетическимъ измѣненіямъ, которыя разумѣется далеко не въ той степени свойственны именамъ, принимавшимся въ позднѣйшія эпохи. Самымъ сильнымъ искаженіемъ отличаются тѣ греческія и еврейскія имена, которыя, при введеніи христіанства въ Россію, стали при крещеніи даваться русскимъ людямъ. На нихъ всего удобнѣе изучать особенности русской фонетики. Нѣкоторыя изъ именъ, испытавшихъ на себѣ наибольшую ломку, были уже приведены выше. Они пишутся такъ, какъ произносятся; тѣмъ только, въ которыхъ встрѣчается звукъ Ф, происшедшій изъ мудреной ϑῆτα, многіе до сихъ поръ предоставляютъ исключительную льготу сохранять въ русскомъ письмѣ греческую букву; но такъ какъ для этого нѣтъ никакого основанія, кромѣ старин-

ной рутины, то надо надѣяться, что такая несообразность уже не долго будетъ терпима въ нашей грамотѣ.

Между древними именами, перешедшими къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, особенное явленіе представляютъ тѣ, которыя свое первоначальное окончаніе *лъ* въ народномъ языкѣ измѣнили на *ла: Данила, Гаврила, Кирила, Михайла.* Ихъ часто оканчиваютъ на *ло*, но невѣрность этой формы видна изъ употребительныхъ въ просторѣчіи косвенныхъ падежей ихъ: у *Гаврилы*, къ *Кирилѣ*, съ *Михайлой.* Подтвержденіемъ того можетъ служить народная форма другого имени, правда иначе образовавшаяся, но также оканчивающаяся на А: *Никола* (ср. Никол*инъ* день). Въ исторіи звуковъ языка г. Колосовъ, остановившись мимоходомъ на формѣ *Михайло*, видитъ въ ея окончаніи остатокъ гласности *ера* и полагаетъ, что «дѣйствующею здѣсь причиной является обнаруживающееся нерѣдко въ языкѣ стремленіе къ удержанію, такъ сказать, *равновѣсія* въ словахъ»; въ подобіе этому случаю ставитъ онъ русское *вѣтеръ* сравнительно съ др.-сл. *вѣтръ*[1]. Если справедливъ этотъ взглядъ, то можно спросить: отчего же такому наращенію гласнымъ окончаніемъ подверглись только имена на *илъ?* Мнѣ представляется тутъ причина совершенно другого рода, именно аналогія формъ, имѣющая такое великое значеніе въ построеніи языковъ. Окончаніе *илъ* составляетъ въ русскомъ отличительную примѣту прошедшаго времени многочисленнаго класса глаголовъ, и никогда не служитъ къ образованію сущ. имени. Напротивъ, эта же форма съ окончаніями жен. и средн. рода получаетъ нерѣдко значеніе имени; но форма средняго рода на *ло* отличаетъ названія орудій: *мыло, рыло, сушило, опахало, покрывало, одѣяло*; женская же нерѣдко обращается въ имя дѣятеля: *курила, кутила, запѣвала, надоѣдала.* Подводя чужія формы подъ свои законы, языкъ, по примѣру подобныхъ названій, и передѣлалъ на свой ладъ непривычныя ему окончанія собственныхъ именъ на *илъ.* Правда, что и нарицательныя имена, подобныя

---

[1] *Очеркъ исторіи звуковъ*, стр. 43.

приведеннымъ на *ла*, у насъ многими пишутся съ окончаніемъ *ло*. Такъ поступилъ и Павскій[1], но склоненіе ихъ (родит. — *лы*, дат. — *лѣ* и пр.) лучше всего обнаруживаетъ прямую ихъ форму. Да они и по значенію своему совершенно подходятъ подъ имена съ женскимъ окончаніемъ, которыя вообще, какъ весьма вѣрно замѣтилъ самъ Павскій[2], носятъ въ себѣ унизительный оттѣнокъ. Окончанію уменьшительныхъ именъ для неодушевленныхъ предметовъ *ишко* (дом*ишко*, крест*ишко*, чин*ишко*) соотвѣтствуютъ для одушевленныхъ *ишка*: мальч*ишка*, вор*ишка*, плут*ишка*, которыя и склоняются какъ женскія. Женское окончаніе носятъ слова́: *батька*, *батюшка* и уменьшительныя имена собственныя: *Ваня*, *Ванюшка*, *Ванька*, *Саша* и т. п. Изъ кличекъ лошадей только тѣ, у которыхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, удержали окончаніе *ко* (гнѣд*ко*, сѣр*ко*); прочія, какъ *сивка* и *бурка*, перемѣнили его на *ка* («отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей коурки»). Возвращаясь къ разсматриваемымъ мужескимъ именамъ на *ла*, добавлю, что именно въ слѣдствіе презрительнаго оттѣнка, свойственнаго мужескимъ именамъ съ женскимъ окончаніемъ (кутила, долбила, неряха, повѣса, рохля, пустомеля, невѣжа)[3], имена: *Михайла*, *Кирила*, и т. п. остались достояніемъ просторѣчія и мало употребительны въ письменномъ языкѣ. На этомъ же основывается и привычка простонародья давать нѣкоторымъ другимъ мужскимъ именамъ женское окончаніе: къ Александр*ѣ* Ивановичу, у Петр*ы* Петровича.

Другой разрядъ иностранныхъ собственныхъ именъ, приноровленныхъ къ формамъ русскаго языка, составляютъ имена

---

[1] *Филол. Набл.* Разс. II, § 111. Впрочемъ Павскій въ примѣчаніи самъ оговаривается и прибавляетъ: «одни говорятъ *карло, сивко, бурко, мѣняло* ... *Михайло*; другіе: *карла, сивка, бурка, мѣняла*. . . *Михайла*». Непонятно только, отчего онъ считаетъ второе окончаніе, получившее перевѣсъ въ склоненіи, неправильнымъ

[2] Тамъ же, § 109.

[3] Такія имена, какъ *предтеча, вельможа, судья, витія, воевода, владыка*, очень немногочисленны и вѣроятно отличаются отъ множества унизительныхъ именъ этой формы древностію своего образованія (Пав. *Филол. Набл.* Разс. II, § 109).

древнихъ историческихъ и мифическихъ лицъ; впрочемъ передѣлка ихъ ограничивается только окончаніями, да особымъ произношеніемъ нѣкоторыхъ греческихъ буквъ: Ахиллъ, Одиссей, Улиссъ, Алкивіадъ, Пифагоръ, Периклъ; Цицеронъ, Виргилій, Теренцій, Августъ, Плавтъ, Ювеналъ; Аспазія, Лукреція, Корнелія; Сивилла, Весталка, Муза, Харита, Гарпія.

Имена лицъ болѣе близкаго къ намъ времени мы стараемся передавать съ возможною точностью какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ, сообразно съ выговоромъ. Такъ мы говоримъ и пишемъ: *Шекспиръ*, *Штейнъ*, *Брумъ*, а не Шакеспеаръ (какъ нѣкогда писали по недоразумѣнію), Стейнъ, Бругамъ. Но такъ какъ сходныя между собой иностранныя имена иногда болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга въ произношеніи или на письмѣ, то мы въ такихъ случаяхъ соблюдаемъ по возможности признаки этого различія. Поэтому совершенно правы тѣ, которые пишутъ напр. съ удвоеніемъ буквъ: *Скоттъ*, *Гриммъ*, *Шиллеръ*, *Мюллеръ* (въ отличіе отъ Мюлеръ), *Штаммъ*, *Траппъ*, *Витте*, *Энгельгардтъ*, *Гумбольдтъ*, *Оомъ*, *Цеэ*. Къ сожалѣнію, мы часто не имѣемъ средствъ къ сохраненію подлинной формы имени, напр. къ отличенію h отъ g (какъ въ приведенномъ сейчасъ имени Гумбольдта), ö отъ e (Эртель-Örtel, Эманъ-Öhman) и т. п. Есть однакожъ и нѣкоторыя условныя отступленія отъ помянутаго правила; такъ нѣм. слово mann въ составѣ собственныхъ личныхъ именъ принято писать съ однимъ н: *Гартманъ*, *Циммерманъ*. И въ другихъ окончаніяхъ фамильныхъ именъ удвоенная буква часто сокращается, напр. *Рашетъ*, *Лафайетъ*, *Радзивилъ*, *Рейфъ* (Rachette, La Fayette, Radzivill, Reiff).

Нѣтъ причины не склонять иностранныхъ именъ собственныхъ, когда ихъ окончаніе поддается русскому склоненію. Нынче на письмѣ, въ общежитіи, часто встрѣчаются такого рода фразы: *г-ну Гартманъ*, у *г-на Бокъ*. Но въ этомъ выражается скорѣе какая-то аффектація, нежели приноровленіе къ требованіямъ языка, который напротивъ охотно подчиняетъ себѣ иностранныя формы. Слѣдуя практикѣ нѣкоторыхъ грамотеевъ нашего вре-

мени, приходилось бы равнымъ образомъ писать: сочиненія *Шиллеръ*, Иліада *Гомеръ*, трагедіи *Шекспиръ*. Да наконецъ, тогда не слѣдовало бы склонять и такихъ именъ, какъ *Федоръ*, *Александръ*, *Петръ*, потому что въ сущности они, по происхожденію, не болѣе русскія, чѣмъ *Фридрихъ*, *Карлъ* и проч.[1]

Въ старину у насъ поступали совершенно противоположно, т. е. вопреки произношенію придавали иностранному имени письменное его окончаніе именно съ цѣлію сдѣлать его удобнѣе для склоненія; такъ вошли у насъ въ обычай слѣдующія формы собственныхъ именъ: *Фальконетъ*, *Д'Аламбертъ*, *Дидеротъ*, *Ламбертъ*, *Вертотъ*, и справедливо было бы сохранять въ этой формѣ по крайней мѣрѣ тѣ изъ такихъ именъ, которыя сдѣлались въ Россіи историческими.

Объ изобрѣтеніи Сенковскаго писать иностранныя имена и у насъ латинскими буквами съ присоединеніемъ къ нимъ русскаго падежнаго окончанія было уже упомянуто въ предложенномъ выше историческомъ очеркѣ[2]. Странная мысль — отъ каждаго Русскаго требовать умѣнія читать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и уклоняться отъ труда выражать чужія имена русскимъ письмомъ. Конечно, они часто не могутъ быть начертаны удовлетворительно; но въ такихъ случаяхъ не лучше ли къ русскому ихъ изображенію прилагать въ скобкахъ подлинное? Русскія книги пишутся не для однихъ ученыхъ или свѣтски-образованныхъ, знакомыхъ съ произношеніемъ главныхъ европейскихъ языковъ; прочіе же читатели ничего не выиграютъ, если вмѣсто: «Брума» или «Юэллю» имъ написать: «Brougham'а», «Whewell'ю». Къ тому же, какую роль играетъ тутъ апострофъ, назначеніе котораго замѣнять опущенную букву?

---

[1] Иностранныя фамильныя имена на *инъ* склоняются у насъ по образцу такихъ же русскихъ именъ, принадлежащихъ по своей формѣ къ разряду лично-притяжательныхъ. Говорятъ: съ *Штелинымъ*, съ *Гейтлинымъ* такъ же, какъ съ *Шульгинымъ*, съ *Головинымъ*. Конечно, это не совсѣмъ правильно (слѣдовало бы говорить: съ *Штелиномъ* и т. п.), но здѣсь надъ правильностію беретъ перевѣсъ законъ аналогіи.

[2] См. стр. 222.

Въ числѣ именъ *географическихъ* надобно также отличать издавна усвоенныя языку отъ вновь заимствуемыхъ. Первыя представляютъ болѣе или менѣе значительныя передѣлки формы, напр. между названіями странъ: *Европа*, гдѣ мы видимъ йотованное Е (см. выше стр. 315), *Швеція* (гдѣ латинская форма является съ нѣмецкимъ превращеніемъ S въ Ш); между названіями городовъ: *Римъ*, (древнее измѣненіе О въ И), *Парижъ* (итал. Parigi), *Выборгъ* (шв. Viborg). Послѣднее имя указываетъ на то, что въ самыхъ предѣлахъ русской имперіи есть чуждыя имена, передѣланныя въ общемъ употребленіи по національной фонетикѣ. Такъ слово *ландія*, входящее въ составъ названій нѣкоторыхъ странъ и сохранившее эту форму въ именахъ земель, къ Россіи не принадлежащихъ (Зеландія, Голландія, Исландія, Гренландія), — превратилось въ *ляндію* при означеніи частей русскаго царства: *Курляндія*, *Лифляндія*, *Эстляндія*, *Финляндія*. Неотонченное Л сохранила только *Ингерманландія*, конечно потому, что у нея было свое русское имя *Ижора*, и въ чужеязычномъ не было надобности, тѣмъ болѣе что этотъ край, вскорѣ по покореніи его, получилъ другое административное названіе (*С.-Петербургская* губернія съ 1710 года). Такъ какъ нѣмецкія формы многихъ словъ издревле знакомѣе русскому слуху, чѣмъ соотвѣтствующія имъ шведскія въ словахъ того же корня, притомъ выборгскій, прежде другихъ частей Финляндіи присоединенный къ Россіи, впослѣдствіи былъ онѣмеченъ, то имена нѣкоторыхъ финляндскихъ мѣстностей, пріобрѣтшія извѣстность въ исторіи, перешли къ намъ не въ шведской, а въ нѣмецкой, или вѣрнѣе въ смѣшанной формѣ, напр. *Нейштадтъ*, *Нейшлотъ*, *Нотебургъ*, *Фридрихсгамъ* (а не Нюслотъ, Нюстадъ, Нётеборгъ, Фредриксгамнъ). Другія имена того же происхожденія обрусѣли еще во времена новгородскія, напр. *Кюмень*, *Сердоболь*, *Вокша* (Kymmene, Sortavala, Wuoksen). Изъ подходящихъ къ этому же разряду нарицательныхъ именъ финско-шведскаго міра вниманія заслуживаетъ слово *шкеры* — skär — нынѣ произносимое въ шв. языкѣ *шеръ*, но вѣроятно извѣстное Русскимъ еще въ то время,

когда буквы sk произносились отдѣльно, чтó еще и до сихъ поръ продолжается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи и Финляндіи, особенно на островахъ.

Разумѣется, что такія передѣланныя имена, какъ *Парижъ*, *Римъ*, *Афины*, *Фивы* и т. п., не могутъ и не должны быть измѣняемы въ настоящее время. Между тѣмъ однакожъ надъ нѣкоторыми изъ подобныхъ именъ дѣлались, особенно съ 40-хъ годовъ, попытки измѣненій, напр. вмѣсто *Валлисъ* стали писать *Уэльсъ* или *Вельсъ*[1], вмѣсто *Мексика* — *Мехика*. Но при послѣднемъ начертаніи не было принято въ соображеніе, что вновь пущенная въ ходъ испанская форма имени также несогласна съ его подлиннымъ произношеніемъ, въ которомъ вм. Х слышится средній звукъ между Ж и Ш[2]: почему основательнѣе было бы не трогать утвердившейся издавна формы *Мексика*. Впрочемъ такія искуственныя попытки исправленій этого рода рѣдко удаются, какъ доказываетъ между прочимъ не одинъ примѣръ изданія у насъ географическихъ атласовъ съ измѣненными по особенной системѣ названіями мѣстъ древняго міра. Пестрота въ способахъ усвоенія ихъ происходила не только отъ недостатка въ русской азбукѣ соотвѣтственныхъ знаковъ, но и отъ двоякаго произношенія нѣкоторыхъ буквъ греческаго алфавита по системамъ Рейхлина и Эразма, отъ чего напр. у насъ встрѣчаются, рядомъ однѣ съ другими, формы: реторъ и риторъ, хрестоматія и христоматія, рифма и ритмъ. Особенное разнообразіе господствовало въ передачѣ густого дыханія, такъ что въ началѣ словъ облеченная имъ гласная ε выражается то чистымъ звукомъ Э, то йотованнымъ Е (йэ), то сочетаніемъ **ге**, напр. *Эллада* (Hellas), *экзаметръ* (ḣexameter), *Елена* (Helenē), *еврей* (ḣebrāios), *герой* (ḣērōs).

---

[1] Можно припомнить тутъ еще форму *Гольстейнъ*, которая въ настоящее время встрѣчается вмѣсто сдѣлавшихся у насъ историческими названій: *Голштинія*, *голштинскій*.

[2] См. В. Гумбольдта *О различіи организмовъ человѣческаго языка*. Переводъ Билярскаго. Стр. 157.

Удвоеніе согласныхъ въ чужеобразныхъ словахъ.

Въ отношеніи къ заимствованнымъ въ недавнее время словамъ соблюдается вообще правило охранять съ возможною вѣрностью ихъ подлинную звуковую форму, за исключеніемъ окончанія, измѣняемаго по законамъ нашего языка. На этомъ основывается отличіе образованнаго выговора отъ искаженнаго въ устахъ малограмотныхъ людей (которые произносятъ напр. «екзаментъ, монаментъ, арендатель, булгахтеръ» или нѣкогда произносили «фармазонъ»). Въ правильномъ изображеніи словъ этого разряда главный вопросъ касается удвоенія согласныхъ. Для разсмотрѣнія его припомнимъ то, что̀ выше было объяснено (стр. 248) объ истинномъ свойствѣ выговора, означаемаго такимъ начертаніемъ: объ удвоеніи звука въ точномъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи; дѣло идетъ только о нѣкоторой остановкѣ голоса на согласной. Въ иностранныхъ словахъ, заимствованныхъ въ болѣе или менѣе отдаленныя времена, даже еще и въ петровскую эпоху, удвоеніе согласныхъ бо̀льшею частью пропало: слова *панихида*, *грамота*, *арестъ*, *офицеръ*, *батарея*, *атака*, *карета*, *команда*, *комендантъ*, *камергеръ*, *канцелярія* всѣми безспорно пишутся такъ, вм. «граммата, аррестъ, оффицеръ» и т. д. Но съ другой стороны иногда и въ старинныхъ заимствованіяхъ сохраняется удвоеніе, напр. пишутъ: *коллегія*, *аттестатъ*. Между тѣмъ, на основаніи первыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ, нѣкоторые въ наше время стали, во всѣхъ безъ исключенія заимствованныхъ словахъ, и старыхъ и новыхъ, отбрасывать двойную букву и писать: *професоръ*, *комисія*, *колегія*, *Прусія*, *Одеса*, не обращая вниманія даже на мѣсто ударенія и на различіе выговора такихъ словъ. Спрашивается: справедливо ли это? Правда, подобное упрощеніе правописанія давно введено у Сербовъ, отчасти оно распространилось и у Чеховъ, но тамъ оно согласно съ произношеніемъ, вообще отвергающимъ удвоеніе согласныхъ; у насъ же удвоеніе этого рода не противно народной фонетикѣ, допускающей иногда и въ собственно-русскихъ словахъ

не только одно, но даже два удвоенія, напр. *без-закон-ный*, *под-дан-ный*. Этому свойству языка явно противорѣчатъ такія урѣзанныя начертанія, какъ напр. *комисія*, несогласныя ни съ произношеніемъ, ни съ производствомъ подлинныхъ словъ, которыя мы, по нашему знакомству съ иностранными языками, не лишены возможности воспроизводить точнѣе. При отступленіи отъ настоящей формы слова, оно становится трудно-узнаваемымъ, особливо ежели есть однозвучное другого значенія, какъ напр. *металъ* (глаг.), *колосъ*, *класъ* (колосъ), *балъ*, отъ которыхъ не безполезно отличать на письмѣ близкія къ нимъ по звукамъ: *металлъ*, *колоссъ*, *классъ*, *баллъ* (цыфровая отмѣтка). Удвоеніе звука особенно явственно слышится послѣ гласной съ удареніемъ: итакъ въ этомъ случаѣ по преимуществу оно должно быть соблюдаемо и на письмѣ, напр. въ такихъ словахъ, какъ *ма́нна*, *су́мма*, *коло́нна*, *тру́ппа*, *телегра́мма*, *пре́сса*, *ми́ссія*, *се́ссія*, а потому и въ соединеніи съ приставками какъ эти имена, такъ и составныя части подобныхъ имъ не могутъ терять своего удвоенія; слѣд. надо писать: *комиссія*, *комиссаръ*, *колоннада*, *грамматика* (отъ missio, colonna, γράμμα).

Писать *коммисія* (форма, въ которой это слово долго держалось въ нашемъ правописаніи, да и теперь еще вѣроятно держится въ канцелярскомъ письмѣ)—не вполнѣ основательно потому, что это начертаніе противно выговору. То же должно сказать и объ орфографіи *ком-мис-сія*. По примѣру множества заимствованныхъ словъ, въ которыхъ приставка теряетъ свою конечную согласную при встрѣчѣ съ той же буквой (комендантъ, командиръ, рекомендовать, афиша, офицеръ) позволительно писать: *комиссія*, что совершенно точно передаетъ произношеніе. Такое же сокращеніе почти всею Европою допущено въ словѣ *комитетъ*, взятомъ съ франц. *comité*, которое въ свою очередь передѣлано изъ англ. *committee* (отъ глаг. to commit, поручать, довѣрять).

Вообще два удвоенія въ заимствованномъ словѣ излишни потому, что одно изъ нихъ непремѣнно скрадывается въ выговорѣ; на письмѣ должно быть исключаемо то, которое менѣе слышится;

на этомъ основаніи справедливо писать, напр. *аппеляція*, *асессоръ*. Сокращеніе двойной буквы въ сочетаніи слова съ приставкою тѣмъ болѣе позволительно, что въ самыхъ языкахъ, откуда мы почерпаемъ свои заимствованія, удвоеніе не всегда бываетъ безспорно. Г. Дидó, авторъ сочиненія о французскомъ правописаніи, на которое я уже выше ссылался, говоритъ между прочимъ: «Двойныя буквы не всегда входили въ орфографическую систему нашего языка; онѣ вообще составляютъ подражаніе грамматическимъ пріемамъ классической латыни, которой вліяніе начинаетъ развиваться съ 15-го столѣтія». По этому г. Дидó совѣтуетъ и во французскомъ языкѣ ограничить употребленіе двойныхъ согласныхъ, напр. писать: *corespondant* (по примѣру coreligionnaire), также *honeur*, *dictionaire*. Въ то же время однакожъ онъ полагаетъ сохранить, по произношенію, начертанія: *correcteur*, *terreur*, *horreur* и т. п.[1]

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго можно вывести заключеніе, что въ словахъ, заимствованныхъ въ позднѣйшее время, нѣтъ основанія безусловно исключать всѣ двойныя буквы, но употребленіе ихъ можетъ быть нѣсколько ограничено, когда оно не вызывается правильнымъ произношеніемъ. Гдѣ удвоеніе издавна исчезло, тамъ нѣтъ надобности возстановлять его, между прочимъ и на концѣ словъ, напр. въ именахъ: *адресъ*, *интересъ*, *протоколъ*, *партеръ*, *камергеръ*. Но когда удвоеніе слышно въ косвенныхъ падежахъ, то оно должно быть соблюдаемо и въ именительномъ: *конгрессъ*, *процессъ*; наоборотъ, когда оно въ окончаніи женскихъ именъ находится въ прямой формѣ слова, то не можетъ быть исключаемо и въ родит. множественнаго; слѣдов. должно писать: *программъ*, *суммъ*, *колоннъ*, *труппъ*, *группъ*. *Группа* во франц. языкѣ пишется, правда, groupe (муж. р.), но у насъ оно взято съ нѣмецк. die Gruppe; по-итал. также: grupро, groppo.

Не отвергая двойныхъ согласныхъ въ словахъ, гдѣ онѣ

---

[1] A. F. Didot. *Observations sur l'orthographe*. Стр. 56. Исключеніемъ двойныхъ буквъ во Франціи отличался особенно грамматикъ Buffier: см. тамъ же стр. 259.

нужны, надобно однакожъ избѣгать употребленія ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ языкѣ, откуда заимствовано слово. Въ нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ именахъ у насъ нерѣдко являются на письмѣ лишнія буквы, какъ и другія невѣрности; слѣдуетъ писать безъ удвоенія буквъ: *привилегія*, *Иліада*, *Иларіонъ*, *драма*, *литература*, *проблема*, *катавасія*, *карикатура*, *Сава*, а не *привиллегія* и т. д. Кстати замѣтимъ также ошибочное начертаніе экзаменаторъ вм. *экзаминаторъ*: это слово образовано не отъ имени *экзаменъ*, а отъ глагола examinare и перешло къ намъ уже готовое.

Другой общій вопросъ при русской транскрипціи иностранныхъ словъ касается способа изображенія гласныхъ звуковъ, особенно А и О послѣ І.

ІА или ІЯ?

Въ концѣ слова А послѣ І всегда обращается въ Я, напр. *Азія*, *матерія*; въ серединѣ же слова у насъ пишутъ то А, то Я, напр. *азіатскій* и *-ятскій*, *матеріалъ* и *-ялъ*, *италіанскій* и *-янскій*. Чтобы внести нѣкоторую норму въ такія начертанія, Гречъ принялъ правило: писать Я въ тѣхъ случаяхъ, когда эта буква уже есть въ окончаніи первообразнаго русскаго имени, въ противномъ случаѣ А, напр. *матеріяльный* отъ *матерія*, и *спеціальный* (такъ какъ нѣтъ сущ. специя); но это правило потому неудобно, что такимъ образомъ приходится по случайной причинѣ писать различно одни и тѣ же суффиксы.

Отсутствіе сознательнаго начала въ начертаніи подобныхъ словъ до сихъ поръ происходило отъ того, что грамматика хотѣла всѣ суффиксы ихъ подчинить единообразному правилу, а это невозможно, потому что слишкомъ несогласно съ обычаемъ. Можетъ-быть, легче выйти изъ затрудненія, если разсматривать отдѣльно различныя окончанія, о которыхъ тутъ рѣчь идетъ. Предварительно остановимся нѣсколько на той особенности нашихъ прилагательныхъ именъ иностраннаго происхожденія, что лишь не-

многія изъ нихъ составлены по законамъ русскаго словообразованія отъ самыхъ существительныхъ именъ, обращающихся въ русскомъ языкѣ: большею частію они передѣланы изъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ же иностранныхъ. Такъ отъ *Англія*, *Германія*, *Испанія* мы имѣемъ прилагательныя русскаго образованія: *англійскій*, *германскій*, *испанскій*, но отъ *Европа* не европскій, а *европейскій*, отъ *Азія* — *азіятскій*, отъ *Америка*, *Италія* — *американскій*, *италіянскій*; т. е. западно-европейскія прилагательныя europaeus, asiaticus, americanus, italiano перенесли къ намъ съ собою и существенную часть своихъ суффиксовъ. То же видимъ въ прилагательныхъ *матеріальный*, *епархіальный*. Какъ иностранныя слова вообще, такъ и эти суффиксы въ различной степени привились къ русскому языку: одни изъ нихъ ближе къ его собственному складу, другіе болѣе чужды; поэтому первые и поддаются, легче нежели послѣдніе, передѣлкѣ въ духѣ русской фонетики. Именно окончанія *атъ*, *анинъ*, *атскій* и *анскій*, когда они явно происходятъ отъ формы имени сущ. оканчивающагося на Я, сами передѣлываются въ *ятъ*, *янинъ*, *ятскій* и *янскій*, такъ какъ у насъ есть и свои имена съ этими окончаніями, напр. *Россіянинъ*, *Москвитянинъ*; и потому легко согласиться писать: *Персіянинъ*, *Италіянецъ*, *италіянскій*, *венеціянскій*, *азіятскій*. Но *христіанскій*, *адріатическій*, какъ не имѣющія связи съ именемъ, которое бы у насъ употреблялось съ окончаніемъ на Я, сохраняютъ въ суффиксѣ А.

Всегда безъ измѣненія остаются напротивъ чуждые намъ суффиксы *алъ*, *альный*: *матеріалъ*, *имперіалъ*, *матеріальный*, *епархіальный*, *специіальный*, *офиціальный*.

Равнымъ образомъ и въ другихъ случаяхъ встрѣчи I съ А въ заимствованныхъ словахъ, послѣдняя гласная не измѣняется: *фоліантъ*, *варіантъ*, *провіантъ*, *форте-піано*, *сіамскій*, *ліаносъ*, *діагностика*, *ліардъ*, *ересіархъ*.

Но въ подобныхъ словахъ I можетъ иногда, смотря по удобству или въ случаѣ надобности (наприм. для стиха), сокращаться въ Ь; тогда, разумѣется, и А по необходимости переходитъ въ Я.

Въ словахъ, уже издавна сроднившихся съ русск. языкомъ, напр. *дьякъ, дьячокъ*, всегда пишутъ Ь (б. ч. и въ *дьяконъ*), подобно тому какъ принято писать: *Васильевичъ, Григорьевичъ* вм. *Василіевичъ, Григоріевичъ; судья*, а не *судія*. При французскомъ такъ называемомъ l mouillé (см. выше стр. 23) неудобно обращать *а* въ *ia:* согласнѣе съ натурой подлиннаго звука изображать его посредствомъ *лья*: напр. billard — *бильярдъ*, brillant — *брильянтъ*. Другое дѣло слово *milliard*, въ которомъ послѣ l mouillé слѣдуетъ i, почему оно по-русски и должно писаться: *милліардъ;* впрочемъ и тутъ позволительно сокращеніе: *мильярдъ*.

IO, ЙО, ЬЁ, или ЬО?

Еще труднѣе вопросъ, какъ означать въ иностранныхъ словахъ звукъ **йо**, для котораго мы въ своей азбукѣ имѣемъ только букву Ё, вовсе не удобную для изображенія въ нихъ йотованнаго О. Объ этомъ уже говорено выше на стр. 132. Здѣсь прибавлю еще нѣсколько замѣчаній.

Сказанное затрудненіе всего чаще встрѣчается, когда *о* во французскихъ словахъ стоитъ послѣ l mouillé или gn. Проще всего въ такихъ случахъ писать по-русски *лі, ні: баталіонъ, медаліонъ, папиліотка, компаніонъ* (какъ *милліонъ*, million). Могутъ возразить, что въ первыхъ четырехъ словахъ одному франц. слогу соотвѣтствуютъ у насъ два, но здѣсь I въ произношеніи по необходимости сокращается въ Й; притомъ то же самое допускается въ другихъ случаяхъ, напр. пишутъ *кампанія* для передачи *campagne* (равно какъ и *компанія* для передачи *compagnie*). На этомъ основаніи можно писать и *Авиніонъ*, тѣмъ болѣе что по-латыни этотъ городъ называется *Avenio*. Кто пожелаетъ въ подобныхъ словахъ убавить и на письмѣ одинъ слогъ, тотъ можетъ принять для нихъ карамзинскую орѳографію: *батальйонъ, почтальйонъ*, неудобную только тѣмъ, что она для сокращенія звука прибѣгаетъ къ удлиненію письма. Но никакъ нельзя одобрить начертаній *батальонъ, мильонъ*, потому что Ь въ серединѣ слова служитъ только къ раздѣленію слоговъ, а никакъ не къ

йотаціи слѣдующей дебелой гласной[1], и эти слова въ такомъ начертаніи могутъ быть прочитаны не иначе, какъ если бъ было написано: *баталёнъ, милёнъ*. Для повѣрки стóитъ только перенести слогъ *онъ* въ другую строку; тогда придется читать: *баталь-онъ* и проч. Если бъ *мильонъ* читалось такъ же какъ *мильйонъ*, то вм. *льемъ, житьемъ* можно бы писать *льомъ, житьомъ*. Еще виднѣе будетъ несообразность начертанія *мильонъ*, если вмѣсто О возьмемъ А и напишемъ такимъ образомъ, напр., слова: *брильантъ, сафьанъ, семьа, платьа* вм. *брильянтъ, сафьянъ, семья, платья*. Такъ какъ условной буквѣ Я соотвѣтствуетъ транскрипція **йа**, то понятно, что съ помощью послѣдней слѣдовало бы написать приведенныя слова такъ: *брильйантъ, сафьйанъ, платьйа;* но въ такомъ разложеніи звука Я мы не нуждаемся, потому что имѣемъ букву, удачно его выражающую; напротивъ, для звука **йо** въ иностранныхъ словахъ мы не имѣемъ надлежащаго знака, и должны иногда прибѣгать въ этому диграфу (йо), котораго никакъ не можетъ замѣнять простое О; т. е. пишемъ *батальйонъ* и т. п. Буква ё, означающая русское измѣненіе звука Е, допускается только въ такихъ словахъ, какъ *курьёзный, серьёзный*, по той причинѣ, что въ нихъ она соотвѣтствуетъ фр. слогу eux, нѣм. ö; впрочемъ и тутъ правильнѣе писать *куріозный, серіозный* (итал. curioso, serioso), но, повторяемъ, никуда не годится *серьозный* (= серёзный). Довольно употребительныя нынѣ начертанія *майоръ, Байонна* конечно точнѣе прежнихъ *маіоръ, Баіонна* и заслуживали бы предпочтенія, если бъ мы во всѣхъ случаяхъ держались этого способа изображенія звука j передъ гласной и не писали напр.: *Іена, Іосифъ* и т. п.[2].

---

[1] Изъ чистыхъ гласныхъ послѣ *еря* йотуется только И въ нѣкоторыхъ случаяхъ: *чьи, соловьи*, но это потому, что для двоегласнаго звука **йи** нѣтъ особаго знака и что И можетъ такъ произноситься и въ началѣ слова (*ихъ, имъ* — йихъ, йимъ).

[2] *Майоръ* началъ писать еще Карамзинъ (*Вѣст. Евр.* 1803, № 14, «Рыцарь нашего вр.»). Онъ же писалъ: *Монтескьйо, йонга* (*Моск. Журн.* VII, 65, 93) и *Овернььйскій, гильйотинада* (*В. Е.* 1082 и 1803, № 11, стр. 185). По примѣру Карамзина, и Мартыновъ писалъ: *Монтаньй* (*Сѣв. Вѣст.* II, 7). Очевидно, что употребленіе й въ концѣ или въ серединѣ слога безъ гласной буквы не выдерживаетъ критики.

ЙЕ, ІЭ, ІУ.

Начертаніе **йэ** такъ же безполезно, какъ и **йа**, потому что вполнѣ замѣняется буквою Е, которой въ сущности и было бы достаточно въ началѣ словъ для передачи иностраннаго звука **je**, напр. въ словахъ: *іезуитъ*, *Іеменъ*. Между тѣмъ въ этихъ словахъ пишется **іе**, такъ же какъ въ слѣдующихъ, гдѣ звуку Е дѣйствительно должно предшествовать **і** (хотя и не чистое): *іерей*, *іероглифъ*, *Іерусалимъ*, *Іеронимъ*. Въ первомъ случаѣ прибавленіе **і** произошло отъ того, что буква Е одна въ старину часто употреблялась какъ для чистаго звука ε, такъ и для греческаго ἑ (съ густымъ дыханіемъ = he), напр. писали и до сихъ поръ пишутъ: *Елена* (Helena), *еврей* (hebraeus). На исправленіе этихъ начертаній теперь уже нельзя надѣяться. Когда і составляетъ отдѣльный слогъ передъ иностраннымъ е, то мы пишемъ іэ, напр. *діэта*, *піэтистъ*, въ противномъ случаѣ **ье**: *пьеса*, *пьедесталъ*, *Пьерро*, *курьеръ*, *Кордильеры*, что́ очевидно вѣрнѣе чѣмъ *піеса* или *піэса* и проч.

Что касается звука **іу**, то въ именахъ, перешедшихъ къ намъ путемъ церковной письменности, онъ не сокращается въ Ю, а изображается обѣими буквами: *Іуда*, *Іудея*, иногда съ излишнею йотаціей второй изъ нихъ: *іюнь*, *іюль*, тогда какъ мірскія личныя имена, соотвѣтствующія этимъ названіямъ, пишутся: *Юдинъ*, *Юній*, *Юлій*. Въ серединѣ слова звукъ **іу** передается правильнымъ начертаніемъ: *тіунъ*, *Фріуль*, *Міусъ*, *радіусъ*.

Здѣсь кстати упомянуть о флексивной формѣ косвенныхъ падежей географическихъ именъ, оканчивающихся на *уа*: *Генуа*, *Капуа*. Очевидно, что въ род. падежѣ слѣдуетъ писать: *Генуи*, *Капуи*, а не Гену-ы, Капу-ы, въ дат. *Гену*-ѣ, *Капу*-ѣ; сообразно съ этимъ винит. падежъ получитъ форму: *Гену*-ю, *Капу*-ю, творит. *Гену*-ей, *Капу*-ей, изъ чего выходитъ, что согласнѣе съ русской фонетикой было бы писать и въ именит. падежѣ: *Генуя*, *Капуя* (какъ нарицат. *статуя*).

Одни изъ звуковъ, встрѣчающихся въ заимствованныхъ словахъ, принадлежатъ всѣмъ западно-европейскимъ языкамъ, дру-

гіе свойственны только тому или другому отдѣльному языку. Къ числу первыхъ относится средній, неизвѣстный въ нашей фонетикѣ L, который потому и передается у насъ различно, т. е. то дебелымъ звукомъ (лъ), то тонкимъ (ль). Въ русской рѣчи и грамотѣ намъ попадаются, напр., то *канделябръ*, *Людвигъ*, то *канделабръ*, *Лудвигъ*: остается слѣдовать преобладающему обычаю. Изъ чужихъ словъ, имѣющихъ этотъ звукъ, одни перешли къ намъ сходно съ первою, другіе — со второю формой. Напримѣръ, съ одной стороны у насъ ходятъ слова: *астролябія*, *школяръ*, *популярный*, *полярный*; *канцелярія*, *аппеляція*; *лютеранинъ*, *плюсъ*, *полюсъ*, *Люциферъ*, *салютовать*, *иллюминація*, *флюсъ*; съ другой стороны: *Николай*, *фистула*, *салатъ*, *шеколадъ*, *классъ*, *планисфера*; *луна*, *лупа*, *блуза*, *клубъ*, *Лузитанія*, *Луиза*.

О различной формѣ, въ какой къ намъ перешло германское слово *land*, было уже говорено выше (стр. 336). Въ началѣ словъ вообще гораздо употребительнѣе слогъ **ла**: *лабораторія*, *лампасы*, *латынь*, *латунь*, *лама*, *лампа*, *лакъ*, *ландшафтъ*, *лакрица*, *Лара*, *Лаго-Маджоре*; напротивъ, слогъ **лу** вм. **лю** въ заимствованныхъ словахъ довольно рѣдокъ. Что же касается до буквы О послѣ Л, то она почти никогда не передѣлывается въ Ё, и Л передъ нею произносится твердо, напр. *логарифмъ*, *лозунгъ*, *лотерея*, *ломбардъ*, *локомотивъ*, *флотъ*. Рѣдкій случай въ словѣ *флёръ* (нѣм. Flor).

Такъ же точно буква l и въ концѣ слога или слова переходитъ къ намъ двояко, — съ звукомъ то дебелымъ, то тонкимъ: *Периклъ*, *Алкивіадъ*, *Карлъ*, *перлъ*, *каналъ*, *балъ*, *стулъ*, *палтусъ*, *галстукъ*, *кристаллъ*, *металлъ* и — *сталь*, *вальсъ*, *мольбертъ*, (Malbret), *Вольтеръ*, *Вальтеръ*, *Даль*, *хрусталь*, *Бельведеръ*, *шаль*, *дуэль*. Нѣкоторыя слова употребительны въ двоякой формѣ, напр. *Белгія* и *Бельгія*; второе удобнѣе для произношенія и потому предпочтительно. Особенную аномалію въ этомъ отношеніи представляютъ сущ. *алфавитъ* и прилаг. *алфавитный*, установившіяся въ этой формѣ вопреки названію буквы *альфа*. Французское l mouillé въ концѣ слова обыкновенно переходитъ въ *ль*,

напр. *эмаль, портфель, Бретель,* точно такъ же какъ окончаніе *gne* въ *нь*: *Шампань, Монтань, Бретань, Де-Линь* и проч.

Французскій носовой звукъ *in, ain,* напр. въ *Saint, Villemain,* принято выражать буквами *енъ: Сенъ, Вильменъ,* или *ень: bulletin, Rollin, Gobelin* — *бюллетень, Роллень, гобеленевы* (обои); какъ ни далеки эти начертанія отъ настоящаго выговора, они лучше другихъ (напр. *янъ* или *янь*), и могутъ быть удержаны, какъ наиболѣе установившіяся.

Слоги *ant, ent* изображаются то ближе къ французскому выговору, то согласно съ ихъ начертаніемъ, напр. *ресторанъ, интриганъ,* и — *негоціантъ, презентъ.* Двойная форма, въ какой у насъ ходятъ многія французскія слова съ носовымъ звукомъ, происходитъ отъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ проникли къ намъ не прямо изъ французскаго языка, а отъ другихъ народовъ, которые сами ихъ заимствовали. Въ орфографіи *сантиментальный* непослѣдовательность: первый носовый звукъ *en* переданъ тутъ черезъ **ан**, а второй черезъ **ен**; болѣе основанія писать: *сентиментальный.* Тотъ же носовой звукъ, изображаемый по-французски буквою m передъ *b* и *p*, обыкновенно и у насъ передается съ помощію буквы М: *Д'Аламбертъ, амбра, каламбуръ.* Чужеязычный законъ сочетанія звуковъ М и Б, кажется, оказалъ воздѣйствіе и на русскія имена: старинныя формы *анбаръ, Синбирскъ, Танбовъ* уступили въ позднѣйшее время мѣсто измѣненнымъ: *амбаръ, Симбирскъ, Тамбовъ* (какъ и Виртембергъ).

Фр. дифтонгъ **oi** передается по произношенію посредствомъ *уа*, напр. *туалетъ, амплуа, тротуаръ, вуаль, эксплуатація, Пуатье, Блуа, Лувуа,* а передъ двоегласною Я черезъ одно О: *рояль.* Слово *гобой* хотя и происходитъ отъ франц. *hautbois,* но перешло къ намъ чрезъ посредство итальянскаго *oboe.*

Въ словахъ, взятыхъ съ англійскаго, разногласіе правописанія замѣтно особенно въ способѣ изображенія двоегласной w и неопредѣленной гласной (u) въ замкнутомъ слогѣ.

Въ старину у насъ писали не иначе какъ: *Вальтеръ, Виндзоръ, Вильямъ, Вордсвортъ;* около 1840-хъ годовъ многіе стали

писать: *Уальтеръ, Уиндзоръ, Уильямъ, Уордсуортъ.* Справедливо, что звукъ У въ этихъ дифтонгахъ ближе чѣмъ В подходитъ къ англійскому двугласному w, но прежнее правописаніе все-таки предпочтительно по слѣдующимъ причинамъ: 1) обращеніе У въ В въ дифтонгахъ свойственно русскому языку, какъ видно изъ старинныхъ формъ заимствованныхъ именъ: *Аврора, августъ, евангеліе, Европа, январь* и изъ собственно-русскаго слова *завтра*; 2) начертаніе У не можетъ быть выдержано, напр. передъ тою же гласною У; такъ сло́ва Woolwich никто не напишетъ *Уличъ* вм. *Вуличъ*; всѣ пишутъ также *вагонъ*, а не *уагонъ*, *Дарвинъ*, а не *Даруинъ*; 3) имена *Виндзоръ, Вальтеръ Скоттъ, Вашингтонъ* и др. пріобрѣли уже издавна право гражданства въ русскомъ языкѣ.

Англійскій звукъ, изображаемый чрезъ th, у насъ переходитъ въ Т: *Темза* (Thames), *Томасъ* (Thomas), *Теккерей* (Thackeray); были попытки употреблять въ этомъ случаѣ *ѳиту* (см. выше стр. 222) или С, напр. писать *Каскартъ* (Cathcart), но онѣ не могутъ имѣть успѣха, потому что противны исторіи.

Для передачи u, i или e въ замкнутомъ слогѣ англійскихъ словъ, напр. Burns, Butt, Murray, sir, Derby, мы не имѣемъ даже приблизительной буквы, и потому пишемъ различно: *Борнсъ, Бёрнсъ, Ботъ, Батъ, Муррей, серъ, Дерби, Дарби.*

Этотъ звукъ нѣсколько похожъ на краткій нѣмецкій ö (франц. eu), который также не поддается нашему письму. Какъ уже было замѣчено, для изображенія его у насъ прибѣгаютъ обыкновенно къ ё: *Шлёцеръ, Тёпферъ, Сентъ-Бёвъ,* но эта транскрипція можетъ болѣе служить указаніемъ на иностранную орфографію, чѣмъ средствомъ къ передачѣ выговора, ибо если написать просто Е, то едва ли оно по звуку своему не ближе къ ö и eu, чѣмъ наше Ё, произнесенное чистымъ русскимъ способомъ, при которомъ, правда, отончается предыдущая согласная, но гласная звучитъ совершенно какъ О: *Шлᵒоцеръ, Тᵒопферъ.* Потому ничѣмъ не хуже писать просто: *Шлецеръ, Тепферъ*, какъ мы и поступаемъ всегда, наприм., въ окончаніи *инженеръ*, произнося Е обыкновеннымъ образомъ. Но особенную трудность представляетъ изоб-

раженіе звука Ö въ началѣ слова: тутъ мы въ соотвѣтствіе ему не имѣемъ ничего иного, кромѣ весьма недостаточнаго Э, и принуждены писать *Эленшлегеръ*, *Эженъ*, *Эдипъ*, *экономія*.

Означать способы транскрипціи всѣхъ многообразныхъ звуковъ западно-европейскихъ языковъ повело бы насъ слишкомъ далеко. Коснемся еще только немногихъ начертаній, часто передаваемыхъ невѣрно въ нашемъ письмѣ. Это во-1-хъ, итальянскія *sc* и *g* передъ тонкою гласной (e, i) и во-2-хъ, скандинавскія *st* и *sk* передъ *j* (йотомъ).

Итальянское *crescendo* часто произносятъ и пишутъ у насъ *крешчендо* вм. правильнаго *крешендо*. Равнымъ образомъ названіе города *Brescia* должно читать *Брешіа*, а не *Бресчіа*. Вообще же слоги *scia*, *gia* и т. п. должны произноситься не *шіа*, *джіа*, а просто *ша*, *джа*: здѣсь I въ итальянскомъ письмѣ вставляется только для означенія выговора c и g. Такъ *lasciare*, *Giacomo*, *Maggiore* читаются: *лашаре*, *Джакомо*, *Маджоре*.

Шведскія фамильныя имена Oxenstjerna, Nordenskiöld и т. п. читаются *Оксеншерна*, *Норденшёльдъ*. По-датски, напротивъ, въ начертаніи skiøld буквы s и k сохраняютъ каждая свой отдѣльный звукъ. Голландское sche = *сxe*, oe = *у*. Слѣдовательно не *Боэргавъ*, а *Бургавъ* (Boerhaave).

Окончанія заимствованныхъ словъ.

Для правильнаго начертанія чужеземныхъ словъ важно умѣть отдавать себѣ отчетъ, кáкъ языкъ, принимая ихъ, распоряжается съ ихъ окончаніями. Изъ другихъ языковъ мы заимствуемъ, за немногими исключеніями, только 3 части рѣчи: имена существительныя, прилагательныя (съ производными нарѣчіями) и глаголы.

Такъ какъ существительныя часто переходятъ къ намъ чрезъ посредство образованныхъ напередъ прилагательныхъ, то мы и начнемъ съ послѣднихъ. Прилагательныя заимствуются не иначе, какъ съ помощію русскихъ суффиксовъ. Такими для этой цѣли служатъ у насъ: *ный* (иногда енный), *скій*, *ическій* и *ичный*. Первое приставляется очень разнообразно то прямо къ иностранному прилагательному, то къ заимствованному существ. или кор-

нію (въ обоихъ случаяхъ за обнаженіемъ имени отъ флексивнаго окончанія) напр.

а) къ прилаг.: *идеаль-ный*, *спиритуоз-ный*, *наив-ный*, *деликат-ный*, *гуман-ный*, *солид-ный*, *компетент-ный*.

б) къ сущ. или его основѣ: *мод-ный*, *интерес-ный*, *литер-ный*, *рельеф-ный*, *фабрич-ный*; *форм-енный*, *казарм-енный*; *докторскій*, *медицин-скій*, *коллеж-скій*.

Окончаніе *ическій* обыкновенно переводитъ къ намъ иностранныя прилагательныя на *icus* (франц. ique, нѣм. isch): *критическій*, *физическій*; иногда, для сокращенія формы и для удобства образованія краткаго прилагательнаго, употребляется въ томъ же значеніи суффиксъ *ичный*: *поэтичный*, *логичный*, т. е. къ французскому окончанію *ique* прилагается нашъ обычный суффиксъ *ный*, при чемъ предшествующій звукъ К (que) превращается въ Ч. Случается впрочемъ, что мы прибѣгаемъ и къ другимъ окончаніямъ при образованіи прилагательныхъ изъ иностранныхъ сущ., напр. *фальш-ивый* (отъ нѣм. falsch), *iод-истый*, *платин-овый*, *роз-овый*.

При заимствованіи существительныхъ, составляющихъ, по весьма понятной причинѣ, самый большой процентъ иностранныхъ словъ въ языкѣ, употребляются три главные способа:

1) Если окончаніе слова въ другомъ языкѣ не противно нашей фонетикѣ и законамъ нашего словообразованія, то имя принимается къ намъ цѣликомъ, иногда съ легкою только отмѣною въ конечномъ звукѣ, необходимою для опредѣленія ему грамматическаго рода (т. е. муж., жен. или средн.), напр. *докторъ*, *генералъ*, *стулъ*, *этажъ*, *кабинетъ*, *университетъ*; *сплинъ*, *грумъ*; *грубіянъ*; *спектакль*, *вексель*; *мода*, *дама*, *актриса*, *директриса*, *логика*, *партія*, *армія*; *пальто*, *трюмо*.

При этомъ дебелость или тонкость конечнаго согласнаго звука зависитъ отъ удобства произношенія или другихъ требованій нашего языка; но такъ какъ наши природныя имена на Ь могутъ быть либо муж., либо жен. рода, а иногда и обоихъ, то нѣкоторыя чужія имена, переходящія къ намъ съ этимъ окончаніемъ,

употребляются въ двоякомъ родѣ. Лучшимъ примѣромъ такой неопредѣленности служитъ слово *псалтырь*; въ народной рѣчи оно однакожъ чаще обращается съ флексіею муж. рода (*псалтыря́*, въ *псалтырѣ́*), что́ согласно и съ его происхожденіемъ (греч. ψαλτήρ), и съ употребленіемъ въ цсл. языкѣ. По примѣру нашихъ словъ: *постель*, *колыбель*, *свирѣль* и др., заимствованныя имена на *ель* у насъ обыкновенно ходятъ въ женскомъ родѣ, не смотря на свой первоначальный родъ, напр. *дуэль*, *картель*, *портфель*, *капитель*, *карусель*, *мебель*, *модель*. *Картофель* внутри Россіи также употребляется по большей части въ женск. родѣ.

Слово *зала* слышится у насъ и съ окончаніями муж. и ср. рода: *залъ*, *зало*. Въ жен. родѣ оно однакожъ употребительнѣе.

2) Если окончаніе иностраннаго слова звучитъ нѣсколько чуждо для нашего слуха или оказывается слишкомъ длиннымъ, то мы его видоизмѣняемъ или сокращаемъ; такъ образовались слова: *монастырь*[1] (μοναστήριον), *келья* (нов.-гр. κελλεῖον), *карнизъ* (нѣм. Karniesz), *сервизъ* (фр. service), *эскизъ* (фр. esquisse). При этомъ извѣстные иноязычные суффиксы у насъ передѣлываются всегда или почти всегда однимъ и тѣмъ же способомъ; такъ греч. ος, ον, латинск. us, um часто отбрасываются: *академикъ*, *типъ*, *талантъ*, *элементъ*, *фактъ*; ius у насъ измѣняется въ *ій* или сокращается въ *ъ*, напр. secretarius — *секретарь*, cellarius — *келарь*, julius — *іюль*, antiquarius — *антикварій*, Virgilius — *Виргилій*. Такимъ же образомъ нѣм. окончанія ier, ierer, ör (франц. eur) у насъ превращаются то въ *еръ*, то въ *иръ*, *ира*, или передаются двояко: *офицеръ*, *банкиръ*, *кассиръ*, *квартира* (въ народѣ чаще квартера). Иногда вм. одного иностр. суффикса употребляемъ другой иностранный же, но удобнѣйшій; такъ изъ фр. aventurier мы сдѣлали *авантюристъ*. Иногда ед. ч. передѣлываемъ во множ: *фортепіаны* (слышится вм. — *но*), строить *куры* (faire la cour).

---

[1] Слогъ *ырь* служитъ по большей части для перевода къ намъ иностранныхъ именъ, какъ видоизмѣненіе ихъ природнаго суффикса, напр. *монастырь*, *пластырь*, *псалтырь*, *богатырь*, *козырь*, однакожъ является и производственнымъ окончаніемъ въ собственно-русскихъ словахъ: *пустырь*, *пузырь*.

Лат. o муж. р. (съ темою on) переходитъ къ намъ съ согласною своей основы: *Цицеронъ*, *Сципіонъ*.

tio, sio, франц. tion, sion обращается въ *ція*, *сія* (зія): *нація*, *функція*, *претензія*; иногда же сохраняетъ и гласную своей темы: ср. *пенсія* и *пансіонъ*.

ium въ *ія*, collegium — *коллегія*, gymnasium — *гимназія*, consistorium — *консисторія*, seminarium — *семинарія*.

aeum, eum въ *ей:* musaeum — *музей*, coliseum — *колизей*, tropaeum — *трофей* (сходно съ франц. trophée).

Нѣкоторыя греческія и латинскія имена заимствованы впрочемъ вмѣстѣ съ ихъ окончаніями, напр. *хаосъ*, *лексиконъ*, *библія* (собственно средн. родъ множ. ч. βιβλία), *альбомъ* (съ фр. album), *градусъ*, *корпусъ*, *архиваріусъ*, *нотаріусъ*.

3) Наконецъ, для дальнѣйшихъ второобразныхъ словосоставленій служатъ и при иностранныхъ именахъ употребительныя въ русскомъ языкѣ производственныя окончанія, и именно, для означенія отвлеченныхъ понятій, суффиксы *ство* и *ость*, напр. *мастер-ство*, *шпіон-ство*, *крейсер-ство*, *резонер-ство*, *фразер-ство*; *специальн*-ость; *солидарн*-ость; *логичн*-ость; *эксцентричн*-ость.

Помощію суффикса *ство* образовано также, съ отступленіемъ отъ общей нормы, сущ. *адмиралтейство*. (Собственно должно бы было образоваться «адмиралитетъ» по образцу *университетъ* и т. п.).

в) Для переведенія въ русскую форму многихъ иностранныхъ названій женскаго (а иногда и муж.) рода, означающихъ не слишкомъ крупные предметы, или и лица по отношенію къ ихъ званію, происхожденію или не особенно уважительнымъ свойствамъ, служитъ очень часто имѣющій въ языкѣ такое обширное приложеніе суффиксъ **ка:** *табакерка*, *этажерка*, *папильотка*, *картонка*, *шифоньерка*, *папироска*, *кушетка*, *салфетка*, *спичка*, *шпилька*; *гувернантка*, *компаніонка*, *пепиньерка*, *кокетка*, *кокотка*, *акушерка*, *модистка*, *шведка*, *блондинка*, *брюнетка*.

Къ образованію женскихъ именъ иностраннаго происхожденія изрѣдка служитъ также суффиксъ *ица: императрица*, *царица*, *мастерица*, *фельдшерица* (какъ львица, пророчица).

Нѣкоторыя имена, образованныя отъ иностранныхъ на et и ette, принимаютъ двоякую форму, напр. *браслетъ* и *браслетка*.

Для означенія женъ такихъ лицъ, которыхъ должности или званія носятъ иностранныя имена, служитъ окончаніе *ша: профессорша, генеральша, докторша*.

Мужскіе суффиксы, безъ уменьшительнаго оттѣнка, какъ напр. въ словѣ *шнурокъ*, встрѣчаются въ заимствованныхъ иностранныхъ именахъ весьма рѣдко.

Всѣ суффиксы природнаго языка при иностранныхъ именахъ очень облегчаютъ обращеніе этихъ послѣднихъ на чуждой имъ почвѣ. Затруднительно напротивъ употребленіе именъ, которыя по окончаніямъ своимъ не прививаются къ языку; почему онъ или оставляетъ ихъ безъ склоненія, или даетъ имъ не соотвѣтствующія прямой формѣ падежныя окончанія. Сюда относятся особенно имена средняго рода на О и Е, какъ то: *депо, бюро, пальто, трюмо, кофе, алоэ, канапе, портъ-моне, пресъ-папье.* У насъ, правда, не мало своихъ именъ, оканчивающихся на О и Е, но мы чувствуемъ, что въ подобныхъ иноземныхъ словахъ О имѣетъ совсѣмъ другое значеніе и не составляетъ примѣты рода и склоненія. Поэтому самое обычное изъ этихъ именъ *кофе* не безъ основанія передѣлывается (напр. у Пушкина) въ *кофей* или *кофій* и такимъ образомъ становится гибкимъ для склоненія.

По этой же причинѣ чувствуется неловкость и происходитъ неправильность при употребленіи въ великорусскомъ языкѣ малороссійскихъ фамильныхъ именъ на *ко*, о которыхъ ниже сообщается особая замѣтка.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о глаголахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ. Они большею частью французскаго происхожденія, но переходятъ къ намъ чрезъ посредство нѣмецкой передѣлки окончанія er въ iren (или ieren), которое у насъ измѣняется въ *ировать*. Послѣдняя часть этого двучленнаго окончанія — *овать, евать* служитъ вообще къ образованію глаголовъ изъ сущ. именъ *вѣр-овать, дн-евать*. Въ старину и къ иностраннымъ именамъ прилагалось только это окон-

чаніе: *арестовать, атаковать, командовать, танцовать, экзаменовать, малевать;* но при позднѣйшихъ заимствованіяхъ слогъ **ир** сдѣлался обычнымъ, если не всегдашнимъ спутникомъ русскаго суффикса: *абонировать, гравировать, вальсировать, полировать, маршировать, бомбардировать, экипировать.* Замѣтимъ, что удареніе на послѣднемъ слогѣ двучленнаго окончанія *ировать* есть признакъ болѣе давняго образованія слова и бо́льшаго его сліянія съ русскимъ языкомъ, тогда какъ удареніе на **ир** даетъ слову иностранную окраску: *игнорировать, контролировать, импровизировать, эксплуатировать, йотировать.*

Впрочемъ и въ новѣйшее время нѣкоторые иностранные глаголы переходятъ къ намъ безъ помощи слога **ир**, по крайней мѣрѣ многіе стараются ихъ вводить въ этой простѣйшей формѣ, употребляя напр. *формуловать* вм. *формулировать*, *цитовать* вм. *цитировать.* Такія попытки конечно заслуживаютъ одобренія, но не всегда бываютъ удачны.

Нѣкоторые глаголы этого рода образуются невѣрно и должны быть исправляемы, напр. *цензировать* (отъ нѣм. censiren) лучше нежели *цензуровать* (отъ цензура); *крейсеровать* (отъ сущ. крейсеръ) правильнѣе нежели *крейсировать*, форма, которая не могла произойти отъ голл. kruissen. *Классифировать* (отъ фр. classifier) лучше — потому что короче — нежели *классифицировать* (отъ нѣм. klassificiren).

Нѣкоторые иностранные глаголы перешли къ намъ съ обоими окончаніями, но въ двоякомъ значеніи: такъ глл. *командовать* и *командировать* имѣютъ каждый свой особенный смыслъ.

Есть однакожъ глаголы, которые образованы отъ иностранныхъ именъ только прибавленіемъ къ основѣ ихъ окончанія *ить*, напр. *штукатурить*, *франтить*, *плоить* (голл. plooijen отъ франц. ployer), *каламбурить*, *французить.*

Велико число иностранныхъ словъ, обращающихся въ русской рѣчи. Мы видѣли, что они весьма различнаго свойства и достоинства, связь ихъ съ языкомъ въ различной степени крѣпка и прочна. Въ запасѣ почерпаемыхъ имъ извнѣ элементовъ про-

исходитъ безпрерывное движеніе; одни изъ заимствованныхъ словъ навсегда вошли въ плоть и кровь языка и едва еще носятъ на себѣ слабый слѣдъ своего происхожденія; другіе, отживъ свое время, по минованіи надобности сдаются въ архивъ; третьи принимаются какъ-бы на смѣну выбывшихъ. У насъ давно уже слышатся жалобы на излишнее гостепріимство наше къ иностраннымъ словамъ, какъ и къ иностраннымъ людямъ. Въ послѣднія два десятилѣтія наши усилившіяся связи съ западною Европой и новыя заимствованія оттуда въ области гражданскаго и юридическаго быта повлекли за собою новый наплывъ чужеземныхъ словъ. Русскіе, при политической самостоятельности своей страны, не ставятъ національную гордость въ чистотѣ своего языка, рѣзко отличаясь этимъ отъ своихъ подвластныхъ инымъ народамъ единоплеменниковъ. Но само собою разумѣется, что какъ ни позволительна терпимость въ этомъ отношеніи, однакожъ необходима извѣстная умѣренность и разборчивость въ заимствованіи чужихъ словъ. Къ сожалѣнію, у насъ ходятъ и такія, безъ которыхъ легко было бы обойтись, тѣмъ болѣе, что иныя изъ нихъ выражаютъ не какой-либо опредѣленный предметъ, а только утонченный оттѣнокъ мысли по иноземному ея складу. Таково, напримѣръ, недавно введенное слово *шансы*, значеніе котораго не многіе изъ употребляющихъ его сумѣютъ объяснить, и которое однакожъ въ большомъ ходу. Мы имѣли недавно случай, въ одной изъ внутреннихъ губерній, слышать отъ молодого помѣщика такую фразу: «Безъ рыску нѣтъ шансовъ на авáнтажъ». Но всего страннѣе, что во всѣхъ классахъ народа, если исключить сельскихъ жителей, распространилось по всей Россіи французское слово для выраженія благодарности. Покойный Даль мечталъ объ обогащеніи литературнаго языка неизвѣстными образованному кругу словами изъ народнаго быта. Но какъ онъ ошибался, видно изъ того, что наше прекрасное чисто-русское *спасибо* (спаси Богъ!) считается годнымъ только въ разговорѣ съ простонародьемъ и прислугою. Оно недостойно чести выражать благодарность людямъ высшаго полета. Замѣчательно, что

славянскій міръ не имѣетъ своего племенного слова для выраженія этого чувства. Поляки, Чехи, Лужичи, Галичане *декуютъ* (danken) на разные лады, Сербы *захваливаютъ*[1], Русскіе и Сербы иллирійскіе *благодарятъ*, *благодарствуютъ* — неуклюжее и непонятное народу подражаніе греческому εὐχαριστεῖν; потому это слово рѣдко и слышится въ Россіи вопреки Буасту, который въ одномъ изъ изданій своего словаря помѣстилъ слово «Bladasti» съ поясненіемъ: «Terme de remercîment usité en Russie». Теперь оказывается, что въ русскій словарь придется занести, съ этимъ самымъ поясненіемъ, французское «мерси».

Малороссійскія фамильныя имена на КО.

Такъ какъ окончаніе *ко* въ мужескомъ родѣ почти совершенно чуждо слуху великорусса, то онъ до сихъ поръ все еще хорошенько не знаетъ, какъ ему поступать съ такими именами. Въ обиходной рѣчи онъ давно обратилъ и это окончаніе въ знакомое ему *ка*[2], съ которымъ и склоняетъ ихъ какъ имена женской формы: у *Пащенки*, къ *Марченкѣ*, съ *Шевченкой*. Но на письмѣ онъ еще до нѣкоторой степени затрудняется такъ обращаться съ ними, и потому, охраняя настоящее окончаніе ихъ на *ко* въ имен. падежѣ, въ прочихъ падежахъ старается, по большей части, вовсе не склонять ихъ. Пишутъ напр.: *Ивану Ивановичу Коваuько*, отъ *г. Крамаренко*. Но избѣжать тутъ склоненія чрезвычайно трудно въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ именемъ нѣтъ никакого опредѣлительнаго слова, и потому многіе пишутъ: отъ *Крамаренки*, съ *Пащенкой*, чрезъ *Безбородку;* какъ-то, вопреки употребительному по всей Великой Россіи говору, не хватаетъ духа написать: отъ *Никитенка*, съ *Пащенкомъ*, чрезъ *Безбородка*.

По-настоящему, въ нашемъ великорусскомъ склоненіи именъ на *ко* нѣтъ ничего оскорбительнаго для малорусской національной

---

[1] Захвальи́вати, зафа́льивати, захвалити — Danken, gratias agere (Словарь Караджича).

[2] См. выше стр. 352.

чести; тѣмъ не менѣе однакожъ нѣкоторые настаиваютъ на охраненіи ихъ первоначальной формы соотвѣтственными во всѣхъ падежахъ окончаніями. Въ 1869 году г. Галаганъ напечаталъ замѣтку въ этомъ смыслѣ[1], доказывая, что такія имена, будучи русскими, должны по всей Россіи склоняться такъ, какъ склоняются природными Малороссіянами. Онъ жалуется на то, что съ недавняго времени завелся обычай какъ въ книгахъ, такъ и въ офиціальныхъ бумагахъ оставлять такія имена безъ склоненія, какъ будто бы они были иностранныя: даже въ самой Малороссіи, изъ подражанія, говоритъ онъ, стали дѣлать эту грамматическую ошибку. Введеніе такого обычая авторъ приписываетъ малороссійскимъ дамамъ, которыя, будто бы, не желая чтобъ ихъ называли, напр., *Коваленковою* или *Коваленчихою*, стали подписываться и печатать на карточкахъ свои фамиліи безъ грамматическихъ измѣненій. Но такое вліяніе со стороны Малороссіянокъ немыслимо: дѣло объясняется гораздо проще чутьемъ великорусскаго говора, который съ чуждыми ему звуками, хотя и не иностранными, издавна обращается по своимъ собственнымъ требованіямъ. Доказательствомъ тому, что онъ поступалъ такъ и прежде, могутъ служить выдержки изъ сочиненій прошлаго столѣтія; такъ авторъ извѣстныхъ записокъ, Энгельгардтъ, говоритъ: «о одержанной *Костюшкою* побѣдѣ»; — «она (бумага) хранилась у графа *Безбородки*»[2]. Такъ писалъ, по большей части, и Державинъ, напр. «послать на конгрессъ въ Яссы графа *Безбородку*» и нѣсколькими строками ниже: «перешло отъ *Безбородки* къ Зубову»[3].

Замѣчательно, что съ фамильнымъ окончаніемъ *ко* поступаютъ такъ не только Великоруссы, но и нѣкоторые другіе славянскіе народы, по крайней мѣрѣ Чехи, которые говорятъ напр.: u Vrt'átky (отъ Vrt'átko). Такое склоненіе именъ на *ко* внесено

---

[1] *Русск. Арх.*, стр. 1718.
[2] *Записки Л. Н. Энгельгардта*, стр. 157 и 195.
[3] *Соч. Держ.*, т. VI, стр. 625.

у нихъ даже въ грамматику[1]. То же слѣдовало бы сдѣлать и намъ, чтобъ положить конецъ невольно рождающемуся всегда при встрѣчѣ съ такими именами недоумѣнію. Нѣкоторыя малорусскія фамиліи, уже давно поселившіяся въ Великой Россіи, придали своимъ прозваніямъ и въ именительномъ падежѣ окончаніе *ка* (т. е. на письмѣ; въ произношеніи это дѣлается всегда), напр. *Родзянка*. Удобно было бы распространить такое правописаніе и на всѣ фамильныя имена этого рода. Вся сбивчивость въ склоненіи ихъ происходитъ отъ того, что мы произносимъ *ка*, а пишемъ *ко*. И это не единственный случай подобнаго затрудненія. То же представляютъ и многія нарицательныя личныя имена, которыя прежде писались съ окончаніемъ *ко* и *ло* (*батюшко*, *воришко*, *мѣняло*, *объѣдало*, *шумило*), а нынѣ пишутся большею частью на *ка* и *ла*[2].

Употребленіе большихъ буквъ.

Было время, когда у насъ всякое иностранное существительное имя отличали на письмѣ большою буквой. Карамзинъ писалъ: *Авторъ*, *Литтература*[3]. Такъ же писались, еще долѣе, имена званій, должностей, учрежденій, наукъ, титулы, независимо отъ происхожденія словъ, напр. *Генералъ*, *Профессоръ*, *Предсѣдатель*, *Департаментъ*, *Землеописаніе*. Но вскорѣ послѣ Карамзина старая привычка стала измѣняться. Вотъ что говорилъ Сенковскій въ 1835 году: «Смѣшно было бы привязывать (sic) важность грамматической правильности въ употребленіи малыхъ или большихъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ: никто, кромѣ общаго обыкновенія и ясности смысла, не имѣетъ права предписывать въ этомъ случаѣ законовъ, подъ карою взысканія за педантство....

---

[1] См. Грамматику Зикмунда, которая приводитъ слѣдующее склоненіе: «Jan Komedko, gen. Jana Komedky, dat. Janu Komedkovi, acc. Jana Komedku, lok. o Janu Komedkovi, inst. Janem Komedkou».

[2] Ср. выше, стр. 332, замѣчанія объ именахъ *Михайло*, *Данило* и т. п.

[3] См. выше стр. 207.

Во всѣхъ хорошихъ типографіяхъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, голландскихъ, словомъ, гдѣ только пекутся о красивости изданій, признано коренною системою, что ничто такъ не пестритъ, не обезображиваетъ, не мараетъ печати, какъ множество прописныхъ буквъ; что чѣмъ меньше такихъ буквъ на страницѣ, тѣмъ печать ровнѣе, чище и пріятнѣе для глазъ. Поэтому умные литераторы стали писать маленькія буквы, вездѣ кромѣ собственныхъ именъ и двухъ родовъ словъ — Богъ, Спаситель, Дѣва и проч., и Государь, Императоръ, Король и проч., разумѣя подъ первыми истиннаго христіанскаго Бога, истиннаго Спасителя, и т. д., а подъ вторыми собственнаго своего Государя, Императора, Короля, Герцога, для различія его отъ постороннихъ владѣтельныхъ лицъ, которыхъ приличнѣе писать тоже маленькими буквами — король, государь, императоръ, герцогъ, и т. д»[1].

Мы вполнѣ согласны съ Сенковскимъ, что относительно употребленія большихъ буквъ установить совершенно точныя правила невозможно; за правилами все-таки еще многое останется рѣшать такту и здравому смыслу. Оттого въ этомъ отношеніи и господствуетъ у насъ такое разногласіе. Слишкомъ пестрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго. Кромѣ того онѣ помогаютъ узнавать такія собственныя имена, которыя, по своей малоизвѣстности, могутъ возбудить недоумѣніе, напр. напишите: *кокату* или *кинканупъ*, — никто не догадается, что это названія двухъ племенъ, обитающихъ въ Австраліи. Прописное К укажетъ по крайней мѣрѣ, что это — имена собственныя. Нельзя сказать, чтобы англійская или, еще болѣе, нѣмецкая печать, изобилующія большими буквами, много теряли

---

[1] Собраніе соч. Сенковскаго, т. IX, стр. 366.

отъ этого въ изяществѣ. Гораздо важнѣе кажутся намъ логическія основанія.

Совершенно справедливо признать за общее правило, что съ большой буквы пишутся только слова, служащія собственными именами; но такую роль могутъ играть не одни въ тѣсномъ смыслѣ означаемыя этимъ названіемъ слова, а также и нарицательныя — какъ существительныя, такъ и прилагательныя. Вообще же таковы:

Имена лицъ: *Василій Темный*, *Петръ Первый*.

» странъ, мѣстностей, урочищъ, городовъ, улицъ, площадей, зданій: *Псковская* губернія, *Бѣлое* море, *Царское Село*, *Черная Грязь*; *Сѣнная* площадь, *Лубянка*, *Большая Морская*, *Каменный* мостъ. (Здѣсь подчеркнуты одни дѣйствительно собственныя имена).

» народовъ и населеній: *Русскіе*, *Славяне*, *Нѣмцы*; *Москвичи*.

» учрежденій: *Государственный* совѣтъ, *Академія наукъ*, *Харьковскій* университетъ, *Воспитательный Домъ*.

» дней и эпохъ: *Свѣтлое* воскресенье, *Великій* постъ; *Реформація*, *Пугачевщина*.

» книгъ и рукописей: *Капитанская дочка*, *Московскій Вѣстникъ*, *Изборникъ*.

Относительно названій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, возникаетъ вопросъ: всѣ ли эти слова писать съ большой буквы, или только главное изъ нихъ?

Держась принятаго принципа не расточать большихъ буквъ, слѣдуетъ начинать такою буквою только первое слово подобныхъ названій, напр. *Государственный* совѣтъ, *Академія наукъ*, *Преображенскій* полкъ, *Тульская* губернія, *Министерство внутреннихъ дѣлъ*, *Зимній* дворецъ, *Сѣнная* площадь, *Каменный* мостъ, *Страстная* недѣля, *Морской* корпусъ, *Штурманское* училище. Правда, что и тутъ есть неудобство: можно сказать, что имена *академія*, *министерство* — не собственныя имена, и однакожъ пишутся по нашему правилу съ большой буквы; но это замѣчаніе устраняется тѣмъ, что цѣлое названіе все-таки можетъ считаться

собственнымъ именемъ и что предлагаемое правило писать съ большой буквы первое слово всего проще и опредѣлительнѣе. Только тогда, когда названіе состоитъ изъ двухъ именъ, изъ которыхъ каждое употреблено какъ собственное, второе также должно писаться съ большой буквы, напр. *Іоаннъ Грозный, Царское Село, Воспитательный Домъ, Черная Грязь* (селеніе). Здѣсь слова: *грозный, село, домъ, грязь* употреблены какъ собственныя имена.

Названія народовъ пишутся многими всегда съ малой буквы, конечно на томъ основаніи, что признаются нарицательными именами, означающими признакъ происхожденія, подобно другимъ родовымъ именамъ, показывающимъ общность принадлежащаго имъ признака, напр. — магометанинъ, матросъ, ремесленникъ. Но это не вполнѣ справедливо. Если названіе страны, мѣстности, города, деревни считается собств. именемъ, то какъ не признавать такимъ же и имя народа или жителей, по крайней мѣрѣ когда мы разумѣемъ населеніе во всей его совокупности, напр. въ предложеніяхъ: *Французы* воевали съ *Нѣмцами; Шведы* и *Норвежцы* населяютъ Скандинавскій полуостровъ. Иное дѣло, когда названіе націи служитъ только опредѣленіемъ другого имени или прилагается къ отдѣльнымъ лицамъ, напр.: *англичанинъ* Диккенсъ; Вальтеръ-Скоттъ былъ родомъ *шотландецъ*; я встрѣтилъ двухъ *голландцевъ*. Конечно, могутъ возразить, что такое различіе произведетъ сбивчивость въ правописаніи названій народовъ или населеній. Хотя это опасеніе, по нашему мнѣнію, и напрасно, потому что предлагаемое различіе всякому понятно, однакожъ, если ужъ избирать одно постоянное правописаніе для народныхъ названій, то слѣдуетъ предпочесть большую букву. Писать: «*русскіе, поляки, чехи, сербы* и проч. составляютъ славянское племя», по нашему мнѣнію, еще страннѣе, чѣмъ напр.: «Вукъ Караджичъ былъ *Сербъ*», или: «сюда пріѣхали трое *Русскихъ*».

Христіанскія, какъ и мифологическія названія цѣлыхъ разрядовъ или видовъ существъ, могутъ считаться нарицательными именами, какъ то: *ангелы, серафимы; — альфы; русалки; грации, музы, нимфы*.

Прилагательныя имена, произведенныя отъ существительныхъ собственныхъ, должны писаться съ большой буквы тогда только, когда они сами служатъ собственными именами, т. е. единичными названіями предметовъ, напр.: *Невскій* проспектъ, *Московская* губернія, *Уральскія* горы. Когда же такія прилагательныя имѣютъ значеніе относительныхъ, то теряютъ право на большую букву, напр. *невская* вода, *московскій* колачъ, *тульскій* самоваръ, *калужскій* житель, *рейнское* вино. Въ реченіяхъ *русскій* языкъ, *французская* литература прилагательныя принимаются также, хотя можетъ быть и не совсѣмъ правильно, за относительныя, а не за собственныя. Названія винъ пишутъ съ малой буквы для отличія отъ именъ самыхъ мѣстъ, по которымъ они называются: *хересъ*, *мадера*, *малага*; такъ же пишутъ: *шампанское*, *портвейнъ* и проч.

О слитномъ письмѣ составныхъ реченій.

Одинъ изъ вопросовъ, производящихъ наиболѣе пестроты и путаницы въ нашемъ правописаніи, состоитъ въ томъ, когда писать слитно и когда врознь такія два или иногда и три слова, которыя вмѣстѣ составляютъ одно понятіе и могутъ быть разсматриваемы какъ цѣльная часть рѣчи, т. е. какъ нарѣчіе, предлогъ или союзъ, напр. многіе пишутъ слитно слова: *впослѣдствіи*, *встарину; вслѣдствіе*, *взамѣнъ; зато*, *оттого*.

Вопросъ этотъ особенно важенъ по своему значенію для лексикографіи, ибо слова, слитно пишущіяся, должны занимать отдѣльныя мѣста въ словарѣ, а обременять словарь безъ надобности множествомъ лишнихъ словъ, не только неразумно въ научномъ смыслѣ, но и неудобно на практикѣ. Другое соображеніе противъ слишкомъ усиленнаго обычая сливать два слова въ одно заключается въ томъ, что это можетъ вредить ясности рѣчи и давать поводъ къ двусмыслію, напр. начертаніе *наряду* легко можетъ быть принято за дат. падежъ сущ. *нарядъ*. Да притомъ не видно и цѣли въ неумѣренномъ употребленіи такого письма.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что писать слитно многія слова въ подобныхъ случаяхъ совершенно законно и правильно: мы видимъ

это обыкновеніе во всѣхъ языкахъ; но съ другой стороны чрезвычайно легко переступить въ немъ должныя границы. Въ нашей орѳографіи давно уже замѣчается такая наклонность, и потому не безполезно будетъ заняться обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ относящихся сюда явленій.

Начну съ мнѣнія, которое выразилъ по этому предмету Ломоносовъ. «Нѣкоторые», говоритъ онъ въ § 125 своей Грамматики, «неправильно соединяютъ предлоги раздѣльные съ именами, которыя съ ними знаменованіемъ походятъ на нарѣчія: *Ввечеру, нанизу*, вмѣсто *въ вечеру, на низу:* ибо *вечеръ* и *низъ* суть существительныя, съ предлогами сочиненныя въ пристойныхъ падежахъ и въ надлежащемъ знаменованіи. Дѣйствительно претворяются имена съ предлогами въ нарѣчія, и съ ними слитно поставлены быть должны, 1) когда предлогъ стоитъ не съ пристойнымъ падежемъ, напримѣръ: *Вдругъ*, ибо никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежемъ не сочиняется. 2) Когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходитъ, напр. *вмѣстѣ:* ибо здѣсь разумѣется *купно*; и такъ писать должно: *Жить вмѣстѣ съ братомъ. Жить въ мѣстѣ многолюдномъ.* 3) Ежели предлогъ стоитъ передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *Вдоль, вкось*».

Въ этихъ замѣчаніяхъ Ломоносова мы прежде всего должны отмѣтить одну невѣрность: въ составѣ нарѣчія *вдругъ* онъ видитъ им. падежъ сущ. *другъ*, и на этомъ ложномъ основаніи строитъ правило, которое конечно не можетъ имѣть силы. Кромѣ того мы видимъ, что нѣкоторыя сліянія, которыхъ не допускалъ Ломоносовъ, послѣ него давно уже вошли во всеобщее употребленіе; нынче всѣ, или почти всѣ пишутъ: *ввечеру, внизу.* Конечно, предлагаемыя имъ два послѣднія правила еще и теперь оказываются справедливыми; но сверхъ того есть еще и много другихъ случаевъ, когда вошло въ обычай слитно писать слова, образующія вмѣстѣ какъ бы одну часть рѣчи. Опредѣлить такіе случаи точными правилами невозможно. Главнымъ тутъ руководителемъ долженъ служить установившійся обычай, и чѣмъ онъ давнѣе,

тѣмъ болѣе имѣетъ права на то, чтобъ съ нимъ сообразовались. Нѣтъ надобности безпрестанно распространять количество такихъ словъ.

Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ безпрекословно утверждено общимъ сознаніемъ; когда же встрѣчается сомнѣніе, писать ли ихъ слитно, или врознь, то лучше избирать послѣднее.

Слитно пишутся предлогъ и существительное большею частью тогда, когда оба слова теряютъ свое индивидуальное, самостоятельное значеніе и образуютъ вмѣстѣ одно понятіе или, въ грамматическомъ смыслѣ, нарѣчіе, напр.: *вверхъ, внизъ, вверху, внизу, вмѣстѣ, вовѣкъ, впередъ, врознь, вслѣдъ, втайнѣ, втиши, вдали, впослѣдствіи*[1]. — *Кстати, издали.* — *Сначала, сверху, снизу, слишкомъ.* — *Наверхъ, наверху, навѣки, наконецъ, наоборотъ, назадъ, напередъ, напримѣръ, насчетъ.*

Характеръ такого соединенія виденъ изъ противоположныхъ случаевъ, когда имя сохраняетъ свое индивидуальное значеніе, будетъ ли къ нему (имени) присоединено опредѣленіе, или нѣтъ; или когда предлогъ употребленъ какъ дополненіе къ глаголу: *въ самый верхъ, съ какой стати, съ начала года, на конецъ* (напр. указать). Сюда идетъ также приведенный Ломоносовымъ примѣръ: *жить въ мѣстѣ многолюдномъ.*

Отъ словъ, слитыхъ въ одно нарѣчіе, надобно отличать такія слова, которыя составляютъ только метафору и потому должны писаться врознь, напр.: *въ гору, съ плеча.*

Мы здѣсь покуда говоримъ только о нарѣчіахъ, составленныхъ изъ предлога и имени существительнаго, и утверждаемъ, что не для чего быть слишкомъ щедрымъ на образованіе подобныхъ нарѣчій, что напр. лучше писать отдѣльно слова: *въ доба-*

---

[1] На нашей еще памяти писали не иначе, какъ *въ послѣдствіи времени.* Употреблять абсолютно въ такомъ же смыслѣ одно слово *послѣдствіе* стали недавно, и такъ какъ это значеніе придается слову только въ соединеніи съ предлогомъ *въ*, то мы и считаемъ позволительнымъ видѣть тутъ нераздѣльное нарѣчіе.

вокъ, въ заключеніе, въ старину, за границу, за границей, съ размаху, съ разу, со временемъ, въ волю, въ пору и мн. др. Но еще осмотрительнѣе надобно быть въ составленіи такимъ образомъ новыхъ предлоговъ, ограничиваясь тѣми, которые издавна утверждены уже обычаемъ, напр. *вокругъ, вмѣсто, сверхъ.* Мы совершенно согласны съ г. Новаковскимъ, когда онъ спрашиваетъ: есть ли надобность въ искуственномъ образованіи такихъ предлоговъ, какъ напр. *вслѣдствіе, втеченіе, впродолженіе, взамѣнъ?* и рѣшительно предпочитаемъ раздѣльное изображеніе этихъ словъ.

Нѣкоторые пишутъ: *въ теченіи, въ продолженіи,* но это противно общему закону, по которому въ русскомъ языкѣ протяженіе дѣйствія во времени выражается винительнымъ падежомъ съ помощію предлога *въ,* напр. *въ жизнь* не видѣлъ, *въ свой вѣкъ* испыталъ, сдѣлалъ *въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ;* случилось *въ царствованіе...; въ мою болѣзнь, въ ея пребываніе, въ вашъ пріѣздъ, въ твою бытность, въ отечественную войну.* То же видно изъ присоединенія опредѣлительныхъ словъ къ двумъ разсматриваемымъ выраженіямъ; мы говоримъ: *во все продолженіе,* какъ и *во все царствованіе,* а не *во всемъ продолженіи.*

Правило Ломоносова писать предлогъ слитно съ именемъ, которое въ другихъ случаяхъ неупотребительно, едва ли и теперь можетъ встрѣтить противорѣчіе. Вотъ примѣры изъ нынѣшняго языка: Вдоль, вдоволь, взаймы, взапуски, внутрь, внутри, вплавь, впредь, вновь, встарь, вкось, вкривь, впрямь, врознь, вопреки, взаперти, вблизи, впотмахъ, впопыхахъ, второпяхъ.

Набекрень, навыворотъ, навзрыдъ, навзничь, навзрячь, назади, наземь, наперекоръ, навѣрняка, напрямки — икъ, наружу, снаружи, наяву; оземь, изстари, искони, поодаль, позади, поодиночкѣ, понутру, сзади, спереди, сплошь.

Подобныя сочетанія естественно изображать слитно, потому что нельзя принимать за отдѣльныя слова и заносить особо въ словарь такія существительныя, которыя сами по себѣ въ языкѣ неизвѣстны.

Кромѣ существительныхъ, съ предлогами соединяются еще въ одно понятіе прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и самыя нарѣчія. Разсмотримъ и тутъ каждый случай отдѣльно.

Прилагательное можетъ являться при этомъ въ четырехъ различныхъ формахъ:

1) Прилагательное полное средняго рода.

Такъ какъ подобное прилагательное можетъ и само по себѣ, безъ предлога, быть употребляемо какъ существительное, напр. кто *старое* вспомянетъ; то нѣтъ причины писать его слитно съ предлогами, напр. *по старому, по прежнему, по нынѣшнему, по дорожному, по приказному, по трактирному, по книжному, по домашнему, по праздничному, по будничному*. Другое дѣло, когда при такомъ соединеніи настоящее значеніе прилагательнаго какъ будто забывается, напр. *впрочемъ, повидимому*.

Сюда же относятся и мѣстоименія притяжательныя, имѣющія форму прилагательныхъ: *по мо́ему, по вашему*, которыя также нѣтъ надобности писать слитно съ предлогомъ, но можно соединять съ нимъ черточкою.

2) Прилагательное краткое средняго рода.

Такое прилаг., когда оно не играетъ роли сказуемаго, только и употребляется для образованія съ предлогами нарѣчій, которыя потому пишутся нераздѣльно: *вдалекѣ, вообще, вполнѣ, вскорѣ, вкратцѣ* (ц.-сл.), *вчернѣ; вправо*[1], *влѣво; докрасна, досыта; навѣрно, надолго, налѣво, направо, набѣло, начерно; налегкѣ, навеселѣ, наготовѣ; заново, запросто; слегка, слѣва, справа, смолоду, снова, сполна, сгоряча, свысока, изрѣдка, издалека, изсиня*. Сюда же можно отнести нарѣчіе *свыше*.

3) Прилагательное полное женскаго рода.

Такъ какъ прилагательныя въ этой формѣ неупотребительны отдѣльно, безъ существительнаго и безъ предлога, то они пишутся слитно съ послѣднимъ: *вразсыпную, вкрутую, всплошную; зачастую, напропалую*.

---

[1] *Въ правѣ* (сущ. имя) нѣтъ причины писать слитно.

4) Прилагательное полное, множ. числа.

Подъ эту категорію подходятъ только числительныя порядковыя имена, которыя въ соединеніи съ предлогомъ *въ* образуютъ нераздѣльное нарѣчіе: *впервые*; *вопервыхъ*, *вовторыхъ* и т. д. Впрочемъ многіе предпочитаютъ начертаніе: *во-первыхъ*, *во-вторыхъ*, какъ болѣе наглядно выставляющее цыфру, которая служитъ къ обозначенію порядка.

Другія числительныя могутъ также служить къ составленію нарѣчій: *вдвое*, *вдвоемъ*, *вчетверомъ*; *заодно*; *вдвойнѣ*, *подвое*.

Мѣстоименія съ предлогами образуютъ, между прочимъ, слѣдующія реченія: *потому*, *посему*, *поэтому*, *почему*; *потомъ*; *притомъ*; *дотого*, *зато*, *затѣмъ*, *зачѣмъ*, *начто*, *оттого*, *отчего*.

Слитно пишутся эти слова, когда они служатъ союзами; но когда предлогъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и дополняетъ глаголъ, то онъ долженъ становиться отдѣльно, напр.: смотря *по тому*, присутствовать *при томъ*, дойти *до того*, платить *за то*, слѣдовать *за тѣмъ*, зависѣть *отъ того*. Слова *при этомъ* не составляютъ союза и не должны писаться слитно, какъ это въ послѣднее время иногда стало встрѣчаться въ печати: тутъ предлогъ *при* сохраняетъ свое самостоятельное значеніе, а въ этомъ случаѣ и слова *при томъ* пишутся отдѣльно. По той же причинѣ и реченіе *при чемъ* должно оставаться въ видѣ двухъ отдѣльныхъ словъ.

Нарѣчіе, какъ часть рѣчи неизмѣняемая, не можетъ подлежать управленію предлога и потому пишется съ нимъ слитно: *докуда*, *дотуда*, *доколѣ*, *досѣлѣ*, *дотолѣ*, *донынѣ*, *понынѣ*, *покуда*; *насколько*, *настолько*, *поскольку*, *поелику*, *послѣзавтра*.

Нарѣчія въ родѣ слѣдующихъ: *попеременно*, *поочередно*, *дословно*, *поголовно*, *повзводно* сюда не относятся: они образованы отъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ: *попеременный* и проч., и не могутъ считаться составными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ слова этой категоріи.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о другомъ разрядѣ нарѣчій, которыя образуются съ помощію предлога *по*, правильно отдѣ-

ляемаго отъ нихъ черточкою: *по-дружески*, *по-молодецки*, *по-стариковски*, *по-дѣтски*, *по-свойски*, *по-каковски*; *по-русски*; *по-французски*. Нѣкоторые пишутъ эти слова и слитно, но безъ надобности и къ напрасному обремененію словаря.

Есть и предлогъ, соединяющійся съ другимъ предлогомъ въ нарѣчіе: *напротивъ*.

Для образованія составныхъ реченій соединяются еще:

1) Числительныя то между собою, то съ существительными: *полтора* (т. е. полвтора), *двѣсти*, *триста*, *пятьсотъ*. Нѣтъ причины и въ косвенныхъ падежахъ не писать слитно: *двухсотъ*, *тремстамъ*. Слово *полъ* (половина) предъ другимъ существительнымъ слѣдуетъ отдѣлять отъ него черточкою: *полъ-груза*, *полъ-оборота*, *полъ-листа*: если бъ написать *поллиста*, то пришлось бы читать *польлиста*, такъ какъ при встрѣчѣ двухъ согласныхъ, изъ коихъ вторая тонкая, первая всегда уподобляется ей (*милліонъ*, *ранній*). Что *полъ* не соединяется тутъ въ одно слово съ существительнымъ, видно изъ косвенныхъ падежей: въ реченіяхъ *полу́-листа́*, *полу́-пути́* по два ударенія, чего не могло бы быть въ одномъ словѣ, ибо извѣстенъ коренной законъ русской просодіи, что въ каждомъ отдѣльномъ словѣ можетъ быть только одно удареніе.

2) Мѣстоименіе съ существительнымъ: *сейчасъ*, *сегодня*, *тотчасъ*.

3) Мѣстоименіе или нарѣчіе съ союзомъ: *тоже* (нарѣч.), *однакоже*, *ужели*, *также* (но раздѣльно, когда выражается сравненіе, напр. *такъ же скоро; такъ же, какъ*).

Въ другихъ случаяхъ частица *же*, *жъ* пишется отдѣльно: *кого же*, *что жъ*, *тотъ же*, *та же*, *то же* (мѣстоим.); отдѣльно же пишутся частицы *ли*, *ль*, *бы*, *бъ*: *та ли*, *если бы*, *если бъ*, *ежели бы*, за исключеніемъ словъ *ужели*, *чтобы* (союзъ). Но когда *что* остается мѣстоименіемъ, то оно отдѣляется отъ *бы*: *что бы* предпринять? *что бы ни* говорили. Соединеніе частицъ *либо*, *нибудь*, *таки* съ предыдущимъ словомъ означается черточкою: *кто-либо*, *что-нибудь*, *все-таки*. Составной союзъ *итакъ* (фр. donc,

ainsi) для отличія отъ случая, когда *и* сохраняетъ значеніе отдѣльнаго союза, пишется слитно.

4) Два нарѣчія, составляющія по смыслу одно, обыкновенно соединяются между собой черточкою: *мало-мальски, давнымъ-давно, ранымъ-рано, просто-напросто.*

Такимъ же образомъ обозначается соотношеніе двухъ предлоговъ, изъ которыхъ управленіе остается за первымъ: *изъ-за* границы, *изъ-подъ* стола.

Иногда составное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ три слова, которыя и пишутся слитно: *сызнова, сыздѣтства, снаружи, наизусть, наискось, насупротивъ, наврядъ, вполсыта, вполпути, сполагоря, исподволь.* Впрочемъ, собственно говоря, тутъ соединеніе образуютъ только два члена, изъ которыхъ одинъ сложный; такимъ бываетъ большею частью второй членъ.

Въ заключеніе нелишнимъ считаю разсмотрѣть, когда частица *не* должна писаться отдѣльно и когда слитно.

Отрицаніе *не* пишется у насъ, по большей части, безъ всякой послѣдовательности, то слитно, то раздѣльно. Для избѣжанія этой неопредѣленности нѣкоторые приняли за правило никогда не отдѣлять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова, забывая, что въ слѣдствіе того каждое такое слово пришлось бы вносить въ словарь два раза, въ положительной и въ отрицательной формѣ.

Съ прилагательными частица *не* вообще пишется слитно, напр. *неловкій, недавній, нестрашный, невѣрный, невольный.* Однакожъ тутъ возможенъ и другой случай. Если отрицается не самое прилагательное, а подразумѣваемый въ сказуемомъ глаголъ, то частица *не* должна писаться раздѣльно, напр. въ предложеніи: «это обстоятельство мнѣ *не* извѣстно», т. е. не есть извѣстно[1].

Есть разница между выраженіями: случай *не обыкновенный* и случай *необыкновенный*, зависящая отъ того, отрицается ли только положительное качество, или придается качество отрица-

[1] Эту разницу нагляднѣе представляютъ тѣ языки, гдѣ слитное отрицаніе получаетъ особенную форму, напр. въ нѣм. un, misz, во франц. in, dé, dés. Такъ, очень легко понять различіе между фразами: il m'est désagréable и—il ne m'est pas agréable.

тельное. Сходно съ этимъ и нарѣчія могутъ писаться то слитно, то раздѣльно съ частицею *не*. Напр.: это *не* хорошо (т. е. не есть хорошо) слабѣе нежели: это *нехорошо* (есть нехорошо). Онъ *немного* (т. е. немножко) работаетъ — не одно и то же, что: онъ *не много* работаетъ.

Присоединеніе къ отрицательному прилагательному дополнительнаго отрицанія требуетъ отдѣленія частицы *не*. Напр. *недовольный* пишется слитно; но если присоединить *ничѣмъ*, то должно написать: *не довольный*. Такимъ же образомъ слѣдуетъ писать: *никому не опасный* и т. п. Отрицаніе, вошедши въ составъ слова, не можетъ требовать въ дополненіе себѣ другого отрицанія.

Когда отрицанію соотвѣтствуетъ въ другомъ предложеніи противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться, напр. онъ былъ *не* боленъ, а разстроенъ духомъ; *не* богатъ, но честенъ; они слабы, а *не* добры. Поэтому и реченіе *не только*, которому соотвѣтствуетъ *но и*, должно писаться раздѣльно.

Передъ глаголомъ частица *не* составляетъ, вообще говоря, отдѣльное отрицаніе: *не знать, не хожу, не видитъ*. Слѣдовательно, то же относится и къ причастію: человѣкъ, *не любящій* ссоръ; ничего *не видящій*; *не любимый* товарищами. Причастіе сохраняетъ свой характеръ всякій разъ, когда съ словомъ соединяется понятіе времени, или когда при глаголѣ есть дополненіе положительное или отрицательное. Но когда причастіе обращается въ прилагательное, и означаемое имъ качество безусловно отрицается, то *не* пишется слитно: человѣкъ *нелюбящій, нелюбимый, независимый, несвѣдущій, неумолимый*.

Съ глаголомъ отрицаніе *не* можетъ составлять одно слово только тогда, когда онъ образованъ съ помощью этой частицы и безъ нея не употребителенъ: *ненавидѣть, негодовать, нельзя* [1].

Реченіе *не смотря, не взирая* часто пишутся слитно, но несправедливо, потому что входящіе въ составъ ихъ глаголы сохра-

[1] Собственно говоря, *нельзя* конечно не глаголъ, но представляетъ эту часть рѣчи въ слѣдствіе опущенія глагола *есть*. То же можно сказать о словахъ: *не должно, не видно* и т. д.

няютъ свое отличительное свойство и требуютъ дополненія, которое можетъ стоять и въ отрицательной формѣ: *не смотря ни* на какія препятствія.

Не входитъ въ составъ многихъ существительныхъ: *ненависть, негодованіе, невѣрность, непокорность, невѣжда, неряха, нетель, недругъ, несчастіе, немилость*; случаи, въ которыхъ отрицаніе пишется отдѣльно отъ имени, не требуютъ, кажется, особаго поясненія.

Въ реченіи *не что иное* (= не иное что) невѣрно пишутъ *ничто*. При этомъ послѣднемъ словѣ отрицаніе должно бы повториться передъ глаголомъ, и слѣдовало бы писать, напр.: это *не* было *ничто* иное, вм. это было *не что* иное.

Что касается, частицы *ни*, то она всегда пишется слитно въ словахъ: *никто*, *ничто*, *никакой*, *нигдѣ*, *никуда*, *никогда*, *нисколько*, какъ составляющихъ отдѣльныя понятія, въ нѣкоторыхъ языкахъ выражаемыя даже особыми словами, но остается по большей части не соединенною въ другихъ случаяхъ, напр. *ни одинъ*, *ни который*, *ни мало*, *ни откуда*.

О надстрочныхъ и строчныхъ знакахъ.

Знаки ударенія въ наше время употребляются рѣдко, и мы безъ нихъ очень хорошо обходимся. Впрочемъ намъ совершенно достаточно одного знака (остраго ́), такъ какъ наше удареніе всегда одинаково, и вовсе не нужно, какъ обыкновенно дѣлается, ставить въ концѣ слова на гласной другое (тяжелое ̀) удареніе; напр. пишутъ: *сло́ва* и *слова̀*. Въ этой практикѣ нельзя не видѣть остатка рабскаго подчиненія нашей грамматики правиламъ древнихъ языковъ: въ греческомъ знакъ тяжелаго акцента ставится вмѣсто остраго во всѣхъ словахъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Къ соединительнымъ черточкамъ также не для чего прибѣгать безъ особенной надобности, сознаніе которой предоставляется усмотрѣнію каждаго [1]. Гораздо важнѣе знаки препинанія. Извѣст-

[1] Особенное значеніе такимъ черточкамъ придавалъ Тредьяковскій: см. Пекарскаго *Ист. Ак. наукъ*, II, 177.

но, что до послѣдняго времени у насъ въ употребленіи запятыхъ всѣми принята была система, основанная на теоріи разграниченія придаточныхъ предложеній. Недавно нѣкоторые стали отступать отъ старой въ этомъ отношеніи привычки и почти вовсе не отдѣлять знаками дополнительныхъ, опредѣлительныхъ и обстоятельственныхъ предложеній. Примѣръ тому поданъ былъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей*, вообще отличающейся сознательною правильностью языка и разумнымъ правописаніемъ. Надобно согласиться, что такое сокращеніе знаковъ препинанія, очень удобное въ типографскомъ отношеніи, особенно для ежедневной газеты, оправдывается и логическими основаніями, почему оно давно уже введено въ бóльшей части европейскихъ языковъ, по примѣру Французовъ и Англичанъ (у Нѣмцевъ оно до сихъ поръ не сдѣлалось общимъ). Но что касается русскаго письма, то къ нему эта система пунктуаціи не совсѣмъ примѣнима, потому что наша конструкція допускаетъ большую свободу въ размѣщеніи словъ, тогда какъ французская и англійская придерживаются прямого словорасположенія. Такимъ образомъ, у насъ отдѣленіе запятыми придаточныхъ предложеній много способствуетъ къ ясности смысла. Къ тому же, и съ педагогической точки зрѣнія, старая наша пунктуація имѣетъ большое преимущество, облегчая въ значительной степени ученіе о предложеніяхъ, тогда какъ новая отнимаетъ у преподавателя одно изъ важнѣйшихъ пособій къ уясненію состава періодической рѣчи.

Съ другой стороны однакожъ и излишество запятыхъ затрудняетъ чтеніе, и потому по крайней мѣрѣ въ составѣ придаточнаго предложенія не слѣдуетъ означать на письмѣ всѣхъ тонкихъ разграниченій его.

Къ числу строчныхъ знаковъ принадлежатъ кавычки или вносные знаки. Употребительный у насъ знакъ « » недостаточенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ цитату вставляются еще слова, которыя требуютъ подобнаго же знака. Поэтому хорошо было бы ввести у насъ въ употребленіе, кромѣ двойной кавычки, еще и одинакую, принятую въ англійской печати ‹ ›.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I (къ стр. 235).

По поводу толковъ о правописаніи[1].

Было время, когда у насъ не существовало гражданской азбуки: ее ввелъ и отчасти самъ составилъ Петръ Великій. Составленіе ея было слѣдствіемъ новой потребности и первымъ шагомъ къ созданію новаго, то-есть *русскаго* письменнаго языка, который долженъ былъ мало по малу вытѣснить изъ литературы языкъ церковно-славянскій; вмѣстѣ съ тѣмъ это было первымъ отступленіемъ отъ преданій кирилловскаго письма.

Гражданская наша грамота установилась не вдругъ. Нѣкоторыя буквы славянской азбуки, не тронутыя Петромъ I, были исключены изъ нея впослѣдствіи. Нѣсколько разъ составъ гражданской азбуки измѣнялся: однѣ буквы были изгоняемы, другія прибавлялись. Такимъ образомъ теперешняя наша азбука составлялась постепенно, и кое-что вошло въ нее послѣ первоначальнаго преобразованія, по мѣрѣ потребности и успѣховъ времени. Теперь вопросъ въ томъ: считать ли сдѣланное доселѣ совершенно законченнымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ, или требующимъ нѣкоторыхъ усовершенствованій, — измѣненій, а можетъ-быть и дополненій?

Попытки нововведеній въ нашемъ правописаніи, повторяю-

[1] *Совр. Лѣт.* 1862, № 28. Для избѣжанія повтореній, печатается здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

щіяся отъ времени до времени, доказываютъ, что есть дѣйствительная потребность въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

Но затѣмъ спрашивается: должны ли эти измѣненія коснуться цѣлой системы нашего правописанія, или ограничиться нѣкоторыми частностями?

Господствующій характеръ системы русскаго правописанія состоитъ въ соблюденіи словопроизводства: въ этомъ отношеніи наше правописаніе отличается большою правильностію и послѣдовательностію, такъ что можно указать только на частныя отступленія отъ этого начала (напримѣръ: *здѣсь* вмѣсто *сдесь*, *гдѣ* вмѣсто *кде*). Въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны языки образованнѣйшихъ націй Европы далеко уступаютъ нашему, и нѣтъ ни основанія, ни надобности измѣнять коренныя начала нашего правописанія. Притомъ, опытъ другихъ литературъ уже показалъ, что крутыя преобразованія орфографіи никогда не удаются, даже и тогда, когда предлагаются людьми, пользующимися большимъ авторитетомъ. Поэтому Яковъ Гриммъ въ своемъ *Словарѣ* не рѣшился осуществить всѣхъ нужныхъ по его мнѣнію орфографическихъ нововведеній, чтобы не отбить читателей. Такъ и профессоръ Лео, который долго печаталъ свою очень извѣстную *Исторію* съ особеннымъ правописаніемъ, долженъ былъ (какъ самъ онъ говорилъ намъ) напослѣдокъ отказаться отъ него по просьбѣ книгопродавцевъ, находившихъ, что эти особенности вредятъ сбыту книги.

Совсѣмъ другое — немногія частныя измѣненія въ письмѣ, польза которыхъ можетъ быть всѣми понята и почувствована.

Тѣ, которые въ этомъ дѣлѣ придаютъ безусловный вѣсъ историческому началу, ссылаясь на происхожденіе кириллицы, забываютъ, что мы уже болѣе полутора вѣка тому назадъ измѣнили ей, и что теперь дѣло идетъ только о довершеніи реформы, начавшейся еще въ 1704 году.

Дѣйствительно, если уже въ первое время гражданскаго письма исключены были изъ азбуки нѣкоторыя лишнія буквы, почему то же самое не можетъ быть сдѣлано и теперь, ежели ока-

жется, что первые преобразователи исключили еще не всѣ лишнія буквы кириллицы?

Лишними *могутъ* казаться слѣдующія буквы: Ѣ, Э, И, Ѳ, Ъ: которыя же изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ лишнія?

Буква Ѣ въ нынѣшнемъ великорусскомъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ Е. Если бъ было иначе, то всякій Русскій по слуху узнавалъ бы безошибочно, гдѣ должно писаться Ѣ. Нѣкоторые думаютъ, что разница есть, но только самая утонченная, неуловимая. Если бъ и было такъ, то разница этого рода, при безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ въ говорѣ людей одной и той же націи, равнялась бы совершенному безразличію. Сравните, для примѣра, слова: *лѣнь* и *олень*, *ѣли* и *ели*, *ѣсть* и *есть*. Слѣдовательно неоспоримо, что у насъ для одного и того же звука употребляются двѣ разныя буквы. Но здѣсь является вопросъ: какая же тому причина? Если случайная, основанная на произволѣ, то такая двойственность не должна быть терпима; но если причина разумная, то и явленіе, въ слѣдствіе ея происшедшее, должно быть уважено, особенно если оно и теперь имѣетъ свой смыслъ и свою пользу. Нѣкогда буква Ѣ конечно отличалась особеннымъ произношеніемъ; какъ именно она выговаривалась, объ этомъ мнѣнія различны; но у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ нашей буквѣ Ѣ въ большей части словъ, гдѣ она встрѣчается, соотвѣтствуетъ особенный звукъ, напримѣръ въ польскомъ языкѣ ia (bialy, wiara, бѣлый, вѣра[1]), въ чешскомъ долгое î или ě (почти

---

[1] Г. Кеневичъ въ своемъ возраженіи приводитъ множество польскихъ словъ, въ которыхъ нашей буквѣ Ѣ соотвѣтствуетъ не ia, а другіе звуки; показываетъ, что иногда и русское Е переходитъ въ ia (dziarzki, ziarno, wiadro), что наконецъ и польскій звукъ ie не соотвѣтствуетъ русскому Ѣ. «Изъ приведенныхъ фактовъ, заключаетъ онъ, видно, что въ настоящее время одинъ и тотъ же польскій звукъ передается въ русскомъ языкѣ двумя начертаніями одного и того же звука, и наоборотъ русской буквѣ Ѣ соотвѣтствуетъ въ польскомъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ звуковъ». Такимъ образомъ г. Кеневичъ не признаетъ, чтобы б. Ѣ служила постояннымъ отличіемъ извѣстныхъ корней. Далѣе онъ выражаетъ мысль, что какъ скоро первоначальное произношеніе буквы Ѣ было забыто, то писцы стали сбиваться въ употребленіи ея и впали въ непослѣдовательность. Совершившееся давно уничтоженіе

наше йэ), а въ малорусскомъ нарѣчіи — И (напримѣръ вм. *снѣгъ* — *снигъ*, вм. *бѣсъ* — *бисъ*). Такимъ образомъ Ѣ составляетъ исконную принадлежность многихъ корней языка и служитъ отличіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ подобозвучныхъ съ буквою Е, напримѣръ *вѣд* (*вѣдать*) отъ *вед* (*веду*), *мѣт* (*мѣтить*) отъ *мет* (*метать*). Такъ же точно Ѣ помогаетъ болѣе ясному различенію производныхъ словъ и формъ, каковы напримѣръ слова: *свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*. Но, возражаютъ многіе, цѣль уяснять правописаніемъ значеніе словъ не оправдываетъ существованія двухъ буквъ для одного и того же звука; значеніе слова каждый разъ видно изъ связи всей рѣчи. Нельзя однакожъ не согласиться, что чѣмъ менѣе будетъ случаевъ возможнаго смѣшенія понятій въ письменномъ изображеніи словъ, тѣмъ письмо будетъ совершеннѣе. Для избѣжанія такого смѣшенія служитъ часто и употребленіе буквы Ѣ въ окончаніяхъ словъ. Такъ отличаются напримѣръ формы: *искреннее* и *искреннѣе*, *свѣжее* и *свѣжѣе*, *синее* и *синѣе*, въ *поле* и въ *полѣ*. Словомъ, каждая изъ обѣихъ буквъ имѣетъ свое назначеніе и свои законы. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ. Припомню только, что Ѣ рѣдко подвергается измѣненію при переходахъ слова изъ одной формы въ другую[1], тогда какъ Е есть по большей части вста-

юсовъ даетъ ему новое оружіе противъ Ѣ и служитъ поводомъ утверждать, что желающіе сохраненія этой буквы должны стараться и о возстановленіи *юсовъ*. Объ этомъ было говорено и въ орфографическихъ собраніяхъ; но дѣло въ томъ, что *юсы* были оставлены прежде нежели грамматика могла вступиться за нихъ, и что возстановить потерянное гораздо труднѣе, чѣмъ сберечь то, что еще имѣется. Авторъ, какъ и многіе другіе, отвергаетъ надобность отличать на письмѣ слова разныхъ значеній, утверждая, что для различенія ихъ достаточно положенія въ фразѣ. Однакожъ понятно, что чѣмъ чаще будетъ встрѣчаться такое смѣшеніе словъ на письмѣ, тѣмъ грамота будетъ менѣе ясна и удовлетворительна. Что было бы напримѣръ съ французскимъ письмомъ, если бъ, при изобиліи въ языкѣ омонимовъ, они писались одинаково, если бъ напр. *san* означало и *сто*, и *чувство* и *кровь*, и предлогъ *безъ*?

[1] Есть нѣсколько случаевъ перехода буквы Ѣ въ И, съ которою она въ явномъ родствѣ, и наоборотъ: *дитя*, *дѣти*; *лѣпить*, *липнуть*; *тѣснить*, *тискать*; *вѣсить*, *висѣть*; *сѣверъ*, *сиверко*. Такимъ же образомъ Ѣ въ родствѣ и съ Я (*ѣсть*-*яство*, *сѣсть*-*сяду*).

вочная, бѣглая, легко выпадающая или измѣняющаяся буква. Въ окончаніяхъ именъ Е служитъ для прямой формы единств. числа *(море, здоровье, доброе)* именъ ср. рода; Ѣ для косвенныхъ падежей един. числа *(водѣ, въ морѣ)* и для прямой формы множественнаго въ мѣстоименіяхъ *(тѣ, всѣ)*. Для нашей цѣли достаточно вывода, что Ѣ имѣетъ въ языкѣ не только историческое значеніе, но и свой смыслъ, свою разумную цѣль. Эта буква всякій разъ обозначаетъ, такъ сказать, особенную натуру слога. Хотѣть изгнать ее значитъ посягать вообще на начало словопроизводства въ русской орфографіи и вводить систему правописанія, основывающуюся на одномъ выговорѣ. Но эта система вовсе не примѣнима къ русскому языку по причинамъ, которыхъ объясненіе здѣсь повело бы насъ слишкомъ далеко; введеніе ея у насъ никогда не могло бы имѣть успѣха. Главный доводъ противъ буквы Ѣ заключается въ томъ, что она затрудняетъ изученіе письма, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыя слова она вошла неправильно, и наоборотъ, иногда мы ея не пишемъ тамъ, гдѣ бы ей слѣдовало быть. Но подобныя затрудненія и частныя непослѣдовательности правописанія встрѣчаются во всѣхъ языкахъ. Первыя побѣждаются навыкомъ, а изъ-за послѣднихъ нѣтъ причины касаться несравненно бóльшаго числа случаевъ, гдѣ особенность правописанія раціональна.

Буква Э (къ названію которой вовсе не нужно прибавлять эпитета *оборотное*, если другую называть какъ слѣдуетъ, то-есть **йе**), буква Э не можетъ считаться излишнею, ибо выражаетъ отдѣльный звукъ, дѣйствительно существующій въ языкѣ. Нужды нѣтъ, что число собственныхъ нашихъ словъ, гдѣ она встрѣчается, не велико: надобность буквы не можетъ измѣряться количествомъ случаевъ, въ которыхъ звукъ ея слышится. Та же буква Э находится въ множествѣ перешедшихъ къ намъ иностранныхъ словъ, совершенно уже слившихся съ нашимъ языкомъ (напр. *эпоха, эхо, элементъ* и проч.). У насъ есть другая буква, которая не попадается ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ: это Ф; ужели же мы за то изгонимъ ее?

Для звука I мы опять находимъ у себя двѣ буквы. Различное употребленіе ихъ совершенно условно, и безъ одной изъ нихъ можно бы очень хорошо обойтись. Разумѣется, мы предпочтительно сохранили бы ту, которая принадлежитъ намъ обще съ другими европейскими народами. Такъ въ началѣ поступилъ и Петръ Великій. По какимъ соображеніямъ онъ опять ввелъ И рядомъ съ I, мы не знаемъ положительно; вѣроятно, однакожъ, онъ при этомъ руководствовался мыслію, что такъ какъ звукъ I безпрестанно встрѣчается въ нашемъ языкѣ, то слишкомъ часто повторяющаяся надстрочная точка придавала бы печати несовсѣмъ пріятную пестроту, а въ скорописи задерживала бы письмо. Особенно два I сряду въ окончаніи словъ должны были казаться неудобными. Красота письма очень принималась въ разчетъ преобразователями нашей азбуки. Не даромъ и Тредьяковскій, восхищаясь круглыми, четкими буквами первопечатныхъ русскихъ книгъ, отказывался отъ Э и З потому только, что находилъ ихъ некрасивыми. Но вкусы различны, и онъ же, вопреки Петру Великому, опять исключилъ И, удерживая только Й. Такъ мнѣніе нашихъ стариковъ колебалось относительно И, да и теперь нельзя не согласиться, что ежели есть причины выбросить эту лишнюю букву, то есть съ другой стороны и доводы къ сохраненію ея. Скоропись тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе въ ней надстрочныхъ знаковъ: едва ли не легче и не скорѣе можно начертить двѣ палочки, чѣмъ одну съ точкою надъ ней[1]. Да и печать, кажется, выиграетъ въ ясности и благообразіи (послѣдняго начала и теперь нельзя же вполнѣ выпускать изъ виду), если по крайней мѣрѣ подъ *краткой* сохранить старинное И. Другихъ основаній для удержанія его нѣтъ. Могутъ замѣтить, что во многихъ словахъ, взятыхъ съ греческаго, оно играетъ роль буквы *эты* (η), изъ которой и составлено, и въ такихъ словахъ должно быть сохранено. Однакожъ, какая въ томъ бѣда, что мы будемъ изображать

[1] Можно бы писать і безъ точки, какъ дѣлали древніе Греки; но въ скорописи такое ı слишкомъ мало выдавалось бы между другими буквами, въ составъ которыхъ входитъ одинаковое начертаніе.

звукъ другою соотвѣтствующею ему буквой въ словахъ, не принадлежащихъ нашему языку? Тутъ нѣтъ разницы въ выговорѣ и нѣтъ надобности отмѣчать происхожденіе чуждаго намъ слова. Это не то, что буква Ѣ, которая важна именно потому, что отличаетъ наши собственные корни и окончанія. Вѣдь ужъ мы замѣнили *ижицу* буквой И, напримѣръ въ именахъ: лира, типъ, ритмъ; такъ точно и вмѣсто И можно бы ввести I даже и въ такихъ греческихъ словахъ, какъ риторъ, скипетръ и проч.

Еще менѣе можно стоять за *ѳиту*, которая служитъ только для передачи греческой ϑ. Добро бы еще, если бъ этотъ чуждый звукъ всегда переходилъ къ намъ одинакимъ образомъ. Мы говоримъ и пишемъ: *театръ*, *математика*, вмѣсто *ѳеатръ*, *маѳематика*, и ничѣмъ не отличаемъ первое фальшивое Т отъ второго настоящаго. За что же фальшивый звукъ Ф будетъ въ одинаковыхъ случаяхъ пользоваться привилегіей особаго знака? Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать: *Мефодій*, точно такъ, какъ давно уже пишемъ: *Кириллъ* вмѣсто Кѵриллъ; *Ф*едоръ, *Ф*едотъ и Ага*ф*ья ничѣмъ не хуже К*и*пріана, Акиндина и Ол*и*мпіады. Греческую υ мы изображаемъ то какъ И (напримѣръ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ), то какъ В (напримѣръ въ словѣ *евангеліе*), смотря по произношенію; почему же не можемъ изображать и греческую ϑ то какъ Т, то какъ Ф, по требованію выговора?

Остается разсмотрѣть букву Ъ. Говорятъ, что она не буква, потому что сама по себѣ не выражаетъ никакого звука. Положимъ, что Ъ и Ь не буквы, а только знаки, принятые въ азбуку, но и знаки законны, если они нужны.

Нужны ли Ъ и Ь?

Въ древнемъ языкѣ, который перешелъ въ нашу церковную литературу, согласныя буквы не могли сами собою заканчивать сло́ва и требовали поддержки гласной, которая могла быть твердою или мягкою и выражалась начертаніемъ *ера* или *еря*. Это видно изъ древнѣйшихъ крюковыхъ нотъ, гдѣ Ъ и Ь въ концѣ слова всегда составляютъ особый слогъ. Эти гласныя не совсѣмъ

опредѣленнаго для насъ звука и очень краткаго протяженія (почему онѣ и названы были полугласными) долго употреблялись и въ серединѣ многихъ словъ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ О и Е, напримѣръ въ словахъ *плъть* (плоть), *вьртьпъ* (вертепъ). Между тѣмъ онѣ и въ концѣ словъ давно утратили свое первоначальное значеніе, и начертанія ихъ остались только знаками дебелаго или тонкаго произношенія согласныхъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя ли обойтись безъ того изъ нихъ, который и въ серединѣ словъ безпрестанно опускается? Такъ мы пишемъ: *полка, долго* безъ Ъ послѣ Л, и только умягченіе этой согласной отмѣчаемъ особеннымъ знакомъ, напримѣръ въ словахъ *польза, только.* Очень легко было бы согласиться принять за правило, что когда и на концѣ слова нѣтъ знака послѣ согласной, то она произносится твердо. При сліяніи двухъ словъ въ одно, и теперь уже Ъ выпускается послѣ перваго, не только передъ согласными, но и передъ гласными, когда правильность выговора отъ этого не страдаетъ, всѣ пишутъ: *радуемся*, а не радуемъся, *разумъ*, а не разъумъ. Напротивъ Ь, при соединеніи словъ, почти всегда сохраняется; напримѣръ въ словахъ: *радоваться*, ты *гордишься.* Въ этомъ различіи уже выразилось сознаніе въ необходимости ограничивать употребленіе обоихъ знаковъ дѣйствительною потребностью. Лѣтъ 25 тому назадъ сдѣланъ новый шагъ къ сокращенію *ера* въ предлогахъ, составляющихъ съ существительнымъ или мѣстоименіемъ какъ бы нарѣчіе. *Отечественныя Записки* стали писать, напримѣръ, *оттого, вслѣдствіе, впослѣдствіи;* тотъ же журналъ принялъ орфографію: *пол-листа, генерал-маіоръ* и т. п. Эти нововведенія, сначала казавшіяся странными, скоро нашли однакожъ множество послѣдователей. Да уже и прежде писали: *кстати, вверху, слишкомъ* и т. п. Точно такъ не было бы и теперь невозможнымъ пойти еще далѣе и исключить Ъ въ концѣ словъ. Этимъ мы сберегли бы много времени, мѣста, а при печатаніи — и денегъ, безъ всякаго ущерба полнотѣ и ясности изображенія словъ на письмѣ. Отсюда однакожъ не слѣдуетъ, чтобы должно было совсѣмъ исключить Ъ изъ азбуки.

Онъ удержалъ бы свое мѣсто въ предложныхъ словахъ передъ буквами Е, Ѣ, Я, Ю, напримѣръ: *съемка*, *отъѣздъ*, *объятіе*. Вмѣсто прісканія другого раздѣлительнаго знака для подобныхъ случаевъ, не лучше ли удержать старый, который переданъ намъ исторіей и будетъ жить въ тысячахъ уже напечатанныхъ книгъ? Во всѣхъ прочихъ случаяхъ сложенія предлоговъ съ другими словами Ъ совершенно излишенъ, и непонятно, почему многіе считаютъ нужнымъ писать: *съумѣть*, *съузить*, *отъучить*, когда они же пишутъ: *сумасшедтій* (не съумасшедшій), *обучать* и т. д. Когда въ такомъ случаѣ Ъ встрѣчается съ И, то слѣдуетъ писать просто Ы, такъ какъ самое названіе этой буквы показываетъ ея составъ изъ Ъ и И. Зачѣмъ же употреблять два знака, когда есть замѣняющій ихъ одинъ? Всѣ уже пишутъ *взыскать*, *обыскъ*: почему же не писать такимъ же образомъ *сыграть*, *безыменный*, *предыдущій?* Встрѣча Ъ съ И наводитъ меня на другой случай, который въ глазахъ многихъ можетъ помѣшать безусловному опущенію *ера* и въ концѣ словъ. Случай этотъ представляется намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ стиховъ басни Крылова «Стрекоза и Муравей»:

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ?

Не потерпитъ ли правильность произношенія послѣдняго стиха отъ опущенія *еровъ* передъ И? Отсутствіе Ъ послѣ согласной позволяетъ сливать ее съ послѣдующимъ И въ мягкій звукъ: *готов-и стол-и домъ*. То же можетъ случиться и при отдѣльно-стоящихъ предлогахъ, напримѣръ, когда *въ* и *съ* находятся передъ именемъ, начинающимся съ И (*въ иномъ*, *съ иломъ*). Итакъ можно ли писать: *в иномъ*, *с иломъ*, или при подобныхъ встрѣчахъ должно удерживать Ъ въ предлогахъ и въ концѣ словъ? Кажется, приведенный случай не долженъ служить препятствіемъ къ опущенію Ъ въ концѣ словъ и въ предлогахъ, если принять за правило, что каждое слово составляетъ отдѣльное цѣлое и тѣмъ самымъ уже ограждено отъ слiянія съ послѣдующимъ.

Съ исключеніемъ *виты* не полезно ли было бы дополнить нашу азбуку какою-нибудь другою буквой? Много разъ, и еще недавно[1], было говорено о недостаткѣ у насъ особаго знака для одного изъ звуковъ нынѣшней буквы Г, именно для звука, слышимаго въ словахъ: *благо*, *Господь*, *Богу*, *богатый*. Такой знакъ, говорятъ, былъ бы намъ особенно нуженъ для передачи h въ иностранныхъ именахъ, напримѣръ въ Halle, Heine, Hegel. При нынѣшнемъ употребленіи въ такихъ случаяхъ буквы Г, никогда нельзя узнать настоящаго имени, если оно уже напередъ не извѣстно, или если не стоитъ въ скобкахъ подлинное иностранное начертаніе его. Писать въ такихъ именахъ, какъ недавно предлагалось, *Хамбургъ*, *Хорацій*, *Бетховенъ*, было бы также не совсѣмъ вѣрно, потому что Х соотвѣтствуетъ германскому ch, совершенно отличному отъ придыханія h. Тредьяковскій предлагалъ, для означенія этого звука, нѣсколько измѣнить очертаніе Г. Палласъ, при изданіи «Сравнительныхъ словарей» Екатерины II, ввелъ для той же цѣли Г съ подстрочнымъ хвостикомъ (cédille Испанцевъ и Французовъ). Но на введеніи этого или подобнаго знака все-таки нельзя слишкомъ настаивать[2], потому что есть и другіе чужеязычные звуки, для передачи которыхъ мы не имѣемъ способовъ. Таково напримѣръ германское Ö или французское Eu, особливо въ началѣ словъ (Öhmann, Eugène). Конечно, мы не можемъ не соболѣзновать, что такимъ образомъ напримѣръ присваиваемъ жителямъ острова *Эзеля* (Ösel) имя, которое носить никому не лестно (Esel, оселъ), но подобное неудобство въ передачѣ именъ другихъ націй раздѣляютъ съ нами многіе и даже вѣроятно всѣ языки. Такъ Нѣмцы превращаютъ наше Ж въ Ш (Schukoffski), а французы Щ въ Ш или въ Ч (Cherbatoff, Tcherbatoff) и т. п.

---

[1] См. *Спб. Вѣд.* 1862, № 89.

[2] Кажется, дѣло звука h невозвратно проиграно въ русскомъ языкѣ: ибо съ давнихъ поръ уже онъ въ однихъ словахъ отвердѣлъ въ наше обыкновенное г (Голландія, госпиталь, гусаръ); въ другихъ совсѣмъ выпалъ (исторія. Ираклъ), въ третьихъ составилъ съ послѣдующею гласною звукъ е (Елена).

Для образца здѣсь помѣщаются первыя строки *Капитанской Дочки,* напечатанныя безъ Ъ въ концѣ словъ. «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графѣ Минихѣ и вышел в отставку премьермаіором в 17** году, с тѣх пор жил он в свой симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина».

Такое письмо на первыхъ порахъ конечно показалось бы дикимъ. Но сознаемся, что противъ него можно замѣтить только одно: мы не видимъ въ немъ того, къ чему нашъ глазъ привыкъ, но что мы сами находимъ лишнимъ. Отбросивъ Ъ въ концѣ словъ, мы бы освободили и себя отъ лишняго труда, и самое письмо отъ обремененія безполезными знаками.

Кто не допускаетъ въ письмѣ сокращеній для скорости? Какъ же не хотѣть допустить такого, которое не только не затемняетъ смысла но и вообще не влечетъ за собою ни малѣйшаго неудобства, потому что рѣчь идетъ не о представителѣ звука, а о мертвой буквѣ, лишенной звукового значенія. Сербы, усвоивъ себѣ нашу гражданскую азбуку, не приняли однакожъ *еровъ* и читаютъ напримѣръ *под владом турском* безъ всякаго затрудненія. Прибавлю, что А. Х. Востоковъ и И. И. Срезневскій, которымъ я сообщалъ эти замѣчанія, вполнѣ согласны со мною во взглядѣ на излишество буквы Ъ въ концѣ словъ.

II (къ стр. 234).

Изъ статьи: «Орфографическая распря»[1].

. . . .

Президентъ. Мы уклонились бы отъ порядка, въ какомъ должны происходить наши совѣщанія, еслибъ прямо начали съ алфавита. Въ прошлое засѣданіе вопросъ объ общихъ основаніяхъ нашего правописанія остался нерѣшонымъ, и потому неугодно ли будетъ собранію приступить теперь къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ ли произвесть *коренное* преобразованіе въ нашей ортографіи, или ограничиться только *второстепенными* вопросами?

Г. К-въ положительно объявляетъ, что коренное преобразованіе въ нашей ортографіи уже потому невозможно, что языкъ нашъ еще не установился (Странно!)

Г. С-ій. Прежде всего слѣдовало бы кажется обсудить: что надобно разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ и что подъ второстепеннымъ?

Кто-то. Очень просто: коренная реформа будетъ та, которая заставитъ насъ учиться писать сызнова. Напримѣръ когда правописаніе будетъ сближено съ выговоромъ.

Другой кто-то. Мнѣ кажется напротивъ, грамматика должна установлять выговоръ.

Г. М-нъ, которому тоже ужасно нехочется коренной реформы, принимается доказывать, что во всемъ на свѣтѣ, то-есть рѣшительно во всемъ, даже въ установленіи правописанія, *должна быть постепенность.* Онъ начинаетъ издалека, рѣчь его тянется, тянется... Присутствующіе переглядываются, являются улыбки; споръ, начатый шопотомъ, становится громче, громче. Звонокъ.

---

[1] *Время* 1862, № 3 (т. VIII). Чтобы отнять у этого отрывка всякій оттѣнокъ личнаго характера, считаемъ нужнымъ означать имена участвовавшихъ въ преніяхъ сокращенно. Сохраняемъ правописаніе и пунктуацію автора статьи, который подписался: К. Су—въ.

Г. С-въ. Ужь если дѣлать въ нашей ортографіи измѣненія, такъ ужъ лучше бы всего по-моему преобразовать ее вполнѣ: полумѣры ни къ чему не поведутъ.

Кто-то замѣтилъ, что выраженіе «полумѣры» употребляется говоря только о важныхъ реформахъ, а не о такихъ пустякахъ, какъ наше правописаніе.

Г. К-ій. Мы живемъ въ эпоху коренныхъ преобразованій; крестьянскій вопросъ напримѣръ совершенно долженъ преобразовать наше общество. Поэтому мнѣ кажется и реформа въ правописаніи должна быть коренная.

— Но ежели эта реформа не дастъ никакихъ результатовъ, всѣми принята небудетъ?

— Поддержку мы всегда найдемъ, поддержка будетъ!

Кто-то. Кчему ломать все? Всего ломать ненужно. Кчему непремѣнно *коренная* реформа? Лучше начать со второстепенныхъ вопросовъ, а потомъ отъ мелочей мы доберемся и до главнаго, до полной реформы.

Г. М-нъ. Да, да, совершенно справедливо, во всемъ нужна постепенность. Ныньче будутъ сдѣланы одни измѣненія, черезъ десять лѣтъ другія, а ужъ тамъ и пойдетъ.

Кто-то (кажется г. Кл.). Ежели предпринято будетъ коренное преобразованіе нашей ортографіи, то оно необходимо коснется или историческаго хода нашего правописанія, или же будетъ направлено къ полному сближенію съ выговоромъ, то-есть будетъ имѣть дѣло съ мѣстными говорами. Стало-быть для того чтобы рѣшить, какую именно реформу намъ слѣдуетъ предпринять, коренную или только второстепенную, мы предварительно должны отвѣтить на вопросъ: что для насъ важнѣе — исторія ли языка, или сближеніе ортографіи съ произношеніемъ? Если мы примемъ второе, то для того чтобы выразить въ письмѣ всѣ звуки, существующіе въ русскомъ народномъ говорѣ, во всѣхъ нашихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, намъ придется *покрайней-мѣрѣ утроить* нашъ алфавитъ. А ежели мы примемъ историческое начало, въ такомъ случаѣ путаница въ правилахъ правописанія у

насъ останется попрежнему, хоть бы напримѣръ относительно употребленія буквы Ѣ, про которую Миклошичъ совершенно справедливо говоритъ, что русскіе до тѣхъ поръ будутъ биться съ буквой Ѣ, пока совсѣмъ не изгонятъ ея изъ своего алфавита.

Президентъ установляетъ поднятые вопросы въ такомъ порядкѣ: мы должны опредѣлить 1) что̀ должны разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ нашей ортографіи и что̀ подъ второстепеннымъ; 2) какъ слѣдуетъ смотрѣть на историческую основу нашего правописанія и 3) что́ принять за норму, когда дѣло коснется сближенія нашей ортографіи съ произношеніемъ?

Г. К. Всѣ прежнія реформы нашего правописанія касались однихъ только мелочей и потому не имѣли успѣха; стало-быть и теперь намъ незачѣмъ гоняться за мелочами, и толковать о томъ, какое преобразованіе лучше — коренное или второстепенное, значитъ вступать въ совершенно безполезные споры. Кчему все давнымъ-давно уже пережованное пережовывать снова? По-моему ужь если дѣлать преобразованіе, такъ дѣлать радикальное. Будетъ ли оно всѣми принято, нѣтъ ли — какая намъ нужда толковать объ этомъ? На нашей сторонѣ *истина* — чегожъ еще больше? Ручательство за успѣхъ самое вѣрное.

Г. С-ій. Но чтоже такое мы должны разумѣть подъ именемъ мелочей? Писать напримѣръ *лекарь* черезъ Е или черезъ Ѣ, *матерьялизмъ* или *матерьялисмъ*.

Г. К. Всего лучше будетъ начать съ крупнаго, а тамъ дойдемъ и до мелочей.

Г. С-ій. Но всѣ главнымъ образомъ существующія разногласія въ нашемъ правописаніи заключаются именно въ мелочахъ: такъ нелучше ли поэтому начать съ мелочей?

Г. К. Позвольте мнѣ отклониться отъ этого вопроса. Я хотѣлъ только заявить собранію, что что́ бы ни называли кореннымъ преобразованіемъ, во всякомъ случаѣ я объявляю себя въ пользу такого преобразованія.

Г. М-въ. Мы приглашены сюда затѣмъ, чтобы условиться въ установленіи правилъ нашего правописанія и чрезъ то облег-

чить самое преподаваніе этой части граматики. Но кажется намъ нечего бояться, что всякій будетъ писать по-своему...

Г. С-нъ. Съ этимъ нельзя согласиться: установленіе однообразія въ правописаніи намъ необходимо для установленія самаго говора. Но опять если мы будемъ сближать письмо съ говоромъ, мы вдадимся въ крайность; чрезъ это мы просто уничтожимъ всякое правописаніе.

Г. К-ій. Лѣтъ двадцать тому назадъ я издалъ «Упрощеніе русской грамматики». Въ этомъ сочиненіи... вѣроятно кто-нибудь изъ общества читалъ его?

Слышатся смѣшанные голоса: «Какже, читали, читали!.. Что́ это, К—скаго? еще бы!.. всѣ читали!».

Г. К-ій. Въ этомъ сочиненіи я предлагалъ сдѣлать коренное преобразованіе въ нашей граматикѣ, и принявъ предложенную мной реформу, всѣ бы легко и скоро научились писать по-русски безъ ошибки; средство самое простое: принять вмѣсто нынѣшняго русскаго шрифта латинскій. Я нахожу, что нашъ алфавитъ неудовлетворителенъ. Возьмемъ напримѣръ такую фразу: «онъ ее еще и гонитъ». Ка́къ прочтетъ ее тотъ, кто только-что еще учится читать? А вотъ какъ: «онъ ээ эщэ и гонитъ». Все это греки. Самаго звука этого (то-есть Э) нѣтъ въ русскомъ языкѣ, онъ изобрѣтенъ у насъ греками. А у меня бы этого небыло.

Подымается крикъ со всѣхъ сторонъ:

— Въ такомъ случаѣ надо завести школы для всѣхъ насъ! мы должны будемъ учиться грамотѣ снова!

— Русскій шрифтъ не умретъ! Онъ будетъ жить пока Россія не умретъ!

— Вы обрекаете всю нашу литературу на сожженіе!

Г. К-ій. Но какъ же вы различите въ письмѣ выговоръ буквы Г напримѣръ въ словахъ «господину Головину»? Или напримѣръ *вещь* и *плащъ* — какая тутъ разница въ выговорѣ буквы Щ? Да вотъ вамъ, чегожъ еще лучше: неудобство русскаго шрифта доказывается тѣмъ уже, что въ прошедшее совѣщаніе кто-то изъ господъ читавшихъ прочелъ *умѣли* вмѣсто *успѣли*.

Шумъ. Звонокъ.

Кто-то изъ сидящихъ за столомъ. Вотъ я сейчасъ написалъ по вашей граматикѣ слово *еще:* кажется чуть ли не десять буквъ выходитъ. Позвольте сейчасъ сосчитаю. Разъ, двѣ, три...

Г. К-ій (горько). Ну вотъ, сейчасъ и видно, что вы совсѣмъ и не читали моей граматики.

Смѣхъ и опять звонокъ.

Президентъ. Намъ кажется пора покончить съ вопросомъ о шрифтѣ, тѣмъ болѣе что съ мнѣніемъ г. К—скаго никто изъ общества не согласенъ. Г. С—ій, кажется вамъ угодно было что-то возразить г. К—скому.

Г. С-ій распространяется о богатствѣ русскаго языка, о прелести нашего алфавита, вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ русскимъ звукамъ, о недостаточности латинской азбуки для передачи нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ и проч.

Г. К-ій. А у меня всѣ граматическія правила умѣщаются на одномъ листѣ.

Легкій смѣхъ.

Г. Кл. Преобразованіе, предлагаемое г. К—скимъ, есть больше чѣмъ коренное преобразованіе. Кромѣ того мы видимъ, что всѣ славянскіе народы, принявшіе латинскій шрифтъ, должны были придумать множество новыхъ знаковъ для передачи тѣхъ звуковъ, которыхъ латинскій алфавитъ не выражаетъ. Это...

Г. К-ій. Да они писать неумѣютъ. (Смѣхъ).

Г. Кл. Это крайнее неудобство. А между тѣмъ Кирилъ придумалъ начертанія, именно вызванныя нашими звуками. Для выраженія напримѣръ звуковъ Щ, Ѣ и другихъ, вамъ придется употреблять или какіе нибудь надстрочные знаки, или хвостикъ внизу какъ напримѣръ въ польскомъ носовые звуки ą и ę.

Г. К-ій. (съ увлеченіемъ). Я буду безъ хвостиковъ писать.

Страшный хохотъ укрощается смирительнымъ колокольчикомъ. Когда шумъ стихъ, г. К—скій беретъ лежащую передъ нимъ афишу и говоритъ:

— Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много иностранныхъ

словъ. Вотъ напримѣръ я вамъ прочту начало этой афиши: «Концертъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ императорской медико-хирургической академіи.» Много ли въ этой фразѣ русскихъ словъ? Прочесть ее, такъ всякій иностранецъ пойметъ, о чемъ тутъ говорится...

Улыбки, легкій смѣхъ, шумъ, звонокъ.

Кто-то. А неугодно ли вамъ выразить латинскимъ алфавитомъ звукъ Ѣ, неприбѣгая къ комбинаціи буквъ?

Г. К-ій. Да я совсѣмъ не о томъ говорю. Я говорю, что если мы перемѣнимъ нашъ шрифтъ на латинскій, то хоть намъ и не легче будетъ послѣ этого учиться граматикѣ, зато иностранцамъ будетъ легче. Вотъ я объ чемъ говорю. Ктому же наборщикамъ при вставкѣ иностранныхъ фразъ въ русскій текстъ не придется лазить изъ одной кассы въ другую...

Шумъ и смѣхъ. «Это будетъ измѣненіе, а не преобразованіе!» слышится съ одной стороны. «Да мы о себѣ хлопочемъ, а не объ иностранцахъ! Чтó намъ до нихъ за дѣло!» раздается съ другой. Звонокъ, разумѣется. Президентъ предлагаетъ обществу разсмотрѣть вопросъ: чтó должно разумѣть подъ *кореннымъ преобразованіемъ* нашего правописанія?

Г. Р-въ. Въ числѣ нашихъ ортографическихъ правилъ есть такія, которыя принимаются всѣми пишущими и печатающими безусловно, на которыя всѣ согласны; но съ другой стороны встрѣчаются и случаи разногласія въ способѣ писанья — одни пишутъ такъ, другіе иначе, — случаи, которые легко устранить. Отсюда кажется можно прямо заключить, что подъ коренными преобразованіями надобно понимать такія измѣненія въ правописаніи, которыя касаются общепринятыхъ правилъ; соглашеніе же разностей въ правописаніи я считаю второстепенной реформой. Но теперь вопросъ: какихъ основаній держаться при коренномъ преобразованіи? Мнѣ кажется всего справедливѣе — тѣхъ, на которыя въ прошлый разъ указалъ г. С., именно этимологическаго начала и фонетическаго.

Г. Н-ій. Такъ какъ дѣло идетъ о томъ, какое преобразова-

ніе совершить будетъ лучше, то позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе въ пользу радикальнаго преобразованія. Кругъ читающей Россіи въ настоящее время можно-сказать довольно еще ограниченъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ успѣховъ распространенія грамотности будетъ возрастать и число читающихъ. Если теперь читающихъ у насъ найдется положимъ три мильона, то лѣтъ черезъ десять ихъ будетъ можетъ-быть десять мильоновъ. Имѣя это въ виду, мы кажется недолжны допускать иного преобразованія въ нашей ортографіи, какъ только радикальное. Чѣмъ дальше мы будемъ откладывать реформу, тѣмъ больше она будетъ становиться невозможною. Если нами будетъ произведена коренная реформа (иной мы не допускаемъ), то послѣдующее за нами поколѣніе будетъ избавлено отъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ затрудненій въ правописаніи, которыя теперь поминутно сбиваютъ насъ съ толку. Настоящій моментъ какъ нельзя больше удобенъ для радикальной реформы. Если наше предпріятіе — произвесть въ нашемъ правописаніи коренную реформу — имѣетъ въ себѣ внутреннюю силу и за него говоритъ сама истина, то оно примется; непремѣнно примется. Итакъ вотъ въ чемъ заключается мое предложеніе: *въ виду распространенія громотности необходимо произвесть радикальное преобразованіе въ нашемъ правописаніи.*

— Но въ такомъ случаѣ вы затронете и общепринятыя правила...

— Чтожъ такое, если они и будутъ затронуты?

— Тогда намъ всѣмъ придется переучиваться.

— Переучиваться легче, чѣмъ учиться.

Сильный говоръ. Сквозь шумъ слышится вопросъ г. К—скаго: «А какъ вы напишете напримѣтъ *что-жъ?*» и чей-то отнѣтъ: «Вотъ это-то мы и рѣшимъ тогда, какъ будетъ предпринято коренное преобразованіе.» Звонокъ.

Президентъ. Сдѣлаемъ же теперь résumé изо всего сказаннаго. Въ виду распространенія грамотности, въ настоящій благопріятный моментъ всего лучше будетъ совершить въ нашемъ

правописанiи радикальное преобразованiе, хотя бы оно касалось и общепринятыхъ правилъ, — принимая при этомъ то опредѣленiе радикальнаго преобразованiя, какое сдѣлалъ г. Р—въ. Итакъ большинство стоитъ за коренное преобразованiе. Послѣ этого мнѣ кажется лучше будетъ перейти прямо къ разсмотрѣнiю нашей рѣчи, оставя алфавитъ всторонѣ.

Новый шумъ. Между прочимъ слышатся голоса:

— Да, да! А то мы никогда не кончимъ.

— Помилуйте, какже это можно! надо же вѣдь чѣмъ-нибудь кончить съ алфавитомъ.

— Непремѣнно. Покрайней-мѣрѣ при дальнѣйшихъ обсужденiяхъ у насъ небудетъ вопросовъ, отклоняющихъ отъ дѣла. (Звонокъ.)

Президентъ предлагаетъ обществу рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ: съ чего начать обсужденiе — съ алфавита ли, или съ частей рѣчи? Кто за части рѣчи, тотъ пусть встанетъ. Большинство оказалось на сторонѣ сидящихъ, и потому опять потянулся споръ о буквахъ...

III (къ стр. 284).

Грамматическій споръ на судѣ[1].

«Кавказъ» передаетъ слѣдующія свѣдѣнія о процессѣ, производившемся у одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей. 4-го апрѣля, въ ордубатскомъ мировомъ участкѣ разбиралось дѣло по жалобѣ г. Х. на П. о взысканіи съ послѣдняго въ пользу перваго 10 руб. за проигранное пари, или, говоря юридически, о взысканіи 10 руб. по договору. Разборъ дѣла происходилъ слѣдующимъ образомъ:

Судья (обращаясь къ П.). «Г. Х. 25-го октября прошлаго 1872 г. подалъ мнѣ заявленіе о томъ, что 23-го октября, въ селѣ Верх. Акулисахъ, вы между собою держали пари, т. е. *заключили договоръ о томъ, что если отъ слова завѣдывать причастіе будетъ «завѣдывающій»*, то вы платите ему (указывая на г. Х.) 10 руб., а если отъ него, т. е. отъ слова завѣдывать, причастіе будетъ «завѣдующій» то онъ платитъ вамъ 10 р. Въ заключеніе г. Х. говоритъ — продолжаетъ судья — что на всѣ доводы, приведенные имъ въ пользу своего мнѣнія, вы отклонялись весьма неосновательными данными, вѣроятно, съ цѣлью не заплатить ему условленныхъ договоромъ 10 руб.; при этомъ г. Х. представилъ русскую грамматику Н. Греча, изд. 1860 г., и указываетъ, въ пользу своего мнѣнія, на § 83, гласящій: «Надлежитъ отличать глаголы, кончающіеся на *овать* и *евать*, отъ глаголовъ, кончающихся на *ывать* и *ивать*. Первые имѣютъ въ настоящемъ времени окончаніе *ую* (рисую, врачую), а послѣдніе *ываю* и *иваю*: *зазываю, покрикиваю*; *подчивать* имѣетъ *подчиваю*, а не *подчую*» — и пр., и пр., а потому проситъ взыскать съ васъ эти деньги и таковыми удовлетворить его. Что̀ вы на это скажете?»

Отвѣтчикъ П. «Да, дѣйствительно я имѣлъ договоръ съ г. Х., т. е. держалъ пари объ этомъ; но дѣло въ томъ, что г. Х. не

[1] С.-Петерб. Вѣдом. 1873 г. мая 6, № 123.

такъ понимаетъ этотъ параграфъ, на который онъ ссылается, и что у него нѣтъ своихъ собственныхъ убѣжденій, а онъ все ссылается на чужіе авторитеты.... Кромѣ того, чтобъ опровергнуть его доводы, я могу указать и въ литературѣ, и въ печати въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что это слово пишутъ: и «*завѣдующій*», и «*завѣдывающій*», но, конечно, правильнѣе писать: «*завѣдующій*»... такъ обыкновенно пишутъ писаря... я получилъ академическое воспитаніе, самъ коренной русскій и на основаніи этого утверждаю, что это слово слѣдуетъ писать такъ, а не иначе; притомъ же разборъ и разрѣшеніе этого вопроса зависитъ, во-первыхъ, отъ собранія педагогическаго совѣта, а во-вторыхъ, не подлежитъ разсмотрѣнію мироваго судьи, потому что пари есть договоръ, исполненіе котораго зависитъ отъ совѣсти, чести и взаимнаго довѣрія нашего другъ къ другу».

Судья (къ истцу). «Что́ вы скажете на возраженіе г. П.?»

Истецъ. «Удивляюсь, право, что г. П. можетъ хвалиться академическимъ воспитаніемъ. Академія, какъ видно, принесла г. П. мало пользы; это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ академіяхъ не проходятъ грамматики, а во-вторыхъ, тѣмъ, что если г. П. слушалъ лекціи въ филологическомъ факультетѣ, то плохо слушалъ, потому что въ русскомъ языкѣ нѣтъ глагола «*завѣдать*», отъ котораго могло бы произойти причастіе *завѣдующій*. Въ доказательство настоящаго своего мнѣнія и въ дополненіе перваго моего заявленія, поданнаго вамъ 25-го октября 1872 года, я имѣю честь представить при семъ удостовѣреніе высшаго на Кавказѣ современнаго учебнаго начальства — директора тифлисской классической гимназіи отъ 10-го ноября 1872 г. за № 465, изъ котораго видно, что такъ могутъ разсуждать только люди, незнакомые съ русскою грамматикою»...

Отвѣтчикъ П. «Директоръ гимназіи такой же воспитанникъ высшаго учебнаго заведенія, какъ и я, и авторитетъ его въ настоящемъ дѣлѣ не имѣетъ смысла»...

Судья (къ г. П.). «Позвольте остановить васъ и просить выслушать». Судья беретъ бумагу, поданную истцомъ, и читаетъ

вслухъ: вотъ содержаніе: «Имѣю честь увѣдомить васъ (титулъ г. X. былъ прописанъ весь), что авторитетъ Н. И. Греча слишкомъ уважаемъ въ русской наукѣ, чтобъ сомнѣваться въ его грамматикѣ; что же касается до собранія педагогическаго совѣта по возбужденному вами и врачемъ П. вопросу, то это я считаю совершенно излишнимъ, въ виду вами самими указаннаго авторитета; для незнакомыхъ съ русскою грамматикою присовокупляю, что причастіе производится отъ третьяго лица множественнаго числа изъявительнаго наклоненія, перемѣною окончанія на *щій* слѣдующимъ образомъ: *гуляютъ* — *гуляющій*, *исповѣдаютъ* — *исповѣдающій*, *исповѣдываютъ*—*исповѣдывающій*, *завѣдываютъ*—*завѣдывающій*; глогола «*завѣдать*» нѣтъ, а потому нѣтъ и причастія *завѣдующій*». Послѣ защитительной рѣчи истца судья черезъ пять минутъ объявилъ слѣдующую резолюцію: «Г. X. въ искѣ съ г. П. 10 руб. за пари отказать; представленные же г. X. русскую грамматику Греча и отзывъ директора тифлисской гимназіи за № 465 возвратить ему». Настоящимъ рѣшеніемъ мирового судьи истецъ остался недоволенъ и потому хочетъ принесть апеляціонную жалобу подлежащей судебной власти.

Черезъ нѣсколько дней послѣ напечатанія въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ этого разсказа, въ той же газетѣ явилась слѣдующая замѣтка[1]:

«Изъ № 123 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» читателямъ извѣстно, что въ одномъ изъ закавказскихъ судовъ разбиралось курьёзное дѣло по грамматическому спору о томъ, какъ слѣдуетъ говорить: *завѣдывающій* или *завѣдующій*. Защитникъ первой изъ этихъ формъ, г. X., сослался на грамматику Греча, въ которой сказано: «Надлежитъ отличать глаголы, кончающіеся на *овать* и *евать*, отъ глаголовъ, кончающихся на *ывать* и *ивать*. Первые имѣютъ въ настоящемъ времени окончаніе *ую* (рисую, врачую), а послѣдніе *ываю* и *иваю*». Но потомъ, забывъ это правило, г. X. отвергаетъ форму *завѣдующій* уже на томъ основаніи, что

[1] 1873 мая 12, № 129.

нѣтъ глагола *завѣдать* (онъ вѣрно хотѣлъ сказать: *завѣдовать*). Правда, что этотъ глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи не употребителенъ; но вѣдь не болѣе употребительны формы: *сказовать, обязовать, наказовать*, а между тѣмъ встрѣчаются слова: *сказуемое, обязуюсь, наказую*. Что же это значитъ? Востоковъ, имѣвшій болѣе глубокое филологическое образованіе нежели Гречъ, обратилъ въ своей грамматикѣ вниманіе на древнее родство глагольныхъ окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда попеременно являются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма церковно-славянскому, или русскому языку: въ первомъ довольно обычны глаголы: *проповѣдовати, испытовати, сказовати, связовати*, а сообразно съ тѣмъ и въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія возможна двоякая форма: *исповѣдываю* и *исповѣдую*, *проповѣдываю* и *проповѣдую*, *испытываю* и *испытую*, *указываю* и *указую*, *связываю* и *связую* и проч. Желающіе подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ найдутъ нѣсколько замѣтокъ о немъ въ недавно изданныхъ «Филологическихъ разысканіяхъ»[1] и т. д. Такимъ образомъ, ясно, что и глаголъ *завѣдывать* можетъ имѣть въ настоящемъ двоякое окончаніе (завѣдываю и завѣдую), а слѣдовательно и обѣ причастныя формы, каждому изъ нихъ соотвѣтствующія, вполнѣ законны».

---

[1] См. выше стр. 283.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ и ПОПРАВКИ.

Стр.

18. М. Мюллеръ всѣ длительные звуки, какъ шопотные, такъ и громкіе, выводитъ изъ того двоякаго видоизмѣненія дыханія, которое означается терминами *густое* и *тонкое*. Въ ряду этихъ звуковъ онъ на первомъ мѣстѣ ставитъ, въ соотвѣтствіи одинъ другому, звуки Х и Г, изъ которыхъ первый слышится въ нѣм. ach, а второй въ словѣ Tage. Сущность этихъ двухъ звуковъ, помѣщенныхъ мною подъ цыфрою 5, такъ объясняется у М. Мюллера (стр. 123): »Если, не давая дыханію свободно проходить изъ легкихъ къ губамъ, обставить его преградою, образуемою поднятіемъ языка къ язычку, то получится звукъ Х (ch); если же, напротивъ, при достиженіи дыханіемъ той преграды, немножко задержать его, то получится тонъ, слышимый при произношеніи Г не какъ мгновеннаго, а какъ полугласнаго».

29. Мысль г. Миклошича, что начертанія ꙗ, ѥ, ю и т. д. (судя по нынѣшнему русскому языку) имѣли двоякое значеніе, смотря по тому, стояли ли они въ началѣ слога или послѣ согласной, почему онъ и называетъ ихъ въ первомъ случаѣ präjotierte, а во второмъ präjerierte, — эта мысль, къ удивленію нашему, нашла противника въ Шлейхерѣ, который обыкновенно такъ вѣрно смотритъ на звуковыя явленія (*Die Formenlehre* &c., стр. 85). Признаваемое г. Миклошичемъ различіе онъ считаетъ мечтательнымъ (illusorisch), потому будто бы, что такъ называемое умягченіе согласныхъ во всѣхъ языкахъ есть именно результатъ дѣйствія *йота*. Въ примѣръ такого умягченія Шлейхеръ приводитъ между прочимъ: стѧза изъ стѧг-ꙗ, доуша изъ доух-ꙗ; но онъ не сообразилъ, что въ данномъ случаѣ такого умягченія-то и нѣтъ: славянская согласная **ть**, напр., вовсе не есть tj (см. выше стр. 23); тутъ **т** сохраняетъ свой чистый звукъ, за которымъ непосредственно слышится чистый же, а не йотованный гласный.

Стр.

38. Неударяемое Ы смѣшивается съ У еще въ окончаніи уменьшительныхъ передъ Ш, напр. въ словахъ: *солнышко*, *донышко*, *гнѣздышко*, *перышко*, которыя нынче не принято писать съ У.

45. Терминъ sibilantes, безъ сомнѣнія, точнѣе соотвѣтствуетъ названію *свистящіе*, но за неимѣніемъ другого слова употребляется и въ значеніи нѣмецкаго Zischlaute.

46 Здѣсь терминъ г. Миклошича: *Sibilanten* вѣрнѣе было бы передать названіемъ *свистящіе*.

79. Придаточные звуки: В, Г, Й, Х справедливѣе было бы называть *призвуками* чѣмъ придыханіями. Шлейхеръ не считаетъ ихъ во всѣхъ случаяхъ чисто фонетическими приращеніями или вставками. (*Die Formenlehre*, стр. 88 и 113).

91. По исторіи письма появился недавно еще одинъ стоящій вниманія трудъ, — статья извѣстнаго французскаго ученаго Alfred Maury (члена Institut) въ *Revue des deux Mondes* 1 сентября 1875 года, подъ заглавіемъ: «L'invention de l'écriture, les origines et le développement des alphabets». Наконецъ, въ послѣднее время еще статья по этому же предмету: «Ueber unsere Schriftzeichen. Vortrag, gehalten im gymnasium zu Husum von P. D. Ch. Hennings», напечатана въ *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*, 111r u. 112r B. 9e Heft. 1875. Leipzig.

111. Въ выноскѣ, при словѣ курсивное, пропущено: *скоропись*.

127. Слово *образчикъ*, какъ здѣсь, такъ и далѣе въ двухъ мѣстахъ (стр. 197 и 203), напечатано ошибочно по орфографіи, осужденной далѣе на стр. 273. Возможно, что въ дѣйствительномъ правописаніи книги окажутся случайно и нѣкоторыя другія отступленія отъ начертаній, признанныхъ лучшими въ теоретическомъ отдѣлѣ ея. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ печатаніемъ, знаетъ какъ трудно вполнѣ избѣжать подобныхъ неисправностей.

131. Въ отношеніи къ произношенію Г въ древне-славянскомъ языкѣ я держусь мнѣнія Востокова и Бетлинга, и отсылаю читателей къ стр. 279 и 280 второго изданія моихъ *Филологическихъ Разысканій*. Г. Колосовъ въ своемъ *очеркѣ исторіи звуковъ* (стр. 51), приведя противоположные вгляды, приходитъ однакожъ къ заключенію, что вопросъ о томъ, были ли въ др.-слав. оба звука **g** и **h**, остается все еще нерѣшеннымъ.

204. Въ выноскѣ 2 пропущено означеніе страницы цыфрою 237.

238. Къ числу книгъ, напечатанныхъ безъ *еровъ*, должны быть отнесены еще слѣдующія недавно вышедшія:

1, *Дух Римскаго права на различных ступенях его развитія.* Соч. Р. Іеринга. *Часть I. Перевод с 3го изданія. Спбург* 1875.

2, *Историческія пѣсни малороссійскаго народа* съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Кіевъ 1874—1875. Два тома

Стр.

(безъ *еровъ* собственно одинъ текстъ пѣсенъ; въ предисловіи и примѣчаніяхъ издателей ъ удержанъ). Такимъ же образомъ въ *Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности* печатается безъ *еровъ* текстъ пѣсенъ и сказокъ, сообщаемыхъ г. Колосовымъ въ приложеніяхъ къ его отчетамъ отдѣленію.

3, *Опыт фонетики резьянских говоров*, И. Бодуэна-де-Куртенэ. Петербуръ 1875 (и въ видѣ приложенія къ этой книгѣ *Резьянскій катихизис*).

255. Дѣйствительно, большинство пишетъ нынче *стекляный* (съ однимъ н), но если одобряется фонетическая орфографія: *деревянный, оловянный*, то нѣтъ основанія не писать также: *стеклянный*.

265. Строго правильное историческое начертаніе нарѣчія *гдѣ* было бы конечно *къде*, но здѣсь принято во вниманіе только начертаніе Г вм. К, и потому сравнительно правильнымъ названо *кдѣ*.

273. Толкуя объ окончаніи *щикъ* по поводу 1-го изданія моихъ *Филологическихъ Разысканій*, одинъ критикъ обнаружилъ совершенно ошибочное пониманіе этого суффикса: такъ, между прочимъ, ему казалось, что въ словахъ *сыщикъ* и *помѣщикъ* только слогъ *икъ* служитъ окончаніемъ, а «въ словѣ *извощикъ* (возка) только К смягчилось въ Ч, ибо нѣтъ закона, чтобы ЗК смягчалось въ Щ, хотя и пишутъ *извощикъ*». Здѣсь явное недоразумѣніе: имя *извощикъ* не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ слову *возка* и происходитъ прямо отъ корня *воз* при посредствѣ прилагательнаго суффикса *скій*, какъ показываютъ имена *ямщикъ, конторщикъ, бунтовщикъ* и мн. др. Это развито очень основательно у Павскаго: «Появленіе буквы Щ передъ *икъ*, говоритъ онъ, возможно объяснить не иначе, какъ предположивъ ея происхожденіе отъ прилагательной породы *скій*» (*Фил. Набл.* II, § 37 и 38). Одно окончаніе *икъ* не могло тутъ служить къ образованію подобныхъ именъ; это видно изъ того, что оно нигдѣ въ этомъ значеніи не является безъ предшествующаго Щ или, при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, Ч.

279. О гл. *кланяться* здѣсь нѣтъ рѣчи, потому что самое его произношеніе ясно опредѣляетъ начертаніе.

311. Къ выноскѣ. Противъ мнѣнія г. Лескина недавно высказался г. Ягичъ въ 1-й книжкѣ *Archiv für slavische Philologie*, стр. 9.

329. пунктъ 2). Такія имена, какъ *департáментъ, реглáментъ*, очевидно составлены по образцу болѣе правильно заимствованныхъ *фундаментъ, парламентъ*.

336. Уже по отпечатаніи всего предыдущаго мнѣ удалось прочитать статью В. В. Григорьева, помѣщенную въ 2-мъ выпускѣ *Географическихъ Извѣстій* за 1850-й годъ, подъ заглавіемъ: «О правописаніи въ дѣлѣ русской номенклатуры чужеземныхъ мѣстностей и народовъ». Авторъ справедливо жалуется на усиливавшуюся болѣе

Стр.

и болѣе въ тогдашней печати пестроту въ географическихъ собственныхъ именахъ, приводитъ множество любопытныхъ тому примѣровъ и въ заключеніе предлагаетъ принять слѣдующее весьма основательное правило: «писать иностранныя географическія имена какъ можно ближе къ ихъ туземному произношенію, но съ уваженіемъ къ освященнымъ уже вѣковымъ употребленіемъ русскимъ формамъ ихъ и къ законамъ языка нашего, руководствуясь: въ первомъ случаѣ — историческими памятниками отечественной словесности, въ послѣднемъ — трудами нашихъ ученыхъ языкоизслѣдователей». Замѣтимъ однакожъ, что все, столь умно и живо излагаемое въ этой статьѣ В. В. Григорьевымъ, относится собственно не къ правописанію, а къ вопросу, какія предпочитать названія: издавна ли образовавшіяся, хотя и неправильныя, или измѣненныя согласно съ подлиннымъ произношеніемъ. Если разсмотрѣть дѣло не a priori только, но и съ должнымъ вниманіемъ къ практикѣ, то окажется, что на этотъ вопросъ невозможно отвѣчать однимъ общимъ правиломъ. Напримѣръ, кто рѣшится измѣнить старинныя названія *Римъ* и *Парижъ?* а между тѣмъ нелѣпо и смѣшно было бы говорить «Стекольна» вм. *Стокгольмъ*; называть *Аграмъ* «Загребомъ» вовсе не странно, но говорить «Дрождяны» вм. *Дрезденъ* никто не отважится. Выходитъ, что здѣсь, какъ и вообще въ дѣлѣ языка, окончательное рѣшеніе по большей части принадлежитъ *обычаю*: въ однихъ случаяхъ давнее злоупотребленіе беретъ перевѣсъ надъ новой поправкой, въ другихъ удачная новизна одолѣваетъ ошибку старины, и нечего дѣлать: кто не хочетъ казаться чудакомъ, долженъ подчиниться обычаю. Надо впрочемъ сознаться, что невѣрности, не слишкомъ укоренившіяся, довольно легко уступаютъ поправкамъ. Такъ на нашей памяти принялись, напр., формы: *Скарборо*, *Шрюзбери*, *Бенъ-Нюизъ*, *Норчёпингъ* вм. употреблявшихся прежде: «Скорборугъ, Шревсбури, Бенъ-Невисъ, Норкепингъ»; но *Кадиксъ*, *Глазговъ*, *Дургамъ*, *Коннаутъ* остаются частью по своей общеизвѣсности, частью потому, что замѣнить ихъ болѣе правильными формами на русскомъ языкѣ, по особенностямъ его фонетики, невозможно. Вполнѣ справедливо замѣчаніе г. Григорьева, что для уменьшенія разногласій въ этомъ отношеніи необходимо было бы издать географическій словарь (Ср. мои *Филолог. Разысканія*, стр. 248).

351. Примѣрами русскихъ нарицательныхъ именъ, обращающихся то въ муж., то въ жен. родѣ, могутъ служить: *рысь* и *мышь*. Мнѣ не разъ случалось слышать въ муж. родѣ и то и другое, особенно послѣднее, когда оно употреблялось въ собирательномъ смыслѣ. Разсказывая напр. о томъ, что мыши испортили много яблонь, крестьяне говорятъ: «Такой мышь пошелъ» (Ряз. губ. Данк. уѣзда). По-

Стр.

добную двоякость рода представляетъ также слово *степень*, которое въ старину постоянно ходило въ муж. родѣ, а нынче почти исключительно ходитъ въ женскомъ (Впрочемъ въ духовномъ сословіи оно еще и теперь нерѣдко слышится въ мужескомъ родѣ; такъ большею частію оно употреблено напр. въ *Словахъ и рѣчахъ Филарета*). *Сажень* въ народномъ языкѣ также обыкновенно муж. рода.

— Уже изъ нѣкоторыхъ здѣсь приведенныхъ примѣровъ видно, что родъ заимствованнаго имени иногда въ русскомъ языкѣ бываетъ не тотъ, какой оно имѣетъ въ природномъ языкѣ; но есть и множество другихъ очень употребительныхъ словъ, въ которыхъ обнаруживается эта разница; таковы между прочимъ имена: *классъ*, *методъ*, *періодъ*. Слѣдовательно такое различіе рода не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы признавать заимствованное слово неправильнымъ или незаконнымъ.

352. Хотя окончаніе *іусъ* въ нѣкоторыхъ взятыхъ съ латинскаго словахъ и непріятно звучитъ, но едва ли можно надѣяться измѣнить ихъ на подобіе словъ: *пономарь*, *келарь*, *секретарь*, *аптекарь* или хоть *антикварій*. Сообщаю здѣсь замѣтку, доставленную мнѣ по поводу этихъ словъ А. А. Куникомъ: «Сколько мнѣ извѣстно, византійское ἀσηκρῆτις никогда не переводилось, а только передавалось транскрипціей. Но слово *секретарь* я нахожу уже въ 17-мъ столѣтіи; именно оно встрѣчается въ Записи 1609 года, которою Шуйскій уступилъ городъ Корѣлу (*Акты ист. Археогр. коммиссіи*, II, № 272). Этотъ документъ отыскан въ сборникѣ изъ разныхъ тетрадей, писанныхъ разными почерками XVI и XVII вѣка. Въ заглавіи акта отмѣчено: «Такова Государева грамота о Корѣлѣ дана на Москвѣ королевскому *секретарю* Монсу Мартынову 118 ноября въ 22 день». Понятно, почему Тредьяковскій уже въ 1734 и 1735 годахъ называлъ себя *секретаремъ* («отъ секретаря Академіи Наукъ»). Однакожъ я помню, что въ петровскихъ бумагахъ мнѣ встрѣчалось *секретаріусъ*. *Нотарь* не разъ читается въ словарѣ Миклошича, и въ древ.-серб. та же форма, напр. нотар бнетачки (венеціанскій). Въ польск. notariusz».

353. Въ послѣднюю фразу этой страницы вкралась неточность. Должно читать: Въ старину и иностранные глаголы передѣлывались при помощи одного этого окончанія. Кромѣ того, на стр. 354 изъ числа примѣровъ надо исключить гл. *полировать*, который образовался приложеніемъ одного окончанія *овать* къ франц. polir.

364. На строкѣ 15-й сверху слово *насчетъ*, какъ предлогъ, а не нарѣчіе, приписано по недосмотру.

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

КЪ СПОРНЫМЪ ВОПРОСАМЪ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

I. Указатель личныхъ именъ.

II. Предметный Указатель.

III. Справочный филологическій указатель.

Въ этотъ указатель включены не только слова, разсматриваемыя или приводимыя въ книгѣ, но и многія другія, въ начертаніи которыхъ можетъ встрѣтиться какое бы ни было сомнѣніе, между прочимъ относительно употребленія буквы *ѣ*, удвоенія согласныхъ и т. п. Поставленныя при словѣ цыфры означаютъ страницы, гдѣ или встрѣчается самое слово съ надлежащимъ разъясненіемъ, или по крайней мѣрѣ излагаются относящіяся къ нему соображенія. Слова́, при которыхъ нѣтъ цыфры, помѣщены въ указателѣ для справокъ касательно правописанія, состава или происхожденія въ болѣе любопытныхъ или трудныхъ случаяхъ. Знакъ ударенія на гласныхъ и двоеточіе надъ *е* поставлены только для показанія выговора, а не для употребленія на письмѣ, исключая когда они нужны для различенія двухъ сходно пишущихся словъ. Когда помѣщенное въ алфавитномъ порядкѣ слово стоитъ между скобками, то значитъ, что другое начертаніе его предпочтительно. Буквы *Ф. Р.* означаютъ ссылки на первую книгу *Филологическихъ Разысканій* по 2-му изданію. При ссылкахъ на Рейфа всегда разумѣется его большой *Этимологическій лексиконъ*, изд. въ 1835 году.

А.

Б.

В.

Рейфа происшедшимъ отъ нѣм. Fächer. Ср. чеш. vějiř (1, вѣяло; 2, вѣеръ); ниж.-луж. wějer (вѣяло).

(Вѣжа). См. **Вежа.**

Вѣжда (отъ корня вѣд = вид. По Добровскому, отъ небывалаго гл. «вѣжду вм. вѣю» Institut. 279).

Вѣко (польск. wieko, чеш. wíko). Зн. вообще крышка: обл. крышка на дежѣ, ср. шв. ögon*lock* (глазная покрышка).

Вѣкъ. Серб. виjек, польск. wiek; чеш. wěk.

(Вѣкша). См. **Векша,** хотя первое согласнѣе съ древнимъ правописаніемъ.

Вѣна (чеш. Viden).

Вѣнéцъ. — Вѣнóкъ.

Вѣникъ. Литов. wanoti, хлестать вѣникомъ. Отсюда wanta или anta, вѣникъ (*Изв.* I, л. 8, 113).

Вѣно (ц.-сл. вѣнити = продавать).

Вѣра. — Вѣрющій 282.

Вѣсить, вѣсять 376.

Вѣсть 376. **Вѣстовщи́къ** 271.

Вѣтвь (отъ вить?) 319. Ср. др.-сл. вѣѩ.

Вѣтеръ, вѣтръ 332.

Вѣтреникъ 256.

Вѣтреность. См. **Вѣтреный.**

Вѣтреный 255 (причастіе-прилаг. отъ малоупотр. гл. *вѣтрить*). Подверженный дѣйствію вѣтра, имѣющій къ нему отношеніе. На дворѣ вѣтрено. Вѣтреная рыба, вѣтреное мясо. Вѣтреный человѣкъ. (Можетъ употребляться и въ краткой формѣ: Здѣсь вѣтрено; онъ очень вѣтренъ).

Вѣтряный 255. Состоящій изъ вѣтра, дѣйствующій посредствомъ вѣтра. Вѣтряная мельница, труба. Вѣтряный мѣхъ. Прил. *вѣтряный,* какъ вещественное, не можетъ употребляться въ краткой формѣ. Нельзя сказать: мѣхъ вѣтрянъ (такъ же какъ и серебрянъ, золотъ). Примѣры на *вѣтреный* и *вѣтряный* въ Толк. словарѣ Даля приведены невѣрно.

Вѣха́, множ. **вѣхи** (польск. wiecha, чеш. wícha. Ср. нѣм. Bake, анг. beacon).

Вѣчный.

Вѣче
Вѣща́ть } 266. Кор. вѣт.
Вѣщій

Вѣять, вѣютъ.

Вядчина́. Русскій, употребляя это слово, не сознаетъ его корня и пишетъ по произношенію *ветчина.* Но присутствіе тутъ корня *вяд* доказывается соотвѣтствующими словами въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и особенно въ польскомъ, гдѣ мы находимъ глаголъ wędzić, который именно значитъ «коптить мясо, сушить, вѣшать въ дыму», и существительныя: wędzina, копченое мясо; wędziarz, коптильщикъ; wędziarnia, коптильня. Другой корень więd, еще болѣе соотвѣтствующій нашему *вяд,* далъ въ польскомъ языкѣ, между прочимъ, слѣдующія реченія: więdle mięso, więdzyna (вяленое, копченое мясо). Послѣднее изъ приведенныхъ польскихъ словъ наводитъ даже на мысль, не есть ли наше *вядчина,* такъ сходное съ нимъ, просто заимствованное съ польскаго: во 1-хъ, наше *вядчина* стоитъ въ русскомъ языкѣ совершенно одиноко, какъ бываетъ обыкновенно съ пришлыми словами; 2) у него удареніе необыкновенное (ср. дичи́на, солони́на [1]); 3) откуда въ немъ явилось *ч* послѣ *д*? органически оно не могло произойти; эти двѣ буквы тутъ только играютъ роль польскаго звука *dz,* который, какъ совершенно чуждый русскому слуху, замѣненъ другимъ. Притомъ, и многіе предметы колбаснаго производства носятъ у насъ чужія названія; самое слово *колбаса* скорѣе западно-, нежели восточно-славянское.

Вяза́ть, вя́жутъ 280.

Вязи́га.

Вя́щшій 274.

---

[1] Одно только слово *свѣжина́,* изъ означающихъ мясо, носитъ также удареніе на послѣднемъ слогѣ; однакожъ говорятъ и *свѣжи́на.*

Г.

Д.

Да́веча, **Да́вешній**, **Да́вній, дав-ни́шній.** Отъ малоупотреб. *давя*. Ср. хорут. dave, davi въ томъ же значеніи, ц.-сл. *давѣ*, нѣкогда, и *давьнъ*, древній.

Давны́мъ-давно́ 369.

Дави́дъ, Давы́дъ 322.

Да́льній (не «дальный», какъ въ старину писали). Одно изъ не очень многочисленныхъ прилаг. на *ній*, которыя почти всегда означаютъ отношеніе ко времени, мѣсту или мѣрѣ: утренній, вечерній, ранній, поздній; зимній, весенній (вешній), лѣтній, осенній; нынѣшній, теперешній, прежній, прошлогодній; давній, древній, всегдашній, завтрашній; передній, средній, крайній, задній, послѣдній; тамошній, здѣшній; верхній, нижній; вышній, горній, исподній, сосѣдній, ближній, домашній; лишній; также: сыновній, дочерній, замужняя. Сюда же относится *искренній* отъ ц.-сл. *искрь* (близь). Въ старину неправильно писали: *искренный*. Эта неправильность до сихъ поръ остается въ нарѣчіи: *искренно*.

Даніи́лъ, Дани́ла 332.

Да́нный 254.

Да́тчанинъ (по Павскому, вм. Данчанинъ, гдѣ пропускъ *н* вознагражденъ въ выговорѣ удвоеніемъ слѣдующей буквы *ч* (*Фил. Набл.* I, § 95); а по мнѣнію г. Буслаева, произошло отъ древнѣйшаго *дак-* съ смягченіемъ *к* въ *т*, откуда и *датскій*.(*Ист. Гр.* I, § 67).

Два́дцать 247. 265.

Двое-, дву-, двух-: всѣ три употребляются въ разныхъ случаяхъ при сложеніяхъ.

Двухсо́тый. — Двухты́сячный.

Двухъэтажный. Вставка *ъ* здѣсь нужна, потому что при отсутствіи этого знака буква *х* передъ *э* сдѣлалась бы тонкою 316.

Двѣна́дцать 247. 265. (*Двѣ* есть двойственное число, какъ и въ слѣдующемъ за симъ *двѣсти*).

Двѣсти, двухсо́тъ, двумста́мъ 33. 292. 368.

Де. Частица для означенія, что говорящій или пишущій приводитъ слова́ другого. Корень тотъ же, что въ глаг. *дѣять*, какъ видно изъ чешскаго и др. языковъ, гдѣ *сказалъ* и *сдѣлалъ* означаются тѣмъ же словомъ (чеш. dĕl, фр. fit).

Дебе́лый 11. 20. 51 (толстый, густой). Въ фонетикѣ звукъ противоположный тонкому.

Дека́брскій 321.

Денщи́къ 271.

Де́ньга 353. Считается восточнымъ словомъ, но въ хорут. нар. также dengi = dnarji, penesi.

Деньжо́нки.

Депо́ (фр. dépôt) 353.

Дереве́нщина 271.

Деревя́нный. — Деревя́шка 255.

Держа́ть, де́ржать 280.

Де́рзкій (не «дерзскій»). Кратк. форма *дерзокъ, дерзка́*.

Деса́нтъ (фр. descente).

Десе́ртъ (фр. dessert).

Дескать. Сокр. плеоназмъ вм. де-сказать (см. *де*).

Десна́я, десни́ца. Ср. серб. десни — правый, десно — справедливо.

Десть. Ср. серб. гл. дјести, дједем — класть въ стогъ (напр. сѣно); полагать; дѣлать.

Дешёвый, деше́вле 76. Отъ гл. корня *дес*: ц.-сл. гл. десити — найти, встрѣтить; серб. *удесити*, направить, исправить, попасть, встрѣтить; *удешавати* — исправлять, приспособлять. Первоначально *дешевый* могло значить удобный, приспособленный. Неудачное производство Павскаго 76.

Диле́мма (гр. δίλημμα отъ δὶ = двойной, и λαμβάνειν = брать).

(Ди́ра). См. **Дыра.**

Диссиде́нтъ.

Дитя́ 376 (въ твор. падежѣ одни пишутъ: *дитею*, другіе *дѣтятемъ*, третьи: *дитятею*; послѣднее всего болѣе согласно съ употребленіемъ). Наращеніе именъ сред. рода, какъ чуждое русскому языку, все болѣе колеблется въ косвенныхъ падежахъ (см. Срезн. *Мысли*, стр. 128).

Діа́волъ. Въ простор. *дьяволъ*.

Діа́конъ 343.

Діэта 345.

Е.

И.

І.

К.

Л.

Медвѣдка (произ. медвёдка).
Медвѣдь. — **Медвѣжій** (изъ *медв* = медъ, и *ѣд*).
Медвяный. (Здѣсь *в*, такъ же какъ въ предыдущемъ, есть подъемъ *ера*=ў).
Медицина 305.
Медлить. — **Медленный.**
Межа. — **Между;** межъ 320.
Между прочимъ. Многими неправильно употребляется вм. *между тѣмъ* не только въ живой рѣчи, но и на письмѣ. Такъ даже въ статьѣ графа Л. Н. Толстого *О народномъ образованіи:* «Казалось бы, способъ этотъ никакъ не можетъ привиться въ Россіи, а *между прочимъ* онъ прилагается, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но прилагается»... или далѣе: «А *между прочимъ* вопросъ этотъ совсѣмъ не такъ труденъ» (*Отеч. Записки* 1874, № 9, стр. 171 и 179). То же встрѣчается въ этой статьѣ еще разъ (стр. 177); только въ одномъ мѣстѣ авторъ умѣлъ же сказать: «Повтореніе это не будетъ скучно для педагоговъ новой школы, а *между тѣмъ* я продолжаю думать» и проч. Слѣдовало и въ предыдущихъ фразахъ сказать *между тѣмъ*. Такихъ небрежностей надобно избѣгать не только въ литературномъ, но и вообще въ образованномъ языкѣ.
Междометіе. — **Междоусобіе.**
Междоцарствіе.
Мезга 110 (ср. **мозгъ**).
(Мездра). См. **Мяздра.**
Мексика 337. «Передавать звукъ *x* въ этомъ имени буквами *кс* конечно неправильно; но мы еще болѣе удалились бы отъ настоящаго туземнаго выговора, если бы, слѣдуя еще болѣе испорченному испанскому выговору, навсегда утвержденному новѣйшимъ правописаніемъ Mejico, замѣнили *кс* (x) гортанною *х* (ch). Въ имени бога войны Mexitli и въ происшедшемъ отъ него имени города Mexico 3-я буква, по туземному выговору, есть сильный шипящій звукъ, хотя въ точности нельзя опредѣлить, въ какой степени онъ близокъ къ нашему *ш* (sch).... Чтобы не удалиться отъ туземнаго выговора, слѣдовало бы произносить имя столицы Новой Испаніи такъ, чтобы выговоръ приходился между правописаніемъ Messico и Meschico». (*О различіи организмовъ челов. языка*, стр. 157).
Мелить.
Мелкій 246. — **Мелочь.**
Мелю, мелютъ (отъ гл. *молоть*).
Мелюзга.
Мель, мелѣть 246.
Мелькать. — **Мелькомъ.**
Мельникъ. — **Мельничиха.**
Мельница 246.
Мемель (городъ).
Меньше. — **Меньшій; Меньшой.**
Меньшинство.
Менѣе, менѣ 311.
Мережа, мрежа.
Мертвецъ — **Мертвечина.**
Месть.
Металлъ 339.
Метать, мещутъ 376.
(Метель). См. **Мятель.**
Метла.
Метода.—**Методъ** 400.
Меѳодій 138.
Мзда (ср. *мстить* и гр. μισθός = возмездіе).
Мизерный.
Мизинецъ (въ цсл. = младшій сынъ; стар. *мизинный*, меньшой).
Милліардъ 343.
Милліонъ 343.
Милостыня.
Миніатюра.
Минея четія. См. **Четія.**
Минога 328.
Мирволить.
Миро (прежде мѵро) 135. — **Миропомазаніе.**
Мировой.
Миръ. Этимологически конечно *миръ* и *міръ* одно и то же слово, но установленное между ними на письмѣ различіе, хотя и не оправдываемое филологіею, имѣетъ практическое значеніе. Такія двоякія начертанія съ цѣлію отличить употребленіе слова въ томъ или другомъ смыслѣ, приняты во всѣхъ языкахъ. Противъ этого обычая приводятъ живую рѣчь, гдѣ слова различнаго знаменованія произносятся одинаково. Надо однакожъ

Н.

О.

[1] *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов.* т. VII, вып. 3.

[2] *Въ Словарѣ Росс. Академіи* (изд. 1) показана двоякая форма настоящаго времени: «*подчиваю*, сокращенно же *потчую*». Гречъ и за нимъ Рейфъ были того же мнѣнія; на самомъ же дѣлѣ употребительна лишь послѣдняя форма, которая одна только и означена въ 2-мъ изданіи словаря *Росс. ак.*, также въ словарѣ Отд. русск. яз. и сл. и въ *Толк. Слов.* Даля.

исключить предлогъ *вы* при совершенномъ видѣ). Наконецъ 4) и самое главное: это — глаголъ предложный, а между тѣмъ, для приведенія его въ совершенный видъ, къ нему присоединяются еще предлоги: *попотчевать*, *запотчевать*, *отпотчевать*, *употчевать*, — опять явленіе небывалое.

Такія неправильности можно, кажется, объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ народнаго сознанія относительно состава и натуры глагола, а это могло произойти единственно съ *заимствованнымъ* словомъ. По свидѣтельству И. И. Срезневскаго, народъ и Великой и Малой Россіи, во многихъ краяхъ, вмѣсто *потчевать* употребляетъ другой глаголъ *почтовать* = *поштовать*, и существительное *почтованье* = *поштованье*. Что жъ это значитъ? Извѣстно, что глаголы съ окончаніемъ *овать* или *евать* всего чаще составляются изъ существительныхъ, и между прочимъ изъ иностранныхъ (проба — пробовать, танецъ — танцовать и проч.). Въ польскомъ языкѣ есть сущ. poczta[1] (произн. по́чта) съ значеніемъ: почитаніе, почетный даръ, гостинецъ (Linde: Verehrung, ein Ehrengaschenk). Удивительно ли, что изъ этого слова, въ эпоху перехода къ намъ полонизмовъ, образовался русскій глаголъ *по́чтовать* (чествовать, угощать), который, по свойству языка, могъ подвергнуться въ устахъ народа двоякому измѣненію, именно: превращенію *ч* въ *ш* (*што* вм. *что*) или перестановкѣ *ч* и *т*. Случилось, смотря по различію мѣстностей, и то и другое; но *по́тчовать* должно было, по народной фонетикѣ, непремѣнно обратиться въ *потчевать* (такъ какъ ей противно *о* безъ ударенія послѣ шипящихъ[2]). А при этой формѣ правильно должно было выработаться настоящее время *по́тчую*. Такимъ образомъ трудность въ объясненіи этого на первый взглядъ страннаго глагола исчезнетъ, какъ скоро мы перестанемъ видѣть въ немъ чисто-русскій глаголъ и признаемъ чуждое его происхожденіе.

[1] Ср. сущ. uczta, пиръ, угощеніе, и глаголъ ucztować, пировать, угощать.
[2] По той же причинѣ Русскіе, вм. *шоколадъ*, произносятъ и пишутъ *шеколадъ*. См. выше стр. 34.

Р.

С.

не только пишется, но и говорится, изъ чего видно, что и въ живой рѣчи замѣтно стараніе отмѣчать различіе однозвучныхъ словъ (*сѣменъ* было бы слишкомъ сходно съ собств. именемъ *Семенъ*).

Сѣно.

Сѣнь (ц.-сл. = *тѣнь, стѣнъ*).

Сѣра (чеш. síra, польск. siarka).

(Сѣрмяга). См. **Сермяга.**

Сѣрый.

Сѣсть, ся́дутъ.

Сѣть (скр. si, вязать).

Сѣтовать, сѣтуютъ.

Сѣчь, сѣку́тъ. — Сѣчка.

Сѣять, сѣютъ.

Сюда́ 304.

Т.

Табаке́рка (ит. tabacchiera, фр. tabatière, но прежде также tabaquière).

Таба́чный 266.

Табуре́тъ (другая ф. *табуре́тка*).

Тавле́и (ново-греч. ταβλί), шашечница.

Та́кже, такъ же 368.

Тала́нъ (народ.). Счастье, удача.

Тала́нтъ (гр. τάλαντον = вѣсы, вѣсъ) 351.

Та́лья (фр. taille).

Та́нецъ 330.

Танцова́ть, танцу́ютъ 304.

Тара́барская гра́мота (иначе *простая литорея*). Особый видъ тайнописанія, состоящій въ томъ, что «поставивъ согласныя буквы въ два ряда слѣдующимъ порядкомъ:

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф т с р п,

употребляютъ въ письмѣ верхнія буквы вмѣсто нижнихъ, а нижнія вмѣсто верхнихъ; гласныя же оставляютъ безъ перемѣны» (Вост. *Фил. Набл.*, 129).

Таре́лка 327.

Тата́ринъ. Мн. ч. *Татары.*

Тача́ть, тача́ютъ (Даль: «шить строчкою на оба лица»).

Тащи́ть, та́щатъ 280.

Теа́тръ (θέατρον) 139. 271.

Телегра́мма 339 (гр. τῆλε, далеко, и γράμμα, письмо). Это слово въ первый разъ употреблено въ Америкѣ 6 апрѣля 1852 г., въ газетѣ Albany Evening Journal, въ которой нѣкто г. Смитъ отъ имени неизвѣстнаго предлагаетъ замѣнить этимъ словомъ слишкомъ длинное реченіе *телеграфическая депеша.* Въ защиту своего предложенія онъ приводитъ слова: *монограмма, логограмма* и проч. Въ Европѣ газета Times прежде всѣхъ стала употреблять слово *телеграмма* (Webster's Dictionary).

Творо́гъ 278. Употребительнѣе нежели творогъ. Ср. нѣм. Quark, quarg и средне-нѣм. twark. *Филол. Разыск.*, стр. 465.

Телѣга 313. По мнѣнію Добровскаго (*Грамм. яз. Слов.*, I, стр. 154), это имя иностраннаго происхожденія; однакожъ изъ словарей Линде, Шимкевича и Миклошича видно, что оно очень распространено у славянскихъ народовъ и что во второмъ слогѣ его большею частію слышится гласная *і* (напр. хорут. taliga); у Литовцевъ оно имѣетъ формы talenga, tolenga и зн. коляска. Кромѣ того оно употребительно въ Валахіи и въ Венгріи.

Тёзка. — Тезоимени́тство отъ ц.-сл. тьзъ (ср. тъ жде), соименный.

Темля́къ (польск. temblak).

Те́мя 310.

Тенёта (серб. тонота, сѣть охотничья).

Тепе́рь (вм. топерво).

Тере́ть, трутъ.

Те́ремъ 325.

Терпѣли́вый. — Терпѣ́ніе.

Терра́са.

Тимофе́й 311.

Типъ (τύπος) 137. 351.

Ти́скать; ти́снуть 376.

Ти́тло. — Титу́лъ.

Тка́ный 254.

Тка́цкій (отъ сущ. *ткачъ*).

Тлѣ́ніе. — Тлѣнъ.

Тма 320. Произношенію болѣе соотвѣтствовало бы *тьма*, какъ и писалось въ ц.-сл. согласно съ формою этого слова и въ нѣкоторыхъ другихъ слав. нарѣчіяхъ: въ польск. ćma, верх.-луж. czma, но за то чеш. tma, серб. тама (ср. *затмить*). Относительно двоякаго значенія, въ которомъ употребляет-

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ѣ.

Э.

Ю.

Я.

ВМѢСТО ПОСЛѢСЛОВІЯ.

Въ атомахъ языковъ надо искать разгадки ихъ дивнаго строя, и изъ архимедовой точки естественной системы звуковъ долженъ совершиться раціональный переворотъ юнаго языкознанія.

?

Поистинѣ я думаю, что языки — лучшее зеркало человѣческаго духа и что внимательный анализъ словъ лучше всякаго другого средства могъ бы ознакомить насъ съ дѣйствіями ума.

Лейбницъ.

Чтó можетъ казаться проще азбуки, а между тѣмъ чтó труднѣе, если захотѣть изслѣдовать ее во всей точности?

Максъ Мюллеръ.

Для избѣжанія ошибокъ всего вѣрнѣе какъ можно глубже докапываться до корня словъ. Я не знаю для себя лучшаго пріема мышленія и полагаю, что начáла всему можно искать въ грамматикѣ.

Якоби.

Правильное письмо существенно способствуетъ къ развитію языка.

Як. Гриммъ.

ОПЕЧАТКИ и ОБМОЛВКИ.

Стран.		Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
5	снизу	3	азіатскихъ	азіятскихъ
9	сверху	7	плошмя	плашмя
10	»	3	семитскихъ	семитическихъ
41	снизу	13	громкій и шопотный	шопотный и громкій
46	сверху	11 и 18	шипящія	свистящія
77	снизу	5	германской	западно-европейской
127	сверху	16	обращики	образчики
136	снизу	5	мы вообще писать	мы писать
143	»	9	И	I
197	сверху	7	обращиковъ	образчиковъ
203	»	9		
226	сверху	15	И — JУ	У — JУ
232	»	7	большенству	большинству
246	»	6	въ послѣдствіи	впослѣдствіи
282	»	2	*покоющій, стоющій*	*покоящій, стоящій*
283	снизу	9	сама по себѣ	по составу своему
311	сверху	17	кьде	къде
319	снизу	6	слѣдуетъ конечная согласная	слѣдуетъ согласная
325	»	9	на перекоръ	наперекоръ
336	»	12	выборгскій, прежде	выборгскій край, прежде

Къ стр. 398. Списокъ книгъ, напечатанныхъ безъ *еровъ*, долженъ быть еще дополненъ слѣдующими:

4) *Граф Бисмарк. Біографическій этюд. Съ англійскаго.* Спб. 1870 (Межова 2-е *Прибавл. къ Каталогу* Базунова, № 672).

5—17. М. Стариченко. 13 малороссійскихъ переводовъ сказокъ Андерсена. Кіевъ (Межова 5 и 6-е *Приб.*, №№ 908, 913, 916, 930, 962, 977, 1013 1020, 1024, 1034, 1039, 1043 и 1044).

18) М. Троцкій. *Як теперъ одбуватиметься военна служба.* Кіев 1874 (тамъ же, № 1259).

